ШАРАФ-НАМА-ЙИ ШАХИ

ХАФИЗ-И ТАНЫШ БУХАРИ

ШАРАФ-НАМА-ЙИ ШАХИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ХАФИЗ-И ТАНЫШ ИБН МИР МУХАММАД БУХАРИ

ШАРАФ-НАМА-ЙИ ШАХИ

(КНИГА ШАХСКОЙ СЛАВЫ)

ФАКСИМИЛЕ РУКОПИСИ D 88
ПЕРЕВОД С ПЕРСИДСКОГО, ВВЕДЕНИЕ,
ПРИМЕЧАНИЯ И УКАЗАТЕЛИ
М. А. САЛАХЕТДИНОВОЙ

ЧАСТЬ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

9 (С) 13
Х 26

Ответственный редактор
Н. Д. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

Исторический труд среднеазиатского автора XVI в. Хафиз-и Таныша Бухари является первоисточником по политической истории Средней Азии второй половины XVI в. Настоящий выпуск данного издания содержит перевод приблизительно четверти сочинения, включающий описание событий политической жизни 50—60-х годов XVI в. Перевод выполнен по пяти спискам сочинения и представляет собой сводный текст памятника. Факсимиле воспроизводит раннюю датированную рукопись из собрания Института востоковедения АН СССР.

Х $\frac{0503000000\text{-}066}{013(02)\text{-}83}$ КБ-7-52-83

Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари

ШАРАФ-НАМА-ЙИ ШАХИ
(Книга шахской славы)

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *В. В. Волгина*. Младший редактор *И. И. Исаева*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *З. С. Теплякова*. Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 14532

Сдано в набор 11.03.82. Подписано к печати 03.03.83. Формат $70\times108^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 47,6. Усл. кр.-отт. 47,6. Уч.-изд. л. 49,05. Тираж 2000 экз. Изд. № 4605. Зак. 1240. Цена 7 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4
Книга шахской славы (перевод) 27
Примечания к переводу 260
Список сокращений 280
Библиография 281
Указатели
Указатель имен 284
Указатель географических названий 292
Указатель этнических названий 295
Указатель терминов и непереведенных слов 296
Текст 299

ВВЕДЕНИЕ

Сочинение Хафиз-и Таныша «Шараф-нама-йи шахи» («Книга шахской славы»), иначе называемое «Абдаллах-наме» («Книга об Абдаллахе»), является первоисточником по истории Средней Азии второй половины XVI в. Оно посвящено Шейбаниду Абдулла-хану II [1] и содержит главным образом описание политических событий, происходивших в Средней Азии того времени.

Первое упоминание о нем в европейской науке относится к началу XIX в.[2], но широкую известность оно получило лишь с выходом в свет работ В. В. Вельяминова-Зернова.

В. В. Вельяминов-Зернов в 1854 г. обнаружил в Оренбурге список «Шараф-нама-йи шахи». Учитывая важное значение этого сочинения как исторического источника, он указал на необходимость публикации его [3] и сам предполагал издать текст памятника и перевод его на русский язык. Однако он не осуществил своего замысла. Им было опубликовано лишь начало текста (около 2 авт. л.) и привлечены для этого два списка (кроме списка, найденного им, список, привезенный П. И. Лерхом и переданный в Азиатский музей).

Данные Хафиз-и Таныша В. В. Вельяминов-Зернов использовал в двух своих больших работах: «Исследовании о Касимовских царях и царевичах» [4] и «Монетах бухарских и хивинских» [5]. В них он привел отрывки из «Шараф-нама-йи шахи» в оригинале и пересказ этих отрывков на русском языке.

Основываясь на данных Хафиз-и Таныша, В. В. Вельяминов-Зернов установил верховных и удельных правителей шейбанидской династии с указанием времени их правления, о чем ранее в ряде случаев в европейской науке высказывались лишь догадки.

По словам И. И. Умнякова, Л. А. Зимин подготовил к публикации критический текст «Шараф-нама-йи шахи», его русский пересказ и предисловие к изданию [6], однако И. И. Умняков не сообщает, был ли это пересказ и критический текст всего сочинения или только его части. Этот критический текст не был опубликован, и судьба его неизвестна.

Согласно же имеющимся документальным данным [7], предпринятое в 1918 г. издание пересказа сочинения было прекращено на 196-й странице (все сочинение составляет около 1000 страниц рукописи большого формата), а в 1923 г. была утеряна треть опубликованного пересказа [8]. К настоящему же времени, кроме небольшого отрывка из предисловия Л. А. Зимина к предполагавшемуся изданию (цитируемого в статье И. И. Умнякова), ничего не сохранилось. Однако некоторые сведения из «Шараф-нама-йи шахи» были использованы Л. А. Зиминым в четырех его статьях: «Кала-и Дабус» [9], «Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью» [10], «Старый Фараб» [11], «Нахшеб, Несеф, Карши.

Их история и древности» [12]. В каждой из этих статей приводится пересказ того или иного отрывка (объемом около полстраницы) из «Шараф-нама-йи шахи».

Изучением «Шараф-нама-йи шахи» занимался также И. И. Умняков. Результаты его изысканий отражены в двух статьях: «„Абдулла-намэ“ Хафизи-Таныша и его исследователи» [13], «Некоторые сведения из „Абдулла-намэ“ Хафизи-Таныша» [14].

В первой статье подробно изложена история изучения «Шараф-нама-йи шахи», затронуты вопросы об источниках, использованных в этом сочинении, о дипломатических связях Бухары с Россией и Индией в период господства Абдулла-хана, говорится о постройках, воздвигнутых в его время. Здесь же дан перечень известных к тому времени списков труда Хафиз-и Таныша.

Во второй статье дан пересказ главы из сочинения Хафиз-и Таныша (в объеме 6 страниц), повествующей о взятии Ташкента в 987/1579 г. войсками Абдулла-хана, несколько слов сказано о чеканке золотой монеты по приказу Абдулла-хана. В этой же статье сопоставляется рассказ Хафиз-и Таныша о комете 1264 г. со сведениями о такой же комете, отмеченной в русских летописях.

В 1942—1951 гг. над «Шараф-нама-йи шахи» работал узбекский ученый-востоковед Садык Мирзаев. Он перевел сочинение на узбекский язык, использовав лишь один список этого сочинения, ныне принадлежащий Институту востоковедения АН Узбекской ССР (№ 149). Перевод С. Мирзаева не был издан при его жизни, публикация начала осуществляться позже группой сотрудников Института востоковедения АН Узбекской ССР. При подготовке к изданию был привлечен ряд других списков сочинения Хафиз-и Таныша, и по ним внесены некоторые дополнения к переводу С. Мирзаева; перевод был снабжен историческими и филологическими комментариями, а также пояснениями географических названий. К настоящему времени изданы два тома перевода, что составляет половину текста «Шараф-нама-йи шахи». Первый том подготовлен к изданию Б. Ахмедовым, второй том — Р. Гафуровой, А. Джуванмардиевым и Б. Ахмедовым под общей редакцией Я. Г. Гулямова [15].

К изучению труда Хафиз-и Таныша я приступила еще в 1956 г. В 1957 г. мною была написана для публикации в «Известиях АН Киргизской ССР» статья «Сведения о киргизах в „Абдулла-намэ“ Хафиз-и Таныша», которая вышла в свет в 1960 г.[16]. В 1957—1959 гг. по заказу Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР мною было выполнено около 10 авт. л. перевода извлечений из «Шараф-нама-йи шахи», касающихся истории казахов. Примерно половина представленного перевода (в объеме около 4,5 авт. л.) опубликована в «Материалах по истории казахских ханств XV—XVIII вв.» [17].

Ряд вопросов, касающихся изучения «Шараф-нама-йи шахи» и его автора, освещены мною в следующих заметках, опубликованных в последние годы: «Об источниках, использованных Хафиз-и Танышем в предисловии к „Шараф-нама-йи шахи“» [18], «Хафиз-и Таныш и поэт Нахли» [19], «К датировке „Шараф-нама-йи шахи“ Хафиз-и Таныша» [20], «„Мусаххир ал-билад“ Мухаммад Яр ибн Араб катагана» [21], «Некоторые данные источников о борьбе Абдулла-хана II за власть в Бухаре» [22].

В 1963 г. появились две работы, посвященные жизни и творчеству Хафиз-и Таныша: одна на узбекском языке — Б. Ахмедова, К. Мунирова «Ҳофиз Таниш Бухорий» [23], другая на таджикском языке — кандидатская диссертация Н. Сайфиева (автореферат на русском языке) [24].

В то время, когда писались эти работы, считалось общепризнанным мнение о том, что Хафиз-и Таныш, имеющий поэтический псевдоним Нахли, и придворный поэт Аштарханида Имам-Кули-хана (1611—1642), известный под псевдонимом Нахли, — одно и то же лицо. Придерживаясь

этого мнения, авторы обеих упомянутых работ, характеризуя жизнь и деятельность Хафиз-и Таныша, уделяют большое внимание и творчеству Нахли, поэта аштарханидского периода, видя в нем часть творчества Хафиз-и Таныша.

Брошюра «Ҳофиз Таниш Бухорий», опубликованная в серии «Жизнь замечательных людей» (объемом 3,28 л.), написана, как отмечалось, двумя авторами — Б. Ахмедовым (выполнившим историческую часть) и К. Мунировым (изложившим литературоведческие вопросы). Она рассчитана на широкий круг читателей и содержит большей частью сведения о Хафиз-и Таныше и его сочинении, известные в специальной литературе. В ней предельно кратко изложено содержание «Шараф-нама-йи шахи». В работе имеется ряд положений, высказываемых впервые. К таковым, например, относятся вопрос о связях, существовавших во второй половине XVI в. между Турцией и Средней Азией, новые данные о Хафиз-и Таныше и его труде, взятые из «Азкар ал-азкийа» Мир Саййида Мухаммада Мир Савинчи, некоторые подробности об отдельных списках «Шараф-нама-йи шахи».

Диссертация Н. Сайфиева является работой литературоведческой: сочинение Хафиз-и Таныша «Шараф-нама-йи шахи» рассматривается в ней лишь с точки зрения его художественных особенностей.

Впоследствии Н. Сайфиеву удалось найти данные, приводимые Мутриби-и Самарканди, которые указывали, что Хафиз-и Таныш и поэт аштарханидского периода — разные лица. В работах, опубликованных Н. Сайфиевым в последующие годы, — «Нахлии Бухорой» [25] и «Ҳофизи Таниш ва „Шарафномаи шоҳӣ“- и ӯ» [26] — жизнь и творчество названных двух лиц, имеющих один и тот же поэтический псевдоним — Нахли, рассматриваются отдельно.

Выше мы кратко остановились на истории изучения «Шараф-нама-йи шахи» Хафиз-и Таныша, отметив тех востоковедов, которые специально занимались исследованием сочинения.

Помимо этого ряд востоковедов пользовались теми или иными данными труда Хафиз-и Таныша в своих работах. К числу их относятся П. И. Лерх, В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин, П. П. Иванов, М. А. Абдураимов.

* * *

О жизни Хафиз-и Таныша мы знаем немного. Автор в «Шараф-нама-йи шахи» сообщает о себе лишь отдельные, отрывочные сведения.

Некоторые данные о нашем авторе содержат следующие сочинения: «Музаккир ал-ахбаб» Хасана Нисари Бухари, «Азкар ал-азкийа» Мир Саййида Мухаммада, известного как Мир Савинчи, «Тазкира-йи шуʿара» и «Тарих-и Джахангири», принадлежащие перу Мутриби-и Самарканди, «Рисала-йи мусики» Дарвиша Али.

Антология поэтов «Музаккир ал-ахбаб» посвящена Шейбаниду Искандар-хану (отцу Абдулла-хана), написана в 1566 г. Она подробно охарактеризована А. Н. Болдыревым [27] и известна по описанию в различных каталогах. О Хафиз-и Таныше говорится в 3-м разделе 3-й главы антологии, посвященном поэтам, еще не достигшим старости, живущим в Бухаре и лично знакомым автору. Здесь Хафиз-и Таныш представлен под своим поэтическим именем и характеризуется следующими словами: «Маулана Нахли обладает приятной внешностью, прекрасными манерами. Стихи его пользуются любовью среди влюбленных. Следующий начальный бейт (матлаʿ) является плодом его яркого таланта». Далее приводится этот бейт [28]. Эти сведения представляют интерес как самое раннее по времени свидетельство автора, лично знавшего Хафиз-и Таныша.

Сочинение «Азкар ал-азкийа», иначе называемое «Тухфат ас-саййид»,

стало известно сравнительно недавно, после того как Б. Ахмедов и К. Муниров упомянули о нем в брошюре «Ҳофиз Таниш Бухорий» [29]. Это сочинение имеется в Институте востоковедения АН Узбекской ССР. Мы познакомились с ним во время командировки в Среднюю Азию в 1972 г. Сочинение представляет собой жизнеописание шейхов, начиная с известного Ахмада Касани.

Дату составления своего труда автор выразил двумя хронограммами — названиями сочинения: «Азкар ал-азкийа» и «Тухфат ас-саййид». Первое название в числовом значении дает цифру 992, второе — 993. Первая хронограмма, по-видимому, обозначает год, когда было начато сочинение, вторая хронограмма указывает год его окончания, что подчеркивает и сам автор.

О годах жизни и нисбе Мир Савинчи нам удалось найти сведения на полях рукописи Института востоковедения АН Узбекской ССР «Самарат ал-машаих» Саййид-и Зинда Али ал-Муфти ибн Ходжа Мир Хусайни ал-Касими [30]. Здесь сообщается, что Мир Савинчи родился в 949/1542-43 г. и скончался в 1014/1605-06 г., похоронен в селении Савинч. О селении говорится, что «оно принадлежит к числу селений Рамитанского тумана благословенной Бухары. В прежнее время [оно] было благоустроенным, как Гиждуван, ныне оно разрушено, не существует (букв. «уничтожено»). Кроме мазаров шейхов и большого холма, никаких следов от [него] не осталось. В селении Савинч 75 мазаров их (т. е. шейхов)» [31].

Правда, данная приписка сделана поздно — возможно, даже позднее даты переписки рукописи (1860). Однако не исключена возможность, что она восходит к тому времени, когда еще хорошо знали Мир Савинчи.

В Институте востоковедения АН Узбекской ССР сочинение «Азкар ал-азкийа» представлено двумя списками — № 7123, 7582. Один из них, № 7123, переписан в 1019/1610-11 г. внуком Мир Савинчи. В конце этого списка перед колофоном написано: «Когда это сочинение (букв. «написанное») попало на глаза лучшего из поэтов и певцов, то есть господина Хафиз-и Таныша, чья ученость известна всем, он высказал пожелание, [чтобы было] написано следующее кыт'а». Далее приводится это кыт'а, содержащее 5 бейтов; в нем выражена хронограммой («тухфат ас-саййид») дата окончания сочинения.

Мы уделили большое внимание Мир Савинчи и его сочинению, поскольку этот автор был современником Хафиз-и Таныша, общался с ним, в своем творчестве пользовался его советами и данные его о Хафиз-и Таныше, которые мы приведем ниже, очень ценны.

Антология поэтов «Тазкират аш-шу'ара» Мутриби-и Самарканди, составленная в 1013/1604-05 г., хорошо известна в научной литературе. Она представлена пока единственным списком, принадлежащим Институту востоковедения АН Узбекской ССР. В этом списке привлекает внимание одна помета (на л. 177б), касающаяся Хафиз-и Таныша, о чем мы расскажем ниже [32].

Другое сочинение Мутриби-и Самарканди — «Тарих-и Джахангири» — также представлено пока лишь единственным списком, хранящимся в Британском музее [33]. Оно написано во время правления Аштарханида Имам-Кули-хана (1020/1611—1052/1642). Сведения, содержащиеся в этом сочинении о Хафиз-и Таныше, интересны для нас во многих отношениях, но прежде всего потому, что они доказывают, что Хафиз-и Таныш и поэт Нахли, служивший при дворе Аштарханида Имам-Кули-хана, — разные лица.

«Рисале-йи мусики» («Трактат по музыке»), носящее также название «Тухфат ас-саййид», Дарвиша Али (XVII в.) хорошо известно в литературе. А. А. Семеновым опубликован пересказ этого сочинения [34]. В настоящее время известны четыре списка сочинения, хранящиеся в Ленинграде [35], Душанбе [36] и Ташкенте (два списка) [37].

Дарвиш Али рассказывает о Хафиз-и Таныше в IX главе (макам) трактата, где речь идет о «поэтах и ученых», которые «имеют в этом благородном искусстве много сочинений», и дает очень высокую оценку нашему автору как музыканту и писателю.

Однако следует сказать, что ни «Шараф-нама-йи шахи», ни перечисленные выше сочинения, вместе взятые, не содержат материала, необходимого для того, чтобы хотя бы в общих чертах составить биографию Хафиз-и Таныша.

Свое имя и имя своего отца Хафиз-и Таныш приводит в «Шараф-нама-йи шахи»: Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. По сведениям, извлеченным Б. А. Ахмедовым из сочинения «Джами' ал-макамат-и Махдум-и А'зам», отец Хафиз-и Таныша, Маулана Мир Мухаммад, во время правления Шейбанида Убайдулла-хана жил в Бухаре и был одним из приближенных хана; в 50-х годах он уехал в Кашгар и там скончался спустя два года после прибытия [38].

Точные даты жизни Хафиз-и Таныша неизвестны. В последнее время в специальной литературе годом рождения Хафиз-и Таныша принято считать 1549 год. Эта дата выведена на основании слов Хафиз-и Таныша о том, что он начал составлять свой труд в 36-летнем возрасте, после того как Абдулла-хан завоевал Мавераннахр и сделал своей столицей Бухару. Эти слова были поняты так, будто Хафиз-и Танышу было 36 лет в 992/1584 г. Последняя дата указана хронограммой в предисловии к «Шараф-нама-йи шахи» и рассматривается многими исследователями как год, когда Хафиз-и Таныш приступил к составлению данного сочинения после официального восшествия на престол Абдулла-хана в 991/1583 г. Итак, путем вычитания от 992 цифры 36 было получено число 956/1549, которое стали считать годом рождения Хафиз-и Таныша.

Однако год 956/1549 принят за дату рождения Хафиз-и Таныша прежде всего без учета следующего факта, о котором сообщает сам автор. Он пишет, что по случаю восшествия на престол Искандар-хана (отца Абдулла-хана), что произошло в 1560 г., он сочинил касыду и преподнес ее хану. Эта касыда включена в «Шараф-нама-йи шахи». Исходя из содержания стихотворения и его художественных особенностей, нетрудно убедиться в том, что оно написано взрослым человеком, а не ребенком 11 лет (а так получается, если принять за дату рождения автора 1549 г.). Данное обстоятельство дает основание передвинуть время рождения Хафиз-и Таныша на более ранние годы [39].

Не установлена также дата смерти Хафиз-и Таныша. Н. Сайфиев утверждает, что Хафиз-и Таныш скончался до 1013/1604-05 г. (когда была написана «Тазкират аш-шу'ара» Мутриби-и Самарканди). Основанием для такого утверждения послужила ему следующая запись на полях рукописи антологии Мутриби-и Самарканди: «Господин Хафиз-и Таныш был из числа ученых мужей. О нем упоминается в „Тазкире" Махдум-и Хасан Ходжа Нисари. Ходят слухи, что братья упомянутого Хафиза после его смерти оклеветали его жену в совершении какого-то проступка и добились того, что по высочайшему приказу ее сбросили с минарета Бухары». Эта помета относится к следующим стихам поэта Муллы Арши, цитируемым в антологии Мутриби:

Братья Хафиза в городе
Совершили скверное, гадкое дело,
Поступком по отношению к жене
[брата, сброшенной] с минарета,
Они опорочили себя [40].

Однако нельзя утверждать с категоричностью, что в стихах Арши подразумевается именно Хафиз-и Таныш, а не другое лицо, также имеющее в составе своего имени слово «хафиз» (букв. «певец»). Так, в «Тарих-и

Ракими» говорится о Хиз-и Хафизе, прославленном в Бухаре певце и музыканте, который был казнен в 981/1573-74 г. по приказу Абдулла-хана за совершение какого-то незначительного проступка [41]. Не исключена возможность, что в стихах Арши имеется в виду именно этот Хафиз, а позже могли подразумевать под этим именем Хафиз-и Таныша. Такое предположение вполне приемлемо, если учесть, что упомянутая помета на полях рукописи «Тазкират аш-шу'ара» — позднего происхождения. Таким образом, время кончины Хафиз-и Таныша, определяемое до 1604-05 г., пока остается под сомнением. В настоящее время бесспорно только то, что, когда Мутриби-и Самарканди составлял «Тарих-и Джахангири», во время правления Аштарханида Имам-Кули-хана, Хафиз-и Таныша не было в живых. Такой вывод вытекает из данных Мутриби, который в «Тарих-и Джахангири» рассказывает о Хафиз-и Таныше как о покойном, а о поэте Нахли-и Бухари — как находящемся на службе у Имам-Кули-хана [42].

Источники отмечают, что Хафиз-и Таныш обладал чудесным голосом, благодаря чему он с ранних лет находился при Абдулла-хане. Об этом сообщают Мутриби-и Самарканди и Дарвиш Али [43].

Очевидно, именно в этот период наш автор получил блестящее для своего времени образование. Сочинение «Шараф-нама-йи шахи» свидетельствует о том, что его автор хорошо знал арабский язык, Коран и хадисы; о хорошей осведомленности автора в исторической и географической литературе говорят источники, использованные в его сочинении. По свидетельству Дарвиша Али, он был знатоком теории музыки.

До какого возраста Хафиз-и Таныш находился при Абдулла-хане и когда он переносил невзгоды, на которые сетует в своем сочинении, сказать с определенной точностью трудно. Исходя из его же слов, можно полагать, что это были 50—70-е годы XVI в., когда шла ожесточенная борьба между представителями шейбанидской династии за овладение верховной властью в Мавераннахре.

Известно, что Хафиз-и Таныш был приглашен ко двору Абдулла-хана в качестве придворного историка [44], но неизвестно, когда это случилось. По-видимому, уже после этого он участвовал в походах хана, чтобы видеть собственными глазами происходящие события. Упоминание автора о своем участии в походе Абдулла-хана на Ташкент в 1579 г. [45] является первым по времени. Вот то немногое, что мы знаем о жизни нашего автора.

* * *

Хафиз-и Таныш, по-видимому, очень рано стал писать стихи, ибо, по свидетельству Мир Савинчи, уже в 18 лет он имел диван собственных стихов [46]. В трактате Дарвиша Али говорится, что у Хафиз-и Таныша был и диван газелей, и диван касыд [47]. Мутриби-и Самарканди сообщает, что Хафиз-и Танышем была написана также «Саки-наме». Сам Хафиз-и Таныш рассказывает о том, что он преподнес Абдулла-хану (в 1579 г.) свое месневи, написанное в размере мутакариб, состоящее примерно из 4000 бейтов [48]. Все названные поэтические произведения не дошли до нас, по крайней мере они не обнаружены до сих пор. Однако вполне возможно, что некоторые части из этих произведений были включены автором в «Шараф-нама-йи шахи».

Еще в юности, в годы приобретения знаний, Хафиз-и Таныш лелеял мечту написать историческое сочинение. Однако к осуществлению этой мечты он смог приступить лишь в 36-летнем возрасте [49]. Тогда он полагал рассказать в своем сочинении о рождении Абдулла-хана, о событиях, в которых участвовал последний, о победах, одержанных ханом с начала его деятельности [50]. Сочинение по такому плану, по-видимому, было составлено автором и получило название «Футухат-и хани ва ваки'ат-и

сахибкирани» («Ханские победы и события, [в которых участвовал] обладатель счастливого сочетания светил»). Такое название зафиксировано в предисловии к труду Хафиз-и Таныша, представленном одним из списков, хранящимся в Республиканском рукописном фонде АН Азербайджанской ССР [51]. Это название в форме «Футухат-и хани» приводит и Дарвиш Али [52]. По-видимому, об этом же сочинении Хафиз-и Таныша пишет его современник Мир Савинчи: «Прибежище учености господин Хафиз-и Таныш, который в сочинении стихов не имеет себе равного, в прозе непревзойден, описал события, [в которых участвовал] его величество, могущественный [Абдулла-хан]. Он составил книгу, подобную невесте в цветнике при дворце мира, подобной книги не видели ничьи глаза, а проницательный ум при всем воображении не может представить себе ничего более прелестного» [53].

Из приведенных слов можно заключить, что к 993/1585 г. (год окончания «Азкар ал-азкийа») Хафиз-и Таныш был уже автором исторического сочинения, посвященного деятельности Абдулла-хана, книги, которую он, по-видимому, и начал писать, когда ему было 36 лет. Хотя Хафиз-и Таныш и не указывает год, но он пишет, что это было после того, как Абдулла-хан завоевал Мавераннахр, сделал своей столицей Бухару и в стране установилось спокойствие.

Выше мы уже говорили о том, что эти слова не могут быть отнесены к 992/1584 г. Не имеется ли в виду здесь 978/1570-71 год? Такое предположение вполне допустимо, если принять во внимание следующие обстоятельства.

К концу 60-х годов XVI в. почти весь Мавераннахр был завоеван Абдулла-ханом. В 977/1569-70 г. он овладел Самаркандом; в следующем, 978/1570 г. он совершил поход на Балх, Андхой и Шибирган и, одержав победу, заставил правителей этих земель признать свою верховную власть [54].

По возвращении из похода на Андхой и Шибирган Абдулла-хан сместил прежнего управляющего диваном мирзу Валиджана джалаира, вместо него назначил казия Нур ад-дина Мухаммада, расширил функции последнего, предоставив ему право решать важные дела в управлении страной, в Бухарском вилайете и в своем дворе [55].

В «Тарих-и Ракими» год 978/1570-71 определяется как год восшествия на престол Абдулла-хана: «По истечении 38 лет [со дня рождения] [56] прославленный шаханшах величественно возложил на голову корону счастья. В благословенный час, будучи уверен в том, что не будет пристыжен, окруженный со всех сторон почетом и уважением, он утвердился на троне. Так дату восшествия на престол привыкшего к счастью хана определили словами „Бурхан кушт“ („убийца Бурхана“), что составляет 978»[57].

Трудно сказать с полной уверенностью, действительно ли Абдулла-хан был в 978/1570-71 г. провозглашен верховным государем в Мавераннахре, или те мероприятия хана по управлению диваном, о которых говорит Хафиз-и Таныш, были восприняты как захват власти Абдулла-ханом.

Не исключено, что в словах, приведенных в «Тарих-и Ракими», заключена истина, а Хафиз-и Таныш мог умолчать об этом, чтобы не выставлять Абдулла-хана в невыгодном свете, как узурпатора, сместившего своего отца, и обозначил время восшествия его на престол 991/1583 г. (после смерти Искандар-хана).

Надо полагать, что Хафиз-и Таныш приступил к составлению «Футухат-и хани» в 978/1570-71 г. или вскоре после этой даты и что оно было написано по собственной инициативе автора.

Вероятно, лишь получив заказ на сочинение о деятельности Абдулла-хана, Хафиз-и Таныш задумал расширить его. По замыслу автора оно должно было состоять из двух томов, предисловия и заключения.

В предисловии автор предполагал дать родословную Абдулла-хана, рассказать о духовных наставниках хана — джуйбарских шейхах, в первом томе описать политические события, в которых участвовал Абдулла-хан до вступления на престол (991/1583 г.), во втором томе изложить события последующих лет и в заключении написать о достоинствах Абдулла-хана, о знатных людях его времени, о сооружениях, воздвигнутых ханом [58].

Естественно, что такой план сочинения мог быть составлен только после 991/1583 г. Поэтому дата 992/1584 г., выраженная в предисловии к «Шараф-нама-йи шахи» хронограммой, должна обозначать время, когда Хафиз-и Таныш начал составлять сочинение по указанному конкретному плану.

В процессе работы над сочинением автор следовал этому плану лишь в отношении предисловия. За предисловием идет описание событий, которые автор доводит до 991/1583 г. (год восшествия на престол Абдулла-хана) и где сообщает, что закончил первый том сочинения. Для второго тома он написал предисловие, сохранившееся лишь в рукописи Института востоковедения АН СССР, В 685 [59].

Изложение событий после 991/1583 г. Хафиз-и Таныш довел до взятия Герата войсками Абдулла-хана. В рассказ об этом событии автор включил свою касыду, в конце которой имеются две хронограммы. Первая из них выражена следующим бейтом [60]:

خرد گفت ناچار تاریخ سال
مبارک باو باد شهر هری

Разум невольно сказал год:

Да будет благословенным для него (Абдулла-хана) город Герат.

Вторая хронограмма в касыде отличается от первой только заменой в первом мисра слова «сал» («год») словом «фатх» («победа»). Следовательно, в обеих хронограммах дата заключена во втором мисра.

Рьё, сложив числовые значения всех букв этого мисра, получил число 999/1590-91 г. Он заявил, что здесь явная ошибка, ибо, согласно Искандару Мунши, Герат был взят Абдулла-ханом в 997/1588-89 г.[61]. С мнением Рьё согласился и И. И. Умняков [62].

Однако перед нами не простая, а сложная хронограмма, в которой второе мисра кроме основного имеет еще следующее значение: к числовому значению слова او должны быть отнесены числовые значения всех остальных слов в этом мисра, а предлог «ба» служит лишь для выражения этого отношения, поэтому при подсчете его значение не должно приниматься во внимание. В таком случае обе хронограммы дают число 997/1588-89 г.

Хафиз-и Таныш вопреки своему плану решил включить все написанное до событий 997/1589 г. в первый том «Шараф-нама-йи шахи» и высказал намерение составить второй том сочинения [63]. По-видимому, автор скончался, не осуществив это намерение: ни второй том, ни заключение не были им написаны. Такое предположение можно сделать не только потому, что до нас не дошло ничего написанного автором после событий 997/1589 г., но и на основании следующих слов Мутриби-и Самарканди: «Хафиз-и Таныш. . . собрал [сведения] обо всех победах Абдулла-хана, его пером было изложено [все вплоть] до завоевания Ташкента. Он описал также некоторые победы, [одержанные ханом] в Хорасане, [как вдруг] от урагана смертного часа пальма его жизни повалилась на землю. Неизвестно, были ли написаны его пером другие победы [хана]» [64].

* * *

Предисловие к «Шараф-нама-йи шахи», составляющее примерно десятую часть сочинения, изложено в основном по трудам других авторов. Перечень этих трудов будет приведен ниже.

Основная часть сочинения является оригинальной. В ней автор повествует о событиях на основании сведений, полученных от очевидцев, участников событий, а также собственных наблюдений. Здесь рассказывается о политических событиях, происходивших главным образом в Средней Азии за 40-летний период деятельности (с 957/1550 по 997/1589 г.) одного из ярких представителей шейбанидской династии — Абдулла-хана II. Основное внимание автор уделил походам хана. В 50—70-х годах XVI в. Абдулла-хан совершил походы с целью завоевания главных городов Мавераннахра (Бухары, Самарканда, Шахрисябза и др.). В последующие годы (80—90-е годы) свои войска он направлял уже и в Бадахшан, сырдарьинские города и Хорасан. Поэтому данные нашего автора имеют важное значение для изучения истории народов, населяющих эти земли.

Рассказывая о походах войск Абдулла-хана, Хафиз-и Таныш обычно указывает их маршруты. Иногда он дает также описание отдельных областей (например, Мавераннахра), городов (Бухары, Самарканда, Шахрисябза и др.), крепостей и других более мелких географических пунктов. Правда, в этой части автор не всегда самостоятелен. Так, описание Мавераннахра заимствовано им у Джувайни, описание Самарканда — у Хафиз-и Абру. Однако и в таких случаях к сообщениям источников наш автор добавляет и свои собственные наблюдения, хотя подчас очень скупые. Например, рассказывая о Бухарском вилайете, он пишет, что «в 993 [г. х.] благоустройство его возрастает с каждым днем» [65], что там возводятся различного рода сооружения; описывая Самарканд, он говорит о цветущем состоянии этого города в 995 г. х.[66].

Такие данные имеют большое значение и для изучения исторической географии, топонимики описываемых автором районов.

Большой интерес представляют также сведения, сообщаемые Хафиз-и Танышем о дипломатических отношениях Бухарского ханства с Россией и Индией. Они отражены в рассказах нашего автора о посольстве, направленном Абдулла-ханом в Россию, которое вернулось в Бухару в 991/1583 г., и в Индию в 993/1585 г., об ответном посольстве из Индии в Бухару.

* * *

Характеризуя стиль исторических сочинений, написанных в Средней Азии в XIII—XV вв., Е. Э. Бертельс писал: «Нужно всегда помнить, что произведения этого типа ставят себе отнюдь не только те задачи, разрешить которые стремятся обычно историки. . . Это — художественное произведение, наряду с информацией и определенным идеологическим воздействием рассчитанное и на эстетическое наслаждение» [67]. Эти слова применимы и к «Шараф-нама-йи шахи», которое является высокохудожественным историческим сочинением. В большей своей части оно изложено образным языком. Сочинение написано прозой, перемежающейся стихами, иногда рифмованной прозой; нередко о каком-нибудь событии, явлении автор рассказывает как бы дважды — сначала в прозе, затем в стихах. Рифмованная проза и изобилие стихотворных вставок делают произведение благозвучным, что отвечало вкусам высокообразованных представителей высшего общества того времени. В этом отношении сочинение нашего автора напоминает «Зафар-наме» Шараф ад-дина Али Йазди, однако сильно отличается от последнего значительно более сложной формой повествования.

Язык Хафиз-и Таныша труден по своему синтаксису из-за сложных

оборотов и по своей лексике, ввиду образности, широкого использования средств художественной изобразительности. Даже когда Хафиз-и Таныш привлекает данные других авторов, он в ряде случаев излагает их в изысканной манере, создавая яркие, красочные образы. Примером тому могут служить рассказы нашего автора об Огуз-хане и об Алан-Гоа, взятые из «Джами' ат-таварих» Рашид ад-дина, где они изложены простым языком.

Хафиз-и Таныш редко пишет просто. Так, он никогда не скажет, что взошло солнце, а напишет: «Владыка звезд поднял вышитое золотом знамя для завоевания небесной твердыни» [68] или «Шах полчища звезд вывел быстроходного коня на арену голубого неба и обратил в бегство войско темноты» [69]; о наступлении весны он пишет: «Войско зелени и пахучих трав завоевало просторы садов» [70]; сообщая о чьей-либо кончине, он очень редко употребляет слово «умер», а прибегает к такого рода выражениям, как «отдал душу ангелу смерти», «переселился из этого мира в мир вечный» и т. д.

Хафиз-и Таныш широко применяет средства художественной изобразительности: эпитеты, метафоры, сравнения, гиперболы, аллегории. Он пользуется этими средствами для создания красочных образов и для выражения своего отношения к описываемым событиям и лицам, отражая взгляды Абдулла-хана. Так, положительные эпитеты (справедливый, правосудный, могущественный, славный, милосердный, храбрый и др.) применяются автором для характеристики Абдулла-хана, известных его предков (Абу-л-Хайр-хана, Шейбани-хана) и других представителей шейбанидской династии — сторонников Абдулла-хана, а также всего того, что относится к этому хану, например: счастливое стремя, победоносное знамя [71]. Врагов же Абдулла-хана автор наделяет такими нелестными эпитетами, как жестокий, грубый, тиран, проклятая толпа и т. п. Сефевидского шаха Исма'ила, который был врагом Шейбани-хана, автор называет сторонником дьявола, «путеводителем всех презренных людей» [72], а его сына Тахмаспа — «зачинщиком мятежа смутьянов» [73]. Сообщая о смерти того или иного лица, наш автор также выражает свое отношение к данному лицу. Так, о смерти Рустам-хана, дяди Абдулла-хана, он пишет: «Из бренного мира он направился в прекрасный вечный райский сад» [74]; о смерти Джанибек-султана он говорит: «Сокол его духа, исполненного милости божьей, вылетел из клетки его тела» [75], а о смерти шаха Исмаила он высказывается так: «Он покинул этот мир и поспешил в мир возмездия» (т. е. в ад) [76].

Положительные эпитеты, метафоры, гиперболы (высокодостойный, солнце на небе тариката, центр круга святости и др.) используются автором при упоминании известных шейхов, ходжей, улемов, таких, как Ходжа Ахрар, шейхи Джуйбари, Фазлаллах ибн Рузбехан и др.

В определенных случаях при характеристике как войска Абдулла-хана, так и войска противников им часто привлекаются одни и те же средства изобразительности (например, многочисленность войска передается тем, что оно сравнивается с каплями дождя, листьями на деревьях, морскими волнами). Однако, когда речь идет об отступлении войск, автор дает различную оценку действиям, в зависимости от того, отступают ли войска Абдулла-хана или его врагов. Так, об отступлении войск Абдулла-хана автор пишет: «Столпы государства, вельможи его величества из-за коварства немилостивой судьбы свернули ковер сражения. . . и благополучно подняли знамя отступления» [77], тогда как отступающие воины противника сравниваются со стадом диких коз, убегающих от льва, со стаей мелких птиц, разлетающихся в страхе перед соколом.

Количество употребляемых художественных средств в сочинении Хафиз-и Таныша зависит от объекта описания. Их очень много, когда рассказывается о царских пирах, торжествах, при описании боевых

сцен, при упоминании особо выдающихся лиц и совсем мало или их нет вовсе, когда речь идет о событиях или лицах, не пользующихся широкой известностью. Например, рассказы нашего автора о том, как правитель Карши обменял город на Сагарджский туман [78], о том, как Абдулла-хан послал Зийа ад-дина таваджи к осажденным жителям Касби [79], а также речь второстепенных лиц на совете Абдулла-хана и др. отличаются весьма простой формой изложения.

Говоря о стиле современных ему писателей, Хафиз-и Таныш сообщает, что большинство из них пишут выспренним слогом, не заботясь о содержании, а некоторые из них в одном и том же произведении пользуются разными стилями в зависимости от содержания излагаемого. Одобрительно относясь к последней манере изложения, Хафиз-и Таныш и сам пользуется этим способом.

В настоящее время известны 19 списков «Шараф-нама-йи шахи», 16 из них хранятся в Советском Союзе, 3 списка находятся в зарубежных хранилищах рукописей. Из них 11 списков относятся к спискам полной редакции сочинения, 8 списков — к сокращенной редакции.

Все списки сочинения Хафиз-и Таныша, кроме одного, известны в специальной литературе, описаны в той или иной мере, поэтому ниже мы даем им самые общие характеристики, отмечая в отдельных случаях те моменты, которые не были указаны при их описании.

Списки полной редакции:

1) Рукопись Института востоковедения АН СССР, D 88. Содержит полный текст сочинения, за исключением одной главы (повествующей о рождении Абд ал-Му'мин-хана, сына Абдулла-хана). Художественно оформленный список, переписанный каллиграфическим почерком насталик на среднеазиатской лощеной бумаге. Хотя дата переписки в нем не указана, однако на л. 1а имеется дарственная надпись: «Эта книга преподнесена Мухаммад-Йар аталыку в дар» — и дата 1065/1654-55 г. Следовательно, рукопись переписана ранее этой даты [80]. 495 лл. Этот список мы обозначаем буквой А.

2) Рукопись Института востоковедения АН СССР, B 685. Содержит предисловие ко второму тому, отсутствующее в других известных списках сочинения, и описание событий 991—997/1583—1589 гг. К. Г. Залеман предполагал, что данный список является автографом автора. Судя по скорописному почерку и четкому выделению в ряде случаев стихов самого автора, вставленных в текст, можно предположить, что это автограф автора. Однако, поскольку список дефектный (в нем недостает последних листов и колофона), а также потому, что мы не имеем какого-либо образца почерка Хафиз-и Таныша, нет полной уверенности в том, что данная рукопись написана рукой самого автора [81]. 100 лл. Этот список мы обозначаем буквой Л.

3) Список, хранящийся в Государственном Эрмитаже. Это та самая рукопись, которая была обнаружена В. В. Вельяминовым-Зерновым в 1854 г. в Оренбурге и описана им [82]. Она включает в себя весь текст сочинения. Список переписан в 1239/1823-24 г. На полях много пометок, объясняющих арабские выражения (цитаты из Корана, хадисы и др.), а также отдельные термины, имена собственные, редкие географические названия. 450 лл. Данный список мы обозначаем сиглом Ла.

4) Список Института востоковедения АН Узбекской ССР, № 149 (2207). Содержит полный текст сочинения. Предполагается, что список переписан в XVI в. 357 лл.[83]. Данный список мы обозначаем буквой Т.

5) Список Института востоковедения АН Узбекской ССР, № 5631 (9231). Не однороден по своему составу, в нем имеются две части: старая часть (лл. 1б—32б, 149б—335б), переписанная, по-видимому, в 1123/1711 г. (дата указана в колофоне), и новая (остальная), являющаяся восполнением лакун в старой части списка, переписанная в начале 40-х го-

дов XX в. со списка № 149 (2207). Старая часть переписана разными лицами: лл. 1б—32б, 149—229б — одним лицом, лл. 230а—335б — другими лицами, одно из них указано в колофоне — Хафиз Нийаз Мухаммад. Переписчиками новой части списка, как это установлено составителями VIII тома СВР, являются И. Адилов (лл. 33а—64б) и А. Мурадов (л. 65а—148б). Фихрист к списку составлен А. Расуловым в январе 1952 г. 335 лл.[84].

6) Список Института востоковедения АН Узбекской ССР, № 536. Содержит введение и описание событий с 940/1533-34 по 987/1579 г. Стерта часть колофона, в которой, возможно, были обозначены имя переписчика, место и время переписки. Судя по бумаге и почерку, список переписан в Средней Азии в XIX в. 259 лл.[85].

7) Список Института востоковедения АН Таджикской ССР, № 62. Содержит полный текст сочинения. Переписан двумя лицами, Мухаммадом Гани и Ходжой Бахрамом, по-видимому, в Бухаре. На полях пометы, поясняющие в большинстве своем арабские слова, а также некоторые географические названия, термины. 439 лл. (лл. 105б—544б). Данный список мы обозначаем буквой Д [86].

8) Список Республиканского рукописного фонда АН Азербайджанской ССР, № 44. Содержит весь текст сочинения. Список переписан четким насталиком черной тушью, заглавия и цитаты из Корана — красной тушью. Место и время переписки не указаны. На полях имеются пометы, сделанные Л. А. Зиминым. 389 лл. [87]. Данный список мы обозначаем буквой Б.

9) Список Республиканского рукописного фонда АН Азербайджанской ССР, № 45. Содержит введение и описание событий до 989/1581 г., не имеет конца. Рукопись переписана почерком насталик на восточной бумаге черной тушью, заглавия — красной тушью. Часто заглавия отсутствуют, для них оставлены свободные места. 337 лл.[88].

10) Список библиотеки Индиа офис. Содержит весь текст сочинения. Переписан не позднее 1119/1707-08 г. Лакуна в изложении событий 991/1583 г. 499 лл.[89].

11) Список Пенджабского университета в Лахоре. О нем мы знаем очень мало, известно только, что это старый список, но с большим числом лакун [90].

Списки сокращенной редакции «Шараф-нама-йи шахи» следующие:

1) Список Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПНС-205). Содержит краткое предисловие и описание событий с 940/1533-34 по 997/1588-89 г. Переписан в Душанбе-Кургане в месяце раджаб 1241/февраль 1826 г. 352 лл.[91].

2) Список Института востоковедения АН Узбекской ССР, № 150. Состоит из краткого предисловия (до л. 5а), где изложена генеалогия Абдулла-хана, начиная с Алан-Гоа (считающейся прародительницей Чингиз-хана), и основной части, которая начинается с небольшого по объему рассказа о Мавераннахре (л. 5а), далее идет изложение событий с 940/1533-34 по 991/1583 г. В рукописи указаны причины составления данного сокращенного варианта сочинения и его составитель — Фархад (о чем подробнее ниже.) Рукопись переписана с дефектного экземпляра, в котором отсутствовал конец сочинения; дата переписки не указана. 138 лл.[92].

3) Список Института востоковедения АН Узбекской ССР, № 151. Предисловие отсутствует, содержит описание событий с 940/1533-34 по 991/1583 г. На л. 2а имеется запись, где сказано, что это первая часть (макала) «Абдулла-наме», называемого «Тухфа-йи шахи» («Подарок шаху»). Рукопись переписана в Бухаре, судя по бумаге и почерку, в XIX в. 151 лл.[93].

4) Список Института востоковедения АН Узбекской ССР, № 3781 (лл. 33б—196б). Аналогичен списку № 150. Место и дата переписки не

указаны, судя по палеографическим данным, можно сказать, что он переписан в Средней Азии в XIX в.[94].

В свою очередь, списки № 151 и 3781 отличаются от списка № 150 только тем, что в последнем имеется предисловие, отсутствующее в двух первых.

5) Список Института востоковедения АН Таджикской ССР, № 63. Содержит предисловие и описание событий с 940/1533-34 по 991/1583 г. На л. 60а обозначен составитель этого сокращенного варианта — Мирза Надир-бий ибн Шахим-бий. Рукопись переписана 26 мухаррама 1273/5 октября 1856 г. 145 лл. (лл. 60б—205а)[95].

6) Список Института востоковедения АН Таджикской ССР, № 64. Содержит введение и изложение событий с 940/1533-34 по 980/1572 г. Судя по бумаге и почерку, список переписан в XIX в. Список дефектный, не имеет ни начала, ни конца. 192 лл.[96].

7) Список библиотеки Казанского университета. Содержит введение и описание событий с 940/1533-34 по 991/1583 г. Судя по бумаге и почерку, рукопись переписана в Средней Азии в XIX в. 155 лл.[97].

8) Список Британского музея. Включает в себя введение и описание событий с 940/1533-34 по 997/1589 г. Скопирован в 1239/1823-24 г. Али ат-Таликани со списка, переписанного Мухаммад-баем катаганом. 259 лл.[98]. Данный список отнесен нами к числу списков сокращенной редакции условно, лишь исходя из количества листов, имеющихся в нем.

Из перечисленных 11 списков полной редакции «Шараф-нама-йи шахи» мы познакомились с первыми девятью, а два списка (№ 10, 11) остались для нас недоступными.

Предварительное знакомство с текстом списков полной редакции сочинения показало близкое сходство между ними, что позволяет говорить о том, что авторский текст не подвергался каким-либо существенным изменениям. То сочинение Хафиз-и Таныша, о котором упоминает в «Азкар ал-азкийа» Мир Савинчи, по-видимому, не сохранилось; еще до того, как переписать его набело, наш автор, вероятно, включил его в состав «Шараф-нама-йи шахи», представленного ныне полными редакциями сочинения. Такое предположение вполне допустимо, если учесть слова Хафиз-и Таныша о том, что, получив заказ на сочинение, он принялся переписывать свои черновые записи, составленные ранее в большом количестве[99].

Сокращенные редакции «Шараф-нама-йи шахи» составлены не самим автором, а другими лицами.

Известны два лица, каждый из которых в отдельности составил сокращенный вариант «Шараф-нама-йи шахи». Один из них, по имени Фархад, сообщает, что он принялся за составление сокращенной версии сочинения в правление Аштарханида Субхан-Кули-хана по просьбе Абд ар-Рахмана диван-беги. Данное лицо характеризуется Фархадом как высокосановный эмир, имеющий пристрастие к чтению исторических сочинений о великих государях. Когда этот диван-беги познакомился с сочинением об Абдулла-хане и увидел, что оно изложено цветистой прозой, высокохудожественными стихами и понять его трудно, он предложил Фархаду сократить сочинение так, чтобы «красавица смысла легко выступала из-за завес образных выражений» [100].

Вполне возможно, что в лице составителя данного варианта мы имеем ахунда Фархада, одного из улемов Балха, упомянутого в «Дастур ал-мулук» Ходжи Самандара Термези в связи с описанием событий 1100/1688 г.[101].

Что же касается диван-беги, то, по-видимому, его можно отождествить с Абд ар-Рахманом диван-беги, одним из высокопоставленных эмиров правителя Балха Надир-Мухаммад-хана, упомянутым в «Тарих-и Мукимхани» Мухаммада Йусуфа Мунши [102].

Если предположение относительно этих двух вышеуказанных лиц ока-

жется правильным, то можно допустить, что сокращенный вариант «Шараф-нама-йи шахи» был составлен Фархадом во время правления Субхан-Кули-хана в Балхе (1061—1091/1650-51—1680).

Поскольку самый ранний список сокращенной версии сочинения, составленной Фархадом (№ 150), не имеет конца, а два других списка этой же редакции содержат лишь изложение событий до 991/1583 г., то трудно сказать, ограничился ли Фархад этим периодом или довел описание событий до 997/1589 г.

О другом составителе сокращенной версии сочинения Хафиз-и Таныша — Мирзе Надир-бии ибн Шахим-бии — мы ничего не знаем, неизвестно, когда и где он составил свою редакцию.

Сокращенные редакции «Шараф-нама-йи шахи» составлены путем исключения из сочинения отдельных глав, рассказов или путем сокращенного изложения других за счет изъятия из текста подробностей, образных выражений. Так, во всех перечисленных списках сокращенной редакции сочинения (за исключением списка Британского музея, с которым нам не удалось познакомиться) совершенно незначительно по объему введение, отсутствуют рассказы об Огуз-хане, о тюркских и монгольских племенах, в основной части сочинения, например, описание Мавераннахра занимает лишь одну страницу, отсутствуют ссылки на источники, число стихотворных вставок доведено до минимума.

* * *

Настоящая публикация «Шараф-нама-йи шахи» содержит факсимиле Ленинградской рукописи, D 88 (самой старой из всех известных датированных списков сочинения, переписанной с наименьшим числом ошибок, четким каллиграфическим почерком), и перевод на русский язык.

Ввиду большого объема сочинения издание его предполагается осуществить в четырех томах. Первый том включает введение к сочинению и описание событий с 940/1533-34 по 974/1566-67 г., второй том охватит изложение событий с 974/1567 до 987/1579 г., в третий том войдет описание событий с 987/1579 до 991/1583 г., четвертый том будет содержать изложение событий с 991/1583 г. до конца сочинения.

Для корректировки текста списка А — исправления ошибок, восполнения случайных пропусков в нем, а также для выявления возможных вариантов чтения отдельных мест в этом списке нами привлекаются списки Б, Д, Ла, Т для первых трех томов издания памятника, для четвертого тома, кроме того, будет использован и список Л.

Сличение текста всех списков, привлекаемых для издания I тома «Шараф-нама-йи шахи», показало, что наиболее близки между собой списки А и Б. Они сходны не только по тексту, но и по оформлению: в ряде случаев в том и другом списке пропущены одни и те же слова или выражения, которые затем восстановлены на полях; там, где имеются унваны в списке А, оставлены места для унванов в списке Б. Сказанное заставляет полагать, что упомянутые два списка переписаны один с другого или оба с одного и того же списка.

В привлеченных для сравнения списках редко можно встретить отрывки, предложения, которые по своему содержанию дополняют то, о чем говорится в списке А. Обычно они содержат отдельные слова, выражения, отличные от соответствующих слов и выражений в списке А часто лишь по форме, но близкие по значению; имеются, или отсутствуют, или имеют иную форму фразы, выражающие благопожелание после имен почетных лиц.

Например, в списке Т имеем از جمال تو ‘благодаря твоей красоте’ вместо از جبین تو ‘благодаря твоему лицу’ в списке А (л. 2б) и в других списках; во всех списках, кроме списков А (л. 44а) и Т, после имени Ис-

кандар-хана стоит фраза, выражающая пожелание, чтобы продлилось его царство, после имени пророка Мухаммада в разных списках находим иногда разные формы благопожелания.

Однако такого рода примеры не составляют основной массы разночтений в списках, так как бóльшая часть их представляет результат использования разного рода синонимов и синонимических выражений.

В качестве примера можно привести следующие соответствия.

Простые слова:

Л. 3а — فرقه, Д, Ла — زمره 'отряд'
Л. 29а — والده, Д, Ла, Т — مادر 'мать'
Л. 34а — مرتبه, Д, Ла, Т — رتبه 'положение, сан'
Л. 43а — تمام, Д, Ла, Т — همه 'весь, все'.

Сложные слова:

Л. 3б — نیک خواهی, Ла, Т — خیر خواهی 'доброжелательство',
Л. 13б — بخت فیروز, Д, Ла, Т — بخت همایون 'счастливый'.

Выражения:

Л. 27б — در آن وقت, др. рук. — در آن ولا 'в то время',
Л. 38б — پس از آن, др. рук. — بعد از آن 'после того как',
Л. 11б — برین وجه, др. рук. — بدین وجه 'таким способом'.

Встречаются в разных списках также словосочетания и предложения, одинаковые по своему лексическому составу, но отличающиеся порядком слов в них.

Л. 9б — رونده و آینده, Д, Ла, Т — آینده و رونده 'посещающий' (букв. 'уходящий и приходящий').
Л. 91а — مسلح و مکمل, Д, Ла, Т — مکمل و مسلح 'вооруженный и оснащенный'.
Л. 40б — هزار کس جنگ دیده بر گزیده, Д, Ла, Т — هزار کس بر گزیده جنگ دیده 'тысяча человек, испытанных в боях и отборных'.
Л. 40б — بر سر خان تاخت برد, Ла — تاخت بر سر خان برد 'Совершил нападение на хана'.
Л. 99б — مرا تحدیث کرد, др. рук. — تحدیث کرد مرا 'мне рассказал'.
Л. 106б — بحر و بر, Ла — بر و بحر 'море и суша'.

В редких случаях одни и те же слова в разных списках отличаются грамматически, например наличием или отсутствием послелога «ра», артикля, разной формой выражения множественного числа.

Л. 86б — آسمانرا, Ла — آسمان 'небо'.
Л. 14б — سر پر سوداء او, Д, Ла, Т — سرپر سوداء اورا 'его безумную голову'.
Л. 11а — نامی نامی, Д, Ла, Т — نام نامی 'славное имя'.
Л. 99б — در هر قرن, Д, Ла, Т — در هر قرنی 'во все века'.
Л. 5б — لمعان, Д, Ла — لمعات 'сияния'.

Перевод сопровождается примечаниями, поясняющими отдельные слова (термины, редкие географические названия, имена собственные), а также трудные для понимания выражения.

Настоящий (первый) том публикации «Шараф-нама-йи шахи» содержит, как было сказано, авторское введение и описание событий с 940/1533-34 по 974/1566-67 г.

Во введении к «Шараф-нама-йи шахи» Хафиз-и Таныша большое место уделено генеалогии Абдулла-хана. Эта часть сочинения написана на основании данных других авторов. Хафиз-и Таныш начинает повествование с рассказа о Нухе (Ное), его сыне Яфете (считающемся, согласно легенде, родоначальником тюрков) и дальше говорит о потомках последнего,

вплоть до Кара-хана. Он приводит два варианта данного рассказа: один — по «Джами' ат-таварих» Рашид ад-дина, другой — по «Раузат ас-сафа» Мирхонда, ссылаясь при этом на оба эти сочинения. Далее идут рассказы об Огуз-хане. Хотя по содержанию они и совпадают с рассказами, имеющимися в «Джами' ат-таварих», однако сильно отличаются от них по форме изложения. Рассказы Хафиз-и Таныша изобилуют мелкими подробностями, отсутствующими у Рашид ад-дина, написаны художественной прозой, пересыпанной стихами, т. е. стилем, характерным для всего сочинения нашего автора.

Рассказ об Алан-Гоа, считающейся прародительницей Чингиз-хана, передан нашим автором также более образно, чем у Рашид ад-дина.

Сведения, заимствованные Хафиз-и Танышем из «Джами' ат-таварих» Рашид ад-дина о тюркских и монгольских племенах, излагаются в форме, очень близкой к источнику заимствования.

О Чингиз-хане и его сыновьях Хафиз-и Таныш повествует, сохраняя не только содержание изложенного в «Джами' ат-таварих», но в основном и стиль. Исключение составляет лишь рассказ о завоевании сыновьями Чингиз-хана — Джучи-ханом, Чагатай-ханом и Угедей-ханом — Хорезма. Здесь наш автор, как и Рашид ад-дин, объясняет причину задержки с захватом города сыновьями Чингиз-хана тем, что произошла ссора между Джучи-ханом и Чагатай-ханом, но добавляет, что, когда мир между ними был достигнут, они медлили с захватом города, якобы ожидая согласия Наджм ад-дина Кубра покинуть город вместе со своими близкими и приверженцами, о чем не сообщается в труде Рашид ад-дина.

Много места во введении к «Шараф-нама-йи шахи» отведено могольским ханам, с которыми в ближайшее родство вступил Джанибек-хан, дед Абдулла-хана, женившись на дочери Махмуд-хана. Повествуя о ханах, правивших в Моголистане, начиная с Туглук Тимура, Хафиз-и Таныш коротко останавливается на важнейших событиях политической жизни в этой стране.

Источниками для данной части труда Хафиз-и Таныша послужили следующие сочинения: «Зафар-наме» Шараф ад-дина Али Йазди, «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара, «Шайбани-наме» Бинаи, «Рашахат айн ал-хайат» Али ибн Хусайна ал-Ва'иза ал-Кашифи, на которые ссылается автор.

«Зафар-наме» Шараф ад-дина Али Йазди наш автор использовал при изложении ранней истории Моголистана (в рассказах о Туглук Тимуре и Ильяс-ходжа-хане).

Основным среди перечисленных источников был труд Мирзы Хайдара. Некоторые отрывки из этого сочинения Хафиз-и Таныш приводит почти без изменения (например, рассказ о Хизр-Ходжа-хане, о борьбе братьев Ильяс-унг и Ибрахим-унг с Амасанджи Тайши, о прибытии Убайдулла-ходжи в Маргелан). Однако чаще наш автор передает содержание изложенного в «Тарих-и Рашиди» своими словами.

Немало и таких мест в сочинении Хафиз-и Таныша, которые по содержанию (иногда и по стилю изложения) совпадают с соответствующими отрывками из «Тарих-и Рашиди», но отличаются в деталях. Так, Хафиз-и Таныш, описывая встречу Эсан Тайши с оказавшимся у него в плену Вайс-ханом, пишет, что хан не ответил на приветствие калмыкского правителя потому, что религиозное достоинство не позволило ему считать его человеком, а согласно Мирзе Хайдару, хан не сделал этого, потеряв надежду остаться в живых.

Часть введения к «Шараф-нама-йи шахи», посвященная джуйбарским шейхам, имеет самостоятельное значение, поскольку здесь автор пишет о своих современниках, хорошо известных ему, привлекая данные других авторов главным образом для подтверждения положений, высказанных им самим.

Настоящая публикация «Шараф-нама-йи шахи» посвящена в основном политическим событиям, происходившим в Средней Азии за период с 957/1550 по 974/1566-67 г. Главное внимание здесь уделено борьбе Абдулла-хана за власть в Бухаре.

В середине XVI в. государство Шейбанидов состояло из отдельных, фактически независимых княжеств, управляемых потомками Абу-л-Хайр-хана. В столице ханства Самарканде правил Абд ал-Латиф-хан ибн Кучкунджи-хан ибн Абу-л-Хайр-хан, во втором по значению городе — Бухаре — власть принадлежала Абд ал-Азиз-хану ибн Убайдулла-хану, Ташкентом и Туркестаном управлял Науруз-Ахмад-хан (или Борак-хан) ибн Суюнч-Ходжа-хан ибн Абу-л-Хайр-хан, сыновья Джанибека — внука Абу-л-Хайр-хана имели уделы: Пир-Мухаммад-хан — в Балхе, Искандар-хан — в Афаринкенте (в Миankале).

В 957/1550 г., после смерти Абд ал-Азиз-хана, между шейбанидскими султанами началась борьба за овладение Бухарой. Сначала правителем города был назначен Мухаммад-Йар-султан ибн Суюнч-Мухаммад-султан ибн Шейбани-хан.

В 958/1551 г. из Балха в Бухару прибыл Пир-Мухаммад-хан под благовидным предлогом — выразить соболезнование по случаю смерти Абд ал-Азиз-хана — и овладел Бухарой. Мухаммад-Йар-султан бежал в Самарканд и обратился за помощью к правителю города. Абд ал-Латиф-хан выступил вместе с Борак-ханом во главе многочисленного войска. На стороне их участвовал также Бурхан-султан, считающийся сыном Мухаммад-Рахим-султана ибн Убайдулла-хана.

При этих событиях на политическую сцену выступает 17-летний Абдулла-хан ибн Искандар-хан. Он решается защитить крепость Кермине, откуда бежал его отец в страхе перед врагами. Имея при себе лишь незначительное число воинов, окруженный неприятелем, в течение 12 дней он принимал непосредственное участие в защите крепости и в битве за нее, после чего заключил мир с врагами.

Пир-Мухаммад-хан, оставив Бухару, уехал к себе. Мухаммад-Йар-султан вновь стал правителем города. Но тут же овладел Бухарой Бурхан-султан. Он стал управлять городом вместе с Мухаммад-Йар-султаном.

То обстоятельство, что юный Абдулла-хан с малочисленным войском отважился противостоять столь сильному противнику, возвысило его в глазах людей, прославило его. Вокруг него стали собираться известные эмиры со своими людьми, прибывшие из разных концов страны. Вместе с ними Абдулла-хан переправился через Амударью с намерением завоевать Герат. Однако Пир-Мухаммад-хан воспрепятствовал этому походу. Он не удовлетворил и другую просьбу Абдулла-хана — разрешить ему отнять Карши у Худайберди-султана ибн Абу Са'ид-хана. Тогда Абдулла-хан решил впредь не считаться с мнением Пир-Мухаммад-хана.

Вскоре Абдулла-хану представился удобный случай для взятия Касби, подвластного Карши, и оттуда он повел наступление на Карши. Худайберди-султан, обессиленный натиском Абдулла-хана, поменял Каршинский вилайет на Сагарджский, где правил двоюродный брат Абдулла-хана — Клыч-Кара-султан ибн Кистин-Кара-султан. Произведя такой обмен, Худайберди-султан надеялся, что Абдулла-хан оставит в покое Карши, не пойдет против своего близкого родственника. Однако это не остановило Абдулла-хана, в конце 959/1552 г. он взял Карши.

В том же, 959/1552 г. умер Абд ал-Латиф-хан, управление Самаркандом перешло к Са'ид-султану ибн Абу Са'ид-хану. Борак-хан снарядил войско и двинулся с целью захватить Самарканд, но, не добившись успеха, напал на Шахрисябз, где правил брат Абдулла-хана, Ибадулла-султан, зять Пир-Мухаммад-хана. Абдулла-хан вместе с подоспевшим на помощь Пир-Мухаммад-ханом изгнал Борак-хана.

В 961/1553-54 г. Борак-хан вновь напал на Самарканд, захватил его

и объявил себя правителем. Саʿид-султану он обещал передать Бухару, отняв ее у Бурхан-султана, который незадолго до этого убил Мухаммад-Йар-султана и стал единолично управлять городом.

Вскоре Борак-хан завоевал Миankаль, города Карши, Шахрисябз и назначил там своих правителей. Абдулла-хан вынужден был покинуть Карши и отправиться в Балх к Пир-Мухаммад-хану.

В месяце раджаб 962/май—июнь 1555 г. Борак-хан, желая исполнить свое обещание и передать Саʿид-султану Бухару, осадил этот город. Бурхан-султан, защищая город в течение трех месяцев, вынужден был призвать на помощь Абдулла-хана. В случае победы он обещал уступить Бухару Абдулла-хану.

Абдулла-хан выступил на помощь Бурхан-султану лишь с 300 воинами против 30-тысячного войска противника. Сражение произошло возле крепости Фараб. В «Тарих-и Ракими» указывается, что жители Фараба снарядили в помощь Абдулла-хану 300 пехотинцев [103]. Хафиз-и Таныш не упоминает об этом — видимо, для того, чтобы лишний раз подчеркнуть храбрость Абдулла-хана, предпринявшего сражение с якобы в сто раз превосходящими силами неприятеля. В «Шараф-нама-йи шахи» подробно описана битва при Фарабе. Абдулла-хан одержал победу, а Борак-хан, потерпев поражение, вернулся в Самарканд. Бурхан-султан согласно своему обещанию передал ключи Бухары Абдулла-хану, а сам ушел в Каракуль. Однако спустя немного времени он вернулся в Бухару и отвоевал ее. Абдулла-хан снова должен был покинуть Мавераннахр и удалиться в Балх.

Очень скоро Абдулла-хан вновь возвращается в Мавераннахр в связи со следующими событиями. Группа эмиров Бурхан-султана отложилась от него и заняла Каракуль, подвластный Бухаре. Они пригласили Абдулла-хана и передали ему эту крепость. Бурхан-султан выпросил помощь у Борак-хана, который повел двухтысячное войско, состоящее из отборных воинов Самарканда, Ура-Тюбе, Ходжента, Сайрама, Ташкента, Ахсикета, Андижана. Абдулла-хан поневоле оставил Каракуль и в третий раз ушел в Балхскую область. В месяце зу-л-каʿда 963/сентябрь 1556 г. умер Борак-хан. Пир-Мухаммад-хан, как самый старший в роде Абу-л-Хайр-хана, с согласия всех султанов Мавераннахра был возведен на ханский престол. Воспользовавшись этими событиями, Абдулла-хан двинулся на Миankаль, взял Кермине, где правил сын Борак-хана — Дуст-Мухаммад-хан. Последний даже не пытался оказать сопротивление Абдулла-хану и бежал в Самарканд к своему брату Баба-султану, объявившему себя правителем города вместо отца. Сначала Баба-султан назначил своим соправителем Гадай-хана ибн Абд ал-Латиф-хана, однако, убедившись в его враждебных намерениях, он сверг его и стал один управлять городом. Гадай-хан заключил союз с Джаванмард-Али-ханом ибн Абу Саʿид-ханом. Они призвали Абдулла-хана к борьбе с Баба-султаном. Абдулла-хан не замедлил с выступлением. В месяце джумада II 964/апрель 1557 г. он окружил Самарканд и завоевал его. Он назначил Гадай-хана и Джаванмард-Али-хана правителями города. Бурхан-султан, желая оказать помощь Баба-султану, окружил Кермине, но, узнав о поражении Баба-султана, вернулся в Бухару. Это обстоятельство дало повод Абдулла-хану стянуть войска к Бухаре. Борьба за Бухару на этот раз была упорной и длительной. Защитники города проявили в боях исключительную храбрость и стойкость, Абдулла-хану не принесли успеха ни удачно примененные им тактические приемы, ни смелость его воинов. Наконец, Бурхан-султан обратился к Ходже Исламу Джуйбари с просьбой склонить Абдулла-хана к миру. Ходжа Ислам прибыл в стан Абдулла-хана и, по словам Хафиз-и Таныша, уговорил хана заключить мир с Бурхан-султаном. В ту же ночь Бурхан-султан был убит Мирзой Ака, влиятельнейшим эмиром племени кушчи.

Хафиз-и Таныш, написавший свое сочинение по заказу Абдулла-хана, естественно, ничего не говорит о причастности Абдулла-хана и Ходжи Ислама к убийству Бурхан-султана. Зато в «Тарих-и Ракими» и «Мусаххир ал-билад» Мухаммад-Йара катагана прямо указывается на то, что Бурхан-султан был убит Абдулла-ханом. О враждебном отношении Ходжи Ислама к Бурхан-султану сообщается в «Матлаб ат-талибин». Здесь же говорится о том, что Ходжа Ислам при встречах с Мирзой Ака обвинял последнего в нерешительности, когда разговор шел о Бурхан-султане. Это заставляет предполагать, что Ходжа Ислам и Абдулла-хан составили заговор с целью убить Бурхан-султана.

После смерти Бурхан-султана Абдулла-хан прочно утвердил свою власть в Бухаре. Он достиг этого после семи лет упорной борьбы и многих сражений. Главным лицом, мешавшим ему в осуществлении стремлений к власти, был Борак-хан. И только смерть последнего дала возможность Абдулла-хану отвоевать земли, принадлежавшие его отцу, и уверенно вести наступление на Бухару. Большую помощь Абдулла-хану оказал его духовный наставник Ходжа Ислам Джуйбари, который поддерживал хана в его борьбе за власть и, видимо, сыграл роль в убийстве Бурхан-султана.

После взятия Бухары Абдулла-хан около трех лет жил спокойно, не предпринимая каких-либо военных действий.

В 967/1559-60 г. правитель Бадахшана Шах-Сулайман вместе со своим сыном Ибрахим-мирзой с огромным войском напал на Балх, резиденцию Пир-Мухаммад-хана. Последний призвал на помощь Абдулла-хана. Хафиз-и Таныш подробно описывает передвижение Абдулла-хана и его сражение с Шах-Сулайманом. После ожесточенных боев Шах-Сулайман вынужден был обратиться в бегство. Его сын Ибрахим-мирза был пойман в Дарра-и Гез и приведен к Пир-Мухаммад-хану, который заключил его в темницу. Ибрахим-мирза был юношей, одаренным поэтическим даром. Ученые и поэты Балха часто посещали его и проводили время в беседе с ним. Пир-Мухаммад-хан, опасаясь, как бы Ибрахим-мирзе не устроили побег, продержав его в заключении около двух месяцев, организовал его убийство.

После того как был ослаблен в битве за Балх правитель Бадахшана Шах-Сулайман, Абдулла-хан счел возможным направить свои усилия на завоевание хорасанских земель. Весной 968/1561 г. он двинулся походом по направлению к Амударье. Когда Абдулла-хан встретился с Пир-Мухаммад-ханом в Шибиргане, последний предложил обменять Балх на Бухару. Абдулла-хан из уважения к своему дяде, а также ввиду близости Балха к другим районам Хорасана, которые он намеревался завоевать, согласился с этим предложением. С обеих сторон были назначены лица для осуществления обмена городами. Однако обмен не состоялся по двум причинам. Во-первых, в это время Дин-Мухаммад-султан, сын Пир-Мухаммад-хана, выступил против своего отца, сверг его с престола и объявил себя ханом. Во-вторых, против такого обмена возражал Ходжа Ислам Джуйбари. Заручившись поддержкой влиятельных лиц государства, весной 968/1561 г. Абдулла-хан вызвал из Кермине своего отца Искандар-хана и посадил его на ханский престол в Бухаре вместо свергнутого в Балхе Пир-Мухаммад-хана.

Таково краткое содержание рассказов о главных политических событиях в настоящей публикации «Шараф-нама-йи шахи». Они важны для истории Средней Азии данного периода, поскольку в них, как правило, указаны точные даты, а также места и участники описываемых событий.

Главное внимание Хафиз-и Таныш уделяет шейбанидским ханам, султанам и эмирам разных племен, но в первую очередь самому Абдулла-хану. По характеристике автора, хан отличался храбростью, решительностью, умением пользоваться моментом и другими положительными качествами, во многом обеспечивавшими ему успех.

Хафиз-и Таныш отмечает, какую большую помощь оказывал Абдулла-хану в борьбе за власть Ходжа Ислам Джуйбари, о чем имеются сведения в специальной литературе [104]. Приведем еще один факт помощи Ходжи Ислама Абдулла-хану, не отмеченный в литературе.

В 965/1557-58 г. Абдулла-хан дважды посылал войско в Чарджуй с целью захвата города, где правил Хайдар-ходжа, тесть Бурхан-султана. Оба раза его войско терпело поражение, встретив отпор со стороны жителей города, которым оказали поддержку и воины Бурхан-султана, бежавшие из Бухары после взятия ее Абдулла-ханом. Вскоре скончался Хайдар-ходжа, и началась борьба за власть в Чарджуе между сторонниками Хайдар-ходжи и приверженцами Бурхан-султана. Воспользовавшись моментом, правителем города и области стал прибывший из Мерва Арах-ходжа Саййид Атаи, который по повелению Ходжи Ислама уступил власть Абдулла-хану [105].

Автор указывает также на то, что Ходжа Ислам пользовался большой властью, диктуя свою волю даже ханам, в частности Абдулла-хану, что хорошо видно на примере, когда хан не смог обменять Бухару на Балх главным образом из-за несогласия Ходжи Ислама. Ходжа Ислам оказывал огромное влияние на политическую жизнь страны, и автор «Шараф-намайи шахи» не случайно посвятил ему целый раздел во введении к своему сочинению, а также отдельные места работы.

В заключение хочу с чувством глубокой благодарности вспомнить Н. Д. Миклухо-Маклая, взявшего на себя труд по редактированию работы и сделавшего много ценных замечаний, а также поблагодарить рецензентов А. Т. Тагирджанова и О. Ф. Акимушкина.

Май 1976 г.

В ходе работы над настоящим изданием мною были составлены таблицы разночтений к тексту факсимиле по пяти спискам. Однако в связи с невозможностью по техническим причинам дать арабский текст, пришлось все указанные разночтения («примечания к тексту») опустить, довольствуясь тем, что наиболее важные из них отражены в примечаниях к переводу.

Декабрь 1981 г. *М. А. Салахетдинова*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдулла-хан II — Абдулла-хан ибн Искандар-хан — один из видных представителей династии Шейбанидов, правитель Бухары с 964/1557 по 968/1560 г., верховный правитель всего Бухарского ханства фактически с 968/1560 по 1006/1598 г., официально с 991/1583 г., по некоторым данным, с 978/1570-71 г.

2. Ch. S t e w a r t. A Descriptive Catalogue of the Oriental Library of the Late Tippoo Sultan of Mysore. Cambridge, 1809, № XXVII, с. 10.

3. Mél. As. Т. 2, с. 457—458; Т. 3, с. 258—263.

4. ТВОРАО. Ч. 9—10, 1863—1864.

5. Там же. Ч. 4, 1859, с. 328—456.

6. ЗКВ. Т. 5, 1930, с. 316, 317, 319.

7. Там же, с. 317, примеч. 2.

8. Там же; Отчет Туркестанской государственной библиотеки за 1923 г., с. 6, примеч. 5.

9. Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Вып. 2. Аш., 1916, с. 1—15.

10. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Т. 20. Таш., 1916, с. 1—37.

11. Протоколы заседаний и сообщений. Вып. 3. Аш., 1917, с. 1—8.

12. В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш., 1927, с. 197—214.

13. ЗКВ. Т. 5, 1930, с. 307—328.

14. Труды Самаркандского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Т. 2. Вып. 2, 1941, с. 1—12.

15. Абдулланома. Т. 1—2.

16. ИАН Киргизской ССР. Т. 2. Вып. 3 (история). Фрунзе, 1960, с. 173—181.

17. МИКХ, с. 245—312.

18. ПП и ПИКНВ, 1970, с. 66—68.

19. Там же, 1971, с. 111—113.

20. Там же, 1972, с. 48—52.

21. Там же, 1973, с. 77—79.

22. Там же, 1974, с. 92—94.

23. Б. А х̮ м е д о в, К. М у н и р о в. Ҳофиз Таниш Бухорий. Тошкент, 1963.

24. Н. С а й ф и е в. Нахли и его творчество. Автореф. канд. дис. Самарканд, 1963.

25. Н. С а й ф и е в. Нахлии Бухорой. Душ., 1969.

26. Н. С а й ф и е в. Ҳофизи Таниш ва «Шарафномаи шоҳӣ»-и ӯ. Душ., 1973.

27. А. Н. Б о л д ы р е в. «Тазкирэ» Хасана Нисори как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XVI в. — ТОВГЭ. Т. 3. Л., 1940, с. 292—300.

28. ПТР, № 3992, с. 126—127.

29. Б. А х̮ м е д о в, К. М у н и р о в. Ҳофиз Таниш Бухорий, с. 55.

30. СВР. Т. 1, № 319.
31. Там же, л. 159а (поля).
32. Там же, № 314.
33. Сочинение не отмечено в каталоге Рьё, наши сведения об этом сочинении взяты из книги Н. Сайфиева, который пользовался фотокопией данного произведения Мутриби.
34. Среднеазиатский трактат по музыке.
35. ПТР, № 2002.
36. Рук. ИВАН Таджикской ССР, № 264.
37. СВР. Т. 1, № 725, 726.
38. Абдулланома. Т. 1, с. 11.
39. См.: Хафиз-и Таныш и поэт Нахли. — ПП и ПИКНВ, 1971, с. 112.
40. Н. Сайфиев. Нахлии Бухороӣ, с. 35; СВР. Т. 1, № 374, л. 177б.
41. Рук. ИВАН, D 710, л. 209б.
42. Н. Сайфиев. Нахлии Бухороӣ, с. 36.
43. СВР. Т. 1, № 725, л. 102а.
44. См. л. 8а—8б.
45. ПТР, № 2642, л. 239а.
46. Рук. ИВАН Узбекской ССР, № 7123, л. 65а.
47. СВР. Т. 1, № 725, л. 102а.
48. Н. Сайфиев. Нахлии Бухороӣ, с. 38; ПТР, № 2642, л. 239б.
49. См. л. 4б.
50. См. л. 5а.
51. Каталог. Баку, № 45, л. 7а.
52. СВР. Т. 1, № 725, л. 102а.
53. Рук. ИВАН Узбекской ССР, № 7123, л. 65б.
54. ПТР, № 2642, лл. 152а—156а.
55. ПТР, № 2642, л. 156б.
56. Абдулла-хан родился в 940/1533-34 г.
57. Рук. ИВАН, D 710, л. 237б.
58. См. л. 9б.
59. ПТР, № 2643, лл. 3б—14а.
60. ПТР, № 2642, л. 492б.
61. Rieu. Suppl., № 73.
62. ЗКВ. Т. 5, с. 314.
63. ПТР, № 2642, л. 494а.
64. Н. Сайфиев. Нахлии Бухороӣ, с. 36.
65. См. л. 101а.
66. ПТР, № 2642, л. 231б.
67. Литература на персидском языке, с. 218.
68. См. л. 89а.
69. См. л. 73а.
70. См. л. 82б.
71. Определение «победоносное» почти всегда сопровождает слова «войско» и «знамя», относящиеся к хану.
72. См. л. 31а.
73. См. л. 35б.
74. См. л. 74б.
75. См. л. 36а.
76. См. л. 35б.
77. См. л. 75а.
78. См. л. 66б.
79. См. л. 63б.
80. ПТР, № 2642.
81. Там же, № 2643.
82. Mél. As. Т. 2, с. 457—458.
83. СВР. Т. 1, № 149.
84. Там же. Т. 8, № 5631.
85. Там же. Т. 10, № 6770.
86. КВР. Т. 1, № 62.
87. Каталог. Баку. Т. 1, № 44.
88. Там же, № 45.
89. Ethé, № 574.
90. Стори. Ч. 2, с. 1131.
91. ИАН Киргизской ССР. Т. 2. Вып. 3, с. 174; ПТР ГПБ, № 430.
92. СВР. Т. 1, № 150.
93. Там же, № 151.
94. Там же. Т. 5, № 3506.
95. КВР. Т. 1, № 63.
96. Там же, № 64.
97. ИАН Киргизскоӣ ССР. Т. 2. Вып. 3, с. 174.

98. R i e u. Suppl., № 73.
99. См. л. 9а.
100. СВР. Т. 1, № 150, л. 2а.
101. Дастур ал-мулук, с. 141.
102. Муким-ханская история, с. 91.
103. См. об этом: ПП и ПИКНВ, 1974, с. 92—93.
104. См.: Шейхи Джуйбари, с. 16.
105. См. л. 103а.

КНИГА ШАХСКОЙ СЛАВЫ

ПЕРЕВОД

16 Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

Подобает рассыпать блестящие жемчуга безмерной похвалы у великого чертога владыки царства, чье всемогущество выражено в [стихах]: «Скажи: „О Боже, царь“» [1]. Следует щедро раздавать сверкающие жемчуга безграничной похвалы у возвышающегося до неба порога владыки, чье могущество звучит [в стихах]: «Всякая вещь гибнет, кроме Его лика» [2], [у порога] всесильного бога, во власти которого находятся бразды правления высокодостойных султанов, владыки судьбы (бога), в руках воли которого находятся поводья славы великих и могущественных султанов.

Месневи

[В знак подчинения] господу падишахи,
Великие мужи и венценосцы,
[Обвили] шеи душ кольцом благодарности:
Царство [их] от изобилия его благодеяний.

[Бог] — даритель царства, он украшает блестящие короны власти драгоценными камнями [слов]: «Сделали мы вас преемниками на земле» [3]. Он украсил султанский трон величия великолепными жемчугами [слов]: «Мы укрепили его на земле» [4]; достоинство его [трона] он возвысил выше лотоса [крайнего предела] [5].

Месневи

Бог, к праху у дверей которого
Гордые шахи приложили лик мольбы,
[Он] тот, кто украшает трон царского дворца,
Кто возлагает венец на головы шахов,
Кто возвышает девять сводов неба,
Кто зажигает блестящий светоч солнца.

Он — мудрец, который благодаря исключительной мудрости вознес до небесного купола слова: «Я установлю на земле наместника» [6]. [Он тот, кто] благодаря всемогуществу украсил наличные деньги счастья людей, словно динары и дирхемы, в монетном дворе судьбы чеканом справедливости, [что согласуется со стихами]: «Мы почтили сынов Адама» [7]. Он — государь, который возвысил до апогея миродержавия, до неба покорения мира полумесяц подобных солнцу знамен справедливых падишахов и превратил поверхность мечей бесстрашных борцов за веру в зеркало, отражающее красоту победы и одоления, в зеркало, показывающее лик помощи и счастья [от бога].

Стихи

Да будет великим величие его, единого, славного [бога],
Да будет для всех пропитание от него, вечно живого,

Он — царь над царями мира,
Падишахи у его дверей [лишь] просящие правосудия,
Чекан справедливости его не претерпевает изменения,
||Просторы его владений вне пределов воображения. 2а

Он — даритель света, солнце его милостей возводит по ступеням счастья и блаженства, по ступеням величия и славы поколения людей, которые являются светом очей проницательности [его], светочем чертога творения; он проявил большое великодушие, [разливая] свет полной луны. Вынув из моря [творения, как] избранные капли, великих [пророков], он придал им достоинство драгоценных камней. Из такого славного сонма людей, согласно словам: «Мы послали Наших посланников с ясными знамениями» [8], он направил для устройства дел мира, для упрочения положения дел всех людей такую группу, указы которой мунши[9] [бога], дарующего царский чертог, украсил тугрой, [под которой] начертано: «Он дарует мудрость, кому пожелает» [10]. Он облачил их прямой стан в почетные одежды, [расшитые словами]: «Аллах избирает посланников из ангелов и из людей» [11]. Он поднял их головы гордости до высшей точки могущественного неба. Из этого сонма и была свеча в собрании посланничества, солнце на небе славы, жемчуг в шкатулке пророчества, звезда в созвездии великодушия, попугай, грызущий сахар, [о котором сказано]: «И говорит он не по пристрастию» [12], соловей, напевающий [слова]: «Это только откровение, которое ниспосылается» [13], благословенный феникс, [к которому относятся слова]: «Не уклонилось его зрение и не зашло далеко» [14], приятноголосая горлица в саду, [где начертано]: «Сердце (ему) не солгало в том, что он видел» [15]. М и с р а: Украшающий трон [небесного] купола, [от которого он] «был на расстоянии двух луков или ближе» [16].* Он достиг трона [небесного] свода, [к которому он] «потом приблизился и спустился» [17]; он — глава сонма пророков, путеводитель сонма благочестивых.

Д в у с т и ш и е

Султан царства, [который изрек]: «Следуйте за мной» [18],
хотя его царство —
Оба мира, но он гордился только бедностью.

Это избранник [бога] Мухаммад, да благословит Аллах, да приветствует его, его семью и благочестивых сподвижников [его, которому] бог подарил перстень пророчества с надписью «конец» [19], возвысил [его] до апогея величия, включил весь мир в перстень его [воли], заставил поднять знамя могущества до самой высшей точки неба.

Д в у с т и ш и е

Печать и владыка пророков, государь могущественного царства,
Которому подвластны оба мира [20].

Он такой государь, что торжественные звуки, [прославляющие его в] пятикратной молитве, разносятся по [странам] в семи климатах и возносятся до самой высшей точки девятого неба. Слава о его высоких достоинствах, о его великих похвальных качествах распространилась и разнеслась по [разным] странам, во все концы [света].

М е с н е в и

О дитя, ради которого был сотворен Адам,
Халил [21] — из числа накрывающих стол твоего сонма,
[Тебе дарован] царский чертог, достойный Сулаймана,

[где начертано]: «О Мухаммад, если бы тебя не было,
я, конечно, не сотворил бы небеса» [22].
[Ты] погоняющий коня [своего] на ристалище небес,
[Ты] предводитель приближенных в чертоге [творца],
Свеча на пиру, [ты тот, кто изрек]: «У меня к богу такое
внимание и отношение, какого нет ни к близкому ангелу,
ни к посланнику, пророку» [23].

Он — исцелитель, все дела которого, [касающиеся] законов общины, направлены на исцеление пребывающих в полной апатии. От вкушения приятного напитка его шариата находят быстрое избавление [24] идущие по пустыне заблуждений.

[Он] такой красноречивый оратор, что, как только он извлекал из ножен повествования меч речи [со словами]: «Подлинно я сын меча» [25], так все острословы арабов и аджамов теряли дар речи. [Он] тот красноречивый, который, когда трогал коня на ристалище красноречия, [сказав]: «Я самый красноречивый среди арабов» [26], смешивал с грязью честь ловких наездников красноречия.

Месневи

Когда он извлекал меч красноречия,
Он рассекал голову тому, кто непокорен ему,
Когда гарцевал конь его речи,
Он похищал с ристалища поводья красноречия.

26 Да будут безграничны молитвы за халифов‖народов, за хафизов пределов [мира], хранителей перлов [речи пророка], в особенности за халифов, шедших прямым путем, которые были блюстителями предписаний ясной книги [Корана], объясняли основы незыблемого шариата. Благодаря их стараниям были воздвигнуты столпы шариата, усердием этого сонма людей, шедших по пути истины, были заложены здания хакиката. Они — борцы на ристалище, [о которых сказано]: «Предварившие, предварившие» [27]; они — наездники ристалища, [к коим относятся стихи]: «Эти — те, которые будут приближены» [28]. Мисра: Абу Бекр, Омар, Осман, Хайдар [29].

Стихи

Те четыре [халифа] — четыре угла здания пророчества,
Те четыре [халифа] — четыре элемента души пророков,
Без любви этих четырех халифов в этой скоротечной жизни [30]
Невозможно найти выхода из этого шашдара [31] горестей.

Первый — Сиддик [32], блеск правдивости которого осветил мир, как утренняя заря.

Стихи

О ты, чье сердце — зеркало, показывающее мир,
Оба мира подражают твоему светозарному уму,
Величайший Сиддик, от изобилия твоего зефира
В цвету цветник искренности, благоухает роза верности.
Солнце в зените величия Абу Бекр, имам шариата
На троне во дворце, которому свойственно величие,
Ясновидец в стране последователей шариата,
Ты, за которым источник света, освещающий путь к истине,

Султан шариата, первый имам, устроитель [дел] государства,
Строитель веры, друг пророка, родственник избранника [бога].

[Второй] — справедливейший Фарук [33]. Освещающее мир солнце его справедливости изгнало из пределов мира мрак притеснения.

Стихи

О блестящая [звезда], твое чело [излучает] свет величия,
Справедливость твоя осветила веру пророка,
Обладатель перстня халифской власти, Омар, кто озарил
Светом знамя, [освещенное] солнцем шариата.
Благодаря твоей справедливости базар веры оживился так,
Что весь горизонт стал покупателем солнца шариата.
Хоть ты и не стал печатью пророчества [34], однако
После пророка [Мухаммада тебе] досталось счастье от власти пророка.
Из боязни [дать] отчет тебе за завесу стыдливости
Спрятала лицо пери[35] от взоров людей.

[Третий] — Зу-л-Нурайн [36], который в созвездии благословения соединился с двумя светилами.

Стихи

О ты, из-за которого все существа воздерживаются от греха,
У твоего порога — место для счастья,
Султан шариата, справедливый имам, путеводитель веры,
Солнце знаний, родственник саййида людей [Мухаммада],
Великий, как небо, государь, Осман, благодаря тебе появились:
У веры — голос гордости, у благочестия — голос почета.
О ты, благодаря жизни которого [возможна] жизнь шариата,
О ты, благодаря щедрости которого упорядочились
расстроенные [дела] державы.
Ангел на небе от стыда перед тобой [оказался] за завесой,
От смущения перед тобой солнце и луна у лотоса крайнего предела
[спрятались] за облаками.

[Четвертый — Али], солнце на небе власти, который, [обладая исключительной] силой пророчества, показывал чудеса, как Харун [37].

Стихи

Султан царства веры, зять избранника бога [Мухаммада], Али,
Знаменосец вечной державы, Али,
О ты, выше которого нет высшей точки у звезды почета.
Госпожа твоего чертога [38], солнце господства веры,
Дыханием [своим] сделала храбрецом безрукого [39],
Взглядом сделала зрячим слепого [40],
Наслаждаясь молитвой, она так забывалась,
Что [даже] не нахмурилась бы, если бы в нее целились из лука.
Когда он, подобно луне, коснулся небесной тверди пророчества,
С гневом он опрокинул на землю идолов, словно [простые] камни.

||Затем [следует поведать] о том, что нанизывающие жемчуга красноречия, лучшие, красноречивейшие сочинители единодушны и согласны в следующем. Предметом истории могут быть драгоценные камни кораническихстихов, рассказы из преданий о пророках. И безмерная польза, За

и выгода от нее [так велики], что [самое] красноречивое перо не в силах это описать и [самая] сладкая речь, нанизанная из красивых слов, не в силах об этом рассказать.

Стихи

Будь то ново или старо,
Это выражается в словах, за этим словом [еще] слово.

Поэтому в чудесно нанизанном слове (Коране) всевышнего господа, да будут всеобщими блага его, да коснется всех милость его, имеется предупреждение о назидании и поучении: «В рассказах о них есть поучение для обладающих разумом» [41].

Месневи

Как прекрасны наука история и сведения, [сообщаемые] ею,
Мир светел благодаря ее лучам,
Благодаря истории знакомятся с событиями эпохи,
С тем, каково было раньше положение дел [в том или ином] веке.
Из истории о пророках и посланниках
Обо всем разум черпает сведения.
Благодаря истории время не забыло
То, как унес ветер трон Сулаймана.
Благодаря истории узнают о царствах,
[О том], кто был Джамшид [42], кто Кавус [43].

Наименьшая польза, извлекаемая из чтения исторических сочинений, заключается в следующем. Силой разума, проницательностью люди узнают, о чем на протяжении эпох, веков, столетий размышляли, на что были направлены усилия различных великих хаканов и мусульманских султанов. Смена эпох, годов и месяцев не сохранила этот сонм счастливых мужей, на страницах времени, на страницах дней и ночей запечатлелись лишь добрые и злые деяния, хорошие и дурные [поступки] их. Если [читатели] из рода царей и благородных, они будут подражать обычаям и нравам их (этих государей) в вопросах, [касающихся] миродержавия, в способе управления государством, в пирах и сражениях они будут подражать поступкам и поведению того сонма высокодостойных [мужей]. Если [читатели] будут из других слоев, то благодаря [чтению] они будут одарены и украшены лучшими качествами, похвальными свойствами характера, что является заглавным листом собрания всех благородных качеств и в итоге — добрых дел; чудеса в переменах они поймут как источник бодрствования и благоразумия. Считая похвальный образ действия справедливого человека средством избавления [от грехов], они поднимут голову гордости.

Месневи

Не прошли бесследно дни и ночи,
[Не забыт] трон Сулаймана, мир над ним!
Слышал ли ты, чтобы в конце концов был забыт
Тот счастливый, кто прожил [жизнь] справедливо,
со знаниями [44].

Да будет отмечено следующее [обстоятельство]. У сидящего в углу небрежения и унижения Таныша ибн Мир Мухаммад ал-Бухари, да будет милостив к нему Аллах на жизненном пути и при [разных] обстоя-

тельствах, несмотря на усталость от учебы, от старания получить знания, воспитание, при изучении наук, касающихся веры, при усовершенствовании в точных знаниях, в первую пору молодости и в расцвете жизни — всегда на скрижалях мысли возникала [одна и та же] картина, ||постоянно на страницах сердца, на страницах мысли рисовалась суть 3б следующих мечтаний: написать книгу по истории, употребить в этом прекрасном искусстве слова, в высшей мере изысканные и красивые. Однако, оттого что коварная судьба, колесо злосчастного небосвода по своей злой природе принуждали меня скитаться, эта мысль оставалась за завесой завес, эта картина находилась под покрывалом ожидания и никоим образом не приподнимала завесу с лица. Со всех сторон забушевали вихри вражды, отовсюду [поднималась] пыль и доходила до неба. Каждый день вспыхивал огонь, сжигающий сердце, все время бушевала буря бедствий. Здоровье и благополучие исчезли, как Анка [45], спокойствие и покой пропали, словно философский камень, или, как спрос на товары ремесленников, безопасность и постоянство почувствовали отвращение к миру, порядок и согласованность стали исключительным свойством только скоплений звезд.

Месневи

Состояние дел в мире полностью в расстройстве,
Словно локоны лукавых красавиц,
Время из-за гордецов-насильников
Охвачено цепями бедствий.
И полчища мятежа [следуют] отряд за отрядом,
И в морских пучинах горестей [пенятся] валы.

Наконец народы, смущенные трудностями, крестьяне, рассеянные по [разным] местам, все знатные и простые люди от исключительного бессилия, в полной растерянности обратили лицо покорности и мольбы к чертогу повелителя, ласкающего рабов. Согласно содержанию коранического стиха: «Господи наш! Не возлагай также на нас то, что нам невмочь» [46] — из-за тяжелого [своего] положения, от крайнего нетерпения простерли [они] руки с молитвой и мольбой к великому Творцу. Соответственно [стиху]: «Тот ли, кто отвечает утесненному, когда он взывает к Нему, и удаляет зло» [47], с места дуновения ветра [со словами]: «Не отчаивайтесь в утешении Божьем» [48] — подул ветерок спокойствия и умиротворения. Стрела молитв попала в цель принятия [богом], светило счастья взошло на востоке надежд, божья милость раскрыла врата благосклонности перед лицом счастливцев: безграничная [божья] помощь вложила поводья коня счастья, быстроногого скакуна власти в руки могущества счастливого [Абдулла-хана]. Согласно смыслу вселяющего радость [стиха]: «Поистине Аллах дарует Свою власть, кому пожелает» [49], после того как дерево счастья этого [хана] выросло в цветнике власти и славы, благословенное знамя его осенило головы горящих в огне мучений, розовый куст его надежд принес плоды, словно бутон желанной цели. Живительным ароматом справедливости [хан] наполнил эпоху.

Месневи

Шах, которому повинуется и покорен небосвод,
По отношению к которому солнце — нижайший раб и слуга,
В знак любви к которому полумесяц всегда охвачен кольцом [покорности],
В стремлении быть покорным [он стоит] у его дверей.

Он такой могущественный государь, какого еще никогда не видели звезды, хотя они смотрели во все глаза, о столь высоком повелителе,
4а [как он], не слышали небеса, хотя они слушали изо всех сил. ‖Он — [могущественный и доброжелательный] шах. Когда засверкал его победоносный меч, отполированный, как зеркало, мискалем [50] божественной силы, в отражающей мир чаше его сердца, сияющего, как солнце, заблестел луч доброжелательства.

Месневи

А именно с помощью господней,
Из-за сияния [счастья] высокого падишаха
Восседает он на троне счастья, словно Джамшид,
Лик [его] подобен солнцу, судьба, как у Юпитера.

Его хаканское величество достоин престола миродержавия. [Он] — солнце на небе счастья и славы, Джамшид в айване величия и независимости, умом подобный Дарию [51], повелитель, как Искандар, достоинством Сулайман, султан престола мира, победитель среди предводителей людей, даритель корон царям земных просторов, берущий дань у султанов Рума [52] и хаканов Чина [53].

Стихи

Мудрый шах, приятный внешностью, обладающий похвальными качествами,
Величественный, как небо, обладающий войском, многочисленным, как звезды, место его у лотоса [крайнего предела],
Ему повинуется судьба, покорно счастье, ему присуще благородство,
Победа, как предводитель каравана, [идет впереди него],
Триумф, как курьер, [сопровождает его], счастье, как привратник, [стоит у его дверей].
[Ему] повинуется небосвод, он подобен луне, щедр, как солнце,
[Он] — создание без изъяна, высокодостойный, благородный,
[У него] зонт — солнце, знамя — луна, войско [спаено], как Плеяды,
Трон — небо, подушка — небосвод, дворец, [как] у Сатурна.
Умом он — Юпитер, лицом — луна, [ему] покорно небо,
Величественный, как полюс, могущественный, как рок, подобный Юпитеру,
Вдохновенный, как Хизр [54], отказывающийся [от мирских благ], как Мухаммад, лицом подобный Йусуфу [55],
Показывающий чудеса, как Муса, обладающий дыханием Исы, повелевающий, как Джам.
[Он] — свет очей страны, сияние ока державы,
Государь, покоряющий страны, властелин, завоеватель стран света,
Повелитель державы щедрости, правитель стран великодушия,
Звезда в созвездии благородства, жемчужина в шкатулке милости,
Хан, у которого знамя, как у Джамшида, свита, как у Хосрова Парвиза [56],
Шах — Хосров [57] по природе, [о котором рассказывают] легенды, как об Искандаре и Дарии.

Это счастливый султан, обладающий высокими помыслами, щедрый, исключительно милосердный, украшен он глубокими знаниями, безмерной мудростью, умом, проницательностью, непоколебимостью в решениях, ясностью цели, милосердием, щедростью по отношению ко всем. [Он] — государь великодушный, со здравым умом, украшен [нарядом] благодеяния, справедливости, щедрости, [что] согласуется с текстом: «Поистине Аллах приказывает справедливость, благодеяние» [58]. [Он] тверд в вере, усердствует [в проявлении] верности и справедливости, почитаем как наделенный лучшими чертами характера, сильным умом, как пользующийся помощью всемогущего [бога], он тот, чья победа ясна, Абдаллах бахадур-хан, да увековечит Аллах его царствование и его власть, возвысит над Фаркадайн [59] достоинства его! Силой он завоевал, покорил области Мавераннахра и, как солнце на востоке, покрыл сенью справедливости и заботы о благе подданных головы знатных людей. Славный город Бухару он превратил в столицу государства. Перед обитателями мира сверкнул, как солнце, его меч, покоряющий мир. Во всех странах, куда бы он ни направлялся, разносилась слава о его победоносных знаменах. На какое бы поле битвы он ‖ни вступал, его шахан- 46
шахский меч, рассекающий мир, становился алым. Сверкание его меча подобно блеску яркой молнии, облако [его] милостей словно благодать от быстрой тучи, солнце [его] щедрости подобно щедрости солнца, обильно лучами, облако его высоких мыслей, рассыпающее жемчуг [слов], как благодатная дождевая туча. [Они] вселяют приятную надежду, что государи семи поясов земли преподнесут слугам его величества ключи от стран на суше и на море, судьба донесет весть о том, что сокровища четверти обитаемой части земли передадут в его хранилища, что великие [государи] земных просторов, от отдаленных уголков Рума до высокого Чина, обовьют шеи покорности кольцом повиновения [ему].

Стихи

Да будет так, чтобы султан Рума был готов служить ему,
Да будет так, чтобы у дверей его величества хакан Чина
целовал землю,
Да будет так, чтобы от солнца его меча засверкали
Восток и запад, да что там говорить, весь земной простор,
Да будет так, чтобы печать его стала [как бы] перстнем
из золота солнца,
Управлять миром было бы ему так же легко,
как [лепить что-либо] из воска.

Хакан, могущественный, как небо, подобно солнцу, возвысился до апогея власти и господства (т. е. вступил на престол). Перстень прочной власти, который, [переходя] из рук в руки, потерял свою силу, [наконец] попал в руки могущества и [украсил] палец величия; просторы земли и время украсились ковром безопасности и спокойствия, сады рабов [божьих] и города очистились от сора смуты и притеснения мятежников. Благодаря правосудию и мудрым распоряжениям его величества [в стране] воцарилось полное спокойствие; порицаемые обычаи, такие, как притеснение и мятеж, исчезли, [удалившись] в страну небытия, изменчивая судьба больше никому на наносила ран жалом притеснения.

Месневи

Никто не терпел обиды от судьбы,
Будь то благородный, будь то человек из низов.

В уголках очей красавиц уснула смута, волнение нашло себе место лишь в завитках кудрей красавиц. Никто не имел возможности обнажить меч тирании. Никто не смел прибегнуть к луку насилия, только [лук] бровей красавиц [вызывал смуту]. [Никто не решался посылать] стрелы бедствия, только ресницы луноликих красавиц [причиняли бедствие].

Месневи

В его время благодаря господству правосудия [дело] дошло до того,
Что никто не стонал, кроме тростника,
Смятение вызывали лишь нахмуренные брови красавиц,
Волнение находило место лишь в завитках локонов возлюбленной,
Благодаря умеренному весеннему воздуху его справедливости
Не стало больных, кроме [страдающих от] очей красавиц.
В дни его правосудия никто не чинил народу
Притеснений, кроме кокетливых взглядов периподобных [красавиц].

Обитатели мира обрели спокойствие, [испытывали] счастье от правосудия и доброты [хана]. Жители мира спали на ложе спокойствия и безопасности в своих жилищах и родных местах. В это время над несчастным бедняком (т. е. автором), которому было 36 лет [60], начал порхать орел мыслей об этой книге, птица мускусного пера распростерла крылья для полета над просторами степей воображения. Новая мысль, [рожденная] воображением, ||показалась очень красивой в зеркале повествования. Прелестная красавица слова полностью подняла завесу стыдливости с лица, [подобного] луне, чтобы составить сочинение о благословенном рождении и [изложить] историю некоторых деяний его величества, [рассказать] о последовавших одна за другой победах, которые были одержаны [им] в раннюю пору жизни, написать предисловие, лишенное бедствий [словесных] излишеств и риторики, [лишенное] несчастья хвастовства и предвзятости. Чтобы осуществить это, он задумал употребить всякого рода слова, полно, но в кратком изложении описать положение дел в странах Мавераннахра и в других [странах], которые находятся под властью его величества [Абдулла-хана], так, чтобы было сказано, как следует и как подобает, [чтобы] бутон, который целую вечность скрывался за завесой небрежения, подобно махровому цветку, раскрылся тысячью оттенков красоты. Писатели различных стран, [разных] эпох уже сверлили алмазом повествования перлы красивых выражений, рассыпая перлы прозы, [нанизывая] на нить жемчужины стихов. Быть может, и эта малоценная монета попадет в поле зрения их чудодейственного взора и эти незначительные дирхемы удостоятся признания.

5а

Двустишие

Какую легенду расскажу я, одержимый, поддающийся страстям,
Кто друг охваченных волнением соловьев?

Месневи

Уже рассказали подобные [истории] более талантливые, чем я,
Царственными руками сверлили этот жемчуг [слов].

Несмотря на это, есть твердая надежда на милость благодетельного государя, [занялась] заря верной надежды на то, что, когда будут при-

ложены [мои] слабые усилия, не свойственные великим людям [сей] эпохи, и будет! [все] изложено косным языком, засверкает на лице его (автора) свет, как солнце счастья в зените славы, лучи его яркого счастья заблестят в странах света.

Двустишие

Питаю надежду, что эта книга в странах света
Появится, как солнце в апогее счастья.

Уповаю на великодушие, на милосердие лучших писателей стран света и надеюсь, что на это собрание [рассказов], которое не является ни нанизанными перлами нравоучений, ни нанизанными на нить метафорами, они посмотрят очами милости, взором учтивости. Если они обнаружат ошибки и погрешности, что всегда свойственно людям, пусть они [их] исправят пером, рассыпающим жемчуга [слов], пером, рассеивающим драгоценные камни [слов, согласно стиху]: «Но кто простит и уладит — награда его у Аллаха» [61].

Стихи

Да сохранится память о том, кто в нужном порядке нанизал
На нить все непросверленные жемчуга, бывшие у Хафиза [62].

[И это] для того, чтобы украсить одежду их деяний вышивкой, подкрепленной [словами]: «Обрадуй же рабов Моих, которые прислушиваются к слову и следуют за лучшим из них» [63].

Кыт'а

Если встретишь ошибку, скрой, не попрекай,
Ведь никто не свободен от ошибок.
Взгляни на солнце, которое, несмотря на свою яркость,
Не всегда проходит по экватору.

Делает Аллах великий явными наши проступки, облегчает для нас [постижение] того, что он любит и одобряет, «поистине Аллах видит рабов!» [64]. Ему принадлежит начало, у него будущая жизнь [65]. О боже, хотя это и запретно, || в этом сочинении, в этом собрании забав и заблуж- 5б
дений я осмелился [цитировать] твое слово истины, я знаю, что проявил невежество. О всезнающий, в словах которого нет места недостаткам, своей исключительной милостью прости мне, несведущему, все пороки мои.

Месневи

О боже, сжалься надо мной, невеждой,
Будь мне путеводителем в поисках дороги.

[Теперь] восходит светило предисловия в апогее красноречия.

Когда писец всемогущий, «и Он мощен над всякой вещью» [66], раскрыл врата творчества и водрузил стяг могущества, воздвиг небесный трон и расстелил земную поверхность, предметом желаний и стремлений [его] был освещающий мир лик человека, который сияет с места восхода [божьей] милости, [выраженной в стихах]: «И вдуну в него от Моего духа» [67], и в апогее милости, [согласно словам]: «Я сотворил мир ради тебя, [Адам], а тебя сотворил для себя» [68].

Стихи

Мир так светел от сияния твоего лица,
Что от этой радости танцуют солнце и луна.

Его розовое лицо, лепесток розы, [согласно стиху]: «Аллах приведет людей, которых Он любит и которые любят Его» [69], так засияло, что молящиеся в течение тысячи лет сгорали в огне зависти, [о чем сказано в стихах]: «Ты создал меня из огня, а его создал из глины» [70].

Луч солнца любви предвечного [бога] как удивительное свойство людей, как блеск лучезарного их сердца наградил [их] даром речи; милость неиссякаемой любви предвечного [бога] соответственно их росту сшила почетную одежду величия и великолепия, [согласно стиху]: «Дал вам образ и прекрасно устроил ваши образы» [71], и, считая драгоценные камни слов благородным венцом [своего] дара, подняла трон власти [человека] на недосягаемую высоту. Ни одно из человеческих достоинств не стоит выше тонкостей речи, ни одно дерево на лужайке человечества не приносило столь сочные плоды, как слово. Существо, наделенное даром красноречия, побуждает свой мозг работать [так же интенсивно, как это делает] философ, в его речах присутствует святой дух.

Стихи

Если благодать святого духа вновь окажет помощь,
То и другие сделают то же, что сделал Иса.

Человеческое сердце должно быть способным воспринимать его совершенство, а язык, на котором они говорят, должен быть достойным воспринимать его слово. Слово — лучезарное солнце, лучи его — смысл, восхождение его — солнце, озаряющее человечество. От лучей факелов доказательств, от света светильников бесед ясно и очевидно, что в темноте чертогов материального мира, в темных просторах человеческих убежищ [слово] является светом, который ясно, как должно быть, как следует и как есть, показывает все внешнее и всю суть вещей с начала и до конца, все явное и скрытое; [слово] — свет, благодаря сиянию его солнца знания одинаково освещается все существующее и несуществующее, известное и неизвестное ставится на весы языка.

Рубаʿи

Свет, освещающий существующее и несуществующее, — слово,
6а || Туча, проливающая дождь на то, что наверху, и на то, что внизу, — слово,
То большое ветвистое дерево, каждая ветвь которого
В каждую минуту приносит тысячу плодов, — слово.

Мудрецы, понимающие все, что вблизи и вдали, которые заимствовали знания от светочей пророков, объяснили истинную сущность человека, [назвав его] существом, одаренным речью.

Двустишие

Прекрасен мудрец, который одарил нас способностью говорить,
Благодаря слову он раскрыл перед нами двери к разуму и знаниям.

Жемчужина, освещающая мир, каковой является человек, по сути, кончик нити хадиса, на которой нанизан ряд [жемчугов] слов, [язык] — это такое повеление, которое признает только волю абсолютного [бога]. Глава писцов поражен его устройством и свойствами.

Месневи

Что дух слов из побед господних,
Свидетелем тому служит [стих]: «Скажи: „Дух от повеления
Господа моего“» [72].

Ученые моря знаний признают, что переход через моря знаний находится у моста, ведущего к словам, рассказы водолазов, которые извлекают со дна моря крупные жемчужины [слов], свидетельствуют именно об этом. Если жемчуг знаний не украшался бы нарядом слов, как бы он проник из покоев мысли в область рта? Пока первые мысли не отразятся в этом зеркале [слов], как, [благодаря] какой хитрости они покажут лик из-за завесы стыдливости? Откровение «Он живой, не умирает» [73] может быть местом восхода царства [слов], местом восхода лучей именно этого царства [слов]. Солнце его (человека), приносящее счастье, взошло на горизонте слов. Если бы у божественных тайн и скромных женщин мыслей были бы более подходящие украшения, чем слово, тот, кто украшает [их], украсил и облек бы образы мыслей в эти наряды.

Стихи

В море знаний от бога слово лучше, чем жемчуг,
Пусть не сомневается [в этом] ценитель слов,
С этим океаном познакомили его для того,
Чтобы он вынес на поверхность воды жемчужины слов.

Слово, которое сверкает благодаря лучам божественного солнца, в соответствии с восприятием проявляется в двух видах: «Как Он видит и слышит!» [74]. Иногда приятным образом [слово] седлает благородного коня письма. Мисра: Как луна, что разливает свет в темные ночи. * [Тогда] написанное: «Вспомни. . . обладателей благодеяний и проницательности» [75] — предстает перед глазами проницательных людей, [как говорится]: «Кто узрел, то для самого себя» [76]. Иногда [слово] носится в пространстве на быстроногом коне во все стороны, как Сулайман. Мисра: Как лепесток розы, который уносит весенний ветер. * Оно приносит весть о храбрых мужах, присутствующих на собрании, [о которых говорится]: «Или кто преклонил слух и сам присутствует» [77]. Первый случай называют проявлением [слова] в письме, второй — проявлением слова в речи. С помощью каждого из этих двух проявлений, зрения и слуха, в тысячах неповторимых оттенков запечатлевается речь, даже основы и столпы ее, которыми являются блестящие слова и формы выражения мысли.

Двустишие

В каждом зеркале [его] лицо в другом виде
Отражает его красоту в каждое мгновение.

Согласно свойствам разных зеркал в каждом из них оно предстает в ином виде, || и там, где выступает его красота, прелестью [своей] оно 6б
наполняет душу.

Двустишие

У моей луноликой сто тысяч зеркал,
В какое бы зеркало она ни посмотрелась,
любое [из них] оживает.

Когда звучит напевная речь и уд [78] извлекает мотивы в высоких и низких тонах, при каждом звуке нежная природа говорящих и слушающих ощущает ласку. От звуков прелестных напевов, приятных мелодий, ласкающих душу, присутствующие в обществе — и те, кто спрашивает, и те, кто отвечает, — испытывают счастье. Однако пока Хизр [79] пера в стране мрака — чернильнице — не выпьет чистой, сладкой воды из источника жизни и не облачится в наряд цвета сурьмы букв, что является его Каабой [80] вечности и постоянства, блеск лучей солнца ни в каких землях и странах не окажет своего действия на просвещенные умы бодрствующих людей, мысли и произведения ни одной эпохи не будут доступны ни на каком языке.

Когда факел мысли отразится в блестящей чаше слов, тогда лучшие, проницательные люди на протяжении веков будут видеть лучи, освещающие мир, как «Свет на свете!» [81]. М и с р а: В начале была речь, затем письмо.

Выражения и объяснения зависят от понятливости и осведомленности [говорящего]. М и с р а: Без речи вообще нет написанных тростниковым [пером] слов.

М е с н е в и

Нить разных мыслей соединили,
Прикрепили к крыльям птиц-слов,
Без слов не прославился бы мир,
Рассказали обо всем, но слов не стало меньше.

Рассыпающие жемчуга прозы вознесли достоинство прозы выше Насры [82], вознесли до небесного купола торжественные звуки [хадиса]: «Секрет в том, как хорошо объяснить» [83]. Нанизывающие жемчуга стихов подняли достоинство стихов до Сириуса, стяг [с хадисом]: «Подлинно чудо — сочинять стихи» [84] — подняли до высшей точки славного небесного трона.

М е с н е в и

Творцы слов — соловьи небесного трона,
Как же они могут походить на других!

Писатели и мастера [слова] с помощью прелестных выражений, чудесных метафор показали чудеса в составлении произведений, в украшении сочинений, они раскрыли врата благодарности перед мыслящими людьми и толкователями [слов], прелесть [словесных выражений] они довели до такой степени, что (м и с р а:) Человеческое воображение не в состоянии постичь это.

Литературное мастерство поднялось так высоко, (м и с р а:) Что это не поддается описанию пером.

Апогей величия этих двух форм [выражения мысли], очень полезных, чрезвычайно высок, слишком высок. Почтенные люди с высокими помыслами, люди, преодолевающие трудности при открытии закрытых дверей [мыслей], а также мудрых взглядов великих мыслителей, признали

свое бессилие передать это словами, [найти] средства || выражения. 7а
«Аллах знает про то, что в груди» [85], «Нет ничего, подобного Ему. Он — слышащий, видящий» [86].

Когда милость [божьего] великодушия познакомила перо с океаном слов, тогда из неведомого облака посыпались в карманы и руки чистые жемчуга [слов], словно [пролился] сильный дождь из большой тучи. Из облака [божьей] милости пролилось столько дождя в цветник слов, что от этих капель сад каждого рассказа всегда будет зеленым и цветущим, как райский сад; уже засверкал огонь природы, словно молния, с каждым часом он сообщал приятную весть о новом разрешении трудностей. Если пьющим [капли] дождя [божьей] милости (писателям) не очень наскучит большая дождевая туча [слов], то скрытые бутоны тайн, которые находятся [87] за завесами сердца, как смеющиеся куклы, легко выступят из-за завес и превратятся в розы. Тогда живительный зефир сделает благоухающим природу времени, от лучей его [слова] засияет лик времени. М и с р а: Будет большая надежда на милость щедрого дарителя (бога).

Да будет ведомо вдыхающим аромат роз в садах тонких мыслей, что в этом цветнике, [где] приятен воздух словотворчества [и где] были скованы сердца, как бутоны, в разных случаях [мысль] проявляется поразному. Иногда она как махровый цветок, а порой словно пахучая трава в саду, появляется в разных землях. имеет разные оттенки. Редкие жемчужины слов, нанизанные бесконечными рядами на нить повествования, отражаясь в разных оконцах, сверкают каждый своим особым блеском. Слова, будь то искусственные или естественные, имеют свои чудеса, которые присущи [определенным] отраслям и согласуются с их свойствами, а также с изречением: «У всякого есть направление, куда он обращается» [88], кыбла [89] всякого племени имеет свое направление, михраб [90] всякого общества имеет свою дугу бровей.

Некоторые кладут в основу повествования тарси' [91] или таджнис [92], украшая лик речи, [в результате чего] то слово, которое должно иметь широкое поле употребления, вынуждено ограничиться лишь несколькими шагами, ему не представляется возможность гнать вольного коня повествования, ловкий наездник ристалища речи поневоле становится бессильным. М и с р а: На этом ристалище не скачет всадник пера.

Другие употребляют изысканные выражения, прекрасные слова, передают в приятных выражениях красивые образы. М и с р а: Словно сахар капает с [их] тростникового пера.

Иные ходят вокруг красивых слов и украшают свои сочинения всякого рода искусственными выражениями. М и с р а: В этом нет [ничего] плохого, если все хорошо.

Огромное большинство писателей предпочитают писать красивыми, яркими словами, не стараясь [употребить] тонкие слова, не [обращая] внимания на содержание, порой они гонятся за красивыми словами, порой заботятся об искусственных выражениях. То они начинают [писать] в одном стиле, то [у них появляется] страсть [писать] другим способом. Они [вдыхают] аромат каждого ветерка, запахи каждого пиршества, чтобы не ронять честь слова к ногам искусства, чтобы не смешать хадисы, подобные крупному жемчугу, || с мусором. М и с р а: И это слово бывает 7б
лучше, чем капли дождя.

Д в у с т и ш и е

Закончено введение, довольно этим перо,
[Какой] был прелестный рассказ, благодаря которому
прославилось слово.

Причина составления книги и раскрашивание [слов] по этому поводу

Утро Науруза [93]. Освещающая мир весна молодости и свежести дней счастья, живительный зефир весны своим веянием в дни равноденствия творит чудеса, как дыхание Масиха, воскрешает, как дыхание Исы.

Стихи

Дуновение ветра творит такие чудеса, оживляя землю,
Что [перед ним] бледнеют чудеса Исы.

Зефир [в месяце] фарвардин [94], оживляя зелень и пахучие травы, принес весть о [вселении в них] души, рукой милости он раскрыл рощам и садам двери рая. Северный ветер [своим] веянием заставил плясать стройный кипарис. Мисра: [Он] напоминает стан красавиц. * Ветерок закрутил кончики локонов фиалок. Мисра: Они напоминают завитки благоухающих мускусом волос красавиц. * При веянии утреннего ветерка красавицы с тонким станом (цветы) в цветнике облачились в наряд желто-зеленого цвета. Со свежими лицами розовощекие тюльпаны, а также жасмин испили [небесную влагу] из чаши гранатового цветка; от жаркого дыхания соловья запылал огонь на ланитах розы; от стона и рыдания соловья сгорело сердце свечи-тюльпана. Звуки органа [95] утренней птицы — [соловья], мусикара [96] дикого голубя сливались со звуками уда горлинки, чанга [97] соловья; прозрачная вода заставила зазеленеть поверхность цветника; северный ветер заставил забыть благоухание алоэ [98], [рассеял] базар благоухания татарского мускуса. Перед свежестью садов, прелестью пахучих трав в чудесных рощах славного города Бухары, охраненного от бедствий и несчастий, поблек высочайший рай. При [виде] ее плавно [текущих] рек, живительных, приятных на вкус вод «живая вода» погрузилась в пучину смущения. Деревья ее, внеся поправку в родословное дерево, возвысились до корня райского дерева [99] и до лотоса крайнего предела, согласно приятной вести: «Корень его тверд, а ветви в небесах» [100], они подняли макушки величия и высокого положения выше чертогов Сатурна.

В это время благословенные полчища султана звезд (солнца) бросили луч внимания на чертог предводителя войск пятого небесного свода и вновь осчастливили знак зодиака. Мисра: Царь звезд осчастливил чертог Овна [101].

Сразу повеял утренний ветер. Туча весеннего дождя, словно некий фарраш, украсила красавиц садов жемчугами и перлами. На поверхность цветника она просыпала столько жемчужин чистой воды, что от обилия рассыпанных жемчугов отяжелел подол цветника.

Стихи

Весна собирает жемчуга и перлы в подол тучи,
Чтобы рассыпать их к прибытию султана роз.

8а От появления всякого рода пахучих трав || просторы садов засверкали, словно небосвод, [усеянный] яркими звездами, цветущий наряд фруктовых деревьев и шиповника [был так красив, словно] взошло сто тысяч Венер, Плеяд, Меркуриев, Сириусов.

Стихи

Разве для цветника настал [месяц] Саратан [102],
что ветви шиповника в нем
За одну ночь раскрываются тысячами Сириусов
(т. е. цветов).

В такое свежее, приятное утро пробуждающийся на рассвете соловей-перо, являющийся другом темных ночей, своим пением и трелями на высоких и низких нотах в саду всяких рассказов с тысячью польз собрало цветы души с прекрасного дерева слов. Рукой мудрости оно достало тот букет, который является плодом ветвистого дерева молодости, перебрало розы лепесток за лепестком, как тетрадь, от свежести сада его сердце превратилось в сад. Оно начало петь, порой оно вселяющими радость словами рассыпало перлы чистой воды в цветнике страниц, словно весеннее облако, иногда оно стонало и вздыхало наподобие птиц в розовом цветнике и выводило чарующие звуки.

[Однажды] во время изложения [мыслей] в прозе и стихах вошел, словно свет в орбиту глаза, один друг, [дорогой для меня, как] зеница ока. Поистине он был зеницей ока, светом очей: своей добротой он привлекал к себе людей. При виде его лица глаза воочию увидели [правильность] смысла [слов]: «Свет во мраке» [103]. Этот человек с особым милосердием, исключительной доброжелательностью и чистосердечностью, раскрыв уста, соизволил сказать: «В настоящее время его знатность высокодостойный [эмир], обладающий исключительно большими способностями, водружающий стяги справедливости и правосудия, заставляющий предать забвению коранические стихи о тирании и притеснении, восседает на троне преуспеяния, на подушке заботы о прозорливых и проницательных людях. Он — совершенство среди знающих сокровищницы тайн, [среди] пользующихся доверием ханской власти, приближенный его величества султана. Он — прибежище в мастерской Создателя, зрачок глаза проницательных людей, средоточие совершенств в знаниях и делах, [пользующийся] безмерной помощью предвечного [бога], раскрывающий завесы тайн. Он наделен природным талантом, умом, в его делах проявляются добрый нрав, достойные похвалы черты характера. Благодаря облаку щедрости его, объемлющей всех, в цветущем состоянии [находятся] сады проницательных людей; благодаря туче покровительства его зеленеет и цветет дерево счастья ученых и благоденствующих людей. Это поборник веры эмир Кулбаба кукельташ [104], да приумножится его слава, да продлится его высокое положение! Он опоясан поясом доброжелательства в проявлении заботы об ученых и талантливых людях, [заботы] об оказании помощи проницательным и умным людям.

На его пиру, подобном солнцу, всегда бывает много ученых улемов, проницательных людей, милосердие и помощь его этому собранию [мужей] беспредельны и безграничны. Благочестивые люди Мисра мудрости все время доставляют редкостные товары на базар обозрения || для по- 86
купки Йусуфа его чудодействующего взора, становятся на весы для покупки его исключительного милосердия. Так в чем же причина и кто виноват в том, что в такое чудесное время, в такую славную пору ты сидишь в уголке трудностей, как зрачок в глазу, и двери твои закрыты для друзей и посторонних?»

Стихи

Когда от людей нельзя избавиться, спокоен [лишь] тот,
Кто скрывается от взоров людей, словно фея.

Когда я услышал от него этот рассказ, то от переполнившего меня горячего желания [увидеть его] я вскочил с места, как искра, и твердо решил совершить обход вокруг этого дворца (Кулбаба кукельташа), [словно вокруг] Каабы.

М е с н е в и

Я укрепил душу, словно обвязал поясом,
Я опоясал душу поясом.

После того как [я получил] разрешение присутствовать на этом очень веселом пиру, на голову этого бродящего по пустыне смущения бросило луч внимания освещающее мир солнце заботы его знатности, [солнце], которое превращает гранитный утес в месторождение рубина чистой воды и бадахшанского лала, а Канопус его милосердия превращает мелкие камни в пустыне в йеменский сердолик. Заботливый взор этого солнца возвел эту ничтожную пылинку до апогея возвышенных идей и отличил его.

Д в у с т и ш и е

Не покажется удивительным, если лучезарное солнце
Одним лучом осветит темный чертог.

Он раскрыл уста, рассыпающие перлы [слов], жемчуга [красноречия], для приятного разговора и расспросил об аромате [слов] и повествования.

С т и х и

Почему твое перо погрузилось во мрак, словно Хизр,
Когда в кончиках твоих пальцев образуется живая вода?

С т и х и

Оказав мне милость и расспросив меня,
Он покровительственно сказал:
«О солнце в зодиаке словотворчества,
Покупатель твоих слов — Юпитер,
Скажу тебе слово, поскольку твой ум верный,
У тебя ключ к сокровищнице смысла:
Почему не настроен саз [105] твоей природы,
Быть может, не настроен из-за бедности?
Иди раскрой врата знаний,
Открой замок мудрости в шкатулке слов».

Двуязычное перо на двух языках дало ответ, [ясный], как прозрачная вода: «Я погружено в такое море, в котором каждая капля — жемчуг, каждый жемчуг — сверкающая звезда». Этот владыка в царстве красноречия языком, выражающим милосердие и благожелательность, вторично сказал перу, выводящему перлы [слов]: «Знаю, что ты извлек из моря знаний нанизанные жемчуга (стихи), топором мыслей ты извлек рассыпанные перлы [прозы] из рудника райских садов. Теперь положи в шкатулку все спрятанные жемчуга, спрячь в сокровищницу все рассыпанные перлы. М и с р а: Будет хорошо, если эти жемчуга будут нанизаны.

Ведь не всегда будет течь вода вечности и постоянства в широкой реке жизни, кто знает, какая будет судьба напоследок, что можно предположить о том, как поведет себя это обманчивое время до конца событий.

9а ‖ Д в у с т и ш и е

Не трать напрасно жизнь в горестях и сожалениях,
Ибо дорог момент, время — меч».

Свет от слов того владыки озарил мир души, как рассвет, область сердца осветилась блеском солнца его луча.

Стихи

Его повеление попало прямо в сердце,
Как [буква] «алиф» находит место в середине [слова] «джан» (душа).

Перо, пишущее амброй, угадало, что благословенный, счастливый [эмир] говорит языком благожелательства. Тогда оно тотчас же стало скользить [по бумаге], словно дуновение зефира. Оно отовсюду собрало разрозненные листы, соединило их наподобие бутона и венчика розы и составило такой букет, что от его аромата заблагоухало время, а нёбо времени от приятного благовония, подобного мускусу, стало как бы надушенным [106].

Двустишие

От этих листов, благоухающих амброй, обоняние души
наполнилось таким ароматом,
Словно каждый из них был мускусным мешочком, полным
благовонного мускуса без газели.

Черновики, которые еще раньше написало благоухающее перо кровью сердца, со страстью, растопившей черную точку в сердце [107], оно привело в порядок, при написании и переписывании их побелел зрачок ока, потускнел свет в сердце. Оно составило введение, более красивое, чем шелк, облачило невесту значений в наряд изящных выражений, в халат высоких метафор. Оно непрерывно украшало шею и уши дней и ночей такими перлами прозы, похожей на нанизанные перлы (т. е. стихи), что можно было за них отдать душу, украшало [такими] стихами, напоминающими нити жемчуга, что благодаря им нанизываются нити достоинств.

Месневи

Стихи его, как рассказ возлюбленной,
[Проникли] в сердца страстно влюбленных.
Проза его словно жалоба влюбленного
На периликих похитительниц [сердец].

Перо проявило исключительное старание и усердие в изложении и отделке его, приложило неимоверные усилия в составлении и украшении его. Как оно ни стремилось к тому, чтобы лик его был свободен от вымышленных локонов и родимых пятен, как лик ума и души, однако везде, [где] появлялась на кончике красноречивого пера картина тоньше волоска, усиливалось его внимание. Есть твердая надежда на тех, кто обладает умом Юпитера, на тех, кто озаряет светозарные сердца светом истины, что они не обратят внимания на воображаемые локоны и родинки. Пусть солнце слов над ними взойдет в таком красивом виде, чтобы из-за сияния его закатилась звезда искусства. Мисра: Там, где восходит солнце, какое [значение] имеет звезда?

Хотя растягивать предисловие приятнее, чем [прожить] долгую жизнь, но и долгота жизни не должна быть такой, чтобы с продолжением жизни увеличивались тяготы. Мисра: Хороша такая жизнь, долгота которой не причиняет мучения.

[Автор] привел в порядок [рассказы] о благословенных событиях и о достоинствах [хана], увеличивающихся с каждым днем, составил сочине-

нение, [состоящее] из предисловия, двух частей и заключения; благодаря
9б милости божьей он дал ему славное название, высокое наименование ||«Шараф-нама-ий шахи».

Стихи

Это «Шараф-наме», оттого что все довольны им,
Умножило [свою] славу благодаря имени шаханшаха,
могущественного, как небо,
Удивительно ли, если после даты окончания и названия его
Перо начертало «Шараф-нама-йи шахи» [108].

Что касается предисловия, то это [рассказы] о родословной великих предков государя, величественного, как небо, [Абдулла-хана] начиная с его святейшества пророка Нуха, предтечи нашего пророка [Мухаммада], до отца [Абдулла-хана], подобного Искандару, [Искандар-хана] и повествование о любви и привязанности государя к шейх ул-исламу ходже Мухаммад Исламу, [который] близок к богу, наперснику в пирах Творца, и известен как его святейшество Ходжа Джуйбари, да освятит великий Аллах тайну его!

Первая часть [излагает события] от благословенного рождения [Абдулла-хана] и времени возникновения [его] власти до времени восшествия на хаканский престол, на трон миродержавия, украшения хутбы и монет славным именем [этого хана].

Вторая часть [включает] события со времени восшествия на престол его величества [Абдулла-хана] до того, что произойдет [в его борьбе] с могущественными врагами.

Заключение [содержит рассказы] о достоинствах могущественного [хана], которыми он отличается от других султанов мира, и о шейхах тариката [109], об улемах шариата [110], которые являются звездами на небе руководства на пути истинной веры, о мудрецах, [облаченных] в одежды красноречия, о поэтах и тонких ценителях [слова], о великих эмирах, о почтенных должностных лицах, о различных благотворительных учреждениях, о всякого рода богоугодных учреждениях, таких, как высокие здания, великие сооружения: медресе, мечети, ханака [111], молельни, обо всем том, что построил зодчий высоких помыслов в дни величия августейшего [хана], в пору [его] счастья, увеличивающегося с каждым днем, и [чем] он раскрыл врата для [пользования] милостыней, раздаваемой в этих местах для посетителей.

Поскольку природа красноречивых и стремящихся к знаниям одобрительно относится к истории, в особенности к событиям, которые произошли в недавнее время и которых еще не осветили лучи внимания ученых времени, то есть надежда на божью милость, [на то], что знатные люди, правители эпохи, великие люди в городах, благородные люди [различных] времен одобрят это произведение, будут благосклонны [к тому], что изложено и описано. Когда зефир [божьей] помощи приподнимет завесу с чела свежего бутона, при виде его лика улыбнутся сердца жизнерадостных мужей мира, как розе. По милости всевышнего бога оно (сочинение) удостоится чести признания, лучи его славы будут сиять на западе и на востоке. Когда благодаря ореолу счастья и благосклонности его величества [Абдулла-хана] было благополучно составлено и нашло завершение это Введение, появилась твердая надежда на достижение желанной цели. И нет сомнения, что [наступит] настоящее утро [надежд] и что оно (сочинение) будет одобрено чудодейственным взором хана, как бадахшанский рубин, как йеменский сердолик. Этот труд, как звезда славы, будет сиять на горизонте державы, пока небеса будут вращаться вокруг земли, имя и лакабы [112] августейшего [хана] останутся на чеканке этого восхваления до исчезновения мира, до прекращения жизни людей.

Что осталось в этом мире
От стольких богатств династии Саманидов и династии Сасанидов? [113]
Остались лишь восхваления Рудаки [114] и его панегирик,
Сохранились лишь песни Барбада [115] и легенды о нем [116].

Пока веет утренний ветерок на земле, а свет солнца озаряет нижние [слои] голубого неба, да сделает господь великий и святой прочными основы его державы, здание его величия, сделает ярким солнце его господства на востоке счастья, на месте восхода величия и славы.

Двустишие

Да будет украшен драгоценными камнями звезд счастья
Шахский шатер, подобный небу, [простирающийся] до солнца.

Уповающий на всемилостивого [бога] да не отчаивается: «Поистине Аллах слышит и отвечает» [117], «и мир тому, кто последовал за водительством» [118].

Начало вступления к книге. Рассказ о родословной абсолютного властелина [Абдулла-]хана от поколения к поколению, [начиная] с его святейшества, прибежища пророчества, то есть пророка Нуха, предтечи нашего пророка [Мухаммада], да благословит и приветствует его щедрый податель (бог), до отца [Абдулла-хана, Искандар-хана], величественного, как Искандар. Рассказ о приверженности [Абдулла-хана] к его святейшеству, ведущему по пути истинной веры, [Ходже Исламу]

Те, которые сочиняют прелестные стихи, и красноречивые [писатели] на страницах времени, на пестром шелке, с помощью мускуса и амбры поведали, что у Нуха, предтечи нашего пророка, мир над ним, было три сына: Яфес, от которого ответвились тюркские племена, Сам, который является родоначальником арабов и персов, Хам, от которого происходят темнокожие жители Индии. По словам некоторых историков, все три сына его святейшества [Нуха] были посланы пророками.

Солнце пророчества Нуха засияло в странах востока и запада для пояснения законов веры и объяснения того, что дозволено, и того, что запретно господом миров, оно поднялось над всеми народами, над всеми разрядами людей, и весь мир оказался под его властью и в сфере его воли. Его приказы исполнялись, словно [воля] рока, имели силу во всех странах, на всех путях. Он разделил страны мира от востока до запада между этими тремя сыновьями. Жребий Турана выпал блаженному Яфесу. Согласно разделу [стран] Иран достался счастливому Саму, округа Хинда были отданы благословенному Хаму. Каждый из них отправился в свою страну и воссел на трон счастья, на престол блаженства.

Яфес благодаря справедливости и заботам о народе превратил Туран в предмет зависти высочайшего рая, [предмет] ревности китайской галереи. Славу о [своем] достоинстве, похвальных качествах, щедрости он вознес до высшей точки Плеяд, выше лотоса крайнего предела.

Месневи

Когда он засиял на престоле счастья,
Благодаря [его] справедливости еще больше украсился Туран,

10б || Исчезло с лица земли притеснение,
Обрадовалось опечаленное сердце всего мира.
В его эпоху справедливости голубь снова
Обрел безопасность в [своем] гнезде от когтей сокола.

Когда тюрки упоминают о нем, они всегда называют его Илджаханом. Его славное имя приводится также в виде Абуййа в «Джами' ат-таварих» («Собрание историй»), которое написано пером красноречия, изложено тонким пером гордости везиров эпохи, мученика за веру ходжи Са'ида Абу-л-Хайр Мухаммада Рашиди. В конечном счете судьба, которая выставляет напоказ пшеницу, но продает ячмень, развеяла по ветру гумно его жизни. Его имя и титулы, естественно, исчезли с монет и хутбы, «и прошел уже пример первых» [119].

Его сын, которого звали Диббаукуй-хан, стал царствующим государем, обладателем короны и перстня, царем, украшающим не только Туранское царство [120], но и всю землю. Он с многочисленным народом, славным войском и свитой обитал между двумя горами, называемыми Ортак и Картак. В этой прекрасной местности, в красивой, приятной обители, которая из-за чрезвычайной приятности, исключительной свежести является [предметом] зависти рая, он все время поднимал знамя власти, стяги счастья.

У него было четверо красивых достойных сыновей: Кара-хан, Ур-хан, Гур-хан и Кун-хан, «и большая часть их была неверующей» [121]. Из их числа славный и благословенный Кара-хан унаследовал корону и трон, он стал повелителем на троне царства, на подушке власти, слава о его победах, слух о [его] владычестве распространились по всей земле, вступление в высокую летопись, введение в великую книгу украсились рассказом о [его] храбрости и повествованием о его щедрости.

Все, что было изложено до сих пор о Яфесе, которого тюрки называют Яфес оглан, было взято и приведено слово в слово из «Джами' ат-таварих», [принадлежащей] лучшему из везиров — ходже Рашиду.

Что же касается наилучшего из историков Эмир-хана, сына Саййида Хаванда, то он в «Раузат ас-Сафа» говорит следующее: У Диббаукуй-хана был сын, именуемый Киюк-хан. После отца он воссел на ханский престол, на трон миродержавия. В конце своей жизни он сделал наследником своего сына Алинча-хана и завязал пожитки для путешествия в потусторонний мир. Во времена Алинча-хана тюрки возгордились своей многочисленностью, они избрали путь неверия и греховности. У него родились сыновья-близнецы. Одного он назвал Татаром, другого — Монголом. Когда сыновья стали взрослыми, Алинча-хан распределил между ними земли Туркестана.

Поколение Татара состояло из восьми человек, поколение Монгола — из девяти человек.

У Монгол-хана было четыре сына: Кара-хан, Уз-хан, Куз-хан, Кун-хан. Хотя во дворе Кара-хана были безграничны и беспредельны всякого рода богатства, разнообразные драгоценные вещи, однако, поскольку нет ничего более приятного, чем потомство, он все время просил у бесподобного великого [бога даровать] ему любимого сына. Наконец щедрый, ни в чем не нуждающийся даритель (бог), тот, кто дарит без причины, велики богатства бога, его милости [объемлют] всех, его сила безгранична, согласно великому чуду [стихов Корана]: «Он изводит живое из мертвого» [122] — подарил ему сына. По божьему учению, с божественной помощью [дитя] из-за неверия матери трое суток не прикасалось губами к груди ее [123], головку серебряного граната ее оно не брало ртом, прелестным бутоном [согласно стиху]: «И запретили Мы ему кормилиц до этого» [124]. Мать измучилась оттого, что сын голоден, и была готова умереть. Беспрерывно она обращалась [к богу] с мольбой раскрыть эту тайну. Обесси-

лев, она неизбежно подняла завесу с чела красавицы тайн: три ночи подряд она видела во сне, как по милости Творца это дитя говорило, украсив красноречивые уста жемчугами слов, мискабом [125] языка оно просверливало следующую мысль: «О мама, хотя твое приятное молоко дозволено, но пока твой рот не отведает меда исповедания мусульманской веры, || оно запретно для меня, как и кровь отца». Поскольку еще раньше 11а
на вечные времена начертали на ее благословенном челе [слово] «вера», то от этого случая ее сердце тотчас же смягчилось, как воск, от света познания [единого бога] ее голова стала горячей, как свеча. Однако Карахан был очень стойким на пути неверия, никакой ключ благорасположения не открывал замок неверия в сокровищнице его сердца. Поэтому она боялась, [как бы он] не обнаружил, [что она приняла] ислам. Она не сочла нужным раскрыть это дело: [она опасалась], как бы этот злой [муж], чтобы воспламенить огонь неверия и заблуждения, подобно свече, не опалил ее голову огнем и меч многобожия и упрямства, меч мятежа и смуты не отделил бы ее голову от тела. Поэтому она [решила] спрятать сокровищницу веры в развалинах искреннего сердца до тех пор, пока она не узнает, что неприязнь [мужа к мусульманской вере] сменилась любовью, а [неверие] стало сказкой, [рассказываемой] на собраниях и стоянках.

Стихи

Когда существует тайна между влюбленным и возлюбленной,
Что говорить о враге, если друг не является искренним
другом.
Не всякому поведай тайну сердца, Джами,
Ибо в мире ни в ком я не вижу искреннего друга.

Когда неверие матери сменилось истинной верой и солнце мусульманской веры засияло в блестящем зеркале ее сердца, светозарного, как солнце, тогда [ребенок] начал пить воду жизни — молоко из источника ее груди, он начал сосать сок цвета камфоры из ее черного граната (сосцов). [Вскормленный] таким образом в течение месяца и двух недель, он выглядел годовалым, цветник его красоты украсился розами и тюльпанами. Отец был удивлен и восхищен его чарующей красотой. В обществе, [где были] вельможи и простой народ, он прочел вельможам и приближенным следующее месневи:

Пусть посмотрят, как это дорогое дитя
Вдруг станет великим государем.
Когда он возложит на голову царский венец,
Станет крепкой рука державы.
Когда он утвердится на троне власти,
Упорядочатся дела в мире.

Однажды, устроив веселый пир, [доставивший] присутствующим великую радость, он стал советоваться со своими родственниками и приближенными, [говоря]: «Этому сыну, похожему на ангела, надо дать славное имя, высокое имя, достойное [его] высоких качеств, редких способностей». Каждый [из присутствующих] согласно знаниям и умению называл какое-нибудь имя. Во время совещания этот Мехди [126] эпохи (ребенок), согласно [стиху]: «Внушил нам речь Аллах, который внушил речь всякой вещи» [127], подобно Исе, мир над ним, вдруг заговорил в колыбели. Он соизволил сказать: «Мое имя должно быть Огуз, кроме этого имени, мне не подходит [ни одно имя]». Присутствующие на собрании выразили удивление по этому случаю. Отец назвал его Огуз. Судьба растила его в объятиях помощи, в подоле милости до тех пор, пока этот

саженец не превратился в серебристый кипарис, пока этот полумесяц не стал [полной] луной на небе могущества и пока его щеки, радующие
11б сердце, || не стали солнцем, освещающим мир в апогее красоты и прелести, на небе нежности и совершенства.

Двустишие

В этом саду деревцо его стана стало серебристым кипарисом,
Полумесяц его бровей стал луной в апогее величия
и могущества.

О созыве курултая Кара-ханом, об устройстве [им] свадьбы, об открытии по случаю исключительной радости ворот восторга и веселья перед людьми с тонким вкусом, о женитьбе его дорогого сына Огуз-хана, о том, как он женил [его] на дочерях своих братьев Уз-хана и Куз-хана

Когда счастливые годы его (Огуз-хана) миновали младенческий возраст и достигли пределов возмужалости и умственной зрелости, когда пора его детства завершилась периодом зрелости, в сердце Кара-хана возникла картина следующей мысли, красавица его замыслов показалась в зеркале в следующем виде: «Для [сына], этого кипариса в цветнике великолепия и славы, свежей розы в саду величия и власти, нужно найти среброгрудую подругу, которая была бы единственной во всем мире. [Для этого юноши] со стройным станом, с которым не могла сравниться ни одна сосна в саду счастья, с которым, как с солнцем, освещающим мир, не могла соперничать ни одна луна в достижении полного счастья на небе совершенства, нужно отыскать такую супругу, которая украшала бы мир небесный и мир земной, подобно тому как брови [украшают] красавиц». У его брата Куз-хана как раз была дочь, нет, то была блестящая звезда, чья красота приводила в смущение солнце, озаряющее мир. От сияния ее лица, пылающего, как огонь, охваченная жаром свеча, освещающая собрание [людей], всю ночь казалась бледной и стенала. Когда она открывала яхонтовый замок (губы) в шкатулке, [где сверкали] драгоценные камни (зубы), из ларца, подобного сердолику, она показывала блестящие жемчуга, лучшие перлы [слов]; порой смехом, слетающим с улыбающихся губ, рассыпающих сахар, она похищала сердца влюбленных, иногда своими локонами-чоуганами [128] и яблоком-ямочкой на подбородке она похищала мяч красоты у сверкающей луны.

Месневи

Когда улыбались ее губы, похожие на бутон,
Смеялось застывшее сердце убитого,
Когда она укладывала локоны в форме чоугана,
Чоуганом красоты она похищала мяч у луны.

Кара-хан сосватал ее за Огуз-хана и приказал, чтобы приготовили все необходимое для свадьбы и проявили бы в том усердие. Согласно этому придворные с готовностью, с радостью устроили веселый меджлис в нескольких местах, [приятный], как сахарный тростник, веселый пир, похожий на райский. Они раскрыли врата радости и веселья, двери увеселения и беззаботности перед счастливыми людьми, благословенными лицами. Пир украшали гурии, как в высочайшем раю, пир, похожий на цветник, украшали жасминоликие красавицы, розовощекие и черноволосые.

Стихи

У всех уста — сахар, глаза — миндаль, рот — фисташка,
Локоны — гиацинт, чело — жасмин, || лик — жасмин. 12а

Всюду были такие музыканты, лицом подобные пери, что око, которое, подобно зеркалу, хранит красоту красавиц, от лицезрения солнца их лика становилось светлым, при виде их чела испытывало наслаждение. Напевая «Дауди» [129], они творили чудо, подобное чуду, [совершенному] Исой; чарующими звуками они заставляли кружиться небесного музыканта— Венеру.

Стих из поэмы

Приятны, восхитительны музыканты, [извлекающие] звуки,
[подобные] пению соловья,
Луноликие виночерпии, напоминающие гурий и черноглазых
дев.

Среброгрудые виночерпии, не имевшие себе равных [во всем] мире, бесподобные по красоте, держали в руках золотые чаши, подобные нарциссу. Перед глазами захмелевших, перед взорами опьяневших кружились чаши с чистым вином, напоминающие солнце и луну.

Месневи

Под звуки чанга и рубаба [130]
Закружилась чаша, как солнце на небе,
Все виночерпии походят на нарциссы,
У каждого в руках хрустальная [чаша].
Прозрачную чашу, наполненную красным вином,
Виночерпий с радостью [подносил] к губам,
[затем передавал пирующим].

Когда пир украсили красавицы, лицом похожие на пери, внешностью подобные ангелам, со станом, как у Близнецов, то показалось, что это сад, полный роз, шиповника, жасмина, гиацинтов, или небо, полное лун, Юпитеров, Венер, Плеяд.

В ночь счастливых торжественных проводов невесты в дом жениха Огуз, обняв, поцеловав невесту, сказал: «Уста моей души не осластятся твоими сахарными губами, [пока] ты не насладишься [мусульманской] верой. Если ты не произнесешь слов, свидетельствующих об исповедании мусульманской веры [131], срывать розы с твоего румяного лица было бы пустым делом». Когда девушка услышала от этого счастливца, благословенного хана, что она должна [принять] мусульманство, она нахмурилась и отвергла его [предложение]. Хотя рука надежд [Огуз-хана] крепко держала ее за талию, она отстранилась [от него]. Когда Огуз-хан заметил дикость этой молодой газели, он тотчас же убежал от этой несчастной. Дело, которое было близко [к осуществлению], затянулось, радость и ликование сменились ненавистью и отвращением. Отец его (Огуз-хана) видел и слышал вблизи и вдали, [слышал] от тюрка и таджика, что у сына с девушкой нет никакого общения и нет ни беседы, ни дружбы, ни любви. Поскольку Кара-хан постоянно стремился душой к тому, чтобы доставить сыну радость, видеть его веселым, счастливым, наслаждающимся жизнью, он вознамерился вновь вселить в него бодрость и его, грустящего, сделать довольным с помощью розовощекой, с черными локонами, сладкоречивой девы. лицом подобной Азре [132]. Для Огуз-хана он сосватал дочь

другого своего брата — Кун-хана. При виде ее лица не осмеливалось всходить солнце, освещающее мир; при виде ее бровей полумесяц в смущении опускал голову. По красоте, приятности, лукавому кокетству она была [как бы] предметом любви.

Месневи

12б || Зачинщица мятежа среди красавиц всех стран,
По красоте она бесподобна так же, как ее брови,
Сидящая взаперти для брачного покоя неги,
Разрешающая трудности, [развязывающая] узел тайн,
По красоте она единственная в мире,
По приятности она самая очаровательная в стране.

На свадьбе он, как облако, пролил дождем перлы, как солнце, рассыпал золото, всю поверхность ее (земли) он украсил блестящими жемчугами, уподобив небу, [усеянному] жемчугами планет и звезд. Когда закончился веселый пир и радостный праздник подошел к концу, девушка и юноша, как две звезды, приблизились к апогею зодиака счастья, они сошлись в шкатулке счастья, словно два жемчуга, сияющие [от радости] больше, чем жемчуг. Языком, выражающим доброжелательность, Огуз[-хан] и ей нежно советовал, с серьезным видом убеждал ее, приводил назидательные истории в приятных выражениях для того, чтобы она с пути порочности ступила на широкую дорогу благочестия. Он увещевал ее не предаваться страстям, перейти к признанию законов [единого] бога, считать необходимым [произнесение] слов, свидетельствующих об исповедании мусульманской веры [133]. [Он просил также] обязательно принять законы шариата, оставить неверие и греховность, которые всегда [приносят] ущерб в этом и потустороннем мире, шествовать по пути веры, по стезе верности и истины. [Однако] эта девушка не пустила в свое злое сердце прелестные слова этого [юноши] со светлым, как солнце, [лицом]. Она не проявила покорности, готовности служить и повиноваться [его] воле. «Так налагает Аллах печать на сердца тех, которые не ведают!» [134]. [Тогда] Кара-хан вновь пожелал соединить [сына], этого благословенного феникса, с девушкой, лицом приятной, как фазан, сладкоречивой, как попугай, красотой подобной паве, кроткой нравом, как куропатка. [Он пожелал] отыскать ему в жены некую периликую, подобную ангелу, которая ласкала бы его нежное сердце удом любви. У его другого брата, по имени Уз-хан, была дочь за завесой целомудрия. Он и ее сосватал Огуз-хану. Через несколько дней разговоры об этом велись уже на всех улицах и во всех кварталах. Для осуществления этого замысла [Кара-хан] носился повсюду, как зефир. Тем временем Огуз решил развлечься охотой. С быстротой ветра он вскочил на резвого коня и понесся в поисках дичи, а конь с глазами, как у газели, с копытами, как у онагра, летел так быстро, что обгонял свою тень. Его вороной конь, подобный Бораку [135], когда мчался по горам и степям, опережал молнию и утренний ветер.

Стихи

Ты сказал бы, что прибыла невеста из Эфиопии,
У которой покрывало из амбры, платье из мускуса,
Бегом своим он напоминал оленя, он был Симургом [136]
эпохи, хотя только [свойствами] четырех птиц
Наделил его всемогущий, щедрый податель [бог]:
[В нем] смелость сокола, благодать Хумай [137],
13а || Кольцо верности горлицы [138], сила Каргадана [139].

При движении, беге рысью острыми, словно железными, копытами он ломал хребет Быка и Рыбы [140]. Когда он прыгал, быстро скакал и был взволнован, пыль, поднятая [им], покрывала густой синей завесой лик солнца и луны.

Стихи

О, что за красивый конь, у которого копыта подобны луне,
Земной шар под голубым небом он превращает в ристалище,
Когда он кружится или мчится прямо, ты сказал бы,
Что кости его [гибки, словно] ветви хайзурана [141],
Когда во время битвы поднимается в нем огонь возмущения,
Он расплавляет, словно огонь, стальные бляшки в доспехах.
Он [может] пройти наподобие муравья по [надписи],
выгравированной на кольце,
Как шелковая нить [может] пройти через ушко иголки.
Он кружится быстро, как небосвод, [он несет на себе же]
тяжесть, словно земля,
[Он] — путеводитель, как судьба, прозорливый, как мысль.

Другие, готовые служить ему [мужи] также ехали верхом на конях, словно тучи, [гонимые] ветром. [Видя точность] попадания [в цель] их метких стрел из белого тополя, Меркурий кусал зубами палец удивления. Блестящий меч каждого из них поражал сердца в груди хищных зверей, [лишал] жизни диких животных. Ворон стрел распростер крылья, когтями — кончиками стрел — раскрывал артерии дичи. Кровью дичи он окрасил поверхность земли в цвет йеменского сердолика.

Месневи

Воздух полон соколов, степь полна собак,
Те спешат лететь, эти — бежать,
Те не оставили в небе пернатых,
Эти не оставили на земле бегущих.

После того как на охоте было убито много дичи и, согласно [стиху]: «мясом птиц из тех, что пожелают» [142], заготовлено необходимое [количество] птицы и рыбы для свадьбы, Огуз-хан натянул поводья возвращения и поспешил к себе, в постоянное место обитания. Случилось ему проехать по стране Уз-хана [143]. В этой местности, на берегу реки, дочь Уз-хана, подобная заре, с группой луноликих счастливых девушек, подобных солнцу, стирала белье. Она сияла [красотой], как солнце. Огуз-хан, словно некий бедняк, который жаждет денег, или как некий утомленный от зноя, жаждущий прохлады, устремился к дочери Уз-хана и, [опомнившись], увидел себя заключившим ее в объятия любви. Он увидел такую девушку, среброгрудую красавицу, подобную лилии, для служения которой луна была опоясана поясом преданности в виде ореола, Меркурий пером, пишущим мускусом, изобразил ее лицо в виде лепестка розы, из-за ее локонов, похожих на гиацинт, Венера вдела в ухо кольцо рабства, солнце от зависти к ее лучезарному челу утонуло в поте смущения, Марс из-за ее глаз || с поволокой усердно просил у нее пощады. 13б

Двустишие

Ее томные очи-нарциссы на заре полны таинственности,
[Лицо] ее, покрытое завитками кудрей, благоухающих амброй,
[походило] на жасмин, усыпанный гиацинтом.

Изумруд ее [очей] и рубин блестящих [губ] похитили славу небесного изумруда и рубина солнца; гиацинт благоухающих мускусом локонов ее [разогнал] базар сочного алоэ, сбил цену мускуса с сильным ароматом. Ее локоны, [подобные букве] «лям», похожие на чоуган, заставляли влюбленных представить огромный мир более узким, чем кружочек [буквы] «мим», «нун» ее бровей, подобных луку, ее стан, прямой, как [буква] «алиф», согнули стан тоскующих по ней наподобие буквы «джим» или «даль» [144].

Месневи

Ты станом подобна стреле, брови твои похожи на лук,
Только у тебя я видел такую серебряную стрелу [стана],
такой черный лук [бровей].

Кудри ее, вызывающие смуту, стали навесом для розы [ее щек], жасмина [ее лица]. Прелестные локоны были словно покрывалом над [красной] розой [ее губ], белой розой [ее лица].

Стихи

Навес над ее [лицом]-жасмином весь из свежего гиацинта
[ее волос],
[Она] словно распустившаяся роза. [Ее ресницы] как бы
привратники свежих нарциссов [ее очей].

Все извлекают выгоду от ее лица и волос:

Будь то роза — продавец шелка, будь то зефир — парфюмер.
Роза долго искала [в себе] достоинство твоего лица,
но не нашла,
От таких поисков стебель розы весь покрыт шипами.

Огонь любви, словно свеча, охватил [Огуз-хана] с головы до ног так [сильно], что от исключительного пыла сокрытой [в нем] любви, заговорив красноречиво, он сказал: «О свет очей, вселяющая покой в сердце опечаленного, если ты послушаешься моих слов, пойдешь по моему пути, с искренностью тотчас же уверуешь в моего бога, ты станешь светом моих очей, радостью моего сердца. Если же ты пренебрежешь моими словами и волей всемилостивого [бога], будь ты[даже] гурией, ты будешь удалена от меня». Когда та счастливая [девушка] услышала эти благословенные слова от юноши, лицом подобного солнцу, красотой напоминающего Венеру, в знак исключительной покорности в крайнем смущении она сказала: «Теперь, когда я, как небо, вдела в ухо кольцо повиновения тебе, рукой страсти обняла невесту твоих упований, как же мне отказаться от ошейника покорности тебе, как же мне снять кольцо с шеи рабства? Я всегда буду следовать по тому пути, который ты укажешь, всегда поступлю так, как ты прикажешь».

Стихи

Скажи мне: «Будь моей собакой» — и прикажи: «Лай»,
Я — собака на этом пороге, скажи и прикажи, что [хочешь].

Благодаря счастливой судьбе, под счастливой звездой эта луна, озаряющая солнце красотой, увеличивающейся с каждым днем, соединилась в созвездии благородства с этим солнцем, освещающим вселенную, сжигающим мир, будто Юпитер на небе величия и славы благодаря счастью сблизился с Венерой на небе великолепия и счастья, в зодиаке величественности и независимости. От приятного веселья радость и ликование друзей достигли высоких пределов. От веселья и радости голова была охвачена [мыслями] о тиранах — кончиках локонов друга.

|| С т и х и 14а

Как бывает приятно, когда после ожидания
Уповающий достигает цели!

[*О том, как*] *Кара-хан узнал о* [*принятии*] *ислама Огуз-ханом и о ссоре между ними*

Божья помощь, милость всемогущего [бога] ключом, открывающим путь к истине с небес, раскрыла врата света [истины] перед лицом Огуз-хана. Это соответствовало предначертанной воле [бога, выраженной в стихах]: «Что откроет Аллах людям из Своей милости — для этого не будет удерживающего» [145]. [Сообразно стиху]: «И напоил их Господь их напитком чистым» [146], на духовном пиру в его душу, исполненную божьей милости, виночерпий влил благоухающее вино. Благодаря зефиру вечного счастья, сильному ветру помощи вечного [бога] в ветвях его красноречивого языка всегда цвели розы исповедания единого бога. Вознося хвалу великому [богу], он восторженно произносил: «Аллах, Аллах!», «ведь поминанием Аллаха успокаиваются сердца» [147].

С т и х и

Са'ди, если тебе не удастся соединиться с другом,
Проведем хоть некоторое время, вспоминая друга.

Кара-хан, не ведая, что произносит он (Огуз-хан) и что он ищет, на страницах мыслей начертал следующую надпись, на ниве сердца посеял следующие отдельные семена [мыслей]: не напевает ли он веселые песни, [чтобы] разогнать печаль, устранить заботы и развеселить свое сердце таким тихим пением? Однако на самом деле это было пение песен на духовном пиру, а он был певцом на духовном пиршестве, «но большая часть людей не знают!» [148].

Однако привычкой Огуз-хана, его природным свойством было следующее: он [не хотел], чтобы пыль беседы с другими лицами садилась на его подол, а злой глаз неверных, «а на взорах их — завеса» [149], увидел бы свой лик удивления в украшающем мир зеркале его красоты. Он все время избегал общения и дружбы как со своими, так и с посторонними, он постоянно остерегался беседы как с близкими проницательными людьми, так и с чужими нечестивыми людьми. Тайный глас явственно доносил до его бодрствующего слуха смысл [стиха]: «. . . то ты после напоминания не сиди с людьми неправедными» [150]. Соответственно с истинным словом [Корана] он придумывал всякого рода предлоги: каждый день он отправлялся [один] в отдаленные уголки степи или на берег реки, [будто] для того, чтобы [совершить] вечернюю прогулку по лугам или полюбоваться лугом, усеянным тюльпанами. Иногда он соглашался поохотиться с гепардом и соколом, иногда слышали, что он отправился в лес, чтобы [вступить] в единоборство с кабаном.

Так, однажды под благословенной звездой он решил развлечься охотой, [которая] доставляла ему великое счастье. Подобно Сулайману, он сел верхом на быстрого, как ветер, [горячего], как огонь, коня. От пыли, [поднятой] гнедыми и серыми конями, воздух как бы смешался с амброй. Охотящиеся за душами птицы[-стрелы] в гнезде-колчане [были размещены] тесно, перо к перу. Подобные огню, быстроногие, как ветер, кони, [движущиеся плавно], как вода, стояли, [касаясь] копытами копыт, ушами ушей [других коней]. Поэтому не было возможности птицам летать, четвероногим — бежать, || животные в окружении дошли до крайности. 14б

Если бы мог летать фазан, могла бы передвигаться куропатка, то этому сильно удивился бы сокол. Птица с раскрытыми [от удивления] глазами в белых полосах [крыльев] сокола прочла [свой] смертный приговор; от натиска смертоносного нападения [охотничьего] барса побледнел лик онагра.

Месневи

Фазан прыгал с ветки на ветку,
От этого прыганья [его] убегал сокол,
Здесь всюду слышались
Звуки шагов барса и топот копыт онагра,
Львы привыкли проявлять храбрость,
От [множества] копий степь и пустыня [как бы]
превратились в лес.

После того как Огуз-хан отправился на охоту, Кара-хан устроил пир. Он пригласил тех двух невесток, с которыми Огуз не общался. Он обошелся с [ними] исключительно ласково, выказал большое дружелюбие. Во время беседы он спросил у них: «Почему Огуз убежал от вас, а проводит время с дочерью Уз-хана, несмотря на то что лицо ее даже не луч по сравнению с солнцем вашей красоты, даже не песчинка по сравнению с множеством ваших прелестей. Конечно же, этому должно быть какое-то объяснение и в этой истории имеется какой-то смысл. Есть ли у вас какое-нибудь объяснение этому обстоятельству?» Получив возможность говорить, невестки тотчас же пустили все стрелы [слов], которые были у них в шкатулке сердца, и сказали: «Огуз отказался от прежней веры и установил какую-то новую веру. Сколько он нас ни призывал к своей вере, [сообразно стиху]: «Мы не слышали про это среди наших первых отцов» [151], мы не повиновались его воле, не отказались от веры отцов, [как говорит Аллах]: «Мы нашли наших отцов в некоем учении, и мы следуем по их следам» [152]. Услышав эти слова, Кара-хан [почувствовал] кипение в мозгу, бурю [гнева] в душе. В полной растерянности, в безмерной ярости он сказал сановникам, вельможам двора: «В детстве Огуз-хан [подавал надежды], казалось, что он станет розой в саду упований, свечой на пиру вечной державы. Теперь он поистине пламенный огонь, огонь, опаляющий мир. Если ему не отрубить его безумную голову, в стране произойдет много волнений. Если ему не укоротят руки надежд от подола жизни, то из рук [нашей] воли выпадет конец нити желанной цели. Если будет промедление в отвращении этого бедствия, если в искоренении этого дела произойдет хоть какая-нибудь отсрочка, то скоро может случиться так, что муравей превратиться в змею, а змея — в дракона-людоеда. [Ведь он именно тот, о котором сказано]: «Это — только человек, который хочет вас отвратить от того, чему поклонялись ваши отцы!» [153]. [Он относится к числу тех, о коих гласит стих]: «А братья их усиливают в них заблуждение» [154].

Невестки также говорили слова, порождающие бурю [гнева], вызывающие огонь [возмущения]. Итак, [Кара-хан] немедленно собрал бесчисленное войско, большее, чем частицы солнца, более многочисленное, чем капли дождя из тучи. С войском, подобным мятежной судьбе, проливающим кровь, наподобие острого меча, он выступил с твердой решимостью сражаться.

Месневи

Когда он выступил с бесчисленным войском,
Казалось, земля стала вращаться, как небо,
15а || С земли на небо поднялась пыль,

Казалось, землю и небо она окрасила [в один цвет],
В пыли войско выглядело так,
Как сверкающая звезда за облаками.

Дочь Уз-хана, узнав об этом, отправила быстрого, как ветер, [стремительного], как огонь, гонца и известила Огуз-хана о положении дел, о большой опасности. Он (Огуз-хан), со своей стороны, занялся сбором войска, приведением в порядок средств вооружения и по возможности собрал снаряжение.

Сражение Огуз-хана с Кара-ханом, [его] победа и свертывание ковра битвы

После того как два войска [подошли] с двух сторон, стали друг против друга, Огуз-хан [во главе] победоносного войска, [готового] к битве с неверными, к истреблению язычников, вынул из ножен меч, излучающий свет, поместил копье, подавляющее смуту, между ушами коня и, как звезда на вращающемся небе, первым выстроил ряды на поле битвы и сражения.

Двустишие

Войско, в котором все по силе и могуществу — свирепые львы,
Войско, в котором все [напоминают] разъяренных слонов.

Кара-хан выстроил на поле битвы, как [на доске] для игры в нарды, бесчисленное войско, определить размеры которого отказывалось воображение, способное [сосчитать] звезды, многочисленное войско, [число воинов] которого не укладывалось во владениях ума и воображении ни одного ученого и счетовода. [В этом войске] каждый [породнился] с саблей и дротиком, как с сестрой, с самого детства знал коня и седло. Эти два рыкающих льва (Кара-хан и Огуз-хан), два свирепых леопарда подошли друг к другу на месте охоты. Охота привела к битве и сражению. Охота за дикими оленями, онаграми завершилась охотой на львов, рвущихся к битве. Крики дичи сменились грохотом барабанов, звуками труб, громкими криками прославления бога.

Огуз-хан, от страха перед мечом которого лев прятался в своем лесу, от страха перед быстрой стрелой которого орел в воздухе взлетал ввысь, с несколькими сподвижниками напал на ряды неверных. Подняв пыль с земли до купола неба, он засыпал пылью око солнца.

Месневи

Пылью, [поднятой] полными гнева и пыла всадниками,
Заволоклось око солнца.

Ряды войск мусульман и неверных окружили кольцом арену битвы. Отряды войск правоверных и язычников сошлись, словно морские волны.

Стихи

Когда приближаются друг к другу торговцы жизнью,
Они оценивают сладкую душу на базаре войны, в битве,
Разящий мечом похищает мечом блеск у солнца,
Небо прикрывает чело от пыли сражения,
От удара копыт [коней] великанов гора превращается в степь,
От скопления храбрецов равнина кажется возвышенностью,

В этой битве близится час смерти мужей,
15б ||С этого времени надежда богатырей кажется несбыточной [155].

Копья, похожие на больших змей, заставляли течь пурпурные потоки [крови] по поверхности поля битвы. Рассыпающий искры меч окрасил кровью шагрень земли. Сабля поднимала волны крови до голубого неба. От бушевания моря битвы заколыхались латы на груди мужей эпохи, от сильного жара сражения стали накаляться кольчуги храбрых воинов.

Стихи

От жара битвы железный шлем
Сжигал голову,
Горячие латы обжигали грудь,
Плавились мозги под шлемом,
Накалились кости саламандры
Вопреки [ее] естеству.

Когда усилился огонь битвы, урожай существования Кара-хана был сожжен огнем блестящего меча, солнце его надежд закрылось тучей гибели: «Кто обнажает меч мятежа, тот будет убит им» [156]. Мисра: Ты достигнешь того, что ты задумал. * Он достиг того, к чему стремился, он посеял семена обмана и собрал плоды разочарования, [что согласуется со стихами]: «Если вы творите добро, то вы творите для самих себя, а если творите зло, то для себя же» [157].

Месневи

Что ты говоришь, то и услышишь [в ответ],
Если посеешь колючки, то их и пожнешь.

Войско Кара-хана бежало от счастливого Огуз-хана, словно звезды при восходе солнца, оно исчезло, как роса.

Большинство родичей и двоюродных братьев по отцу Огуз-хана были в союзе с ним и были уверены, что он овладеет властью. На протяжении около семидесяти пяти лет между ними [и несогласными с ними сородичами] происходили битвы, сражения, [не прекращались] грабежи, кровопролития. Наконец наступила пора затишья, и дела пошли по желанию Огуза. Его власть [распространилась] от местности Таласа до Бухары, просторы мира стали ареной скачки его гнедого коня.

Месневи

Кто посмеет ссориться с тем,
Кому бог оказывает помощь?

Другие из соплеменников, [а именно] племена, которые находились по отношению к Огуз-хану на стоянке ссор и были далеки от дружбы [с ним], помощи [ему], переселились и осели на востоке. Среди тюрков [распространено] мнение о том, что монголы — из рода тех [соплеменников Огуза] и являются ответвлением от этого корня.

Раньше все тюрки были неверными и нечестивыми, во времена его (Огуза) все стали признавать [единого] бога, восхвалять [его], «Аллах ведет, кого пожелает, к прямой дороге!» [158].

Месневи

Кто, кроме тебя, укажет путь к тебе,
Кто, кроме тебя, раскроет закрытую дверь.

Когда Огуз благодаря счастливой судьбе (букв. «вращению бирюзового неба») одержал победу, его перстень власти уподобился небесному перстню рубинового цвета (т. е. солнцу), освещающему мир. В шатре из золотой [парчи], перед которым голубой небесный шатер был как бы лишь полоской [ткани], а освещающее мир солнце над ним казалось лишь блестящим куполом, [Огуз-хан] одарил эмиров и богатырей достойными подарками и великолепными халатами. ‖Он оказал милости воинам, смелым 16а
храбрецам, на страницах положения их дел он начертал слово «забота». Некоторых своих соплеменников и дядей, которые присоединились к нему при тех обстоятельствах (в его борьбе с отцом) и обвязали головы покорности его седельными ремнями, он отличил, прозвав «уйгур», что значит «соединиться», «оказывать помощь». Люди из [племени] канглы, кипчак, халадж и агач-эри являются потомками их (уйгуров). Некоторых из них, участвовавших в этой распре и в других событиях, соответственно обстоятельствам, за их добрые дела он окрестил особым именем и названием, некоторым. в виде прощения грехов, перечеркнул на страницах положения [их] дел слово, означающее «осуждение», чтобы это было основанием гордости одних, причиной для бодрости других. Название этих племен и подробное описание их следующее.

Уйгур. Это племя, которое во время распри Огуз-хана с отцом и дядями из-за почитания [первым единого] бога присоединилось к Огузу и опоясало душу поясом покорности ему. Значение [слова] «уйгур» было дано [выше]. Это племя ни при каких обстоятельствах не разлучалось с Огузом. В то время, когда конь его власти, обскакав мир, стал быстрым, как небесный серый конь, меч солнца (т. е. лучи солнца) притупился от ударов его меча, покоряющего мир, он вернул их (уйгуров) из горных ущелий, с тем чтобы до возвращения царских знамен они приложили исключительное старание, чрезмерные усилия в охране страны. Все уйгурские племена являются плодами этого сада, искрами этого светильника.

Канглы. В то время, когда между Огузом и [его] двоюродными братьями по отцу было столкновение, беседа велась языком мечей и стрел, Огуз брал дань, грабил, силой отнимал у [них] имущество и власть. В его руки попало огромное, безмерное количество денег, столько драгоценных камней и прочих товаров и вещей, что их было трудно, даже невозможно перевезти. Это племя благодаря проницательности и тонкости ума изобрело повозку. Ношу, которую они желали [перевезти], клали на телегу. Из-за этого похвального дела они получили прозвище «канглы», что значит «повозка». Все [люди племени] канглы являются каплями этой росы, каплями этого океана. Из этого племени — Туркан-хатун [159], мать султана Джалал ад-дина, она является пламенем этого светильника.

Кипчак. В то время, когда Огуз в битве с племенем ит-борак потерпел поражение, он остался между двумя реками и там обосновался. Одна беременная женщина, муж которой в битве попал в когти льва-меча, по странной случайности влезла в дупло большого гнилого дерева, чтобы разрешиться от бремени, и [там] родила сына. Когда [весть] о рождении ребенка дошла до слуха благороднейшего Огуза, по [своему] милосердию ‖ и великодушию он приказал: «Поскольку этот ребенок не имеет отца, 16б
пусть он будет мне сыном [160] и будет мною вскормлен». Он назвал его Кипчаком и приложил старание в его воспитании, относился к нему, как к сыну. Названное имя происходит от [слова] «кабык», что по-тюркски означает «дуплистое дерево». Семнадцать лет спустя Огуз разгромил племя ит-борак. Подобно тому как небо украшается звездами, он украсил Иранскую землю полчищами войск. По воле судьбы он ввел страны в ярмо [своей] власти, ударом меча и копий завоевал мир. По истечении [некоторого] времени, [когда] он вернулся в свою область и местность, вновь принесли весть о том, что люди [племени] ит-борак снова начали бунтовать. Закалив меч противоборства водой мятежа, [Огуз] приказал Кип-

чаку устроиться на яйлаке, чтобы предотвратить ущерб, причиненный ими (т. е. восставшими), и отразить их мятеж, ограничить их передвижение. Начиная с этого времени яйлаки и кишлаки этого племени находятся там, [это племя] обитает там же. Все племя кипчак — капли этого дождя и искры этого огня.

Карлук. Когда Огуз из Гура [161] и Гарджистана [162] возвращался в свой коренной юрт, он дошел до одной высокой горы, из-за высокого положения которой небо опоясалось [с готовностью служить ей]. Края [черной] земли, [сливающиеся] с подолом воздуха, [несущего] снежно[-белые] облака, напоминали гору, покрытую мускусом и камфорой. Из-за лютых морозов одна группа отлучилась от стремени августейшего [Огуз-хана], а приказ был такой, чтобы никто не смел отставать. Из-за этого случая Огуз рассердился на них и осудил [их]. С гневом и порицанием он прозвал этих людей карлуками, то есть «снежными». Они остались в этой местности. Место обитания некоторых из них — Саве [163].

Халадж. Во время возвращения Огуза после завоевания Исфахана разрешилась одна беременная женщина. Поскольку облако щедрости господней не проявляло снисходительности к ней, в источнике ее груди не стало влаги (молока). Измученный длинной ночью вследствие отсутствия хоть каких-либо признаков белизны молока, ребенок плакал, у него был сухой рот и влажные глаза. От голода, [словно] ожидая [чего-то], он раскрыл глаза и смотрел по сторонам. В это время взгляд мужа той женщины упал на шакала, поймавшего фазана. Он бросил в него палкой, отчего кусок выпал изо рта и лап шакала. Он зажарил фазана, уподобив [его] сердцу шакала, дал жене поесть и обласкал ее этой милостью. Мать и сын в этом куске нашли [для себя] немного пищи, получили какой-то жизненный урок. От страха перед приказами [Огуза] и строгостью его закона ни у кого не хватало смелости отстать. Несколько дней спустя, когда этот несчастный (отец ребенка) догнал войско, Огуз, узнав о положении дел
17а [его], ||сказал: «Кал ач», что значит «оставайся голодным». Все [люди племени] халадж — из этого неудачливого рода, являются племенем, имеющим общее происхождение.

Агач-эри. В древности этого названия не было. Когда племена Огуза пришли в пределы Ирана, один из его родов, который остановился и устроил себе стойбище около лесов, был назван «агач эри», что значит «лесной человек». Все люди племени агач-эри — из рода этого племени. Туркмены, которые при этих обстоятельствах приняли веру Огуза и на скрижалях души, на страницах сердца начертали письмена о самопожертвовании, принадлежат к упомянутому племени [агач-эри]. По восшествии на престол власти Огуз [обрел] покой. Сначала именем «уйгур» он прозвал всех тюрков, которые были единодушны с ним. Но поскольку некоторые из них по причинам вышеизложенным получили определенные названия, известные прозвища, название «уйгур» закрепилось за остальными, [не получившими отдельных прозвищ].

Рассказ о благородных, идущих по пути истины потомках Огуз-хана, повествование об их славных именах, высоких званиях и почетных титулах

У Огуз-хана было шесть сыновей, добродетельных, чистых душой, [являющихся] ангелами в образе человека. У каждого из сыновей было по четыре красивых и достойных сына. На благородном челе каждого из них были явственны признаки счастья и могущества, признаки величия и славы. Благодаря их существованию мир был украшен, как счастье короной, а корона — драгоценными камнями. Вселенная от жемчужин их счастливой природы была разукрашена, словно высочайшее небо яркими звездами.

От них произошли 24 ветви, за каждой ветвью закрепилось особое название и прозвище. Все туркмены происходят от этих племен. Когда племена Огуза пришли в области Мавераннахра и в Иранскую землю, [они словно] из храма огнепоклонников [пришли] в рай, после бедности обрели покой в райском саду, на протяжении долгого времени они размножались. По воле судьбы под влиянием климата их потомки постепенно стали походить на таджиков: тюркский облик их не остался неизменным. [Тогда] их прозвали «туркаман», то есть «туркмананд» («подобные тюркам»). Этого названия в древности не было, и потому это название применялось ко всем потомкам и племенам Огуз-хана, и они стали известны под этим названием. Каждый из них знает свою ветвь.

Имена этих шести сыновей [Огуз-хана] следующие: Кун-хан, Айхан, Йулдуз-хан, Кук-хан [164], Так-хан, Дингиз-хан. Три первых получили прозвище Бузук. Огуз-хан назначил их на правое крыло войска. || Три других сына были прозваны Учук, они были назначены на левое 17б
крыло войска. Значение [прозвищ] сыновей — Бузук и Учук — будет объяснено. У каждого из [шести] сыновей [Огуз-хана] было по четыре сына. Имена их приведены в объемистых книгах и известны среди тюрков. В настоящей книге нет возможности [остановиться] на этом более подробно.

О созыве высокодостойным Огуз-ханом курултая, об устройстве праздника веселья после возвращения с победой над городами и странами в Дашт-и Кипчак в место [своего] пребывания, то есть Ортак и Картак

Когда Огуз-хан блеском [сверкающего], как огонь, копья, острием блестящего меча и палицей ввел в сферу своей власти, в сферу [своего] могущества четыре столпа просторов степей, [все] семь поясов четверти обитаемой земли, государи зенгов и франков стали одинаково выражать ему покорность, повиноваться и подчиняться его приказам. Араб и аджам были единодушны в выражении верноподданничества, в проявлении смирения и покорности.

Месневи

Мир от начала до конца, от края до края
Он завоевал мечом и тяжелой булавой,
Небо с золотой короной и троном
Опоясалось для службы в том царском дворце.
Все установления его [основывались] на справедливости и религии,
Мир стал правосудным благодаря его вере,
Судьба осуществляла все его желания,
Для мира его имя стало талисманом души.

После завоевания и восстановления городов, успокоения подданных, осуществления важных дел, достижения желаний [Огуз-хан] вернулся в Ортак и Картак, которые были его основным стойбищем, [его] родиной. По случаю своего возвращения он позвал на пир соплеменников и родственников — такую [многочисленную] толпу, перед которой не идет в счет множество людей на равнине в день Страшного суда. Он устроил прекрасный пир, веселое пиршество, подобное высочайшему раю, с редкостными украшениями, [со всякого рода] излишествами. [Устроив] небывалое празднество, исключительно веселое и радостное, он раскрыл врата блаженства перед счастливцами. Очаровательные, веселые виночерпии, музыканты с чарующими голосами, чтобы изгнать печаль, [извлекали приятные звуки] из шелковых [струн] чанга и рубаба. Рубинового

цвета вино, рубиновые уста красавиц, [обнажающих в улыбке] перлы зубов, серебро слез и [красное] золото щек влюбленных создали у присутствующих веселое настроение. Было приготовлено такое веселящее снадобье, от [одного] запаха которого [становится] излишним бальзам, тускнеет светоч [165] ума, начинает бродить вино, а любовь, объемлющая, [как] море, переходит в экстаз и исступление.

Р у б а ʿ и

Встань и принеси вино для этого опечаленного,
Принеси вино цвета розы, благоухающее мускусом,
Если ты хочешь средства для увеселения сердца,
Принеси рубинового вина и шелк чанга.

18а Было столько молока кобылиц, столько сока ‖ винограда, что, если бы небо превратить в маленький винный погреб, а море — в маленькую чашу, [все это] не уместилось бы там, так же как смысл [не умещается] в слове. Всякого рода яства, различные кушанья, являющиеся источником силы, как-то: кушанья из птицы и рыбы, конины, говядины и баранины — были приготовлены в таком количестве, что они сравнялись с горами и холмами. Не считая дичи, как-то: журавлей, воробьев, [обычных] куропаток, серых куропаток, а также диких ослов, онагров, зарезали 90 тысяч овец, 9 тысяч кобылиц. На подносах, глубоких, как небеса, широких, как небо, было положено столько лепешек, круглых пирогов, тонких пирогов, что казалось, над каждой пядью земли поднимается луна, над каждой пылинкой, частицей земли восходит солнце. Чего только ни желало сердце: от [мяса] онагра до ягненка, от салата до овощей — все было там и нисколько не убывало. Можно было пить любой напиток, но не чашу горя. М и с р а: Я бы согласен испытать горе, но его нет. * Зелень на столе его (Огуз-хана) по своей приятности походила на пушок [на лицах] прелестных [юношей], вкус сладостей казался медом [уст] красавиц. Шафрановый плов не испытывал бы смущения ни на каком пиру, ни перед какой едой. Каждая его (плова) горсточка риса по сравнению со всякого рода кушаньями, претендовавшими на равенство с ним, была выше всяких похвал. Если крошки с того стола попадали кому-либо, то у пробовавшего пищу с того [стола от чрезмерного удовольствия] наступал конец жизни еще до наступления дня Страшного суда. Зная это, ни одна птица не приносила [к себе] в гнездо [даже] нескольких зерен [с этого стола], ни один жадный человек и не помышлял о еде с [этого стола.] Знаменитый Низами сочинил прекрасные [стихи], достойные этого пиршества, по сравнению с которым яства семи столов неба кажутся лишь одним куском, а чаша Кай-Хосрова [166], [подобная] солнцу, по сравнению [с чашей] на его веселом пиру казалась всего лишь пиалой.

М е с н е в и

Различные яства без счета
Поставлены на золотые столики,
От лепешек ломились [столы],
Тянувшиеся от ханского шатра до улицы,
От нагромождения гор из говядины и рыб
Пришли в удивление под землей Бык и Рыба [167],
От обилия прозрачных соков, благоухающих амброй,]
Как много расстроенных людей [168] обрели покой.

После веселого пиршества [Огуз-хан] обласкал и возвысил, как небо, славных мужей, одарив [их] золотыми коронами, шапками, поясами,

халатами из золотой парчи, вышитыми золотом кабами [169]. Он возвеличил прозорливых мужей, уподобив Юпитеру и солнцу. В особенности он оказал большие милости, раздал особые дары упомянутым шести сыновьям, которые сопровождали отца в [его] походах и проявили старание при покорении стран. Странствуя по свету, завоевывая страны, они действовали мечом, [сверкающим], как солнце, они захватывали высокие крепости, неприступные твердыни, поднимающиеся до [самого] неба.

‖Спустя несколько дней после того, как закончился веселый пир, 18б
веселое празднество и люди отдернули руки обладания страстями, все шестеро сыновей [Огуз-хана], решившись развлечься охотой, вместе выехали верхом на быстрых, как ветер, конях, [стремительных], как огонь. По дороге они случайно обнаружили три золотых стрелы и лук из золота. Лук по своему изяществу был словно полумесяц, привлекающий к себе внимание [людей] всех стран, [он] был подобен изогнутым бровям красавицы. Стрелы намекали на отправку посольства по поводу кровопролития и на мятеж, вызванный кокетливым взглядом красавицы. Итак, они подняли [их] с дороги, принесли отцу и спросили: «Как нам поделить их между собой?» От этого счастливого предзнаменования лицо Огуз-хана, [выражающее] довольство и блаженство, засияло, словно лик утра счастья и совершенства. От избытка этого великого счастья, от редкой звезды счастья [раскрылись] уста его упований в улыбке, словно зацвели сады весной. Он отдал лук трем старшим сыновьям, а племена, которые являются их потомками, он прозвал Бузук. «Бузук» означает «расщеплять». Он потому дал им такое прозвание, что лук необходимо [прежде] разломать, чтобы можно было [его] разделить. Он дал им такое прозвище, чтобы уберечь их от дурного глаза. Он определил их на правое крыло войска. Стрелы он отдал трем младшим сыновьям и прозвал их Учук, что происходит от [слов] «уч ук», то есть «три стрелы». Они были назначены на левое крыло войска.

Поскольку у лука нет другого свойства, кроме как повелевать, он подарил трем старшим сыновьям лук как символ царской власти. Стрелы же, у которых нет иного выхода, кроме как повиноваться, служить, все время стремиться туда или сюда, как посол, он отдал трем младшим сыновьям, он подарил их в знак подчинения и повиновения старшим сыновьям, на которых пал жребий царской власти.

По завещанию Огуз-хана власть утвердилась за ветвью Бузука. Слава о могуществе, величии их (сыновей) запечатлелась в сердцах; [Огуз-хан] держал яркий факел единства на их пути, разгоняя тьму, порожденную склонностью [их] к вражде.

Когда птица души Огуз-хана выпорхнула из клетки тела и села на крепостной зубец [с надписью]: «Вернись» [170], тогда взлетела [птица] Хумай власти Кун-хана и спрятала яйцо державы под крылом победы.

В течение семидесяти лет он держал в прибежище покровительства, под густой сенью милости различные слои населения, которые были отданы [ему] на хранение богом, и ни одно чуткое ухо не слышало вести о тирании, ни один человек не видел притеснения.

О распределении умным и добрым везиром власти и имущества между сыновьями Кун-хана и о прекращении ссоры между ними

После его отца (Огуз-хана) остался умный, рассудительный везир, украшающий мир. Его звали Урйанкикит Иркил-ходжа. ‖ Перо судьбы 19а
писало ему буквы событий, перед ним раскрывались события из черновиков ночей и белизны дней. Лица скромных женщин, скрытые за завесами неизвестности, без тени сомнений и смущения являлись перед зеркалом

его лица, сияющего, как солнце. Распутывание растрепанных кудрей невест мыслей и красавцев первенцев [идей] было [посильно] и свойственно лишь кончику его пера, разрешающего трудности.

Месневи

Везир мудрый, с ясным умом,
[В заботах] о государстве [неутомимый], как юноша, рассудительный, как старец.
Его руке и сердцу было чуждо притеснение,
Благодаря его уму яд был противоядием.
Благодаря ему был светел лик судьбы,
Благодаря ему были украшены корона и трон.

Этот рассудительный везир, со светлым умом, яркими, как солнце, помыслами, у подножия трона, достойного халифа, государя — покорителя мира Кун-хана, однажды заявил следующее: «Слава о покорившем мир хакане Огуз-хане, о могуществе его [разошлась] по всем странам и дошла до чуткого слуха ангелов на небе. Слух о нем распространился по [всему] миру, слава о силе его, покорившей мир, разнеслась повсеместно. Он ввел все просторы земли под свою власть, овладел миром, полным сокровищ и богатств. Он оставил полную казну, разного рода имущество, вьюки с товаром, всевозможные ткани без числа и счета, много всякого скота и коней. Теперь у этого неба величия и счастья шесть благословенных сыновей и 24 чистые ветви. Представляется наилучшим определить тебе долю каждого в собственности и имуществе и отличить одного от другого именем и званием, чтобы они не избрали путь вражды и ссор из-за притязаний на власть и имущество, претендуя на величие и независимость, не стали бы на путь войны и сражения». Поскольку приятные слова везира были [как бы] другом для души, утешением сердца, Кун-хан выслушал [их] ушами согласия. По его непреложному приказу Иркил-ходжа с твердым намерением [стать] исполнителем дела, направленного ко благу, с решимостью быстро [его] осуществить приложил все свое старание для исполнения этих важных дел. Чтобы претворить в жизнь это намерение, он проявил исключительное старание. Для упрочения этого предприятия он (Кун-хан) сделал так, чтобы законы его не были подвластны превратностям изменчивой судьбы. В отношениях между ними (сыновьями) он установил такие принципы и правила, что даже теперь потомки считают [для себя] обязательными свои названия и прозвища, дороги [171], места [172], тамги [173], инкуны [174], вплоть до того, что знают, какая часть овцы станет их долей [175], какая птица является [их] инкуном. Ни в одном поколении не противоречили установленным обычаям, не посмели изменить существующие правила. Из этого сильного племени вышло очень много могущественных государей, счастливых монархов, которые украсили землю
196 ||нарядом справедливости и правосудия, убором верности и правоты, уподобив [ее] высочайшему раю. Однако поскольку на страницах времени, на листах дней и ночей не сохранились письмена с упоминанием этого достойного сонма людей, то пальцы считающих при всем старании [176] не смогли найти средства [для определения] числа и счета их (т. е. государей). Поскольку узлы [их] запутаны, [как] завиток кудрей, то умные, проницательные люди не могут развязать [их] ногтями быстрых мыслей.

После распада державы Огуз-хана на протяжении тысячи лет между тюркскими и монгольскими племенами существовала вражда и распря, велись войны и сражения. Словом, когда власть перешла к Иль-хану ибн Дингиз-хан ибн Огуз-хану, его победил Тур ибн Фаридун, который в то время был государем Мавераннахра. Он перебил столько монголов, что из многих тысяч остались в живых лишь два человека — Кийан и Нукуз,

которые вместе с двумя женщинами спаслись от пучины гибели на корабле бегства.

Месневи

В этой степи не осталось никого из сражающихся,
Осталась лишь пища для коршуна.

Поблизости от них был такой лес, что лучи солнца не могли пробиться к земле сквозь [его] могучие ветви и густую листву. Этот лес был окружен высокой, неприступной горой, подобной крепости, имевшей лишь один проход. [Эти два монгола] для своего спасения избрали это [место] своим убежищем. Во время перехода [туда] они шли по дороге более узкой, чем сердце у бедного, чем желудок у скупого. [Эта местность] называлась Арканакун, то есть «отвесная скала».

На протяжении многих лет, бесконечно долгое время они скрывались в этом лесу, словно пери в бутылке. За это долгое время, за многие годы, согласно [стиху]: «. . .как потомство одних от других» [177], появилось много поколений, бесчисленное множество родов. Скот их стал неисчислимым, их стада увеличились настолько, что просторы этого леса, более широкого, чем просторы мыслей, казались им у́же, чем ободок перстня или ушко иголки.

После совещания и споров они нашли для себя следующий выход. На этой горе было место, где находился железный рудник. Здесь всегда плавили железо. В этом лесу они собрали много дров и бесчисленное количество угля. Из шкур коров и лошадей они сделали 70 кузнечных мехов. У подножия этой скалы, в том месте, где был железный рудник, они [развели огонь и] раздували [его] этими большими мехами до тех пор, пока эта скала не расплавилась, словно золото от огня усердия в тигле мысли, и не образовалась широкая дорога. [По ней] они вышли бесконечной толпой в просторы степей. В «Тарих-и Рашиди» [178] я видел такие слова: «Люди, которые видели Арканакун, говорят, что эта скала — место суровое. Но это место не такое [суровое, чтобы там невозможно было жить]. Цель раздувания мехов в этой горной местности заключалась в том, чтобы проложить другую дорогу» [179]. Благодаря этому деянию слава о них останется на страницах жизни до дня Страшного суда.

От этих людей произошло много племен и разветвлений. В силу [разных] обстоятельств, || различий [в их] положении каждая ветвь полу- 20а
чила славное имя и прозвище. Под этими прозвищами она была записана, запечатлена на страницах жизни. Подробное изложение всех их следующее.

Названия монгольских ветвей, которые появились в Арканакуне от Нукуза и Кийана. Они составляют две группы.

Первая группа: дурлакан. Все племена, которые происходят от Нукуза, монголы называют дурлакан. Они составляют 17 племен.

Урйанккат. Это племя разветвилось от рода Нукуза и Кийана. Это племя притязает на то, что оно [якобы] оказало помощь при раздувании 70 кузнечных мехов в Арканакуне. У этого племени существует такой обычай. Когда случается сильная гроза, они поносят небо, молнию и гром и кричат на них. Они придерживаются убеждений, что если они поступают таким образом, то гроза прекратится. Об этом племени существует много рассказов, но эта книга не умещает больше того, [что написано].

Кунгират. Это племя также происходит от тех двух лиц (Нукуза и Кийана), которые пошли в Арканакун, как уже упоминалось. Рассказывают, что это племя кунгират, не посоветовавшись с другими, раньше всех вышло [из Арканакуна] и так поспешно, что растоптало угли в очагах других племен. Монголы придерживаются того взгляда, что часто возникающая у кунгиратов болезнь ног является для них неизбежной, и это

происходит именно из-за того [их] поступка, ибо грех из-за нарушения закона поразил их ноги.

От племени кунгират ответвилось много племен. За каждым из них закрепилось особое название и определенное прозвище. В «Тарих-и Рашиди» говорится, что, по представлениям монголов, происхождение их (т. е. кунгиратов) объясняется следующим образом: [будто] из золотого столба появились на свет три сына. Возможно, что эти слова являются лишь иносказанием и намеком, а смысл [их] в том, что человек, от которого произошли эти сыновья, был мужем совершенного ума, могущественным, благословенным. В противном случае рождение человека из золотого столба уму непостижимо, даже совершенно невозможно [180].

Короче говоря, имена тех трех сыновей и ветвей, которые произошли от них (т. е. от трех сыновей), следующие.

Первый сын — Джурлук-марган. Он — предок племен, которые в настоящее время родственны с [племенем] кунгират.

Второй сын — Кубай-шире. У него было два сына: Инкирас и Олкулут.

Третий сын — Тусбудай. У него также было два сына: Каранут, Кунклиут.

Первый сын — Джурлук-марган. Марган означает «тот, кто стреляет без промаху». Однажды он, рассердившись на своего брата Кубай-шире, задумал его припугнуть, но не ранить его в какое-нибудь место. Он выпустил стрелу в его сторону. Стрела прошла через [отверстие] в кольце, которое было у него в ухе, так, что не причинила ему никакого вреда.
20б || По этой причине он прославился как «марган».

Во времена Чингиз-хана было много эмиров и хаканов из этого племени кунгират. Мужчины [этого] племени всегда брали [в жены] дочерей из рода [Чингиз-хана]. Положение их (т. е. кунгиратов) было столь [высоким], что они садились выше сыновей [Чингиз-]хана.

У Кубай-шире было два сына.

Первый — Инкирас. Племя инкирас происходит из его рода и потомства. Дулдай гуракан, который имел женой старшую дочь Чингиз-хана, Фуджин-беги, также был из этого племени.

Второй [сын] — Олкулут. Племя олкулут целиком из этого рода. Тайджу гуракан, который имел [женой] дочь Чингиз-хана по имени Алтанун, был из этого племени.

У Тусбудая также было два сына. [Первый] — Каранут. Все те племена, которые носят это имя, являются его потомками.

Второй [сын] — Кунклиут. У него был сын по имени Мисар-улук. Мисар-улук означает «тот, кто ничего не боится», этим же именем обозначают шкуру падали. У него была такая привычка: когда он засыпал, то не просыпался по три дня. Он был исключительно силен. Известно, например, что ему ставили на руку столб от палатки, но это не причиняло ему никакого вреда, он не чувствовал никакой боли. Говорят, что весной он собирал раковины возле стоянки, складывал [их] в мешок, чтобы [затем] изжарить и съесть. Однажды он собрал полный мешок раковин. В пути его одолел сон. [Положив] мешок под голову, он заснул и не просыпался три дня. Какая-то птица, которую называют Абру, [увидела], что он не шевелится, и, решив, что он мертв, свила гнездо у него на спине.

Этот Мисар-улук женился на жене [своего] отца. У него родился сын по имени Куралас, от которого происходят все кураласы. Он женился также на хитайке. От нее родился сын по имени Илчэкин. Все племена илчэкин разветвились из его рода.

И еще среди монголов дарликин имеется племя урйаут. От него отделились три ветви. Одна — кунккутан, вторая — арулат, третья — килинкиут. Вначале эти названия были именами трех братьев, от которых появилась особая ветвь и стала их родом, в конце концов род превратился в племя.

Что касается Кунккутана, то значение этого слова «большой». Этот человек и был таким, поэтому он получил данное прозвище. Из его рода были великие эмиры. Во времена Чингиз-хана из этого рода был Икчига, который имел [женой] мать [Чингиз-хана] — Оэлун-анка. У него был сын по имени Кокэчу, которого монголы называли Тэб-Тангри. Он обладал способностью сразу же предсказывать будущее, [угадывать] положение дел в прошлом. Он говорил: «Бог говорит такие слова, я все время посещаю небо». || Он твердил Чингиз-хану: «Ты будешь государем 21а
мира», он дал ему прозвание Чингиз-хан. По-монгольски «чин» означает «крепкий», «чингиз» — множественное число от него.

Что же касается Арулата, то это имя означает человека, любимого отцом и матерью. Все племена арулат происходят от этого сына. Во времена Чингиз-хана из этого рода был человек по имени Бургучин нойон. При дворе его (Чингиз-хана) он занимал такое высокое положение, что сидел с правой стороны [от хана], выше всех эмиров.

Что же касается третьего сына — Килинкиута, то он был назван этим именем потому, что был косоглазым. Из этого племени — Бадай, Кистилик, которым Чингиз-хан пожаловал титул тархана за то, что они известили его о вероломстве Он-хана и о его согласии убить Чингиз-хана.

Племя курчин — также одна из ветвей племени килинкиут.

Другое из племени дарликин — племя хушин. Многие из этого племени удостоились чести стать гураканами, они получили достоинство ханского зятя.

Еще племя сулдус. Хотя среди этого племени было много великих эмиров, но только те [из них], которые пользовались почетом и славой, были в союзе с Чингиз-ханом. С этим племенем связаны удивительные дела, великие события, происшедшие во время их совместного обитания с Чингиз-ханом. Так, когда Чингиз-хан был молод и власть его еще не была великой, племя тайджиут постоянно воевало с ним. Его войско и подданные ушли от него и начертали на страницах сердец письмена непокорности. Однажды он отправился верхом. Вдруг он увидел камень, который вертелся и сам по себе двигался по дороге, хотя ни с какой стороны его не толкали. Он подумал про себя: «Это знак, что не следует ехать этой дорогой. Постояв некоторое время в нерешительности, он, однако, пренебрег [предостережением] и поехал именно по той дороге. Случилось так, что неожиданно настиг его государь племени тайджиут, который был его врагом, и взял его в плен. Он заковал его в колодки (душаха) [181] и держал [в заточении]. Однажды [Чингиз-хан], улучив момент, убежал с душахой. В тех местах была большая река. Он погрузился в воду так, что из воды был виден только его нос. За ним погнались [люди] из племени тайджиут и обнаружили его следы, [ведущие] к реке. Среди того племени был человек из племени сулдус. Его взгляд упал на нос Чингиз-хана, и он догадался, что это и есть [Чингиз-хан]. Он подал ему (хану) знак, чтобы тот опустился поглубже, а сам хитростью увел оттуда тех людей. Ночью он вытащил из воды ханскую особу, || снял с его шеи душаху, привел к себе домой и весь 21б
отдался заботам о хане. Когда он убедился, что враги исчезли, он посадил Чингиз-хана на рыжую кобылицу и, дав ему провизию и оружие, отправил в дорогу.

За то время, пока он (Чингиз-хан) отсутствовал, его племя потеряло всякую надежду [найти] его. Его четвертый сын, Тулуй-хан, был ребенком. Последние несколько дней [перед возвращением отца] он все твердил: «Отец мой приедет домой верхом на рыжей кобылице». Его мать и другие [ее] дети говорили: «Что за чепуху он говорит». Но он повторял эти слова до того дня, когда должен был прибыть [его отец]. [В тот день] Тулуй-хан сказал: «Вот едет мой отец верхом на рыжей кобылице, он приедет и привезет в седельных ремнях два куска мяса». Чингиз-хан прибыл именно так, как говорил [Тулуй].

В конце концов этот человек [из племени] сулдус не смог оставаться в племени тайджиут, [опасаясь], как бы не стало известно о его помощи Чингиз-хану. Откочевав с подчиненными и сторонниками, он пришел служить Чингиз-хану. При его дворе он пользовался исключительным почетом. Хан постоянно проявлял к нему милость.

Другое племя, которое называют илдуркин, является ветвью племени сулдус, все племена илдуркин — от этой ветви.

Другое племя — баяут. Хотя у них много племен, однако [только] две ветви прославились и стали известными. Одну называют джадай-баяут, другую именуют кэхэрун. Джадай — река в Монголии. Оттого что стойбище его (этого племени) было там, его назвали джадай-баяут. Тех, которые обитают в степи, называют кэхэрун-баяут. Это племя было в союзе с Чингиз[-ханом], когда тот в ранней молодости воевал с племенем тайджиут. Будучи покорным ему (Чингиз-хану), племя [кэхэрун-баяут] оказало ему большую помощь.

Другое племя — кингит. Некоторые эмиры из этого племени занимали высокое положение. При Чингиз-хане и его сыновьях они простирали руки власти.

Вторая группа. О племенах, которые называют нирун. Это потомки тех трех сыновей, которые появились на свет без отцов у Алан-Гоа после смерти ее мужа Дабун-Байана. По убеждению монголов, причиной появления их на свет был луч [света], от него она забеременела, подобно тому как госпожа Марьям родила без мужа его святейшество Ису, да будет благословение и приветствие Аллаха над ними! Их называют нирун, что обозначает «чресла», и это намек на чистые чресла. Это племя распалось на три ветви. Первую ветвь называют нирун. Это те, которые происходят из рода Алан-Гоа, до шестого ее колена, каковым был Кабул-хан. Их 16 племен, как будет изложено.

Племя катакин. Это — племя, которое произошло от старшего сына
22а Алан-Гоа — Букун-катаки. || Во времена Чингиз-хана оно враждовало с ним.

Другое племя — сайджиут. Эта ветвь возникла от среднего сына Алан-Гоа — Бу-Сайджи. Из этого племени было много эмиров, однако, оттого что они враждовали с Чингиз-ханом, многие из них были убиты.

Другое племя — тайджиут. От племен тайджиутов произошло много ветвей и племен. Происхождение их следующее. У Кайду-хана было три сына. Старший назывался Санкур, от которого возникла ветвь предков Чингиз-хана.

Третьего сына [Кайду-хана] называют Джаучин. От его рода [произошли] два племени — артакан и сайджиут.

Среднего сына [Кайду-хана] называли Чаракэ-лингум. Все племена тайджиутов произошли от него. Чаракэ-лингум — китайское прозвание, «лингум» означает «великий эмир». Поскольку монголы не могут произнести лингум, они говорят «линкум». Когда скончался брат Чаракэ-лингума — Санкур, тот женился на его вдове, которая является матерью Тумбинэ-каана. От нее родились два сына: один — Гэнду-чинэ, другой — Улукчин-чинэ.

Другое племя — чинас. Оно также является ветвью племени тайджиут. Оно ответвилось от двух сыновей Чаракэ-лингума, называемых: один — Гэнду-чинэ, другой — Улукчин-чинэ. «Чанин» — множественное число от «чинэ». Значение этих двух имен — «волк» и «волчица».

И еще племена: нуякин, урут, мангут. Эти три племени появились от старшего сына Тумбинэ-каана, по имени Джаксу.

Другое племя — дурман. Оно также из племени нирун. Рассказывают, что было четыре юноши брата. Они пожелали из своего обиталища направиться [в какой-то] вилайет. Они связали плот, переправились на нем через реку и вошли в вилайет. Говорят, что племя дурман — из их рода.

В монгольском языке «дурман» означает «четыре». Оттого это племя [называют дурман], что [его] происхождение приписывают этим четырем [братьям].

Племя нарин. Это племя близко к племени дурман, они [оба] ответвились от одной основы.

И еще племя суканут. Обстоятельства [происхождения] его следующие. Младший брат Нарина имел невольницу, которая забеременела от него. Когда подошло время родов, она, боясь жены его (своего господина), не заявила об этом. Она отрезала кусок собольего меха от шубы [ее] мужа, завернула в него его (ребенка) и бросила среди зарослей гребенщика. По счастливой случайности, его отец нашел своего [ребенка] среди зарослей гребенщика, узнал его по [кусочку] от своей шубы, взял его и передал матери его, чтобы она позаботилась о нем. После этого дети, которые появились [на свет] от этого сына, несмотря на то что они были нарин, называются сукйут, || потому что по-монгольски название гребен- 22б
щика «сукай».

Еще племя барулас. Во времена Чингиз-хана из этого племени был Кубилай нойон. Он отличался умом и проницательностью.

Еще племя хадаркин.

Еще племя джурйат. Эти племена из рода седьмого сына Тумбинэ-каана, по имени Дурмахан. Во времена Чингиз-хана в числе славных эмиров этого племени был Джамукэ сачан (саджан). Оттого его прозвали сачан, что он был исключительно умен и мастер на выдумки. Хан прозвал его «анда» («побратим»).

Еще племя будан. Это племя образовалось от потомков Баткулки, являющегося пятым сыном Тумбинэ-каана.

Еще племя дуклат. Оно ответвилось от восьмого сына Тумбинэ-каана, по имени Булджар.

Еще племя йисут. Это племя появилось от девятого сына Тумбинэ-хана, по имени Хитай.

Еще племя сукан. Оно также из племени нирун. Имя их предводителя неизвестно.

Еще племя кингият. Эта ветвь также из племени нирун. Во времена Чингиз-хана имя их предводителя было Даки бахадур.

Часть вторая

Нирун-кийат. Это племя появилось из рода Кабул-хана, который принадлежит к шестому поколению Алан-Гоа. Эти люди составляют три ветви: нуркис (или буркис), чингишут, татар-кийат.

Часть третья

Нирун-кийат. Бурджигин. Бурджигином называют «голубоглазого». [В бурджигинах] начало ветви Чингиз-хана. Имя же его (т. е. родоначальника) — Иисука бахадур. Поскольку родословная Чингиз-хана связана с Алан-Гоа, мы сообщим генеалогию ее рода. По этой причине пришлось сократить наше повествование о ветвях и племенах монголов, которые вышли из Арканакуна. О них сообщено лишь столько, чтобы стало ясно, с какой ветвью связана Алан-Гоа, каким образом был связан ее род с монгольскими племенами. Словом, поскольку мы освободились от подробного рассказа о положении их дел, мы перейдем [теперь] к изложению истории Алан-Гоа, [поведем рассказ] о ее потомках, в особенности о покорителе мира Чингиз-хане. [Затем] расскажем о его потомках из поколения в поколение, доведя до благородного отца [Абдулла-хана], хакана, повелеваю-

щего, как Искандар, то есть до Абу-л-Гази Искандар бахадур-хана, ведь целью составления этой книги является изложение родословной благословенного падишаха, могущественного государя Абу-л-Фатх Абдулла бахадур-хана, да увековечит Аллах его царствование и власть его!

Рассказ об Алан-Гоа, перечень ветвей и потомков ее

[Это один] из удивительных рассказов, [одно из] чудесных повествований. Если кто-либо посмотрит оком проницательности, то такого рода
23а случаи покажутся странными и чудесными в мастерской || судьбы и предопределения, ибо всевышний и бесподобный хранитель, великий, всевышний творец, [согласно словам]: «„Будь!“ — и оно бывает» [182], чтобы показать свое могущество, в определенное время, в отдельные века являет чудесные дела, нечто необыкновенное, странное, чтобы это послужило предметом внимания проницательных людей, причиной пробуждения благочестивых мужей и причиной досады злых людей. Одним из таких [чудес] является сотворение людей — детей без отца или матери: «Аллах творит, что пожелает» [183], подобно Адаму, мир над ним, сотворение Исы, предтечи нашего пророка, мир над ним, без прикосновения мужчины, как говорит Аллах всемилостивый и всевышний: «Поистине Иса перед Аллахом подобен Адаму» [184]. Это дело осуществляется только им (богом) и невозможно без него. Если воле всевышнего будет угодно, то без родителей или без одного из них [может] появиться на свет еще больше пророков, чем эти два пророка. «Это — установление великого, мудрого!» [185]. Исторические сочинения полны такого рода сведений. В далеких населенных местах на востоке есть остров, все обитатели которого — женщины. Причина беременности их — вода на этом острове. Когда женщины продолжительное время сидят в этой воде, в силу особенности, свойственной этой стихии, их природой и сердцами овладевает сильная страсть. От исключительного блаженства и удовольствия у них выделяется сперма, в утробе их появляется человеческое существо. Поскольку мужское семя не проникает к ним, то все их дети являются девочками. Свидетельством достоверности этой мысли, подтверждением этих слов служит то удивительное событие, тот странный случай, который произошел с Алан-Гоа. Согласно утверждению монголов — а ответственность [за это лежит] на передатчике рассказов, — без брака и связи [с мужчиной] из чистой утробы [Алан-Гоа] появились на свет трое счастливых сыновей. Случай рождения их принадлежит к числу диковинных редкостей, удивительных событий. Вот изложение этих мыслей, написание этих соображений, как сообщают [нам] рассказчики пре-
23б даний. || Государыня державы красоты, владетельница страны изящества Алан-Гоа, которая является деревом, [приносящим] плоды счастья, плодом дерева могущества, была оком и светочем племени куралас, казалась весной и садом племени дурлакан. На небе красоты и прелести она была такой луной, что освещающее мир солнце заимствовало свой свет от сияния свечи ее лица. В цветнике красоты и привлекательности благородный кипарис был [лишь] рабом ее стана, [стройного], как [молодая] сосна. Губы ее были столь тонки, что никакой тонкий ценитель не замечал ни малейшего признака [наличия их]. Талия ее отличалась такой тонкостью, что никакой прозорливый, проницательный человек не мог заметить ее.

У нее был муж по имени Дабун-Байан, который скончался в молодости. Некоторое время спустя после его смерти однажды она спала в своей палатке. Вдруг через дымовое отверстие палатки показался луч света и проник ей за ворот. Алан-Гоа удивилась этому, сильно испугалась и не сочла нужным раскрыть [тайну] этого луча света. Несколько дней спустя она почувствовала, что от луча она забеременела. Когда приблизи-

лось время родов, собрались родственники ее мужа и сказали ей: «Как случилось, что женщина без мужа забеременела?» В ответ им Алан-Гоа сказала: «Зачем мне совершать недостойный поступок, который послужит причиной стыда? Каждую ночь я вижу во сне, как некий голубоглазый араб тихо-тихо подходит ко мне и медленно уходит». После того как [родственники ее мужа] с полным вниманием [выслушали ее] и поняли, что слова ее правдивы, речь ее искренна, они перестали ее беспокоить по этому поводу.

Словом, от Алан-Гоа появились на свет трое сыновей. Третий ее сын — Бузанджир-каан, с которым связывается родословное древо Чингиз-хана. В свое время этот Бузанджир был предводителем и государем многих монгольских племен и сильно отличался от других, [в том числе] тюрков, храбростью и смелостью. У него появились на свет двое сыновей. Старшего звали Бука. У Бука был сын по имени Тумэнэн-хан, к которому восходит ветвь Чингиз-хана. Тумэнэн — предок Чингиз-хана в седьмом колене. Хотя у него было девять сыновей, однако восемь [из них] были убиты, и имена их неизвестны, один-единственный, который остался в живых, по имени Кайду-хан, являлся предком [Чингиз-хана] в шестом колене. У него было трое сыновей, имя первого было Байсанкур. Он — предок Чингиз-хана в пятом колене. У него был сын Тумбинэ-хан. Он — предок Чингиз-хана в четвертом колене. У него из-под покрова небытия на ниве существования появился сын по имени Кабул-хан, и он — предок Чингиз-хана в третьем колене. Существует много рассказов и преданий о Кабул-хане, у разных племен он пользуется исключительным почетом и великой славой. У него был славный сын по имени Бартан бахадур. Он — дед Чингиз-хана. У него || было много сыновей и бесчисленные потомки. 24а
Третий сын его, Есугей бахадур, во время битвы был уникумом времени, избранником эпохи. [Племя] кият-бурджигин происходит из его потомства. Значение «бурджигин» — «синеглазый». Как это ни странно, потомки, которые произошли от Есугей бахадура и его рода, в большинстве были синеглазые. Даже в восьмом поколении [Алан-Гоа], к которому относится Есугей бахадур, подтверждается правильность [слов], сказанных ею родственникам в связи со своей беременностью: «По ночам перед моими глазами появляется свет в образе рыжего синеокого человека и исчезает». Потомки ее в большинстве своем были синеглазыми.

Начало повествования о Есугей бахадуре

В извечной воле всевышнего [бога], да будет великим достоинство его, вывести из страны небытия на просторы событий [лицо, которое будет] пользоваться великой славой счастливца, надеть на него халат предприимчивости, [сделать] его всадником ристалища покорения стран, государем стран миродержавия и посадить его на ковер счастья, на престол господства и власти. Тогда длань господнего могущества, согласно извечной мудрости, постепенно воспитывает его особу в шкатулке утробы отцов и матерей до тех пор, пока тот не достигнет совершенства и [пока] в нем не обнаружатся признаки могущества, [пока] из-за горизонта творения не забрезжит сияние зари счастья [его].

Цель сооружения этого здания (т. е. составления предисловия) заключается в изложении обстоятельств жизни Есугей бахадура, чья благословенная, блаженная особа была раковиной [в море] миродержавия. Восхождение звезды его счастья было предпосылкой прибытия кортежа царства Чингиз-хана. Словом, Есугей бахадур — отец Чингиз-хана. Он был государем многих монгольских племен. Все двоюродные братья его стали покорны, послушны ему. Они единодушно посадили его на царство. Они продели головы покорности в кольцо повиновения ему и всегда изъяв-

ляли преданность. У него было много жен из различных племен. Старшая среди них была Оэлун-фуджин, [ее] называли также Оэлун-энкэ. По-китайски «фуджин» значит «жена». Она — мать детей [Есугей бахадура]. От этой женщины появились на свет его четыре сына и пять дочерей. Первый [ее] сын, старший и лучший, был Тэмуджин, который в возрасте пятидесяти одного года убил государя найманов и разбил их улус. Его прозвали Чингиз-ханом. Обстоятельства его жизни будут кратко изложены [ниже].

24б || *Рассказ о Чингиз-хане*

Историки рассказывают следующее. В начале Кака йил, что является годом Свиньи и соответствует одному из месяцев 547 года хиджры, Есугей бахадур с многочисленным войском пошел на войну с татарами. Его жена Оэлун-энкэ была беременна Чингиз-ханом. Есугей бахадур сразился с врагами, одержал над ними победу и вернулся назад победителем. В том году под счастливой звездой вступил из сокрытий небытия на стоянку существования Чингиз-хан. Он вышел из теснин утробы матери на широкие просторы мира со сгустком запекшейся крови в ладони правой руки, похожим на кусок ссохшейся печени. Для умных людей это было свидетельством того, что он будет храбрым при пролитии крови, а возможно, что он прольет столько крови, что во время его правления, в дни его господства кровожадный Марс будет скрываться за вуалью Венеры. Подтвердилось содержание [стиха]: «Разве Ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь?»[186] — на его ясном челе проступали признаки покорения мира, в зеркале его блаженного лица были явственно видны лучи счастья.

Государя племени татар, над которым Есугей бахадур одержал победу, звали Тэмуджин, по этой причине он (Есугей) нарек его (своего сына) Тэмуджин. Когда он (Тэмуджин) дожил до следующего года Кака (Свиньи) и достиг 13-летнего возраста, Есугей бахадур из тленного мира направился в мир воздаяния. Многие племена, которые объединились в дни его отца, сначала были покорны ему, но затем, видя, что он еще ребенок, отвернулись от него. Часто положение его было тяжелым. Государь тайджиутов несколько раз брал его в плен. Но господь великий избавлял его от этих опасностей. Поскольку воля извечного бога, велик он и славен, была такой, чтобы он стал государем мира, то он постепенно получил такое воспитание, что за короткое время сделал друзей победоносными и торжествующими, а врагов — покоренными и посрамленными. Он одержал победу над большим количеством племен и поднял голову величия и высокого положения до апогея Плеяд, выше лотоса крайнего предела. Оттого что государь Хитая убил нескольких двоюродных братьев Чингиз-хана, последний, став сильным и славным, счел своим долгом исполнить давнюю мечту отомстить ему. С многочисленным славным войском он пошел на войну с Алтан-ханом[187]. Он нанес поражение государям Хитая, завоевал боль-
25а шую часть тех стран, поднял знамя гордости || до апогея величия. После этого он победил тибетцев и тангутов.

Освободив мысли от [забот] о врагах, [он жил] в Монголии и в сопредельных странах. По причинам, которые изложены в больших исторических сочинениях, он предпринял [походы] в Туркестан, Мавераннахр и Хорасан. Вместе с сыновьями он ввел эти страны в сферу своей власти, в сферу своего обладания. Эти события очень обстоятельно описаны в «Тарих-и Рашиди», а в этой книге нет необходимости [рассказывать] об этом больше. Поскольку [нашей] целью является изложение родословной могущественного хакана [Абдулла-хана, которая] связана с ханом, покорителем мира Чингиз-ханом, то далее будет кратко рассказано о ветвях и потомках последнего.

Повествование о женах хана — покорителя мира Чингиз-хана и перечень его счастливых сыновей

Да не останется скрытым, что у хана, подобного Рустаму [188], Чингиз-хана было около 500 жен и наложниц. Среди них он отличал [только] пять жен. Он посватал их по монгольскому обычаю. Он всегда отдавал им предпочтение. Из всех жен он питал наибольшее уважение и почтение к Буртэ-фуджин, дочери Дай нойона, который был предводителем, государем племени кунгират. Он всегда оказывал ей знаки внимания. От этой целомудренной, добродетельной жены появились на свет четыре сына, величественно, твердо восседающих на троне.

Первый [сын] — Джучи-хан, из рода которого происходят все государи Дашт[-и Кипчака]. Рассказывают следующее. В то время, когда Чингиз-хан воевал с племенем меркит и оно одержало над ним верх, Буртэ-фуджин была беременна Джучи-ханом. Племя меркит похитило ее. Поскольку в то время между племенем меркит и Он-ханом были мирные отношения, то оно отослало ее к последнему. Он-хан относился к Буртэ-фуджин с почтением и уважением. Благодаря своей прежней крепкой дружбе с отцом Чингиз-хана он всегда относился к Чингиз-хану, как к сыну, и смотрел на нее (т. е. на Буртэ-фуджин) как на невестку. Сколько ему ни говорили: «Почему ты не возьмешь себе Буртэ-фуджин?» — он отвечал: «Она — моя невестка, было бы несовместимо с благородством смотреть на нее оком бесчестья». Когда Чингиз-хан узнал об этом обстоятельстве, он послал к Он-хану деда Сартак нойона по имени Сара из племени джалаир, чтобы просить [у него] Буртэ-фуджин. Он-хан, помня прежнюю любовь к нему (Чингиз-хану), послал ему жену. Когда Сара направлялся к Чингиз-хану, в пути из страны небытия на ниву существования вступил Джучи-хан. Поскольку дорога || была очень опасной и было затрудни- 25б
тельно останавливаться и устраивать [младенцу] колыбель, Сара из небольшого количества муки замесил тесто и завернул в него его (ребенка), а чтобы не повредить слабые члены его, чтобы холод не причинял [ему] беспокойства, он (Сара) укрыл его своей полой и понес к Чингиз-хану. Его нарекли Джучи потому, что он появился на свет неожиданно.

Второй сын [Чингиз-хана] — Чагатай-хан, благословенная власть которого распространялась от границ Кашгара и Сейхуна до берегов реки Джейхун. Все эти пределы были под его властью, в сфере его могущества.

Третий сын — Угедей-каан, который сделался кааном после Чингиз-хана и сидел на троне каана тридцать лет. Он оставил мир, украсив его блеском правосудия, светом исключительной щедрости. Согласно завещанию отца благословенный царевич [Угедей] некоторое время находился в улусе. Все [его родственники], стар и млад, повиновались его воле и приказам, охотно и покорно опоясались поясом служения.

Четвертый [сын] — Тулуй-хан, прозвищем которого было Улуг нойон. Чингиз-хан, обращаясь к нему, [называл его] нукером, потому что при злоключениях бóльшую часть времени он находился при благословенном отце, на поле битвы и сражения он стоял рядом с отцом. «Тулуй» по-монгольски называют зеркало, по-тюркски зеркало называют «кузгу».

Теперь ясно, что основная цель изложения этих рассказов и написания этих преданий заключается в описании родословной его величества, повелевающего, как Искандар, Абдуллы бахадур-хана. Ввиду того что родственные отношения этого государя, подобного Рустаму, связаны, зависимы от родословной Джучи-хана, то, отказавшись от повествования о делах других [сыновей Чингиз-хана], мы начнем описание жизненных обстоятельств Джучи-хана.

Рассказ об основных жизненных обстоятельствах Джучи-хана и о переселении его из этого мира

В исторических сочинениях, в преданиях говорится о том, что Джучи-хан скончался за шесть месяцев до смерти отца, из тленного мира он поспешил в теснины вечного мира. Рассказ об этом событии следующий.

В ту пору покоритель мира Чингиз-хан с войском, [многочисленным], как звезды, с войском, не поддающимся определению и исчислению, пошел завоевывать Самарканд, землю, подобную раю. Для завоевания Хорезма он послал своих славных сыновей Джучи-хана, Чагатай-хана, Угедей-хана. Согласно приказу [отца] царевичи пошли освобождать Хорезм. Они окружили эту крепость, уподобив ее точке в центре окружности. На протяжении долгого времени, многих дней они прилагали старания, [чтобы приготовить] орудия и оружие для захвата крепости. Однако
26а вследствие вражды между Чагатай-ханом || и Джучи-ханом победа не удалась. Покоритель мира Чингиз-хан услышал о вражде и разногласиях между братьями. Он приказал, чтобы братья ради пользы [дела] — завоевания крепости — поступили бы так, как велит Угедей-хан, который был известен и славен как обладатель совершенного ума, [человек] проницательный, исключительных способностей, и чтобы они, считая его предводителем, не противоречили бы ему.

Когда прибыл посол [Чингиз-хана] и представил ханский приказ, братья в соответствии с ханским приказом выразили покорность воле Угедей-хана. Согласно приказу [отца] Угедей-хан приступил к делу. Будучи человеком умным и проницательным, он каждый день шел к какому-нибудь брату и проводил у него время, [выказывая] дружбу и ласку. [И делал он так] до тех пор, пока благодаря приятным рассказам [его] не установилась дружба между Чагатай-ханом и Джучи-ханом. [Согласно стиху]: «Примиряйте же обоих ваших братьев» [189], он восстановил между ними мир и возобновил взаимную дружбу между сторонами. Посоветовавшись с братьями, он с войском, более многочисленным, чем пески в пустыне, с армией, численностью большей, чем злоключения судьбы, каждый день направлялся к крепости и вел бои [за нее]. Он расположился вокруг города и [его] стен, обложил их со всех сторон и готовил средства для захвата крепости. Иногда он удерживал своих людей от битвы и никого не подпускал к крепости, медлил [с захватом] ее. Причина его промедления заключалась в следующем.

Когда покоритель мира Чингиз-хан вознамерился послать царевичей для захвата Хорезма, он услышал, что шейх шейхов Наджм ад-дин Кубра [190], да ниспошлет бог покой его великой душе, изволил пребывать в том вилайете. [Чингиз-хан] послал [к нему] вместе с сыновьями имама муджтахидов[191] Кази-хана. Он приказал, чтобы, как только они прибудут в те края, они сообщили шейху следующее: «[Пусть шейх], взяв своих жен, домочадцев, всех приверженцев и почитателей, покинет город, ибо последовал наш приказ об избиении жителей этой страны». После того как царевичи вместе с его святейшеством Кази-ханом, да будет над ним милость и довольство [Аллаха], поспешили в Хорезмийский вилайет и обложили эту крепость, уподобив [ее] центру окружности, его святейшество Кази-хан предупредил шейха шейхов [Наджм ад-дина Кубра], как ему было приказано. Его святейшество [шейх] не придал никакого значения перлу наставлений его святейшества Кази[-хана]. Он соизволил сказать: «Было бы слишком бесчеловечно, [если бы] я, спокойно живший в течение стольких лет под покровительством жителей этого вилайета, предпочел расстаться с этими людьми теперь, когда настала тяжелая пора, время возникновения смут, и, избрав путь безопасности, начал бы жить в долине спокойствия».

Двустишие

У меня не выйдет из головы любовь к чернооким,
|| Это — предопределение небес, иначе не будет. 26б

[Да], как пожелает [бог], так и будет.

Покоритель мира Угедей-каан, отчаявшись [уговорить] его святейшество, проявил такое большое усердие в завоевании крепости, в битве за эту славную крепость, что благодаря его распоряжениям за десять дней удалось овладеть Хорезмом. Согласно приказу [Чингиз-]хана жителей этого вилайета он истребил.

После завоевания этой страны Чагатай-хан и Угедей-хан поспешили к Чингиз-хану и встретились с ханом в Термезском вилайете.

Что же касается Джучи-хана, то он направил знамя величия и счастья к вилайету на севере, пошел в ту страну без разрешения [Чингиз-хана]. По этому случаю опечаленное сердце [Чингиз-хана] покрылось пылью досады, от ярости он опоясался поясом мести и соизволил сказать: «В скором будущем я брошу его в огонь гнева, согласно древнему ясаку [192] я подвергну его наказанию».

Когда Джучи-хан направлялся в отдаленные земли Туркестана, управление которыми было назначено ему, вследствие легкого недомогания им овладела сильная слабость. День ото дня силы его отклонялись от пути крепкого здоровья.

В ту пору, когда Чингиз-хан, успокоившись после завоевания вилайетов, пошел к своей великой орде, Джучи-хан, несмотря на свой сильный недуг, послал [отцу] несколько лебедей, дичи и подробно изложил свою болезнь.

Случилось так, что, когда по приказу Джучи-хана его эмиры занимались охотой, некто из [племени] мангыт проходил около ставки царевича [Джучи]. Под видом прогулки он бродил всюду и, увидев группу охотников, решил, что Джучи-хан охотится собственной персоной. И когда он [затем] поспешил к орде Чингиз-хана и удостоился счастья встретиться с ханом, хан спросил у него о болезни Джучи-хана, спросил о причине болезни. Мангыт сказал: «О болезни царевича я ничего не знаю, но, когда я проходил мимо его ставки, я видел, как он охотился на такой-то горе». Как только Чингиз-хан услышал такие слова, от крайнего возмущения он сказал: «Притворяясь больным, он задумал враждовать [со мной], на страницах сердца, на страницах мысли он начертал письмена о независимости?» В связи с этим обстоятельством он приказал: «Пусть Чагатай-хан и Угедей-хан приготовят все необходимое для дороги и поднимут знамя похода против него (Джучи-хана), я сам сяду верхом на коня и догоню их». Когда они готовились [осуществить] эти замыслы, вдруг пришло роковое известие о кончине Джучи-хана. Чингиз-хан крайне опечалился по случаю смерти сына, в пылу гнева он хотел убить мангыта, но не нашел его.

||*Повествование о переселении в загробный мир Джучи-хана и рассказ о его сыновьях* 27а

Среди историков существуют разногласия относительно возраста Джучи-хана. Одни говорят, что он скончался в двадцатилетнем возрасте, другие заявляют, что в [возрасте] между тридцатью и сорока [годами] он поспешил из тленного мира во дворец воздаяния. Эти [последние] слова наиболее близки к истине, и ходжа Рашид в своей «Истории» считает сомнительными первые слова. Словом, у государя, покорителя мира Джучи-хана из сокрытий небытия на стоянку существования вступили четырнадцать сыновей, величественных, как Фаридун. У его пятого сына,

Шейбан-хана, был благородный сын по имени Бахадур — бесценный жемчуг на пути смелости, на стезе храбрости. У него было два благословенных сына; второй сын, по имени Джучи-Бука, оставил четырех великих сыновей. От второго сына его, по имени Бадакул, остался один сын, очень храбрый, по имени Мунка-Тимур-хан. У него в раковине могущественности воспитывались шесть жемчужин счастья. У того, которого звали Илпак, засияли четыре звезды счастья в зодиаке творения. Один из них был Каанбай. У него был счастливый сын, славный сын по имени Махмуд-ходжа-хан. У него был правдивый сын Сузандж-султан. У его сына Пулада остались два счастливых сына — Ибрахим и Арабшах. У Ибрахима из шкатулки счастья появились два перла, сверкающих, как звезды: один — Хизр-хан, другой — Даулат-шейх оглан. У Хизр-хана был сын по имени Бахтийар. От него осталось три сына: Алайка, Хамза, Махди. У Алайка-султана остался сын по имени Нурум. У него был сын по имени Джанибек. У Хамзы-султана было шесть сыновей, [в том числе] Матлаб, Нур-Мухаммад-султан. Мать их — Тугай-бика Мангышлаки. Разъяснение этого обстоятельства следующее. Однажды счастливый хакан-мученик Мухаммад Шейбани-хан с огромным войском отправился походом на Хорезм и окружил его крепость. Байрак бахадур, который был одним из приближенных Хамзы-султана и единственным в своем роде в проявлении храбрости, смелости, однажды во время битвы отражал нападения одного человека, чрезвычайно ловкого. В кровопролитии и сражении [тот проявлял чудеса]. М и с р а: Он был как тюрк, не знающий страха перед очами красавиц. *Когда после долгого боя, бесчисленных стычек [его] схватили когтями могущества и заключили в оковы пленения, то выяснилось, что это женщина, а не мужчина. Ввиду крайнего удивления бахадур привел ее к своему султану и передал один за другим рассказы о ее храбрости и смелости. Хамза-султан из-за [ее] исключительной храбрости, безмерной
27б отваги ввел ее в сферу [своего] обладания и взял себе, || из-за сильной любви, исключительной привязанности он женился на ней.

Другие [сыновья Хамзы-султана]: Бурундук-султан, Хисари-султан, Тимур-хан. Их мать — Латифа-Султан-бегим, дочь Хасан-бека Чагатаи, который был из числа почетных эмиров могущественного султана Махмуд-мирзы ибн Мирзы султана Абу Са'ида — султана-мученика, да освятится могила его!

У Бурундук-султана было шесть сыновей. Первый — султан Шукр Али. Мать его — Бика-Султан-ханим, дочь Махди-султана. Второй — храбрый султан Шах-Мухаммад-султан. Мать его была из рода Чагатая.

Еще Хашим-султан. Мать его — Раби'а-Султан-ханим, дочь его высочества Дуст-Мухаммад-султана, дяди его величества могущественного [Абдулла-хана].

Еще Дуст-Мухаммад-султан и Факир-султан. Мать их была из [племени] мангыт.

Еще Амин-султан. Мать его — Таййиба-султаним, дочь Бубай-султана.

Еще шестой сын Хамзы-султана — Али Мухаммад-султан. Мать его — Ханзада-ханим, дочь мангытского мирзы.

Другой — Махди-султан. У него было два сына — Турсун Мухаммад-султан и Адил-султан. Мать их была дочерью одного из мангытских эмиров.

Рассказ о событиях, [происходивших] при Абу-л-Хайр-хане и описание его жизненных обстоятельств

У Даулат-шейх оглана был один сын — покоритель мира Абу-л-Хайр-хан. После мученической смерти Ходжи Мухаммад-хана ему была передана власть над Дашт-и Кипчаком до пределов Туркестана и Сыгнака. Он был

славный государь, обладающий войском, многочисленным, как звезды. На небе величия ясно и ярко отразились признаки счастья и блаженства [его]; лучи счастья и могущества сверкали в его делах, при разных случаях его жизненных обстоятельств.

Р у б а ʿи

Когда [весть] о его могуществе вознеслась над горизонтом,
Прах с его ног небо приложило к зрачкам,
Он такой хан, что его [походная] палатка на колесах
Все время притязала [быть равной] по высоте небесному своду.

Короче говоря, в ранней молодости, когда ему было не более двадцати лет, благодаря силе счастья, исключительному величию и славе он вырвал Хорезмийский вилайет из рук мирзы Шахруха, одного из правовернейших сыновей государя, место которого в раю, полюса мира и веры эмира Тимура Гургана, да сделает Аллах лучезарным их блеск! Радостный, веселый, он находился на ханском троне, на престоле миродержавия. [Преданный] истинной вере (исламу), по исключительной набожности с глубокой искренностью он относился к улемам, муфтиям [193], отшельникам и благочестивым и считал величайшим счастьем, высочайшим блаженством превозносить эту высокую категорию людей.

В то время, когда он изволил наезжать в Хорезмийский вилайет, он иногда посещал могилу его святейшества, чье превосходство благословенно, || примера улемам [всего] мира, доказательства [величия] Аллаха 28а
для народа, средоточия лучей знаний и мудрости, лучшей части истин улемов и мудрецов, путеводителя мудрых и лучших людей, удостоенного чести проникнуть в обитель Аллаха, его святейшества маулана Хусайна Хорезми [194], да освятит Аллах тайну его! У чудодейственного духа его он просил поддержки для [осуществления своих] высоких помыслов. Его величество [Абу-л-Хайр-хан], изучив его достоинства и родословную, отметил его достойными дарами, всякого рода милостями. Он (Хусайн Хорезми) по-тюркски, в ясной форме написал комментарий к «Касида-йи Бурда» [195] и предисловие к нему украсил именем его величества августейшего [Абу-л-Хайр-хана]. В похвалу его величеству он написал по-тюркски еще несколько бейтов в виде месневи. Эти благословенные бейты следующие.

М е с н е в и

Он — из рода Шейбана, из потомков Чингиз-хана,
Он с ранних лет был великим среди великих людей,
Он — услада для сердец, радость для души,
Он — свеча в келье счастья для ночной молитвы.

В дни своей власти, увеличивающейся с каждым днем, он оживил и придал блеск базару веры и законов, делам шариата и народа. Рукой помощи он очистил цветник страны от колючек мятежей. В дни своей власти, в пору величия полировкой правосудия он удалил пыль притеснения и тирании, ржавчину несправедливости с зеркала справедливости. Зефир милосердия, сильный ветер его милости начал веять с места дуновения царской помощи. До обитателей мира донеслось дуновение его правосудия, веяние его справедливости. Весть о его справедливых и похвальных делах, слава о его достойных качествах — набожности, милосердии — дошли до слуха людей [разных] племен, до обитателей благоустроенной части мира.

Кыт'а

Будь справедливым, ибо в день Страшного суда под солнцем
Бог осенит тенью справедливого государя,
Как только честь твоя достигнет высшей ступени, тотчас же земля
Все, что имеет в себе справедливого, выбросит наверх.

Опрокинув знамя притеснения, заставив забыть коранический стих о тирании, он поднял знамя справедливости, стяг щедрости. Сообразуясь с хадисом: «Бойтесь мольбы терпящих гнет», он остерегался молитвы терпящих гнет. Красавицу положения дел народа, лик обстоятельств простых людей он постоянно украшал нарядом правосудия и справедливости. Он всегда проявлял исключительное старание и усердие в том, чтобы искоренить заслуживающие порицания обычаи и установить законы и обычаи, достойные похвалы.

Стихи

Этот мир — движущаяся тень,
Тень, которая иногда оказывается спереди, иногда — сзади,
Делай добро, когда тебе удается,
[Ведь] не всегда [это] будет возможно,
Если ты хочешь [взять] от мира запас [на тот свет],
Достаточно такого запаса, как доброе имя.

Когда повсюду разнеслась слава о шахских подвигах, весть о государе-
285б вой славе, || а его милосердие и покровительство [народу] стали предметом разговоров на собраниях, рождали легенды в обществе, по этой причине к его порогу, достойному Каабы, стали направляться с разных сторон нуждающиеся и просители. С востока и запада нуждающиеся люди стремились к той кыбле упований. Все они возвращались, достигнув желанной цели, получив [столько], сколько они просили. Они были наделены неисчислимыми дарами, осчастливлены безграничными его милостями. На службу к хану приходили и великие потомки славного эмира Тимура Гургана: Абу Са'ид-мирза, его брат Минучихр-мирза, мирза Мухаммад Берке, Абу-л-Гази Султан Хусайн-мирза. Они находились у его стремени, [считая это для себя] счастьем. Поскольку рукой воздержания от греха они цеплялись за подол его величия, то благодаря его помощи и покровительству они достигали предела своих желаний, оказывались на престоле власти, на троне господства.

Стих из поэмы

Не стало такой капли в море, не [осталось] такой пылинки в степи,
Которые не были бы наделены его милостью.

Словом, его величество великий и славный [Абу-л-Хайр-хан] около сорока лет спокойно и с достоинством господствовал в Дашт-и Кипчак, самом приятном месте в мире. Он ввел в сферу обладания [земли] от Рустам Турласа [196] до границы Булгар [197] и властвовал [там]. Он завоевал также земли Туркестана со всеми подвластными областями. Перед разными сословиями: мудрецами, господами, простыми людьми, перед всем народом он раскрыл врата справедливости и щедрости.

Стихи

Тот правосудный для [всего] мира государь,
Туча длани которого посылала дары морю,

В дни [своего] могущества он посылал Каноп из Йемена [198]
Для приветствия Алькора [199].
На поле битвы копытами [коней], подобных горе,
Он подымал в воздух гору.

Описание его особы, перечень его качеств не вмещаются в сферу повествования и изложения. Нет более ясного доказательства великого положения, высокого достоинства [Абу-л-Хайр-]хана, место которого в раю, чем его храбрые потомки.

Памятка о ветвях и высокодостойных потомках Абу-л-Хайр-хана

Да не останется скрытым, что у его величества [Абу-л-Хайр-хана] было одиннадцать справедливых сыновей. Сначала Шах-Будаг-султан, Ходжа Мухаммад-султан. Их мать — Буркут. [Затем] Ахмад-султан, Мухаммад-султан. Их мать из [племени] мангыт. [Далее] Шейх Хайдар-хан, Санджар-султан, Ибрахим-султан. Их мать из [племени] кунграт. [Еще] Кучкунджи-хан, Суюнч-Ходжа-хан. Мать их — дочь покойного государя Улугбека Гургана. [И еще] Ак-Бурук и Саʿид-Баба. Они родились от наложницы.

У Шах-Будаг-султана было два счастливых сына. [Первый] — счастливый хан, мученик за веру Мухаммад-хан‖ Шейбани. 29а

У его величества [Шейбани-хана] было три справедливых сына: Тимур-хан, Хуррам-Шах-султан, Суюнч-Мухаммад-султан.

У Тимур-хана был один сын — [Пулад-султан]. У Пулад-султана был один сын—Кукбури-султан. У него не было потомства.

У Хуррам-Шах-султана также не было потомства.

У Суюнч-Мухаммад-султана был один сын Мухаммад-Йар-султан. На нем тоже прервался род.

Второй сын Шах-Будаг-султана — праведный султан Махмуд-султан. У его величества [Махмуд-султана] был один сын Абу-л-Гази Убайдулла-хан. У него было два сына. Первый — Абд ал-Азиз-хан. Мать его из казашек. Второй — Мухаммад-Рахим-султан. Мать его из моголов.

Повествование о жизненных обстоятельствах Шейбани-хана, о переходе к нему Мавераннахрского вилайета от сыновей султана Абу Саʿид-мирзы и о состоянии дел его

Когда рассказ дошел до этого места, благоухающее амброй перо сочло нужным рассказать в краткой форме о жизненных обстоятельствах хана-мученика Мухаммад Шейбани-хана, о его славном брате Махмуд-султане, о дорогом сыне последнего Убайдулла-хане, чтобы стало ясно, в ком и в чем причина перехода Мавераннахрского вилайета от потомков Тимура к ханам Дашта. Красноречивые писцы написали об этом следующее.

Хан, место которого в раю, Шейбани-хан родился в дни правления Абу-л-Хайр-хана, в 855/1451 году от [находящейся] за высокой завесой [целомудрия] Аккуз-бегим, которая была из рода Алтан-хана. Звезда власти [Алтан-хана] засияла на горизонте его счастья, засверкала от сияния луны его величия, лучей солнца его могущества еще до восхода солнца величия и великолепия Чингиз-хана. Абу-л-Хайр-хан назвал его Мухаммад Шейбани-ханом и дал ему прозвание Шахбахт.

В 858/1454 году появился на свет славный султан Махмуд-султан. Его величество [Абу-л-Хайр-хан] назвал его Махмуд-султаном, прозвал его Бахадуром. Великий хан [Абу-л-Хайр] сильно любил обоих царевичей. Он не упускал ни минуты в проявлении милости и уважения к ним.

После того как Шах-Будаг-султан молодым, в расцвете лет простился с тленным миром, гласу: «Вернись» [200] — ответил: «Вот я перед тобой» [201] — и нашел место в райских садах, Абу-л-Хайр-хан от сильной любви, исключительной привязанности [к царевичам] передал их уйгуру Байшейху, который раньше был атака [202] Шах-Будаг-султана. Он приказал [ему], чтобы [тот] считал своим долгом внимательно относиться к ним,
29б прилагал большое усердие в воспитании благородных царевичей, ‖ опоясал бы талию преданности поясом самопожертвования и не проявлял бы беспечности.

Поскольку на их ясном челе сверкали лучи счастья и знатности, а в зеркале красоты их отражались признаки счастья и власти, уйгур Байшейх по мере своих сил приложил достойные похвалы старания, огромные усилия в воспитании каждого из царевичей до тех пор, пока те из детства не перешли во взрослое состояние, стали взрослыми, рассудительными.

Короче говоря, после того как скончался великий хан Абу-л-Хайр-хан, да сделает Аллах лучезарным его блеск, и поспешил в райские сады, из-за господства врагов, победы мятежников и смутьянов полностью пришли в упадок, распались государство и улус его величества. Его войско, слуги, подчиненные и приближенные стали бродить по пустыне растерянности, были попраны ногами злой судьбы. Однако его величество Шейбани-хан и другие султаны, как-то: Кучкунджи-хан, Суюнчик-хан, Махмуд-султан, Хамза-султан, Махди-султан, Джанибек-султан, сердца которых были опоясаны мечом храбрости, [в знак] согласия с ним (ханом) в дни его скитаний не выпускали из рук нити единодушия [с ним]. Какие бы трудности, неприятности ни посылала им судьба, они никогда не выпускали из рук подол верности [Шейбани-хану].

Стихи

Красота твоя и прелесть покорили мир,
Да, в единодушии можно завоевать мир.

Они знали, что после горечи терпения и трудностей будет сладость меда пользы, вслед за черной ночью терпения [настанет] светлое, великолепное утро.

Двустишие

Конец темной ночи светел,
В отчаянии заложено много надежд.

В дни разгула мятежей, испытывая трудности, многие люди держались за крепкие руки терпения, твердо шли по пути долготерпения до тех пор, пока не достигли стоянки желанной цели и рукой упований не уцепились за подол достижения цели.

Двустишие

Роза в печи испытала много волнений,
Пока, избавившись от волнений, не превратилась
в розовую воду.

Друг великого бога шейх ул-ислам ходжа Абдаллах Ансари [203], да освятит Аллах тайну его, изволил сказать: «Терпение — ключ ко [всему] закрытому, долготерпение — средство [избавления] от изнуренности, результатом долготерпения является победа, а дело нетерпеливых с каждым днем становится хуже».

Месневи

Терпение — ключ к сокровищнице упований,
Нетерпеливый не открывал двери желанной цели,
Если потерпишь — достигнешь цели,
От спешки же свалишься с ног.

Наконец терпение Шейбани-хана [было вознаграждено]. Великий господь, чтобы удовлетворить высокие желания [его] сердца, осуществить [его] великие цели, перенес из темницы тленного мира в просторы вечного мира многих государей, великих, как Джамшид, высоких, как нойоны.‖ 30а
Он передал [бразды] завоевания [стран] в его руки, [включил] в сферу его власти страны Мавераннахра, Туркестанский вилайет, [земли] от границ Кашгара до пределов Бадахшана, от Балха и Хорасана до границ Азербайджана.

Месневи

До того, как однажды вознестись на небо, Мухаммад
Склонил к себе сто тысяч сердец и душ.

Изложение этого обстоятельства следующее. В 901/1495-96 году в течение одного года скончались все великие, счастливые потомки благословенного хакана, погибшего мученической смертью, мученика мирзы султана Абу Са'ида, да озарится его могила! [Они были государями], которые на протяжении многих лет, очень долгого времени правили в странах Мавераннахра. Подвергшись болезням и недугам, они перенесли пожитки из этого мира в царство потустороннего мира.

Сначала в среду месяца рамазана 899 года пожелал переселиться в в тот мир Омар-шейх-мирза, правитель вилайетов Андижан и Ахси и подвластных им земель. Власть над этими землями он передал своему старшему сыну — Захир ад-дину Мухаммад Бабуру [204].

После этого в середине месяца шавваля упомянутого года за короткое время вручил клад жизни ангелу смерти Ахмад-мирза, который был государем хранимого богом Самарканда и Бухары и подвластных им земель. Год его смерти заключен в следующем мисра: «Не стало одного из государей—теней бога» [205].

Поскольку у него не было сына, который после него воссел бы на трон власти, то в Самарканд прибыл его дорогой брат, султан Махмуд-мирза, за которым была закреплена власть над Хисар-и Шадманом [206], Кундузом [207], Багланом [208], Хутталяном [209], Бадахшаном [210]. Он стал преемником своего благородного брата. Страны Хисара и Бадахшана со всеми подвластными [им] землями он пожаловал своему старшему сыну, султану Мас'уд-мирзе, Бухарский вилайет он передал своему среднему сыну, султану Байсанкур-мирзе. Сам он как августейшая особа находился на троне Самарканда. По истечении шести месяцев с начала его правления в Самарканде им овладел тяжкий недуг и из тленного мира он также отправился в вечное царство. Власть над Самаркандом перешла к его сыну Байсанкур-мирзе. Эмиры Самарканда со своими войсками собрались у его счастливого стремени. Однако поскольку царевичи были малолетними, не имели жизненного опыта, не ведали о смене дней и ночей, то за короткое время основа власти этого почтенного сонма [государей] стала разрушаться. Здание их величия сотрясалось до тех пор, пока страны Мавераннахра и Туркестана со всем Бадахшанским вилайетом не отпали от их владений. Они закрепились за его величеством Шейбани-ханом и вошли в сферу его власти, в круг его могущества. Управление каждым государством, власть в каждой стране он вручил тому могущественному султану

30б или благословенному эмиру, который || отличался и славился исключительной проницательностью, незаурядными [способностями] в делах управления.

Итак, в Туркестанский вилайет он (Шейбани-хан) назначил его величество Кучкунджи-хана, его брата Суюнч-Ходжа-султана он определил в Ташкент и удостоил его власти [над городом]. Бразды правления Бухарой он вложил в руки милости, в султанские длани справедливости Махмуд-султана. Акси и Андижан он отдал храброму султану Джанибек-султану. В Шахрухии и ее окрестностях стал править верный эмир Йакуб. Охраняемый [богом] Самарканд попал под власть Ахмад-султана. Управление Хисаром и подвластными ему областями было передано Хамза-султану и Махди-султану. Для управления городом мужей Термезом был назначен Саййид Мухаммад-султан, Кундузом и Багланом — эмир Канбар и Саййид Ашик [211].

В последние дни правления государя, у которого знамя — солнце, Абу-л-Гази Султан Хусайн-мирзы[212] [Шейбани-хан] выступил с малочисленным войском для завоевания Балха, правителем которого в то время был Бади'аз-Заман [213]. В течение трех месяцев он прилагал усилия для захвата города. После того как в окрестностях Балха были произведены большие разрушения и это не облегчило захват города, [Шейбани-хан], не достигнув цели, отступил и переправился через Джейхун. Когда он [впоследствии] завоевал его (т. е. Балх), он отдал его своему среднему сыну — Хуррам-Шах-султану. По этому случаю ученые сочинили кыт'а, содержащее хронограмму этого [события].

К ы т 'а

Когда Мухаммад-хан переправился через Амуйю,
Напиток веселья жителей Балха стал горьким,
От грабежа разрушился весь город,
Поэтому хронограммой этого [события]
стало «разрушение Балха» [214].

В 911 году ушел из мира мирза Хусайн, как передает хронограмму этого события следующее мисра: «Тысяча сожалений о Султан Хусайне Байкара» [215]. Тогда из-за отсутствия согласия между его сыновьями Шейбани-хан ввел в сферу своей власти и Хорасан вместе с подвластными землями (букв. «с приложениями и добавлениями»). Он назначил своим наследником Тимур-хана и пожаловал ему титул хана, вверив ему управление Самаркандом, он сильно возвысил его.

Словом, благодаря деятельности и наилучшему покровительству этого великого государя дела во всех этих странах полностью упорядочились. Пыль мятежей, пыль смут совершенно исчезла с улиц, с весенних жилищ всего вилайета.

Конец жизненного пути Шейбани-хана

Солнце власти и счастья его (Шейбани-хана), достигнув апогея совершенства, одарив светом своей власти, звездой своего счастья великих людей, в 916 году скрылось за завесой исчезновения, [согласно стиху]: «Пока не скрылось оно за завесою» [216]. Солнце на небе деяний и упований его погасло на западе мученической смертью за веру.

Д в у с т и ш и е

Какое горе, государь-мученик погиб мученической смертью,
Солнце [его] склонилось к закату и скрылось.

||Для умных людей с лучезарными, как солнце, помыслами ясно и оче- 31а
видно, что во всяком совершенстве заложена гибель и всякое благородство на краю греха. М и с р а: Да, да, за всяким совершенством следует гибель.

Это страшное событие [можно] изложить вкратце следующим образом.

Тот правосудный государь, справедливый [Шейбани-хан] был занят священной войной против неверных и мятежников. Он прилагал усилия для изгнания врагов веры, для истребления насильников, которые являются сторонниками дьявола. В частности, когда [Шейбани-хан] восседал на троне власти в Хорасанском вилайете и поднимал знамя господства выше величия и славы, он постоянно отправлял послов к величайшему [шаху] недостойных людей, путеводителю всех презренных людей шаху Исма'илу [217], государю, подобного которому по величию и славе негодная толпа еретиков никогда не имела. Все время он (Шейбани-хан) предлагал следующее: «Выбирай одно из двух: или встань на путь своих предков, которые придерживались похвальных обычаев суннитов и [мусульманской] общины, или готовься к битве и сражению, к боям и побоищам и встань на путь отклонения от истины».

После того как они много раз обменялись посланиями и послами, из Ирака Арабского и Персидского шах Исма'ил собрал для сражения войско из неверных и грешников, войско из злых и грубых людей, со всем старанием он снарядил целую армию и выступил против Шейбани-хана. Он настиг его величество [Шейбани-хана] в Мервском вилайете. Несмотря на то что в то время у стремени августейшего хана было немного людей, от сильного желания [напасть на врага] он [счел] за честь [для себя вступить] в священную войну и, разорвав цепи жизни, устремился на врага. Когда враг вознамерился повернуть поводья для бегства, ханское войско настигло его. После встречи войско неверных и войско мусульман с обеих сторон выстроили ряды друг против друга наподобие Искандеровой стены. Отряды войск правоверных и бесчисленные войска еретиков заволновались, как морские волны, и, подняв крик, прервали дыхание в груди судьбы. Перо предопределения начертало на ясном челе этого государя, покорителя мира [Шейбани-хана] письмена о мученической смерти за веру. Поэтому во время битвы и сражения люди, отклонившиеся от пути истины, одержали победу и удостоили чести мученической смерти за веру этого достойного государя вместе с огромным числом людей. Остальных борцов за веру из войска правоверных, благословенного, верного, надежного войска, они рассеяли и разгромили. Коранический стих: «Решение — только у Аллаха» [218] — подтвердил мудрость, [выраженную в стихах]: «Аллах решает то, что захочет!» [219]. По случаю горестного события, [постигшего] его величество [Шейбани-хана], ученые составили хронограмму на его мученическую смерть из следующих слов: «Красная шапка» [220].

М е с н е в и

[Не всегда] одинаково вращается небосвод,
Иногда он делает [людей] радостными, иногда — молящими
о помощи,
На этой равнине (т. е. в мире) нет [ничего], кроме праха
красавиц,
||В этой большой чаше нет ничего, кроме крови царей, 31б
В любом куске кирпича, что мы видим,
Череп Кайкубада [221] и Искандара.

После победы и торжества шах Исма'ил вошел в Мерв и произвел массовое истребление населения. Он разрушил крепостные башни и стены Мерва и вернулся в Герат.

Краткое изложение событий, связанных с Убайдулла-ханом, повествование о жизненных обстоятельствах этого счастливого государя

Убайдулла-хан ибн Махмуд-султан ибн Шах-Будаг-султан ибн Абу-л-Хайр-хан по праву был справедливый и набожный, он широко прославился в деле управления государством.

Месневи

[Он наделен] счастьем, [ярким], как солнце, он облечен властью,
Славный, как Фаридун, он обладает троном, подобным [трону] Джамшида,
[Он] — блестящий жемчуг в шкатулке счастья,
Сверкающая звезда в зодиаке славы.

Для возвышения знамени Мухаммада, для поднятия знамен веры Мухаммада, да благословит Аллах его, его дом, да приветствует, он постоянно распространял знания о шариате, все время он укреплял народ избранника [бога Мухаммада], защищал великие предписания пророка. Он прилагал исключительные старания и усилия в уничтожении столпов ереси, в разрушении основ отклонения от пути истины.

Месневи

Благословенный шах, у которого двор как у Искандара,
Он — яркий месяц, силен, как лев,
[Он] — месяц на небе царского достоинства,
[Он] — шах на троне могущества.

Слава о его смелости и храбрости распространилась повсюду, весть о его величии и бесстрашии донеслась до слуха ангелов на небе.

Двустишие

Слава о его могуществе дошла до неба,
Весть о его величии услышали уши ангелов.

Он был талантливым [юношей], украшен нарядом мудрости и совершенства, наделен поэтическим даром.

Месневи

Величайший господь! Какой красноречивый шах,
Во всякого рода словотворчестве он мастер,
В стихах и прозе на тюрки и тази [222]
Ему был доступен путь к чудотворству.
Этот султан — знаток моря поэзии,
Непревзойденный [знаток] наук.
Поскольку Оманское море [223] его стихотворчества выбрасывает жемчуга,
То на берег моря посыпались жемчуга [слов],
Слова его приятны, прекрасен [их] смысл,
Они смешаны с сахаром и чистым медом.
Дыхание его, своей приятностью ласкающее душу,
Было подобно чудесному дыханию Исы.

Поистине он был такой правосудный каан, что все написанное, рассказанное о его похвальных качествах и милостях засверкало, [как] луч света в подобных морю сердцах великих и малых. М и с р а: [Все это] лишь капля в море, капля в океане.

Словом, в 892 году из пустыни небытия он явился в город существования и полностью осветил мир блеском своего рождения. По просьбе его счастливого, достойного похвалы || отца его святейшество, полюс полюсов, 32а кыбла мудрецов ходжа Насир ад-дин Убайдулла [224], да озарит Аллах его обитель, да сделает Аллах его жилищем рай, дал ему благословенное имя Убайдулла [225], из-за исключительной милости он сам назвал его этим своим славным именем. Именно благодаря этому сохранилась память о его великодушии и добрая слава в этом тленном мире. Словом, с того времени, как он осветил темный мир светом своего появления, и до той поры, когда счастливый [Шейбани-]хан-мученик испил напиток мученической смерти, он (Убайдулла-хан), как тень, [всегда] был у стремени благословенного [Шейбани-хана]. Он всегда обнажал меч верности [Шейбани-хану], словно солнце, [излучающее свет], и завоевывал страны.

Когда имам времени, халиф милосердного [бога Шейбани-хан] окопался в Мерве, Убайдулла-хан раньше всех двоюродных братьев переправился через Джейхун. Несмотря на то что противник располагал большим войском, он, сочтя толпу врагов как бы несуществующей, направился к Мерву. В тот день, когда благословенный [Шейбани-]хан во время полуденной молитвы погиб мученической смертью, его величество [Убайдулла-хан] устремился в Мерв. Он взял Могол-ханум [226], которая была почитаемой женой его (Шейбани-хана), и перешел через Джейхун. После того как шах Исмаʿил одержал победу [под Мервом], он выступил для завоевания Герата.

Рассказ о походе государя Бабура на Хисар, о мученической смерти Хамза-султана, о вступлении шейбанидских султанов в Туркестан и завоевании ими Мавераннахра, о вторичном поражении Бабура

После того как Исмаʿил убил [Шейбани-]хана и рассеял остатки [войска], он бросил аркан завоевания на зубцы Гератской крепости. Он отправил в Кабул к шаху Бабуру со всеми почестями Ханзада-бегим, сестру шаха Бабура, которую хан-мученик [Шейбани-хан] после развода подарил одному из саййидов Саййиду Атаи. Во время событий, [происходивших] в Мерве, в разгар битвы, [ее] взял в плен один неверный. Он (Исмаʿил-шах) отправил послание [Бабуру] с выражением единодушия и дружбы. Государь Бабур в расчете на поддержку [Исмаʿил-шаха] послал к шахскому двору своего двоюродного брата Хан-мирзу ибн Махмуд-мирзу. Отправив письмо с выражением верности, преданности, покорности в делах, он просил о помощи. Шах [Исмаʿил], удовлетворив просьбу государя [Бабура, оказывая ему] внимание, вместе с Хан-мирзой отправил бесчисленное количество курчиев [227]. [Хан-] мирза прибыл из Хорасана с огромным войском, не поддающимся исчислению и определению. Государь Бабур, рассчитывая на помощь этого храброго войска, стянул силы к Хисару.

Узнав о походе врагов, Хамза-султан и Махди-султан послали ||лю- 32б дей в Самарканд и Бухару с известием об этом событии. Сами они с войском, многочисленным, как капли дождя, с армией, бесчисленной, как полчища волн, сразу же выступили для истребления противника. Эти два разъяренных войска, [готовых] к мести, встретились в Сар-и Пул-и Сангин [228]. Государь Бабур одержал победу и убил Хамза-султана, Махди-султана и Мамак-султана. Он завоевал Хисарский вилайет и вознес победный клич до небесной чаши.

Когда распространилась весть об этом событии, по предначертанию судьбы все шейбанидские султаны устремились в сторону Туркестана. Они остановились в этой местности и успокоились. [Это продолжалось] до тех пор, пока в [месяце] раджаб 917/сентябрь—октябрь 1511 года государь Бабур с помощью этой толпы злодеев вновь не отвоевал свои наследственные владения. Сделав [своей] столицей Самарканд, он поднял там знамя господства. В Бухаре он оставил Ширим-Тугая.

Вначале жители Мавераннахра обрадовались победе и господству своего государя [Бабура]. Однако затем вследствие его непохвальных действий, недостойных поступков они стали просить великого бога устранить и уничтожить его. [Объясняется это] тем, что он не оправдал надежды людей. Они надеялись, что, как только он станет властвовать в своих наследственных владениях, он снимет наряд кызылбашей, в который он по необходимости нарядился, и облачится в наряд суннитов, всех жителей этого вилайета. Однако государь Бабур не снял с себя наряд той недостойной толпы [шиитов]. Картина оказалась не такой, какую ожидали увидеть люди, ибо сила и могущество государя [Бабура] еще не достигли такой степени, когда ему не нужно было бы умолять о помощи, просить о поддержке. Именно по этой причине государь Бабур был великим и полновластным в Мавераннахре не более восьми месяцев. [После этого] он был разбит и обращен в бегство и направился в Хисар-и Бадахшан. Объяснение этого обстоятельства следующее.

В месяце раджаб упомянутого (917/1511) года прославленный храбростью государь [Бабур] стал повелителем в Мавераннахре. И не прошло еще и восьми месяцев с начала его правления, как все великие и знатные люди Самарканда и Бухары почувствовали к нему отвращение по той причине, что он, выражая покорность Исма'ил-шаху, облачился в наряд презренных тюрков-[кызылбашей].

Итак, когда пришла к концу зима 917/1511-12 года и от непрерывного падения дождевых [капель] земля покрылась зеленым шелком, из шейбанидских ханаков Убайдулла-хан с одобрения Джанибек-султана с [войском в] 2600 человек совершил набег на Бухару со стороны пустыни,
33а по дороге, ведущей к Еди Кудук [229]. || У большинства из них не было луков и стрел, а у кого они и были, то очень плохого качества. Считая толпу врагов как бы несуществующей, они вручили сердца на милость великого бога. Государь [Бабур], узнав об этом неприятном событии, сначала послал в Ташкент отряд эмиров на помощь Касыму Кухбуру. Сам он с сорокатысячным войском, [в котором] все воины храбрецы, люди весьма прославленные, направился в Бухару. Он встретился с Убайдулла-ханом в Кул-и Малик [230], расположенном к западу от Бухары. После встречи сторон храбрецы обоих войск выстроились рядами друг против друга и, подняв, [как] знамя, проливающие кровь мечи и копья смуты и вражды, готовые к битве и сражению, привстали в стременах. Наконец, согласно кораническому стиху: «Сколько небольших отрядов победило отряд многочисленный с дозволения Аллаха!» [231], Убайдулла-хан одержал победу. Государь Бабур отступил и, бежав с небольшим числом людей, направился в сторону Хисара. Это событие произошло в [месяце] сафар 918/апрель—май 1512 года.

После того как была одержана победа, все страны Мавераннахра перешли в руки обладания шейбанидских ханаков, все султаны доверили Джанибек-султану право поделить вилайеты.

Его величество [Джанибек-султан], соблюдая древние обычаи, назначил правителем Самарканда Кучкунджи-хана. Передав Ташкентский вилайет Суюнч-хану, он возвысил его до Фаркада [232]. Мухаммад-Тимур-хана он сделал помощником правителя Самарканда и [его] сотоварищем в делах управления вилайетом, в делах государственных, возвысив сан его величия до макушки лотоса [крайнего предела]. Управление Бу-

харой, которая была наследственным [уделом] Убайдулла-хана, он передал его величеству [Убайдулла-хану]. Каракуль и Карши он дал ему же в виде вознаграждения. Весь Миankальский вилайет и Согд Самаркандский он оставил себе и своим сыновьям, [чтобы] управлять [ими]. В этой стране он поднял знамя величия.

Когда государь Бабур был вынужден отказаться от доставшегося ему по наследству государства, он избрал путь отступления и обратился в бегство. Он вновь послал человека ко двору шаха Исма'ила с просьбой о помощи. Согласно [просьбе] шах Исма'ил послал на помощь государю [Бабуру] эмира Наджма [233], который был его эмир ал-умара, с 60 тысячами храбрецов, каждый из которых был похож на дива, был подобен злому духу. С этим храбрым войском государь Бабур в начале зимы упомянутого (918/1512-13)года поднял знамена похода против шейбанидских султанов. Сначала он пошел на Карши и осадил его крепость, силой захватил [ее]. Во время этих печальных событий погиб мученической смертью маулана Бинаи.

Когда распространилась весть об этом событии, || храбрый султан 33б
из рода шейбанидских хаканов Абу-л-Фатх Джанибек-султан поспешил в Бухару, чтобы соединиться с Убайдулла-ханом. Тимур-хан, Пулад-султан, Абу Са'ид-хан также отправились из Самарканда в Бухару, чтобы, объединившись с его величеством Джанибек-султаном и с благословенным ханом Убайдулла-ханом, постараться отразить врага. Однако, поскольку враги прослышали об их походе и вышли [к ним] навстречу, [шейбанидские] султаны не смогли объединиться. Самаркандское войско, укрывшись в крепости Гиждуван, окопалось. Джанибек-султан и Убайдулла-хан, вручив себя воле творца всего сущего, выступили из Бухары против врагов.

Мусульманское войско и войско неверных встретились на берегу Зарангари [234], [канала], проходящего к востоку от Гиждувана и относящегося к упомянутому [Гиждуванскому] туману. С обеих сторон храбрецы показали образцы мужества и отваги. Согласно [пословице]: «Правда побеждает», за один час руки мусульманских [воинов] скрутили лапы неверных, еретиков. Уделом этой толпы невежественных притеснителей сразу же стало бегство. У [эмира] Наджма сгорела звезда счастья [235], он сложил голову в этой битве. Государь Бабур, потерпев поражение, расстроенный, громко произнес коранический стих: «Бегство» [236]. Избрав путь отступления, он отказался от сражения. Некоторые ученые сообщили его величеству [Кучкунджи-]хану дату этой победы [такими словами]: «освобождение мусульман» [237]. Страны Мавераннахра вновь оказались под властью и в сфере могущества шейбанидских хаканов.

После этого [шейбанидские] султаны согласно древним законам и обычаям договорились между собой и принялись за важные дела ханства. Поскольку Кучкунджи-султан по возрасту был старше всех, то он получил звание хана. [Звание] каалга, что значит «наследник», было присвоено Суюнчик-султану. Но это случилось еще до смерти Кучум-хана, а после этого (т. е. его смерти) каалгой стал Джанибек-султан. Он также вслед за Суюнчик-ханом перенес пожитки [в тот мир]. После него отошел в вечность и Кучум-хан. Дела ханства перешли к Абу Са'ид-хану. Когда и он переселился в загробный мир, ханский трон украсился Убайдулла-ханом. Во время его господства, в пору его верховной власти Мавераннахр, в особенности Бухарский вилайет, обрел красоту и блеск.

Что же касается второго брата Шах-Будаг-султана, по имени Ходжа Мухаммад-султан, то у него было два справедливых сына. Первый — упомянутый выше благословенный Абу-л-Фатх Джанибек-султан, второй — Бубай-султан. У Бубай-султана был один сын по имени Кебек-султан. У него осталось два сына, [восседающих] на троне власти. || Они имеют 34а
доступ ко двору его величества могущественного [Абдулла-хана], занимают

высокое положение и должности. Один — благословенный султан Суюнч-Мухаммад-султан, другой — Саййид Мухаммад-султан.

У его величества Джанибек-султана из пределов небытия в мир существования явились двенадцать славных сыновей.

Двустишие

Каждый из них — жемчуг чистой воды в шкатулке власти,
Яркое солнце в зодиаке счастья.

[Они родились] в таком порядке: Дуст-Мухаммад-султан, Кистин-Кара-султан, Пайанда-Мухаммад-султан. Мать их — дочь Канбар Алибия, брата Абд ал-Али тархана;

Рустам-хан, Искандар-хан, Исфандийар-султан, Сулайман-султан. Мать их — дочь султана Махмуд-хана Кашгари;

Пир-Мухаммад-хан, Шах-Мухаммад-султан. Мать их также является дочерью одного из могольских эмиров;

Йар-Мухаммад-султан. Мать его — дочь Султан-Мухаммад Танбала, который также является одним из могольских эмиров;

и еще Джан-Мухаммад-султан, Нур-Мухаммад-султан. Мать их была наложницей.

От Кистин-Кара-султана осталось двое сыновей — Джан-Кара-султан и Клыч-Кара-султан.

У Рустам-хана [имеется] один сын — по имени Узбек-султан. Ныне он восседает на троне ханской власти, на престоле миродержавия.

У Сулайман-султана осталось двое сыновей: один — Махмуд-султан, мать его — дочь упомянутого выше Кебек-султана; другой — по имени Пир-Мухаммад-султан, он родился от наложницы.

У Йар-Мухаммад-султана был один благословенный сын — Хусрав-султан. От его высочества [Хусрав-султана] остался один благородный сын — по имени Исфандийар-султан, [он восседает] на троне султанской власти.

У Пир-Мухаммад-хана осталось три сына: Дин-Мухаммад-султан, Падишах-Мухаммад-султан, Шах-Мухаммад-султан.

У хана, повелевающего, как Сулайман, его величества Искандара бахадур-хана, да сохранит его Аллах, четыре счастливых сына, облаченных в дорогие наряды. Первый — хан, подобный Искандару, хакан, по достоинству Рустам, Абу-л-Гази Абдулла бахадур-хан, да увековечит великий Аллах его царство и власть его, возвысит его достоинство выше Фаркадайн.

Стихи

[Он] по справедливости — Омар, по правдивости —
Сиддик [Абу Бекр], по кротости — Осман,
По нраву — Али, по поведению — Хасан [238], по выражению
лица — Хусайн [239].

Второй — султан, по достоинству Джам, Абу-л-Фатх Ибадулла-султан. Третий — султан, величественный, как небо, Абд ал-Куддус-султан. Четвертый — Абд ал-Латиф-султан.

У его величества [Абдулла-]хана из страны небытия в мир существования явился один благословенный сын.

Двустишие

[Он] — дорогой жемчуг в шкатулке царствования,
Сверкающая звезда в зодиаке счастья.

Блеском освещающего мир солнца своей невиданной красоты он озарил весь мир. [Это] Абу-л-Фатх Абд ал-Му'мин-хан. Есть надежда на великого бога в следующем.

Стихи

Когда он возложит на голову корону власти,
Сядет на трон шаханшахов,
Он снимет с головы корону у кайсара Рума,
|| Насильно возьмет [с него] харадж [240], 34б
Царства в мире будут послушны его приказам,
К нему перейдет трон [власти] над миром.

Что касается храброго султана Джанибек-султана, то его знамена победы и славы возвысились до седьмого неба, могущество и достоинства его известны так же, как [семь стихов] первой суры Корана (Фатиха). Он был подобен солнцу; лучи [его] счастья и блаженства сияли в звезде счастья на его ясном челе, признаки величия и славы были явственны на его радостном лице.

Стихи

Небо величия и благородства, государь, величественный,
как звезда,
На лице которого сияет солнце счастья,
Его лицо, подобное луне, озаряет солнце
Так же, как солнце освещает луну.

Он такой государь, в книгах величия и славы которого видны признаки [победы] и одоления; на страницах его власти и совершенства час от часу становятся отчетливыми признаки божьей помощи и счастья.

Стихи

Государь, у кого признаки победы
Видны на страницах положения его дел,
Могущественный государь, чьи признаки благородства
Освещаются луной его красоты.

[В вопросах] шариата он был таким ревностным, что поддерживал все доброе, создавал убежища для несчастных. Он все время копил товар для потустороннего мира, [шел] по пути доброжелательства, по стезе отшельничества и смирения.

Двустишие

О человеке остается память в добрых и дурных [его делах],
[Поэтому] засевай это поле лишь семенами добра.

Он такой борец за веру, что слова, ниспосланные богом: «И убивайте их, где встретите» [241], он сделал своим имамом и путеводителем. Согласно [божьему] повелению: «И усердствуйте об Аллахе достойным его усердием» [242] — он приложил старание в исполнении предписаний [шариата] о священной войне, он применил [их в жизни], участвуя в войне за веру.

Стихи

Тот славный шах, от внушительного вида которого
Ушла душа Гива [243], упало сердце Пашанга [244],
От льва на победоносном его знамени дрожит,
Как молния, сердце крокодила в глубине моря.
В день битвы когти его меча рвут
Одну за другой жилы в сердце врага, уподобив
[их оборванным] струнам чанга.

Он такой поборник веры, что при исполнении предписаний религии и [законов] шариата, [установленных] вождем пророков [Мухаммадом], да будет благословение Аллаха и приветствие над ним и над всеми ими (пророками), он показал [свою] полную [к] ним приверженность. Укрепляя дела государства, осуществляя наказания, он не проявлял поспешности; в момент взрыва гнева он не упускал из рук гордости и надменности поводья самообладания.

Согласно [изречению]: «Если бы не было греха, то невозможно было бы познать прощение» [245], он закрывал грехи грешников полой прощения, подолом снисходительности.

Стихи

Если бы у нас не появились грехи из небытия,
Существование твоего прощения было бы в мире небытия.
Если твоему другу случится совершить проступок,
Ты придумай что-нибудь, чтобы простить ему прегрешения [246]

Месневи

35а || Благословенный шах с радостным лицом,
Счастливый, как Юпитер, обладающий троном, подобным
небесному [трону],
[Он] — луна, судьба [его ярка], как солнце, высока,
как звезда;
Он — Юпитер по прозорливости, Меркурий по положению,
Счастливый судьбой, могущественный в своем величии,
Он достоин короны, достоин престола,
[Он] — убежище веры, луч единения с богом
Сиял на его челе.
Хотя он по положению был царем,
Но по сути он принадлежал к сонму дервишей.
Он такой государь, что в страхе перед его мечом
[Сама] смерть просила [у него] пощады.
Когда сверкало море его меча,
Оно снимало голову врагу, точно пену.
Казалось, меч его был бровями,
Которые намекали ему на успех.
Если бы луна не повиновалась его воле,
Он привел бы ее [к себе] как рабыню,
Несмотря на ее величие и высокое положение на небе,
Надел бы кольцо на [ее] шею, подобно ореолу.
Кто не пылал любовью к нему, как солнце,
Судьба опрокидывала того, уподобив [опрокинутой чаше]
небосвода.

Он постоянно направлял свои высокие помыслы на искоренение ереси, на устранение отклонений от истины. По возможности он прилагал усилия и старание для поддержания столпов божественных законов шариата,

сооружения здания для чистой общины [мусульман]. Края его ковра веселья всегда были украшены благодаря присутствию великих саййидов, ученейших улемов, милосердных шейхов. От аромата его достоинств заблагоухало, стало ароматным расположение духа того великого, счастливого сонма людей.

При нем исключительными привилегиями, царскими милостями пользовались следующие [лица]. Его святейшество высокодостойный саййид Хаванд Бухари, известный как Мираху [247], солнце на небе саййидского достоинства, небо солнца счастья, гордость семейства «Та-Ха» и «Йа-Син» [248], путеводитель потомков вождя пророков [Мухаммада], величайшего избранника [бога], избранник среди почтенных [мужей]. [Он] — средоточие различных знаний, обнимающий разумом разного рода [науки], угодник в чертогах [божьих]. [Затем] его святейшество высокодостойный, благородный Низам ад-дин Ходжа Маулана Исфахани [249], ученейший среди ученых мира, раскрывающий тайны наук и законов, разрешающий любые трудности, лучший среди ученейших [мужей]. Он — путеводитель мистиков, признающих единство божье, опора знатоков хадисов. [Еще] саййид среди искателей истины, унаследовавший знания пророка — избранника бога [Мухаммада], произносящий молитвы и благословения [пророку, согласно хадису]: «Улемы — наследники пророков», объясняющий коранические стихи, [ниспосланные] богом, его святейшество, саййидское достоинство благословенный Джалал ад-дин Падишах-ходжа [250]. Он — потомок великих, милосердных [мужей], потомок великих шейхов, постигающий все чудеса, утверждающий законы времени и мысли, закладывающий основы мудрости и совершенства, да освятит Аллах души [всех] их! Утром и вечером, днем и даже ночами они спешили целовать ножки трона государя, достойного халифа, покорителя мира. Они обретали счастье в приятных беседах, великолепных, веселых пирах [государя]. Среди подобных и равных себе они всегда были высоко || отмечены царскими дарами до такой степени, что безграничная милость, исключительная, беспредельная щедрость коснулись каждого из них, оберегая их от бедствий и невзгод. Он (Джанибек-хан) отличал [их], назначая на высокие посты, повышая их в должности. 35б

Он питал сильную любовь к священному роду ходжей, был исключительно предан и верен [им], да будет над ними милость и довольство [Аллаха]! Поэтому он послал в Касан и Ахсикет человека, [который] привел в прекрасный город Кермине его святейшество, средоточие проявления несчетных случаев [божественной милости], угодника в чертогах бога, его святейшество маулана Ходжаги Касани [251], да озарится его могила! Согласно изречению: «Как прекрасно, когда эмир у дверей бедного» [252], [после смерти Ходжаги Касани] он все время посещал могилу его святейшества, обращался к его духу с мольбой, в полном смирении он вдевал голову преданности в кольцо раскаяния. Он обращался к его чудодейственному духу с просьбой о помощи в подвигах. Он поднимал голову гордости до апогея величия, что подтверждается следующими стихами.

Стихи

Счастье в обоих мирах заложено в служении дервишам,
Вера и мир — все в беседе с дервишами.
Совершенная непогрешимость — счастье, которого никто
не достигает,
Оно вечно в прошлом и будущем — это счастье дервишей.
Дарить корону нищему, отнять трон у шаха —
Все в руках могущества дервишей.
Не смущайся оттого, что дела идут плохо,
Ведь успех в них достигается благодаря великодушию
дервишей.

Краткий пересказ событий, связанных с его величеством [Джанибек-ханом]

Когда в 930/1523-24 году шах Исма'ил покинул этот мир и поспешил в мир возмездия, а его сын Тахмасп [253] утвердился на троне господства, на престоле власти, все шейбанидские султаны вознамерились начать священную войну против этого зачинщика мятежа смутьянов. Они не теряли ни одной минуты [в подготовке к войне], чтобы отомстить этому несчастному, жестокому [Тахмаспу] за кровь счастливого хакана-мученика [Шейбани-хана].

Наконец в 935/1528-29 году храбрый султан Джанибек-султан вместе с группой великих и могущественных султанов, таких, как Кучум-хан, Суюнчик-хан, Мухаммад-Тимур-хан, Убайдулла-хан, с огромным войском направился к Хорасанскому вилайету.

С той стороны Тахмасп с войском, превышающим численность шайтанов, с толпой, не поддающейся исчислению и определению, как злоключения судьбы, также вознамерился воевать, [выступив] со стороны Ирака. Привязав колокольчик вражды к верблюдице сражения, он направился
36a в Исфахан. || Он прошел эту местность и в окрестностях Харгирда [254], [в округе] Джам, он настиг благословенное мусульманское войско.

После встречи сторон оба войска выстроили ряды друг против друга. Благословенные, славные богатыри встали для битвы и отмщения [врагу]. После многих злоключений и бесчисленных стычек по предопределению всемогущего господа победоносное мусульманское войско [шейбанидских султанов] потерпело поражение. Все узбекские хаканы, рассеянные и разобщенные, решили возвратиться назад. Они направились к своим родным местам. Исключение представлял лишь его величество]Джанибек-хан], по отношению к которому небосвод — раб. Хранимый от бедствий потерь и поражений, он вернулся со всем войском во всем величии и великолепии. Однако по воле злой судьбы, в результате бедствий, [посылаемых] злосчастной судьбой, ржавчина горя и печали сделала тусклым зеркало его сердца, сверкающего, как солнце. Боль, [вызванная] горестями и скорбью, вылилась в недуг и лишила его чудесную природу нарядов здоровья. В конце 935/1529 года соответственно [числовому значению] слова «залла» [255] в прекрасном городе Кермине сокол его духа, исполненного милости божьей, вылетел из клетки его тела. На призыв «Вернись» [256] он ответил: «Вот я перед тобой» [257]. Он устремился в райские сады и обрел покой в райском цветнике, в надежном месте, [где начертано]: «На седалище истины, у царя могучего!» [258].

Месневи

Бренный мир — удивительное обиталище,
В нем нет постоянства, ибо это тленный мир,
Он изгнал из этого мира султана, словно дервиша,
Ни султан, ни дервиш не нашли в нем спасения.

В соответствии с тем, как [Джанибек-хан] разделил вилайеты Мавераннахра между своими славными сыновьями, дорогими потомками, в Афаринкентском вилайете властвовал хан, подобный Искандару, Абу-л-Гази Искандар бахадур-хан, да продлится царство его!

Рассказ о родословной могущественного, благородного, высокодостойного государя [Абдулла-хана] по линии славных могольских хаканов

Поскольку происхождение его величества [Абдулла-хана] связано с могольскими хаканами, то будет уместно кратко изложить жизненные обстоятельства этого великого, счастливого рода.

Да не останется тайным и скрытым для мыслей умных людей, для чутких сердец ученых, являющихся зрачком ока для проницательных людей, что счастливый хан Туглук Тимур-хан был сыном Айман-Ходжа-хана, сына Дува-хана. Последний является внуком Чагатай-хана ибн Чингиз-хана. Родословная его изложена во введении к «Зараф-наме» славы времени, милости для мира Маулана Шараф ад-дина Али Йазди [259]. В 764 году [Туглук Тимур-хан] переселился из теснин мира в райские чертоги [260]. Тогда дела ханской власти, важные дела государства перешли к [одному] из его сыновей — Ильяс-Ходжа-хану. || Когда скончался Ильяс-Ходжа- 36б
хан, к делам управления приступил эмир Камар ад-дин из племени дуглат. [Заявляя] высокомерно: «Я и кроме меня нет [никого]», он болтал о пути к независимости. Во всех областях Моголистана он насильно подчинил себе жителей, число которых совершенно не поддается исчислению. Он превратил свое сердце в дом страстей дьявола и поднял голову гордыни. Несколько раз он снаряжал войско, чтобы воевать, сражаться с его величеством, полюсом мира и веры могущественным эмиром Тимуром Гурганом. Из-за гордыни и кичливости он воевал с таким избранником судьбы.

Рассказ о его господстве в этом вилайете следующий.

Он — брат эмира Пуладчи [261], который привел от калмыков в могольские земли шестнадцатилетнего высокодостойного хана Туглук Тимур-хана.

Когда Туглук Тимуру исполнилось 18 лет, [Пуладчи] присвоил ему высокое звание хана. В двадцатичетырехлетнем возрасте благодаря помощи творца, предопределению великого бога он обратил [Туглук Тимура] в мусульманство [262], с порицаемого пути отчуждения [от бога] он привел его на похвальный путь [признания] единого [бога]. Он поднял знамя ислама и [признания] единого бога до высшей точки неба, выше обиталища ангелов.

Их, братьев [эмира Пуладчи], было пять человек. Первый — эмир Тулак, второй — эмир Пуладчи, третий — эмир Шамс ад-дин, о котором подробно рассказано в «Зафар-наме» при описании сражения, названного лай («грязь») [263], четвертый — эмир Камар ад-дин, пятый — эмир Шейх даулат.

После эмира Тулака звание улус-беги утвердилось за эмиром Пуладчи. Когда и он отправился из дворца этого мира в сады потустороннего мира, счастливый хан Туглук Тимур-хан передал эту высокую должность сыну высокодостойного [эмира Пуладчи], эмиру Худайдаду, о котором в тех вилайетах рассказывают много необыкновенных историй. В связи с этим [назначением] эмир Камар ад-дин, преклонив колени перед его величеством [Туглук Тимуром], заявил: «Права моего брата выше моих, но его сын, который слишком мал, ему еще не более семи лет, недостоин этого звания». Туглук Тимур никак не отступил от приказа [о наследовании], который он издал; он раскрыл врата милостей и даров перед эмиром Худайдадом, поэтому эмир Камар ад-дин обиделся, но не смог не повиноваться тому приказу [264].

Когда упомянутый [Ильяс-Ходжа]-хан скончался, ушел из этого мира, поспешил в обитель вечности, по словам, приведенным в «Зафар-наме», Камар ад-дин восстал, проявив давнюю вражду, которую он хранил в своем сердце. Он был человеком сильным, смелым, богатырем. В землях Моголистана его называли «Алф» [265]. Известно, что в его один сапог помещался семи-

летний ребенок. Из уст моголов известно, что он [однажды] за один день убил 18 ханских сыновей. Он присвоил себе ханское звание. В это время
37а из сыновей || Туглук Тимур-хана не осталось никого, кроме Хизр-Ходжа-хана, который был грудным младенцем. Эмир Худайдад, да сделает [Аллах] лучезарным его блеск, с согласия своей матери, носящей имя Эмир-ага, спрятал его. И сколько Камар ад-дин ни посылал человека с требованием выдать его (т. е. ребенка), эмир Худайдад прятал его и не отдавал. И только когда великий эмир Тимур Гурган завоевал Моголистан, покончил с Камар ад-дином и [тот] покинул этот мир, весь народ, став единодушным, единым, по согласованности с эмиром Худайдадом посадил Хизр-Ходжа-хана на ханский престол, на трон миродержавия, власть его, как это следует и как подобает, возвел до апогея полноты [266].

Когда и он скончался, когда норовистый конь [его] жизни стал необузданным и он погнал походного коня в мир вечный, тогда его сын Мухаммад-хан стал преемником отца на ханском престоле.

От него (Хизр-Ходжа-хана) остались еще и другие сыновья, такие, как Накш-и Джахан-хан, Шамʿ-и Джахан-хан, которому приходится зятем мирза Мухаммад Джуки, сын мирзы Шахруха. Однако поскольку род его величества могущественного [Абдулла-хана], второго Искандара, через три [поколения] хаканов восходит к Мухаммад-хану, то рассказ начнется с него.

Мухаммад-хан был государем-мусульманином по [всему его] образу жизни, справедливым, правосудным, очень богатым. Благодаря его исключительным стараниям многие моголы удостоились чести [принять] ислам, сошли с пути неверия, упрямства, распутства и разврата.

Когда Мухаммад-хан переселился в тот мир, у него осталось два сына: один — Шир-Мухаммад-хан, другой — Шир-Али оглан. Шир-Мухаммад-хан после отца стал полновластным государем. Во время его [правления] воцарилось полное спокойствие, исключительное благоденствие. Его брат Шир-Али оглан скончался в возрасте 18 лет. Не достигнув ханского звания, он поспешил в иной мир, но после себя он оставил сына по имени Вайс-хан. У него произошла ссора со своим дядей Шир-Мухаммад-ханом. Между сторонами несколько раз имели место столкновения, стычки, битвы, сражения. Он был современником Шахрух-мирзы [267]. В это время в Туркестане поднимал голову превосходства шейх Нур ад-дин ибн эмир Сар-Бугай кипчак, который был из числа высокосановных эмиров его величества, полюса мира и веры великого эмира Тимура Гургана, да будет милость и довольство [Аллаха] над ним! Его величество [Тимур] всегда обращался [с ним], как с сыном. А он (шейх Нур ад-дин) поднял знамя превосходства в Туркестане и вступил на путь вражды к сыну своего господина [Тимура] мирзе Шахруху, да озарит Аллах его свет, и не сходил со стези непокорности [ему]. Поскольку [Нур ад-дин и Вайс-
37б хан] постоянно общались между собой, он (Нур ад-дин) выдал свою дочь || за Вайс-хана. Заключив союз о дружбе [с Вайс-ханом, Нур ад-дин] счел своим долгом оказать помощь [хану] и ни в коем случае не мог сойти с пути верности ему; [дело дошло] до того, что с его помощью Вайс-хан оказался во вражде с Шир-Мухаммад-ханом, раскрыл врата вражды перед ним [268].

Когда Шир-Мухаммад-хан разлюбил этот мир, занял почетное место в райском саду, очередь взойти на ханский престол дошла до Вайс-хана. Он утвердился на высочайшем троне, достойном халифа. Его величество [Вайс-хан] был мусульманином [по всему] образу жизни, исключительно набожным; он отличался в этом [ханском] роду святостью, высокими помыслами, щедростью, он выделялся среди подобных себе справедливостью по отношению к подданным. Он простирал руки смелости для войны, борьбы за веру с неверными и мятежниками, ни при каких обстоятельствах не сходил с этого похвального пути. В войне с неверными он несколько

раз оказывался в когтях злодеев, и во [всех] этих опасных и страшных обстоятельствах великий бог спасал его. [Вот] один такой случай. В местности Минг Булак [269] ему случилось воевать с Эсан Тайши, который был верховным правителем пределов Моголистана. Он потерпел поражение и оказался в плену у неверных. Когда его привели к Эсан Тайши, тот неверный нарисовал на скрижалях мысли следующую картину: «Если он действительно из рода Чингиз-хана, он не должен почитать меня». Когда привели к нему Вайс-хана [270], тот неверный [Эсан Тайши] вскочил с места, [принял его] с почетом и пожелал дотронуться до хана. Его величество [Вайс-хан] отвернулся от него, даже не дотронулся рукой благословения до его головы. Этот похвальный поступок хана окончательно убедил [Эсан Тайши в том, что перед ним потомок Чингиз-хана], и он с уважением, со всеми почестями отправил хана в его страну. У хана спросили: «В чем причина того, что тот неверный оказал [вам] всякого рода знаки уважения, а вы их отвергли и не раскрыли перед ним сладко улыбающихся губ?» Хан соизволил ответить: «Когда я столкнулся с обычаями неверных, с обрядами той толпы злодеев, религиозное достоинство не позволило мне приветствовать его (Эсан Тайши) и считать его человеком».

Еще раз он сражался [271] с этим же Эсан Тайши в местности Куба [272], которая является крайним [пределом] земель Моголистана. Он потерпел жестокое поражение и вновь очутился в когтях его (Эсан Тайши), и на этот раз тот освободил хана. Как выкуп за себя он подарил Эсан Тайши свою сестру Махтум-ханум. Сначала он обратил его в мусульманство и обвенчал Махтум-ханум согласно обрядам мусульман и выдал [ее] за него. У нее от него родились два сына и одна дочь. Сыновей он назвал Ибрахим || 38а и Ильяс. Дочь он выдал [замуж] за Кадирберди ибн эмир Каримберди дуглата [273].

Словом, когда Вайс-хан переселился из этого мира в райский сад, дела ханства, важные дела, [источники] величия, славы и могущества, перешли к его сыновьям. Дела его закончились так.

Был один государь, по имени Сатук-хан. Шах, чье место в раю, Улугбек Гурган, да будет милость и довольство [Аллаха] над ним, возвел его в высокий сан, [присвоил] высокое звание хана [274]. [Он сделал это по примеру] полюса мира и веры великого Тимура Гургана, [который] возвел в ханское достоинство одного человека из рода Чингиз-хана, дал ему ханское звание. [Это он сделал] в знак соблюдения договоренности, существовавшей между дедом Чингиз-хана и дедом Караджар нойона, восьмым предком эмира Тимура, [договоренности], согласно которой ханское звание должно принадлежать роду Чингиз-хана, а звание эмир ул-умара — роду Караджаров. Подробный рассказ об этом изложен в обстоятельных [трудах] по истории и передается из уст в уста красноречивыми рассказчиками. Эмир Тимур почитал это условие с момента создания своего государства и до той поры, когда он от мира поспешил в вечный чертог. [Умер он], когда возвращался из похода на Рум, одержав победу над Йылдырым Байазидом [275], завоевав его вилайет. Он держал хана внутри города Самарканда, в махалле, границы которой он укрепил. Он не переставал оказывать ему почет. Теперь эта махалла города носит название Хайат-и хан [276]. Это большая махалла, и у каждой махалла, [входящей в нее], свое название. Одна из махалла — Хауз-и Бустан-и хан (Бассейн ханского сада) — является известным местом в городе. Во времена Тимура в этой махалле ханом был Суюргатмиш-хан [277]. Когда обладатель счастливого сочетания светил эмир [Тимур] повел войска в Ирак и Азербайджан, в этом походе скончался Суюргатмиш-хан. После него звание хана было утверждено за его сыном султаном Махмуд-ханом [278], и он был определен на место отца в Хайат-и хан. Все указы великого эмира [Тимура выпушены] от имени этих двух ханов и [начинаются] следующими словами: «Согласно ярлыку Суюргатмиша наше, Тимура Гургана, слово» [279].

Цель [приведенного выше рассказа] заключается в том, что указы Улугбека также [исходили] от имени Сатук-хана. Когда [Улугбек] низверг с ханского престола Сатук-хана, он выслал его в Моголистанские земли. Он назначил ханом другого человека, определил [его] на его (Сатук-хана) место. После того как Сатук-хан лишился ханского звания, он жил в пределах Моголистана, в районе Иссык-Куля.

Известен [следующий рассказ]. В пятницу Вайс-хан, совершив молитву, побрив голову, спросил у своих приближенных: «Чего достойна
38б моя голова, такая чистая?» || Они заявили: «[Она] достойна короны, украшенной драгоценными камнями». Хан ответил: «Нет, она достойна мученической смерти». Во время этого разговора неожиданно прибыл гонец и сказал: «Только что прибыл Сатук-хан с бесчисленным войском». Вайс-хан тотчас же выступил против врага с теми, кто был у его стремени.

Когда оба войска приблизились друг к другу, выстроили ряды, с обеих сторон храбрецы войск подняли проливающие кровь мечи для битвы и сражения и вступили в бой. Сам Вайс-хан погнал коня вперед, чтобы схватиться с врагами и поднять пыль на поле брани. Оказалось, что посредине поля битвы был глубокий водоем. Во время переправы через этот водоем вдруг испугался конь жизни [Вайс-хана], конь хана с головой погрузился в этот водоем. Хан соскочил с коня и упал набок. Хан Джакир из племени нарин, который был одним из приближенных и хадимов в ханской свите, полагая, что в водоем упал кто-то из врагов, выпустил стрелу по направлению к хану.

Когда эта весть дошла до Сатук-хана, то он поспешил к его величеству, обнял благословенную [его] голову. В это время хан был при последнем издыхании и тут же испустил дух.

Начиная с этого времени весь Моголистанский улус пришел в расстройство. Они (жители) отказались [вдеть] головы в кольцо повиновения [Сатук-хану]. В полном отчаянии [Сатук-хан] поспешил в Кашгар, направил поводья к тому вилайету.

В Кашгарском государстве верховным правителем был Кара-Кул Ахмад, родственник эмира Худайдада. Поневоле, в силу необходимости он принял высокодостойного Сатук-хана, затем он внезапно напал на него и убил.

Когда стало известно об этом несчастном случае, [когда весть об этом] дошла до благословенного слуха мирзы Улугбека, его величество мирза для отмщения послал войско в Кашгар. Кара-Кул Ахмад-мирзу он призвал в Самарканд. В наказание за смерть Сатук-хана он изрубил его на куски и каждый кусок повесил на городских воротах [280].

Словом, когда Вайс-хан был осчастливлен мученической смертью, от него остались два красивых, счастливых сына: один — Эсан Буга-хан, другой — Йунус-хан. Хотя Йунус-хан был старше годами, большинство эмиров, нарушив древние обычаи, посадило на ханский трон Эсан Буга. Опоясавшись поясом повиновения ему, они вдели головы в кольцо подчинения ему, обещая покорность.

В это время из-за несогласия между [тамошними] эмирами и столкновений [между ними] Моголистан пришел в сильное волнение. Иразан нарин и Мирак туркмен, которые были доверенными эмира Худайдада, да сделает Аллах радостным душу его, после смерти его пришли служить
39а его сыну Мир Мухаммад-шаху. После несчастного случая с Вайс-ханом || они отложились от [Мир Мухаммад-шаха] и со своими подданными, войском присоединились к счастливому хану Йунус-хану. Поднимая смуты и мятежи в пределах Моголистана, они опоясались поясом упрямства и бунта. В связи с этим событием большинство моголов присоединилось к ним и сошло с пути единства с Эсан Буга-ханом. Однако, поскольку большинство могольских эмиров было на стороне последнего, [Иразан нарин и Мирак туркмен не могли] дольше оставаться в этих землях. Эти два лица

во главе 30 тысяч моголов направились в Самарканд, ведя впереди Йунус-хана.

Как только весть об их движении дошла до слуха Улугбека Гургана, его величество мирза [Улугбек] вышел из Самарканда и пошел им навстречу. После встречи он обещал снабдить могольское войско провиантом. Затем он приказал, чтобы в удобный момент хитростью, коварством убили мужчин из этого войска, а жен их пленили. Когда Улугбек-мирза осуществил это дело, он послал Йунус-хана с пятой частью военной добычи к своему отцу Шахрух-мирзе, да озарит Аллах свет его!

В то время [Йунус-хану] было 13 лет. Когда он удостоился чести встретиться с Шахрухом, Шахрух-мирза рассердился на Улугбека-мирзу за этот недостойный поступок, резко осудил его за эти действия по отношению к хану. Он выделил хана из числа пленников и со свойственным ему милосердием обласкал и осыпал его всякого рода милостями, как отец. Он отправил его в Йезд, к лучшему историку, совершеннейшему искателю истины маулана Шараф ад-дину Али Йазди, да освятит Аллах тайну его, чтобы с помощью мавлави он приобрел знания, [достиг] совершенства. В книге «Хулал» [281], которая была написана маулана [Шараф ад-дином Йазди], много муʿамма, посвященных хану, неисчислимы стихи и касыды со славным его именем. К их числу принадлежит следующая [муʿамма], посвященная счастливому хану.

Стихи

О тот, кто говорит, что из страны Хата прибыл хан,
Да будет истреблено твое достояние: не говори хан,
ведь пришла душа [282].

Короче, Йунус-хан в течение 12 лет, окруженный заботой и милостями мавлави [Йазди], занимался изучением наук и стал достойным ученым. Когда благородный мавлана [Йазди] скончался в Йезде, Йунус-хан, предприняв путешествие, направился в сторону Ирака и Фарса. Его величество [Йунус-хан] жил у мавлави [Йазди] до 24-летнего возраста. В возрасте 40 лет он вернулся в Моголистанские земли, являющиеся родиной и отечеством его величества [хана]. С помощью счастливого государя-мученика мирзы султана Абу Саʿида, да освятится могила его, он обрел покой на троне величия, на подушке власти.

Рассказ о правлении Йунус-хана в землях Моголистана || с помощью 39б
мирзы, мученика за веру [Абу Саʿида] следующий.

После того как Йунус-хан очутился в Хорасанском вилайете, земли Моголистана полностью очистились для Эсан Буга-хана; жители тех пределов, выразив покорность, вдели головы подчинения, повиновения в кольцо послушания. Со своей стороны, и он хорошо относился к жителям. Так, за короткое время он стал сильным и могущественным. С войском, не поддающимся исчислению, он два раза совершил набег на Ташкентский и Туркестанский вилайеты и [дошел] до пределов Ходжента [283]. Он учинил всеобщий грабеж [населения], ограбив и истребив всех, он повернул назад.

В это время султан Абу Саʿид-мирза, да озарит бог сияние его, был повелителем всего Мавераннахра. Он преследовал Эсан Буга-хана до Янги Гисара, который в исторических сочинениях называют Тараз. Хан обратился в бегство еще до того, как между этими двумя войсками произошло какое-нибудь столкновение, битва, сражение. Мирза султан Абу Саʿид, победоносный и торжествующий, повернул назад поводья [своего коня].

В Хорасанском вилайете мирза Абу-л-Касим Бабур ибн мирза Байсанкур ибн мирза Шахрух из тленного мира поспешил в мир вечный. Один из ученых передал дату этого события следующими [словами]:

«Смерть победоносного султана Бабура»[284]. Тогда султан Абу Саʿид-мирза немедля переправился через Амударью и завоевал Хорасанский вилайет. Эсан Буга-хан вновь двинулся походом на Андижан. Он поднял мятеж и окружил его крепость.

Услышав эту неприятную весть, счастливый хакан [Абу Саʿид] двинул войска из Герата. Взяв войско и из Мавераннахра, он дошел до границ Моголистана. Хотя и невозможно было достичь той страны с таким множеством людей, тем не менее [он это сделал] и, как следует наказав моголов, вернулся обратно.

Мирза [Абу Саʿид] собирался завоевать Ирак Арабский и [Ирак] Персидский, однако из-за затруднений, [созданных] Эсан Буга-ханом, он не мог направиться походом в ту сторону. Вот почему он послал человека в Шираз и вернул [к себе] Йунус-хана. Дав ему барабан, знамя, войско и хадимов, приближенных и свиту, он послал его против Эсан Буга-хана. [Абу Саʿид сделал это] для того, чтобы, согласно [изречению]: «Власть бесплодна»[285], братья, забыв о родственных отношениях, вцепились бы друг в друга, все время, ежечасно устраивали мятежи, тем самым пределы вилайетов [Абу Саʿида] оставались бы в безопасности от ущерба, [причиняемого] врагами, а сам он со спокойным сердцем, во всем величии и славе, [испытывая] безмерное счастье, блаженство, направился бы к Ираку.

Йунус-хан с помощью султана Абу Саʿид-мирзы вступил в земли Моголистана. Из могольского войска ‖ к нему присоединился эмир Каримберди 40а
кунграт, затем эмиры Кунджи. В это время Йунус-хан заключил брачный договор с Эсан Даулат-бегим, старшей дочерью Пир Ходжи Кунджи, которому в то время принадлежала власть над туманом Кунджи[286], [который], поговаривая о независимости, поднимал знамя господства. Йунус-хан вступил с ней в брак, приблизил ее к себе. У нее от хана родились три сына.

Когда в 866/1461-62 году умер своей смертью Эсан Буга-хан, его сын Дуст-Мухаммад-хан стал повелителем вместо отца. Он был государем, не выходившим из состояния безумия, так же как не выходит из центра круга [ножка] циркуля. Он не поднимал головы от [чаши] с вином, [походя] на точку [в центре окружности]. М и с р а: О умные люди, отстранитесь: опьянел одержимый. * Он правил семь лет, [после чего] перенес пожитки из этого мира в тот мир. Причина его смерти заключалась в следующем.

После [смерти] отца он, обнажив меч, подняв его на плечо, все время спрашивал решение ученых улемов о том, дозволена ли ему жена отца или нет. Он убивал всякого, кто отвечал ему не в соответствии с его желанием. Таким образом он предал мученической смерти семерых ученых. Наконец он вызвал к себе муллу Мухаммада Аттара, который был ученейшим улемом в Кашгарском вилайете. Он спросил у него фетву[287], [разрешающую ему взять в жены супругу] отца. В ответ мавлави с презрением соизволил сказать ему: «Тебе дозволено, иными словами, ты вышел из сферы ислама и потерял путь, достойный похвалы, великий обычай следования сунне, тебе дозволено». В ту же ночь Дуст-Мухаммад-хан обвенчался с женой отца; бросив камень в бутыль чести, он разбил [ее]. После торжественных проводов невесты в дом жениха Дуст-Мухаммад-хан видел во сне Эсан Буга-хана, будто тот ехал верхом на вороном коне; как только он приблизился к нему (сыну), он сошел с коня, потер руку о дно котла и вымазал [сажей] лицо его (т. е. сына). Раскрыв уста, он сказал: «О несчастный, опозоренный, по истечении ста лет после принятия нами ислама[288] ты вновь стал неверным, отверг законы и предписания для мусульман». Он вынул стрелу из колчана и пустил ее в бок ему, сам сел на коня и удалился. Когда Дуст-Мухаммад-хан пробудился ото сна, раскаиваясь и сокрушаясь [о случившемся], он совершил омовение и ушел от матери (т. е. мачехи). В тот же день у него появилась боль в боку,

[куда попала во сне стрела], в суставах, началась горячка, и он приготовил пожитки для отправления [на тот свет]. Сколько врачи ни старались [его] вылечить, пользы не было. Так он отошел в тот мир и направился в дом наказания. Ходжа Мухаммад Шариф Кашгари, который кроме наряда высокого происхождения был облачен в наряд личных достоинств, дату смерти его нашел в словах: «Свинья сдохла» [289].

После него власть в Моголистане || очистилась для Йунус-хана. Весть 40б
о его справедливости, слава о его правосудии поднялась выше наивысшего неба. В то время Амасанжди Тайши, сын Эсан Тайши, вторгся в Моголистан. Рассказ об этом событии следующий.

Когда скончался Эсан Тайши, между его сыновьями Ибрахим-унгом [290], Ильяс-унгом и Амасанджи Тайши возникла вражда и ссора. Между сторонами имели место столкновения. Амасанджи Тайши убежал от братьев с 300 тысячами человек и поспешил в Моголистан. Известно, что у Ибрахима и Ильяса было собрано 18 раз по сто тысяч человек. В конце концов между ними и калмыкским ханом возникла вражда. Оба брата, убегая от него, вместе с сорока тысячами отборных, испытанных в боях людей направились к границам Хитая. Там они и погибли.

Что же касается Амасанджи Тайши, то, как только он вступил в Моголистанские земли, между ним и Йунус-ханом произошло сражение на берегу Атил [291]. После многих битв, неисчислимых сражений Йунус-хан обратился в бегство. При этих печальных событиях многие могольские эмиры обрели счастье от мученической смерти.

После того как Йунус-хан потерпел сильное поражение, он с остатками моголов поспешил в Туркестан. Он остановился на берегу реки Сейхун, пошел на остров Кара-Тукай [292]; он отдохнул в этой местности одну полную зиму.

В то время на Йунус-хана неожиданно напал Бурудж оглан, он потерпел поражение и стер свою жизнь со страниц бытия.

Рассказ об убиении Бурудж оглана рукой Йунус-хана на острове Кара-Тукай, который находится в пределах Туркестана

Объяснение этого события следующее. В 855/1451 году достойным властелином в Дашт-и Кипчаке был Абу-л-Хайр-хан, как было написано об этом выше. В то время там не было подобного ему великого государя из рода Джучи-хана. Однако после его смерти люди пали [духом]. Огромная толпа поспешила к казахским государям, таким, как Джанибек-хан, Гирей-хан, которые также произошли от Джучи. Расстроенные, они обрели там покой. По этой причине возобновилась старая вражда, которая существовала между казахскими хаканами и потомками Абу-л-Хайр-хана, да озарит Аллах свет его! Оттого что могольские ханы пользовались покровительством казахских султанов, [у сыновей Абу-л-Хайр-хана] возникало много ссор с ними (могольскими султанами).

Словом, после кончины Абу-л-Хайр-хана, да ниспошлет Аллах милость его духу, все [его] приближенные и сыновья собрались у Бурудж оглана, || который был самым старшим сыном его (Абу-л-Хайр-хана). 41а
Наконец вследствие успехов казахов Бурудж оглан направился из Дашт-и Кипчака в Туркестан и Сыгнак. Он пробыл там несколько дней. Когда он услышал о бегстве могольского войска и о переселении Йунус-хана на Кара-Тукай с теми людьми, которые были при нем, он совершил набег и напал на него (Йунус-хана). В тот день хан не был в своей ставке. Он переправился через Сейхун по льду с целью поохотиться. [В это время] Бурудж оглан внезапно напал на ставку хана. У него (Бурудж оглана) было 20 тысяч человек, а моголов насчитывалось 60 тысяч. Каждый воин Бурудж оглана взял две-три семьи из людей хана.

Как только Йунус-хан узнал об этом, он тотчас же вернулся с охоты и убил Бурудж оглана со всей [его] свитой, оставшихся [в живых] он рассеял.

Да не останется скрытым, что отнесение Бурудж оглана к числу сыновей Абу-л-Хайр-хана кажется очень странным, ибо, как установлено достоверно, у него (Абу-л-Хайр-хана) было не более 11 сыновей. В рассказе об [Абу-л-Хайр]-хане были упомянуты имена его сыновей. Среди его сыновей нет никого, кто воевал бы с Йунус-ханом и был бы убит [им]. Как ясно и очевидно для искателей истины в этой науке, и передается из уст в уста у тюрков, и согласуется с документами о нем, среди счастливых сыновей [Абу-л-Хайр-]хана нет никого, кто назывался бы огланом. Однако поскольку благословенный, счастливый эмир-заде Хайдар-мирза Кашгари из племени дуглат в своей истории описал это событие таким образом, то этот бедняк (т. е. автор) также пожелал привести в кратком виде эти слова. Ответственность [за верность сообщаемого лежит] на повествователе: если это правильно, то правильно, если нет — то нет [293].

После этого события Йунус-хан был захвачен в плен шейхом Джамал Харом, который был [назначен] правителем Ташкента султаном Абу Саʿид-мирзой. При таком положении дел прошел один год. Наконец эмир Абд ал-Куддус, племянник эмира Каримберди дуглата, с отрядом смельчаков напал на шейха Джамала и разрубил его на куски. Он насадил его голову на копье и принес Йунус-хану. Дата этого события была выражена в муʿамма: «Пришел Абд ал-Куддус, взяв голову Хара» [294].

После этого события по милости господней, с помощью вечного бога взошло солнце счастья Йунус-хана. Хан сразу же поспешил в земли Моголистана и утвердился на ханском престоле, на троне миродержавия. 41б || Голоса, поздравляющие его, вознеслись выше апогея небес. Нигде не стало ссор. [Йунус-хан] запечатлел в своем сердце следующую картину: «Мученик за веру, счастливый хакан мирза султан Абу Саʿид, да озарится могила его, был причиной восхождения звезды нашего величия. Если свою крупную жемчужину чистой воды (дочь), которая воспитана в раковине целомудрия, в шкатулке благочестия, нанизать на одну нить с блестящим жемчугом — красавцем его [сыном], который является предметом зависти звезды, то это послужит причиной [установления] порядка в государственных делах». Поэтому он выдал свою старшую дочь Михр-Нигар-ханум за султана Ахмад-мирзу, который был старшим сыном его (Абу Саʿида). Он изволил сказать: «Его отец врага превратил в друга, я же превращаю друга в родственника». [Михр-Нигар-]ханум до конца жизни мирзы султана Ахмада была в его гареме и была уважаемой его супругой.

Кутлуг-Нигар-ханум он выдал за Омар-шейх-мирзу. Его величество Мухаммад Захир ад-дин Бабур родился от нее.

Султан-Нигар-ханум, родившуюся от Шах-Даулат-бегим Бадахши, он послал султану Махмуд-мирзе. От нее появился на свет Хан-мирза.

Из этих трех зятьев Йунус-хан больше всех любил Омар-шейха. Так, всегда, когда Йунус-хан приезжал в Андижан, он оставался там два-три месяца. Омар-шейх-мирза также приезжал в Моголистан и несколько дней проводил там.

Однажды Омар-шейх пригласил Йунус-хана. Он пожаловал [хану] Маргинан Ферганского вилайета, так же как до этого он (Омар-шейх) пожаловал ему Ош.

Чтобы рассеять некоторую отчужденность, возникшую между братьями Ахмад-мирзой и Омар-шейх-мирзой, в Маргинанский вилайет прибыл его святейшество, полюс сферы истинного пути, кыбла идущих по пути истины, угодник [бога, находящийся] за завесами господними, ходжа Насир ад-дин Убайдулла, да будет милость Аллаха над ним!

Когда радостная весть о его прибытии дошла до жителей Андижана, до населения Маргинана и других городов Ферганы, Омар-шейх с войском

Андижана и всем моголистанским войском поспешил навстречу его святейшеству ишану. Из-за его исключительного величия, чрезмерного уважения [к нему] ни у кого не хватало смелости дерзнуть облобызать стремена его святейшества. Толпами подходили мужчины и женщины. Они сходили с коней и становились на его пути. Из-за исключительной любви [к ходже] они раскрывали очи лишь для того, чтобы узреть совершенную красоту его святейшества. После того как он проходил, они падали ниц в прах на его пути. Пыль и прах, поднятые копытами коня его святейшества, они превращали в тутию [295] для своих воспаленных глаз.

Что касается Йунус-хана, то он удостоился чести встретиться с его святейшеством [Убайдулла-ходжой]. Он выступил из рядов войска, || 42а встал у дороги, [выражая] исключительную преданность, мольбу, покорность, сошел с седла на землю и лицом, [в котором отражалось] смирение, приложился к ногам коня того вождя благородных людей. После того как его святейшество узнал о смиренности хана, он быстро сошел с коня и обнял его.

Его святейшество, господин, прибежище на пути истины Маулана Мухаммад Кази [296] изволил сказать: «Я слышал о Йунус-хане и полагал, что его манеры должны быть такими, как у прочих степных тюрков. Когда я увидел его, [то убедился], что это государь, с которым приятно беседовать, лицом [он] похож на таджика, он пользуется великой божьей милостью, [он] — истинный мусульманин».

Словом, когда Йунус-хан предстал пред чудодейственные очи ишана, его святейшество, оказывая ему благоволение, разослал славные письма, важные послания в разные концы от границ Кашгара и Дашт-и Кипчака до Хорасана и Ирака. Содержание [их] следующее: «Я видел Йунус-хана, дошел до моголов. Все они — последователи суннитского толка, люди чистой веры, с искренними намерениями, поэтому ни в коем случае их нельзя обращать в рабов». Соответственно указанию его святейшества [Убайдулла-ходжи] после этого не продавали и не покупали пленных моголов.

После [изложения] этого события пойдет рассказ об установлении мира с помощью его святейшества ишана [Убайдулла-ходжи] между братьями султаном Ахмад-мирзой, Омар-шейх-мирзой и султаном Махмуд-ханом на берегу Сейхуна, около Ходжента.

Рассказ о вражде и ссоре между братьями и о восстановлении мира [между ними] с помощью его святейшества ишана

Когда в Ташкенте скончался шейх Джамал Хар, Омар-шейх-мирза захватил Шахрухию [297] и Ташкент. В связи с этим возникла ссора между братьями султаном Ахмад-мирзой и Омар-шейх-мирзой, ибо шейх Джамал считал себя подвластным Ахмад-мирзе, хотя на самом деле он не вдевал голову покорности в кольцо повиновения ему (т. е. Ахмад-мирзе).

Вражда между ними (братьями) дошла до того, что султан Ахмад-мирза опасался нападения Омар-шейх-мирзы. Омар-шейх-мирза также испытывал страх перед ним (Ахмад-мирзой). Он отправил человека к Йунус-хану [с просьбой о помощи] и обещал передать его приближенным Ташкент, так же как он отдал уже в Андижанском вилайете Ош и Маргинан. Согласно с этим Йунус-хан вместе со своим младшим сыном, Махмуд-ханом, прибыл в Сайрам, чтобы оказать помощь [Омар-шейх-мирзе], если Ахмад-мирза выступит против брата.

Когда правитель Самарканда Ахмад-мирза стянул войска против Омар-шейх-мирзы и направился к Ташкенту, с той стороны Омар-шейх-мирза с бесчисленным войском || поднял знамя, подобное солнцу, на бе- 42б

регу реки Ходжент. Для оказания помощи Омар-шейх-мирзе Йунус-хан послал султана Махмуд-хана с огромным войском, неисчислимой ратью. Эти три моря войска, напоминающие сверкающий огонь мести, выстроились друг против друга на берегу реки. Потеряв надежду остаться живыми, они полагали, что им не избежать смерти.

Наконец его святейшество, полюс святых, помощь набожным людям, руководитель бодрствующих людей ходжа Насир ад-дин Убайдулла, да освятит Аллах дух его, отправился к султанам. Впереди [себя он] послал человека сообщить о своем прибытии. Когда услышали эту приятную весть, в упомянутых трех войсках ни у кого не стало смелости вступить на путь сражения. По прибытии в это скопление [воинов] его святейшество посадил всех трех государей под одним шатром. Установив между [ними] мир, он примирил их и заставил их разойтись. Это событие подробно изложено в благословенной книге «Рашахат», написанной правдивым пером высокодостойного господина, удостоенного чести святости от великого Аллаха, то есть маулана Фахр ад-дином Али [298], [тем], «кто наделен знаниями и мудростью» [299]. Вот почему этот рассказ приведен [выше] в кратком виде.

Словом, когда султан Ахмад-мирза сошел с пути ссор, султан Махмуд-хан отправился в Ташкент, и вслед за хаканами поспешил в Ташкент и ходжа [Убайдулла]. Йунус-хан и султан Махмуд-хан удостоились счастья находиться при ишане. На этом собрании один из счастливых приверженцев его изволил сказать: «Султан Махмуд-хан на редкость самовластный царевич, гордый своим величием и великолепием». Его святейшество соизволил сказать: «Гордость и величие — достоинство только [бога], да будет велико величие его! Если захочешь, он (Махмуд-хан) вынесет сор дервишей в подоле и в знак покорности коснется челом унижения и смирения земли, [выражая] любовь». Именно тогда, когда хаканы [Йунус-хан и Махмуд-хан] находились при ишане, его святейшество пожелал совершить молитву. В этом доме в направлении к кыбле находился очаг, полный золы, в нем были куски угля. Ишан соизволил сказать: «Наличие огня и [горящего] очага перед лицом молящегося не одобряется по мусульманскому закону, нужно засыпать его (очаг) землей». Махмуд-хан приказал: «Никто не смеет приносить землю». Несмотря на присутствие всех слуг и служителей [его], он сам несколько раз вынес в подоле пепел из очага, принес свежую землю, потушил огонь, засыпал ею золу. В связи с этим случаем много народу, несчетное число людей вступило в сферу любви
43а к этому вождю великих и малых людей, || ибо гордость и упрямство султана Махмуд-хана были хорошо известны, рассказы об этом передавались из уст в уста у моголов.

Установление этого мира и восшествие на престол [Махмуд-]хана в Ташкенте произошло в 890/1485 году.

Конец жизненных обстоятельств [Йунус-хана] следующий.

Когда подобный дервишу [Махмуд-хан] воссел на ханский престол, на трон миродержавия в Ташкенте, [Йунус-хан] отправил посла к султану Ахмад-мирзе и просил его дочь Каракуз-бегим за султана Махмуд-хана. [Ахмад]-мирза выразил согласие. В это время Йунус-хан был разбит параличом. Он скончался в 892/1486-87 году. Тело его предали земле рядом со светозарной могилой покойного прощенного богом имама шейха Хаванда Тахура [300], с которым связан благородный род его святейшества ходжи Насир ад-дина Убайдуллы. Над его лучезарной могилой возвели великолепное сооружение, высокое здание с прекрасными худжрами, воздвигли очень высокий купол. В этом вилайете эти постройки известны под названием «Хан мазари» («Ханский мазар»).

Йунус-хан переселился [в тот мир], поспешил в основное местопребывание; весть об этом событии распространилась повсюду. Тогда в упомянутом (892/1486-87) году весь могольский улус положил голову покорно-

сти на черту [верности] султану Махмуд-хану. Его посадили на ханский престол и, согласно обычаю моголов, подняли чаши [вина]. После его восшествия на престол Омар-шейх-мирза и султан Ахмад-мирза вознамерились всюду поднять мятеж, бунт. Сначала Омар-шейх-мирза отправил к Ташкенту огромное войско из прославленных храбрецов, надежных воинов, которые были опорой его державы. Эмиры войска, о котором идет речь, отправившись в поход в ту сторону, захватили одну из известных крепостей Ташкента, которая была неприступной твердыней. Они установили свою власть в этой высокой крепости.

Султан Махмуд-хан немедленно выступил и отвоевал эту крепость, а всех посланцев Омар-шейх-мирзы убил. Эта победа прославила [Махмуд-]хана. Об этом событии говорили на протяжении многих лет. После этого случая Омар-шейх-мирза потерял всякое желание воевать [с Махмуд-ханом], сошел с пути ссор.

Что же касается султана Ахмад-мирзы, то он по наущению [своих] эмиров в 893/1487-88 году повел огромное, неисчислимое войско к Ташкенту. Его святейшество Ходжа Ахрар, удерживая безумного [Ахмад]-султана, сказал: «Этот вилайет мы передали [Махмуд-хану] после восстановления мира, совершенно не согласуется с обычаями начинать [битву теперь]. Ведь известно, что нарушение обета — дело || весьма осуждаемое, 43б
кто осмеливается на такое дело, тем самым лишается вечного счастья согласно тому, как [говорится]:

Мсневи

У кого судьба станет злополучной,
Что бы он ни делал, [все] будет бесполезно.

Вопреки наставлениям его святейшества [Ходжи Ахрара] он не счел [для себя] запретным поход и, отступив с пути мира, со 150 тысячами человек направился к Ташкенту.

Султан Махмуд-хан с [хорошо] оснащенным войском, вооруженными воинами выступил из города и занял место на территории нескольких махалла напротив самаркандцев. Несмотря на малочисленность [своих] людей, он решил воевать, сражаться. Поскольку эти два войска разделяли протоки с [глубокими] ямами и русла речек, то они не осмелились напасть друг на друга. В течение трех дней они прибегали к [различным] военным хитростям, но битва так и не состоялась.

В это время по просьбе султана Ахмад-мирзы его величество халиф милостивого [бога] Мухаммад-хан Шейбани с некоторыми своими братьями и отрядом храбрецов находился в этом войске. В конце концов по причинам, изложенным в «Тарих-и Шейбани» [301], был заключен мир о дружбе между султанами Махмуд-ханом и Шейбани-ханом.

Три дня спустя эти два счастливых хана (Махмуд-хан и Шейбани-хан) встретились [в бою с Ахмад-мирзой]. Самаркандцы потерпели сильное поражение. Много людей, обратившись в бегство, бросилось в реку Чир, которая теперь известна как Чирчик. Они пошли на дно, не выплыли. Султан Ахмад-мирза, побежденный, несчастный, вернулся в Самарканд. Его святейшество Насир ад-дин Убайдулла, относившийся к нему (Ахмад-мирзе) как к любимому детищу, в связи с этим событием изменил к нему [свое отношение]. Вероятно, именно по этой причине после переселения его святейшества [Убайдулла-ходжи] в 895/1489-90 году из этого мира на райские лужайки, в райские сады за короткое время потеряли могущество и величие он и его двоюродные братья, его племянники. Дела ханской власти и управления всей страной из его рода перешли к шейбанидскому роду, как об этом будет вкратце написано в связи с изложением жизненных обстоятельств Шейбани-хана.

Конец жизненных обстоятельств султана Махмуд-хана

[Дело] было так. Счастливый хакан, мученик за веру Мухаммад-хан [Шейбани] в 906/1500-01 году завоевал земли Мавераннахра. Некоторое время спустя султан Ахмад-хан для оказания помощи своему младшему брату, Махмуд-хану, направился в Ташкент. [Ахмад-хан], благодаря тому что пролил много крови врагов, всюду стал известен [под прозвищем] Алача-хан, ибо на языке моголов проливающего кровь называют «Алачи». С прибытием Алача-хана могольское войско сильно укрепилось. Без зазрения совести оно подняло голову вражды и совершило набег на ближай-
44a шие районы страны. После || этого события Шейбани-хан с остальными сородичами выступил в поход и обрушился на ханов. Он настиг их, когда те осаждали Ахси. Завязалось большое сражение. [Шейбани-хан] рассеял и разгромил могольское войско. В этом сражении вместе с ханами [Ахмад-ханом и Махмуд-ханом] был и государь Бабур. После поражения он отправился на юг Ферганы, в Кухистан.

Оба хана (Ахмад-хан и Махмуд-хан) были взяты в плен. Их привели к халифу милосердного бога [Шейбани-хану]. Султаны, эмиры, столпы государства [Шейбани-хана] — все единодушно высказались за то, чтобы убить их (ханов). Однако халиф милостивого [бога Шейбани-хан] соизволил сказать: «Поскольку известна прежняя благосклонность этих двух братьев к нам, то представляется лучшим простить их и отпустить с почестями и дарами». Поэтому [Шейбани-хан] отправил на родину этих двух счастливых братьев с войском, с хадимами, рабами и свитой, с уважаемыми [их] женами и всем необходимым для государей, со всеми предметами, [нужными] для монархов. Маулана Бинаи, который является зодчим мудрости и совершенства, строителем основ тонкости ума и мысли, по случаю этого события сочинил два руба'и по-тюркски и представил чудодейственному взору его величества халифа милостивого [бога] Шейбани-хана.

Первое руба'и

Он — хан, величественный и щедрый,
Все шахи — лишь тела, а он — душа в теле,
Оказав милость, он склонил к себе ханов,
Что удивительного в этом, ведь он халиф милосердного [бога].

Второе руба'и

Нет более сильного хана в бою, чем ты,
Благородного, беспорочного хана,
Оказав милость, ты освободил ханов,
Кто видел такого милосердного хана, как ты? [302].

Как благодарность за эту милость он просил установить три родственные связи. Он взял для Тимур-хана сестру [могольских ханов] Даулат-Султан-ханум.

В знаке зодиака беспорочности и чистоты Махмуд-хана взошли две звезды. Одна — Айша-Султан-ханум, которая была известна как Моголханум. Ее взял себе сам [Шейбани-хан], и до конца жизни [хана] она была почитаемой его женой. Другая — Кутлук-ханум. Ее он (Шейбани-хан) соединил [узами брака] с храбрым султаном Джанибек-султаном. В этой раковине целомудрия появился жемчуг счастливой особы — благородный отец его величества [Абдулла-хана], второго Искандара, Абу-л-Гази Искандар бахадур-хан. Солнце его, приносящее счастье, засияло над головами обитателей мира, как об этом уже было написано.

Словом, упомянутые ханы [Ахмад-хан и Махмуд-хан] поспешно прибыли в Моголистан. Султан Ахмад-хан скончался в 909/1503-04 году. После этого султан || Махмуд-хан передал вилайет его (т. е. своего брата) 44б
его сыновьям. [Этот вилайет] простирался от границ Хитая до пределов Андижана. Сам он в течение пяти лет жил в землях Моголистана, не предпринимая [никаких военных действий]. В 914 году по подстрекательству группы людей он пошел против халифа милостивого бога Мухаммад-хана Шейбани, чтобы встретиться [с ним в бою]. В это время [Шейбани-]хан находился в Уланг-и Радкан [303]. Когда он узнал о выступлении [Махмуд-хана], с целью предотвратить опасность он приказал убить Махмуд-хана с пятью сыновьями на берегу реки Ходжент. Дату этого события ученые нашли в словах: «Берег реки Ходжент» [304].

Да не останется сокрытым, что видно из приведенных [выше] рассказов и повествований, что его величество [Абдулла-хан], Искандар по достоинству, является выдающимся в великом роду [Шейбанидов], наидостойнейшим представителем достойного халифской власти рода [могольских ханов].

Месневи

Шах, подобный Искандару, достоинством Дарий,
[Он] — зеркало тех, кто подобен Искандару,
Он — луна, гордая [своим] благородством,
Он вознес выше луны место величия (трон).
Из поколения в поколение с двух сторон [он] государь,
С двух сторон он прославлен всюду.
Своим происхождением он известен среди венценосцев,
По своим [высоким] качествам он — драгоценный венец.
Он — плод сердец счастливцев,
Из поколения в поколение в его роду предводители.

Рассказ об отношении его величества [*Абдулла-хана*], *великого по достоинству, как Джамшид, и щедрого, как солнце, к его святейшеству, добродетельному, достойному* [*руководителю*] *на пути истины, избраннику великого бога, то есть к Ходже Джуйбари, да освятится тайна его*!

Да не останется тайным и скрытым для непорочных сердец, для умов, подобных солнцу, ученых и проницательных людей, которые постигают мир Творца, следующее.

Когда могучая рука портного судьбы и предопределения облачает прямой стан счастья и благоденствия какого-нибудь государя в драгоценный халат благочестия и благотворительности, она украшает этот наряд помощью и заботой [бога]. [Это] согласуется с содержанием стиха: «Дал каждой вещи ее строй, а потом вел по пути» [305]. [Длань судьбы] наделяет ценными свойствами, доброй славой дела славных сыновей [такого государя], положение дел благородных потомков его, следующих по пути истины.

Причина написания этих слов, изящного изложения этих мыслей заключается в следующем. Благородная натура хакана, величественного, как Искандар, [Искандар-хана] всегда отличалась проявлением дружбы, любви к людям, следующим по пути истины, которые являются властелинами страны святости. С раннего детства и став взрослым он обнаруживал сильное желание быть в обществе этого сонма людей, беседовать [с ними]. Согласно [хадису]: «Сын — секрет своего отца», как благословение на
это || в саду искренности, величия и счастья его величества [Искандар- 45а
хана] появилось дерево аскетизма и благодеяния, пальма благочестия и

воздержания [от грехов]. И всегда семена любви, искренности и согласия, взращенные, согласно стиху: «И взрастил его Аллах хорошим ростом» [306], на вселяющих покой просторах степей надежд и на нивах счастья, дают плоды счастья и благоденствия рачительному хакану.

В это время жил полюс времени, помощь эпохе, щедрый, высокодостойный [ходжа], святой по достоинству, херувим по милосердию, место нисхождения божественных лучей, место восхода безграничных тайн, покоритель стран, [как говорится в хадисе]: «Я был скрытым сокровищем», восседающий на троне, [где начертано]: «Вот воззвал он к Господу своему зовом тайным» [307], лучший в роду вечного, священного, благословенного дома наставничества на путь истины шейх ул-ислам ходжа Мухаммад Ислам, известный как Ходжа Джуйбари, да освятится тайна его! Благодаря безграничной, беспредельной помощи его святейшества [хан] обеспечил устройство всех дел мира, установил мир между всеми людьми. По этой причине государь [Абдулла-хан], заботящийся о дервишах, будудучи еще малолетним, с исключительной любовью, полной искренностью и верой искал убежища у того высокого порога (Ходжи), вдел голову любви в кольцо покаяния, начертал пером любви письмена преданности его святейшеству, святому по достоинству [Ходже].

Двустишие

Какое счастье, что шахи обращаются с мольбой,
Ведь прах на улице мольбы является философским камнем
для достижения цели.

[Хан] постоянно обращался к щедрому и лучезарному, как солнце, сердцу его святейшества [Ходжи] с просьбой о поддержке [своих] замыслов. Заботясь о состоянии дел державы, верховной власти, он просил помощи у щедрого сердца ишана. Ведь доказано, что, пока кто-либо из святых и идущих по пути истины не начертает письмена наставлений для этого счастливого сонма людей (государей), важные дела управления, дела державы не находят устройства, не налаживаются. Вот почему славные султаны, достойные хаканы в каждой стране, [в каждом] городе утверждаются с благословения великих шейхов, с благоволения святых, благочестивых мужей эпохи.

Двустишие

Дела совершает не этот вращающийся небосвод,
Все, что делается, делается по благословению
благородных людей.

Повествование о его святейшестве [Ходже Исламе], прибежище святости, ведущем по пути истины, о [его] происхождении и о личных достоинствах

Говорит Аллах всевышний и всеблагой: «И все рассказываем Мы тебе из вестей про посланников, чтобы укрепить тебе твое сердце» [308]. Господь миров в словах, обращенных к истинному пророку [Мухаммаду], изволил сказать: «О любимец великого бога, о близкий друг в чертоге уединения с [богом, где] было произнесено: „У меня к Аллаху. . .“ [309], сообщу тебе
45б весть из вестей для посланников, || чем укреплю твое сердце, иными словами, приведу рассказы о пророках и посланниках, изложу тебе события, [связанные] с ведущими по путям и дорогам [истины], расскажу об их страданиях от бедствий, опишу их умение терпеливо переносить все не-

взгоды, и это успокоит твое сердце; когда столкнешься с трудностями и бедами, ты проявишь стойкость перед ними». Упоминание о великих святых, объяснение слов великих шейхов, да будет милость Аллаха над всеми ими до дня Страшного суда, может стать причиной обращения на истинный путь могущественных мужей. Скрытый смысл этих слов [заключается] в том, чтобы восполнить нить [рассказом] о благочестивых, обратить внимание на сведения о набожных людях, внимать их словам, вселяющим [бодрый] дух. Поскольку целью беседы с каким-нибудь [святым] является получение благословения его духа, поэтому знатоков Корана называют святыми, знатоков хадисов считают дузьями пророка. Беседа с благочестивыми, общение с набожными людьми является розой в саду счастья, свечой в келье для ночной молитвы, упованием, пахучим растением в цветнике души, ключом от сокровищниц божьих милостей, крупной жемчужиной в ожерелье совершенства, камнем в перстне величия. Если не удается такая [беседа], то следует узнать о больших достоинствах, о великой славе этого высокого сонма. Приятные слова этого сонма людей поистине являются сладостным медом, звездой в созвездии знаний, жемчужиной в шкатулке проницательности.

Согласно сказанному выше при изложении событий, [связанных] с благословенным хаканом [Абдулла-ханом], я написал немного и о жизненных обстоятельствах высокодостойного [Ходжи], то есть его святейшества вождя арифов [310], главы мистиков, отмеченного милостями великого бога, устроителя [дел] народа, мира и веры Ходжи Джуйбари, да ниспошлет Аллах покой его душе!

Согласно [изречению]: «При упоминании благочестивых людей нисходит [божья] милость», я направил [свои] высокие помыслы на описание славной вереницы [шейхов] накшбандиййа, да освятит великий Аллах души их, родословной шейхов этого высокого сонма, восходящей к его святейшеству пророку [Мухаммаду], да благословит, да приветствует Аллах его, его дом и его сподвижников! Да послужит это причиной проявления ко мне благости и милости божьей, причиной нисхождения безграничной милости [его].

Высокие достоинства, признаки величия, высокого положения его святейшества ишана [Ходжи Джуйбари] выходят за пределы счета, они не вмещаются в сферу мысли. Существуют правила [ведения речи] о суфиях, согласно которым, когда рассказывают об этом высоком сонме, приводят также их генеалогию и дают описание [их[личных достоинств. Да не останется скрытым для сердец людей, ищущих истину, для чистых мыслей тонких знатоков [достоинств] его святейшества [Ходжи Джуйбари], что нить [его] родословной связана с имеющей преемственность родословной его святейшества Ходжи Са'д ад-дина Абу Бакра Са'да Сумитани [311], да будет доволен им Аллах! || Он — доблестный имам, лучший из людей, 46а
вождь эпохи, достигший высшего духовного совершенства, помощь народам, имам суннитов, руководитель имамов, отмеченный святостью великим Аллахом. Он является великим муджтахидом, последователем учеников пророка [Мухаммада]. Эта [связь устанавливается] следующим образом.

Благословенный отец его святейшества, следующего по пути истины, по имени Ходжа Ахмад является правдивым сыном Ходжи Йахйа. Ходжа Йахйа — сын последователя истинного учения Мухаммада Ислама, который является благородным сыном Ходжи Тахира. Ходжа Тахир — блаженный сын Ходжи Музаффара. Этот Ходжа является [одним] из славных, счастливых внуков Ходжи Алау ад-дина. Этот Ходжа является дорогим сыном Ходжи Маджд ад-дина. Этот Ходжа — [один] из счастливых сыновей Ходжи Захир ад-дина, сына доблестного имама Абу Бакра Ахмада [312]. Имам Абу Бакр Ахмад — сын помощника идущего по пути истины Абу Бакра Са'да, да будет доволен им Аллах! Он является благо-

словенным, великим сыном Ходжи Захир ад-дина, а тот — счастливый сын имама Али [313], который является одним из славных потомков эмира правоверных, имама благочестивых имама Джа'фар Садика [314], да будет благословение великого Аллаха над всеми ими!

Как правильно установлено, имам Али, да будет доволен им Аллах, изволил прибыть в Нишапурский вилайет из священных городов [Мекки и Медины], да приумножит Аллах почет и уважение по отношению к ним! Он прожил там длительное время, долгие годы. Оттуда он перебрался в славную Бухару, да будет она охраняема от бед и несчастий! Спустя некоторое время он испил из чаши смерти напиток, означающий «конец», согласно стиху: «И они смертны» [315], он убрал ноги в подол отдыха, да будет милостив к нему Аллах! Об этом подробно изложено в «Бахр ал-ансаб» [316].

Благородный род его святейшества [Ходжи Джуйбари] со стороны матери связан с его святейшеством, шейхом [всего] мира, духовным деятелем, отшельником имамом Абу Бакром Фазл ибн Джа'фаром ал-Бухари. Его святейшество [Абу Бакр Фазл] был знатоком хадисов и муджтахидом, наслаждался и миром и верой. Благодаря его помощи в вероучении Мухаммада, да будет мир над ним, не стало разных сект. Рассказывают, что, хотя он вел отшельнический образ жизни и [отличался] благочестием, в нем преобладал [интерес] к распространению знаний, ведению [дел], связанных с мусульманским законом.

Рассказывают, что его увидел во сне один великий человек и спросил: «Что сделал для тебя Аллах?» Он сказал: «Поставили на чашу весов мои тайные обращения [к богу] и доставшиеся мне по наследству дирхемы. Оказалось, что тайных обращений больше. По этой причине я был спасен [от ада]».

Известно и установлено, что у его святейшества [этого ишана] было 400 тысяч гитрифи [317].

Да будет известно, что упомянутые два имама, [Абу Бакр Ахмад и Абу Бакр Фазл], да будет доволен Аллах обоими, были в числе четырех Бакров Бухары [318].

466б Генеалогия || его святейшества [Ходжи Джуйбари] в отношении [духовной преемственности] следующая. Его святейшество впервые получил наставление и помощь от его святейшества, имама благочестивых, повелителя правоверных Асад [Аллаха] ал-Галиб Али ибн Абу Талиба, да почтит Аллах лик его!

Краткое изложение этого события следующее. В детстве он три раза видел во сне его святейшество Али. [Первый раз Али] вызвал к себе его святейшество [Ходжу] и, приблизив красноречивые уста к устам его святейшества, произнес зикр «ху» и изволил сказать: «Поскольку зикр „ху“ является самым лучшим зикром, а ты будешь в числе избранных, то я тебя научу [произносить] зикр „ху“».

В четырнадцатилетнем возрасте он удостоился благосклонного взора его святейшества Ходжи Йахйа, который является великим халифой великого эмира Хамзы, сына эмира Кулала. Его святейшество [Ходжа Йахйа] также научил его святейшество [Ходжу Джуйбари произносить] зикр «ху».

Да будет известно благочестивым, что некоторые арифы изволили сказать, что в зикре «ху» «вав» произносится и указывает на отсутствие сущности. Отсутствие сущности обозначает, что все свойства не установлены, не ясны в науке. Некоторые говорят, что «вав» выпадает. Вышеупомянутый [Ходжа Йахйа сказал], что буква [«вав»] ничего не обозначает. Те, которые произносят эту букву, считают, что она служит для связи. Во всех отношениях «вав» нужен только для связи. Те, которые не произносят буквы «вав», считают, что она ничего реального по смыслу не содержит. Они сказали: «Без „вав“, больше нет необходимости объяснять это», а один благочестивый соизволил сказать:

Требуй [произнесения] «ха» при [упоминании] сущности
[бога], ибо на дороге к другу
Нет ни мечети, ни молельни, ни капища, ни зуннара [319] [без] «ха».

Те, которые говорят, что зикр «ху» — наилучший зикр, указывают на его достоинство. [Если] при определении сущности [бога] «ху» имеет достоинство, то произнесение «ху» без «вав» указывает на еще большее достоинство [его]. Как было упомянуто выше, зикр без «вав» является наилучшим по достоинству. Возможно, что его называют самым лучшим, принимая во внимание то, что этот звук [«ха»] указывает на такое достоинство, которое является особенным, и не может быть другого достоинства, кроме этого, причем способ произнесения этого зикра указывает на отсутствие [сущности], что является особенным отношением.

Рассказывают со слов его святейшества Али Лала [320], да освятится тайна его, [который] изволил сказать: «Во сне я видел его святейшество прибежище пророчества [Мухаммада], да будет мир над ним, который научил меня [произносить] зикр „ху“ без „вав“».

Некоторые арифы изволили сказать: «Зикр „ху“ — это наилучший зикр, а зикр „ху“ без „вав“ указывает на особое [его] достоинство».

Говорят, что надо научиться [произносить] этот зикр следующим образом. [Он] не должен произноситься с участием языка, и надо, чтобы всегда было [слышно] дыхание и при каждом дыхании был бы ясен звук «ху», и следует произносить [его] до тех пор, пока этот звук станет невнятным. Мысли следует направлять || на ту высоту, которой [заслуживает], 47а
как указали, этот звук, до тех пор, пока не исчезнут признаки внимания. Здесь наступает особое состояние — [вадж-и хасс], что является самозабвением при постижении истины бога, велик он и славен! Для всякого счастливца, к которому по воле милосердного бога обратится один из счастливцев, чтобы тот научил его такому способу [произнесения зикра «ху»], и последний усвоит [произношение], это будет показателем его исключительных способностей. Этот признак всегда служит свидетельством достоинства кутбиййат [321].

Итак, полюс полюсов, собеседник великого бога его святейшество Ходжа Джуйбари в этом отношении был тем, кого их святейшества упомянутые [Али и Ходжа Йахйа] научили зикру «ху». А путь совершенствования предков он изучил с помощью своего деда его святейшества Ходжи Мухаммада Йахйа. [От него] он воспринял также учение о зикре и генеалогию благочестивых.

Его святейшество [Ходжа Джуйбари] как ученик (мурид) на пути истины связан с его святейшеством шейхом хакиката, старцем шариата, совершеннейшим ученым, прибежищем руководства [на пути истины] его святейшеством маулана Мухаммадом Кази, да будет над ним милость Аллаха!

Учение о пути совершенствования и о правилах поведения он воспринял от его святейшества, достойного руководителя на пути истины, святого по достоинству, солнца на небе ма'рифата, неба солнца арифов, наличных денег в сокровищнице бытия, кыблы ясновидцев, достигшего высоких степеней совершенства, отмеченного божественными милостями, то есть его святейшества маулана Ходжаги Ахмада Касани, да сделает [Аллах] лучезарной могилу его, который в свое время занимал исключительно высокое положение, был высокородным. Он творил такие чудеса, совершал такие сверхъестественные деяния, что во всех городах Мавераннахра все великие и знатные люди, купцы и прочие слои [населения] вдевали головы любви в кольцо обращения к истине. Во время беседы с его святейшеством, во время умерщвления плоти они не смыкали глаз сердца,

чтобы лицезреть друга. Известно и установлено, что, пока лучи святости сверкали на востоке блаженного чела его святейшества, под полой его заботы получили воспитание шестьдесят верных учеников и счастливых влюбленных [в учение]. Он сразу обошел пустыни небытия стопами верности и поспешил в Каабу соединения с истиной. По этой причине везде, где знают его святейшество [Ходжу Касани], [его] называют «главой шестидесяти». Об отношении его святейшества [Ходжи Джуйбари] к шейху хакиката, вождю тариката его святейшеству маулана Мухаммаду Кази [уже] упоминалось. [Этот] ишан [получил] духовное воспитание на пути совершенства благодаря безмерной, беспредельной милости его святейшества, прибежища святости, подобного херувиму, центра круга на пути истины, точки в [центре] окружности святости, близкого друга [бога] на уединенном месте [раскрытия] тайн, вождя дервишей, полюса тариката,
47б помощи хакикату, руководителя || шествующих по пути истины, подобного святому, его святейшества Ходжи Насир ад-дина Убайдуллы, да ниспошлет Аллах покой его душе!

В учении о зикре счастливый Ходжа [Убайдулла] стал преемником высокодостойного, высокоодаренного [шейха], звезды в созвездии познания [истины], жемчуга в шкатулке точных знаний, подвижника на путях достижения истины, властелина стран тариката, кыблы надежд благочестивых, Каабы счастья мистиков-ясновидцев, ключа от сокровищницы мудрых изречений, светоча тайн минувших времен Низам ад-дина маулана Йаʿкуба ибн Осман ибн Махмуд ал-Газнави, затем ал-Чархи [322], да будет милостив к нему Аллах! Последний был непревзойденным [знатоком] всякого рода внешних знаний и внутренних тайн. У него много сочинений о раскрытии сокровенных тайн, объяснений тонкостей в [разных] отраслях наук. В следовании по пути истины, в тарикате он является последователем его святейшества шейха ислама и мусульман, преемника посланников и пророков, султана идущих по тарикату, доказательства законов хакиката, полюса святых, помощи благочестивым, главы праведных, истинных шейхов, блеска истины, мира и веры Ходжи Мухаммада ибн Мухаммад ал-Бухари [323], известного как Накшбанд, да сделает Аллах благоуханной его могилу! Последний, несмотря на то что [получил] духовное воспитание согласно учению вождя людей, руководителя ходжей, то есть Ходжи [всего] мира Ходжи Абд ал-Халика Гиждувани [324], да озарится его могила, [обрел] красоту любви, совершенство [в постижении] истины и веры от эмира Саййида Кулала [325], да будет милостив к нему Аллах! Последний является [одним] из великих халифа шейха тариката шейха Бабай Симаси [326]. Он является [одним] из халифа Хазрат-и Азизан Ходжи Али Рамитани [327]. Последний — халифа его святейшества Ходжи Махмуда Анджира Фаʿнави [328]. Последний — халифа Ходжи Арифа Ривгари [329]. Последний [один] из великих халифа Ходжи мира Ходжи Абд ал-Халика [Гиждувани]. Ходжа Абд ал-Халик Гиждувани удостоился чести беседовать с Хизром, мир ему, а тайному зикру он научился у его святейшества, [одного] из великих халифа, имама бога, шейха Абу Йаʿкуба Йусуфа ибн Аййуба ал-Хамадани [330]. У Ходжи Йусуфа суфийская преемственность от шейха тариката Абу Али Фармади [331]. У шейха Абу Али Фармади суфийская преемственность с двух сторон. Одна — от великого шейха Абу-л-Касима Гургани Туси [332], который связан цепью духовной преемственности шейхов через посредство трех лиц с саййидом народа шейхом Джунайдом Багдади [333], да освятится тайна его! Другая суфийская преемственность шейха Абу Али Фармади от божественного шейха Абу-л-Хасана Харакани [334], который был главой шейхов эпохи, полюсом своего времени. У [этого] шейха суфийская преемственность от султана арифов шейха Абу Йазида Бистами [335]. Во время следования по пути истины он получил воспитание у его святости султана Байазида Бистами, ибо уста-
48а новлено, что шейх Абу-л-Хасан || родился задолго до смерти Абу Йазида-

У султана Байазида суфийская благодать от его святейшества имама Джа'фар Садика, да будет доволен им Аллах! Во время следования по пути истины он совершенствовался в соответствии с учением имама людей [Джа'фар Садика], ибо по правдивому рассказу установлено, что шейх Абу Йазид родился после смерти имама [Джа'фар Садика], как говорит об этом полюс святых, помощь благочестивым Ходжа Мухаммад Парса, да освятится тайна его, в «Фасл ал-хитаб» [336].

У его святейшества имама Джа'фар [Садика] преемственность по внутренним знаниям с двух сторон. Одна — от своего благородного отца Мухаммад Бакира, у него — от своего благородного отца имама Зайн ал-Абидина, у того — от своего отца, саййида мучеников за веру, повелителя правоверных Хусайна, да будет доволен им Аллах великий! У саййида мучеников за веру [Хусайна] — от своего отца его святейшества Асад Аллаха (льва божьего) ал-Галиб Али ибн Абу Талиба, да почтит Аллах лик его! У него — от его святейшества прибежища пророчества [Мухаммада], да будет благословение [Аллаха] над ним, надежно охраняющее его!

Вторая преемственность имама Джа'фар [Садика] от отца своей матери Касима ибн Мухаммад ибн Абу Бакр Сиддика, да будет доволен им Аллах! Его святейшество Касим принадлежит к числу великих учеников и таби'унов [337] Мухаммада, среди семи факихов [338] очень известный. Он был украшен внешними и внутренними знаниями. У него преемственность по внутренним знаниям от Салмана Фариси [339], да будет доволен им Аллах! Его святейшество Салман имел честь беседовать с его святейшеством [прибежищем] пророчества [Мухаммадом], да благословит его Аллах, да приветствует, и он прославлен [в хадисе]: «Салман — наш человек, человек [нашего] дома». У него преемственность по внутренним знаниям от его святейшества величайшего Сиддика [Абу Бакра], да будет доволен им Аллах, после преемственности от его святейшества пророка, да будет над ним благословение и приветствие Аллаха!

Исследователи придерживаются того мнения, что предводитель правоверных Али, да почтит Аллах лик его, после его святейшества [прибежища] пророчества [Мухаммада], да благословит Аллах его, его семью, да приветствует, был в числе преемников пророка, которые предшествовали предводителю [правоверных] Али и также приобретали внутренние знания. Так рассказал в книге «Кут ал-кулуб» [340] султан, достигший совершенства, глава суфиев шейх Абу Талиб Макки, да освятит великий Аллах тайну его!

Следовательно, преемственность в суфизме их святейшеств [шейхов Джуйбари], да будет довольство великого Аллаха всеми ими, идет от четырех лиц. Одна — от его святейшества Хизра, мир ему, вторая — от саййида народа шейха Джунайда, третья — от султана Байазида, четвертая — от его святейшества имама Джа'фар Садика, да будет доволен ими [Аллах]!

Его святейшество маулана Йа'куб Чархи в своей книге «Унсийа» [341] изволил сказать: «Этот высокий сонм называют солью шейхов» [342], и это его последнее слово [по поводу шейхов накшбандиййа].

Шейхи тариката говорили, что для шествующего по пути истины единение с богом — самое важное условие на пути совершенствования. Они также изволили сказать: «Везде — нигде, в одном месте — везде». Однако, когда || ученик удостаивается [беседы], взвешивая слова, он совершенно избавляется от причинения беспокойства другим. Чем больше он проводит времени в беседах с шейхами, тем выше его совершенство. 48б

У его святейшества, то есть Ходжи Джуйбари, да сделает Аллах благоухающим его дух, в науке о сокровенном преемственность берет свое начало от пяти лиц. Первая — от имама мусульман, то есть от его святейшества предводителя правоверных Али, да будет доволен им Аллах, вторая — от своего деда его святейшества Ходжи Мухаммада Йахйа,

третья — от его святейшества Ходжи Йахйа, преемника эмира Хамзы, четвертая — от его святейшества, господина обитателей мира маулана Мухаммада Кази, пятая — от его святейшества маулана Ходжаги Касани, да озарит Аллах могилы их всех до дня Страшного суда!

Это обстоятельство подтверждается тем, что изволил сказать шейх, мученик за веру шейх Маджд ад-дин Багдади [343]: «Чем больше свидетелей [у шейхов в изучении] науки о сокровенном, тем ценнее подкрепление их слов ссылкой на источники. Чем больше света накапливается у шейхов, которые берут лучи истины из светильника пророчества, тем более светлым будет путь для [их] учеников, [согласно стиху]: „Свет на свете! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает“ [344]».

Словом, достоинства этого вождя арифов столь велики, что никто не в состоянии воздать хвалу чудесам его святейшества, в особенности же этот жалкий бедняк (автор), который [давно], из поколения в поколение, [лишь] дитя раба этого порога, подобного Каабе, и не считает себя достойным написать кончиком слабого пера такого рода слова об особе ишана, способного руководить на пути истины.

Стихи

[Чтобы] знать его, должен быть такой человек, как он,
Кто же в настоящее время в мире такой человек, как он?

При всем том он (автор), осмелившись, проявив дерзость, нанизал на нить повествования чудеса, [совершенные] его святейшеством, связанные с жизненными обстоятельствами его величества хакана [Абдулла-хана], величественного, как Искандар.

Подробный рассказ об этом следующий. Задолго до восшествия на ханский трон, на престол миродержавия его величества могущественного государя [Абдулла-хана] его святейшество, находящийся под покрывалом святости, в присутствии [хана] с полной уверенностью чудодейственным языком сказал: «Хан, подобный Искандару, Алу-л-Гази Абдулла бахадур-хан, да увековечит [Аллах] его царствование, в скором времени завоюет Бухарский вилайет, сядет на престол господства, на трон величия и славы. Он украсит мир нарядом справедливости, перед миром и различными категориями людей закроет двери мятежей и смут». Поистине справедливость слов его святейшества, идущего по пути истины, подтвердилась через двадцать лет.

Еще имеется рассказ о сне его величества хакана [Абдулла-хана] в начале его деятельности. Подробности этого вкратце следующие. Еще до того, как завоевать Бухару, да будет она охраняема от бедствий и несчастий, и другие [земли], его хаканское величество некоторое время находился в районе Андхуда [345] и Шибиргана [346]. Однажды ночью он
49a положил благословенную голову на подушку || отдыха. Полчища сна овладели просторами его мозга, и он увидел [во сне], будто два благословенных мужа изволили прибыть в какую-то местность. [Будто] рядом с его величеством [Абдулла-ханом], да увековечится царство его, находится и его высочество, мученик за веру покойный султан Хусрав-султан. [Хан рассказал]: «Один из этих благочестивых мужей передал в руки Хусрав-султана обнаженный меч, и тот меч был обычный (букв. «односторонний»). Другой великий [муж] из этих двух великих мужей направился ко мне и изволил передать мне два меча, один — в правую руку, другой — в левую, и оба эти меча были обоюдоострыми».

Когда его величество хакан [Абдулла-хан] пробудился ото сна, он никому не рассказал этот свой сон.

В те счастливые дни, в то благополучное время Пир-Мухаммад-хан находился в Балхе. В ту пору жил в Балхе его святейшество, прибежище

накибства, лучший из саййидов, источник величия и счастья его святейшество Хасан-ходжа накиб, да будет чистым его обиталище! Он прибыл в Бухару по важному делу. Когда он решил вернуться в Балх, он пошел к его святейшеству Ходже Джуйбари, да освятится тайна его, и попросил [прочесть] фатиху по случаю отъезда в Балх. Прочитав фатиху, его святейшество Ходжа Джуйбари, оказав милость, сказал: «Когда вы явитесь к хаканскому величеству [Абдулла-хану], да приумножится его слава, передайте [ему] наш привет и скажите: „Если людям дали один меч, [ему] мы дали два меча, если людям дали один обычный меч, [ему] мы дали два обоюдоострых меча. Разве уместно колебаться?“».

[Хасан-ходжа рассказал]: «Я запомнил слова его святейшества. Когда я удостоился чести облобызать ноги его хаканского величества [Абдулла-хана], я сказал следующее: „Его святейшество Ходжа Джуйбари, да освятится тайна его, послал вам молитву и сказал: „Скажите его величеству, что, если другим дали один простой меч, [ему] мы дали два обоюдоострых меча. Есть ли основание колебаться?“ Его хаканское величество изволил сказать: „Уже давно я видел этот сон и никому его не рассказал“».

Да не покажется странным и удивительным, если у кого-либо зеркало сердца, подобного солнцу, засверкает под лучом божественных тайн, блеском божественной помощи с него будет удалена ржавчина мрачных раздумий, и [в нем] засияет луч справедливости. [Не удивительно], если с самого начала жизни он увидит в зеркале своего сердца, являющегося чашей, показывающей мир, картину состояния дел [своих] стремлений и, сняв покрывало с лица неведомой красавицы [своих упований], подтвердит [то, что сказано в стихах].

Стихи

Его сердце — свет мистического ясновидения, проникающий через окошко настоящего дня,
[Благодаря чему] все видят состояние дел на завтра.

О достоинствах благородного сына, прекраснейшего наследника его святейшества [Ходжи Джуйбари], то есть света очей благородных людей его святейшества Ходжи Калана, да ниспошлет Аллах тень сострадания на головы современников его!

|| Величие того вождя накибов и арифов [Ходжи Джуйбари настолько] 49б
велико, что двуязычное перо не в состоянии описать [хотя бы] часть на страницах повествования. Высокие достоинства этого убежища благородных людей, обладающего истинными знаниями, таковы, что потребуется много лет, чтобы описать их, но и тогда будет перечислена лишь тысячная часть [их], немногое из множества.

Стихи

Высокодостойный Ходжа, который является вождем благочестивых,
Светом своего сердца раскрывающий тайны,
[Он] подобен солнцу, он — место восхода лучей,
Знай, что это Ходжа Джуйбари.

По [упомянутой выше] причине о жизненных обстоятельствах этого вождя суфиев было рассказано вкратце. Краткое изложение событий, [связанных] с этим счастливцем, [здесь] заканчивается.

Однако ясным подтверждением, блестящим доказательством высокого положения и достоинства этого благородного [Ходжи] является суще-

ствование его великого, благословенного, благодетельного наследника, то есть его святейшества, высокодостойного, святого, херувима по нраву, солнца на небе хакиката, высокой луны тариката, воздвигающего столпы веры [Мухаммада], зодчего здания справедливости и веры, места восхода божественных лучей, места возникновения безграничных тайн, осчастливленного вечным счастьем, пользующегося немеркнущей славой, убежища для людей, оживляющего законы ислама, единственного в учении о божественной сущности, знамения при отсутствии другого знамения, удостоенного беседы с единым [богом], угодника вечного бога Ходжи Са'д ад-дина Абу Бакра Са'да, известного как Ходжа Калан-ходжа, да приветствует его Аллах!

Стихи

Он — царь царей страны милости, [ее] господин,
Имам на пути истины, вождь общины,
Его двери — Кааба, [где говорят о своих] нуждах люди,
Именно туда приходят люди со своей нуждой, как в Каабу.

Он тот, высокий порог которого является местом сбора величайших людей, высокий порог его является прибежищем великого сонма людей, благородных людей эпохи. Поверхность его сердца, сверкающего, как зеркало, является местом сосредоточения лучей божественных тайн, скрижали его сердца, озаренные [божьей] милостью, являются местом нисхождения лучей безграничных истин.

Стихи

[Он] — всадник ристалища тариката,
Собирающий тюльпаны в саду хакиката,
Мир в нем растворяется, он растворяется в мире,
Он скрыт, как зрачок в глазу у людей.
Его язык — место раскрытия тайн [для установления] истины,
Сердце его — место восхода лучей [божьей] помощи,
Красота веры украшена благодаря его заботам,
Путь шариата ясен благодаря его словам.

Похвальным качеством, отличительной чертой характера его святейшества [Ходжи] является следующее. Он проводит жизнь в постоянном бодрствовании, посвящает свое благословенное время всякого рода благочестивым делам и молитвам. Вместе с тем он постоянно старается скрыть [свои] чувства, свои переживания, он скрывает свое состояние от взора
50a других, как || это принято и обычно [у последователей] высокого ордена накшбандиййа. Смысл его поведения таков, что соответствует содержанию приведенного ниже двустишия.

Двустишие

Внутренне — друг, внешне — приятный посторонний.
Таких прекрасных по манере [людей] мало встречается в мире [347].

Воздержание [от греха], отшельнический образ жизни он соблюдал, как следует и как подобает. В забвении себя, в отречении от мирских благ он сравнялся с его святейшеством своим отцом, [даже превзошел его].

Месневи

В самозабвении, в потере своего «я»
Он превзошел отца.

С детских лет и до того, как он стал взрослым, он никогда не был склонен к играм и забавам, всегда он был серьезным, невозмутимым, кротким и терпеливым. С друзьями, слугами и прочими близкими он обходится [ласково], проявляя милосердие, милость и благородство. Хотя на пиру молодости, времени быстротечном, он пьет вино из чаши величия и славы, он никогда не увлекается миром имущества. Благодаря высокой одаренности, великим помыслам он восседает на троне славы. Согласно содержанию [стиха]: «И ты увидишь, что горы, которые ты считал неподвижными, — вот они идут, как идет облако» [348], он идет шагами подвижничества по ступеням лестницы, [ведущей] к царству небесному. Подтверждая смысл [арабского выражения] «Разукраситься в разные цвета лучше, чем застыть в одном состоянии», на родине он не упускает возможности, путешествуя, стремиться к Аллаху. Когда он проезжает по людским стоянкам, странствует по божественным местам стоянок, всегда его взор устремлен под ноги. Постоянно погруженный [в мысли] о чудесном небесном царствии, в обществе он зажигает освещающую мир свечу уединения. Его благословенный отец в конце жизни, когда пил мелкими глотками чашу смерти [из рук] виночерпия, разрушителя всех наслаждений (смерти), и его священная душа откликнулась на зов: «Вернись к твоему Господу довольной и снискавшей довольство!» [349], соизволил сказать: «Все это я передал своему сыну ходжа-заде; все те, которые стремятся постичь эти знания, пусть соберутся вокруг него». Это была тайна, которая досталась ему (т. е. отцу) от счастливцев благодаря чуду, [выраженному в стихах]: «О да, ведь для друзей Аллаха нет страха, и не будут они печалиться» [350], и те знания, которые были похищены [им] у предшественников чоуганом [божественной] помощи с ристалища, [где начертано]: «А тех, которые усердствовали за Нас, Мы поведем их по Нашим путям» [351]. Одного этого достаточно [для характеристики] его святейшества [Ходжи Калана].

Он (Ходжа Ислам) оказал милость, [сказав]: «Я надеюсь, что государи мира всегда будут приходить к его порогу, получая [от этого] пользу, а у него от их посещений не появится высокомерие, самомнение и надменность».

Случилось именно так, как сказал его святейшество [Ходжа Ислам]. Султаны [различных] стран и краев приходят с великой мольбой, чтобы совершить обход вокруг его порога, который является кыблой для благородных. Они гордятся тем, что достигают своих желаний, и это является [их] главной целью. || Общение с великими хаканами, султанами, достой- 506
ными Джама, ни на волос не наносит ущерба отшельническому, аскетическому образу жизни его святейшества. Напротив, временами он стремится больше прежнего удовлетворять сердца странствующих дервишей, радовать благочестивых и бедных.

Месневи

Посещению любого знатного [мужа]
В душе он не придает никакого значения,
Он стремится удовлетворить желания людей,
От него исходит только добро.

К тому порогу, как к Каабе, каждый день приходят толпами великие и славные [люди], купцы и прочие категории [населения], и благословенный ходжа-заде благодаря своим способностям и умению находит общий язык с каждым из них и обходится с ними соответственно их положению. Из-за стола милостей его святейшества ни один человек не встает обделенным; он постоянно щедро одаряет людей дарами, раздаваемыми [им] всем в очень большом количестве, в огромных размерах, так что дары благословенного ходжи-заде часто бывают больше того, что может вместиться в сфере человеческих возможностей.

Хакан, величественный, как Искандар, [Абдулла-хан] из-за исключительной любви и преданности к дервишам, чтобы содержать тех из них, которые окружали его святейшество [Ходжу Ислама], хотя и благоустроил селения, [однако] от этого отнюдь не возникла картина счастья [для них]. Тогда [Ходжа Ислам] взял часть мертвых земель, которые обычно не засевались, и, прорыв многочисленные каналы, провел к посевам воду и оживил их, подобно тому [как говорится]: «Мы вырастили ею сады, обладающие блеском» [352]. Посевы его святейшества теперь зеленеют и напоены, согласно смыслу [стиха]: «Как Он оживляет землю после ее смерти»! [353]. Они ухожены [так, что напоминают стихи]: «И взрастил ее Аллах хорошим ростом» [354]. [Их] тысяча, нет, [они] выходят за пределы исчисления и определения.

Его святейшество, господин, свет народа и веры Абд ар-Рахман Джами [355], да освятит Аллах великую тайну его, приложил усилия в описании посевов его святейшества Ходжи Насир ад-дина Убайдуллы, да оросит Аллах могилу его! Он написал благословенные стихи, дающие представление о размерах пахотных земель его святейшества [Убайдуллы].

Месневи

У него тысячи полей под посевами,
Которые суть дорожные припасы для отправления в рай,
На этих полях он сеет зерно, он [их] орошает,
Строит хранилища для того мира.
Для его высоких мыслей земля — горсть праха,
Стоит ли заботиться в пути о горсти праха?
Если даже [говорить] о кесаре и властелине Чина,
[Они лишь] собиратели колосьев вокруг его гумна.
На молотьбу к нему бесподобная милость [творца]
Привела с неба вола из [созвездия] Тельца.
Посмотри на небо, полное звезд,
По сравнению с грудами его зерна [оно] лишь решето с семенами.

[Эти стихи подходят и к ходжам Джуйбари.]

50б (поля) || Великий господь, даритель, не подчеркивающий своих одолжений, дарящий без поводов, да будут всеобщими милости его, пожаловал его святейшеству [ходже] много имущества и великолепных вещей из богатой сокровищницы, [где начертано]: «Тот, кто дал каждой вещи ее строй, а потом вел по пути» [356], одарил его сокровищами, [о которых говорится]: «И если вы будете считать милость Аллаха, то не сочтете ее» [357]. Мисра: Счетчики семи климатов не смогут определить и сотой доли ее.

Равнину обширных просторов его богатств невозможно обойти шагами благоухающего амброй пера. Мисра: Да будет далек [от него] дурной глаз, ибо это [его имущество] должно быть в сто раз больше.

Великий, милостивый [бог], да будут священными имена его, [дает] огромные богатства [Ходже Калану]. Чем больше [бог] раскрывает ворота безграничных богатств перед ликом его счастливой доли, [тем усерднее] он, благодарный [богу] за большие милости, огромные дары, следует по пути смирения и покорности.

Стихи

Кто обладает совершенным умом и большой проницательностью,
Тот не выказывает спеси и надменности от большого богатства,
[Тот] подобен ветви с плодами, которая по мере роста плодов
Больше склоняется вниз.

Для лучезарных, как солнце, сердец, для священных мыслей молодых и старых ясно и очевидно [следующее].

С т и х и

Хотя имущество его неисчислимо,
Для него оно не имеет никакого значения.

Ведь ясно и понятно, очевидно и несомненно, что увеличение им внешнего благосостояния является лишь средством уменьшить препятствия [на пути] к духовному [миру]. Главная цель его при возведении мирских построек не что иное, как строительство стоянок [в пути] на тот свет.

С т и х и

Поскольку богатства его безграничны,
Имущество его неисчислимо,
То дело его не что иное, как увеличивать расходы,
Тратить [средства] на нужды бедняков,
Цель его — тратить их на нужды обездоленных,
Траты его угодны и богу.

Эту мысль подтверждают и уточняют [следующие] слова из третьей главы (мисбах) рисале «Табсират ал-мубтадин» [358]: «Обитатели мира осуждаются не за то, что они являются великими мира сего, а за [их] любовь и привязанность к нему (т. е. к миру)». По этому поводу его святейшество прибежище пророчества [Мухаммад], да будет безграничной за него молитва, хранящая его [душу], сказал: «Любовь к миру является основой всех грехов: всякий, кто отрекается от него, находит избавление, кто питает [любовь к нему], погибает». Ведь мир таков: то высоко вознесет человека, то ввергнет в бездну.

С т и х и

Того ум ведет к величию,
Этого вожделение доводит до унижения.

Итак, всякий, кто заботится о припасах, [необходимых] для пути [в иной мир], и удаляет от жадного взора довольство [благами] мира, кто ясно представляет себе то, о чем гласит великий [стих]: «Мы их наделили, расходуют» [359], тот лишь внешне обитает в мире, на самом же деле он пребывает в высоком обществе, [к которому относится хадис]: «Истинно у Аллаха имеются рабы, у которых тела в мире, а сердца с Аллахом». Кто вручает себя Аллаху, а не [предается] страстям, для того мирские блага являются лишь великим помощником при следовании по верному пути, тот все имущество, к которому подходят слова: «Да, как хорошо для благородного имущество, добытое честным путем» [360], тратит на пути, угодном Аллаху.

С т и х и

Все, что имеешь, раздай ради него (бога),
[При этом] отдавай предпочтение нищим.

В конце этой [третьей] главы [«Табсират ал-мубтадин»] говорится: «Имаму Ахмаду Газали [361], да освятится тайна его, сказали: „Ты каждый день осуждаешь мирские дела и постоянно призываешь людей отказываться

от привязанности [к миру], а у тебя столько конюшен, [полных] коней и мулов, [для привязи их] в конюшнях крючки из золота, еще у тебя [есть] и другое имущество, так к чему же эти поучения [об отречении от мира]?" В ответ он соизволил сказать: „Я забил крючки [в конюшнях] в глину, а не в сердце"». «Подлинно Аллах не обращает взора на вашу внешность, на ваши деяния. Он обращает взор на ваши сердца, на ваши помыслы» [362].

Стихи

В сердце не должно быть больше одного [существа],
В доме же допустима хоть тысяча.

Подтверждением этих слов является следующий [случай]. Однажды светильник, [освещающий] сонм [мужей] со светлым умом, кыбла счастливцев, то есть его святейшество Ходжа Насир ад-дин Убайдулла, увидел дервиша, который держал в руке посох. На конце посоха было прикреплено несколько колец. Ходжа Убайдулла, взглянув на [своих] приверженцев, изволил сказать: «Я не привязан ко всем этим вещам и землям в такой степени, как привязан этот дервиш к своему посоху». Его святейшеству Ходже Убайдулле, принадлежат также следующие слова: «Есть много людей, которые подражают нам в умножении богатств, в собирании мирских благ. Но они не могут справиться с этим и впадают в грех, в заблуждение, в ошибку, [несут] наказание.

Стихи

Если суфий пьет вино в меру, пусть пьет,
Если он [пьет не в меру], то пусть забудет и мечтать об этом.

Его святейшество [Ходжа Калан] всегда увлажняет губы жаждущих в пустыне нужды холодной водой милостей и прилагает большие старания, чтобы удовлетворить их просьбу, покрыть их расходы. Несмотря на это, быстро считающие счетчики говорят, что доходы от богатств его святейшества [Ходжи Калана] не идут ни в какое сравнение с размерами его
51а расходов, || что доходы его неисчислимы. Однако поскольку высокодостойный отец (Ходжа Ислам) выразил полное удовлетворение [сыном], вознес благословенную молитву за своего великого и славного сына, то бог, да будет он велик и превознесен, дал полное благословение в отношении его скота и имущества так, что, сколько бы он ни дарил, [они] не убывают. Несмотря на [свое] высокое положение, величие, избыток слуг и имущества, он следует по пути повиновения, подчинения великим законам лучшего из людей — [Мухаммада]. Согласно [стиху]: «Скажи: „Я ведь человек, подобный вам"» [363], он считает себя равным всем стоящим ниже его по положению. Он ни на минуту не забывает оказывать покровительство их святейшествам великим саййидам, ученейшим улемам, ученым времени, красноречивым поэтам. Он не отказывается направлять свои благоухающие мысли на то, чтобы наделять милостями этот высокий сонм [мужей]. Постоянно он проявляет большое старание в постройке благотворительных учреждений: медресе, мечетей, молелен ханака. Передав в вакф благоустроенные селения, великолепные поместья, где производится зерно, он прилагает неимоверные усилия, исключительное усердие [в заботе о них]. Несмотря на все это, он следует только по пути адаба, никогда не забывает похвальные обычаи, священные законы, [выражая] покорность [богу]. М и с р а: Похвальна покорность гордых.

По признанию этого высокого сонма [людей], адаб [364] — [это значит] хранить сердце для познания [бога], кроме [него] ни о чем не думать; мысли целиком и полностью должны быть направлены на великого, всепрощающего [бога].

Двустишие

Основа суфизма не более чем адаб,
Не обладающему адабом нет пути к дервишеству.

Суфизм — целиком адаб. Адаб — главный источник всякого счастья, украшение всякого благородства. Удивительно, если суфий, лишенный адаба, сидит на почетном высоком месте.

Месневи

Прошу у бога помощи в [приобретении] адаба:
Не обладающий адабом лишился милости господней.

Он постоянно прилагает старание и усердие в выражении смиренности и покорности [богу]. Никто из знатных и простых людей не может превзойти этого счастливого, благословенного ходжу в соблюдении правил приветствия при встрече.

Короче говоря, для описания свойств, похвальных качеств этого благословенного махдум-заде недостаточны слова, [ими] невозможно передать все лучшие черты характера, все достоинства его святейшества [Ходжи Калана]. Если даже в течение долгого времени, многих лет перо, лишенное способности произносить слова, этот молчаливый бегун (перо), придет на помощь [и заговорит], то оно не сможет выразить и тысячной доли его достоинств, не сможет привести даже ничтожную часть подобающих ему похвал.

Стихи

Если перо будет писать даже тысячу лет,
Оно [все равно] не сможет отразить [все] твои достоинства.

Похвальные качества, достоинства его святейшества так велики, что о них невозможно рассказать и поведать. Даже имея давнюю, искреннюю привязанность к [Ходже Калану] и особые отношения, автору невозможно постичь его достоинства (букв. «невозможно достичь даже пыли, [поднятой] копытами его коня, объехавшего небосвод»). Мисра: Не достигнув его пыли, ты сам превратишься в прах. * И, естественно, в таком случае лучше обуздать ретивого коня пера и обратить поводья коня решимости к молитве, быстро доходящей [до бога].

Руба'и

Тот, кто является рудником святости,
По сравнению с горстью его совершенства Оманское море —
лишь пена,
Поскольку благодаря ему суфии постигают совершенства,
О боже, да не будет причинен ущерб его совершенству.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

|| Красота первых лучей рассказов в начале повествования заключена 51б
в хвале господу, да будет великим владычество его! От восхода солнца милости его могут стать сияющими лица государей мира. Прекрасно, когда произведения начинаются с восхваления [бога], с выражения благодарности владыке владык, да будут ясными доказательства его! Благо-

даря сиянию луны щедрости [его] видно выражение блаженства на ясном челе столпов человечества.

[Вначале хвала] господу царства, который возлагает корону власти, венец султанства на голову тому, кому пожелает, и отнимает, у кого пожелает; дает высокую власть и трон господства, кому пожелает, [как гласит стих]: «Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть, от кого пожелаешь, и возвеличиваешь, кого желаешь, и унижаешь, кого желаешь» [1].

Стихи

Из доли, [предназначенной] для рабов и царей,
Ты даешь блага всякому, кому пожелаешь.

Да будут лучшие молитвы благочестивых, страницы молитв непорочных [мужей] над светозарной могилой, благоуханным местом погребения султана двора избранных, главы сонма пророков Абу-л-Касима Мухаммада — избранника [бога].

Месневи

[Он] — путеводитель каравана прозорливых,
[Он], несомненно, зрачок ока,
Приятная влага его рта — райский источник,
Джабра'ил, стремящийся [прикоснуться] к его сладким
губам, подобен мухе.

[Он] тот, чье знамя власти украшено величественным узором [слов]: «Адам и те, которые [созданы] после него, находятся под моим знаменем» [2]. Его знамя, овеянное [божьей] помощью, почитается, так как оно украшено [словами]: «Была мне оказана помощь [Аллаха] тем, что [он внушал] страх [врагам] на протяжении нескольких месяцев» [3].

Да будут лучшие зефиры, ароматы, наилучшая благодарность и благословение [бога] священной розе, благоухающему гиацинту, наделенному совершенством роду [Мухаммада] и великим сподвижникам [его], являющимся кыблой надежд и упований [его], да благословит Аллах его, его семью, благочестивых, великих сподвижников его!

Стихи

Отличительной чертой четырех друзей [пророка],
неуклонно проводящих законы шариата,
[Является] то, что они подобны четырем столпам мира.

Как было указано в предисловии, сочинение [повествует] о событиях, [связанных] с его величеством благословенным [Абдулла-ханом], о его достоинствах, [состоит] из предисловия, двух частей и заключения.

Пишущий эти строки, как только закончил предисловие к книге, [сразу же] повернул поводья красиво гарцующего превосходного коня — пера к первой части, которая содержит рассказ о счастливом рождении и приходе к власти [Абдулла-хана].

Есть надежда на то, что [книга] предстанет перед чудодейственным
52а взором его величества [Абдулла-хана] || и удостоится чести одобрения, и [тогда] звезда славы его (т. е. автора) засверкает на западе и на востоке. Аминь, [о] господь миров!

Рассказ о благословенном рождении государя, [восседающего] на троне великодушия, о появлении его из теснин небытия в просторы существования

Когда прощенный богом [покойный] Абу-л-Гази Убайдулла-хан воссел на престол власти в Бухарском вилайете, чекан на монетах и хутба обновились и прославились благодаря его благословенному имени. Некоторые славные сыновья прощенного богом покойного Джанибек-султана находились [тогда] в Миankале. Каждый из них, подняв знамя величия в какой-нибудь крепости, притязал на независимость. Хакан, повелевающий, как Искандар, Абу-л-Фатх Искандар бахадур-хан восседал [в это время] на троне власти, на престоле величия в прекрасном городе Афаринкенте, который является приятнейшей местностью Согда Самарканда. Климат его исключительно хороший, люди его набожные, доброго нрава, что подтверждается правильным хадисом, который записан с толкованием Кирмани: «На земле четыре рая: Убулла [4] Басры, Гута [5] Дамаска, Ши'б-и Баван [6], Согд Самарканда».

Стихи

Согд — местность, подобная высочайшему раю,
Жители его прекраснее, чем черноглазые гурии,
Деревья его с пышными кронами,
«И приближен рай к богобоязненным» [7].

Благодаря исключительно высокому положению, большим способностям [Искандар-хан] поднимал знамя славы до апогея величия. Власть и благоденствие сопровождали благословенное счастье его, победа и одоление сопутствовали его победоносным знаменам. Благодаря его справедливости утренний ветерок, которому свойственно раскрывать бутоны, не мог унести аромат роз с поверхности цветника; свирепый лев, которому привычно пожирать сердца антилоп, поклялся не покушаться на них. Всякого рода богатства его величества [Искандар-хана] были вне пределов счета и исчисления. За состояние [своих] дел [он был] спокоен и чувствовал душевное удовлетворение. Однако поскольку нет более приятного богатства, более великого и чудесного дара, чем благородство благородных сыновей и следование истинным путем благословенных потомков, то днем и ночью, постоянно он держал [свои] чудодейственные мысли и благоухающее сердце в тисках желания [иметь] сына. Он все время рисовал этот образ на страницах воображения, на скрижалях мысли. Языком мольбы он долго просил [бога], чтобы родился благословенный [сын]. Все годы он просил у величайшего [бога] осуществить эту мечту. [Он обращался с мольбой к богу] так же, как избранный сонм пророков, царей стран избрания, просил у всемогущего [бога], чтобы он дал достойных детей, и как самые благочестивые из [мужей], восседающих на троне при дворе избранных, просили благородного сына у божьего порога. || Это положение 52б
следует из чудодейственных слов Корана, [книги Аллаха], да будет великим имя его: «Господи! Дай мне от Тебя потомство благое. Ведь Ты — слышащий воззвание» [8]. Текст, ниспосланный с небес: «Господи наш! Дай нам от наших жен и потомства прохладу глаз и сделай нас образцом для богобоязненных!» [9], является неопровержимым доказательством того, что высокодостойные дети являются светом очей отцов, могущественных, как небо. Смысл божественного слова: «И даровали Мы Да'уду Сулаймана — прекрасный раб! Поистине, он — обращающийся!» [10] — является блестящим доказательством того, что счастливые сыновья появляются на свет благодаря обращению с мольбой к величайшему Творцу.

Воле извечного [бога, его] безграничной милости было угодно, чтобы высокий купол здания власти и могущества, [покоящееся] на прочных опорах здание государства и державы его величества государя по имени Искандар не подвергались разрушению и порче. Ведь великий бог, не требующий признательности, да прославится имя его, да будут всеобщими блага его, по безграничной милости подарил миру дорогой халат — человеческие существа, оказал милость, совершеннейшим образом отличив благородных людей: «Мы почтили сынов Адама» [11].

В 940/1533-34 году, соответствующем году Дракона, у него (Искандар-хана) родился славный сын, нет, сверкающий крупный жемчуг, подобная солнцу блестящая звезда в зодиаке власти, в апогее величия; лучи света от того яркого солнца засверкали во [всех] странах мира. Взошло солнце с востока благословенного рождения [сына], засверкал в апогее прочного счастья полумесяц, освещающий мир.

Месневи

[Он] — блестящая звезда в зодиаке шахской власти,
Сверкающий жемчуг в шкатулке шахской державы,
[Он] — роза в цветнике величия и счастья,
Луна на небе царства и веры.
Блеск шахского достоинства на его челе,
На лице его ясны признаки власти.

[Он] — солнце, сияние его сверкающего, как солнце, лица осветит весь мир. [Он] — луна, от сияния вселяющего счастье лица его в зеркале живых существ увеличится блеск, прибавится свет к свету.

Его благословенное рождение произошло в самый благословенный час, в счастливейшее время, под счастливой звездой.

Стихи

Из волн моря милости [господней] появился жемчуг,
На небосклоне благородства взошла звезда,
В саду величия и славы раскрылась желанная роза,
На дереве державы и веры появился плод.

На его лице, подобном луне, было видно величие ханского достоинства, величие миродержавия, на лице его, напоминающем солнце, были ясны [признаки] счастья, могущества, султанской власти, покорения мира.

Месневи

53а || [Он] — драгоценный жемчуг из моря власти,
Яркий луч света из светоча господнего,
[Он] — обладатель счастливой звезды благословенного трона,
Под счастливой звездой овладевший короной и троном.

Канопус на небосклоне над его ясным челом свидетельствовал о том, что он станет освещающим вселенную солнцем на небе величия над [всеми] поясами земли. Озаряющее мир солнце с места восхода его счастливой звезды свидетельствовало о том, что от появления первых лучей луны его власти темная ночь разных племен превратится в утро, более светлое, чем праздничный день или Науруз.

Для того чтобы его благословенная особа была охраняема от несчастий, [причиняемых] дурным глазом, благочестивые [мужи] всех мест,

где собираются люди, усердствовали в чтении нараспев коранического стиха: «Поистине те, которые не веруют, готовы опрокинуть тебя взорами» [12]. Чтобы высокое достоинство его дошло до наивысших степеней совершенства и до возможных пределов величия и славы, [ангелы], славящие бога, в священных обителях произносили благословенные молитвы [за хана], что согласуется со стихом: «Ангелы возносят хвалу своего Господа и просят прощения тем, кто на земле» [13].

Стихи

О боже, да будет зеленым это дерево власти,
Которое появилось в саду царствования и величия,
О боже, да будет благословен жемчуг,
Который появился в шкатулке державы.
Весь мир озаряется светом его чела,
От его света дом превращается в богатый храм,
Его счастливой звезде радуется мир,
Всякий, кто видит его, избавляется от горя.
Он всюду раскрывает врата счастья,
Он открывает сокровищницу перлов для одаривания.

О том, как собрались звездочеты для определения времени появления на свет, времени счастливого рождения его величества могущественного [Абдулла-хана], и о том, как было дано славное имя [хану] его святейшеством господином маулана Ходжаги Касани

Государь, подобный Искандару, [Искандар-хан] ясно представлял себе, что все, [посылаемое] судьбой, зависит от великого, всемогущего властелина (бога), и отцы на небесах, и находящиеся внизу матери [14] удивлены [делами] мастерской судьбы, мастерской художника [предопределения]. [Согласно стиху]: «Он распределяет Свое повеление с неба на землю» [15], рука могущества [бога], искусным пером [начертав стих]: «Придает вам форму в утробах, как пожелает» [16], показывает картины мудрости. Тогда какое представление может придумать скоморох судьбы и какие фокусы он может показать? Тайны премудрости господней, щедрые лучи безграничной милости [его] связали возникновение некоторых явлений с действием некоторых причин. Например, смена дня и ночи, чередование времен года зависят от движения солнца; система определения месяцев по новой луне, которая помогает установлению времени молитв, зависит от изменения формы луны. Это положение подразумевается в тексте божественного слова, где говорит [Аллах], да будет он велик и славен: «Спрашивают они тебя о новолуниях. ‖ Скажи: „Они — определение вре- 53б
мени для людей и для хаджа“» [17]. Следовательно, возможно, что причины счастья и достижения желаний зависят от [сочетания] больших светил, от яркости восхождения звезд. Вот почему [Искандар-хан] издал высокий приказ, чтобы тонкие знатоки астрологии, обладающие правильными суждениями, ярким взглядом, дерзающие предсказывать [судьбу] при рождении детей, читающие астрологические календари, внимательно, осторожно, правильно и ясно определили время появления на свет августейшего [младенца] и восхождение его счастливой звезды, чтобы пером могущества начертали [письмена] в тетради счастья.

Согласно его приказу мудрые звездочеты, проницательные астрологи обратились за помощью к отцам на небе и к матерям, находящимся внизу, и представили [хану] гороскоп судьбы августейшего [Абдулла-хана].

Месневи:

[Они] дали шаху такой ответ:
«В странах [мира] он станет могущественным государем,
Когда он [еще] в колыбели возложит на голову венец,
Он будет взимать харадж с Ирана и Турана».

После того как благодаря счастливой звезде [Абдулла-хана] мир по свежести уподобился райскому саду, по красоте — райским цветникам, лучи солнца счастливого [хана] осветили не только [земной] сад, но и самые высшие сферы неба.

Стихи

От этой радости [Искандар-хан] рассыпал [золото и деньги]
повсюду (букв. «по всем садам»),
В радости он бросал шапку в небо [18],
В благодарность за эту добрую весть в девяти сферах неба
Гонцы, требуя вознаграждения за радостную весть,
[Казалось, могли бы] в вышнем мире снять бирюзовую кабу
небес,
Унести рубинового цвета шапку солнца.

Его величество [Искандар-хан], достоинством Искандар, из-за исключительно искренней дружбы и полного доверия к благородному роду ходжей, да будет над ними милость и довольство [Аллаха], послал своего ахуна Дарвиш-Мухаммада с достойными подарками, редкими дарами с просьбой к его святейшеству, достойному руководить на пути истины, Полярной звезде на небе шариата, солнцу на небе хакиката, угоднику господа на месте уединения [с богом] его святейшеству маулана Ходжаги Касани, да ниспошлет Аллах великий покой его душе! Он просил [у маулана] благоухающую молитву [за сына] и просил [дать ему] высокое, славное имя.

Его святейшество с искренностью помолился за этого отпрыска царского рода. Согласно тайному внушению, по несомненному указанию [бога], соответственно с истинным хадисом, ясным словом: «Лучшее из имен — Абдаллах, затем — Абд ар-Рахман» — он дал ему благословенное имя Абдаллах. Языком, рассыпающим перлы [слов], он изрек: «Он будет славным государем, на протяжении долгих лет обитатели мира будут отдыхать под сенью его власти».

После этого его величество [Абдулла-хана] положили в колыбель, украшенную драгоценными камнями. Юпитер и Венера, солнце и луна из любви к нему готовы были отдать сердце и душу, счастье и трон, они обратили к нему благословенный взор и ни на минуту не отрывали от него взгляда, полного любви.

Стихи

Рука извечной силы [бога] для него после свивальника
54a || Выкроила рубашки из атласа сумерек и утра,
Небо, [заботясь] о кормлении, из своей белизны
принесло ему сосцы с молоком,
Думая, что он не хочет сосать [молоко кормилицы].
О престарелое небо, оно не знало,
Что никто из этого рода не пил молока низких.
От радости за сверкающую звезду его счастья
Юпитер осушил кубок вина, уподобляясь Венере.

Хакан, достоинством Искандар, [Искандар-хан], оттого что питал исключительную привязанность, безмерную любовь к его величеству [Абдулла-хану], во-первых, для попечения и заботы о царевиче назначил счастливого эмира Тин-Саййид-бий джалаира, во-вторых, он назначил аталыком [сына] высокодостойного, облеченного властью эмира Йар-Мухаммада, вознес степень его достоинства до апогея величия. Каждый из них с полной надеждой [на благополучие] начал проявлять заботу, служить царевичу, счастливому, как Искандар. Постоянно опоясанные поясом любви, поясом служения и самопожертвования, они не дозволяли себе никакой небрежности. Подобно весеннему кусту розы, который носит на [своей] груди дитя-бутон, они никогда не снимали с плеч его величество [Абдулла-хана]. [Проявляя] заботу о нем, они ни на один час не снимали его с шеи, уподобляясь желто-зеленому небу, которое днем носит солнце, ночью — луну. Этот перл величия и славы воспитывался в шкатулке счастья и благоденствия, словно жемчуг хорошей воды. На обитателей мира, на различные племена людей с его ясного чела падал свет, подобный лучам освещающего мир солнца.

Месневи

Когда счастье отметило это рождение [царевича],
Оно поздравило весь мир,
Ствол тубы расщеплялся на куски,
Чтобы стать колыбелью в его спальне.
Кормилица счастья притянула [его] к себе,
Чтобы заключить в объятия этого своего счастливца,
Пришло счастье с открытым челом,
Приложилось щекой к его стопам.

Когда звезда в созвездии шахской власти, жемчужина в шкатулке шаханшахского достоинства взошла на месте восхода совершенства, на востоке счастья и славы, радостная весть о рождении [царевича] распространилась во [все] концы державы, его величество [Искандар-хан] от истинного счастья, от восторга подбросил шапку до высшей точки неба, выше солнца и луны.

Последовал приказ, действующий как рок, чтобы преданные слуги царского двора для проведения празднества по случаю поздравления [с рождением сына] устроили веселый, полный радости и ликования праздник и разбили бы царские палатки, украшенные великолепными жемчугами и рубинами, более высокие, чем зубцы крепостных стен чертогов Сатурна, поставили бы царские шатры, более изящные, чем просторы грез. Согласно с этим влиятельные эмиры, высокодостойные везиры, опоясавшись поясом служения, в нескольких местах || приготовили все необ- 54б
ходимое для приятного веселья, сладостного, как сахарный тростник. Они возвели шахский шатер, достигавший чертога Сатурна, вершины небесного купола. Они устроили пышный, великолепный пир, подобный райскому, и зажгли огонь веселья и ликования, призвали к удовольствию и безмятежности. Они раскрыли врата радости и восторга перед счастливцами и властелинами. Был устроен такой райский пир, устроено такое великолепное празднество, подобное райскому, что видавший виды небосвод, посмотрев на это тысячами глаз, выразил изумление, наблюдая это, был поражен. [Искандар-хан] рассыпал [сверкающие], как звезды, жемчуга с золотых и серебряных блюд, подобных солнцу и луне. В тот день на поверхность земли упало столько перлов, освещающих мир, что, казалось, на землю упали драгоценные перлы с небес, чтобы собирать жемчуга [на земле].

Месневи

Весь шахский дворец наполнился светом,
Небо изрекло: «О боже, да будет далек дурной глаз!»
Со всех сторон появились весенние тучи,
Чтобы рассыпать жемчуга, излить дождем перлы.
Благодаря большой милости [бога] дождь рассыпал перлы,
Если и была пыль над землей, [дождь] заставил осесть [ее].
С высоты небес звезды пожелали
Спуститься на землю для собирания перлов.
От страха перед внушительным видом избранников двора
Охватила дрожь звезды и луну.
В тот счастливый день от рассыпания сокровищ
Опьянел воздух, земля [окрасилась] в цвет [красного] вина,
От золота, серебра, блестящих жемчугов
Земля стала походить на цветник утренней порой.

После того как мысли августейшего [Искандар-хана] освободились от забот о веселом, радостном празднике, он, как следует и как подобает, выразил благодарность за божий дар. С исключительным радушием он пожаловал участникам пира по [их] достоинствам почетные халаты, многочисленные дары и удовлетворил [их].

Он назначил для него (Абдулла-хана) надежных хранителей соответственно их положению, добродетельных, приятных видом, ласковых хранителей согласно их достоинству. Они воспитывали его (Абдулла-хана) выносливым и крепким; всякого, кто не был годен к службе, они удаляли, как слезу из глаз. Заботливая женщина одобрения [божьего] взрастила его в колыбели благополучия и здоровья, нежная божественная кормилица вскормила его молоком заботы, [о котором говорится]: «. . .из молока, вкус которого не меняется» [19].

Двустишие

Милостивая его кормилица ласково приняла его
в [свои] объятия,
Вскормила [его[молоком — пищей из ласковой груди.

Время кормления молоком, услаждающим душу, он провел благополучно и счастливо, дни, когда он сосал [грудь], он провел в полном здравии. Божья помощь, безграничная милость его (бога) довели его до начала поры рассудительности, до пределов благоразумия. На жизненном пути его благоухали, словно зефир весной, [признаки] власти и миродер-
55а жавия. || В его манере действовать и говорить сверкали лучи господства и свет могущества, подобно блеску молнии в грозовой туче.

Стихи

Если он поворачивал поводья ради забавы,
На его лице сиял блеск султанской власти.

О том, как у его величества [Абдулла-хана] появилось сильное желание читать и писать, охватить [умом] скрижали счастья, познать законы религии и все достойное познания

Счастливые султаны, хаканы, могущественные, как Джамшид, благодаря божественному наставлению и обучению не нуждаются в приобретении формальных знаний, в обучении навыкам в [различных] ремеслах.

Однако ум и правосудие султанов зависят от знаний [их]. Они нераздельны, как Джамшид и [его] чаша, как Сулайман и [его] перстень [20]. [Например], хотя луна по красоте и прелести и не нуждается в каком-либо украшении, однако, когда она возложит [на голову] диадему Плеяд, как корону, она обретает исключительное величие.

Месневи

Как бы ни считали, всем известно,
Нет ничего лучшего, чем знания,
Достоин власти тот человек,
Которого обучает знаниям господня мудрость.
Если бы господь не дал знания шахам,
Как могли бы они одни управлять миром?
Владельцы тронов во всех странах
Хотя и получают знания с небес,
Однако прекрасны также приобретенные знания,
Ведь в письме одна буква не будет [равна] двум буквам.
Хотя луна и не нуждается в украшении,
Она становится благороднее оттого, что возлагает
[на голову] корону из Плеяд,
Золото, которое имеет само по себе большую цену,
Благодаря драгоценному камню становится еще ценнее.

Поэтому его величество [Искандар-хан], подобный Искандару, чье счастье не меркнет, находящийся под покровительством бога, приказал, чтобы [Абдулла-хан], этот свет в зрачке предвидения, луч в саду творения, проявил исключительное усердие в чтении и письме. Учитель, проницательный, как Идрис, прозорливый, как Юпитер, поместил в благословенное сердце его (царевича) скрижали счастья; обучив его всему необходимому для соблюдения предписаний религии и норм поведения, он раскрыл врата милости для [приобщения] к сонму властителей. Способный, исключительно ревностный учитель приложил все свое старание, неимоверное усердие для наставления [его] на путь истины. Он сделал его сведущим в разного рода науках и искусствах, [привил] ему знания, всевозможные похвальные черты характера, которые свойственны и необходимы справедливым государям, счастливым, как Фаридун.

Хорошие природные способности [Абдулла-хана] от обучения и освоения наук, начиная с благодатного стиха Корана: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного», усовершенствовались и расцвели. Основные буквы, которые являются блестящими вместилищами [смысла], засверкали во вдохновенном сердце [Абдулла-хана], в зеркале [его] мыслей, ярких, как солнце. Перо, создающее слова, творящее изящные выражения, раствором золота, [сверкающего, как] солнце, небесного цвета ляпис-лазури запечатлело на серебряной доске каждую букву, в каждой [из букв] были заключены лучи тайн, тайны лучей. «Алиф» указывал в начале жизненных обстоятельств на предел [мечтаний, то есть] «корону и венец», || «ба» 55б сообщала приятную новость о «расстилании ковра в царском дворце», «та» указывала на достоинство «короны, трона, предметов роскоши, печати» [21]. Таким же образом он выучил все буквы с соответствующими их значениями, заключенными в каждой из них. С помощью этих букв он занялся изучением стихов Корана, знаменующих собой истину.

Когда его сердце, способное понять истину, озарилось от сияния солнца божьей книги, получило знания, он направил красиво гарцующего коня пера к каллиграфии, к изящному письму.

С т и х и

Когда его природой овладела любовь к каллиграфии,
Для него упали небесные скрижали,
Благодаря божьей помощи сердце его осветилось
Светом от лучей слов.
Когда он брал перо, чтобы писать,
Казалось, он брался за кольцо для натягивания лука,
Когда он заполнял бумагу похожими [знаками],
От этих раковин[-букв] бумага его наполнялась
жемчугом [слов].

[Когда он начертал букву] «алиф» в словах «уббахат» («величие») и «истиклал» («независимость») [22], он словно надел корону на голову; [когда он начертал букву] «ба» в середине слова «икбал» («счастье») [23], он стал веселым и радостным; когда он начертал [букву] «та» в начале [слова] «тадж» («корона») и как диадему в начале [слова] «тахт» («трон») [24], [он словно обрел величие], а [когда он добрался до буквы] «са» в начале [слова] «сабат» («прочность, неподвижность»), он достиг высоты [слова] «сураййа» («Плеяды») [25].

С т и х и

Когда он нежно чертит пером [букву] «ра»,
Он, без сомнения, сыплет сахар [слов] на страницы [26].

Благодаря способностям этого духовно [богатого царевича] из всех блестящих букв были составлены жемчуга [слов], а из них — сложные слова. Благодаря украшению [слов] изяществом этого искусства (т. е. каллиграфии) засверкали лучи приятных мыслей. [Когда он писал] блестящим тауки, освещающим мир, было ясно, что благодаря счастью августейшего [хана] одна треть обитаемой четверти земли будет включена [в его владения]. [Во время] письма [почерком] таʿлик [27], запечатленным в его сердце, [поддерживаемом] божьей милостью, он показывал, что благодаря исключительной справедливости, [приятной], как благоухающее растение, он начертает на лике времени письмена о [своем] могуществе на всем пространстве семи поясов земли. М и с р а: Его перо выводит царские письмена почерком насх.* Он изучил различные виды письма, [правила о том, как] писать буквы в том или ином положении при различных видах почерков. Согласно изречению: «[Надо научиться] вам изящному письму», он положил голову на черту повиновения. Он расщеплял изящным образом благоухающее амброй перо усердия, затачивал кончик его на макате [28] терпения. [Согласно стиху]: «Если бы все то, что на земле из деревьев, — перья. . . не иссякли бы словеса Аллаха» [29], он довел до благоприятного конца, до благополучного завершения [обучение различным] видам письма. Он написал свой царский указ прекрасным пером, рассыпающим перлы [слов], он украсил его царским шифром, славной тугрой.

С т и х и

56a ‖ О ты, от боязни перед письмом которого лишился
сознания Меркурий,
От стыда перед твоим пером перо Йакута [30] опустило
голову.

Пальцы его, рассыпающие перлы и открывающие сокровищницы даров и благодеяний, во время письма свидетельствовали об оказании

[ему] божьей милости, [о чем говорится в стихах]: «И Господь твой щедрейший, который научил каламом» [31], благодаря чудодейственному перу зубцы славной крепости его украсились надписью: «Нун. Клянусь письменной тростью и тем, что пишут!» [32]. На стенах и дверях времени он начертал наилучшим образом [то, что соответствует] содержанию [стиха]. М и с р а: О ты, в книге достоинств которого [усвоение] каллиграфии составляет лишь одну главу.

О том, как [Абдулла-хан], освободившись от обучения слову всевышнего господа, направил свои благородные помыслы на приобретение знаний обо всем нужном для покорения стран, [о том, как] после приобретения разного рода необыкновенных знаний он [обратил] исключительное внимание на познание средств покорения мира и миродержавия

Его величество [Абдулла-хан] с помощью великого бога за несколько лет приобрел знания и [достиг] совершенства в высочайшей степени. На протяжении многих лет среди хаканов времени и султанов, могущественных, как Джамшид, не будет подобного ему и не будет более достойного показаться перед зеркалом судьбы.

Если для объяснения высоких достоинств, описания великих заслуг его величества славного [Абдулла-хана] создадут произведения, огромные, как небосвод, составят пространные [сочинения], то [и тогда] не будет изложена и занесена [в книгу] даже тысячная их доля, немногое из большого числа [сведений].

С т и х и

Я полагал, что все мое существо до последнего волоска
станет языком,
Перо все целиком обратится в рассказ.
Но я понял, что его похвальные качества за пределами
постижения ума
И невозможно передать их с помощью рассказа и
повествования.

В школе адаба в благословенном сердце [Абдулла-хана] обнаружилось сильное стремление к чтению и письму, [которым он уделял] чрезвычайное, огромное внимание. Покоритель мира на скрижалях мыслей начертал картины духовной жизни и светлые образы. От каллиграфии, изящного письма он перешел к блестящей сабле, сверкающему мечу, от книг, написанных прекрасным почерком, он перешел к чудесным [играм] с копьем. [Ведь] если меч, покоряющий мир, не приступит к удивительным делам, то можно представить себе, как мало пользы извлекут только тем, что будут водить слабым пером во владениях государя, могущественного, как небо. Если сабля, сверкающая, как молния, не покажется перед врагом с улыбкой, то, как всем известно, перо своим плачем ничего не сможет добиться на любом поле битвы и во время мятежа.

С т и х и

Вместо пера возьми в руки копье, пронзающее грудь,
Ибо от него останется след на страницах державы,
Оставь нож для очинки пера, возьми блестящее копье,
Ибо блеск его лезвия заставит осесть пыль мятежа.

Если даже красноречивое, прекрасное перо будет объяснять события на двух языках, то и тогда как можно сравнить его с мечом, который может разговаривать с душой врага.

Стихи

Дела страны надо решать с помощью острого меча,
Как можно решать [дела] страны языком пера?
Крепко обнимает невесту власти тот,
Кто целует лезвие сверкающего меча.

566 || Когда сила здоровой природы, пыл блестящего ума [Абдулла-хана] освободился от приобретения всякого рода знаний, в зеркале лучезарных мыслей его, в сердце, подобном солнцу, засияло желание завоевать мир, засверкали лучи стремлений к покорению мира. Он направил мысли на снаряжение походов для завоевания стран, на устройство дел, [связанных] с управлением страной. Он пожелал пускать стрелы из лука, подобного луку бровей красавиц. На ристалище счастья при игре в поло чоуганом, подобным завитку локона красавицы, он доводил мяч могущества до крайних пределов [возможности]. Благодаря постижению тайн стрелы и лука, блеску меча и копья он заслужил сотни похвал, тысячи одобрений у могущественных султанов. [Своей] храбростью и смелостью он заставил забыть рассказы о Рустаме, сыне Дастана, и о битвах Исфандийара. [Знанием] законов управления миром, законов завоевания мира он затмил [33] славу Дараба и победы и успехи Искандара. Острие его копья, блестящего, как алмаз, похитило рубиновый цвет у рубина чистой воды. Острием стрелы из белого тополя он пробивал крепкий камень с такой легкостью, словно [протыкал] иглой шелк и хару [34]. Блеск его меча, сжигающего мир, [срезал] вершину горы [и] сбрасывал [ее наземь]. Драконоподобная сабля его разрубала на куски тело дракона, уподобив [бунчуку] знамени.

Месневи

Когда он постиг каллиграфию, изящество в письме,
Он направил поводья к искусствам, [необходимым]
для государей,
В стрельбе из лука, фехтовании
Он возвысился достоинством, словно копье.
В стрельбе из лука он так прославился [35],
Что [от зависти] сбежал румянец с лица столепестковой
розы.
Если бы его меч коснулся железного за́мка,
Одним ударом он расколол бы [его] до основания.
Если бы его копье пронзило гору Каф [36] до [самого]
ее центра,
Внутри ее появилась бы рана, напоминающая середину
[буквы] «каф» [37].

Когда он садился на коня, чтобы развлечься охотой, птица в воздухе при [виде] его руки с кольцом [для натягивания лука] прощалась с мечтой о полете, онагр в степи оставлял намерение бежать.

Месневи

Если он выходил на охоту,
Одной стрелой он соединял в одно целое двух онагров,
От [мановения] его руки не оставалось в воздухе
ни одной птицы,

От звука его кольца для натягивания лука — ни одного
животного на земле.
Он [сносил] и разбрасывал в разные стороны головы
сотен государей,
Как если бы он ударял по мячу кривым концом чоугана.
Он так высоко бросал тяжелый мяч,
Что раскалывал самое высокое небо.
Бог оказал ему такую большую помощь
В устройстве дел страны и в управлении,
Что если бы он решился завоевать страны,
То взимал бы харадж с Китая, пошлину с Сирии.

Рассказ [о том, как] возникла власть, явились предвестники величия и славы его величества августейшего [Абдулла-хана], и [о том, как] он был окружен могущественными врагами, но [те], не достигнув цели, отступили и, заключив мир, отказались от проявления вражды [к хану]

Если милость всевышнего, всесвятого бога, дарующего царство, захочет благословить звезду счастья какого-нибудь счастливца на небе || власти, в апогее могущества, согласно вселяющему радость [стиху]: 57а
«Возвеличиваешь, кого желаешь» [38], то она вознесет знамя величия его до макушки Близнецов и до лотоса крайнего предела. Сначала [бог] заключает его в крепость — мир, [на который] нападают полчища горестей. Цель этого такова, чтобы [тот счастливец] с божьей помощью и благодаря силе [своего] безмерного счастья, выбравшись из крепости трудностей, нашел бы покой на прекрасном троне страны, украсил бы горизонты султанской власти вселяющим безмерную радость светом солнца своей красоты и следил бы внимательным оком за положением дел, [предопределяемых] судьбой, и, как зрачок глаза, увеличивал бы свет в очах времени.

Месневи

Каждого, кого бог наделяет величием и славой,
На голову кого возлагает корону власти,
Сначала он превращает в пленника бедствий,
Заключает его в оковы горестей,
С тем чтобы в дальнейшем, когда тот возложит
на [свою] голову венец счастья
И возвысится на троне, словно солнце,
Он пекся бы о народе,
Заботился бы о делах народа.

Смысл этого повествования, цель написания этого рассказа заключается в следующем.

Когда султан, кому прощены грехи, Джанибек-султан, да будет милость и благословение [Аллаха] над ним, разлюбил этот мрачный мир и оказался на самом почетном месте в райском саду, тогда хан, равный по достоинству Сулайману, повелевающий, как Искандар, его величество Искандар-хан поспешил из Афаринкентского вилайета в прекрасный город Кермине, который был местом пребывания благословенного отца его. В этом вилайете он воссел на престол, на трон величия и славы.

В это время [ныне] покойный хан Абд ал-Азиз-хан, сын его величества Убайдулла бахадур-хана, восседал на троне господства в Бухарском вилайете. С высоты трона величия и славы, престола великолепия и превосходства он притязал на независимость.

В 957/1550 году славный хан [Абд ал-Азиз] из теснин этого бренного

мира отправился в приятный вечный мир. Дата его смерти заключена в следующем полустишии. М и с р а: [Тайный] голос возвестил: «Как жаль Абд ал-Азиз-хана» [39]. * Тогда бразды правления Бухарой оказались в руках власти Мухаммад-Йар-султана ибн Суюнч-Мухаммад-султана, сына хакана-мученика Абу-л-Гази Мухаммад Шейбани-хана. Государь, могущественный, как Фаридун, Абу-л-Фатх Пир-Мухаммад-хан изволил прибыть из Балха в Бухарский вилайет [для участия] в траурных церемониях. Не вследствие одной только ловкости, но и по предначертанию судьбы он овладел этой [прекрасной] страной. В связи с этим событием Абд ал-Латиф-хан ибн Кучкунджи-хан из Самарканда, Науруз-Ахмад-хан ибн Суюнч-Ходжа-хан из Туркестана и Ташкента с войском, не поддающимся счету и определению, в 958/1551 году подняли руки величия и славы для завоевания Бухары и Миankаля и направились к этим владениям.

М е с н е в и

Когда хан, подобный Джаму, храбрый хакан
Прибыл из Балха, он остановился в Бухаре,
Он взял эту страну, завоевал [ее]
57б || Не только благодаря ловкости, но и по [воле] судьбы.
Мухаммад-Йар отправился в Самарканд,
Рассказал немного о себе хану города [Абд ал-Латифу],
Он осведомил хана о своих делах,
Этим своим рассказом он взволновал сердце его.
Хан-военачальник [Абд ал-Латиф] к Науруз-Ахмад-хану
Послал человека, чтобы осведомить его [об этом],
Как только хан Дашта узнал о положении дел,
Он тут же направил поводья в сторону Самарканда.
[Он выступил] с конницей, с неисчислимым войском,
Более многочисленным, чем волны на море,
Воины [его] все, как один, похожи на дивов,
Все хитрые, лукавые, коварные,
Толпа [людей] с лицами желтыми, как солома,
Лица их цвета айвы покрыты пылью.
Объединились эти два мятежных хана,
Беспощадные, как кинжал, резкие, как меч мщения.
Для завоевания Бухары и Миankаля
Они направили поводья с целью прославиться.

Когда распространилось известие о походе врагов, хаканы Миankаля, не имея силы и возможности противостоять мятежникам, разбежались, рассеялись [в разные стороны]. Хан, подобный Рустаму, Рустам-хан со своим сыном Узбек-султаном поспешно направился к Бухаре. Его величество Искандар-хан переправился через реку Джейхун и направил поводья решимости в сторону Андхуда и Шибиргана. Однако солнце на небе власти, сфера солнца счастья, солнце на небе успеха и господства, полная луна на небе величия и славы, жемчужина в ларце владычества, звезда в созвездии царства, устроитель мира и религии Абдулла бахадур-хан, несмотря на [свою] молодость, предпринял большое дело. [Это] был государь, лучше которого в пределах страны мать-судьба еще не рожала ребенка, на речном берегу государства дерево всемогущества создателя еще не приносило лучшего плода, [чем он].

М е с н е в и

Шах, могущественный, как небо, достоинством
[своим возвышающийся] до Плеяд,
Государь, величественный, как Джам, подобный звездам,

[Он] — месяц предопределения судьбы, [которому]
повинуется рок,
[Он] — высокая звезда в апогее совершенства.

[Хан] устроил совет со столпами государства, с вельможами его величества, своего [отца], такими, как эмир Тин-Саййид карлук, которому в то время было присвоено высокое звание аталыка его величества [Абдулла-хана], эмир Тин-Саййид джалаир, эмир Халифа, и другими; каждый из них по образу мыслей, способности правильно оценивать [события, давать] советы, верные указания был выдающимся человеком эпохи. [Он совещался с ними] о походе врагов и об отражении их нападения. [Он держал совет], следуя смыслу божественного откровения, чудодейственному слову [Корана], указывающему различие между истиной и ложью: «Советуйся с ними о деле» [40]. Заговорив языком, рассыпающим жемчуг, рассеивающим драгоценные камни [слов], он соизволил сказать следующее: «До настоящего времени мы повелевали народом, людьми этого вилайета и брали от них все, что хотели. Теперь неприятель, располагая огромным войском, с чрезмерной гордостью и высокомерием направился к этой стране. Будет несовместимо с правилами [проявления] мужества, очень далеко от стези благородного рвения и до крайности бессмысленно, [если] мы, будучи подпоясаны поясом усердия, имея сильное стремление к битве, жаждущие кровопролития || вдруг потеряем такую 58а
страну, а жителей, отданных нам на хранение [богом], велик он и славен, оставим в огне грабежа и разбоя, [учиненного] врагами. Представляется правильным, при всех обстоятельствах уповая сердцем на помощь всевышнего бога, отовсюду, откуда только можно, переселить людей и поместить [их] в крепости вместе с нами, спасти их семьи, их жен от опасности притеснения со стороны врагов».

Месневи

Когда ханы поспешили [поднять] мятеж,
Они направили поводья к Бухаре с целью [завоевать ее],
Привели с собой со всех ближайших мест
Войско, более многочисленное, чем пески в пустыне.
Хаканы Согда Самаркандского быстро
Направились во все стороны, куда вздумается,
Однако, звезда в созвездии счастья и величия,
Шах, обладающий войском, [многочисленным, как] звезды,
свитой, подобной звезде,
Славный, как Искандар, подобный Сулайману,
Благословенный Абу-л-Фатх Абдулла
Решительно направился навстречу врагам,
Ибо в сердце [своем] не обнаружил ни страха, ни боязни.
Он приказал, чтобы созвали совет,
Чтобы вновь вызвали военачальников.
Из алых губ, рассыпающих жемчуг, рассеивающих перлы [слов],
Он обронил много крупных жемчугов чистой воды:
«Для умных и мудрых людей
Не согласуется с разумом и справедливостью,
Если мы выроним из рук поводья рвения,
Отдадим свой народ на разорение.
Лучше переселимся в крепость,
Вступим на путь мщения [врагу],
Отовсюду, откуда только можно, мужчин и женщин
Введем с собой в крепость,
Есть надежда, что благодаря милости бога,

Всемирного владыки, покорителя врагов,
Нам будет сопутствовать победа,
Враг будет рассеян и уничтожен».

[Абдулла-хан] высказал такое мнение, обратился с таким призывом. Он всегда просил благословения у дверей сердец [шейхов], умолял суфиев о помощи. Поэтому он с искренней верой, с чистыми помыслами искал убежища у высокого порога его святейшества, центра сферы руководства на пути истинной веры, точки [в центре] круга святости, места восхождения божественных милостей, верного слуги ханского двора, [где начертано]: «У меня к Аллаху» [41], верного, истинного устроителя [дел] народа, мира и веры, высокодостойного, высокосановного [шейха] его святейшества Касим-шейха, который принят у врат царства божьего и пользуется безграничными милостями [бога]. В высокой цепи [шейхов] джахриййа [42] не появлялось еще такой счастливой, высокодостойной особы, как он, такого наставника обитателей мира, путеводителя разных людей. [Хан] рассказал этому благословенному [шейху] о нашествии врагов и подробно описал их нападение. С великой мольбой он просил чудодейственного благословения. Он просил [его прочесть] благоухающую фатиху и оказать помощь и содействие в охране крепости и выполнении условий отомщения [врагу]. Его святейшество прочел фатиху за этого потомка царского рода и искренне помолился; его величеству он приказал занять оборону [в крепости] и сам раньше всех привел в крепость семью и всех своих приверженцев. 58б || Его величество могущественный господин [Абдулла-хан] согласно с повелением его святейшества приказал таваджиям [43] переселить людей в крепость отовсюду, откуда только смогут. Сам [Абдулла-хан], уповая на милость творца, на поддержку великого бога, направился к его святейшеству [шейху] и вместе с несколькими храбрецами-меченосцами и отважными воинами укрылся в крепости Кермине.

Месневи

Войско, [в котором] во время битвы [все], как один,
Носят копья наподобие ресниц красавиц,
Отряд, [в котором] все быстрые, как огонь,
Все храбрые, похожие на тюрков с глазами кумиров.

[Хан] сильно укрепил ее башни и стены, с твердой решимостью, сердцем уповая на милость бога, на безграничную, беспредельную помощь всемогущего бога, он направил [свои] помыслы на отражение врагов.

Месневи

Могущественный государь, обладающий счастьем Газанфара,
Августейший [хан], величественный, как Фаридун,
Вошел в эту славную крепость
С войском смелых меченосцев,
Для защиты этой крепости, подобной утесу,
Он приказал привести в порядок все необходимое для битвы.
По приказу шаха, блистающего, как звезда,
Обладающего войском, подобным [сонму] ангелов, ратью,
[многочисленной], как звезды,
Герои внутри этой крепости, прибежища мира,
Днем и ночью обходят [ее] дозором, как солнце и луна.

Поскольку в это время войско его величества [Абдулла-хана] было крайне малочисленно, то для охраны [крепости] каждый день [хан] на-

значал [лишь] по пятнадцать человек. [Между тем] враги, располагавшие многочисленным войском, великолепной ратью, от движения которой изнемогала земля, дошли до местности Ак-типпа [44]. В этой местности они разбили палатки и шатры, царские палатки, ханскую ставку они возвели до высшей точки солнца и луны. Затем Бурхан-султан, который, по свидетельству великого эмира Таниш-бия кушчи, аталыка покойного Абд ал-Азиз-хана, оказался сыном Мухаммад-Рахим-султана, сына его величества Убайдулла бахадур-хана, направился к крепости и валу. Он возглавлял отряд придворных Науруз-Ахмад-хана, таких, как Кучик оглан, Мансур-мирза, сын Кадирберди-бия наймана, и некоторых храбрецов Мухаммад-Йар-султана, а также отряд мстительных мужей и тюрков-меченосцев. Около крепости он устроил засаду на месте мщения и стоял в ожидании битвы.

Месневи

Когда они остановились около крепости
И окружили [ее], словно ореол луну,
Бурхан поднял мятеж,
Опоясался мечом мщения.
В руках [у него] закаленный меч храбрости,
Скрученный аркан мятежа.
Он подступил к стенам крепости, начал битву,
Возглавив воинственную рать, привел [ее к крепости],
Он выступил с отрядом всадников,
Укрылся в засаде мести и стоял [в ожидании битвы].

Случилось так, что в этот день его величество [Абдулла-хан], войдя в положение [своих] слуг, собственной великолепной персоной охранял крепость. Вместе с его величеством на страже было не более пятнадцати человек, таких, как Тин-Саййид-бий || карлук, его брат Шах-Саййид-бий 59а
карлук, Джа'фар-хан кипчак, Сархун аталык, мирза Валиджан джалаир, эмир Науруз кушбеги, эмир Абдулла садр. Узнав о выступлении врагов, [Абдулла-хан] без промедления крепко опоясался поясом мщения и вместе с этим отрядом [мужей], подобных Рустаму, стремительно выступил из городских ворот с решимостью истребить врагов.

Месневи

Благословенный шах, прославленный государь,
Справедливый хан Абу-л-Фатх
Крепко опоясался поясом отмщения [врагу],
Выступил из городских ворот для сражения,
Окруженный храбрыми всадниками с [поднятыми] мечами,
Похожими на ресницы красавиц, ломающих ряды [войск],
С войском смелым, воинственным,
Умным, сильным и храбрым.

После того как его величество могущественный [Абдулла-хан] выступил из городских ворот и решительно направил поводья на поле брани, храбрецы ристалища смелости, воины степи храбрости взялись за седельные ремни его величества и не допустили его к битве. Сами они, тронув коней мщения, устремились на врага. Когда два [враждующих] отряда встретились, храбрые воины обеих сторон, подняв победоносные мечи и смертоносные копья, вступили в бой друг с другом. [Действуя] согласно правилам [проявления] мужества, они показали образцы храбрости и смелости.

Месневи

На это страшное поле битвы со всех сторон
Пришли богатыри, величественные, как небо,
С мыслью о сражении, с решимостью воевать,
Взяв в руки мечи, подобные драконам.
Когда они встретились лицом к лицу,
Они подняли на плечи копья,
Тронули коней мщения,
Напали друг на друга, словно осы.

Со стороны врагов Кучик оглан, получив сильные ранения, попал в руки победоносных воинов [Абдулла-хана]. Его величество помиловал его и отпустил. Когтями судьбы из людей Бурхан-[султана] был схвачен также Шах-Мухаммад катаган. От множества ран на том же поле битвы он покинул теснины этого мира.

Наконец воины обеих сторон свернули ковер сражения и, отказавшись от битвы, погасили огонь войны водой перемирия и вернулись [к своим позициям]. На следующий день, когда султан полчища звезд (т. е. солнце) показал свой луноподобный лик в зеркале утра, султаны Ташкента и хаканы Самарканда вышли из Ак-типпа и подступили к крепости.

Месневи

Шах, обладающий полчищем звезд, показал
Лик, [подобный] луне, в зеркале утра,
Возложил корону, подпоясался золотым поясом
И стал похож на царя гурий, украшенного длинными перьями.

Абд ал-Латиф-хан, султан Саʿид-хан ибн Абу Саʿид-хан, отряд ги-
59б сарских султанов, Мухаммад-Йар-султан, || Бурхан-султан переправились через реку [45]. Вокруг этой мощной крепости они разбили множество палаток, поставили царские шатры и окружили крепость, словно ореол луну.

Науруз-Ахмад-хан также соизволил остановиться у этой реки и, намереваясь завоевать крепость, [готовил] оружие и снаряжение.

Его величество [Абдулла-хан] вместе с остальными эмирами днем и ночью проявлял усердие в [соблюдении всех] правил по охране крепости, [в подготовке] всего необходимого для битвы. Со всем старанием и рвением, приступив к охране башен и стен крепости, он вступил в долину смелости.

Месневи

Днем и ночью на башнях крепости
[Стоят] юноши, охраняя крепость, словно солнце и луна.

Каждый день происходило следующее. Выходил из крепости отряд храбрых меченосцев и победоносных воинов и сражался с войском врагов; как тигры или могучие слоны, они нападали на людей, напоминающих волков, обрушивались [на них] и вступали в бой. Часто случалось, что огромное войско [противника], несмотря на [свою] многочисленность, обращалось в бегство.

Когда осада [крепости], продолжавшаяся двенадцать дней, [не принесла успеха] врагам, они поняли, что если в течение многих дней, долгое время они будут находиться у [стен] этой высокой крепости, подобной высочайшему замку, то им не удастся избежать неминуемого окружения. Поэтому они послали человека к его святейшеству, прибежищу на пути

истинной веры благословенному Дарвиш-шейху Алиабади, который принадлежал к шейхам ветви джахриййа, и привели его в стан для устройства дел мира. Его величество [Абдулла-хан], согласно истинному слову [Корана]: «Ведь согласие — лучше» [46], по одобрению некоторых эмиров вступил на путь примирения. Идя по пути мира, стороны обменялись договором о дружбе. Закончив дело заключением мира, хаканы Самарканда и султаны Ташкента повернули поводья назад и поспешили на родину, к своим постоянным местам пребывания.

В середине упомянутого (958/1551) года благословенный хан Пир-Мухаммад-хан, вызвав Мухаммад-Йар-султана, вновь передал ему [власть] над Бухарой, а сам поднял знамя, чтобы [отправиться] в Балх, являющийся столицей его государства. Ночью того же дня, когда Мухаммад-Йар-султан вступил на престол власти, Бурхан-султан, который [раньше] с одобрения победоносного эмира Джан-Али-бия [прибыл] из Самарканда в Чарджуй, устремился в Бухару. Дату этого [события] ученые обозначили словами: «Ключи власти над Бухарой» [47]. [Бурхан-султан] обрел власть над этим вилайетом [и стал править] вместе [с Мухаммад-Йар-султаном]; дату этого [события] передают слова «выступление султана» [48].

Рассказ [о том], как собралось со всех сторон войско, [многочисленное], как звезды, в великой, славной султанской ставке, то есть в Миankале, [и о том, как] благословенный государь [Абдулла-хан] двинулся с победоносным войском с целью завоевания мира

Когда редкостная природа государя его величества [Абдулла-хана] с помощью бога и безграничной милости [его] достигла начала сознательной жизни и опытности, ‖ из горы его скромности, словно освещающее 60а
мир солнце, засверкал рубин султанской власти и миродержавия и в море его мысли заблестела жемчужина величия и господства, как молния среди облаков [в месяце] Азар [49].

Месневи

Свет ханского достоинства на его челе,
Признаки султанской власти ясны на [его] лице,
[Он] — луна на небосклоне страны и народа,
[Он] — цветок в саду величия и счастья.

Тень [птицы] Хумай счастья, всегда находящейся над его головой, свидетельствовала о том, что в скором времени он поднимется до высшей ступени миродержавия и что высоко летающий сокол [его] счастья, поднимающийся до высшей точки Фаркада, уже расправил крылья, чтобы достичь благородной цели, [осуществить] высокие помыслы. По всем его деяниям и речам становилось ясно, что звуки музыки, [прославляющие] пять раз в день его власть, будут греметь согласно его желанию в семи климатах; со всех концов мира [50] доходил голос, [возвещающий] о том, что в скором времени он поднимет до девятого неба знамя величия и господства, стяг счастья и благоденствия, как царь, обладающий полчищем звезд, [то есть как] солнце или луна.

Стих из поэмы

Солнце власти восходило на его челе,
Лучи счастья исходили от сияния на его лице.

Цель написания этих слов, составления такого вступления заключается в следующем. Весть о счастье августейшего [Абдулла-хана], слава о счастливой победе [этого] обладателя счастливого сочетания светил, второго Искандара, благодаря милости господней начала доходить до [различных] областей и стран. Из цветника великолепия его величества во все города и страны начал веять зефир, благоухающий амброй власти, мускусом достоинства и величия [хана].

Месневи

Слава о победе шаха [всего] мира
Весть о величии хана эпохи
Дошли до всех, как лучи солнца,
Благодаря этому пришли в движение девять [сфер] небес.

Солнце [хана] на небе величия и совершенства день ото дня поднималось на [более] высокую ступень, полумесяц его знамени счастья и благоденствия с каждым часом поднимался все выше и выше. Еще в юности, в пору быстротечной [жизни], этот государь, неограниченный властелин, несмотря на несовершеннолетие, решительно направил [свои] помыслы на покорение стран, на устройство государственных дел. Он постоянно хранил в благоухающем амброй сердце мечту о восшествии на престол власти, на трон, украшающий мир, в своем лучезарном сердце и мыслях он всегда рисовал картину возвышения [по ступеням власти, обнаруживал] стремление к господству. К свите его величества могущественного [Абдулла-хана] из [различных] стран, областей непрерывно, одно за другим, с надеждой [на успех] присоединялись победоносные войска, войска, многочисленные, как звезды, [состоящие] из храбрецов эпохи, воителей,
606 смелых мужей, храбрецов [поля] битвы, || и как [воплощение] победы и счастья они направлялись к высокому порогу [хана].

Месневи

Со всех уголков [земли] собрались храбрецы,
Они собрались [вокруг хана], как мотыльки вокруг свечи,
Всадники, окружившие шаха, стремящегося отомстить врагу,
Подобны злым осам, [кружащимся] около меда.

Именно в то время был удостоен чести присоединиться к его величеству отряд храбрых войск благословенного султана Шах-Мухаммад-султана Хисари, [в котором] были Али Мардан бахадур, Аким мирахур и другие, слава об их смелости и стойкости обошла весь мир. Его величество [хан], со своей стороны, оказал этому отряду безграничные милости, безмерное уважение, исключительную любезность.

Когда эти люди увидели на благородном челе его величества ясные признаки достоинства и могущества, [присущие] завоевателю мира, они заявили следующее: «Уже с давних пор, на протяжении долгих лет толпа неверных, невежественных и порочных притеснителей [держит] под [своей] властью, в сфере могущества Хорасанский вилайет и другие страны. Знатных людей эпохи, уважаемых мужей этих стран они не допускают [совершать] паломничество к великой Каабе и в почтенную Медину, да умножит им Аллах почет и уважение! Если его величество, переправившись через Джейхун, двинется к той стране, быть может, благодаря божьей помощи и силе беспредельного счастья [хана] в руки воли [его] попадет этот вилайет».

Поскольку заявление этой группы людей отвечало желаниям его величества [Абдулла-хана], то он слушал их заявление ухом согласия, ибо

высокие мысли этого [хана], величественного, как Искандар, соответствовали тому, что говорится в [хадисе]: «Аллах любит обладающих высокими помыслами и презирает низких из них» [51]. Согласно [словам]: «Наивысшие помыслы от веры» [52], он не считал возможным довольствоваться вилайетом Кермине. Несмотря на [то что он обладал] обширными землями, [помня слова]: «Поистине обширна земля Аллаха» [53], он не считал возможным наслаждаться в тесных помещениях [и стремился завоевать другие земли].

Месневи

Всякий, стремящийся к цели, благодаря стараниям
Заключает в свои объятия предмет желаний,
Иса, который родился на земле,
Благодаря высоким помыслам оказался в небесах.
Благодаря усердию он вознесся на небо, словно солнце,
[Ибо], проявляя усердие, можно дойти куда угодно.

Слово царей, являющееся царем слов, гласит: «Цель достигается сидя на коне, а довольствоваться малым — удел животных» [54].

Месневи

Некто сказал: «Не испытав трудностей,
Невозможно почувствовать вкус сладостей,
Пока не перенесешь множество невзгод,
У дверей желания не найдешь приема.
Удобный момент для дела пронесется, как облако,
Не во всех случаях похвально терпение,
Довольствоваться малым для государей — порок,
Ибо это свойство [присуще] животным».

В начале весны 959/1552 года, соответствующего году Мыши, владыка растений разукрасил [свой] великолепный трон в садах || коврами 61а
веселья, а природа по случаю мягкой погоды облачилась в кабу бытия и в халат жизни, что находит объяснение в стихе Корана: «И оживил ею землю после ее смерти» [55].

Стихи

В пору науруза, когда заплакало весеннее облако,
Сад покрылся зеленью, зазеленели лужайки, заулыбались розы,
Цветник превратился в трон весеннего жилища для шаха весны,
Золотой шар (т. е. солнце) над ним стал казаться померанцем.
Веяние зефира по приятности стало [подобно] дыханию Исы [56],
Ибо оно быстро оживило погибшие [растения] цветника.

[В эту пору хан], выступив из прекрасного города Кермине, разбил палатки счастья в куруке Тираклик [57]. В течение нескольких дней он стелил ковер пребывания на том лугу, чтобы изучить состояние войска. После того как он устроил важные государственные дела, убедившись в прочности положения дел, под счастливой звездой, [покровительствуемый] счастьем, увеличивающимся с каждым днем, оберегаемый искренними молитвами всех, он обратил лицо решимости, подобное судьбе, в сторону Хорасана.

Стихи

Выполняют его волю земля и время,
Повинуются его приказу судьба и предопределение.

Когда [Абдулла-хан] дошел до местности Карнаб [58], он оставил там бóльшую часть войска, а сам с отрядом людей, которые всегда присутствуют на высоком собрании, ханском совете, направил поводья в сторону Бухары. [Здесь] он был осчастливлен встречей с его святейшеством, достойным [наставником] на путях истины, солнцем на небе святости, сферой, [где светит] солнце истинного пути, лучшим среди святых, вождем праведных, прибежищем улемов, убежищем для бедных, ценителем покрывал величия, постоянно пребывающим за завесами красоты, местом восхода божественных явлений, местом проявления божественных свойств, саййидом праведных, опорой арифов, султаном святых своего времени, главой благочестивых мужей своей эпохи, местом излучения божественных лучей, властелином обитателей земли его святейшеством ходжой Мухаммад Исламом, известным как Ходжа Джуйбари, да сделает Аллах священной тайну его!

Рубаʿи

Тот ходжа, который был свечой веры, светочем ее,
Перед ним были в смущении шахи царств и народов,
Его особа — зеркало, [отражающее] красоту лика
абсолютного [бога],
И этот лик прикован к его зеркалу.

Поскольку [хан] питал искреннее расположение, исключительное доверие к особе его святейшества [Ходжи Джуйбари], то со смирением и кротостью он просил помощи у великодушного [ходжи], обладающего чудесной силой, и, поведав о своем [намерении предпринять] поход на Герат, просил его прочесть благоухающую фатиху.

Двустишие

Ведь дервиш рукою рвения покорил мир,
Так почему же падишах не должен просить у него рвения?

Его святейшество ходжа увидел на благословенном челе его величества признаки величия и благородства, блеск лучей власти, «как свет луны» [59]. В благодарность за исключительную милость, безграничное
61б великодушие, проявленные к нему [ходжой], [хан], ‖ раскрыв уста, как на молитве, соизволил сказать [следующее]:

Двустишие

Я молюсь за тебя, я не в состоянии
Оказать тебе другую услугу.

Обратившись к чистым душам своих великих и славных предков, да будет над всеми ими благословение божье, [ходжа] просил [их] увеличить могущество, умножить славу и величие этого [хана], величественного, как Искандар. Прочитав искренние молитвы, он украсил ухо бодрствования его (т. е. хана) жемчугами советов, перлами наставлений и сказал: «В скором будущем области Мавераннахра и Туркестана и другие страны окажутся под вашей властью и все царство войдет в сферу обладания

[ваших] слуг». Случилось именно так, что после долгого времени области Мавераннахра и другие [страны] благодаря милости господней в конечном счете оказались в руках могущества его величества благословенного [хана]. Народы, [являющиеся] кладом, отданным [Творцом] на хранение [царям], обрели покой и защиту под сенью милости, под тенью милосердия его (т. е. хана) от зноя лучей бедствий, от ударов судьбы. Жители тех стран в течение долгого времени, несчетных дней ночевали в убежище покоя и безопасности под покровительством милости его величества [хана], обладателя счастливого сочетания светил.

Месневи

Прославился этот справедливый государь,
Справедливость его объяла и море и сушу,
Благодаря правосудию [хана], подобного Нуширвану [60],
Земля спокойна, время благополучно.

Словом, после того как последовало разрешение этого [ходжи], прибежища великих и славных мужей, на отъезд, [Абдулла-хан] повернул поводья назад и поспешил к месту расположения благословенного войска. Когда все эмиры удостоились чести присутствовать [на приеме у хана], они изволили сказать: «Правитель Несефского вилайета Худайбердисултан ибн Абу Са'ид-хан испытывает сильное волнение и растерянность. Представляется правильным, сев на коней, выступить в поход [61]. Если поможет счастье, еще до рассвета совершим налет на Каршинский вилайет. Если шаханшаху будет сопутствовать божья милость, безграничная помощь [бога], мы легко завоюем его (т. е. Карши)».

Его величество [Абдулла-хан] согласился с этим мнением. Под вечер [он покинул] эту местность. Тронув красиво гарцующего коня, ступая ногой стремлений по долине рвения, он был поглощен мыслью о предстоящем сражении.

Стихи

Когда шах темноты сел верхом на Борака [62],
Трон вечера укрепился благодаря монарху Рума,
По воле судьбы сел на коня мщения
Правосудный шах [и] направил поводья в сторону Несефа.

Случилось [так, что] величественный, благословенный [Абдулла-]хан прибыл в Несефский вилайет в то время, [когда уже рассвело].

Стихи

Рассвело, и владыка дня (т. е. солнце)
Вымыл кровью лик, озаряющий мир [63].

Для охраны небесной крепости [солнце] послало передовые отряды (лучи).

Поскольку завоевание этой высокой крепости днем было крайне затруднительно, то [хан] || ушел от стен крепости и поднял знамя счастья 62а
в куруке Маймург [64], подвластном Несефу. В этой местности он счел необходимым повременить с переправой через Джейхун некоторых эмиров. Оттуда он послал в Миankаль счастливого брата Абд ал-Куддус-султана, присоединив [к нему] эмира Тин-Саййид джалаира, эмира Дуст-Мухаммад шакаку и Ак-Мухаммада курчи. Сам [хан] собственной великолепной персоной, уповая на Аллаха, вместе с другими храбрецами войска, со смелыми воинами направился к Джейхуну.

Подробный перечень лиц того отряда, который сопровождал его величество [Абдулла-хана] в этом походе и, опоясавшись поясом верности [ему], жертвовал собой, следующий: из саййидов — Зариф-ходжа, из племени ширин — эмир Халифа, из племени утарчи — Джангельди-бий, из племени бишйуз — Тукзак-бий, Джан-Пулад акай кулан айани, из племени джалаир — мирза Валиджан, из людей [племени] кераит — Назар-мирза, сын Тугбаш-бия, из племени катаган — Науруз кушбеги с братом Бихруз-мирзой и эмир Абдулла садр с братом Абд ал-Васиʿ, из племени тан-йарук — Дустим-бий чашм ва абру, из племени эмира Тинкеши и из племени Дустим курчи и Джан-Мухаммад-бия — Турди кушбеги [65] с братом, Зийа ад-дин таваджи, Кара кутвал [66] и другие.

Когда знамена августейшего [хана] переправились через Джейхун в местности Керки [67], то на той стороне реки поспешил к счастливому стремени его величества другой отряд из храбрецов Шах-Мухаммад-султана, как-то: Джавум бахадур алчин, Джултай-бий хитай, Савиндук пахлаван минг, Бики-бий бахрин. Они удостоились счастья [получить] высокую аудиенцию [хана]. Его величество оказал каждому из них безграничные милости и, определив их среди других [своих] слуг, обнадежил их царскими милостями. Отсюда [хан] направил поводья решимости в сторону Балха, к своему счастливому дяде по отцу Пир-Мухаммад-хану и удостоился благословенной встречи [с ним] и славной, приятнейшей беседы.

Месневи

Когда благословенный шах переправился через Джейхун,
Когда через Джейхун переправился благословенный шах,
Туда прибыли победоносные храбрецы,
Чтобы припасть к ногам шаха,
[Выражая] покорность, они раскрыли
Уста для восхваления его, говоря:
«Мы все покорны тебе,
Повинуемся тебе, мы — твои слуги».
[Окруженный] этими людьми, хакан, подобный Рустаму,
Раскрыл уста, чтобы разузнать [об их делах],
Дарами и милостями он обрадовал их,
Отсюда он направил знамена в сторону Балха.

Хан, равный Рустаму, Пир-Мухаммад-хан не позволил государю,
62б подобному Искандару, отправиться в Хорасан и на несколько дней ‖ задержал его обещаниями.

После того как [Пир-Мухаммад-хан] по воле судьбы удержал его величество [Абдулла-хана] от похода на Хорасан, через посредство некоторых эмиров Балха [Абдулла-хан] попросил [разрешения у дяди] отнять Карши у Худайберди-султана. Его величество Пир-Мухаммад-хан не внял просьбе могущественного [Абдулла-хана], не раскрыл уста, [чтобы] выразить согласие. Хан, достоинством Сулайман, [Абдулла-хан], узнав об этом, соизволил сказать [следующее]. М и с р а: «Щедрость — щедрость бога, справедливость — справедливость божья. * Надеюсь на великого бога, благодаря [нашему] счастью в скором времени перед нами откроются врата власти. М и с р а: [Если] не раскроют другие, раскроет бог».

В те дни из Миankаля от Узбек-султана пришел человек, через [которого султан] просил [разрешения захватить] власть в Карши. Пир-Мухаммад-хан тут же удовлетворил его просьбу и послал ему непреложный приказ на завоевание Несефа. Для чувствительного сердца его величества [Абдулла-хана] этот случай оказался очень неприятным. Данный случай послужил причиной того, что [Абдулла-хан] с надеждой на Творца всего

сущего без промедления переправился через Джейхун и повернул поводья в сторону Карши. Он направился к той стране, чтобы завоевать [ее], как будет подробно рассказано об этом [ниже].

Рассказ о возвращении его величества [Абдулла-хана] с Джейхуна и о вступлении [его] в крепость Касби [68] *по милости не имеющего себе равных владыки (бога)*

Рассказ об этом событии следующий. Его величество [Абдулла-хан], достоинством Сулайман, переправился на ту сторону реки и ждал только чудесного случая и несомненной помощи [от бога], чтобы обрести счастье. В это время некоторые эмиры Мавераннахра, такие, как эмир Тулак уйгур, Али-Мухаммад бахадур и подобные им, которые по превратности судьбы, из-за злоключений, [посылаемых] судьбой, скитались [по степи] в смятении, напали на крепость Касби, которая была под властью Худайберди-султана. [Заняв ее], они со всем усердием восстановили башни и стены, укрепили [крепость], на каждый зубец [ее] водрузили знамена сражения и стяги битвы.

Месневи

Устроился этот отряд в крепости,
[Словно] забрался на высокую точку небосвода,
Не скажи, что это крепость, это очень высокая гора,
До которой не могут дотянуться нити воображения,
Высота ее [достигает] таких крайних пределов,
Что перед ней коротка даже рука воображения.
Высотой своей она вознеслась до неба,
Ряды зубцов ее [словно] пила на макушке солнца.

Худайберди-султан, узнав об этом, с войском, многочисленным, как капли дождя, ратью, бесчисленной, как полчища морских волн, поднял руки смелости для окружения их (т. е. эмиров Мавераннахра). Он окружил крепость плотным кольцом, уподобив [ее] точке [в центре] круга. И, [как] всегда, храбрецы обеих сторон, обнажив мечи сражения, подняв острые копья, || погнали друг на друга боевых коней мщения; звуки трубы они 63а
довели до высшей точки небесного купола и выше зубцов [короны] солнца и привели в смятение чашу вращающегося небосвода.

Месневи

Раздавались такие трубные звуки,
Что глохли ангелы на небесах,
Когда [началась] битва,
С обеих сторон стали непрерывно сыпаться стрелы
и [раздаваться лязг] мечей.

Когда осада затянулась, жители крепости, посовещавшись между собой, послали к его величеству [Абдулла-хану] Джан-Бахти таваджи, чтобы он представил картину всего происходящего на верное суждение его величества и просил бы у него помощи. В светозарном сердце хакана [Абдулла-хана], подобного Искандару, с самого начала веяния зефира детства до первой поры возмужалости все время таилась мечта о властвовании, мысль о господстве. В настоящее время в [его] мыслях, разрешающих трудности, являющихся зеркалом, показывающим скрытое, [отражающим] первые лучи, [исходящие] от бога, велик он и славен, возникло следующее

намерение: переправиться через Джейхун и завоевать Несефский вилайет. Решившись на это дело, [хан] тотчас же тронул боевого коня и поднял знамя похода. Вместе с отважными храбрецами, смелыми воинами [числом] около двухсот человек он совершил переправу через Джейхун и двинулся к той стране.

Месневи

Шах, подобный Джаму, счастливый государь
Вдел победоносные ноги в стремена,
Он переправился через Джейхун с небольшим [отрядом],
Устремил поводья для завоевания Карши.

Несмотря на то что противник с несколькими тысячами всадников из эмиров и военачальников находился в засаде вражды, готовый к битве и сражению, его величество [Абдулла-хан] согласно указанию [Корана]: «А когда ты решился, то положись на Аллаха» [69] — с чистыми помыслами и искренними намерениями, уповая на милость бога, на безграничную [его] помощь, со столь незначительным числом людей пошел на врага. Таковы исключительная смелость, чрезвычайная храбрость и мужество [хана].

Стихи

В мире господнем много чудесных [явлений],
Поразительных дел, которых не постигает никто.

Когда благословенное войско [Абдулла-хана] переправилось через реку Джейхун и достигло местности Киз-Кудуги [70], в этой местности посланец эмиров [Касби] удостоился чести встретиться с его величеством [ханом]. Он рассказал об упомянутом выше событии (осаде крепости врагами) и просил [хана] прибыть [к ним]. Его величество [хан] в своих суждениях был таким, что любой план, который он чертил пером мысли в [своем] сердце, лучезарном, как солнце, точно соответствовал картине, [предначертанной] судьбой, которая выступала из-за завесы скромности. Услышав эту весть, он посоветовался с эмирами и столпами государства [и сказал]: «В зеркале мыслей вырисовывается мнение о том, что [нам]
636 не следует идти в Касби, а надо направиться к Несефу и ‖ окружить его крепость. Противник, услышав об этом, возможно, снимет осаду с Касби и поспешит в Несеф, и те люди [из Касби], которые просили помощи у нашего высокого порога, будут освобождены от оков осады».

Когда [хан] наполнил уши бодрствования присутствующих лучшими перлами, прекрасными жемчужинами [слов], он решил отсюда направиться к Несефу, а к эмирам в Касби он послал Зийа ад-дина таваджи, чтобы тот известил их о благословенном походе его величества. Однако Зийа ад-дин достиг вала крепости в тот момент, когда войско противника облепило крепость [со всех сторон]. Он решил проникнуть в крепость хитростью и ловкостью во время битвы. Однако враги угадали его намерение и устремились за ним вдогонку. Тот в полной растерянности бросился в крепостной ров и, возвысив свой голос, произнес одно за другим имена находящихся внутри крепости, сообщил им свое имя и весть о походе его величества [Абдулла-хана]. Когда жители крепости узнали об этом, от великой радости они забили в барабан веселья, и его ликующие звуки достигли вращающегося неба.

Враги схватили Зийа ад-дина, привели к Худайберди-султану, и он слово за словом рассказал все, что знал. Как только Худайберди-султан узнал о походе хакана [Абдулла-хана], покорителя стран, в сторону Несефа, он отказался от осады крепости [Касби] и [оставил] поле битвы. Он растерянно вступил на путь бегства и поспешил [в свою] резиденцию.

Что касается его величества [Абдулла-хана], то он достиг Ак-типпа. В этой местности Тимур-Ходжа Саййид Атаи пожелал встретиться с его величеством [ханом]. Во время счастливой встречи хакан, величественный, как Искандар, [Абдулла-хан] еще до того, как услышал весть об отступлении врагов, советовался с его святейшеством, саййидом по достоинству, [Ходжой Атаи] о том, идти ли походом на крепость Касби или на крепость Карши. Его святейшество, саййид по достоинству, соизволил сказать: «Представляется правильным выступить на врага также в направлении Касби, ибо если мы нападем на врага извне, а жители крепости изнутри, то можно надеяться, что мы окружим их (т. е. врагов)». Согласившись с этим, его величество [Абдулла-хан] вместе с его святейшеством, саййидом по достоинству, [Ходжой Атаи] выступил на помощь эмирам, [осажденным в Касби]. После того как враги с той стороны поспешно ушли в сторону Карши, его величество [Абдулла-хан] изволил прибыть в крепость Касби, он вступил на трон власти и поднял знамя завоевания мира до апогея счастья. Жители крепости поспешили [к нему] шагами покорности и повиновения, [готовые] служить. Они удостоились счастья поцеловать благословенные ноги [хана] и облобызать приятные кончики пальцев [его]. Выражая преданность, изъявляя покорность, они с мольбой распростерлись ниц [перед ним]. || Они были стойки в проявлении верности и покор- 64а
ности [хану].

Месневи

Перед величественным государем все
Распростерлись ниц с мольбой,
При встрече хана, подобного Искандару,
Каждый, молитвенно раскрыв уста, [говорил]:
«Да будет непоколебима твоя власть над миром,
Благодаря твоей славе да будет мир в безопасности,
Да будет [покорна] твоим желаниям невеста власти,
Да будет весь мир тебе рабом, вселенная — твоим гулямом».

Его величество [Абдулла-хан] оказал всякого рода царские милости, [наделил] царскими дарами группу [людей], которые в этой крепости проявили мужество и храбрость, смелость и мудрость, шли по пути отваги, неколебимо стояли на опасном месте, на страшной стоянке. Щедро наделив [их] дарами, [хан] отличил их приятными [царскими] милостями, обнадежил добрыми обещаниями.

Месневи

Когда по воле судьбы [хан], обладатель счастливого
сочетания светил,
Воссел на троне власти,
Он поднял знамя могущества и счастья,
Держал войско под покрывалом щедрости.

Рассказ о походе Худайберди-султана с целью осады [в крепости Касби] его величества [Абдулла-хана], обладателя счастливого сочетания светил, о сражении победоносного войска и о поражении врагов и бегстве их с поля битвы

После того как его величество [Абдулла-хан], вступив в крепость Касби, воссел на трон, достойный халифа, он закрыл ворота смут и притеснений перед всеми людьми, перед различными племенами. Тогда Худайберди-султан с войском, более многочисленным, чем злоключения, [по-

сыласмые] судьбой, с полчищем, не поддающимся счету и оценке, прибыл для осады его величества августейшего [хана] и расположился лагерем с внешней стороны Касби. Он приготовился к битве, к сражению и поднял знамя непокорности.

Стихи

Когда хан, могущественный, как рок, обладатель
счастливого сочетания светил,
Достиг той укрепленной крепости, подобной Сатурну,
Со стороны Песефа несчастный враг
Выступил, посягая на благословенного шаха.
Он погнал войско, не поддающееся счету,
В котором все, [как один], стрелки из лука, меченосцы,
Крокодилы моря войны и смут,
[Напоминающие] бурлящий океан во время урагана,
[Он] стянул войска к этой крепости,
Окружил [ее], словно ореол луну.

Хотя явно бросалась в глаза незначительность победоносного войска [Абдулла-хана], однако каждый [воин] стоял на месте в ожидании битвы и сражения, [исполненный] достоинства, [готовый] жертвовать собой, закаляя ядом меч мщения. Они ждали приказа его величества [Абдулла-хана].

646 || [Наступил] следующий день.

Месневи

Когда засверкало знамя утра,
Обратились в бегство полчища звезд,
Шах, обладающий войском, [многочисленным], как звезды,
Хакан победоносный, к кому обращена божья помощь,
Приказал, чтобы все воины сели на коней,
Приготовились к битве.

Воины султана, могущественного, как небо, [Абдулла-хана] были тверды и непоколебимы, как неподвижные звезды; на поле битвы и сражения [они были] крепки, как ось быстро вращающегося неба, стойко [удерживали] свои позиции, подобно Полярной звезде на вращающемся небосводе. Они сели на подобных дивам, огромных, как гора, покрытых доспехами [коней] и выступили из городских ворот. Против войска врагов они выстроили [свое] правое крыло, левое крыло, центр и фланги. Они вооружились, надели на головы шлемы смелости и стояли [готовые] к битве и сражению.

Месневи

Когда шах выступил из Касби,
Закружилась земля, как небо,
Воины кипели ненавистью, словно волны моря,
Усердные в мести мужи, облаченные в кольчуги мести.
Среди пыли появилось войско,
Словно блестящая звезда в густом тумане.

С другой стороны враги, имевшие многочисленное войско, смелых воинов, [построившись] в таком порядке и [с таким] вооружением, [что это] не умещается в картинной галерее воображения, облачившись в кафтаны бирюзового цвета и в панцири рубинового цвета, стали походить на

бутон тюльпана. Надев на головы золотые шлемы, [приобретя] сходство с нарциссом, подняв мечи, похожие на [листья] ивы, они выстроились против победоносного войска [хана] на краю поля битвы.

Месневи

С другой стороны враг, жаждущий мести,
Выстроил ряды для битвы,
Войско, целиком вооруженное мечами,
С тяжелыми палицами, разбивающими гранит,
Толпа вся в шлемах и касках,
Все смелые, с острыми [мечами], подобными [хвое]
на ветках сосны.
Отважные храбрецы, испытанные в боях,
С ног до головы одетые в кольчуги,
Воинственные, полные гнева всадники —
Все напоминают тигров с волчьими лицами.
Все поражают мечом, [словно] лев когтями,
Смелые, отважные и крепкие.

С обеих сторон храбрецы вступили в битву. Со стороны победоносного войска [Абдулла-хана], с правого фланга, начали сражение Али-Мухаммад бахадур, Джавум бахадур, Али Мардан бахадур вместе с другими храбрыми эмирами. Каждый из них темной ночью смертоносной стрелой попадал в грудь муравья и в глаз змеи, блеском [сверкающего], как молния, копья сжигал врагов.

С левого фланга [выступил] Аким мирахур совместно с другими храбрыми воителями, несущими бедствие [врагу]; вооруженные мечами, отливающими синевой, в зеркальном блеске которых показывала лик смерть, [они] породили день Страшного суда. Из центра войска бросился в атаку отряд смелых всадников с копьями, прижатыми к ушам коней.

[Воины] противных сторон напали друг на друга со сверкающими, как молния, мечами, нанося раны друг другу. ‖Они сцепились, словно 65а
львы, леопарды, слоны или акулы, и смешались, как волны морские.

Месневи

Когда сблизились войска обеих сторон,
Показалось, что поднялась черная туча,
Которая пролилась дождем мечей и стрел,
От нее мир стал походить на [черное, как] смола, море.

От сверкания проливающих кровь копий воздух словно наполнился [вспышками] ярких метеоров. От внушающего ужас блеска мечей потускнело око солнца. Судьба превратила день счастья врагов в ночь несчастья, солнце их могущества обратила в скопление бедствий и в разочарование от затмения. Смерть, охотящаяся за душами, похитила шапку жизни многих [людей] из этой вероломной толпы. От трупов ровная поверхность поля битвы уподобилась горе Хараман [71].

Месневи

Всякий, кто вступал на поле битвы, прощался с жизнью;
Там господствовала только смерть,
[Оттого что] не стало устойчивости [на земле],
Хизр потерял надежду на жизнь.
От множества голов [убитых] поистине земля
Поднялась до неба.

Когда Худайберди-султан убедился, что не может воевать, он решил отступить и бежать. Наконец он прочитал стих из Корана о бегстве [72] и покинул поле битвы. Под натиском победоносного войска [Абдулла-хана] он поспешно направился с немногочисленным [отрядом] в долину бегства.

Месневи

После сражения на этом поле битвы султан
Поднял знамена для отступления,
Поскольку он не получил помощи от бога,
Он повернул поводья с поля битвы и сражения.
Под [натиском] победоносного войска [хана]
Отступили воины [врага].
Когда они увидели, что закрыт путь сражения,
Они вступили на путь бегства.

Благодаря божьей помощи, господней милости забрезжила заря победы на горизонте ханского счастья и могущества, повеял зефир милостей господних с места дуновения ветра безграничной божьей помощи. Знамена победы, стяги торжества поднялись до неба, до луны, до солнца. Звуки барабана победы, долетев до голубого неба, оглушили сонм [ангелов] в высших [сферах неба]. Воины [хана], могущественного, как небо, протянули руки к грабежу и захвату имущества: вьюков [с вещами], скота, коней и бесконечного множества ценных вещей. [Овладев] богатством, огромным, как гора или море, они захватили рукой могущества и много оружия. Тех военачальников и гордых мужей, которые жертвовали собой на этом поле битвы, на страшном месте, [где] проливалась кровь, его величество удостоил безграничных милостей, бесчисленных даров, [проявил] милосердие, степень их могущества он возвел до неба величия.

Месневи

Когда мир раскрыл двери победы и торжества
Перед лицом справедливого шаханшаха,
Его победоносное войско, многочисленное, как звезды,
Захватило неисчислимую добычу.
Перед отрядом мужей, которые на поле брани
65б ||Не покинули места славы,
На той страшной равнине самоотверженно,
Стойко стояли на одном месте,
Хан раскрыл двери казны, [полной] сокровищ и драгоценных камней,
Щедро одарил [их] деньгами.

Рассказ о посылке врагом войск во второй раз для окружения победоносного войска [Абдулла-хана] и пленении [вражеского войска] благодаря мерам, [предпринятым] счастливым войском [хана]

Когда прошло несколько дней после этих событий, его величество могущественный [Абдулла-хан] послал отряд всадников в полном вооружении в Карши для нападения на Худайберди-султана. Последний, узнав об этом, приказал большому числу [своих] людей оказать сопротивление победоносному войску [хана]. Храбрецы победоносного [хана], случайно узнав об их походе, устроили засаду. Тот [вражеский] отряд, не заметив

[их], прошел мимо и направился в Касби для нападения. После того как его величество подобный Искандару [Абдулла-хан] получил известие о походе их (т. е. врагов), для отражения их он отправил отряд храбрых воинов [на помощь тем, кто] находился в засаде. Этот отряд, встретившись в пути с врагом, вступил с ним в сражение. Тот отряд, который в засаде ждал удобного случая, напав [на врага] сзади, вступил на путь битв, на стезю сражения и побоищ. Войско врага очутилось в водовороте бедствий. Победоносное войско, окружив [неприятеля] спереди и сзади, проявило храбрость [в бою].

Месневи

Двинулись войска с двух сторон,
С двух сторон они направились на поле битвы,
Языки копий вытянулись так,
Что достигли самых сокровенных тайн в сердце.
Со всех сторон герои предприняли нападение,
Вновь подняли руки [для битвы].
От [топота] копыт коней пришла в изумление земля,
Ты сказал бы, что закружилась гора.
От блеска меча, сверкающего, как зеркало,
Потускнело зеркало солнца.
Поднялся такой шум от звона мечей и боевых топоров,
Что оглох небосвод.

Наконец помрачнел лик упований врага, почернело лицо счастья [его]. Полная растерянность и страх овладели этой огромной толпой до такой степени, что она поневоле отказалась от битвы и выбрала путь бегства. Победоносное войско захватило в плен семьдесят человек или более врагов и, вернувшись с победой и торжеством, привело их к подножию трона хакана, покорителя мира; по приказу [хана] они убили [их] мечом мести.

После этого события хан, восходящее солнце, поднял великие и славные руки с решимостью покорить Несеф. Он выступил из Касби и, [приняв] все меры для успеха в битве, направился в ту сторону. После того как [хан] изволил подступить к крепости, с обеих сторон храбрецы тронули ратных коней и два ищущих битвы войска вступили в сражение.

В этой страшной местности, опасном месте из победоносного войска [хана] первым предпринял атаку ‖смелый, мужественный, полный мести 66а
эмир Аким-бий джалаир, брат мирзы Валиджана. Он один дошел до городских ворот и, разрубив цепи, [закрывающие] ворота, вернулся обратно.

Под ударами победоносных войск [хана] Худайберди-султан [отступил] в крепость [и там] укрылся. По этой причине картина легкого овладения [крепостью] не вырисовывалась перед его величеством. Тогда по настоянию столпов государства [Абдулла-хан] повернул поводья назад и направился в [свою] резиденцию величия и славы.

После того как его величество [Абдулла-хан] поспешно направился в сторону Касби, разнеслась слава о его храбрости и смелости. Из различных мест молодые люди, смельчаки [в полном] вооружении поспешили к свите августейшего [хана]. В числе [их был] справедливый эмир Гандж-Али бахадур кангли со своими приближенными, такими, как Ходжам-Кули дивана и другие. Они заняли место среди придворных, вельмож и слуг [хана]. Его величество одарил каждого из них по-царски и оказал им милости.

О походе великого и славного [Абдулла-]хана для завоевания Несефского вилайета, о том, как он услышал о походе Клыч-Кара-султана против него, и о том, как они встретились друг с другом и немедля вступили в битву и сражение

Благословенные передатчики рассказов, излагая данное событие, повествуют [о нем] таким образом. Его величество [Абдулла-хан] всегда стремился поднять знамена завоевания мира до зенита неба власти, во всех странах очистить цветник дел [своих] подданных, слабых и несчастных людей от колючек господства и притеснения мятежников. После того как он поднял знамя победы над вилайетом Касби, некоторые селения Несефа он передал победоносному войску [в виде] танха [73]. Али-Мухаммад-бий аталык с отрядом храбрецов [предпринял] атаку и дошел до ворот Несефа. По воле [бога Абдулла-хан] приказал, чтобы постоянно крокодилы моря храбрости, леопарды чащи смелости направлялись в Карши и проявляли старание и усердие в истреблении мятежников, в подавлении мятежей и бунтов смутьянов. Согласно высокому приказу победоносное войско, к которому обращена [божья] помощь, туго подпоясавшись поясом мести, подняв руки для битвы и сражения, предприняло нападение на многие места этого вилайета. Множество вражеских воинов сразили они мечом мщения, повергли на землю гибели.

Месневи

Хан эпохи, луна в зодиаке счастья,
Чей трон — Плеяды, порог — небосвод,
Двинул войско со всех сторон
Для завоевания города Несефа.
По приказу шаха, обладающего войском, [бесчисленным], как звезды,
Многочисленным, как звезды, величественным, как ангелы,
Направилось славное войско
В сторону Несефа для битвы.
Когда [об этом] узнала толпа врагов,
Она направила поводья для отражения его.
66б ||С двух сторон приблизились друг к другу
Мстительные всадники, жаждущие битвы.
Пользуясь приемами битвы,
Стали поражать друг друга острыми мечами.
После того как [войско хана] проявило усердие,
Враги шаха обратились в бегство.
От [натиска] войска государя
Противник вновь вступил на путь бегства.
Когда враги подняли знамя отступления,
Храбрецы [хана] снова направились к Несефу.

Наконец Худайберди-султан, изнемогший под натиском победоносных войск [хана], не нашел иного выхода, как обменять Каршинский вилайет на туман Сагарджа и подвластные ему области, которые в то время были союргалем [74] Клыч-Кара-султана, сына Кистин-Кара-султана. Он полагал, что, если это дело (т. е. обмен) осуществится и Клыч-Кара-султан вступит в Каршинский вилайет, возможно, его величество [Абдулла-хан] будет снисходителен к своему двоюродному брату, оставит ему Карши, не пойдет походом на него. Состоялся обмен эмирами (т. е. послами), было достигнуто соглашение сторон и осуществлено это дело. После этого Худайберди-султан передал крепость Несеф эмирам Клыч-Кара-султана, таким, как Бурунчи аталык, Тутас диван-беги [75], Джуджук парваначи и другие, а сам направился в Сагардж.

Когда его величество убедился в том, что действительно [имел место] такой обмен, он в конце упомянутого (959/1552) года тотчас же выступил из крепости Касби с победоносным войском для завоевания Несефского вилайета. Он расположился вокруг крепости и вала.

Рано утром шах-солнце, повелевающий полчищем звезд, поднял вышитое золотом знамя над башней небесной крепости, опоясавшись золотым мечом, надел на голову позолоченный шлем и очистил небесное пространство от полчища звезд.

Стихи

На заре этот властелин-солнце с сияющим лицом
Поднял золотой меч,
Для завоевания этой черной крепости (т. е. неба)
Он выехал верхом на быстром пегом коне.

[В это время] последовал приказ августейшего, благородного [Абдулла-хана], чтобы победоносное войско подняло руку мести и, направившись к крепости, начало сражение.

Стихи

По приказу благословенного шаха
Богатыри войска опоясались [для битвы],
Смелые в бою леопарды, нападающие на волков,
Выпустили когти, словно тигры,
Храбрецы, стремящиеся к мести, к истреблению людей,
Все направились к крепостному валу,
Со всех сторон они бросились на штурм,
Совершили нападение с решимостью пролить кровь.

Воины прославленного государя [Абдулла-хана, судьба которых заранее] предопределена, так же как смертный час, который пробивает брешь в укрепленной крепости жизни, рушит неустойчивую стену жизни, засунув за пояс полы кольчуг и кафтанов, направились к крепости, держа перед собой тура [76] и чапар [77].

С той стороны жители крепости в безмерном страхе и растерянности также протянули руки, проливающие кровь, сеющие смуту, ||для битвы 67а
и сражения. Лучники, обрушив со всех сторон дождь стрел, показали образцы смелости.

С этой стороны [войск хана] отряд храбрецов, таких, как Аким мирахур, Аким-бий джалаир, Байбахти кунграт и другие, начал битву. Они захватили внешнюю стену [города]. Вплоть до наступления дня они сражались храбро и смело с людьми, которые находились на внутренних [стенах] крепости.

Стихи

Два смелых отряда сверху и снизу,
Яростные в битве, словно львы,
Схватились друг с другом,
Со всех сторон сыпались стрелы бедствий,
Со всех сторон разящие стрелы
Стремились [похитить] душу наподобие стрелы смертного часа.

В тот день на другой стороне храбрецы войска — доблестные воины Джа'фар-хана кипчака и другие вели смелые бои, предпринимали

героические усилия [для победы]. Наконец в этом отряде Джа'фар-хан, в другом отряде Байбахти кунграт, получив тяжелые раны, из тленного мира переселились в вечный мир.

Стихи

Кто видел покой в этом тленном мире?
Кто всегда был счастлив в нем?
Кто из этого мира не уносил пожитки?
Кого миновали стрелы бедствий судьбы?
Из этой крепости судьбы стрелы, [несущие] гибель,
Постоянно лились дождем на землю.

Его высочество высокодостойный Йар-Мухаммад атака и распорядительный эмир Джангельди-бий также проявили мужество и отвагу. Они подступили к городским воротам и проявили смелость. Наконец эти два могущественных эмира, получив раны от стрел и пуль, не достигнув цели, вернулись обратно.

Стихи

Сдайся, ибо в этом страшном каман-хане [78] (т. е. мире)
Я не видел никого, кто бы спасся от стрел бедствий.

После того как храбрецы обеих сторон проявили стойкость [в бою], они прекратили сражение и отступили. Эмиры сообщили его величеству [следующее]: «Клыч-Кара-султан с отрядом храбрецов расположился в местности Уганг, подвластной упомянутому, [Каршинскому], вилайету. Он ввел обоз в это селение и окружил его заграждением. Представляется удобным, выступив из крепости, направиться к нему. Если он сдаст вилайет без боя, мы не станем воевать и не будем помышлять о битве и сражении. Если же он откажется от повиновения [хану], тогда мы поступим так, как сочтем нужным». Одобрив [мнение] великих и могущественных эмиров, [Абдулла-хан] без промедления ушел от крепости, с войском, могущественным, как небо, бесстрашный, как Бахрам, приготовив оружие, направился к Клыч-Кара-султану.

Стихи

Двинулся хан, могущественный, как небо,
67б ||От крепости с тремястами храбрецами,
Он тронул коня для битвы,
Крепко опоясался для встречи с врагом.

Столкновение победоносных войск [Абдулла-хана] с Клыч-Кара-султаном в местности Уганг

Когда между ними (противными сторонами) завязался бой, высоко летающий сокол счастья [хана] полетел, раскрыв крылья, Хумай победы августейшего [хана] полетела над полем битвы.

Месневи

Когда с обеих сторон выстроились войска,
Всюду они подняли знамена,
Застонала флейта, загрохотал барабан,

Задрожал голубой купол неба.
Звук трубы долетел до неба,
От него содрогнулись горы и степи.

Эти два войска в полной боевой готовности выстроились друг против друга. Подняв знамена мщения, с исключительной храбростью, с величайшей смелостью они начали сражение. От звука трубы и грохота барабана возникло смятение в опрокинутой чаше небес. Крики и вопли храбрых мужей поднялись до выси небесной, до вращающегося неба.

Месневи

Раздалась такая дробь барабана, [поднялся] такой крик и шум,
Что небо заткнуло уши ватой,
Пыль из-под копыт коней
Стала походить на сурьму, [предназначенную] для очей звезд.

Со стороны его величества первыми погнали боевых коней всадники ристалища храбрости, воители равнины смелости, такие, как Аким мирахур, Аким-бий джалаир, Валиджан-мирза джалаир. Обнажив смертоносные мечи, взявшись твердой рукой за луки мщения, они обрушились на войско султана. Из облака-лука пролился дождь стрел, засверкали мечи, словно ослепительная молния.

Месневи

Два войска подняли такой шум,
Что от страха сам по себе раскрутился аркан,
От крови, пролитой блестящим, как алмаз, мечом,
Земля превратилась в волнующееся кровавое море.
Под ударами секир и копий
Падали всадники с норовистых коней.

В то время, когда оба великих войска, напав с двух сторон, сражались, поражая друг друга, со стороны султана неожиданно вышел на середину поля битвы человек и прочел письмо следующего содержания: «Его величество [Абдулла-хан], оставив поле битвы, пусть войдет в Хузар [79], а мы войдем в крепость Несеф. Отправив к его дяде, его величеству Пир-Мухаммад-хану, человека, сообщим ему об этом и поступим так, как тот соизволит сказать». Его величество [Абдулла-хан] не внял этому заявлению и в ответ написал так: «Для устранения мятежа следует им войти в Хузар, а мы направимся в Карши. Отправив кого-нибудь к [моему] счастливому дяде, сообщим ему об этом и посмотрим, что он соизволит сказать, и тогда, что бы ни было, мы не откажемся повиноваться [ему]». ‖ 68а
Со своей стороны, Клыч-Кара-султан не согласился с этим предложением и тотчас же призвал своих людей к битве. Снова храбрецы эпохи, воители поля брани, двинув коней в доспехах, напали друг на друга. На этом славном поле битвы они вступили в сражение, бросая души в пучину гибели. Щит военачальников проявлял гнев [по отношению к врагу]. Подобный алмазу кинжал на шее военачальников извергал хулу.

Стихи

В день сражения, когда у стремящихся к битве
Оседланы кони мщения,
Высунута рукоятка меча,

Меч раскрыл рот для хулы.
Словно тонкие губы красавиц,
Раскрылся рот у проливающей кровь стрелы,
Как много голов военачальников было размозжено
Той тяжелой палицей.

Победоносные храбрецы обеих сторон совершали быстрые, смелые атаки. Однако оба войска благодаря исключительной смелости и невиданной отваге и неустрашимости стояли непоколебимо, как гора.

В тот день, с того времени, когда султан (солнце) извлек победоносный меч из ножен мщения, и до той поры, когда золотой купол (солнце) на высшей сфере неба, [подобного] хризолиту, переместился к экватору, оба войска вели бои, сражения. То победоносное войско [хана] теснило врагов, то храбрецы [Клыч-Кара]-султана выбивали с занимаемых позиций воинов могущественного [хана]. Наконец хан, достоинством Сулайман, отдал приказ, действующий как рок, чтобы отряд из чухраев [80], крепко опоясавшись поясом мщения для битвы, поднял руки для сражения и, зажигая огонь войны, вступил в долину побоища.

Месневи

Снова с обеих сторон предприняли наступление,
Подняли проливающие кровь копья,
Стали метать стрелы,
Безжалостно обнажили мечи.

Снова сошлись воинственные храбрецы, смелые воины и стали наносить друг другу удары разящими мечами и смертоносными копьями. Покатились по полю битвы головы, словно шары. В колыхании волн моря битвы перед глазами храбрых мужей возникла картина величайших ужасов, [предстала] равнина в день Страшного суда.

Месневи

От крови мужей земля забурлила, [как море],
Головы стали [как бы] кирпичами [81], кольчуги — саваном.
Храбрецы войска обрушились друг на друга,
Призывая смерть в этот мир.
Упал всадник с коня, голова [отделилась] от тела,
Небосвод стал ладьей на земле, [превратившейся] в море крови.

Наконец тайный голос счастья [хана, возвещая] о помощи великого бога, возгласил стих из Корана: «Мы даровали тебе явную победу» [82]. Рука помощи великого бога посадила молодое деревцо благополучия и
68б надежд в цветнике власти, в саду счастья || хана, величественного, как Джам. Согласно смыслу [стиха]: «А когда они почувствовали Нашу мощь, то вот — от нее убегают» [83], от натиска победоносного войска [хана] зашаталась опора могущества воинов [Клыч-Кара]-султана так, что войско его без промедления отвернуло лицо от поля битвы, ристалища смелости и, отступая, устремилось в долину бегства.

Месневи

У спасающихся бегством в этот день, [подобный дню]
Страшного суда,
Не было ни желания бежать, ни уверенности
[на спасение] бегством,

Всадники всюду брались за стрелы,
Иногда они метали стрелы, иногда [бросали] колчан
[со стрелами].

Повеял зефир победы и одоления на подобные луне знамена хана, величественного, как Фаридун, а войско [Клыч-Кара]-султана потерпело великое поражение. Отряд испытанных в сражениях, воинственных [борцов], отряд проливающих кровь храбрецов стал преследовать отступающих [врагов]. Они взяли в плен нескольких эмиров султана. Арканом ловкости и по воле судьбы они заполонили и самого султана. Победоносные воины [хана] безмерно обрадовались неисчислимой военной добыче, огромному имуществу, [доставшемуся им от неприятеля].

Месневи

Это войско, [состоящее] из благородных [воинов],
захватило
Столько военной добычи, что я не [в состоянии]
сказать, каков ее объем.

После этого его величество, согласно смыслу изречения «Власть бесплодна», заключил султана в оковы и поднял знамена победы для похода на Несеф. Эмиры султана, услышав об этом, тотчас же вышли из крепости и передали крепость вельможам двора его величества [Абдулла-хана]. Хакан, достоинством Сулайман, достигнув своих желаний, вступил на благословенную землю Карши и воссел на престол, подобный [трону] Сатурна. Он обещал отправлять правосудие, быть справедливым по отношению к народу — кладу, отданному на хранение [царям] всевышним Творцом. Он [устроил] прием, раскрыл врата веселья по случаю победы перед стремящимися к наслаждению и радости. Считая такую победу украшением [своего] царства, считая легкость, с какой он достиг победы, милостью Создателя, [хан] возблагодарил [бога] за благодеяние и отправил в разные стороны реляции о победе.

Месневи

[Хан] приказал, чтобы красноречивый мунши,
Умный дебир, искусный писец,
Открыл бы замок смысла в шкатулке слов,
Незамедлительно написал бы реляции о победе.

Передается из уст в уста, известен среди знатных и простых людей [следующий рассказ]. После того как его величество благословенный [Абдулла-хан] воссел на трон господства, на престол счастья, некий человек, преклонив колени учтивости, доложил [хану]: «Нас было несколько человек, и мы захватили сокровищницу [Клыч-Кара]-султана, которая досталась [ему] по наследству от его благородного отца Кистин-Кара-султана. Из всего количества [драгоценностей] каждый [из моих товарищей] взял по пять щитов из червонного золота, мне же они дали только один щит. Я обращаюсь с просьбой к его величеству дать приказ, действующий как рок, чтобы [все] добро было разделено между нами поровну». Его величество хакан, повелевающий, как Джам, [Абдулла-хан], заговорив языком, рассыпающим перлы [слов], соизволил сказать: «Благодари бога за добро ‖ и за его безграничные милости и сочти за благо 69а
то, что тебе досталось из добычи». Цель написания этих слов заключается в том, чтобы показать исключительную щедрость, безмерную доброту [хана]: такое сокровище попадает в руки других, и его величество не

обращает на это ни малейшего внимания, не придает [этому] никакого значения. М и с р а: Для людей, обладающих благородными помыслами, мирские блага мало [что значат].

В 959/1552 году Абд ал-Латиф-хан из этого мира переселился в тот мир. Эта дата заключена в [словах]: «Шахр-и Самарканд» [84]. Власть над городом [Самаркандом] утвердилась за Са'ид-султаном. Важные дела по управлению ханством перешли к Науруз-Ахмад-хану. Во всех областях Мавераннахра хутба и монеты украсились его именем.

Рассказ о походе Науруз-Ахмад-хана на Шахрисябз. Осада им могущественного султана Ибадулла-султана. Прибытие Бурхана в местность Касан на помощь врагам [Абдулла-хана]. Разбой в окрестностях [города]. Поражение, нанесенное [Бурхану] победоносным войском [Абдулла-хана]

Да будет ясной и понятной для подобных философскому камню умов благочестивых мужей, для святых сердец совершенных людей [следующая мысль]. Когда великая милость Творца, велик он и славен, заставляет взойти солнце могущества и счастья какого-нибудь счастливца на горизонте неба победы и одоления, то [никакое] скопление несчастий не может закрыть свет на счастливом челе его желаний. Когда любовь великого Творца силой вздымает подобное солнцу знамя какого-либо счастливца до выси неба [своей] помощи и благоденствия, то завеса пыли несчастий не скроет лучей солнца красоты его желанной цели. Во время нападения врагов, согласно смыслу [стиха]: «И подкрепил его войсками, которых вы не видели» [85], победоносные войска его найдут поддержку из таинственного, но, несомненно, существующего мира; во время скопления врагов, согласно смыслу [стиха]: «Ведь Аллах подкрепляет Своей помощью, кого пожелает» [86], солнце на небе милости и милосердия [бога] будет озарять просторы и сады его эпохи.

М е с н е в и

Кто благодаря милости Предвечного найдет щит,
Тот будет неуязвим для стрел бедствий,
Тот найдет помощь от милости господней,
Не побоится бесчисленного войска [врага],
В нужный момент из зенита небес
Придут к нему на помощь и солнце и луна,
Появится из-под земли для него копьеносец,
словно камыш,
И будет готов служить ему как раб.

То, что написано, изложено выше, применимо и к хану — покорителю мира [Абдулла-хану]. Подробный рассказ об этом следующий.

Могущественный [Абдулла-]хан, по отношению к которому судьба — гулям, государь, подобный Искандару, благодаря [своему] исключительному величию и благородству утвердился на царском троне, на престоле господства в Несефском вилайете. Тогда благословенный брат его вели-
69б чества Ибадулла-султан, ||который в то время удостоился чести стать зятем дяди по отцу счастливого Пир-Мухаммад-хана, с помощью последнего отвоевал прекрасный город Кеш у Хашим-султана ибн Бурундук-султана и успокоился. По этой причине в том же (959/1552) году Науруз-Ахмад-хан от алчности, присущей человеческой натуре, собрал из Ташкентского вилайета, из областей Туркестана и Ходжента войско, не поддающееся счету и определению. Со всем этим несметным сборищем он

совершил ряд переходов. Сначала он поставил [своей] задачей [завоевать] Самарканд. Не сумев овладеть этим [городом], он ушел из-под его стен и осадил крепость Кеш. Он послал человека к правителю Бухары Бурхан-султану. В это время по воле судьбы бразды правления этой страной находились в руках [Бурхан-султана], который совместно с Йар-Мухаммад-султаном управлял ею. [Науруз-Ахмад-хан приказал Бурхан-султану], чтобы тот, снарядив войско, поспешил к нему на помощь и направил поводья решимости к той стране.

Стихи

Когда хан Дашта, мстительный шах,
Повел войска к Шахрисябзу,
Он поднял знамя до зенита зодиака величия,
Мечтая покорить эту укрепленную крепость.
Отсюда он послал человека к Бурхану,
Известил его о своем намерении,
Приказал, чтобы тот поспешно прибыл со своим войском,
Решительно направился в его сторону.

Когда его величество восходящее солнце [Абдулла-хан] узнал об этих событиях, он послал человека в Балх к его величеству Пир-Мухаммад-хану и известил его об истинном положении дел. Случилось так, что еще до прибытия балхского войска правитель Бухары с огромной толпой устремился на помощь врагам и расположился лагерем под Касаном. Предполагая, что Несефский вилайет попадет в его руки, он в течение нескольких дней поднимал там знамена пребывания и по [своей] дерзости вступил в долину смелости. Пользуясь своей исключительной властью, упорствуя, он протянул руку господства и тирании для насильственного захвата имущества и разорения подданных. От таких его недостойных действий и неподобающего поведения у его величества могущественного [хана] запылал огонь возмущения в благородном сердце. Без промедления он выступил с победоносным войском из Карши для истребления врагов и направился в Касан. [Хан] тронул боевого Рахша [87], рукой храбрости, божественным искусством разукрасил бунчук знамени, подобного солнцу. Своей могучей рукой, достигающей неба, он повесил на шею та'виз [88], [дарящий] беспредельную силу.

Стихи

Раздались звуки барабана шаханшаха,
Заволновалось войско, словно море,
От волнения одетых в железо [воинов] изнемогли
Все равнины, степи, пустыни и горы.

[Абдулла-хан] проявил мужество и храбрость в устранении мятежа, бунта этого войска, возгордившегося и мятежного. || [Этим он стремился] 70a
уберечь от колючек злодеяний могущественных [врагов] подол положения подданных, которые суть клад, отданный [царям] на хранение Творцом [всего] сущего.

Месневи

Стал в стременах великий и славный хан,
Поднял пыль от войска до Сатурна.

Месневи

[Он выступил] с безграничным войском, [в котором]
Каждый по храбрости уникум эпохи,
Все [как] львы в чаще войны,
Воители, храбрецы, поражающие мечом.

Встреча двух войск, жаждущих мести,
и поражение могущественных врагов
с помощью величайшего господа

На следующий день солнце-владыка тронул быстроногого пегого коня на небе и ударом рассыпающего золото меча и золотистого копья рассеял полчища звезд.

Стихи

Рано утром, когда под натиском шаха востока (солнца)
Рассеялись полчища звезд,
В небе ангелы запели в ладу «Джанг»,
Закружился небосвод, сверкающий, как зеркало,
Загремели барабаны, застонали трубы,
Взволновалось небо, [черное], как эбеновое дерево.

[Утром] во время султанского завтрака храбрецы обеих сторон приготовили оружие для битвы. Встреча войск произошла к востоку от Касана.

От каждого войска послали мстительных таваджиев выбрать место для битвы. Проявив величайшее старание для построения войска, они определили каждого человека на соответствующее место. Оба войска [были страшны], как Судный день. От их внушительного вида плавились горы, от их суровости небо заставило солнце склонить [перед] ними голову. Они поднялись на битву и сражение, [готовые] рисковать жизнью, что является товаром очень дорогим, они выстроили ряды для битвы и сражения.

Месневи

Храбрецы с достоинством и пышностью
Выстроили два ряда войск для битвы,
Войско мстительное, непокорное [врагу],
[Где] все гордые, смелые и упрямые,
Отряд, [где] все горячие, воинственные,
По стойкости и твердости подобны стали или бронзе,
Все они львы в чаще побоищ,
Бесстрашные крокодилы в море сражения.
Один за другим они жертвуют собой, стремясь отомстить [врагу],
Их лбы наморщены от гнева.

Место расположения войск от ужаса перед мстительными всадниками превратилось в равнину Судного дня. От волнения на небесах переместился центр земли. От пыли, [поднятой] копытами скакунов, затмилось солнце. От пыли из-под копыт коней поверхность земли закрыла голову запыленным покрывалом.

Стихи

От пыли, [поднятой] всадниками, у которых поводья
как у Бахмана [89],
Образовалась как бы вторая сфера неба,
От войска поднялась такая пыль,
Что закрыла завесой лик солнца и луны.

Звук медной трубы доходил до самого высокого неба, до высшего купола неба. Звон литавр, звуки военных барабанов вознеслись над чертогами Сатурна, и [их] услышало ухо небес.

Стихи

‖ Раздался рокот большого барабана из хафт джуш [90], 70б
Застонало голубое небо,
От барабанного грохота, грозного, как небо,
Мир наполнился боевым кличем.
Мгновенно мир огласился [криками],
Звуками чанга войны.

Словом, две огромные армии, [два] безграничных войска совершеннейшим образом выстроили друг против друга ряды, подобно Искандаровой стене, вывели коней смелости на ристалище храбрости и сели в седла. Воинственные всадники и отважные храбрецы, ищущие мести, взяв острые копья, подняв боевые мечи, начали сражаться. Они протянули руки для расхищения тел и душ, без всякого сожаления обрекая на [смерть] свои жертвы. Со всех сторон устремив друг на друга яростных коней, они бросились в бой; мечом и копьем двух [человек они соединяли] в одно, а одного рассекали надвое.

Стихи

Обрушились [друг на друга] войска с двух сторон,
Храбрецы, разящие врагов, жаждущие мести.
Когда смешались друг с другом два войска,
Они стали убивать, захватывать в плен.
От крови множества убитых, поверженных мечом
Земля переливалась, словно море.
От блеска мечей, сверкающих, как зеркало,
Потускнело зеркало солнца.
[От] сверкания мечей, отливающих синевой [91],
От блестящих копий в воздухе стало темно.
Не прошло и часа [с начала] битвы,
Как степь и равнина наполнились телами убитых,
Столько воинов было повержено на землю,
Что от тел [их] повсюду образовались холмы.

Синее море голубого небосвода, отражаясь в волнах моря крови, превратилось в рудник красного рубина. От пыли, [поднятой] войсками, [многочисленными], как звезды, затмились светлые очи небосвода. Вихрь атак храбрецов разметал кольца кудрей кольчуг одно за другим. Капли крови героев окрашивали в цвет бакама [92] черный бунчук знамени.

Во время [битвы], когда с обеих сторон войска нападали друг на друга, сражались, схватившись друг с другом, войско врагов по причине своей многочисленности и крайней гордости начертало на страницах своих сердец и мыслей письмена победы и торжества. Однако к его вели-

честву [была обращена] беспредельная помощь [бога], безграничная милость Творца. Войско врагов хана, как бы предчувствуя [свою] гибель, чуть было не бежало, уподобившись полчищам звезд, рассеивающихся при первых [лучах] Джамшида-солнца. Когда обстоятельства сложились таким образом, неожиданно из невидимого, но, несомненно, существующего мира явилось чудо. Благословенный хан Пир-Мухаммад-хан с войском сильным и могущественным изволил прибыть из Балха в окрестности Несефа. Некоторые мужи из балхского войска поспешили к свите августейшего
71a [Абдулла-хана] и обрели счастье от встречи с его величеством. || Этот неожиданный случай — [одно] из чудес божественной милости, безграничный дар [бога]. [Пир-Мухаммад-хан] твердо обещал, что это войско прибудет [на помощь]; однако, согласно [словам]: «Если бы вы назначили срок, то разошлись бы в его времени» [93], [без помощи бога] все так бы благополучно не устроилось.

Словом, могущественный покоритель мира [Абдулла-хан], как только мог, вознес хвалу и благодарность воздающему за добро и зло богу. Он дал непреложный приказ, чтобы храбрецы, стремящиеся к мести, смелые воины выступили справа и слева и обрушили на врага безжалостные мечи, не обращая внимания на их многочисленность и силу. Всадники ристалища смелости, мстители долины храбрости, повинуясь высокому приказу, все сразу подняли сверкающие мечи и смело устремились на эту дерзкую толпу.

Месневи

[Воины] тронули коней с двух сторон,
В гневе бросились они друг на друга,
Враг со свойственной ему гордостью и спесью
Вступил в битву.
Во время сражения прибыло из Балха
Войско, [в котором] все ловкие и суровые,
Войско, [в котором] все стремились к битве,
С копьями, подобными ресницам красавиц.
За эту помощь благословенный владыка [хан]
Воздал благодарность господу,
После восхваления, прославления пречистого бога,
Творца звезд, земли и воды,
Он приказал, чтобы отважное войско,
Храбрецы поля битвы в день сражения,
С нахмуренными бровями, наморщенными лбами
Натянули бы тетиву чачского [94] лука,
Вынули из ножен победоносные мечи,
Нанесли бы [ими] удар врагу.
По приказу великого и славного шаха
Двинулось войско со всех сторон,
Выступили храбрецы войска,
Выступили они, готовые к кровопролитию.
Раздался боевой клич,
Изнемогла земля под подковами [коней] всадников.
Пыль, [поднятая] на поле битвы всадниками,
Быстро окутала солнце [плотной] пеленой.
От мечей [воинов], львов, стремящихся к битве,
На поле брани образовались ручьи из крови.
[Под ударами] гордых мужей, испытанных в боях,
Тысячи голов скатились с плеч,
Стоял [такой] лязг мечей и секир,
[Что] явились зрителями судьба и рок.

Кончик копья [своим] острием срезáл волосок,
Аркан похищал ядро из засáды.
Пролился такой поток крови,
Что земля стала багровой.

Наконец, [почувствовав] силу [и] могущество его величества [Абдулла-хана], [увидев] блеск счастья величественного властелина, бесчисленное войско [противника], объятое страхом и ужасом, сразу же сошло с пути высокомерия шагами терпения и направилось в долину бегства. Подобно тому как слабая птица летит прочь от орла или беспомощные дикие звери бегут в страхе от свирепого льва, так и враги устремились к долине бегства.

Правитель Бухары проявил исключительное терпение и выносливость при этих великих событиях, старался по мере сил держаться стойко и упорно. Однако [от этого] не было пользы, ибо божья помощь, || без- 71б
мерные милости господа сделали непобедимым его величество хакана [Абдулла-хана] и подняли до зенита триумфа его победное знамя, согласно смыслу [стиха]: «Он дарует помощь, кому желает, — Он велик, милосерд!» [95]. Войско врагов, несмотря на [свое] вооружение, снаряжение и оснащение, сразу обратилось в бегство. [Враги] рассеялись, уподобившись буквам алфавита, и слабой рукой вцепились в пояс, на котором начертано слово «Бегство» [96].

Месневи

В глазах врагов померк свет,
Они сразу бросили оружие и знамена,
В крови земля, шлемы и каски,
Мечи в руках их (воинов) стали [исполнителями]
смертного приговора.

Его величеству досталось знамя победы и торжества с вышитым [на нем] кораническим стихом: «Мы даровали тебе явную победу» [97], а [слова]: «И чтобы помог тебе Аллах великой помощью» [98] — сделались как бы заглавием благословенного царского указа [Абдулла-хана]. Победоносные войска [хана] устремились вслед за отступающими. Захватив большое количество имущества и богатую добычу, они вернулись назад.

Месневи

Когда все враги отступили,
Оставив палатки и шатры,
Храбрецы шаха вслед за врагом
Устремились наподобие страшного дракона,
Они истребили много [врагов] и вернулись назад,
Никто в войске не остался без добычи.
На этом поле битвы было так много имущества,
Что за счет военной добычи обогатилось войско.

От некоторых участников этих событий и людей, воочию видевших все происходящее, я слышал, что на протяжении одного фарсаха отступающие побросали свое оружие, снаряжение, топча [все] конями, а дальше оставили и верховых животных.

Итак, когда правитель Бухары обратился в бегство, его величество [Абдулла-хан] решительно направился к своему счастливому дяде [Пир-Мухаммад-хану]. После того как состоялась встреча, его царское достоинство [Пир-Мухаммад-хан] устроил пир, согласно изречению: «Почитайте

гостя» [99]. Он устроил его величеству [Абдулла-хану] царский пир, веселое празднество. На высших [сферах] голубого неба Венера-музыкант [100], увидев это веселое пиршество, заиграла на сазе удивления [101].

Месневи

Он устроил такой великолепный пир,
Что, [если] его описать, затянется рассказ,
Различными благами мира, какие только можно было пожелать [102],
Разукрасился весь мир.
Что за пиршество! Не цветник ли это упований,
[Где] Хизр [103] просил глоток [вина] из чаши.

После беседы дядя его величества [Пир-Мухаммад-хан], согласно [изречению]: «Неправильно пренебрегать советом» [104], совещался с властелином величественным, как Искандар, [Абдулла-ханом], чье зеркало ума и проницательности, зеркало прозорливости и сообразительности было отполировано различного рода опытами. [Он советовался] об освобождении Ибадулла-султана, достойного Сулаймана. [После этого Пир-Мухаммад-хан] вместе с победоносным хаканом [Абдулла-ханом] отправился в Шахрисябз для истребления злого врага.

Когда Науруз-Ахмад-хан узнал о походе победоносного войска [ханов], о бегстве Бурхана, он тотчас же покинул стоянку гордости и, отправившись по направлению к центру [своих] владений, предпочел снять осаду
72а [Шахрисябза]. || Узнав об этом, счастливый хан Пир-Мухаммад-хан разрешил его величеству могущественному [Абдулла-хану] с дороги отправиться в Несеф, а сам, осчастливив своим прибытием Шахрисябз, через Келиф [105] направился в столицу своего государства — [в Балх].

Рассказ о завоевании Самарканда Науруз-Ахмад-ханом и об осаде его величеством [Абдулла-ханом] этого самодовольного хана, [Науруз-Ахмада], по просьбе султана Саʿид-хана

После того как мятежный хан Науруз-Ахмад-хан вернулся в Туркестан, в следующем, 961/1553-54 году с войском, большим, чем бедствия, посылаемые судьбой, с армией, более многочисленной, чем пески в пустыне, он выступил для осады Самарканда. В [месяце] раджаб этого же года [106] в результате бесчисленных атак он захватил эту похожую на рай страну, которая была предметом зависти высочайшего рая. Так, слова: «Хакан эпохи в [месяце] раджаб вошел в город» [107] — дважды заключают в себе дату восшествия его на престол.

Тамошний правитель султан Саʿид обратился к его величеству [Абдулла-хану] и, известив [его] о захвате власти ханом Дашта, просил помощи. Поэтому его величество [Абдулла-хан], подобный Искандару, устремился в Мианкаль, который является родиной его величества, и в этой стране собрал войско. Вместе со всеми братьями и сородичами, такими, как Узбек-султан, Хусрав-султан, подняв величественные знамена, [хан] без промедления выступил для завоевания Самарканда. Несмотря на то что Науруз-Ахмад-хан находился в этом городе с огромным войском, [воины Абдулла-хана], достигнув ночью окраин крепости, еще до рассвета повели наступление с разных сторон. Не успели победоносные войска [Абдулла-хана] рукой захвата прикоснуться к подолу башен и стен крепости, как вдруг рассвело. По воле судьбы его величество отступил и вернулся в Несеф. А Саʿид-султан направился к обители его святейшества, наставника на пути истинной веры Мухаммад-Садик шейха [108],

старшего среди потомков его святейшества Худай-Кули шейха, который был из числа великих наставников его святейшества шейха Абу-л-Хасана Ишки. Имея заступничество одного из близких его святейшества [Мухаммад-Садик шейха, Саʿид-хан] поспешил в Самарканд к Науруз-Ахмад-хану. Науруз-Ахмад-хан оказал большие почести султану [Саʿиду], обязался отвоевать Бухару у Бурхана и обещал передать ему (султану Саʿиду) управление ею.

В том же (961/1553-54) [109] году Бурхан-султан по причине вражды, вспыхнувшей между ним и Мухаммад-Йар-султаном, убил этого султана в арке Бухары и единолично поднял знамя господства в этом вилайете.

Рассказ о походе на Несеф Баба-султана ибн Науруз-Ахмад-хана с огромной армией, бесчисленным войском для окружения его величества могущественного [Абдулла-хана], о выступлении [этого] властелина, сильного, как Фаридун [110], *и о сражении его со злыми врагами*

При внимательном изучении произведений [различных] народов, при чтении рассказов о делах мирских выясняется, становится ясным и очевидным следующее [обстоятельство]. Всегда, когда владыка [бог], да будет он превознесен благодаря [его] величию и превосходству, захочет вознести звезду счастья [государя], подобного Джамшиду, до зенита счастья и, согласно [стиху]: «Ты даруешь власть, ‖кому пожелаешь» [111], захочет 72б
поднять знамя величия [его] до вершины Плеяд, выше лотоса крайнего предела, сначала он испытает его различного рода трудностями и бедствиями, всякого рода горестями и несчастьями. [Он посылает испытания] до тех пор, пока тот не украсит трон счастья, престол величия светом [своего] лика, солнцем [своей] красоты, пока не посвятит себя достойному одобрения служению справедливости, [пока] не станет на похвальный путь [оказания] милосердия [людям], [пока] не станет неусыпно печься о народе — кладе, отданном [государям] на хранение Творцом [всего] сущего.

С т и х и

Сначала счастье шьет шапку,
Когда наступает пора, оно возлагает [ее] на голову
какого-нибудь шаха.

Цель [написания] этих слов заключается в следующем. Когда по воле бога, велик он и славен, его величество [Абдулла-хан] вернулся из Самарканда и воссел на трон величия и славы в Несефском вилайете, он связал руки насилия и ноги вражды цепями справедливости и правосудия.

М е с н е в и

Этот могущественный хан цепями справедливости
Закрыл двери мятежа, [заковал] ноги тирании.

Науруз-Ахмад-хан своим слабым умом рассудил, что ему следует отомстить победоносным войскам [Абдулла-хана]. Он отправил некоторых своих сыновей на Миankаль вместе с войском, [представлявшим собой] огромную толпу, не поддающуюся счету и определению.

Когда распространилось это печальное известие, великий и счастливый Абу-л-Фатх Искандар бахадур-хан по воле судьбы покинул Миankаль и, переправившись через Джейхун, твердо решил двинуться к Балху. Хан,

подобный Сулайману, Рустам-хан и султан, повелевающий, как Искандар, Сулайман-султан со всеми своими сородичами и остальными братьями направились к священному порогу его величества могущественного [Абдулла-хана]. Под сенью счастливых знамен, которые являются солнцем величия и славы восточных стран и счастливой звездой на месте восхода солнца величия и счастья, они зажили спокойно.

Месневи

Когда хан Самарканда стянул войска,
Ханам [Миankаля] стал понятен замысел врага,
Сначала из Миankаля хан эпохи,
По имени Искандар, этот шах, подобный Джаму,
Пожелал направиться в Балх,
Он перешел через Джейхун и отправился [туда],
Другие султаны направились в Карши,
Они прибыли ко двору шаха эпохи.

После того как Науруз-Ахмад-хан завоевал весь Миankаль, область Кермине он пожаловал своему сыну Дуст-Мухаммад-султану, крепость Дабусия [112] он передал Абдал-султану ибн Абд ал-Латиф-хану, указ о правлении Шахрисябзом он подписал на имя Хашим-султана ибн Бурундук-султана Хисари. Своего сына Баба-султана с войском, [многочисленным], как капли дождя, с полчищем, [неисчислимым], как волны морей, он послал в Несеф против счастливого хакана [Абдулла-хана] и вручил в способные руки его поводья ссор и распри. Этот султан со всей этой огромной армией, бесчисленным войском направился в Карши. Остановившись (букв. «прибыв») против крепости Несеф, он поднял знамя дерзости.

73a ‖Месневи

Двинул несправедливый Баба
Огромное войско к Несефу,
Полчище, [в котором] все степняки, одетые в шкуры,
Все завыли, словно волки,
Все в шлемах и кольчугах, гордые, жестокие,
Все алчные, все скупцы.

На следующий день, когда шах полчища звезд вывел быстроногого коня на арену голубого небосвода и, обратив в бегство войско темноты, поднял золотистое копье, Баба-султан забил в барабан войны, встал на путь мятежа и ссор. Тронув коня вражды, он выстроил ряды. Большой отряд румийцев огнеметателей и стрелков из ружья он поставил на правое крыло. Аталыка Гадай-хана Джан-Мухаммад-бия, аталыка Абдал-султана Сатылган-бия, полновластного Джаванмард-султана с безграничной толпой, неисчислимым количеством людей он послал на левое крыло. Сам [Баба-султан], готовый к бою и сражению, думая о битве, стал в центре войска под овеянным славой знаменем.

Месневи

С жаждой мести юный султан
С обеих сторон выстроил ряды, похожие на горы,
Для битвы он построил войска,
[Где] все именитые, прославленные, доблестные [мужи],
Полчище, [в котором] все одеты в кольчуги,
Все готовы жертвовать собой.

В свою очередь, и его величество [Абдулла-хан] занялся сбором победоносного войска, [и это] несмотря на то, что у него болела рука в результате небольшого ранения. Подвесив руку на перевязи, [перекинутой] через плечо, он выступил из крепости с войском, оснащенным по всем правилам. Он разделил войско на три части. Счастливого хана Рустам-хана он назначил в центр войска против центра войск злого врага. Кебек-султана и Узбек-султана он счел [нужным поставить] на правое крыло. Сам [Абдулла-хан] со своим войском поднял руку силы и могущества на левой стороне, которая является местом расположения сердца, напротив правого фланга врага.

Месневи

Государь, подобный Искандару, сражающийся, как Джам,
Выстроил ряды войск, словно гора Каф,
Войско, [где] все — богатыри, величественные, как Рустам,
[Несокрушимые], как гора, полные решимости отомстить [врагу].
Один, закалив меч ядом мщения,
С гневом поднял его над головой,
Другой от [желания] мести и битвы
Заострил копье, похожее на ресницы красавиц.
Один повесил колчан на пояс,
Став похожим на орла, взмахнувшего крыльями.

Когда с обеих сторон таваджии, свирепые, как Марс, ясаулы [113], подобные львам, выстроили ряды войск, смелые, отважные воины, мстительные храбрецы вступили на путь сражения и битвы.

Двустишие

Когда с обеих сторон выстроились ряды,
Храбрецы выступили для битвы.

Сначала его величество счастливый [Абдулла-хан], вложив поводья [своей] воли в могучую длань бога, тронул боевого коня, с отрядом смелых, || отважных воинов [своего] времени направился на поле битвы. 73б

Месневи

Счастливый хан, храбрый государь,
Кто мечом вырывает сердце льва,
Тотчас же опоясался поясом отмщения [врагу],
[Смелый], как леопард, он облачился в кольчугу,
Надел на голову шлем из чистой стали,
Украшенный яхонтом, жемчугами чистой воды,
Он опоясался мечом в золотых ножнах,
Инкрустированных драгоценными камнями,
Щит на плече победоносного шаха
[Блестит], как солнце, словно украшен зеркалами,
Он тронул скакуна, быстрого, как ветер,
Великолепного и стремительного, словно молния,
Вокруг него всадники с саблями,
С копьями на плечах, похожими на ресницы красавиц.
Отряд, [в котором] каждый — тигр-байан [114],
Исполнен любовью к могущественному [хану].

Его величество могущественный [Абдулла-хан] выступил на поле битвы, поднял руку смелости; его высокие помыслы обращены к отражению врагов. Тогда отчаянные храбрецы, смелые воины [хана], полные отваги и [жажды] мести, взявшись за поводья коня его величества, не допустили его к [участию] в битве, а сами направились навстречу врагу. Первыми выступили всадники ристалища смелости, такие, как Аким мирахур, Пайанда-мирза, сын эмира Таниша джалаира. Они направились на правый фланг противника, где были румийцы. [Их натиск] был подобен [броску] в бурную реку крокодила, пересекшего пустыню. Еще до того, как победоносное войско [Абдулла-хана] вступило в бой с этой сбившейся с пути истины толпой, мишенью для [вражеской] пули стал Пайанда-мирза, который был уникумом [своего] времени в проявлении смелости и отваги и не имел себе равных по красоте и приятности. Согласно смыслу [стиха]: «Поистине предел Аллаха, когда придет, — не отсрочивается» [115], он отдал [богу] душу, из теснин этого мира переселился в вечный чертог.

Что же касается Акима мирахура, то он из-за исключительной смелости, уповая на помощь бога и на силу счастья могущественного [Абдулла-хана], вынул острый меч из ножен вражды и погнал коня мести на это сборище демонов и диких зверей. И это несмотря на то, что та безбожная, проклятая толпа [врагов], зарядив ружья, укрылась на большой высоте в огороженном месте.

Месневи

Не люди, не звери, а народ такого странного вида,
Что при встрече с ними разум вскрикнул бы
[от удивления].

[Аким мирахур] погнал Рахша мести и вихрем атаки рассеял эту злосчастную толпу. В конце концов он оттеснил [ее] к центру [их] войска и тем самым расстроил фланг неприятельского войска. Некоторых людей этой проклятой толпы он сжег огнем мщения, а иных пригвоздил к земле острием стрел, смертоносным копьем.

Месневи

Тронул коня прославленный богатырь,
Вступил на поле брани для сражения,
Когда храбрый всадник на поле битвы
Взялся за меч, казалось, выпустил когти лев.
Сильной рукой и острым мечом
Он вызвал среди румийцев сумятицу.

74a Отряд победоносных войск [Абдулла-хана] || направился к полю битвы для оказания помощи великому, славному эмиру [Акиму мирахуру].

Со стороны врагов также выступила огромная толпа на поле битвы, и завязался бой.

Месневи

Храбрецы, стремящиеся к битве, непокорные,
Подошли с двух сторон с решимостью воевать,
Взяв в руки блестящие мечи,
Они напали друг на друга.
Звуки трубы и грохот барабана

Переместили вращающийся небосвод,
Крик поднялся до чертога Сатурна так,
Что помутились головы у военачальников.
Копытами коней, объехавших пустыню,
Была взрыта земля, воздух полон пыли.
Светлый день превратился в темную ночь,
Отчего были удивлены [даже] храбрые мужи.
Блеск сверкающего меча
[Казался] молнией в туче, проливающей кровавый дождь.
Мечи [обагрены] кровью, [словно их] лик омыт красным
вином,
Брошены под копыта головы гордых мужей.
Лязг разящих мечей из степи
Поднялся выше чертога Сатурна.
С двух сторон летят орлы-стрелы,
Их клювы обагрены пролитой кровью.
Острые копья [блестят], словно звезды,
Ты сказал бы, что [они ничем] не отличаются от звезд.

Всадники войска могущественного [Абдулла-хана], храбрецы войск Баба-султана сразу погнали коней и стали наносить друг другу удары блестящими мечами, сверкающими копьями. Блеск меча [казался] сверкающей молнией, прорезающей облака, пыль, [поднятая] на поле битвы, оседала кровавым дождем. Вдруг левый фланг противника весь разом неисчислимой толпой, двинувшись, напал на правое крыло победоносного войска [Абдулла-хана]. М и с р а: Они подняли знамена-мечи.

М е с н е в и

Всадники тронули быстрых коней,
Напали друг на друга с мечами мести,
Над головами храбрецов блестят мечи,
Сверкающие, как яркая молния среди облаков.
От [ударов] копий все шлемы стали [похожими]
на кольчугу,
Копья в сердцах, очи заволоклись.
Шум битвы донесся до неба,
Из облака-лука пролился дождь стрел.

От центра вражеского войска также отделился большой отряд смелых воинов и храбрых бойцов на конях мщения и, подняв мечи, сверкающие, как молния, направился к центру победоносного войска [Абдулла-хана], где находился хан, подобный Рустаму, Рустам-хан. Со стороны [Абдулла-хана] также выступили всадники поля битвы, воители долины смелости и побоищ и напали на великолепное войско [неприятеля], вступив на путь мужества и отваги.

М е с н е в и

С обеих сторон заволновалось войско,
Бушующее, как море, огромное, как гора,
От рокота барабана обезумел небосвод,
Небо заткнуло уши звездами, [как] ватой,
Два войска, словно два моря,
Вздымали волны до Плеяд.
Повсюду загремели барабаны, [зовущие] к битве.

За ними раздались звуки трубы.
С обеих сторон воины тронули коней,
[Казалось], взволновались два моря, затем слились.
74б || С обеих сторон [мужи] взялись за мечи,
С обеих сторон начали пускать стрелы.
Оттого что везде было много убитых,
Всюду образовались холмы трупов.
Оказалось так много рук и ног, валяющихся в крови,
Что небесная сфера растерялась окончательно.
Меч-крокодил в крови, [пролитой] воинами,
Лежал, словно рыба в воде.

С обеих сторон пламя факелов войны и сражения разгорелось до крайности. Шум битвы поднимался из самой низшей точки земли до зенита небес. Победоносные, храбрые воины [Абдулла-хана] повсюду, куда бы они ни устремляли [своих] коней решимости, вихрем атаки рассеивали отряды [противника]. Однако количество врагов не поддавалось исчислению. И хотя Рустам-хан, нападая [на врага] с разных сторон, прилагал все свое старание и усердие, но [пользы не было]: ни с какой стороны не открывались двери, нигде не было пути к спасению. Несмотря на это, по крайней необходимости силой [своей] могучей руки он [продолжал] воевать с этим вероломным племенем, оказывать сопротивление этой толпе злонравных людей, напоминая [своим видом] свирепого льва с выпущенными когтями.

Месневи

Счастливый шах, могущественный Рустам,
Который был и копьеносцем и поражал палицей,
В шлеме из чистой стали на голове,
Украшенном жемчугами чистой воды,
С прекрасным, великолепным мечом на поясе,
Вселяющим страх в сердца храбрецов,
Облаченный в позолоченную кольчугу,
Не крокодил ли это в местах, изобилующих водами?
С арканом, крепко привязанным к седельным ремням,
С луком и со ста стрелами из белого тополя
Вступил на поле битвы храбрый муж,
В руках у него — [меч-]крокодил, под ним — [конь-]дракон.

Сколько он ни проявлял твердости на пути стойкости, [это] не принесло никакой пользы. Наконец один из отрядов этого великолепного войска [врагов] окружил его величество [Рустам-хана]. Его стащили с седла и бросили на землю, стрелой нанесли ему рану, и в конце концов он скончался от этой раны. Из этого дворца бренного мира он направился в прекрасный вечный райский сад. [Изречение]: «Нельзя избежать того, что предначертано судьбой, и нет средств против испытаний, [посылаемых] ею» [116].

Двустишие

Не отказывайся от повиновения [богу], а вырази
покорность,
Ибо воля в руках предопределяющего бога.

Да, на речном берегу власти и счастья не произрастал еще такой кипарис, который не склонился бы от урагана бедствий; на небе величия и

великолепия не сияло такое солнце, которое в конечном счете не подверглось бы бедствию затмения.

Р у б а ʿ и

Поскольку все, что есть в мире, [подобно] ветру,
Поскольку во всем, что существует, есть изъян
и разрушение,
То считай все, что есть в мире, несуществующим
И вообрази существующим то, чего нет в мире.

Его величество [Абдулла-хан], несмотря на это обстоятельство, тронул коня храбрости и, как саламандра, вошел в центр огня битвы. От накала битвы и жара сражения он воспламенился, как огонь, и пришел в ярость. || Однако волны битвы бушевали с такой силой, что невозможно 75а
было их усмирить, скопление орудий войны было таким, что [даже] часть их не умещалась в воображении старого и малого. Поэтому столпы государства и вельможи его величества [Абдулла-хана] из-за коварства немилостивой судьбы свернули ковер сражений и отказались от [игры в] нарды войны. Движимые сильной преданностью [хану], они взялись за поводья коня шаханшаха и не допустили его к [участию] в битве. В составе войска его величества [Абдулла-хана] они благополучно подняли знамя отступления. Переправившись через Джейхун, они двинулись в Балх.

Битва благородного хакана [Абдулла-хана] на берегу Аму, в местности Фараб, с султаном Саʿид-ханом и Дустим-султаном ибн Борак-ханом

Говорит посланник Аллаха, да благословит его Аллах, да приветствует: «Рай под сенью мечей» [117]. Благословенный хадис имеет следующий смысл, который выступает из-за завесы, словно луч солнца, освещающего мир. Владыка царства, всевышний и всесвятой [бог] помещает высокий рай под сенью блестящих, как молния, мечей справедливых хаканов, благодаря покоряющим мир мечам справедливых султанов раскрывает перед повинующимися божественным законам пророка врата наслаждения высочайшим раем. Из этих прекрасных слов вытекает следующее. Цветущее состояние дерева надежд и деяний зависит от капель, падающих из меча-источника, свежесть саженца упований и счастья зависит от реки сверкающего меча. Итак, достигает высоких целей тот, кто вступает на поле брани без страха и опасения; включает страны мира в сферу [своих] владений тот, кто на поле битвы не отворачивается от меча, [несущего] бедствия.

Ч е т в е р о с т и ш и е

Кто не поднимал меча, блестящего, как солнце,
Того судьба не осыпала золотом с ног до головы,
Ведь пока бутон не испытает мучений от терний
в розовом кусте,
Он не превратится в розу.

Подтверждением [изложенных] обстоятельств, приведенных слов служит положение дел великого и славного хакана [Абдулла-хана]. Суть этих слов в следующем.

В то время хакан, подобный Сулайману, [Абдулла-хан] по воле судьбы и из-за победы и господства мятежников вместе с несколькими братьями, такими, как Хусрав-султан, Мухаммад-султан, Дустим-султан, жил в Андхое и Шибиргане. Тогда Науруз-Ахмад-хан согласно [своему] обещанию передать управление Бухарой султану Сa'ид-султану с войском, числом большим, чем превратности судьбы, с армией, [многочисленной], как пески пустыни, не поддающейся исчислению и определению, в [ме-
75б сяце] раджаб 962/май—июнь 1555 года, что соответствует || году Зайца, напал на Бухару. Он окружил ее крепость, уподобив [ее] точке в [центре] окружности, и приготовил оружие и снаряжение для захвата крепости.

Месневи

Он так плотно окружил крепость,
Что закрыл проход ветру.
Когда он поднял знамя с решимостью завоевать
[крепость],
Он сделал тесным мир для людей внутри [крепости].

Когда осада крепости затянулась до трех месяцев, правитель Бухары Бурхан-султан ввиду таких чрезвычайных обстоятельств написал челобитную и направил ее к подножию высочайшего трона [Абдулла-хана] через мирзу Валиджан джалаира, который по иронии судьбы покинул счастливую свиту [Абдулла-хана] и перешел ко двору Бурхана. В ней сообщалось следующее: «Я — раб и слуга [государя. У меня], покорного, смиренного, от исключительной преданности к его величеству счастливому [хану] следующая просьба: чтобы он оказал покровительство несчастным, терпящим бедствия от небес, и [своей] безграничной, беспредельной милостью спас узников в крепости несчастья от пучины гибели. И если благодаря любезности его величества я избавлюсь от этих бедствий, то как вознаграждение за это я оставлю ему Бухару. Вдев голову желаний в кольцо повиновения, довольствуясь местом у коновязи [хана], проведу жизнь в рабстве».

Согласно этой [просьбе] его величество могущественный [Абдулла-хан] от великого рвения, сопутствуемый счастьем, под счастливой звездой, подняв победоносные знамена, направился к Бухаре. Мисра: Судьба — помощник [ему], звезда — путеводитель к счастью.

Это было в месяце рамазан упомянутого [962/1555] года, когда судьба от исключительной жары и сильного зноя напевно произносила [следующие] стихи:

Снова огонь солнца превратил Рака [118] в саламандру,
Он осветил цветник мира, уподобив [его] храму
огнепоклонников,
Не думай, что это искры злого скорпиона в дыму,
Красная сыпь покрыла тело дыма,
Позже, когда ночь превратилась в день,
Днем жар солнца выжег все на земле.

[Абдулла-хан] шел с тремястами всадниками, вооруженными мечами, мстительными воинами, каждого из которых можно было считать Рустамом или Исфандийаром.

Стихи

[Это —] войско, не испытавшее горечи поражений,
Войско, не испробовавшее яда бегства,

[Где] все имеют дело с острым копьем,
С разящим индийским мечом.
Конь под ними словно рыкающий лев,
Копье в их руках словно проворная змейка.

В числе [их] были эмир Турум дурман, Тардика-хан кушчи, Танишбий джалаир, Джангельди-бий утарчи, Аким мирахур, Аким-бий джалаир, Кулбаба кукельташ, Джултай-бий хитай, Дустим-бий чашм ва абру, племя которого тан-йарук, Бики-бий бахрин, мулла Килдиш маджар, Гандж-Али бахадур и другие. || Отряд не только отважный, 76а
но и преданный, войско не только одетое в кольчугу, но и [умеющее] разрывать кольчугу (букв. «железо»).

Месневи

С помощью владыки земли и мира
Хан выступил в сторону Бухары,
За ним шла рать отряд за отрядом,
Напоминая волнующееся море.

Переправившись через Джейхун у переправы Бурдалик [119], на следующий день они остановились в крепости Фараб [120]. В то время в крепости Фараб находился Дустим-Ходжа Саййид Атаи, ставленник (букв. «со стороны») правителя Бухары. Когда он узнал о вселяющем радость прибытии его величества [Абдулла-хана], от большой радости он преподнес ему достойные дары и подношения.

Его величество ночевал в этом месте, накормил коней. На следующий день во время полуденной молитвы с победоносным войском он отправился в Бухару.

Когда распространилась весть о переправе победоносного войска через Джейхун, Науруз-Ахмад-хан против победоносного хакана [Абдулла-хана], не имеющего себе равных, выслал Саʿид-султана и своего сына Дуст-Мухаммад-султана с тридцатью тысячами смелых всадников, храбрецов, подобных разъяренному льву, нападающему на волков.

Месневи

Испытанные в боях воины, все единодушны,
Все противостоят львам войны,
Смелый отряд, который в день битвы
Разверзал мечом пасть крокодила,
Войско, которое на поле брани в степи
Поднимало пыль.

Что касается Саʿид-султана, то он, повинуясь ханскому приказу, вместе с Дуст-Мухаммад-султаном забил в походный барабан и, опоясавшись поясом смелости, выступил против его величества [Абдулла-хана].

В первый день, когда [Абдулла-]хан, подобный Искандару, выступив в поход издалека, совершил переход, дозорные победоносного войска неожиданно настигли отряд воинов из вражеского войска и одного из них взяли в плен. Они повернули назад и привели его (т. е. пленного) к высокому порогу, великому двору [Абдулла-хана]. Когда [Абдулла-хан] спросил у него о положении противника, тот доложил: «Султан Саʿид-султан, Дуст-Мухаммад-султан по приказу Науруз-Ахмад-хана идут с огромным войском, беспредельной ратью против победоносного хана». Узнав об этом, некоторые эмиры, которые были столпами государства, опорой державы, уже в пути предложили государю, обладающему ясным умом, [следующее]:

«Положение такое, что дальше нам нельзя идти на врага. Повернув поводья назад, вернемся в крепость Фараб, ибо, если вражеское войско будет преследовать нас, она послужит нам укрытием при сражении». Ввиду того что его величеству могущественному [Абдулла-хану] были свойственны исключительное мужество, смелость, беспредельная храбрость и отвага, он не одобрил такой [план действий]. Заговорив чудесным языком, он изрек: «Будет слишком далеко от пути смелости, если мы отступим перед этой толпой, великой, как гора, и, повернув поводья реши-
766 мости, вернемся ‖в крепость Фараб. Несмотря на то что враги зажгли огонь мятежа, совершили нападение на нас, представляется наилучшим устремить [нам] коней смелости к ристалищу храбрости и, уповая на Творца всего сущего, вступить в бой с войском врагов». Некоторые могущественные эмиры, такие, как эмир Турум дурман, Тардика-хан кушчи, которые в те дни имели большую власть при дворе [Абдулла-хана], подобном [чертогу] Сатурна, эмир Джангельди, эмир Таниш джалаир, вновь соизволили сказать: «Враг очень силен, войско его безгранично, а наше войско насчитывает не более трехсот человек. Ввиду [его] крайней малочисленности представляется правильным проявить по отношению к врагу сдержанность и осторожность и снова переправиться через Джейхун». Его величество могущественный [Абдулла-хан], который всегда уповал на помощь вечного [бога], верил в безграничную щедрость господнюю, соизволил сказать:

Месневи

Когда по [воле] судьбы возникают затруднения,
Открывай к сердцу широкий путь, а не тесный проход,
[Существует] много трудностей, ключи от которых спрятаны,
Много неприятностей, в которых заложено спокойствие,
Хотя стрела печали терзает сердце,
Имеется кольчуга терпения на сегодняшний день.

Вследствие могущества, многочисленности врагов и незначительности победоносного войска не следует сажать дерево страха в цветнике сердца, подобном райскому. Следует вступить на путь стойкости ногами стараний и упований согласно тому, о чем вещает чудесно нанизанное слово всеведущего бога, да осуществятся его милости, да будут для всех его благодеяния: «Сколько небольших отрядов победило отряд многочисленный с дозволения Аллаха!» [121]. Следуя истинным словам, гласящим: «Не отчаивайтесь в утешении Божьем» [122], не должно терять надежды на дуновение зефира милостей господних, на благоухающий амброй аромат безграничных его милостей, а нужно тратить капитал могущества и власти на приобретение высоких качеств. Руководствуясь стихом Корана: «А кто полагается на Аллаха, для того Он достаточен» [123], следует вцепиться рукой упования в подол предания себя воле божьей, с тем чтобы, не испытывая сомнений, иметь возможность подняться на вершину могущества по лестнице постоянного счастья.

Стихи

У всякого, кто уповал на бога,
Надежды цвели, [словно] ранней весной.

Наконец великие, могущественные султаны [Абдулла-хана] направились к свите августейшего султана Хусрав-султана, подобного Хосрову [Ануширвану], и уговорили его, чтобы тот с мольбой обратился к его ве-

личеству [Абдулла-хану не вступать в бой]. [Хусрав-султан], взявшись за поводья коня его величества [Абдулла-хана], долго и настойчиво упрашивал [хана]. По этой причине его величество вернулся назад и, укрывшись в крепости Фараб, вручил поводья [своей] воли в длань могущества всесильного Творца. Когда победоносное войско повернуло назад, вражеское войско, узнав об этом, в ту же ночь шагами вражды и гнева устремилось по следам благородного государя.

[На следующий день], рано утром, единственный в своем роде всадник-солнце || появился на быстром пегом коне небосвода и, одержав победу над 77а
центром войск темноты, обратил в бегство полчища мрака.

Месневи

На другой день, когда властелин небосвода — солнце —
Поднял меч, рассыпающий золото,
От сильной жажды мести этот поджигатель
Омыл кровью [свой] лик, освещающий мир.

[В это время] вражеское войско, обойдя крепость Фараб, расположилось лагерем близ нее, с южной стороны. Не обращая внимания на победоносное войско из-за [его] малочисленности, [враги] разбили палатки, шатры и царские палатки. В это время его величество могущественный [Абдулла-хан] находился на стене этой крепости и наблюдал за войском неприятеля. Со стороны врагов первым подошел к крепости Тангри-Берди оглан и стал расспрашивать Дустим-ходжу о победоносном войске. Упомянув без всякого почтения известные, славные имена [мужей] этого счастливого отряда [Абдулла-хана], он сказал: «Перед ними такая [огромная] река, а мы позади, словно [большой] огонь. Непонятно, как можно спастись, [находясь] между огнем и водой». Эти слова сильно расстроили благородное сердце его величества, и он соизволил сказать: «Это высокомерие, которое он на себя напустил, с которым он поносил наших людей, надеюсь, очень скоро сменится унижением, войско врагов утонет в пучине небытия и будет сожжено огнем горести».

Месневи

Кто дружит со злом,
К тому оно и вернется в один прекрасный день.

Словом, когда султан Саʿид-султан с прочими врагами стал лагерем около той крепости — [Фараб], украшающие мир мысли его величества [Абдулла-хана] остановились на том, чтобы без промедления, тронув коней смелости, выйти из крепости и вступить в бой с этим огромным войском [противника]. Однако некоторые столпы государства, вельможи его величества [Абдулла-хана], которые начинали дела с осторожностью, уподобившись стременам, упали к ногам его величества всемогущего властелина и сказали: «Представляется далеким от требований разума, свойства ума воевать с таким стремящимся к мести войском [противника], ибо число людей в победоносном войске не превышает трехсот человек [124], численность же вражеского войска беспредельна, безгранична». Его величество [Абдулла-хан], подобный Искандару, поневоле вновь обратившись к Творцу с просьбой о помощи, заговорил языком, рассыпающим перлы [слов], и соизволил сказать: «Помощь — только от Аллаха, великого, мудрого» [125]. Смысл коранического слова-чуда, содержание мудрого коранического стиха, [ниспосланного] богом, сводится к тому, что победная реляция державы украшается блестящей тугрой о победе только с помощью пера великого бога.

С т и х и

Кто, проявляя старания, стремится к счастью,
[Пусть знает], что счастье и власть не зависят от умения,
Кто владеет [высоким] саном, свитой и царством, [пусть знает],
Что это [досталось ему] исключительно благодаря помощи небесной.

М и с р а: Если судьба кого-либо [считает] другом, питает к кому-
либо расположение, * для [такого человека] малочисленность или мно-
77б гочисленность войска || не имеет столь [важного] значения. Часто случа-
лось, что войско столь же многочисленное, как волны моря, как листья
деревьев, рассеивалось в разные концы света от войска малочисленного,
как листья на деревьях осенью или как капли апрельского дождя. Будем
надеяться на беспредельную милость, безграничную помощь раздающего
дары [бога], не отнимем руки надежд от подола вечного счастья, [согла-
сно стиху]: «А когда ты решился, то положись на Аллаха» [126]. М и с р а:
Ведь господь — помощник немощным.

Когда столпы государства увидели на ясном челе его величества [Аб-
дулла-хана] признаки мужества, свидетельства смелости и храбрости, все
они единодушно и единогласно языком обстоятельств произнесли эти слова:

С т и х и

[Прижав] руки к сердцу, мы стоим перед возлюбленной,
Мы стоим, чтобы с удовольствием оказать [ей] посильную помощь.

Его величество могущественный [Абдулла-хан] из слов этой группы
людей, величественных, как Рустам, узнал о единодушии, единогласии
их, [людей], каждый из которых походил на крокодила в бурной реке, на
леопарда в чаще битв и сражений. Тогда он приказал, чтобы мстительное
войско, храбрецы, разящие врага, сбивающие с ног людей, приготовили
себе оружие для битвы и сражения, боеприпасы и снаряжение. М и с р а:
Все львы в чаще битвы. * [Хан приказал], чтобы [воины], ухватившись
руками воздержания от греха за прочный канат упования на бога, силой
крепких рук подняли знамена в сторону врагов государства.

С т и х и

[Не было случая], чтобы севшему на коня упования на бога
Не удалось добыть птицу счастья.

[Утром], во время султанского завтрака [127], солнце вынуло из ножен
алый меч и подняло щит цвета киновари над желто-зеленым небом.

С т и х и

Когда владыка Чина (солнце) показал на горизонте китайское
зеркало,
С зеркала небосклона сошла ржавчина, нанесенная шахом темноты.

Тогда всадники ристалища смелости, храбрецы поля битвы и [проявления] отваги, [взяв] рубинового цвета щиты, стали похожими на букет роз, [подняв] копья и мечи, обрели сходство с бутоном или ивовыми [листьями], надев каски и шлемы, уподобились тюльпану и нарциссу.

С т и х и

Один повесил на свои красивые плечи лук,
Другой покрыл щитом благоухающие амброй волосы,

Один скрыл под забралом [лицо], подобное лилии, [губы, похожие] на цветок,
Другой шлемом прикрыл волосы и глаза.

От страха перед натиском [этого] войска сердце в груди солнца на небе, растаяв, обливалось кровью. Прославленные воины [войска хана], [в котором] все с чистой, как вода и огонь, душой, со светлым взором, в битве и сражении непоколебимые, как земля, и стремительные, как ветер, привели в порядок оружие и снаряжение.

|| Султан [Хусрав], подобный Хосрову [Ануширвану], который является всадником ристалища храбрости, наездником степи проявления мужества, вдев ноги в стремена покорения мира, повернул поводья рукой решимости и первым [выступил], подобно солнцу. 78a

Стихи

Когда он тронул коня,
Казалось, взошло утро счастья,
На этом коне, [быстром], как ураган,
Не Сулайман ли это?

Он обратил лицо решимости, подкрепленной велением судьбы, на истребление врагов. [С ним был] отряд из вельмож и слуг, [таких, что] быстрый гонец неба (ангел) не смог бы угнаться за пылью, [поднятой] подковами их коней, а солнце на небе не было в состоянии пробиться сквозь пыль, [поднятую] копытами их коней. Он вышел из городских ворот и поднял руки храбрости. Султан, подобный Искандару, [Хусрав-султан] остановился против врагов.

Месневи

Авангард и арьергард, правый и левый [фланги] войска
Он построил надлежащим образом.

С той стороны султан Са'ид-султан вместе с Дуст-Мухаммад-султаном также начал приводить в готовность войско. Растерянный и взволнованный, он выстроил ряды своих войск и стал на стоянке битвы.

Стихи

От пыли, [поднятой] всадниками, образовалось облако в воздухе,
Засверкали мечи и сталь, подобно молнии.

А вслед за ним выступил его величество [Абдулла-хан], повелевающий, как Искандар, который ударом меча, подобного огню, на поле битвы зажигал огонь мести в сердцах врагов, острием стрелы, пробивающей кремень, [снимал] ожерелье Плеяд и прикреплял [его] к поясу Близнецов, искрами от блестящего копья сжигал сердце Канопуса. Он — шах, [о котором говорится]:

Месневи

[Своим] величественным видом он вызывает возглас [удивления] судьбы,
[Своими] поводьями он понукает бег времени.

Этот шах, облаченный в кольчугу храбрости, со шлемом победы на голове, [впереди] отряда смелых мужей, где все походили на море, одетое

в кольчугу, или были подобны небу, облаченному в кольчугу, поспешно выступил из городских ворот и повернул поводья счастья в сторону поля битвы.

Месневи

Этот государь, подобный Джаму, достоинством Искандар,
По положению подобный Сулайману, порог которого — небо,
Сел на коня, [мощного], как ураган,
Сильного, как гора, быстрого, как ветер.
Надел на голову шлем, [сверкающий], как жемчуг,
Украшенный несчетным числом рубинов и жемчугов.
Он опоясался кинжалом с золотой насечкой,
На котором начертано: «Помощь от Аллаха» [128],
Поверх кафтана он надел кольчугу,
Кольца которой напоминают кольца локонов красавиц.
Он выступил из городских ворот для битвы,
Вокруг него сильные, великолепные всадники.

Когда войска [обеих] сторон встретились, его величество могущественный [Абдулла-хан], поставив Дустим-султана возле знамени, приказал Хусрав-султану совершить нападение. По приказу прославленного во [всем] мире повелителя победоносный Хусрав-[султан] вывел быстрого, как огонь, коня. По той легкости, с какой скакал этот [конь], было [видно, что ему] тесны просторы земли.

Месневи

Внизу он как ветер, наверху словно туча,
Быстрый, как рыба [в воде], смелый, как тигр,
78б || [Он] горячее, чем чувства в сердце [влюбленного],
Он стремительнее, чем мысли мудреца.
Если случается ночь и ты спешишь отправиться в путь,
Проехав рысью день, достигнешь [цели],
Во время бега этот [конь] с подвязанным хвостом
[Летит], едва касаясь копытами земли [129].

[Хусрав-султан] выступил с отрядом храбрецов, одетых в латы, с воинами, жаждущими мести, и, воинственно крича, устремился на ряды войск Дуст-Мухаммад-султана.

Месневи

Храбрый шах, стремительный в бою,
Внушительным видом напоминающий тигра, стремительностью — леопарда,
Закричав, словно рыкающий лев,
Вступил на ристалище мужества и храбрости.
На голове у него инкрустированный золотом шлем,
Сверкающий, словно солнце на небе,
С головы до пят он одет в кольчугу,
В руках у него меч, блестящий, как молния.
Издав боевой клич, разнесшийся во все стороны,
Он тронул коня, объехавшего [весь] мир.

Авангард войска его величества [Абдулла-хана был] крайне малочислен. Он насчитывал не более тридцати человек. [В их числе были] Шах-

Дарвиш бахадур, Тинай бахадур, Дустим-бий чашм ва абру, Джан-Хасан чухра-агаси, Дустим чухра-агаси, Кулбаба кукельташ, Турди кушбеги, Турсун-Бабай Сухи, мирза Мухаммад-Йар, Гандж-Али бахадур, Ходжам-Кули бахадур. Они тронули коней решимости и ринулись на великолепные ряды войск султана Саʿид-султана. Они устремились на ряды войск врагов и многих из них свалили на землю гибели. Обнажился меч для [похищения] душ трусливых и затопил [их] в море крови. Птица души выпорхнула из клетки тела и покинула дорогую жизнь.

Месневи

Когда герои тронули коней,
Ходуном заходила земля,
Под подковами коней растрескалась земля,
Дрожь охватила тело земли.
Раздался звук трубы,
Мир наполнился грохотом медного барабана,
Среди пыли ослепительный блеск мечей
Напоминает молнию, сверкающую среди облаков.
От множества голов, упавших под ноги коней,
От [пролитой] крови копыта быстроногих коней уподобились рубину.

Поверхность земли на этом страшном поле битвы от крови смелых мужей приняла цвет рубина чистой воды. От множества убитых равнина поля битвы приобрела сходство с горами и холмами. От блеска мечей, сверкающих, как молния, ослепли воспаленные глаза врагов.

Месневи

С обеих сторон войска напали друг на друга,
Крики всадников вознеслись до луны,
Все вынули из-за пояса мечи,
Подобные молнии в грозовой туче,
Вспыхнул [такой] ослепительный огонь битвы,
Что язык потерял способность произнести слово,
У всадников в руках чачские луки,
Со всех сторон они пускали стрелы из белого тополя.
Стрелы летели прямо,
||Их пускали так точно, что они расщепляли волосок. 79а

Хусрав-султан расстроил находящееся против него [вражеское] войско и оттеснил его к центру [армии] султана Саʿид-султана. Авангард войска его величества [Абдулла-хана], одержав полную победу, вернулся обратно и остановился у счастливого стремени его величества.

В это время [Абдулла-] хан, величественный, как Искандар, несмотря на то что его священная рука из-за раны еще была на перевязи, ухватился рукой за чудо — помощь господа, за его великое покровительство. Наподобие грозного льва, который пренебрегает стадом газелей, или высоко летающего орла, который не удостаивает вниманием стаю куропаток, он вступил в битву с султаном Саʿид-султаном. Его Борак был подобен молнии, саламандре в огне сражения, казался вздымающимся языком пламени; его меч, подобный дракону, плавал в море битвы, как крокодил, и погружал в пучину небытия корабль жизни врагов. От его сабли, блестящей, как молния, подобно солнцу, освещающему мир, исходил свет во все стороны; блеск его копья, похожего на дракона, уподоблял бадахшанскому рубину мелкие камни на поле брани.

Месневи

Шах, подобный Искандару, обладающий благодатью Джамшида,
Победоносный, похожий на Фаридуна,
Двинулся с решимостью воевать,
Острый меч его и знамя сверкают, как солнце,
Кольчуга его сделана из такого [блестящего] железа,
Что Искандар из него мог бы изготовить зеркало.
На голове у завоевателя мира был такой шлем,
Что Джамшид превратил бы его в чашу, показывающую мир.
Он покрыт кольчугой, [которая привыкла видеть] мятежи,
Кольчугой, [у которой] кольца [словно] глаза Меднотелого (Исфандийара).
Лезвие его меча из дамасской стали, порождающего смуту,
Расставило сети для охоты за душами.
Сверкающим обоюдоострым мечом он вознамерился проливать кровь,
Вихрем [атаки] усилил огонь войны.
На поле брани поднялась такая пыль,
Что потемнело небо, а земля [стала просить] о милости [бога].
Его копье на месте боев
Сообщило сердцу весть языком смерти.
В результате битвы перед врагами
Ключ-меч раскрыл врата смерти.
Смерть перед его мечом, как охваченные горем [люди],
Стала заступником за жизнь несчастных.

При этих ужасных обстоятельствах смелый хакан [Абдулла-хан], уповая на помощь и покровительство предвечного (бога), лично направился на врагов и ураганом мщения вырвал с корнем жизнь многих. Посреди поля битвы он бросал головы храбрецов [противника так], как [бросают] мяч кривым концом чоугана. Несмотря на то что султан Саʿид-султан выстроил один за другим несколько отрядов, его величество [Абдулла-хан] с величайшей храбростью и исключительной смелостью прошел через все ряды войска [противника] и, вновь повернув победоносные поводья, направился к знамени неприятеля.

Месневи

Он носился на поле битвы,
Как лев, который во время охоты валит газель,
Везде, где он действовал мечом,
Он рассекал одного надвое, двоих — на четыре части.

79б Войско врагов все разом ‖ выпустило из гнезда луков быстро летящие птицы-стрелы. Оно сразу принялось выпускать стрелы таким образом, что от страха перед проливающими кровь стрелами Марс, яростный в мести, на желто-зеленом небе закрыл лицо золотистым щитом солнца, от безмерного страха, ужаса побледнело лицо Джамшида-солнца, оно задрожало так же, как его отражение в воде.

В это время стрела, которая должна была поразить сердца врагов, от зловещей руки какого-то несчастного [воина] попала в здоровую руку его величества [Абдулла-хана]. Несмотря на это, властелин, подобный Искандару, добрался до знаменосца [противника] и свалил его с седла на землю. Кроме того, во время битвы произошло столкновение между его величеством и Таваккул-бий дурманом, человеком очень большого роста. Победоносный хан ножом, который был у него в руке, так [сильно] ударил его в пах, что тот упал с коня величия на самое дно покорности.

Пишущий [эти] строки слышал от муллы Килдиша, который был одним из старых храбрых воинов его величества [Абдулла-хана], следующее: «В то время, когда могущественный хан напал на ряды вражеских войск, семь человек из них он свалил с коня могущества на землю унижения. Как только знамя власти врагов упало с высоты величия на землю позора, ряды их войска, которые были стройны, как ожерелье Плеяд, разомкнулись и расстроились, обретая сходство с Большой Медведицей».

Месневи

Когда засверкал его меч, как солнце,
Враги обратились в бегство, словно звезды [на заре].
Великий государь, которого охраняет божья помощь, разгромил
С небольшим войском такую огромную армию:
Кому бог оказывает помощь,
Тот не нуждается в помощи войска.

Словом, как бы султан Са'ид-султан ни стоял твердо ногами упорства на пути распри, он не видел [в этом] пользы. Поэтому он выпустил из рук поводья быстроногого коня и с большой горечью и болью вытащил свою сладкую жизнь из этой кровавой долины на берег [спасения].

Много людей из вражеского войска было захвачено вместе с большим количеством снаряжения и военной добычей. Из великих эмиров [Са'ид-султана воины Абдулла-хана, выставив] на позор, заключили в оковы Таваккул-бий дурмана, Тангри-Берди оглана, Курак бахадура, Джан-Пулад бахадура ушуня и других и привели их к подножию трона могущественного покорителя мира, хакана халифского достоинства [Абдулла-хана]. По приказу [хана], достойного почитания, они предали смерти этих двух несчастных (Таваккул-бия и Тангри-Берди оглана).

Месневи

Когда на этом поле битвы враг потерпел поражение,
Войско его было разгромлено,
Один бросил на дороге колчан,
[Сам] стоял на месте, словно птица, лишенная крыльев.
Другой убегал от лука, как быстрая стрела,
Бросив во время бегства стрелы и лук.
Все вражеское войско в смятении,
В еще большем беспорядке, чем локоны красавицы.
Все усталые, [многие] убиты, взяты в плен,
[Все] ограблены, убиты или пленены.
|| Врагу шаха, покровителя веры, с помощью сотни хитростей 80а
Удалось выбраться живым с этого поля битвы.
С сердцем, обливающимся кровью, он вернулся с поля битвы,
[Куда] вступил он сильным, а вышел слабым.

Когда счастливый хакан [Абдулла-хан] увидел картину победы и торжества в зеркале [своих] упований, он запретил [своему] войску убивать [людей], потерпевших поражение. Он перечеркнул страницу их проступков чертой прощения и никому не позволил преследовать [их].

Месневи

Когда он увидел смиренность и страх их,
Он помиловал их ввиду их плачевного состояния.

Остатки войска [противника], разбитые и расстроенные, выбрались из этой пропасти и пришли к главной ставке жестокого хана Науруз-Ахмад-хана. Борак-хан гордился множеством орудий, доблестью и великолепием, большим числом [своего] войска. Во всем величии и великолепии, [имея] множество оружия и великую славу, он проявлял [образцы] мужества. Несмотря на это, перед счастьем и величием подобного небу [Абдулла-]хана сердцем его (т. е. Борак-хана) овладели страх и ужас, слава государя и наносимые [им] удары вызвали у него страх и дрожь. Без промедления он снял осаду Бухары и, не достигнув цели, направился к своей резиденции.

После того как [Борак-хан] прибыл в Самарканд и вступил на царский трон, он заключил в оковы султана Сa'ид-султана и из-за крайней вражды [к нему] отправил его к Рашид-султану в Карангутаг [130], который является подвластным Кашгарскому вилайету.

Рассказ о первом восшествии его величества [Абдулла-хана] на высокий трон, на престол величия в стольном городе Бухаре. Об уходе [хана] из этого вилайета в начале [царствования] по воле судьбы

После того как султан Сa'ид-султан потерпел поражение от победоносного войска [Абдулла-хана], его величество по просьбе Бурхан-султана решительно направил поводья в сторону Бухары. Узнав о выступлении великого, могущественного войска [хана], Бурхан-султан вывел навстречу хану, не имеющему себе равных, всех великих и знатных людей, торговцев и прочие слои населения и сам вслед [за ними] поспешил [к хану] шагами покорности. В местности Шахр-и Ислам [131], откуда до города будет один могольский [фарсах] [132], он удостоился высокой чести встретиться [с ханом]. Сурьмой из драгоценных камней праха у ног его величества он придал блеск очам счастья, помутневшим от пыли мятежа величественных и могущественных врагов. Он удостоился исключительной чести облобызать благословенные ноги [хана] и поднял голову гордости до зенита величия. Испытывая [чувство] радости, [надеясь] удовлетворить различные желания, он ввел его величество [Абдулла-хана] в город и посадил на трон величия. Проявляя знаки уважения и почитания, исполняя долг прославления и возвеличения [хана], он напевно выразил свое состояние следующими словами:

С т и х и

Ты пришел, о свеча, и превратил собрание в цветник,
Ты явился пред моими очами и осветил мой дом.

80б После того как [Бурхан-султан] исполнил долг служения, || повиновения и послушания, он преподнес в виде дара его величеству [Абдулла-хану] купол ислама — Бухару, а сам повернул поводья в сторону Каракуля [133], который является подвластным упомянутому городу (Бухаре).

Когда взошло солнце победы и торжества на востоке [божьей] помощи и счастья, такой [славный] вилайет [был включен] в сферу владений его величества могущественного [Абдулла-хана], оказался под его властью. Его величество благодаря немеркнущему счастью и благоденствию, довольный и счастливый, утвердился на царском троне; устройство дел, упорядочение дел, касающихся народа, он нанизал на нить узаконения.

Стихи

Устойчивость положения дел в мире, устройство дел мира
Осуществились благодаря счастью государя [всего] мира.

Очи жителей тех земель, молодых и старых, сильно просветлели от [тутии] — пыли, [поднятой ханским] войском, могущественным, как небо. Ущерб, который был нанесен из-за беспорядка в делах судьбы достойным ученым и улемам во время [правления] того несчастного (Бурхана), был полностью устранен благодаря царским милостям и государевым дарам.

Месневи

Когда [хан] воссел на трон величия и славы,
Он закрыл двери мятежа перед подданными,
В дни этого благочестивого и справедливого шаха
Исчезли из мира признаки мятежа.

Прошло некоторое время после этих радостных событий, и поверхность страны украсилась счастьем от справедливости и доброты его величества по отношению к подданным, а правитель Бухары, по [своей] наглости забыв долг [перед ханом] за столь [большую] милость, вновь снял с шеи ярмо повиновения [хану], вступил на путь измены и мятежа. От паров самомнения в атмосфере его мозга образовалась туча спеси и кичливости, так что, нарушив договор, он покинул долину покорности стопами наглости. От гордыни он разомкнул руки насилия. Он собрал войско, враждебное [хану], войско быстрое, проворное в бою, и, подняв стяг мятежа, возжаждал независимости [от хана]: забив [себе] голову желанием мятежа, он направился из Каракуля к городу [Бухаре].

Месневи

Злонамеренный [султан] собрал войско и рать
Для сражения, намереваясь воевать,
Он направился к городу [Бухаре] со своим войском,
Его мозг и голова полны спеси и самомнения.

Когда распространилось известие о его дерзости и луч этого события засверкал в галерее неусыпных мыслей его величества [Абдулла-хана, в нем] разгорелся огонь негодования, и [это] послужило причиной решения [хана] отомстить [Бурхан-султану]. Он приказал, чтобы [его] войско, убежище победы, приготовившись к битве и сражению, собралось у стремени августейшего [хана].

[Абдулла-хан] своей высокой персоной выступил вместе с другими родичами и братьями и, подняв победоносное знамя, повернул лицо высоких помыслов в сторону врага державы.

Месневи

Храбрый шах, величественный, как Искандар,
Сильный, могущественный, смелый,
|| Повесив меч наказания для отмщения [врагу], 81a
Выступил из города, чтобы напасть на врага.

Когда Бурхан-султан узнал о выступлении хана, Сулаймана по достоинству, он, не в силах противостоять [хану], повернул поводья коня в сторону крепости Рамитан [134], [входящей в один] из туманов Бухар-

ского вилайета. Объятый страхом и ужасом [перед ханом], он укрылся в этой разрушенностй крепости, от сильного страха он приказал восстановить башни и стены ее.

Согласно приказу [Абдулла-хана его] победоносные войска окружили крепость и, обратив лик силы и могущества к крепости, сразу зажгли огонь битвы, огнем блестящих мечей, блеском сверкающих копий они предали огню многих проворных и презренных врагов.

Месневи

Войска начали сражение,
Под звуки барабана бросились в атаку,
Во время сражения, словно весенний дождь,
Сыпались камни и стрелы из этой крепости,
Будто эта крепостная стена превратилась в дождевую тучу,
Из которой [вместо] града пролились камни, [вместо] дождя — стрелы.

В этот день [со стороны войска хана] воинственные храбрецы и воины, покоряющие крепости, подоткнув за пояс подол смелости, целый день цеплялись за подол стен крепости, хотя со стен летели камни и несчетное количество стрел, наподобие капель весеннего облака.

Природа некоторых людей, даже природа всех людей в отношении склонности к измене [согласуется с изречением]: «Ведь он был обидчиком, неведающим» [135]. Поэтому к вечерней молитве, когда всадник голубого неба торопливо огибал западную башню и черные полчища ночи одержали победу над центром войск румийцев (т. е. солнечных лучей), отряды войск [ханской] свиты, группы слуг [хана] вступили на путь измены. Бухарские воины поодиночке ушли от священного порога его величества [Абдулла-хана] к врагам.

После этого события его величество [Абдулла-хан], достоинством Искандар, по требованию времени снял осаду с крепости Рамитан и поспешил в город [Бухару]. Силой [своего] совершенного ума и благодаря проницательности он понял следующее: сообразуясь [с пословицей] «Дела связаны со временем» [136], необходимо некоторое время мириться с судьбой. [Надо ждать], пока не настанет благоприятный час для могущества, власти, величия и славы. [Надо ждать того момента], когда здание и устои величия и могущества врагов придут в упадок и явят собой долину разрушения. [Он был уверен], что наступит время, когда взойдет звезда [его] счастья в зените величия и он, как Марс, мечом мщения истребит врагов страны надлежащим образом, «и это для Аллаха не велико» [137].

Месневи

Цена яхонта оттого велика,
Что он извлекается из камня [упорным], длительным [трудом].

По этой же причине Абдулла-хан не остался в городе [Бухаре], а, подняв знамена выступления, направился в Балх.

На опыте, который является зеркалом, [отражающим] доселе неведомое, свидетелем существования лучей [божественного промысла], с самого начала он убедился в следующем. Когда владыка царств, да бу-
81б дет велико его владычество, || захочет возвести трон благоденствия какого-нибудь счастливца до макушки Фаркада, вознести престол его власти на четырех высоких столпах, сначала он неизбежно [подвергнет] его государство [опасности] неожиданных мятежей и необычайных перемен.

Сначала перенеси трудности, ибо вершины трона власти
Йусуф достиг после тягот, [перенесенных] на дне колодца [138].
Хорошо государство того, кто познал и взлеты и падения,
Государство, [возвышающееся] быстро, скоро приходит в упадок.

[Рассказ о том], как его святейшество ходжа Джан-ходжа видел во сне его величество [Абдулла-хана] и услышал от их святейшеств своих предков истолкование его (т. е. сна), но скрыл это

Всемогущая воля великого [бога], да будет славным имя его, на лбу какого-нибудь счастливца чертит отличительные знаки благоухающим амброй пером, согласно [хадису]: «Начертало перо то, что существует» [139]. [Божья воля] украшает нарядом радости дерево [счастливца, согласно словам]: «Мы сделали тебя наместником на земле» [140], [облачает в наряд] из сокровищницы [слов]: «Кто дал каждой вещи ее строй, а потом вел по пути» [141], возлагает на голову того [счастливца], поднимающуюся до Фаркада, корону, украшенную драгоценными камнями [слов]: «Аллах дарует Свою власть, кому пожелает» [142]. До того, как произойдет это, [божья воля] превращает зеркало души, блестящее, как солнце, поверхность чудодейственного сердца какого-нибудь великого мужа, которым придан блеск милости господней, в место отражения неведомых тайн, в место восхода несомненно существующих [божественных] лучей. [Хадис] гласит: «Хороший сон — одна сорок шестая часть пророчества» [143]. Во время сна, который для государя в действительности является бодрствованием, в зеркале [его] сердца, подобного солнцу, показалась картина величия и славы, могущества этой звезды в зодиаке совершенства. Оком проницательности надлежащим образом он угадал положение дел в [мире] в будущем.

Цель изложения этого повествования, написания этого рассказа заключается в следующем. Пишущий [эти] строки услышал [этот рассказ] от его святейшества высокодостойного, высокостепенного [ходжи], точки [в центре окружности], поставленной [циркулем] шариата, точки [в центре круга, проведенного] циркулем хакиката [144], Каабы святых, кыблы для идущих по пути истины, лучшего по благодеяниям на путях истины, вождя народов в познании бога, да освятит Аллах тайны их, известного в народе [по имени] ходжа Джан-ходжа, да приветствует его Аллах, да увековечит его [имя], то есть ходжа Абд ал-Вали ибн ходжа Абу Наср ибн ходжа Абд ал-Малик ибн ходжа Абу Наср ибн ходжа Мухаммад Парса. Его святейшество соизволил сказать: «По подстрекательству группы эмиров и порицаемый [другими], я выступил из Бухары и направился в Балх, чтобы встретиться с прославленным Пир-Мухаммад-ханом. Через несколько дней после этого хан, повелевающий, как Искандар, Абу-л-Фатх Абдулла бахадур-хан по воле судьбы также повернул поводья [и выехал] из Бухары. Он переправился через реку Джейхун и поспешил в Балх к своему дяде, благодетельному государю [Пир-Мухаммад-хану]. При встрече с его величеством [Абдулла-ханом] от неприязни, которую я таил в сердце по отношению к нему, я оказал ему меньше уважения и почтения, [чем следовало]. В ту же ночь я видел во сне, как будто явились к [этому] бедняку двое из [его] предков и с упреком изволили сказать: „О сын, почему || ты не заботишься об уважении и почтении к нему, 82а
ты не удостоил вниманием того, кто заслуживает почитания. Смотри, не будь [невнимательным] к нему в этой пустыне, ибо все ходжи, да будет над ними милость и благословение [Аллаха], почитают его величество [Абдулла-хана] так же, как Убайдулла-хана, даже больше, чем послед-

него; они вложили в его достойные и умелые руки бразды правления". Услышав этот рассказ, некоторое время я провел в раздумье. Они вновь изволили сказать: „Что ты стоишь? Ведь разница между этими двумя государями лишь в именах, ибо [слово] „убайд" лишь на одну букву больше, чем слово „абд" („раб")".

Когда я проснулся, я окончательно удалил из сердца неприязнь, которую я питал к его величеству [Абдулла-хану]. Ввиду того что он (Абдулла-хан) относился к благословенному роду их святейшеств ходжей с исключительным доверием и преданностью, [связывал с ними свои] заветные мечты, я рассказал ему этот сон. После того как [хан] узнал об этом радостном предзнаменовании, в нем возросла радость в связи с получением приятного известия и [вера] в необходимость просить помощи у всевышнего Творца и у великих святых, в нем чрезвычайно укрепилась надежда на милость бога, на силу безмерной поддержки его».

В слабую голову бедняка (т. е. автора) запала мысль [о том, что] слово «убайд» на одну букву больше, чем [слово] «абд», однако поскольку эта буква слабая, то она не принимается во внимание. К тому же, согласно хадису пророка, слову избранника [бога Мухаммада], мир ему, «лучшее имя — Абдаллах»; слово «Абдаллах» имеет превосходство над [словом] «Убайдаллах», и оно предпочтительнее. Иными словами, слово «убайд» при обозначении понятия «убудийат» («рабство, покорность») выражает уменьшительность, уничижение по отношению к слову «абд» («раб»), то есть «убайд» является уменьшительной формой от слова «абд». Следовательно, «абд» является корневым словом, а «убайд» — производным. Таким образом, при словообразовании «абд» является основой, а добавлением к основе новой буквы [получается] производное слово, преимущество же основы перед производным словом бесспорно. Или еще. Когда великий Иса, предтеча нашего пророка [Мухаммада], да будут ему самые лучшие, искренние молитвы, в младенчестве, в колыбели ключом, [открывающим] путь к божественной истине, открыл замок молчания в яхонтовой шкатулке, с божьей помощью заговорив языком, рассыпающим жемчуг, рассеивающим драгоценные камни [слов], он изволил сказать: «Подлинно я „Абдаллах" („раб божий")», а не сказал: «Подлинно я „Убайдаллах" („ничтожный раб божий")». Или еще. Слово «абдаллах» в начале имеет букву, огласованную фатхой, а «убайдаллах» в начале произносится с даммой [145]. Буква, огласованная фатхой в начале этого слова, указывает на то, что с самого начала, когда хан, прибежище веры, подняв победоносные знамена, твердо решится [на поход] для разгрома, покорения великих врагов, при первом же нападении [ему] откроется лик победы [146], [скрытый] под покрывалом стыдливости. И еще. Господь великий, услышав весть о выражении покорности [ему] его святейшеством, прибежищем пророческой миссии [Мухаммадом], сказал: «И когда поднялся раб Аллаха, взывая к Нему. . .» [147]. Всевышний бог назвал своего пророка Абдаллахом, вложив в это глубокий смысл и [имея] великое множество причин. В преданиях [о Мухаммаде] написано, что его святейшеству пророку никакое другое имя, кроме «Абдаллах», не подходит, ибо так, как его святейшество исполнял условия [совершения] молитвы,
82б [выражения] покорности и преданности [богу], || никто не был в состоянии исполнить. И, естественно, во время вознесения [Мухаммада] в обиталище ангелов он получил это имя, ибо [в Коране сказано]: «Хвала тому, кто перенес ночью Своего раба» [148]. Когда он (бог) ниспослал Коран по небесным ступеням, тот (Мухаммад) помянул его (бога) следующими словами: «Благословен тот, который ниспослал различение Своему рабу» [149].

Месневи

Тот раб был образцом [выражения] покорности ему,
Среди всех рабов он является избранным,
Отличив среди своих рабов, [бог] дал ему такую дорогу,
Какую не видел ни один шах.

Рассказ о прибытии его величества [Абдулла-хана] в Каракуль по просьбе эмиров племени кунграт, об окружении [им] Бораккана и Бурхан-султана, о заключении им мира [с ними], о его уходе [из Каракуля] по требованию времени, по воле судьбы

Для людей опытных ясно и очевидно, что всякой великой державе, высокое знамя славы и больших свершений которой украшено и вышито великолепной тугрой прочности и стойкости, в начальный период неизбежно [приходится испытать] различные трудности и невзгоды, всякого рода бедствия и мятежи, [как гласит хадис]: «Рай окружен неприятностями» [150]. Ведь освещающая мир луна, пока не преодолеет немощь и трудности [пребывания] в состоянии новолуния, она не достигнет полнолуния. Пока красная роза в течение нескольких дней не испытает тесноты в бутоне, зефир, благоухающий амброй, не будет осчастливлен ее ароматом, ибо [пословица гласит]: «Величие достигается [лишь] в результате изнурительного труда» [151].

Цель написания этих изящных фраз и изложения этих основных мыслей заключается в следующем.

Хан, величественный, как Искандар, [Абдулла-хан] некоторое время пребывал в Меймене [152] и Чечекту [153], занимался всем тем, что было необходимо и соответствовало его высокому положению и власти. Благословенный хакан Пир-Мухаммад-хан проявлял все свое старание для того, чтобы его величество [Абдулла-хан] достиг [своих] желаний и уладил наилучшим образом важные дела. Однако [Абдулла-хан, находясь во власти] высоких помыслов и стремлений, не обращал никакого внимания на такие вилайеты, [как Меймене и Чечекту].

Стихи

У него важные дела, величие их бесконечно,
И самое ничтожное дело его больше, чем [весь] мир.

Стихи

Для любви нужны высокие помыслы, иначе
Как пылинка [могла] бы стремиться к высокому солнцу.

Все время в благородном сердце [Абдулла-хана] жила мысль о том, чтобы, подобно государю небесной сферы, то есть щедрому владыке-солнцу, обнажив меч, инкрустированный золотом, включить в орбиту своей власти весь мир и, подобно утру, освещающему мир, светом справедливости озарить вселенную от востока до запада.

Стихи

Высокие стремления приведут тебя к величию,
Не ищи другой лестницы, чтобы подняться на этот купол величия.

Суть этих слов следующая.

Ранней весной упомянутого (962/1555) года войско зелени и пахучих трав завоевало просторы садов и цветников, а прелестный султан весны водворил на вершину гор красное, как рубин, знамя из тюльпанов.

Четверостишие

Оттого что законы султана весны справедливы,
Его зеленые [полчища] завоевали просторы земли.
Везде он снаряжал войска из зелени,
Благодаря его прибытию мир превратился в рай.

83а || И тогда в доблестном войске Бухары поднял голову вражды Халкманбий дурман. Он отложился от Бурхана и направился к Каракулю. Некоторые тамошние эмиры, такие, как Джангельди аталык кунграт, его брат Халкман аталык, Тангри-Кули хитай и другие, каждый из которых по мужеству и отваге был единственным и непревзойденным для [своего] времени, вследствие кое-каких недостойных дел и неподобающих слов, постоянно исходивших от Бурхана, объединились и захватили крепость Каракуля. Отправив челобитную к подножию трона государя — покорителя мира [Абдулла-хана], они просили [его] почтить [их своим] прибытием. Его величество [Абдулла-хан], посоветовавшись со столпами государства, удовлетворил просьбу их (т. е. эмиров Каракуля). Вместе со [своими] братьями, такими, как Узбек-султан, Хусрав-Мухаммад-султан и другие, он отправился в Каракуль.

Когда на горизонте этой страны показался полумесяц [ханского] балдахина, вызывающего беспокойство в небе, все эмиры [Каракуля поспешили] встретить кортеж [Абдулла-хана]. С достойными дарами и соответствующими случаю подношениями они поспешили к нему шагами покорности. Заверив в [своей верной] службе, выразив покорность, они [достигли] безмерного счастья, удостоившись чести поцеловать стремена [хана]. Вместе со славной свитой его величества они вошли в крепость и вручили ключи от крепости привратникам великого [Абдулла-хана]. Они оказали [Абдулла-хану] всевозможные почести и сделали это с большой охотой.

Когда правитель Бухары Бурхан узнал об этом великом событии, по необходимости он отправил в Самарканд гонцов и известил Борак-хана об этом страшном деле. Хан Самарканда [Борак-хан] тотчас же созвал своих вельмож и соизволил сказать: «Даже тогда, когда войско его (т. е. Абдулла-хана) было крайне незначительно, когда число его воинов не превышало трехсот человек, оказать им сопротивление было чрезвычайно трудно, до крайности затруднительно. В настоящее время, когда с помощью Творца и по благосклонности судьбы количество воинов в этом отряде возросло, оказать [ему] сопротивление и воевать [с ним] не представляется возможным. Вместе с тем, пока битва не проиграна, не следует отказываться от битвы. Теперь, хотя и есть [у нас] сила для отражения [противника], однако подавление этого мятежа не следует представлять себе легким». М и с р а: Воздействовать на события следует еще до того, как они случаются.

Словом, после того как закончилось совещание и обмен мнениями, [Борак-хан] приказал, чтобы войска Шахрисябза, Самарканда, Ура-Тюбе, Ходжента, Сайрама, Ташкента, а также войска Ахсикета, Андижана вместе с людьми из Дашта и Туркестана в кратчайший срок присоединились к войску его (т. е. Борак-хана).

[После того как собралось войско, Борак-хан] немедленно выступил на помощь Бурхану с двумя тысячами отборных богатырей, способных,
83б опытных, храбрых воинов. Правитель Бухары [Бурхан-султан] || шагами поспешности пошел навстречу [Борак-хану]. Встреча их произошла

в местности Дурбай [154]. [Бурхан-султан] принес многочисленные подарки, бесчисленные дары и вручил [их] хану Самарканда [Борак-хану]. Борак-хан перечеркнул чертой прощения прежние грехи его (т. е. Бурхан-султана). Между сторонами был заключен договор и соглашение, похожее на соглашение между отцом и сыном. После этого с войском, [многочисленным], как муравьи, огромным и отважным, соперничающим с судьбой, похожим на дива, подобным Ариману, они выступили против его величества могущественного [Абдулла-хана]. Они взяли в кольцо крепость Каракуля, словно окружили ореолом луну.

Месневи

Когда враги соединились друг с другом,
С войском, более многочисленным, чем морские волны,
Они выступили против его величества [Абдулла-]хана,
Направились по пути мести [ему].
Они осадили крепость со всех сторон,
Окружили [ее], словно ореол луну.

Науруз-Ахмад-хан и Бурхан-султан с прочими султанами и столпами государства подошли с безграничным войском, неисчислимой ратью и тотчас же окружили крепость, уподобив [ее] камню, оправленному в перстень. Его величество могущественный [Абдулла-хан], уповая на милость бога, приказал, чтобы [воины] обратили исключительное внимание на [укрепление] крепости с внешней стороны, не допустили ни малейшего пренебрежения и невнимательности при укреплении башен и стен ее, приготовили бы орудия для защиты крепости и все необходимое для отражения [врага], чтобы в охране и защите крепости по возможности соблюдали осторожность и осмотрительность. Поступая согласно [этому] непреложному приказу, столпы государства и вельможи его величества [Абдулла-хана] так [хорошо] укрепили эту сильную крепость, что у ночного вора — воображения, у быстролетящей стрелы-фантазии были коротки руки, чтобы овладеть [хотя бы] подножием ее. Его величество [Абдулла-хан] сам лично проявил заботу [об охране крепости]. Каждую башню он закрепил за определенным храбрецом, с тем чтобы каждый был готов в случае нападения врагов оказать [им] сопротивление и отбросить их.

Два-три дня спустя мстительный Бурхан-султан, который был зачинщиком всей этой смуты, попросил [разрешения] у Борак-хана построить свое войско и, устремив коня смелости на поле храбрости, [применяя] хитрость и коварство, вступить в битву, чтобы нанести удар [врагу] и бросить аркан завоевания на зубцы крепости. Наконец с одобрения Борак-хана Бурхан-султан вызвал группу своих отчаянных храбрецов, таких, как великий, могущественный Назар-бий ибн Баки-бий найман, султан Йар-бий дурман и Хасан-Бури бахадур. Он одел их в латы, вооружил и послал их в крепость для битвы и сражения, на бой.

Его величество [Абдулла-хан], со своей стороны, приказал, чтобы опытные храбрецы и отборные богатыри,‖ которые на протяжении многих 84а
лет участвовали в битвах и сражениях и вкусили горячее и холодное от судьбы, приготовили все необходимое для оказания сопротивления [неприятелю], заткнули бы за пояс несколько стрел из белого тополя, пробивающих гранит, быстро вооружились короткими луками.

Месневи

Войско, [где] все вооружены мечом,
[Где] все, как один, похожи на ресницы жестокой
возлюбленной,

Все готовы к битве и сражению,
На голове у каждого шлем, [блестящий], как зеркало.
У всех заткнут за пояс подол мести,
У всех нахмурены брови, в морщинах лбы.

Выступив из городских ворот, они разделились на три отряда. Первый отряд, вооруженный и оснащенный, стал у крепостного рва в ожидании битвы. Второй отряд перешел через ров и, исполненный сильного желания воевать и сражаться, вступил в долину смелости. Третий отряд, пройдя дальше, зашел за нижнюю стену [крепости, и воины его] подняли руки храбрости.

Войска двух сторон встретились.

Месневи

Когда войска обеих сторон приготовились [к битве],
Они выстроились в два ряда, [возвышающиеся] до Плеяд.

Тогда со стороны врагов первыми устремили боевых коней на поле соперничества смелые богатыри, отважные храбрецы, имена которых уже упоминались, вместе с другими воинами долины смелости. Их воинственный клич вознесся до сферического неба, до солнца. Войска могущественного [Абдулла-хана] соблюдали спокойствие до тех пор, пока вражеские войска, миновав первый отряд, не направились ко второму и третьему отрядам [Абдулла-хана]. После этого храбрецы поля битвы и сражения, смелые мужи [из войска Абдулла-хана] вышли из укрытий и все сразу положили на тетиву лука стрелы, охотящиеся за душами, наконечниками стрел, пробивающими гранит, стали убивать несчастных врагов.

Месневи

Смелые храбрецы, похожие на львов и леопардов,
[Подойдя] с двух сторон, вступили в бой,
С криком они схватились друг с другом,
Стали проливать кровь мечом и копьем.

Победоносные войска [Абдулла-хана] при всей своей малочисленности [в битве] имели такое превосходство над этой огромной армией [противника], над войском многочисленным и великолепным, что, если бы Рустам, сын Дастана, увидел [это], он укусил бы палец удивления, если бы очевидцами этого были Гив и Пашан, они бы не раскрыли уста смелости, не стали бы претендовать на мужество.

В конце концов вражеское войско, не достигнув цели, отступило. Победоносное войско [Абдулла-хана] также покинуло долину битв и сражений, [прекратило] бой.

В этот день из числа богатырей Бурхана Хасан-Бури бахадур получил много ран и скончался.

Месневи

Если на улице этой красавицы льет дождь стрел,
Мы покорны [этому], ведь «воля у Аллаха» [155].

Словом, в течение долгого времени, многих дней с обеих сторон каж-
84б дый день ярко пылало пламя войны и сражения и до крайности || свирепствовал огонь битвы. [Так продолжалось] до тех пор, пока враги не поняли, что им никак не избежать предстоящих трудностей.

Поэтому они склонились к примирению, заговорили о мире. Его величество [Абдулла-хан], зная, что для торжества [его] власти имеется еще небольшое препятствие, дал согласие на [заключение] мира. Он оставил Каракуль и, направившись в Чечекту и Меймене, поднял знамя возвращения [в те земли].

Рассказ о переселении Науруз-Ахмад-хана из этого мира в место упокоения на том свете

Сказал великий Аллах: «Всякая вещь гибнет, кроме Его лика. У Него решение, и к Нему вы будете возвращены!» [156]. Для всякого человека, для всякого [разумного] живого существа ясно, очевидно и бесспорно, что вечной и бессмертной является лишь сущность пречистого господа мира. Следовательно, вечным и бессмертным есть и будет [только] господь.

Подтверждением этих слов является смерть Науруз-Ахмад-хана. Объяснение этого обстоятельства следующее.

Когда был заключен мир между его величеством [Абдулла-ханом] и врагами, его величество [хан] переправился через Джейхун и поспешно отправился в сторону [Чечекту и Меймене]. Борак-хан вернулся в Самарканд, Бурхан прибыл в Бухару. Когда Науруз-Ахмад-хан по своей воле освободил свое сердце от [забот] о государственных делах, в [месяце] зу-л-када 963/сентябрь—октябрь 1556 года он поспешно выехал из Самарканда и направился к Рабат-и Ходжа [157], расположенному в верховьях канала Даргам [158]. Он испытывал великую радость от постройки плотины [в том месте]. В этом похожем на рай месте, которое является источником радости в душе и покоя в сердце, в исключительно веселом настроении он расстелил ковер увеселения для развлечений и приятного времяпрепровождения. По случаю своего освобождения [от государственных забот] он устроил веселое пиршество. В этой прекрасной местности в обществе сребротелых виночерпиев с утра до ночи, с ночи до утра он пил пурпурное вино, изумрудное вино из сосудов цвета лазури. Постоянно он заботился о том, чтобы веселье не прекращалось. Тюльпаноликие певцы все время пели, а он внимал им.

Стихи

Встань и налей в золотой кубок вселяющую радость влагу,
[Пока] мой череп не стал совком для мусора.

Со своей стороны, он (т. е. Науруз-Ахмад-хан) соответственно своему состоянию напевал нижеследующие слова, и,кроме этих чудесных стихов, ничего не произносил.

Четверостишие

Если не останется чистого вина, о виночерпий,
[Когда] я буду при последнем издыхании, о виночерпий,
Прошу, смочи мне губы [оставшимся] на пробке бутыли
Вином, но не водой, о виночерпий!

[Так продолжалось] до тех пор, пока наконец не произошел удивительный случай и странная картина не подняла завесу со своего лица. В те дни Борак-хан постоянно пил вино и никогда при отсутствии бутылки и чаши на раскрывал рта, как бутон или тюльпан [без поливки]. В конце концов привычка к вину привела к тому, что здоровье его отклонилось

от правильного пути. В конце того пиршества он выпил тяжелую чашу смерти из рук виночерпия смертного часа и вручил смерти клад [своей]
85а жизни. || М и с р а: Он перенес [свои] пожитки с высоты трона в подземелье будущей жизни. * «Поистине мы принадлежим Аллаху, и к нему мы возвращаемся!» [159]. Ученые Самарканда выразили дату его смерти соответственно обстоятельствам [его смерти]: «Умерший в состоянии опьянения» [160]. За год до этого он (Науруз-Ахмад-хан) совершил набег на Бухару, зажег огонь вражды и сжег запасы пшеничного зерна. Поэтому поэты Бухары обозначили [дату его смерти] словом «хармансуз» [161] («Сжигающий запасы зерна»).

Рассказ о восшествии благословенного дяди его величества [Абдулла-хана] Пир-Мухаммад-хана на ханский трон, на царский престол и об украшении хутбы и монет его именем с божьей помощью

С т и х и

Достойный короны Кайанидов,
Заслуживающий венца Хосрова.

Таким, [как сказано в стихах], может быть счастливец, у которого светило счастья и блаженства восходит на востоке султанской власти и могущества. Тогда он укроет под сенью [своей] милости и правосудия блуждающих по долине невзгод и избавит их от солнечного зноя в месяце михр [162] и от притеснений. Он напоит холодной водой милости и справедливости [всех] испытывающих жажду на дорогах тирании. Он доставит их в просторы, [где царит] сострадание, благочестие и признательность. Он войдет в великолепный, благоухающий травами сад, чтобы рукой сострадания и ласки вытащить занозу из ног терпящих гнет. На берегу власти он посадит молодое дерево счастья и могущества, для того чтобы укрыть под его спасительной сенью [всех] скитающихся. Зодчий его высоких помыслов воздвигнет здание миродержавия для защиты основных законов шариата от возможных нарушений. Лучи высоких помыслов его засверкают на горизонте страны, для того чтобы блестящая луна его освещала лик судьбы только тех, кто идет по пути мусульманской веры.

М е с н е в и

В делах шаха, достоинство которого высоко, как Сатурн,
Нуждается народ перед Судным днем:
Он поднимет знамя власти
И возьмет за обычай заботу о благе подданных,
Для того чтобы [обрели] покой благородные люди,
Он восстановит чертог справедливости и милосердия.

Цель этого повествования, возведения здания [этих слов] заключается в следующем. После переселения Науруз-Ахмад-хана из тленного мира в вечный мир не было никого из рода Абу-л-Хайр-хана старше годами, чем благодетельный государь дядя его величества [Абдулла-хана], то есть Пир-Мухаммад-хан. [Не было человека из этого рода], кто бы, как он, мог вершить делами управления страной, кто мог бы проявить исключительное рвение в [делах] величия и славы. Поэтому все султаны Мавераннахра, грозные, как Бахрам, договорившись между собой, прославили хутбу титулами того благословенного государя (Пир-Мухаммад-хана),

придали монетам новое изящество и беспредельную красоту, украсив их его августейшим именем.

Стихи

Когда монета начертала в своем сердце благословенное имя его,
|| Солнце от любви к нему позолотило монету, 85б
На минбар [163], который украсился благодаря его титулам, [произнесенным] в хутбе,
Юпитер сыплет драгоценные камни.

Благословенный хан Пир-Мухаммад-хан воссел на престол властвования. Благодаря его появлению, вселяющему силу, бирюзовый трон засверкал, как солнце или луна. Стольный город четвертого климата — Балх от капель дождя справедливости его величества [Пир-Мухаммад-хана] своим цветущим состоянием превзошел седьмое небо. Его величество [Пир-Мухаммад-хан] с твердым сердцем, преисполненный благих намерений взялся за государственные дела. При устройстве дел простых людей он озарил светом милости и милосердия [все] близкое и далекое. Он распростер крылья сострадания и милости над головами [различных] племен. Для укрепления столпов божественного шариата, для упрочения законов чистой веры последовали его приказы, которым повинуется [весь] мир. Он проявил исключительное старание и усердие в покровительстве саййидам, казиям, улемам, ученым, преподавателям и муфтиям.

Месневи

Страна осветилась лучами его справедливости,
От обилия его милостей мир уподобился цветнику,
Он избавил от смут обитателей мира,
Перед его законами померкла справедливость Хосрова,
Благодаря его усилиям укрепились устои шариата,
Все благочестивые люди стали возносить молитву за него.

Рассказ [о том, как] после смерти Науруз-Ахмад-хана хакан, повелевающий, как Искандар, [Абдулла-хан] возвратился из Меймене и Гарджистана, переправился через реку Джейхун с войском, [многочисленным], как звезды

В деснице могущества и воли владыки мира [господа] находятся бразды руководства делами людскими, поводья, [с помощью которых] управляют племенами человеческими. Для человека, [предназначенного быть] миродержцем, [господь] украшает приказ о покорении мира печатью со словами: «И даровал ему Аллах власть» [164]. Согласно [стиху Корана]: «И возвысил одних из вас над другими по степеням» [165], он (бог) поднимает [его] знамена, подобные солнцу, до высшей точки неба, выше Сатурна. [Такому человеку] всегда будет помогать вечное счастье в установлении основ благоденствия, ему будет сопутствовать помощь с небес в утверждении законов миродержавия.

Месневи

Властелин, украшающий трон власти,
Когда найдет помощь у бога,
Тогда осуществятся его желания,

Для него станет легким всякое трудное дело.
Если толпа врагов будет [многочисленной], как звезды,
Он не будет испытывать ни малейшего страха.
Для кого взойдет сверкающее солнце,
Для того звезда [покажется] чем-то совершенно ничтожным.
Когда его знамя поднимется до купола бирюзового неба,
Оно осветит [весь] мир.

Изложенное [выше] применимо и к положению дел славного государя [Абдулла-хана], которому сопутствует счастье. Объяснение этих слов следующее.

Когда Науруз-Ахмад-хан из теснин этого мира поспешил в вечный
86а мир || и известие об этом событии распространилось по всем странам и дорогам, ханское звание утвердилось за [Пир-Мухаммад-ханом], дядей его величества могущественного [Абдулла-хана], хутба и монеты украсились его именем и титулами. После его смерти его величество [Абдулла-хан], подобный Искандару, с некоторыми своими братьями без промедления переправился через Джейхун. Сначала он направился к Миankалю, который был основной резиденцией, местом рождения его величества. Сын Борак-хана Дуст-Мухаммад-султан, который в то время был правителем Кермине, в сильном страхе и смятении, боясь прихода его величества, ушел из этого вилайета. Обманутый в надеждах, потеряв [владения], он поспешно отправился в Самарканд к своему брату Баба-султану. Его величество [Абдулла-хан], не применяя копья, не выпуская стрел, завоевал этот вилайет. Он вошел в этот город, словно вечная жизнь, вселяющаяся в тело, или как солнце, освещающее мрачный мир. По этому случаю судьба раскрыла уста, чтобы повторить следующие слова: «Султан в стране, как душа в теле» [166]. Те из жителей этой страны, кто бодрствовал, [у кого] были открыты очи счастья, обратили глаза, [полные] любви, к солнцу красоты его величества [Абдулла-хана]. Они непроизвольно громко вознесли до зенита голубого неба молитву [за хана], хвалу [ему]; воздав хвалу великому богу, да будет он велик и превозвышен, они радовались и выражали довольство. В мгновение ока жители этого вилайета узнали о благословенном прибытии государя [Абдулла-хана]. Радостные и веселые, они вышли из домов и поспешили к его величеству. Для всех стало понятно [содержание хадиса]: «Тайные милости всевышнего бога — огромный дар» [167]; язык признательности [богу] шептал слова, выражающие благодарность хранителю, щедрому подателю (богу). [Приветственные возгласы] при церемониале поздравления [хана] и пожелания [ему] здоровья поднялись выше седьмого неба.

Его величество [Абдулла-хан], со своей стороны, раскрыв уста, рассыпающие сахар [слов], расспросил обо всем всех: простых и знатных, великих и малых, таджиков и тюрков. Безмерно и беспредельно он умножил [свое] милосердие по отношению к людям, терпящим гнет, и слабым.

Месневи

Когда этот полновластный шах на трон счастья
Вступил, словно солнце на небо,
Тотчас же он призвал к себе народ,
Раскрыл перед ним двери милосердия.
Он раскрыл уста, рассыпающие сахар [слов],
и расспросил [о делах жителей],
Обрадовал сердца людей, уподобив [их] бутону.

Захват его величеством могущественным [Абдулла-ханом] Шахрисябзского вилайета у Хашим-султана ибн Бурундук-султана и передача [этого вилайета] его высочеству Хусрав-султану, прибежищу братских [чувств]

Месневи

Султаны, которые покоряют страны,
Царствуют по милости божьей,
Дела их не походят [на дела] других людей,
|| Бывают удивительными все их деяния. 86б
Они не испытывают страха перед злобным врагом,
Их не страшит огромное войско [врагов].
Когда они поднимают знамена рвения,
Они связывают арканом народ, [бесчисленный], как звезды.
Если они твердо решат завоевать страну,
Одной атакой они покоряют целое государство.
Пишущий этот чудесный рассказ
Так описал [события] в тетради из шелковой бумаги.

Словом, после того как его величество [Абдулла-хан] освободился от забот о важных делах той страны (т. е. Миankаля), он оставил в Куфине [168] с обозом хакана, повелевающего, как Искандар, Абд ал-Куддус-султана. [Сам] же вместе с некоторыми братьями, такими, как Узбек-султан, Хусрав-Мухаммад-султан, направил поводья в сторону Шахрисябза. В это время Хашим-султан с войском, [многочисленным], как звезды, с ратью, яростной, как Сатурн, могущественной, как Марс, находился в той крепости, как сообщалось об этом ранее. Несмотря на многочисленность и превосходство вражеского войска, [где] каждый ставил себя в один ряд с Рустамом и Бахманом, а Гива и Пашана считал как бы своими слугами, [Абдулла-хан] не испытывал страха [перед ними]. Он обратил высокий взор на чудесно нанизанные слова: «А кто полагается на Аллаха, для того Он достаточен» [169] — и во время вечерней молитвы, когда ложатся спать, он тронул своего коня. Он выступил из этой местности (Куфин) и направился в сторону [Шахрисябза]. Он достиг крепости в то время, когда темнота ночи, [согласно изречению]: «И сделали ночь покровом» [170] — одела людей в черные одежды, [повесила] черную, как смоль, завесу и лишила очи способности видеть очертание предметов. Еще до того, как появились полчища султана востока (т. е. лучи солнца) и, завоевав украшенную золотом крепость неба, захватили голубую крепость седьмого неба, его величество [Абдулла-хан] приказал, чтобы храбрецы, подобные Бахраму, заткнув за пояс подолы смелости, установили лестницы на крепостном валу и, поднявшись [по ним], раскрыли бы перед его величеством ворота [крепости] как ворота счастья.

Месневи

Шах, величественный, как Джам, полновластный государь,
Направил коня в сторону крепости Кеш,
Для завоевания этой крепости, подобной небу,
Он поднял полумесяц знамени до высшей точки солнца,
Когда к той крепости, прибежищу Сатурна,
Подступил с войском этот шах, злобный [к врагу],
Он приказал, чтобы войско, [многочисленное], как звезды,
Приставило лестницы к башням этой [крепости].

Согласно этому [приказу] отряд храбрецов сошел с коней, быстрых, как молния, и поднялся на крепостной вал. С предельной быстротой, подобно молитве, принятой [богом], они решительно поднялись [на крепостную стену]. Люди, [находящиеся] внутри крепости, еще спали сном беспечности, дремали на подушках спокойствия, когда [воины Абдулла-хана] водрузили знамена на зубцах [стен] города. Под звуки барабана, долетающие до зенита вращающегося небосвода, они повели наступление.

Месневи

Была зловещая ночь в то время,
Когда наступало войско, [страшное], как Судный день,
Все войско в крепости спало непробудным сном,
Сильно опьяненное вином беспечности.
87а || Оно уснуло спокойным сном,
Огнем беспечности охвачены сердца всех.
Неожиданно [для них] на этой стороне славное войско,
Злобное, воинственное, охотящееся за душами,
Облачившись в кольчуги и латы для битвы,
Крепко опоясавшись поясом решимости воевать,
Приставило к стенам крепости лестницы
И таким образом взобралось на ее стены.

После того как жители крепости узнали [о том, что] победоносное войско [Абдулла-хана] взобралось [на стены], они в панике пробудились от злосчастного сна и поспешили на битву и сражение. Сошлись богатыри с двух сторон, и завязалась битва, огонь сражения поднялся до зенита вращающегося неба, до изменчивой небесной сферы. От блеска копий, подобных дракону, от сияния смертоносных мечей поле битвы стало похожим на луг, усеянный тюльпанами. От [беспрерывных] атак храбрецов, от грохота и гула битвы вращающийся небосвод лишился покоя.

Месневи

Все храбрецы, смелые, гордые воины,
Все воспламенены, как огонь,
С быстротой молнии подошли с двух сторон,
С мечом в руках сошлись для битвы.
Лезвие меча мщения беспощадно проливает кровь,
Герои словно жемчужины в море [крови, пролитой] мечом,
В темную ночь удары, [наносимые] мечом,
Блестящим, как молния, похищали души,
Темнота от пыли, мрак ночи,
Казалось, доводили людей до последнего издыхания.

Забились сердца храбрых воинов. Закружились воители ристалища смелости [на поле битвы]. Шум от сражения оживил маджлис войны. Удары копья исторгали горестный стон из струн артерий, звуки барабана и трубы из этих теснин [мира] поднимались до голубого неба, до его обитателей. В ту ночь войска с обеих сторон, схватившись друг с другом в битве, предпринимали смелые атаки, вели богатырские бои, вцепившись друг в друга, отчаянно дрались, словно львы и леопарды. Они так сражались, что перед глазами храбрых мужей предстала картина, [способная вызвать] величайший страх, казалось, будто настал день Страшного суда. Тайная мысль, [заключенная в стихе]: «Там испытаны были верующие и потрясены сильным потрясением» [171], подняв завесу

тайны, стала совершенно явной. Сверкающий меч, обильно проливая кровь, заставил осесть пыль, [поднявшуюся] в долине битвы и сражения. Стрела, пробивающая гранит, валила людей с седла на землю.

Месневи

В ту ночь, когда появился шах запада (т. е. солнце),
Он погрузился в волны крови.
Утренняя заря схватилась за окровавленный подол неба,
Вцепилась в край знамени Фаридуна.
У героев в руках мечи, проливающие капли [крови],
Блеском напоминающие молнию,
Они так рубились мечом,
Что высекали огонь из железа.
Всю ночь шла битва между героями,
Для этих славных [воинов] была тесна земля.
Темная ночь и удары меча
Породили беспорядок, как в день Страшного суда.

Наконец повеял зефир победы и одоления на полотнище подобного дракону знамени его величества [Абдулла-хана], обладающего счастьем Фаридуна.

Хашим-султан || вынужден был покинуть эту страну, расстроенный, 87б
сильно огорченный, он поспешил на родину, то есть в Гисарские земли. Его величество могущественный [Абдулла-хан], которому сопутствует победа, [которого] сопровождает успех, завоевал такой [прекрасный] вилайет. В благодарность [богу] за эту милость он приложился лбом смиренности к земле покорности.

Да не будет скрытым и тайным для лучезарных, как солнце, сердец умных людей, для просвещенных умов ученых и мудрецов следующее. Эпизод захвата Шахрисябзского вилайета хаканом [Абдулла-ханом], не имеющим себе равных, сильно напоминает рассказ о походе великого государя, завоевателя мира, полюса мира и веры эмира Тимура Гургана, милость и довольство [Аллаха] над ним, с двумястами сорока тремя воинами на Карши и о завоевании этой страны. Об этом походе написано в обстоятельных сочинениях, и [рассказы о нем] передаются из уст в уста, [о нем] известно среди простых и знатных людей. Однако, если проницательные люди, [обладающие] совершенным умом и прозорливостью, посмотрят на эти два рассказа внимательным и вдумчивым взором, они, несомненно, поймут, что та смелость, которая была проявлена этим государем (Абдулла-ханом), величественным, как Искандар, превосходит [смелость, проявленную] великим эмиром [Тимуром] при завоевании [Карши]. Во-первых, в то время, когда его величество эмир [Тимур] пошел походом на тот, [Каршинский], вилайет, вблизи этой крепости не было никакого правителя. Когда же его величество [Абдулла-хан] ночью ввел владения Шахрисябза в сферу [своей] власти, Хашим-султан вместе с некоторыми братьями и большим количеством бахадуров проявлял чрезвычайные старания и усилия для удержания его (т. е. Шахрисябза). Во-вторых, Шахрисябз [занимает] обширное пространство, известен [своей] неприступностью, на страницах времени запечатлена высота его стен и башен, поэтому ни одному могущественному государю никогда не удавалось легко завоевать его. Карши же невелик по площади, в большинстве случаев был местом, [где] жил даруга, его укрепления по прочности никогда не претендовали на то, чтобы сравниться с Шахрисябзом. Посмотри, какая огромная разница между этими [городами].

Словом, когда такой вилайет оказался под властью его величества могущественного [Абдулла-хана], управление этим вилайетом он пожало-

вал султану Хусрав-султану, подобному Сулайману. Хотя последний и не нуждался в перлах поучений, в драгоценных камнях назиданий, однако его величество [Абдулла-хан], раскрыв уста, рассыпающие жемчужины красноречия, в виде совета и увещевания изволил сказать следующее: «Господь великий возложил на наши головы, поднимающиеся до Фаркада, сверкающую корону власти и могущества, венец счастья и владычества, он дал нам великие дары и огромные милости таким образом, [как говорится в Коране]: „Это милость Аллаха, дарует Он ее тем, кому пожелает, Аллах — обладатель великой милости“ [172]. Следовательно, лучше всего [нам], ценя власть и царство, вознести благодарность богу за [его дары], ради справедливости держать раскрытыми врата правосудия перед бедными людьми. [Цель] изложенного заключается в том, чтобы ты как следует соблюдал законы управления этой страной, || внешне и внутренне 88a украсил бы себя нарядом справедливости, [уготовил бы] покой подданным, перед правосудием ты считал бы равными сильного и слабого, постоянно опрокидывал и уничтожал бы знамя тирании и стяг гнета».

Месневи

Справедливость является богатством государей,
Достоинством стремящихся к высокому положению,
Если ты достиг такого высокого положения,
Извлекай из этого пользу, ведь это богатство.
Справедливость — источник мира и благоденствия,
Береги это богатство все время,
Когда Сулайман овладевал властью,
Считались при этом даже с мнением муравья.
Чини правосудие, ибо благодаря справедливости
Ты сможешь раскрыть многие двери счастья.

[Абдулла-хан] украсил уши бодрствования его (т. е. Хусрав-султана) блестящими перлами увещеваний, как говорится [в пословице]: «Слово царей — это царь слов» [173]. Целиком освободив свое чудодейственное сердце от забот о важных делах той страны, он поднял знамя величия и счастья и [направился] в сторону Мианкаля, являющегося его стольным городом великолепия и славы, резиденцией величия и независимости. Мисра: Счастье и власть — у стремени, победа и торжество — у поводьев.

Две битвы в один день, [предпринятые] хаканом [Абдулла-ханом], освещающим мир, властелином, ласковым к друзьям, сжигающим врагов, с потомками Науруз-Ахмад-хана, и бегство этой заблудшей толпы

Совершеннейший владыка царств, творец душ и вселенной, восседающий в небесном дворце на троне [с надписью]: «Аллах творит, что пожелает» [174], венчает голову какого-нибудь государя, поднимающуюся до Фаркада, короной, украшенной [словами]: «Мы сделали тебя наместником на земле» [175]. Он украшает прямой стан того счастливца халатом, на котором вышиты [слова]: «Мы укрепили его на земле» [176]. Тогда те, кто вершит великими делами, в божественном диване создадут ему все условия для этого, вершители дел в айване служения [богу] раскроют перед его судьбой врата разрешения трудностей в делах. Такому легко удастся осилить ступени [к своим] высоким целям, со счастливым предзнаменованием он утвердится на пьедестале [своих] высоких желаний, [как сказано в Коране]: «Это великая удача!» [177]. Это явление [может быть] изложено следующим образом.

Когда Науруз-Ахмад-хан переселился из тленного мира в мир наказания (ад), в то время в Самарканде не было никого из его сыновей старше годами, чем Баба-султан. Поэтому он (Баба-султан), во-первых, самовольно воссел на трон подобного раю [Самарканда], во-вторых, посоветовавшись с некоторыми столпами государства и вельможами, он сделал своим помощником его величество Гадай-хана ибн Абд ал-Латиф-хана, который был одним из наследников престола этого вилайета, он сделал его соучастником, союзником во всех делах управления страной, в исполнении важных, великих дел. Вместе с ним [Баба-султан] ввиду [своего] исключительного величия и высокого положения поднял знамя власти и счастья, стяг могущества и славы.

|| Хотя в течение нескольких дней Гадай-султан на этой подобной 88б
раю земле выражал [полное] с ним единодушие (т. е. с Баба-султаном), но, в сущности, он был против него, и вот почему. Султан Са'ид-хан, который также является одним из наследников [трона] этой страны (т. е. Самарканда), проводил жизнь, испытывая трудности, [перенося] тяготы, в Карангутаге, как об этом уже было сказано, однако его брат Джаванмард-Али-султан гарцевал на скакуне власти на арене величия в Ахси и Андижане. Все время Гадай-султан посылал кого-нибудь в Ахси и Андижан и сильно побуждал, подстрекал [Джаванмард-Али-султана] идти походом на Самарканд, пока наконец Джаванмард-Али-султан не собрал неисчислимое войско в областях Ахси и Андижан. Повинуясь приказу Гадай-султана, [Джаванмард-Али-султан] стал лагерем в Ура-Тюбе, который в исторических сочинениях пишется Острушана [178].

Узнав об этом, Баба-султан предупредил события. Он выступил против Гадай-султана и сверг его с престола власти, с трона совместного управления [страной]. Некий бродяга, дьявол, [который] «наущает груди людей» [179], нанес ему сильный удар в лицо, и в таком состоянии он ушел из этой страны и устремился в Ура-Тюбе, который также является его наследственным владением. Случилось так, что в местности Замин [180] произошла встреча этих двух могущественных султанов (Гадай-султана и Джаванмард-Али-султана). Посоветовавшись друг с другом, они послали человека к порогу шаханшаха стран [Абдулла-хана], государя по праву и по достоинству, без лжи и злобы представили на его правильное суждение, которое является первым потоком лучей бога, да будет он велик и превознесен, состояние дел [своих]. Они пошли к нему шагами старания и усердия по пути самоотверженности, по стезе повиновения и подчинения, прося о помощи, они умоляли [его] осчастливить [их своим] прибытием. Его величество [Абдулла-хан], обладатель счастливого сочетания светил, которому за смелость, храбрость и отвагу выразили бы покорность Рустам, сын Дастана, и Сам [181], сын Наримана, по [своему] исключительному великодушию и смелости отдал приказ о сборе войска. Победоносное войско, подобное крокодилу, поспешно направилось к свите славного, величественного властелина [Абдулла-хана] и стало под сенью его знамен, подобных солнцу. Это [было] войско, которое на пиру битвы [ведет себя так], что день битвы считает за ночь торжественных проводов невесты в дом жениха, а чашу, наполненную кровью сердца, — за чистое вино.

Стихи

Стрелы их поражают в сердце ястреба в небе,
Перьями стрел они затмевают небо, уподобляя
крылу ворона,
Дождем стрел они вызывают потоки крови,
Блеском мечей затмевают свет солнца.

Все [воины] были похожи на стрелу, жаждущую битвы, [готовую вылететь из лука], взмахнув перьями. С чистым сердцем, с душевной готовностью опоясались все поясом мщения, подобно копью, проливающему
89а кровь.||Как благородный кипарис на лужайке покорности, в цветнике смирения это войско стояло на ногах верности [хану]. Устремив взор, подобный нарциссу, на мечи и кинжалы, [сверкающие], как молния, заострив наподобие бутона концы стрел, поражающих грудь, прикрыв грудь красным, как роза, щитом, подняв похожие на лилию блестящие дротики, жаждущие крови короткие кинжалы, они облачились в кабы, алые, как тюльпан, в кафтаны цвета рубина и бирюзы.

Стихи

Твои красавцы похожи на восходящее солнце,
Храбрецы, объехавшие небосвод,
На пиру они прекрасны, как тюльпан,
В битве стойки, как кипарис.
На празднестве они вселяют радость,
Во время сражения жертвуют собой.
Если вдруг ради шутки [182]
Они обратят взор на луну в небе,
[Стреляя] из самострела, они [раздробят ее]
на сто шариков,
Переместят ее на край неба.

В [месяце] джумада II 964/апрель 1557 года, соответствующего году Змеи, счастливый хакан [Абдулла-хан] с такой смелой армией, с войском, величественным, как небо, [многочисленным], как звезды, отправился, величественный и могущественный, на помощь наследникам престола той страны (Самарканда).

Стихи

Одетый в латы, [блестящие], как луна или солнце,
Он мечет стрелы, похожие на падающие звезды, разит
мечом, [блестящим], как молния.

Хумай победоносного знамени взмахнула крыльями счастья, чтобы [лететь] к той несчастной толпе [врагов].

Месневи

Воинственные храбрецы идут шаг в шаг,
Все готовые служить ему (т. е. Абдулла-хану),
Могущественный шаханшах, достоинством Джам,
Вдел победоносные ноги в стремена,
Нахмурив брови,
Он натянул тетиву на царский лук.

Упомянутые султаны (Гадай-султан и Джаваншард-Али-султан), узнав об этом, вышли навстречу кортежу победоносного августейшего хакана [Абдулла-хана] шагами покорности, верности и преданности, с готовностью [выполнить] ханские приказы. Они встретились с [ханом] в куруке Алиабаде [183] Самарканда. Считая счастливое прибытие его величества за благо и честь, вместе с государем, не имеющим себе равных и подобных, они пошли осаждать Самарканд, место, подобное раю, и опоясали талию могущества поясом мщения [врагу]. Государь, повелевающий,

как Искандар, [Абдулла-хан] со всеми братьями развернул знамя стоянки около Матурида [184], Джаванмард-Али-султан расположился лагерем в Кан-и гиле [185], Гадай-хан со своим братом Абдал-султаном стал лагерем в местности Сарвистан.

На следующий день владыка звезд поднял вышитое золотом знамя для завоевания небесной твердыни и рассеял полчища звезд, которые в разных концах [неба] выказывали упрямство.

Месневи

Ранним утром, когда шах[-солнце] с радостным лицом
Появился на свежем, холодном небосводе,
Он оросил кровью меч, рассекающий огонь,
Скрутил аркан мести для отмщения [темноте].

||Тогда через ворота Аханин [186] из города стремительно выступил 896
Дустим-султан с большим количеством пехотинцев и всадников, численностью напоминающих капли дождя, листья деревьев, полчища волн моря, [он выступил] для битвы и сражения. Проявляя смелость и отвагу в борьбе с победоносным войском [Абдулла-хана], воины подняли руки распри.

Месневи

Враги стремительно выступили из ворот,
Подняли мечи, чтобы воевать,
[Когда] тронулось с места это многочисленное войско,
Казалось, будто сдвинулись с места горы и холмы.

Враги, гордясь своей силой и величием, с исключительной радостью, с самым искренним желанием приготовились к бою. Они стояли, подобно железной горе, в таком множестве и великолепии, что это не уместилось бы в мастерской [художника-]воображения, а наездник быстрого воображения был бы не в состоянии объехать все это [войско].

Месневи

Ряды облаченных в кольчуги [воинов] в степи
Походят на утес среди морских волн,
Герои словно крокодилы в волнах,
Всадники словно леопарды в горах.

[Абдулла-хан], подобный Искандару, узнав о выступлении врагов, издал непреложный приказ о том, чтобы Абу-л-Фатх Хусрав-Мухаммад-султан, облачившись в одежду возмездия [врагу], направил бы свои помыслы на отражение неприятеля, ударом острого меча, смертоносным копьем уничтожил бы корень мятежа и вражды, побеги возмущения и бунта их (т. е. врагов).

Согласно приказу храброго властелина [Абдулла-хана], государя, [ударом] рассекающего кольчуги [врагов, Хусрав-султан] вышел на битву.

Стихи

Звезда в созвездии благородства, жемчужина в шкатулке величия,
Шах, обладающий свитой, [многочисленной], как звезды,
его высочество Хусрав-султан.

[Этот султан], который с колыбели и до настоящего времени был воспитан в кольчуге ненависти [к врагам], рос в седле, как только собственными глазами увидел смелость жителей крепости, руками воздержания от греха он вцепился в подол упования на бога и в полу великого, славного шаха [Абдулла-хана]. Он [выступил] с отрядом [воинов] не только храбрых, но и единодушных, не только одетых в кольчуги, но сильных телом.

М е с н е в и

Воины, похожие на возбужденных, опьяненных слонов,
У всех в руках копье, палица и меч,
Панцири сделаны из крокодиловой кожи,
Чепраки [на лошадях] — из шкуры леопарда.
Военачальники одеты в кольчужные латы
С белой и черной полосами, [и походят они
на чешуйчатых] рыб.

[Хусрав-султан] с решимостью воевать крепко опоясался поясом мщения, вдев ноги стойкости и смелости в победоносные стремена, он сел на коня, одетого в броню.

С т и х и

Всемогущий государь, подобный Искандару,
Направил коня на поле брани,
Опоясался поясом для битвы и сражения,
Государь, величественный, как гора, с острым мечом
на поясе,
Благословенный владыка, одетый в кольчугу,
Похож на отражение розы в волнах.

Этот государь подобен Джамшиду. Янтарного цвета копье его подни-
90а мало гору, словно || солому с гумна, при ураганной [своей] атаке тяжелую гору он считал [такой же] легкой, как солому.

С т и х и

Его меч, [блестящий], как серебро, еще не ударял
о камень,
А камень от страха перед ним уже [начинал]
расползаться, как ртуть;
Если инкрустированная серебром стрела [его] пробивала
каменную гору,
Она казалась серебристой жилкой в порах камня.

[Хусрав-султан] со щитом рубинового цвета, перекинутым через плечо, походил на ветку алой розы, опоясанный мечом, инкрустированным изумрудом, он напоминал лилию. Он направился к врагам и, погрузившись в море сражения, мечом мести, как Марс, пролил много крови этой несчастной толпы на землю гибели.

С т и х и

Меч его пролил столько вражеской крови,
Что земля насквозь пропиталась влагой.

[Благодаря блеску] усмиряющего мятеж меча, который был магнитом, [притягивающим] души врагов, он замечал [следы] ножек муравья на свер-

кающих, как алмаз, [латах воинов], на лазоревой поверхности их — отпечатки крыльев мух.

Стихи

Когда ты взглянешь на лезвие меча,
Ты увидишь, [что по нему] нет пути [пауку] к паутине,
[муравью] к муравейнику,
Как можно обнаружить на поверхности такого меча,
подобного дикому базилику,
Отпечатки ножек муравья и крыльев мухи.
Если меч не просверлит свой жемчуг,
Тогда почему рассыпаны алмазы на шелке меча?

Храбрецы победоносного войска [Абдулла-хана] все разом бросились в атаку и вступили в бой с несчастными врагами. [От страха] перед их мечами, проливающими кровь, Лев в небе[187] трепетал, как лев, [изображаемый] на знаменах, лев в лесу застывал, подобно льву, [изображаемому] на банях. Каждый [из воинов] острием стрелы мог поразить белую точку на зрачке, легко мог бы уничтожить пятна на лике луны, [снять] родимое пятно с черного лица.

Стихи

Твои слуги в бою словно портные,
Хотя не из портных состоит это войско — покоритель
стран,
Гезом [188] воображения они снимают мерку с врагов,
Чтобы резать их мечом и шить стрелами.

Уповая на помощь, [о которой сказано в Коране]: «Помощь от Аллаха и близкая победа» [189], они проявили старание и показали образцы храбрости. В тот день находящиеся в крепости люди, как ни старались проявлять исключительное мужество и отвагу, как твердо ни стояли на ногах стойкости и непоколебимости, но пользы [от этого] не было по [следующей] причине. Славный султан [Хусрав-султан] в исключительно жаркой битве, в яростном напряжении боя довел огонь сражения до того, что блеском меча, подобного молнии, сжег гумно гордости и самонадеянности лживых и презренных врагов.

Месневи

Храбрый шах, счастливый государь
Вытащил из ножен блестящий меч,
Мечом мести он зажег огонь,
Чтобы сжечь, как щепки, злых врагов.

Оставшиеся в живых, которым удалось спастись от меча этого властелина (Хусрав-султана), полного [жажды] мести, ‖ обратились в долину 90б
бегства, устремились в крепость. Победоносный [Хусрав]-султан, радостный и счастливый, повернул поводья назад и поднял победоносное знамя до вершины неба, до зенита голубых небес. На третий день все султаны покинули лагерь и расположились у крепостного рва. Вознеся свой голос, прославляющий, превозносящий бога, до зенита вращающегося неба, до сферы солнца, они бросились в бой.

Месневи

Султаны, величественные, как Джам, обладающие войском,
[многочисленным], как звезды,
Расположились вокруг этой укрепленной местности,
У всех от гнева нахмурены брови,
Сердца полны [жажды] мести, головы охвачены ненавистью
[к врагу].

Несколько дней спустя, утром, донесли до высокого слуха [Абдулла-хана], что Дервиш-хан с войском Ташкента, Андижана, Ходжента, Туркестана, подняв победоносные знамена для оказания помощи [своим] братьям, повернул поводья похода в сторону [Самарканда] и только что прибыл [сюда].

Когда властелин мира [Абдулла-хан] услышал эти слова, он тотчас же выступил и устремился навстречу врагам. Когда местность Кан-и гиль из-за пыли, [поднятой] войском щедрого хакана, вызвала зависть у Чина и Чигиля [190], его величество [Абдулла-хан, сидя] на коне, созвал высокое собрание. Согласно божественному слову, тексту Корана: «И советуйся с ним о деле» [191], он поднял знамя совещания с эмирами, величественными, как Сатурн. Из великих военачальников Сари-Ходжа-бий, который был одним из высокосановных эмиров [племени] кушчи и возраст которого превышал девяносто лет, выступил на этом собрании с учтивостью. Сначала он вспомнил о старых правилах ведения войн; он рассказал о законах и правилах битв, о способах ведения войны, о путях войны, о том, как скакать по полю битвы, погружаться в пучину моря войны и как выйти из водоворота битв. Он рассказал о всех способах ведения боя, о вооружении, снаряжении. После этого он соизволил заявить следующее: «Опыт, который является правильно отражающим зеркалом ума, подсказывает следующее. Если его величество [хан] сразу же устремится на врага и настигнет его раньше, чем братья успеют соединиться, есть надежда на то, что в скором будущем в зеркале желаний [хана] покажется картина победы и торжества, свидетель желанных целей наилучшим образом раскроет лицо». Согласно этому его величество могущественный [Абдулла-хан] тронул коня смелости и вместе со всеми сородичами и братьями поднял полумесяц победоносного знамени до блестящей луны. Уповая на помощь бога и на силу неограниченной власти [его], с твердым сердцем он направился навстречу врагам.

Месневи

Когда счастливому хакану [Абдулла-хану]
Посланец [быстро], как ветер, доставил весть
О том, что прибыл из Ташкента Дервиш-хан
91a || С толпой, не поддающейся исчислению и определению,
[Услышав] этот рассказ, хакан, правящий миром,
Двинулся со славным войском
С жаждой битвы, с намерением воевать,
Быстро повернул поводья в сторону врагов.

Во время предвечерней молитвы местность Бидана куруги [192] стала лагерем войск могущественного [Абдулла-хана]. В этой приятной местности [хан] вновь устроил совет с великими хаканами и эмирами, [величественными], как Сатурн.

Его святейшество Шукр-ходжа Саййид Атаи, Джан-Мухаммад-бий, аталык Гадай-султана, сказали: «Представляется правильным сегодня ночью стоять [на месте], а [утром], еще до появления передовых отрядов

полчищ владыки востока [— солнца], с предельной быстротой выступить для уничтожения врагов». Однако из победоносных ханских храбрецов Аким мирахур высказал блестящую мысль: «Представляется более правильным и наилучшим в ту же ночь сразу тронуть нам походных коней, идти на врагов и вступить с ними в бой где бы то ни было». Выразив согласие с упомянутым эмиром, победоносный хакан [Абдулла-хан] вместе с остальными султанами в полночь покинул эту местность, а [утром] во время султанского завтрака [193] расположился лагерем в Елан-ути [194], против войск неприятеля. Когда два войска приблизились [друг к другу] и произошла встреча сторон, тотчас же таваджии обоих войск начали готовить место для сражения. По всем правилам они выстроили ряды войск, подобно Искандаровой стене.

Правое крыло врагов составил Мамаджук-бий дурман, который был эмиром войскового подразделения, с тридцатью тысячами мужей и мстительных храбрецов поля брани.

Месневи

Воины, более многочисленные, чем пески в пустыне,
Одетые в кольчуги, [переливающиеся], словно морские
волны,
Все одеты в шкуры, напоминают степных волков,
Бушуют и шумят, словно горный поток.

На левое крыло [враг] определил Борак-бий наймана, являющегося сановным эмиром, с двадцатью тысячами вооруженных и хорошо оснащенных [воинов].

Стихи

Все желтолицые, с зелеными глазами,
Похожие на янтарь, [инкрустированный] ляпис-лазурью.

Сам Дервиш-хан, поставив в центр большое войско, поднял знамя храбрости.

С этой стороны хан, повелевающий, как Искандар, [Абдулла-хан] поставил Гадай-хана с сильным и мощным отрядом у входа в ущелье. Сам [Абдулла-хан] со всеми братьями и приближенными миновал ущелье и поднял руку смелости в степи. Джаванмард-Али-султана и Абдал-султана с воинами не только крепкими телом, но и отважными он поставил перед правым крылом противника. Махмуд-султана и Халик-Мухаммад-султана с отрядом воинов, мстительных по отношению к врагу, с отрядом яростных храбрецов он определил на правое крыло.

Месневи

Правое и левое крыло он украсил мечами
и шлемами так,
Словно украсил луг слезами облака.

‖ В авангард войск [Абдулла-хан] назначил султана, подобного Хосрову [Ануширвану], Хусрав-султана и Абд ал-Куддус-султана. Сам [Абдулла-хан] поднял победоносное знамя против центра войск неприятеля. [С ним был] отряд воинов, [к которым] подходят [следующие] стихи: 91б

Каждый вместо шелковой одежды был одет в кольчугу,
Вместо чаши вина держал в ладони жизнь,
[готовый жертвовать ею].

До того, как два мстительных войска напали друг на друга, Джан-Хасан бахадур кенегес имел честь доложить [Абдулла-хану]: «Со стороны Самарканда поднялось огромное [облако] пыли. По-видимому, идет Баба-султан на помощь Дервиш-хану». Его величество в сильной ярости сказал Джан-Хасан бахадуру: «Теперь не время [разглашать] такое известие, как бы не узнало об этом наше войско, тогда оно придет в волнение и потеряет боевой дух.

Словом, с двух сторон выстроились войска, подобно Искандаровой стене, оба войска стояли друг против друга, волнуясь, как толпы людей в день Страшного суда или как волны голубого моря.

Стихи

Два войска по сто тысяч [человек] с ног до головы
Все покрыты латами, словно рыба чешуей.

С обеих сторон [и] молодые и [опытные] воины приготовились к битве, сражению, бою, выпростав смелые руки из рукавов могущественности, они устремились навстречу друг другу.

Стихи

В стане раздался [такой] грохот барабана,
Что от него задрожало черное небо.

Храбрые воины [Абдулла-хана], являющегося прибежищем для [всего] мира, протянули руки, словно копье, чтобы [отнять] жемчужину жизни врагов. Устремившись [быстро], как стрела, в обитель тленного мира врагов, они стали ходить [по ней] ногами смерти. Иногда они хватали за шею врагов, словно арканом, иногда насмехались над упованиями этих несчастных, [разя] мечом и копьем.

Стихи

Когда сошлись оба войска,
Они превратили мир в день Страшного суда,
Войска с двух сторон на конях,
Разом тронулись [эти] войска.
С обеих сторон поднялся такой крик,
Что от страха лишился рассудка див.

Хотя враги твердо стояли на поле битвы и, подобно недорезанной птице, все еще продолжали сопротивляться, но они напоминали комаров [во время] урагана: чем дольше они стояли, тем все больше приближались к гибели. Как они ни стояли, сила [их] сопротивления все убывала. Они напоминали стружки белого тополя [перед] бушующим огнем. Действительно, что может сделать капля дождя с пирамидами, какой ущерб может причинить ураган Бадахшанским горам?

В этот день произошло такое сражение, что от [одного] вида его, внушающего страх, задрожало сердце Марса-меченосца на самой вершине голубой небесной твердыни, враждебный небосвод перестал мстить и стал
92а молить [бога даровать] удачу сражающимся на поле брани. Наконец || состояние дел у врагов [стало таким, какое] раскрывает смысл выражения: «Они поворачиваются вспять из отвращения» [195]. Дервиш-хан, избрав путь бегства, поневоле прекратил бой. Ветер возмездия натер глаза врагов державы сурьмой унижения, [взятой] из праха бедствий. От обилия крови лживых и низких [врагов] стали красными острые, блестящие мечи;

от убитых и раненых поле битвы стало походить на горы и холмы. Головы спешивых [врагов] катились [по полю], как мяч при игре в чоуган.

Стихи

В день битвы пролили столько крови обитателей мира,
Что всюду образовались холмы из трупов.

Те [враги], которые еле уцелели, обратились в долину бегства, потеряв все, что было из оружия и снаряжения. Войску [Абдулла-хана], величественному, как небо, досталось неисчислимое количество военной добычи, очень большое имущество. Некоторые [воины] из победоносного войска, подобно урагану, погнались за несчастными отступающими. Из почетных эмиров [противника] они взяли в плен Шейхим курчи и Пиш-Абдал-бия и привели их к подножию трона, подобного [трону] Сатурна, хакана — покорителя мира [Абдулла-хана]. Согласно приказу [хана], действующему как рок, их убили мечом решимости.

Стихи

Кто выходил за черту повиновения государю,
Того судьба карала мечом бедствий.

Его величество [Абдулла-хан] в тот день одержал такую победу, какую не удавалось одержать ни одному из прежних хаканов и живших в прошлом султанов. Такой [сильный] враг со ста тысячами храбрых всадников идет против [хана], а победителем оказывается могущественное, величественное войско [последнего]. Что может быть более ярким свидетельством силы могущества хана! Счастье и успех стали спутниками его величества [Абдулла-хана], подобного Искандару. Победоносное знамя [его] поднялось до зенита голубого неба, до созвездия Близнецов, а враги в растерянности обратились в бегство, утратили [былое] могущество. Его величество, победоносный и торжествующий, решил повернуть поводья для возвращения в столицу, [но] затем изволил остаться [на ночь] в этой же местности. Не успели еще уши отдохнуть от этой битвы, как в конце того же дня до высокого слуха [хана] донесли следующее: «Только что прибыл Баба-султан с бесчисленным войском в надежде оказать помощь [своему] брату Дервиш-хану». Как только его величество услышал об этом величайшем событии, уповая на Творца всего сущего, вместе со всеми великими и славными султанами он немедленно приступил к [организации] отпора противнику. Выступив против такого [огромного], как гора, войска [неприятеля], он поднял победоносное знамя до зенита голубого неба.

Месневи

Гордые всадники с решимостью воевать
Выстроились в два ряда, став похожими на гору Каф,
|| Воинственные храбрецы едут шаг в шаг, 92б
Вытянув копья, подобные ресницам красавиц.
Взяв в руки мечи войны,
Быстро, как молния, подошли с двух сторон,
У всех на голове шлемы, [все] одеты в кольчуги,
Все с ног до головы закованы в железо.

Когда произошла встреча двух [войск], победоносные воины [Абдулла-хана], опоясавшись поясом мести, [огромной], как гора, протянули руки для сражения, и, вступив на путь смелости, они направились для отражения врагов.

Что же касается врагов, то от величия натиска победоносного войска [Абдулла-хана] в сердца их проник такой страх и ужас, что при всей [своей] многочисленности они не смогли оказать сопротивления [воинам Абдулла-хана] даже в течение нескольких часов. При первом же нападении войска могущественного [хана] они покинули поле битвы и обратились в бегство. Отряд войск [хана] бросился вслед за отступающими, захватил много имущества и бесчисленное множество военной добычи.

Стихи

Когда злонамеренные [враги] обратились в бегство,
Войско хана стало богатым от военной добычи.

Волею судьбы было взято в плен много народу. Кадирберди кушчи, Тандуруст-бий дурман, которые были влиятельными эмирами Ташкента и выделялись среди прочих эмиров многочисленностью [своих] войск, большим количеством вооружения, также попали в плен и были убиты мечом мести.

Месневи

Обычай вращающегося неба таков,
Что в любви [у него] есть месть, в мести — любовь,
Одному оно возложит на голову золотую корону,
Зато другому будет докучать заботами.
Одного оно вознесет от Рыбы [196] до луны,
Другого низвергнет из дворца в колодец.

Да, обладателя счастливого сочетания светил везде, куда бы он ни повернул победные знамена, встретят победа и успех. Над его головой, поднимающейся до Фаркада, соколы святости, счастливые фениксы вершины любви простирают священные крылья. Вестники страны смысла тысячью языков доносят приятную весть о [его] победе и счастье до великого слуха [всех султанов мира].

Месневи

Султаны по положению, но находящиеся в уединении,
Покорители стран, [но] предпочитающие уединение,
Все славные, но пренебрегающие славой,
Все счастливые, но не достигшие [всех] желаний,
Все скромные, но бросающиеся в глаза, словно мир,
Все спокойные, но [постоянно] движущиеся, словно время,
У них нет богатства, но сокровищница [у них] в руках,
[У них] нет дворца, но царство в [их] владении,
Небо для них [словно] навес над крышей дворца,
Ангел для них [как] нищий в ханака.

Словом, его величеству [Абдулла-хану], которому постоянно покорно счастье, а вращение небес происходит только по его воле, в один день достались две победы. Такое случается только раз за многие годы, происходит весьма редко. Для характеристики этого славного государя тайный голос счастья языком обстоятельств произнес эти чудесные стихи:

93а || О ты, величественный, как солнце, благодаря [твоему] совершенству
Быстро вращающаяся луна является твоим спутником,
Два отряда войск, которые ты разбил только что сегодня,

[Стоят] «ста тысяч битв Наудара[197]», и это служит
хронограммой [198] [события],
Одна палочка [барабанщика] на [твоем] пиру стоит
Бахрама Чуба [199],
Один тюрк-привратник твой стоит Санджара [200].
В твоей коленной чашечке-зеркале
Я увидел отражение Искандаровой стены.

Могущественный хакан [Абдулла-хан], всюду одержав победу и [получив] власть, повернул поводья назад. Ночью он расположился на отдых в том самом месте, где происходили бои. На следующий день он ушел из той местности; победоносный и торжествующий, он поспешил в Самарканд. Когда жители узнали о бегстве врагов и о прибытии его величества с другими славными, могущественными султанами, то все знатные и простые, великие и малые, благородные и высокопоставленные [сановники], торговцы и прочее население, [как-то]: шейхи, достойные учителя, муфтии поспешили встретить [хана]. Они несли достойные дары и подношения, и через посредство столпов государства [хана] они обрели счастье от встречи с его величеством. Государь, подобный Искандару, с большим почетом, во всем величии и великолепии вступил в Самарканд, землю, подобную раю. Такую страну, которая могла бы беседовать с благоухающим раем как равная с равным, он отдал наследникам той страны — Гадай-султану и Джаванмард-Али-султану.

Стихи

Он такой шах, что нищий у его дверей по щедрости
Дарит город одному нищему [201], а имение — другому.

Когда утро спокойствия вытащило голову из во́рота упований, а солнце надежд взошло на востоке желанной цели, его величество [Абдулла-хан] поднял знамя победы и торжества; он повернул поводья величия и направился в великий стольный город [Бухару], постоянное местопребывание величия и славы.

Месневи

Выступил из города могущественный, счастливый шах,
[Которому] сопутствует успех, сопутствует победа.

О прибытии победоносного государя [Абдулла-хана] в окрестности Бухары и к стенам [ее], об окружении им той твердыни, высокой, как небо, о его усилиях по захвату [крепости] и о завоевании ее по милости бога, благодаря безграничной помощи его

Говорит Аллах всевышний и всесвятый: «И если бы не удерживание Аллахом людей друг от друга, то пришла бы в расстройство земля» [202]. Господь всевышний и превеликий, дарящий царство, может вложить в руки могущества, [ввести] в сферу власти какого-либо лица, халифа по достоинству, бразды правления, поводья величия страны. Однако с самого начала то лицо с божьей помощью, по безграничной милости его должно уничтожить всех тех, кто ногтем кичливости и спеси чешет голову надменности и высокомерия. || Султан стран мира водой справедливости [из] 93б
источника заботы, подобно Джамшиду, может сделать свежими, цветущими, напоенными влагой сады вилайета, цветники страны. Однако для

этого он должен сперва победоносным мечом очистить цветники страны от шипов мятежа, насилия мятежников и от мусора возмущения и бунта смутьянов.

Месневи

Кто видел, чтобы два меча находились в одних ножнах,
Кто видел местность, [где] пировали бы два Джамшида?
Бывает тесным одно царство для двух шахов,
Никто еще не слыхал о небе с двумя лунами.

Этим словам соответствует положение дел счастливого [Абдулла-] хана, подобного Искандару. Уповая на Творца всего сущего, он с незначительным числом людей, которые были у него в свите, обратил лик милосердия к наследным [правителям] Самарканда для оказания [им] помощи. В один день он два раза поднимал знамена для сражения с сыновьями Науруз-Ахмад-хана. [Бросались в глаза] многочисленность, превосходство врагов и незначительность отряда войск друзей [Абдулла-хана]. Согласно прекрасному слову прославленного Корана, [где] говорит Аллах, да возвеличится имя его: «Сколько небольших отрядов победило отряд многочисленный с дозволения Аллаха!»[203] — [Абдулла-хан] опрокинул знамя их (т. е. врагов) и вознес звуки барабана победы и торжества до чаши голубого неба.

В это время до великого слуха [Абдулла-хана] довели [известие] о том, что Бурхан-султан, вознамерившись воевать, сражаться, мечтая о битве, выступил для оказания помощи врагам и окружил крепость Кермине с целью захвата [ее]. Когда он узнал о бегстве их (т. е. султанов Самарканда), он также повернул поводья бегства, потерпев поражение, он поспешил в Бухару. Поскольку произошло такое событие, [Абдулла-] хан, по отношению к которому небосвод [является] гулямом, в [месяце] раджаб 964/май 1557 года выступил для завоевания Бухары с целью отомстить [Бурхан-султану]. Вместе с победоносным войском он остановился в местности Чартак [204], которая издавна была стоянкой великих султанов.

Месневи

Счастливый государь, подобный Искандару,
Хакан, могущественный, как небо, величественный, как Джам,
Тронул боевого коня,
Поднял пыль, [направляясь] к Бухаре.
Когда он окружил ту твердыню, он закрыл
Врата примирения перед лицом этого презренного народа.

Жители крепости, вступив на путь вражды, в долину смелости, приготовились к защите и сопротивлению. Превратив сердца в дом дьявольского наваждения, они вобрали в легкие (букв. «мозги») кичливости и самомнения воздух спеси и гордыни. Поистине это был народ, исключительный по мужеству и отваге, решительный и мудрый. По смелости и неустрашимости, воинственности и храбрости он не имел себе равных и подобных.

Месневи

94a ||Победоносное, прославленное войско,
[В котором] каждый подобен горе Эльбурс, готов [к битве],
Войско, которое во время битвы и сражения
Поднимает пыль до зенита небес.

Крепость Бухары благодаря предусмотрительности их (т. е. жителей) имела в избытке большой запас продовольствия и располагала всякого рода оружием, там засело огромное войско в ожидании битвы, готовое к бою и сражению.

Стихи

Кто может покорить такую крепость, кроме государя,
Для служения которому опоясался небосвод.
Кто может нанести поражение такому войску, кроме шаха,
Благодаря которому упрочились вера и законы пророка.

Несмотря на то что было лето и люди страдали от зноя, победоносное войско окружило крепость. Оно все время зажигало огонь битвы, [раздувало] пламя войны.

Что же касается Бурхан-султана, то и он с храбрыми воинами, [вооруженными] копьями, мечами и кинжалами, ступая по долине храбрости, совершал смелые атаки, оказывая сопротивление [воинам хана], проявлял исключительное мужество, чрезвычайную отвагу и храбрость.

Месневи

С двух сторон днем и ночью всадники,
Жаждущие [отнять] жизнь [врагов], поражали стрелами,
копьями,
Они в кольчугах идут отряд за отрядом,
Словно крокодилы в реке, [где несется] волна за волной.
У героев над головами блестят сабли,
Сверкающие, как молния на вершине горы.

[Прошло] два-три дня. В среду, рано утром, тюрк рассвета (солнце) вытащил из ножен востока серебряную саблю, накинув на плечи латы цвета киновари, подняв золотой меч, стал гарцевать на коне голубого неба.

Месневи

Рано утром, когда государь, обладатель войска звезд,
Показал на горизонте знамя утра,
[Враг] двинул конницу и пехоту,
Тронулся с места с барабаном и знаменем.

Из крепости через ворота, [ведущие] к обильно излучающему свет мазару его святейшества Ходжи Мухаммад ибн Мухаммад ибн Мухаммад ал-Бухари, известного [под прозвищем] Накшбанд [205], да озарится могила его, выступило много народу, огромное войско, числом около двух тысяч человек грешных румийцев [206]. По роду занятия они были стрелками из ружья. Каждый из них в этой области выказывал такое умение, что в темную, мрачную ночь пулей из ружья снимал точку с родинки злого негра. Верхом на конях в чепраках, расшитых золотом, они выступили с решимостью воевать, готовые к битве, сражению. Взяв в руки ружья, закинув через плечо самострелы, они протянули руки храбрости к победоносному войску.

Месневи

Со стороны крепости храбрые румийцы
Выступили для сражения,
У каждого в руках ружье, сверкающее, как пламя,

Блестящее, как двуглавый дракон.
94б || Ружье славных, воинственных мужей
[Походит] на блестящий хобот опьяненных слонов.

Войско, [по бесстрашию] подобное крокодилу, получив разрешение от великого и славного [Абдулла-]хана [вступить] в бой, с исключительным величием вложило в руки решимости поводья завоевания мира. Воины сели на быстроногих коней, могучих, как гора, [стремительных], как огонь, [плавно движущихся], как вода, и в полном вооружении направились к той несчастной толпе [врагов].

Месневи

С другой стороны войско, ищущее мести,
Войско, свыкшееся с победой, привыкшее побеждать,
[Где] все храбрые, смелые богатыри,
Бесстрашные покорители врагов, завоеватели стран.
Все одеты в золотые шлемы,
Все сверкающие, как солнце на востоке,
Одетые в кольчуги, они готовы к битве,
Все стали душой для тела войны.

Согласно [хадису]: «Война — хитрость», [Абдулла-хан] выставил на поле битвы один отряд, и [еще] один отряд он спрятал в засаде. Часть войска он послал вперед, чтобы оно завязало битву с врагами и заставило бежать их в сторону воинов, находящихся в засаде. Тогда они должны были выйти из засады, пришпорить коней храбрости, устремить [их] вперед и вступить в бой с врагами.

Согласно приказу [Абдулла-хана] испытанные в боях храбрецы пошли на врагов. Повоевав немного для виду, они отступили. Враги в сильном изумлении, осмелев, бесцеремонно бросились преследовать победоносное войско [хана]. Победоносное войско внезапно вышло из засады и, [уповая] на силу помощи от Аллаха, обрушилось на заблудшую толпу [неприятеля]. Эту несчастную толпу, которая напоминала Плеяды, [воины Абдулла-хана] при первой же атаке расстроили, уподобив [звездам] Большой Медведицы. Ударом блестящего меча, сверкающим копьем они свалили многих из них (т. е. врагов) с седла на землю. Много народу из той толпы [неприятеля] было убито победоносным мечом. Оставшиеся в живых, разбитые и израненные, обратились в бегство и направились к крепости [Бухары].

Месневи

Из-за обилия крови, оросившей землю,
Она стала как бы пурпурной,
Разгневанные всадники столь могущественны,
Что поле битвы стало для них тесным,
Они не разбирали, где кровь, где земля,
Неслись на конях прямо по трупам.

В тот день из той вероломной толпы [врагов] был убит Фархад, слепец, который всю жизнь шествовал по каменистой дороге смелости. Стрелок из лука Курбан-шейх, лук которого в войске врагов никто не был в состоянии натянуть, попал в сети пленения.

Единственный наездник [неба] — солнце — достиг зенита над башней небесной твердыни. Мисра: Войска прекратили битву. * Храбрецы ристалища смелости [— воины Абдулла-хана] с победой и торжеством

повернули поводья назад. Пленных они привели к подножию трона [хана], достойного халифа, и по его приказу их убили победоносным мечом.

На следующий день солнце, лицом подобное Минучихру [207], || подняло 95а
вышитое золотом знамя с решимостью покорить небесную твердыню, мечом, [сверкающим], как алмаз, оно освободило твердыню неба от войск звезд, от полчища светил.

Стихи

Рано утром, когда владыка востока — солнце —
Вытащил из ножен позолоченный меч утра,
Обратился в бегство царь Эфиопии Кубад
[И] утвердился на сирийском троне в столице Рума.

[Выступил] царевич, подобный Дарию, величественный, как Джамшид, звезда в созвездии счастья, жемчужина в шкатулке благородства, то есть могущественный Хусрав-султан. Он [возглавлял] отряд храбрецов, таких, как Науруз кушбеги и другие, сидящих на конях, [быстрых], как молния.

Стихи

[Кони] молодые, как власть султана, быстрые,
как исполнение его приказов,
Мчащиеся и настигающие врагов, как рок.

Выступив со стороны ворот великого, доблестного имама Абу Хафса [208], да будет милость Аллаха над ним, он обратил лик гнева к городу. Он зажег огонь битвы и сражения, усилил напряженность боя.

Со стороны крепости [Бухары] с большим числом людей, пеших и всадников, выступил султан Йар-бий, который был в числе прославленных храбрецов, мстительных воителей. Изготовившись к битве, обратив лицо смелости к победоносному войску [Абдулла-хана], он совершил нападение.

Войска с двух сторон обрушились друг на друга. Отряд храбрецов времени, мстители эпохи пришпорили боевых коней для битвы и сражения. Славный [Хусрав-]султан, произведя атаку с отрядом мстительных всадников, разя блестящим мечом, пронзая сверкающим копьем, сразу же перебил этих лжецов, презренных людей, большинство из них истребил, уничтожил копытами коней, разбивающими гранит. Некоторые раненые, с тысячью трудностей спасшиеся от когтей смерти, направились к долине бегства и, прибежав в крепость, закрыли ворота.

Стихи

Жители крепости, отказавшись от битвы,
Встали на путь бегства.

Могущественный [Хусрав-]султан, победоносный и торжествующий, повернул поводья назад, счастливый и ликующий, он поспешил к великому, славному войску [Абдулла-хана]. [Настал] следующий день.

Стихи

Вновь солнце, освещающее мир,
Показало лик из-за завесы.

С обеих сторон храбрецы ристалища смелости, воители поля отваги, заострив боевые мечи, пришпорив ратных коней, напали друг на друга,

как свирепые львы. Вступив ногами битвы на ристалище сражения, они показали образцы мужества и храбрости. Искры битвы они доносили
95б от самых низких слоев земли до высшей точки небес. || Огонь битвы, пламя сражения взвились выше Сатурна. Летящие одна за другой стрелы доносили сердцам весть о смерти. Бездушное копье рассказывало душе о раненом сердце.

Месневи

На том поле битвы непрерывно летящие стрелы
[Пронзали насквозь] тела храбрецов, образуя в [них]
два отверстия:
Через одно отверстие вступала смерть,
Через другое — уходила душа.

В тот день с раннего утра, когда показался наездник голубого неба (солнце), и до вечера войска Мавераннахра с двух сторон все время гнали боевых коней друг против друга, превратив полные мести груди в мишень для стрел, терзающих сердца. Наконец войско могущественного [Абдуллахана] милостью бога, благодаря божьей помощи нанесло поражение войску врага и эту гордую толпу [неприятеля] заставило бежать до [самой] крепости. Словом, в течение долгого времени, многих дней было так: вступали в битву всадники с двух сторон, стрелами они поражали глаза злобных [врагов], острием копья они вскрывали артерии [и проливали] кровь малодушных. В конце концов произошел удивительный случай, странная картина сняла завесу с лица.

Рассказ о том, как его святейшество, близкий к божественному чертогу, то есть его святейшество Ходжа Джуйбари, выступил для устройства дел перемирия, и о том, как той же ночью был убит Бурхан-султан Мирзой Ака эмир-заде, великим, как небо

Эти слова относятся к следующему случаю. Когда осада [Бухары] затянулась, а положение дел в связи с осадой сильно осложнилось, правитель Бухары устроил совет со столпами государства и эмирами. Было сочтено за благо для устранения трудностей раскрыть врата дружбы перед государем его величеством [Абдулла-ханом], чтобы устранить причину вражды и отчужденности. Ясно, что дела столь серьезные, важные, дела столь большого [значения] следует вручать не всякому, а только в умелые руки. Поводья решения такого рода дел нельзя доверять всякому лицу. Поэтому [Бурхан-султан] обратил [свою] просьбу к высокому порогу его святейшества, достойного [руководить] на пути истины, способного [вести] по пути истины, его святейшества, обладающего достоинством херувима, полюса достигающих степени «васл» [209], помощи исламу и мусульманам, руководителя племен человеческих на земле, раскрывателя милостей [божьих], доставшихся [людям] по наследству и по праву, угодника великого бога, то есть его святейшества Ходжи Джуйбари. Рукой надежды он ухватился за подол заступничества его святейшества [Ходжи]. Согласно содержанию [коранического стиха]: «Ведь согласие — лучше» [210], он просил [Ходжу пойти к Абдулла-хану] шагами примирения и оказать содействие в деле [заключения] мира. Поэтому его святейшество [Ходжа Джуйбари] отправился ко двору [Абдулла-хана], достойному [чертога] Сатурна, вместе с его святейшеством, прибежищем саййидского достоинства,
96а || солнцем на небе хакиката, небом солнца тариката, шейхом ислама и мусульман, наследником пророков и посланников, руководителем на

пути истины, то есть его святейшеством Мир Абу-л-Бака. Хакан, достоинством Джам, [Абдулла-хан], узнав о прибытии его святейшества [Ходжи Джуйбари], направился стопами любви в долину искренности и веры. Почтительно приветствовав [Ходжу], исполнив весь подобающий в таких случаях церемониал по оказанию уважения и почитания, он выразил безмерную учтивость [по отношению к Ходже]. Его святейшество, согласно [стиху]: «И если бы два отряда из верующих сражались, то примирите их» [211], заговорив языком, рассыпающим перлы [слов], дал ему (хану) много добрых советов, тонкие мысли он облек в красивые слова. Он раскрыл уста, чтобы сказать чудесные слова о заступничестве: «Я непременно захвачу от Твоих рабов долю назначенную» [212]. Прочитав [стих]: «А если вы извините, то это — ближе к богобоязненности» [213], [Ходжа] соизволил заявить: «Тот народ, у которого соскользнули ноги верности с места устойчивости, теперь, вступив в долину извинения, раскаивается в том, что сделал, просит о следующем: пусть [хан] простит им грехи и в этом деле последует великому божественному закону. Ведь даже [бог] при всем своем могуществе и величии, когда узнает о проступках и грехах [своих] рабов, в наказании он проявляет медлительность и терпение, всегда, когда входят через двери покаяния и извинения, он их прощает». Его величество волей-неволей принял во внимание заступничество его святейшества [Ходжи] и, вдев голову в ярмо повиновения, не возразил против благоразумных советов [Ходжи]. Как раз в то время, когда завоевание крепости [войсками Абдулла-хана] затянулось, оно было [достигнуто] благодаря благословению его святейшества [Ходжи Джуйбари].

Рассказ об этом событии следующий. После прибытия его святейшества [Ходжи Джуйбари] пользующийся почетом среди [мужей племени] кушчи Мирза Ака-бий, сын Саййидим-бия, [род] которого из поколения в поколение всегда был уважаемым, не только по предприимчивости, но и по воле судьбы задумал одно дело. В ту самую ночь, когда его святейшество, достойный руководить на пути истины, [Ходжа Джуйбари] изволил прибыть в ставку государя [Абдулла-хана], величественного, как небо, [Мирза Ака] начертал в своем сердце и в мыслях картину убиения Бурхан-султана. На своей земле он спрятал в засаде группу мстительных людей, а сам отправился к нему (Бурхан-султану), вручив поводья [своей] судьбы в руки милости Творца. Прибегнув к хитрости и коварству, он привел его, одного, в свой дом. Тот несчастный, губя [свою] жизнь, не ведал о том, что [его ожидает] смерть в засаде. [Его] душа, || став беспечной, забыла 96б
о бдительности и осторожности и была спокойной. Согласно [стиху]: «Ведь предел Аллаха приходит» [214], для нападения на птицу его души сокол смерти внезапно вылетел из башни, [где начертано]: «Захватит вас смерть, если бы вы были даже в воздвигнутых башнях» [215]. Упомянутый эмирзаде (Мирза Ака), выждав удобный случай в засаде мщения, по милости судьбы выпустил стрелу, [сделав] своей мишенью лоб его (Бурхан-султана). Та толпа, которая поджидала [его в засаде], сразу подняв свои мечи, подобные молнии, одним внезапным ударом покончила с ним.

Стихи

Кто [еще] утром носил на голове украшенную
драгоценными камнями корону,
Во время вечерней молитвы у изголовья того я увидел
кирпич.

Дату его смерти заключают слова: «Убитый сыном Саййид-бия» [216]. Маулана Низам Муʿаммаи, который составлял стихи-муʿамма и [обладал] исключительной способностью отгадывать их, дату смерти его (т. е. Бурхан-султана) выразил в следующих стихах — муʿамма.

Четверостишие

Бурхан, который одобрял путь тирании,
Во время [правления] которого поднялось знамя
бедствия,
Он был убит за свое притеснение, поэтому датой его
[Смерти] стали [слова]: «Меч смерти отсек ему голову
за тиранию» [217].

Словом, после того как освободились сердца от дел, [связанных] с ним (т. е. Бурхан-султаном), рано утром, когда появились первые лучи солнца, его голову, насадив на конец копья, послали к августейшей свите [Абдулла-хана]. Следующее полустишие содержит дату его убиения: О, погас на земле еще один луч солнца [218].

Его величество [Абдулла-хан], услышав об этом великом событии, вместе с его святейшеством [Ходжой Джуйбари] направился к крепости. Эмиры Бухары, такие, как великий эмир Джан-Али-бий, Назар-бий, султан Йар-бий, и подобные им вместе с прочими воинами и простым народом, не зная, что произошло это событие (убийство Бурхан-султана), выступили против победоносного войска [Абдулла-хана] шагами смелости и подняли руки храбрости.

Когда дерзость жителей крепости перешла всякие границы, забурлил фонтан ханского гнева, и он дал приказ, чтобы победоносные войска [его] окружили крепость, подняв на плечи острые мечи, подняв щиты, подошли к подножию крепости и вступили в битву.

Месневи

Он приказал, чтобы мужи, полные [жажды] мести,
Окружили ту крепость,
Чтобы разрушили ее рукой храбрости,
Затопили бы ее в потоке крови.

Когда военачальники крепости узнали об этом великом событии (т. е. убийстве Бурхан-султана), они по-настоящему поняли, что у них нет сил воевать и нет возможности противостоять победоносному войску [Абдулла-хана]. От страха у них закипели мозги в голове, желчь — в печени. В растерянности, в смущении они сошли с пути мятежа, со стези надменности и, направившись в долину бегства, покинули башни крепо-
97а сти. Его величество [Абдулла-хан], || достигнув цели, счастливый, поднял победоносное знамя до высшей точки вращающегося неба. Направляясь в город, [Абдулла-хан] вознес хвалу [богу] в связи с этой победой до купола неба. Сатурн, который является верховным повелителем седьмого [небесного] чертога, с лица невесты славы и величия рукавом счастья и благоденствия стирал пыль грусти и печали. Юпитер, который покоится на почетном ложе шестого неба [219], чтобы отвести взор завистников и дурной глаз недоброжелателей, прочел благословенный стих: «И поистине те, которые не веруют, готовы опрокинуть тебя взорами» [220]. Марс-меченосец, восседающий на троне пятой [небесной] крепости, поднял золоченый меч, чтобы охранять власть [хана], свыкшегося со счастьем.

Месневи

Сатурн — его нижайший привратник,
Юпитер — проситель, возносящий ему хвалу,
Тот, кого называют громом на небе,
Марс, — [всего лишь] один из пеших воинов в его войске.

Победоносный в боях владыка-солнце, который восседает на бирюзовом троне четвертого неба, в виде дара при приветствии рассыпал на макушку судьбы августейшего [хана] драгоценные камни-звезды. Венера, которая является музыкантом на месте пиршества в третьем [небе], стала наигрывать чудесную, вселяющую любовь и безмятежность мелодию и громко запела веселую, вызывающую радость и бодрость песню. До влюбленных она донесла звуки песни: «Мубарак бада, бад» («Поздравляем»). Меркурий, рассудительный писец, который сверкает на троне второго неба, прочитал [стихи], написанные по случаю поздравления [хана].

Месневи

Солнце — [лишь] луч с лица его виночерпия,
[По сравнению с его музыкантом] Венера —[лишь]
настройщица музыкальных инструментов,
Меркурий — [лишь] ученик писцов его двора,
Положивший голову на порог у его дверей.

Владыка, обладающий полчищем звезд, — луна, которая является властелином на троне первого [неба], на крыше первого небесного чертога забила в барабан радости и веселья. Вселяющие радость и отраду торжественные звуки она разнесла по всей чаше вращающегося небосклона.

Месневи

Ореол луны — подкова его коня,
Небесная сфера — его улица и ристалище.

[Таким] образом и в таком величии государь, могущественный, как Искандар, [Абдулла-хан] во время султанского завтрака вошел в город через ворота, [ведущие] к благословенному мазару его святейшества Ходжи Накшбанда [221], да освятится тайна его! Он выбрал для себя место и [своим присутствием] ярко осветил очи обитателей той лучезарной местности. Щедрая милость справедливости и доброты его досталась всему народу, [пала] на всех живущих.

Месневи

Не осталось никого из жителей города и вилайета,
Кто бы не читал его милостивых указов.

Великие саййиды, казии, улемы эпохи, выдающиеся ученые, сладкоречивые, остроумные поэты, которые проводили ночи в молитвах в ожидании такой участи, осчастливленные, поспешили ко двору, похожему на небесную сферу, и поздравили [хана] с победой и торжеством. Горящие в огне тирании [Бурхан-султана люди], униженные в пустыне отчаяния, они были обнадежены благодеянием из облака милостей государя, по отношению к которому небосвод [является] гулямом. || Они произнесли стих 97б
из Корана: «Посмотри же на следы милости Аллаха: как Он оживляет землю после ее смерти!» [222]. Без преувеличения и хвастовства [можно сказать], что для жителей Бухары этот день был словно счастливый праздник, он напоминал веселые и счастливые дни Науруза.

Месневи

Старый мир вновь обрел жизнь,
От сияния его лица [мир] обрел счастье.

Милость господа превратила просторы этой страны на некоторое время в арену деятельности хакана [Абдулла-хана], величественного, как Джамшид. И, естественно, солнце величия и счастья вновь покрыло сенью спокойствия и [удовлетворения] головы терпящих гнет в этом вилайете, избавило души испытывающих притеснение от стрел злоключений, которые постоянно насылала жестокая рука судьбы из лука притеснителей. Подданные из мрачной страны тирании добрались до источника живой воды [223] справедливости, народы обрели покой на лужайке спокойствия, в цветнике отдыха.

Стихи

Веяние власти шаха сотворило такое [чудо] в мире,
Что в природе не стало противоречий,
После этого разве посмеет
Утро [сообщать] о чьих-либо пороках или зефир
[приносить] что-либо дурное [о ком-нибудь]?!

Его величество [Абдулла-хан] приложил такое усердие в восстановлении законов справедливости, что лучи свидетельств и доказательств их будут сиять, как день. В устройстве [дел], касающихся веры и правил шариата, он проявил такое [красноречие], что при упоминании о прелести и свежести тех слов будет краснеть лик времени.

Стихи

Благодаря прелестному лицу государя времени
Расцвели розы упований в цветнике счастья,
Благодаря ореолу счастья могущественного хакана мира
Сады [мусульманской] общины и веры обрели свежесть.

После того как его величество [Абдулла-хан] стопами величия вступил на трон царствования, он укрепился в обители великолепия. Те, кто мечтал о бунте и стремился [поднять] мятеж, были растоптаны судьбой и предопределением, от опасений и страха они лишились силы.

После того как эта страна, как было описано [выше], была побеждена и покорена, его величество [Абдулла-хан] безмерно возблагодарил [бога] за это великое счастье. Он приказал, чтобы ремесленники и [люди, имеющие отношение] к искусству, для приветствия [хана с освобождением] страны собрались в Чарбаг-и Хани, который был построен покойным, прощенным [богом] хаканом Абу-л-Гази Убайдулла бахадур-ханом, да освятит Аллах его доказательство! В то время, когда султан цветов разбивал палатки для соловьев, а на лужайке и в плодовом саду соловей
98а разливался тысячами трелей, || проворные фарраши [быстро], как первые порывы прохладного ветра, начали стелить ковры. Палатки и шатры, царские палатки они возвели до высшей точки луны. Все свое мастерство и умение применили ремесленники семи климатов для украшения [праздничества] и не пренебрегли ни одной мелочью.

Мосневи

Люди разных профессий [в том, что] знали,
Старались быть достойными своего ремесла.

Хан, величественный, как Джам, [Абдулла-хан] из султанского дворца направился во дворец для веселья. Он возгорелся сильным желанием [присутствовать] на дружеской, спокойной беседе, на пиру веселья

и ликования. В этой подобной раю местности в течение нескольких дней [Абдулла-хан] предавался удовольствиям и веселью и раскрыл врата радости и безмятежности перед охваченными восторгом [людьми]. На этом царском празднестве, которое прошло исключительно хорошо, [Абдулла-хан] изволил оказать безграничные милости, [проявить] уважение к простым и знатным.

Месневи

Шах устроил такой царский пир,
Что место пиршества стало райским садом,
Для счастья шаха, величественного, как небо,
Были приготовлены [всевозможные] увеселения и удовольствия.
Вся поверхность [места] пиршества наполнилась вином
Так, что изумились очи неба.
От звуков саза, от голоса певца
В волнении закружилась Венера.

Музыканты, играющие, как Венера, [извлекая] из струн уда и чанга звуки высоких и низких тонов, лишали покоя душу и сердце — разума; сердце и душу они наполняли огромной радостью. Сладкоголосые певцы на пиру этого [хана], второго Хосрова [Ануширвана], пели царские песни, [которые] сливались со звуками руда. Радость и веселье, вызванные этими ласкающими сердце песнями, доносились до слуха обитателей самого высокого неба.

Месневи

Да будет вечно радостным могущественный [хан],
Да будет весь мир цветущим благодаря его справедливости,
Да будут головы врагов прахом на его пути,
Бирюзовый трон [неба да будет] местом веселья его!
Да будет ему небо рабом, звезда [счастья] — другом,
Да будет его хранителем господь мира!

На этом высоком собрании по случаю торжества, [связанного с завоеванием] Бухары и вступлением на престол власти [Абдулла-хана], лучший из поэтов, Маулана Мушфики, сочинил прелестную касыду, и, получив [за это] чудесные дары и дорогие подарки, он был отмечен и выделен среди подобных себе [мужей]. Эта касыда следующая:

Бухара оттого стала куполом ислама и веры,
Что прибыл сюда защитник ислама Абдулла-хан,
Исполнились радости трон, [достойный] Дария, корона,
достойная Сулаймана:
Пришел тот, кто является полновластным Дарием,
покорителем стран, Джамшидом.
Сколько веков небосвод бросал косточку, [гадая], наконец
Появился этот могущественный шах, славный покоритель мира.
Астролог увидел его звезду, определил время,
Небеса были [ясными], как стекло, звезды в них [словно]
движущиеся пески.
‖ Для царствования он был тайной, скрытой за завесами 986
неизвестности,
Когда его судьба подняла знамя, он появился в мире.
У обитателей земли его появление вызвало такую радость,
Что с неба прозвучал возглас Полярной звезды:
«Добро пожаловать!»

Благодаря его справедливости, как весеннее облако,
медленно и непрерывно
Можно двигаться с запада и направляться на восток.
Чауш [224] его двора наказывает солнце
За то, что оно без его разрешения подошло к канатам
шатра [хана].
С тех пор как его стрела поражает сердце врага,
[Воцарился такой мир], что голубь [свивает] гнездо
на глазах у сокола.
В его время едва взошел новый месяц на небе,
[Как] раздался звук, [извещающий] о благополучии,
зазвучал голос, [выражающий] спокойствие.
Земля, словно небо, стала богатой до такой степени, что,
[Когда] от него (т. е. хана) возвращаются нищие,
из их лохмотьев сыплется золото.
Когда весеннее облако его милости стало рассыпать перлы,
Раковина разверзла грудь, [от зависти] застонала туча
в месяце нисан [225].
От стрелы, пущенной его пальцем, сердца врагов охвачены
огнем горести,
И они так изжарились, что [вес их] уменьшился от ста манов [226]
до одного мана и [они согнулись], как лук.
В той степи, где он разбросал кости врагов,
От жалости к костям земля застонала, словно гора.
В его время от жара солнца шариата в кабаках
Вино вылилось через край чаши.
В его время зефир придирался к бутону, [говоря]:
«Ты налил в чашу вина».
Он упрекал розу, говоря: «Ты стала виночерпием
в цветнике роз».
Красноречивый язык Мушфики бессилен описать
достоинства его,
Хотя его умение облекать [мысли] в изящные выражения
безгранично.
Он сложил стихи, чтобы вознести молитву за его величество
И прийти туда, [где находились] праведные, то есть к праху
у его порога.
Если шах, обладающий войском, [многочисленным], как звезды
на небе, захочет в любое утро
Выступить из пределов своей страны для покорения мира,
Да будут дарованы тебе пределы мира, ибо ты помышляешь
О [наступлении] поры вечного счастья для современников.

Об определении площади Мавераннахра, о характеристике вилайетов и городов, входящих в эту прекрасную страну

Да не останется скрытым для сердец умных и проницательных людей, для умов мыслящих и прозорливых [мужей], что [среди стран] семи климатов славится обширностью пространства и обилием богатств область, которая среди знатных и простых людей известна как Мавераннахр. Бóльшая часть ее находится в пятом климате. На западе она начинается в местности, которая лежит на девяносто пятом градусе долготы от Джазаир-и Халидат [227], что является также долготой Хорезма, [и простирается] до вилайетов Кашгар и Хотан. В широтном направлении [она простирается] от Амуйа [228], что составляет конец четвертого и начало пятого

климата, и до Кашгара и Алмалыка [229], находящихся в начале шестого климата. Итак, в таком определении площадь Мавераннахра || составляет 99а
примерно сто фарсахов на двести сорок фарсахов. Некоторые люди определяют область Мавераннахра как страну, расположенную между двумя реками — Джейхуном и Сейхуном. Для описания границ ее определили следующие [пункты]. Начало восточной границы с той стороны, которая обращена на юг, находится в местности Пянджаб [230] и в горной области Бадахшан; та сторона, которая обращена к северу, — это вилайеты Кашгар, Хотан до границ Моголистана, страна уйгуров входит туда же. На западе Мавераннахр граничит с Хорезмом, некоторые считают его входящим в Мавераннахр, другие считают принадлежащим Джурджанскому вилайету [231]. Та западная граница, которая обращена к северу, — это Дашт-и Кипчак, страна узбеков и Туркестан. Та сторона [запада], которая обращена к югу, — пустыня, составляющая пространство между Хорезмом, Хорасаном и Каспийским морем (Бахр-и Хазар). Северная граница Мавераннахра находится в шестом климате, от Алмалыка до Баласагуна [232], которые вместе составляют область тюрков (Билад ат-тюрк). На юге Мавераннахра река Джейхун является рубежом между областями Хорасан и Мавераннахр, по этой причине [эту страну] называют Мавераннахр (т. е. то, что за рекой). Некоторые [так] описывают Мавераннахр: «Области его (Мавераннахра) изобилуют плодородными [землями], богатыми городами, многие из них очень большие, и нет местности, где бы не были построены города или села, обработаны земли, [не простирались бы] пастбища. Климат его самый здоровый, вода его — приятнейшая из вод, земли его хороши, вода пресная и протекает по всем его горам и окраинам, земли его — лучшие из земель. Города его: Бухара, Самарканд, Термез, Ходжент. Жители его — лучшие люди, они стойки в вере, в [приобретении] знаний и подвижничестве, они сильны верностью, щедростью, мужеством».

У поэтов много стихов, бесчисленное множество стихотворений, описывающих города Мавераннахра. Некоторые из них следующие:

Взгляни, в Мавераннахре расположены в четырех местах
Четыре города, и каждый из них прекраснее высочайшего рая.
Первый город — Бухара, источник науки и учености,
Ее земля славится в странах Рума и Чина.
Самарканд — великий город, средоточие власти,
Среди городов по величию он словно корона с драгоценными камнями.
Затем Термез — место обитания святых и щедрых [мужей],
На берегу бурной реки, [часто] выходящей из берегов.
Приятной местностью, [вселяющей] радость, местом обитания суфиев
Являются в этой стране земли города Ходжента.

То, что писали историки о чудесах Мавераннахра, это следующее. Там в горе имеется пещера, по которой, бурля, течет вода. Зимой она настолько горяча, что, если кто-нибудь входит в эту воду, || он не может 99б
перенести это: она обжигает. Летом она холодна до того, что замерзает. И [еще]. В горах между Туркестаном и Мавераннахром имеется черный камень, [он] горит, как уголь, оттуда харварами [233] возят его в города, и люди его покупают. Когда его сжигают, пепел его становится белым. Его (пепел) употребляют, так же как и ушнан [234], для отбеливания платьев и платков. Имеется еще другой камень: если его опустить в воду, появляются туча, дождь, гром и ветер. Мудрецы говорят, что это [одно] из свойств того камня. Аллах — лучший знаток истинного положения дел!

Жители Мавераннахра всегда славились мудростью. Они известны как мужественные и сильные люди. Рассказывают, что Гуштасп [235] спросил у Джамаспа [236]: «Что мне делать, чтобы мои сыновья были смелыми, войско — послушным, дочери — целомудренными?» Тот сказал: «Возьми войско из Мавераннахра, жену — из Рума, живи в Балхе». Халиф Ма'мун [237], для [того чтобы] воины были образцовыми, приказал [набрать воинов]: одного человека — из Мавераннахра, двух человек — из Сирии, одного человека — из Ирака. В дни господства ислама, во время правления Саманидов Мавераннахр был хорошо благоустроен, в особенности Бухара, которая была столицей их (т. е. Саманидов).

О Бухаре [упомянул] глава красноречивых, лучший среди проницательных людей Ата ал-хакк ва-д-дин Малик Джувайни, брат сахиб дивана ходжи Шамс ад-дина, именем которого украшен текст «Шамсиййа» [238], и потому [это произведение] получило название «Шамсиййа». В «Тарих-и Джахангуша», что является произведением, [написанным] пером, рождающим жемчуга [слов], о достоинствах Бухары [Джувайни] написал так: «Среди восточных городов Бухара является куполом ислама, в тех странах она подобна Мадинат ас-саламу (т. е. Багдаду). Окрестности ее прелестны от сияния света факихов [239] и улемов, вся она украшена [ввиду пребывания] красноречивых поэтов. Издревле в течение веков Бухара была средоточием улемов разных религий» [240].

[Слово] «Бухара» происходит от «бухар», что на языке магов обозначает «источник знаний». Это слово близко к слову идолопоклонников Уйгурии и Хитая, у которых храм, являющийся местом [хранения] идолов, называется Бухар. Настоящее название города было Лумджикат.

Абу Наср Ахмад ибн Мухаммад ибн Мухаммад ал-Кубави говорит: «Мне рассказал кази ал-анам, величайший имам устад Шамс ад-дин Абу Бакр ибн Мухаммад ибн Али ибн ал-Фазл аз-Заранджи, а он сказал: Мне рассказал шейх ул-имам Абд ал-Малик ибн Абд ар-Рахман ас-Санбари, а он сказал: Мне рассказал Абу Хафс Ахмад ибн Хамдан ал-Факих, а он сказал: Мне рассказал Абу Амр Башир ибн Асаф ибн Мансур, а он ска-
100a зал: || Мне рассказал Мухаммад ибн Сахм в 286 году», а он — от Хаджаджа ибн ал-Ансари, а он — от Мухаммада ибн Кайда, а он — от Абу Харун ал-Абди, а он — от Раби'ат ас-Сугди, а он — от Хузайфа ал-Йамана [241], да будет доволен им Аллах, который сказал: «Пророк, да благословит его Аллах, да приветствует, сказал: „Вскоре после моей кончины будет завоеван город в Хорасане под названием Бухара, что за рекой, называемой Джейхун. Это земля, оберегаемая [божьей] милостью, она окружена ангелами, [пользуется их] помощью. Жители ее спят на ложе [спокойствия], как прославленные на пути великого Аллаха, известные, как [сражающиеся] мечом на пути Аллаха"». Он (Абу Наср ал-Кубави) говорит: «Этот хадис привел в своей книге Мухаммад ибн Джа'фар [Наршахи], однако он не привел иснад [242] его, а мы привели вместе с иснадом, чтобы это послужило свидетельством подлинности хадиса». Автор книги «Тарих-и Бухара» Абу Бакр Мухаммад ибн Джа'фар ан-Наршахи в своем сочинении рассказывает: Мугира Шу'ба [243], да будет доволен им Аллах, рассказывает: «Пришел я к эмиру правоверных Осману ибн Аффан, да будет доволен им Аллах, а он уже посадил перед собой Ахнафа ибн Кайса [244]. [Халиф] сказал [Ахнафу]: „Нужно [тебе] отправиться в Хорасан. Если тебе удастся завоевать [его], войди в город Бухару и окажи милость жителям ее, ибо это благословенный город"». Он (Абу Наср ал-Кубави) говорит: «До нас дошел [один хадис] с иснадом». Хузайфа ал-Йаман, да будет доволен им Аллах, сказал: «Однажды эмир правоверных Омар ибн ал-Хаттаб, да будет доволен им великий Аллах, говорил о Хорасане и неодобрительно отозвался о нем. Эмир правоверных Али ибн Абу Талиб, да будет доволен им Аллах, сказал: „Извини, о Омар, ведь у господа, велик он и славен, в Хорасане есть город, который называют Бухара. Знаешь ли,

что это за место? Великий господь в день воскресения из мертвых пощадит Бухару и жителей Бухары. Когда другие люди будут испытывать страх в день Страшного суда от ужасов Судного дня, им (жителям Бухары) придет радостная весть о рае". Тогда Омар сказал: „Как прекрасны жители Бухары! Каждую ночь господь великий смотрит на них благосклонным взором, он простит любого из их племени, кого только захочет"». Эти два хадиса привел вместе с иснадом кази Абу Бакр Заранджари. Ахмад ибн Наср говорит, что у Бухары много названий, однако название «Бухара» наиболее известное. И ни у одного из городов Хорасана нет стольких названий. В одном из хадисов Бухара называется Фахира (Славная). Ходжа имам Захид Ва'из Мухаммад ибн Али ал-Науджабади [245] передает хадис со слов Салмана Фариси, да будет доволен им Аллах! [Салман Фариси] сказал: Пророк, да благословит его Аллах, да приветствует, изволил сказать: «Джабра'ил, посредник [между Аллахом и пророками], сказал: „В землях востока есть страна, которую называют Хорасан. В день воскресения из мертвых три города его будут украшены рубином, жемчугом и кораллом. Они будут сверкать. || Вокруг этих городов будут ангелы, 100б
[они вознесут] хвалу и славу [богу]. В день Страшного суда с почетом, уважением приведут жителей этих городов на место сбора, словно невесту, когда приводят [ее] в дом жениха. У каждого [из этих городов] будет семьдесят тысяч знамен. Под каждым знаменем будут находиться семьдесят тысяч мучеников за веру. Под покровительством каждого мученика за веру найдут защиту семьдесят тысяч единобожников, говорящих по-персидски. Во все стороны от этих городов — вправо, влево, вперед и назад, на [расстоянии] двух дней пути — везде будут находиться мученики за веру". Пророк, да благословит его Аллах, да приветствует, спросил: „О Джабра'ил, назови имена этих городов". Джабра'ил сказал: „Первый по-арабски называют Касимиййа, по-персидски — Вашгирд [246], второй по-арабски [называют] Самранат [247], по-персидски — Самарканд, третий по-арабски [называют] Фахира, по-персидски — Бухара". Пророк спросил: „Почему ее называют Фахира?" Джабра'ил сказал: „Потому что в день воскресения из мертвых она будет гордиться среди всех городов множеством мучеников за веру". Пророк сказал: „Да благословит Аллах [мучеников] в Фахира, да очистит сердца их в благочестии, да приумножит их дела и деяния добром для моего народа"» [248]. Вот почему жители Бухары по милосердию, чистоте веры и убеждению не имеют подобных себе [нигде] от востока до запада. Он же (т. е. Мухаммад ибн Джа'фар) говорит: В «Хазаин ал-улум» («Сокровищнице знаний») [249] Абу-л-Хасан Нишапури пишет: «Причина постройки цитадели Бухары следующая. Сийавуш ибн Кайкавус [250] бежал от своего отца. Переправившись через Джейхун, он пошел к Афрасиабу. Афрасиаб обласкал его и выдал [за него] замуж свою дочь. Рассказывают, что [Афрасиаб] отдал ему все свое имущество. Сийавуш пожелал оставить после себя след в этих странах, ибо он знал, что жизнь будет скоротечной и не выкажет ему верности. Итак, он приказал построить цитадель Бухары и большей частью жил там. Когда между ним и Афрасиабом клеветой [посеяли вражду, Афрасиаб] убил его. Его похоронили в той же цитадели, внутри крепости, при входе (букв. „когда входишь") в восточные ворота, которые называются воротами „Ках-фурушан" (Продавцов соломы), а также называют „Ворота Гурийан"» [251]. Огнепоклонники Бухары по этой причине почитают данную местность. Ежегодно в день Науруза до [восхода] солнца каждый приносит туда одного петуха. У жителей Бухары имеются плачи по случаю убийства его (т. е. Сийавуша). Они известны во всех вилайетах. Музыканты положили их на музыку и называют их «Плач магов». Эти слова [произносятся] более трех тысяч лет. Некоторые говорят, что [Бухарскую цитадель] построил Афрасиаб. Эта цитадель разрушилась и в течение [многих] лет оставалась [в таком виде]. Когда Бидун бухархудат [252] стал правителем ее (Бухары), он вос-

становил эту крепость. Он пожелал построить в ней дворец. Он два раза строил [его, но дворец] разрушался. Наконец по совету мудрецов построили [его] с семью каменными колоннами наподобие Большой Мед-
101а ведицы. || [После этого] он уже больше не разрушался. Удивительно то, что, с тех пор как был построен этот дворец, ни один государь, выступив из него, никогда не возвращался без победы над врагом. Другое чудо заключается в том, что, с тех пор как появилось это здание, ни один государь, ни из мусульман, ни из неверных, не умер в нем естественной смертью, кроме благородного отца его величества [Абдулла-хана], то есть хакана, великого, как Искандар, [Искандар-хана], который в нем отдал клад жизни ангелу смерти и перенес пожитки жизни из этого тленного мира в мир вечный, как об этом будет подробно написано в своем месте.

В конце эпохи династии Саманидов эта крепость была разрушена и оставалась [в таком виде] в течение нескольких лет. Арслан-хан [253] восстановил ее, он построил ее еще лучше, чем [она] была [раньше]. Здесь он устроил свою резиденцию. В глазах народа эта крепость пользовалась большим почетом.

Когда хорезмшах [254] в одном из месяцев 534/1139-40 года прибыл в Бухару, от имени султана Санджара правил в Бухаре эмир Занги Али. [Хорезмшах] захватил его [в плен] и убил. Он разрушил крепость.

В одном из месяцев 536/1141-42 года, когда Алптегин [255] по приказу Гурхана взял Бухару, он восстановил [крепость].

Словом, Бухара издревле славилась (букв. «красовалась») мягкостью климата, обширностью пригородов, обилием богатства и скота. С тех пор как она существует, она была местом слияния морей улемов [различных] племен, источником прозрачной воды милостей, родником красноречия, мастерской одежды красоты.

В «Тарих-и ал-и Саман» [256] [говорится], что окрестности ее (Бухары), двенадцать фарсахов на двенадцать фарсахов, были благоустроены, [кругом виднелись] сады, поля и селения. С тех пор как существует этот вилайет, он был благоустроенным и цветущим. В особенности в дни правления его величества [Абдулла-хана], ныне, в девятьсот девяносто третьем году хиджры, он с каждым днем становится все краше. Согласно [изречению]: «Народ следует вере своих государей» [257], в подражание его величеству [Абдулла-хану] каждый из столпов государства построил великолепные здания, как-то: рабаты, мечети, мосты, сардаба [258]. Много земельных участков и недвижимого имущества [этого вилайета хан] превратил в вакф [259] для того, чтобы улемам, отшельникам, благочестивым людям и богомольцам предоставить средства к существованию.

В окрестностях ее (Бухары) в любом направлении, куда бы ни [пожелали] пойти, ни в пустыне, ни в степи, не осталось такой местности, где бы путешественники, останавливающиеся на ночлег, должны были [ночевать] в степи. О благотворительности его величества благословенного [Абдулла-хана] и столпов его государства и о разного рода благотворительных учреждениях будет рассказано в заключение книги, если пожелает Аллах великий, господь миров.

Рассказ о походе могущественного хакана [Абдулла-хана] со всеми братьями во всем величии и великолепии для осады Несефа

101б || После того как его величество [Абдулла-хан] утвердился на троне великой державы в куполе ислама — Бухаре, поначалу он не счел нужным оставлять бухарское войско при [своем] высоком дворе. По этой причине султан, подобный Хосрову [Ануширвану], Хусрав-султан с одобрения [Абдулла-]хана, повелевающего, как Искандар, увел с собой в Шахрисябз эмира Джан-Али-бия ибн Джултай-бий наймана, Джулма оглана,

Назар-бий ибн Аймин-Баки-бия наймана и других. Поводья разрешения важных дел дивана он вручил в руки обладания некоторых из них. Наместник [Абдулла-хана] Ибадулла-султан попросил у его величества [Абдулла-хана] храброго эмира султан Йар-бий дурмана, назначил [последнего] своим аталыком и отправился в Сагардж, который тогда был его союргалом. Когда прошло некоторое время с начала царствования победоносного [Абдулла-хана], в преисполненном благородных помыслов благословенном сердце [хана] возникла следующая мысль: «Поскольку Несефский вилайет издавна был подвластен Бухаре, следовательно, ясно, что всякий, кто является правителем ее (т. е. Бухары), тот является владельцем и его (т. е. Несефа). Поэтому представляется правильным, чтобы все подвластные земли Бухары вошли в сферу [моего] господства». Согласно с этим в первых числах [месяца] рамазана упомянутого (964/июнь 1557) года по приказу прославленного храбростью государя [Абдулла-хана] Хусрав-султан немедля тронул боевого коня и в полном блеске и великолепии отправился для осады Несефа. В то время правителем Карши был Худайберди-султан. Когда он узнал о походе его величества, он шагами старания вступил на путь вражды и поспешил в долину войны. Тотчас приготовив средства для защиты крепости и орудия для отпора [воинам хана], он поднял голову вражды. Он привел с собой людей, сколько мог, и укрылся [в крепости]. Когда прошел месяц со дня начала осады [Несефа], государь, величественный, как Искандар, [Хусрав-султан] по просьбе некоторых столпов государства отсрочил завоевание этого вилайета и отправился в столицу [своих] владений, то есть в Шахрисябз. [Он думал], что Худайберди-султан испугается нападения славного войска и Несефский вилайет без труда и заботы окажется под его (Хусрав-султана) властью. Он оставил своего счастливого брата Дустим-султана в Касби и начертал письмена о завоевании этого вилайета на скрижалях его души.

В это время правитель Кашгара, хан, подобный дервишу, Рашид-хан отправил в Самарканд султана Саʿид-султана с войском, со свитой, барабаном и знаменем. В месяце тир [260] упомянутого (964/1557) года названный Саʿид-султан с огромной армией, неисчислимым войском прибыл в Самарканд, в землю, подобную райскому саду, и вступил на трон || власти, на престол господства. 102a

Когда прошла зима и совершенно прекратились холода месяца дей [261], [наступила] ранняя весна 965/1558 года, сады и луга покрылись шелком семи цветов, степь стала предметом зависти китайской картинной галереи.

Стихи

Наверху распустился жасмин, луг [стал] подобен лику кумира,
Фиалка стелется внизу под жасмином, [согнутая], как спина идолопоклонника.
Небо стало как железо от тучи [262], по цвету напоминающей железо,
На нем сверкает молния, словно искры от [раскаленного] железа,
Перед прекрасным одеянием тучи поблекли [одеяния] в мастерской Тараза [263],
От аромата мускуса, [приносимого] ветром, стало неощутимым [благовоние] в мастерской Хотана [264].
Дождь образовал на земле тысячу узоров,
На воде [ветер] вызвал тысячи складок.

И тогда победоносный хан [Абдулла-хан] с вооруженной ратью, с оснащенным войском направился к Несефу. Он окружил его крепость,

уподобив [ее] точке в центре [круга], и всем своим людям приказал [делать] подкопы.

В то время из Самарканда к крепости Несеф прибыл также султан Йар-бий на помощь Худайберди-султану. Все время он прилагал исключительное старание и усердие, чтобы дать отпор победоносному войску [Абдулла-хана]. Он постоянно побуждал и подстрекал людей внутри [крепости] оказывать сопротивление победоносному войску [хана], сражаться [с ним]. Храбрецы обеих сторон непрерывно шествовали дорогой вражды и битв. Охваченные жаждой битвы, они вступали в бой, сражение. В частности, Мирза Ака-бий, Науруз кушбеги, брат мирзы Валиджана, Аким хаджи, тронув боевых коней, совершили налет на ворота и вихрем атаки подожгли гумно надменности и самомнения врагов.

Победоносные эмиры [Абдулла-хана] с [разных] сторон в нескольких местах вырыли подземные ходы, подвели их под крепостной ров и подкопались под стены и башни крепости. В конце концов, по уведомлению людей, находящихся вне стен крепости, жители внутри [крепости] узнали о подземных ходах и тотчас же поспешили их уничтожить. План стремлений [эмиров Абдулла-хана] не совпал [с волей] судьбы, картина завоевания осталась за завесой отсрочки и не открыла лица.

Когда время осады затянулось и достигло двух месяцев, эмиры обеих сторон стали встречаться друг с другом и заговорили о мире следующим образом: «Пусть Несефский вилайет войдет в сферу власти [Абдулла-]хана, подобного Искандару, а взамен этого Худайберди-султан возьмет Сагарджский туман». Как только картина перемирия показала свой лик, его вели-
102б чество [Абдулла-хан] направился к столице величия — [Бухаре]. || Ибадулла-султана, наместника, он привел с собой в Бухару и пожаловал ему три тумана этого вилайета. Он присоединил к Каршинскому вилайету Шахрисябз и послал указ [об управлении] этими [землями] храброму султану Хусрав-султану.

В этом же (965/1558) году Чарджуй вошел в сферу власти хакана, подобного Искандару, [Абдулла-хана], похожего по нраву [на пророка] Мухаммада. Объяснение этого события следующее. Когда победоносный государь [Абдулла-хан] утвердился на троне величия и власти и лучезарное солнце его справедливости, милосердия и милости засияло над головами обитателей мира, в Чарджуе правил Хайдар-ходжа, который был отцом жены Бурхан-султана. Он не вдел голову в ярмо повиновения его величеству [Абдулла-хану]. По этой причине [Абдулла-хан] сначала [призвал] Хуши-[бия] Дираза («Длинного»), принадлежащего к племени нукуз, обласкал его подобающими обещаниями и с отрядом тюрков послал на войну против Чарджуя. Жители Чарджуя, узнав о походе победоносного войска, уже видели свои головы [привязанными] к кольцу седельных ремней [265] [воинов Абдулла-хана]. Несмотря на это, выразив единодушие, с большим количеством тюрков они встали на берегу реки против благословенного войска [хана] и выстроили ряды. Они взяли в плен Хуши-бия и разбили остатки войска [Абдулла-хана]. Это событие стало известно всюду. Тогда некоторые воины Бурхана, такие, как Раджаб-бий, Имам-Кули чапук, Мухаммад-Риза, и подобные им, которые после убийства Бурхан-султана бежали в Балх, прибыли в Чарджуй, чтобы оказать помощь Хайдар-ходже. Они переправились через реку Амуйа и с целью совершить нападение на войско [Абдулла-хана] направились в Йайчи [266], которое подвластно Каракулю. Для отражения их его величество благословенный [Абдулла-хан] вновь назначил [отряд, где были] эмир Джан-Али-бий, Джан-Пулад-бий ушунь. Благодаря заступничеству кыблы государей, Каабы справедливости и верности, полюса полюсов его святейшества Ходжи Джуйбари Джан-Али-бий в то время получил должность аталыка его величества [Абдулла-хана]. Упомянутые эмиры, сочтя врага [как бы] несуществующим, не обращая [на него] никакого внимания, направились

к той смелой толпе. Они также не достигли цели в битве с врагами и вернулись обратно. Враги переправились через реку и пошли в Чарджуй. Хайдар-ходжа оказал им великие почести, безграничное, беспредельное уважение.

В это время по воле судьбы и из-за силы счастья хана — покорителя мира [Абдулла-хана] Хайдар-ходжа переселился из тленного мира в мир вечный. Его племянник Джан-ходжа по совету той группы [сторонников Хайдар-ходжи] поднял голову вражды [к Абдулла-хану]. В конце концов между ним [и той толпой] произошла окончательная ссора, и в связи с этим Джан-ходжа выразил покорность [Абдулла-хану]. Та толпа [сторонников Хайдар-ходжи] с высшей точки могущества сразу же низверглась в бездну ничтожества, || из этого мира переселилась в царство наказания 103а
(т. е. погибла). Разъяснение этого события следующее. Власть над этим вилайетом утвердилась за Джан-ходжой. Тогда сторонники Бурхана, храбрые мужи, привели некоего саййид-заде и объявили его сыном Бурхан-султана. Они убили сына ходжи (т. е. Джан-ходжу) и посадили на трон власти султана Саййид-заде. По этой причине приверженцы Хайдар-ходжи вместе с жителями Чарджуя поспешили напасть на эту упрямую толпу (сторонников Бурхана). Взявшись за проливающие кровь копья и боевые мечи, они скрутили руки этой толпе притеснителей, истребили ту толпу [людей], у которых мозги были [пропитаны] чувством высокомерия, не дали [им] поднять головы. После этого события, во-первых, из Мерва прибыл в Чарджуй Арах-ходжа Саййид Атаи и при поддержке Пайанда-Мухаммад-султана вступил на престол в этой стране; во-вторых, по повелению его святейшества, святого по достоинству, заслуживающего [вести] по пути истины, угодника великого бога, то есть Ходжи Джуйбари, Арах-ходжа вдел голову покорности в кольцо повиновения его величеству и передал Чарджуйский вилайет вельможам его величества [Абдулла-хана].

Рассказ о твореньях зодчего великих помыслов его величества [Абдулла-хана, касающихся] возведения великолепных зданий, высоких построек — медресе, высокой мечети, великолепной ханака, у лучезарного мазара шейха ислама и мусульман, счастья народа и веры Абу Бакра Са'да, да будет доволен им Аллах!

Славные страницы [деяний] носителей власти украшены надписью: «Подлинно Аллах любит обладающих высокими помыслами» [267]. Из-за исключительно высоких помыслов они прилагали большое старание для того, чтобы прославиться и заслужить доброе имя. [Согласно стиху]: «И усердие ваше отблагодарено!» [268], они искали всякого рода способы и средства, чтобы передать [потомкам] достойные похвалы качества, привить похвальные нравы. Согласно содержанию прекрасных [стихов]: «И соделай меня языком правды среди последних» [269], проницательные люди стремились оставить свои имена на страницах времени, в книгах судьбы так, чтобы поток событий тленного мира не смог смыть их, ураган мятежей и смут не разрушил, не уничтожил бы [их]. [Муж], обладающий совершенным умом, прозорливый мудрец стремится воздвигнуть такое здание, чтобы пыль из праха холмика времени не скрыла бы красоту его лика.

[Цель] изложения этих мыслей, написания этих слов заключается в следующем. С божьей помощью и благодаря милости небес ханский трон, престол власти утвердился за его величеством могущественным [Абдулла-ханом], и просторы вселенной полностью украсились светом справедливости и милосердия его величества. [Хан] всегда стремился [оставить] прочные следы великодушия, славное имя, добрую память [о себе]. || Из- 103б

бранный сонм [мужей, о которых сказано]: «Это те, кому Мы даровали книгу, и мудрость, и пророчество» [270], те, которые являются благородными людьми, в молельне во время молитвы выражают признательность [богу] за эту великую милость и присоединяют [к своей молитве] другие крупные жемчуга [слов]: «Господь мой, дай мне мудрость и присоедини меня к праведникам» [271]. [Абдулла-хан] относился с исключительной любовью, с полной искренностью и верой к его святейшеству, [ведущему] по пути истины, любимцу великого бога, то есть Ходже Джуйбари. Поэтому он начертал в сердце намерение воздвигнуть над лучезарной могилой доблестного имама Абу Бакра Са'да, который является великим дедом этого путеводителя людей (Ходжи Джуйбари), высокие здания ханака, мечети и медресе и украсить местность вокруг них всякого рода красивыми парками и разными приятными, прелестными садами. Для [осуществления] этого в 966/1558-59 году [хан] приказал искусным инженерам, проницательным философам избрать счастливую звезду, определить [благоприятное] время для постройки [зданий], чтобы опытные зодчие, умелые строители под счастливой звездой, в благоприятное время заложили фундамент высоких зданий, [великолепных], как рай.

Каждое утро, когда зодчий земного шара становился на небесную стену [272], чтобы наполнить просторы земли [светом], опытные мастера, рабочие, искусные наемные рабочие проявляли исключительное мастерство в своем деле. [Они трудились] до тех пор, пока чаша весов сверкающего, как золото, солнца не склонялась к горизонту на западе. От платы за труд, [которая] им давалась полной мерой, сердце каждого из них наполнялось радостью, и все благодарные [за то, что оценили их] благородное усердие, довольные и радостные расходились по своим домам. Благодаря усилиям мысли государя, подобного Искандару, [Абдулла-хана], его стремлениям и помыслам, творящим чудо, за короткое время было закончено такое сооружение, которое могло быть построено лишь в течение долгих дней, многих месяцев, примерно за десять лет.

Землю [вокруг него], подобную райскому саду, обширную, как широта высоких помыслов благородных людей, украсили различными плодовыми деревьями. В центре соорудили очень красивый, прелестный бассейн, подобный райскому источнику. Он сверкал, как око солнца. Поистине эти здания столь велики и столь возвышенны, что без усилий и хвастовства зодчий воображения был не в состоянии представить себе такого рода великолепные сооружения; живописец ума бессилен начертать подобные обширные здания. Каждое из этих чудесных зданий имеет высокие ку-
104а пола, недосягаемой [высоты] своды, || расписывая которые искусные художники и счастливые мастера приложили большое старание и усердие. Поверхность куполов и сводов они покрыли ляпис-лазурью и золотом, украсили чудесными рисунками и редкими узорами. С исключительной тонкостью и изяществом они облицевали [их] различными изразцами и плитками.

Стихи

От пола до крыши [здание] покрыто рисунками и узорами,
Они [невольно] останавливают взор и привлекают
внимание зодчего,
Да будут далеки от дурного глаза высокие балконы его,
Арки его, согнутые, [словно] брови райских красавиц.

В высокой мечети его кроме отправления [ежедневной] пятикратной молитвы совершают и пятничную молитву. Приятноголосые чтецы Корана, читая нараспев Коран, заставляют кружиться [от волнения] высочайший сонм [ангелов] на небе. В его медресе постоянно ведет занятия

один из ученейших улемов и почтенных ученых, он занимается вопросами, касающимися подлинных знаний, и исследованиями в области теологии. Он получает полную часть, огромную долю из вакфов августейшего [хана]. Ученики здесь также получают содержание, гордые и счастливые, они всегда спокойно учатся и пользуются [благами]. Каждый день служители [этой] благословенной ханаки, согласно [стиху]: «Они кормят едой, несмотря на любовь к ней, бедняка, сироту и пленника»[273], проявляют усердие, чтобы накормить бедных и немощных [людей]. Посетители этих прелестных мест получают всякого рода приятную и вкусную еду.

Стихи

На голубой скатерти этой чудесной ханаки
Днем солнце, ночью луна, [словно] два диска,
Постоянно в ожидании посетителей
Оконца [ее] устремили взор на дорогу.
Из уважения к паломникам у ее балкона
Открыт взор, согнута спина покорности.
Купол ее вознесся так высоко, что небосвод
Свой расписанный золотом шар (т. е. солнце) превратил
в вышитую шапку [для нее].
Это нежная красавица, на ее вершине, [как] султан
черного цвета,
Кружится дым из ее кухни.

К северу от [этой] обильной светом могилы для его величества счастливого [хана] заложили такой чарбаг [274], который является предметом зависти высочайшего рая. Благоухание его ласкает душу, [ее нежит] зефир, напоенный лучшим ароматом алоэ и амбры. Он был построен наилучшим образом, наподобие китайской картинной галереи, так, что, с тех пор как возник мир, появилась вселенная, никто не мог указать [сад], подобный ему.

Стихи

Прелестный цветник [его] напоминает щеки возлюбленной,
Дворец его по приятности словно лик друга.
Одного из них создало счастье небес,
Зодчим другого было благословенное счастье.

С четырех сторон этот сад, похожий на райский, украшен всякого рода плодовыми и другими деревьями, [как-то]: кипарисом, ивой, горным кипарисом, чинарой, виноградником, ‖ [а также] яркими цветами, 104б
[являющимися] предметом зависти райских гурий.

Месневи

Цветники [этого] райского сада были устроены так,
Как пожелал счастливый шах,
Во всех направлениях берега каналов были украшены
Кипарисами, соснами, ивами, чинарами,
Всякого рода плодовыми деревьями,
Не поддающимися счету и исчислению:
Персиковыми деревьями, яблонями, грушей, айвой,
В мире нет плодов лучше, чем плоды [этого сада].
Если язык начнет их описывать,
При [упоминании] персиков изо рта потекут слюнки.
Если сильно пожелаю [вкусить] яблок и груш,

От нетерпения [насладиться ими] буду кусать себе губы.
Айва удивительна цветом и кожурой,
[Цветом] похожа на цвет лица страдающего от любви,
[кожурой] — на лик друга.
Роза так напоминает лик возлюбленной,
Что от нее вселяется в душу веселье и удовольствие.
Из золотистой виноградной лозы получается
такой чудесный сок,
Который походит на настоящую «живую воду».
Вино [из нее] — «живая вода», а виночерпий — Хизр,
Благодаря этой «живой воде» Хизр бессмертен [275].
От вина так сильно опьянело и обезумело перо,
Что оно перевернулось.

От городских ворот до сада, что составляет примерно один фарсах, по обеим сторонам дороги, провели каналы, обсадили их ивовыми деревьями, чтобы его величество [Абдулла-хан] во время проезда находился в тени.

Столпы государства, вельможи его величества [Абдулла-хана], такие, как эмир Халифа, которому в то время было присвоено высокое звание мухрдара [276], приложили все старание для завершения [постройки] упомянутого сооружения.

Могущественный эмир Джангельди-бий, почтенный эмирзада Валиджан мирза и Джултай-бий в таком виде и порядке, [как описано выше], устроили вокруг благословенного мазара цветники и сады, украсив [его] чрезвычайно. Утром и вечером они прилагали все усилия и неимоверное старание. Благодаря силе ханского счастья и большим стараниям могущественного [хана] сооружение было завершено за короткий срок. У чудодейственных взоров проницательных людей оно нашло полное одобрение. Время от времени хакан, величественный, как Джамшид, приезжает отдохнуть в этот прелестный сад, плодовый сад, подобный райскому. В беседке для пиров он стелет ковер веселья и радости, ковер увеселений и приятного времяпрепровождения. [Здесь] дерево радости и веселья, бутон удовольствия и безмятежности вселяет в сердце удивительную радость, прелестная роза вызывает восторг у зефира. Есть надежда на великого бога, что лужайка благоденствия и цветник счастья его величества [Абдулла-хана] благодаря дождю [божьей] милости всегда будут свежими и цветущими. По этой причине всегда будут цветущими сады страны и народа, а пальмы сада величия и великолепия обретут свежесть и небывалую красоту.

Месневи

Благодаря ему да будут цветущими сады страны,
Благодаря ему да будут прочны основы веры.

105а || [*О том, как*] *в благословенном сердце государя* [*Абдулла-хана*], *у которого корона — солнце, венец — луна, возникло желание жениться, согласно высокому похвальному обычаю: «Жених должен быть желающим, невеста — желанной»* [277]. [*О том, как*] *в лучезарном, как солнце, сердце государя — покорителя мира возникло намерение сочетаться браком*

В этом (966/1558-59) году в сердце государя, у которого корона — солнце, венец — луна, [в сердце], порождающем драгоценные камни [мыслей], возникло желание жениться. Это соответствовало прекрасно нанизанному слову всевышнего, всемилостивого бога: «. . .то женитесь

на тех, что приятны вам, женщинах» [278] — и изречению вождя людей [Мухаммада], мир над ним: «В мире мне нравились три вещи, одна из них — женщина» [279]. Согласно великому обычаю и приятному долгу, [соответствующему хадису]: «Женитесь, размножайтесь, рожайте» [280], в лучезарном, как солнце, сердце хана — покорителя стран явственно проступило стремление к брачной жизни. Всему миру и всякого рода людям ясно и понятно, для всех очевидно и несомненно, что рождение детей, продолжение рода невозможно без женитьбы и бракосочетания.

Словом, сотворение и рождение [людей] согласуется с тем, что [говорят] пророки и праведники, предтечи нашего пророка, благословение и приветствие им!

В соответствии с этим его величество могущественный [Абдулла-хан] обратился к его святейшеству Ходже Джуйбари, достойному вести по пути истины, постигшему хакикат, следующему по пути тариката, совершенному муршиду [281], выдающемуся среди просвещенных людей, угоднику великого бога, нашему имаму и нашему вождю. [Ходжа Джуйбари] послал в Мерв к Пайанда-Мухаммад-султану ибн Дин-Мухаммад-султану своего великого, благородного сына, махдумзада мира и обитателей мира, свет очей мира и обитателей мира его святейшество Ходжу Калана, да будет долгой его жизнь! Вместе с Ходжа Каланом [хан] послал его высочество, прибежище эмирства, облеченного властью, столп державы, достойного доверия государства Низам ад-дина эмира Ни'матуллу, известного, как эмир Халифа. За долгую службу при дворе его величества [Абдулла-хана] этот эмир был отмечен на страницах времени среди прочих эмиров. С искренностью, исключительной чистосердечностью он причислял себя к муридам и последователям его (т. е. Ходжи Ислама). Следуя изречению [пророка]: «Вступление в брак — мой закон, тот, кто не последует моему закону, тот не мой» [282], [он должен был] сосватать какую-нибудь благородную девушку из ханского дома, из султанского рода для его величества [Абдулла-хана, который являет собой то, что сказано в стихах].

Стихи

Место восхождения божественных лучей, солнце веры и справедливости,
Солнце в созвездии власти, жемчужина в шкатулке султанской власти.

Пайанда-Мухаммад-султан выразил полное удовлетворение и радость по этому случаю. После того как он оказал безмерный почет, исключительное уважение, безграничное почтение [к Ходжа Калану], со всей учтивостью он послал в Бухару свою сестру Махд-и Улйа-султаним. Среди благородных девиц, добродетельных и честных женщин она была || 105б
оком и светочем в султанском роду, светом в ханском доме. Ее сопровождали некоторые столпы государства и вельможи его высочества [Пайанда-Мухаммад-султана]. Михаффа [283], инкрустированная всякого рода жемчугами, различными сверкающими драгоценными камнями, прибыла в стольный город Бухару. Его величество [Абдулла-хан] исполнил условия встречи [невесты]. Он приказал, чтобы по случаю [его] женитьбы, бракосочетания устроили пир, подобный райскому, торжество, которое явилось бы предметом зависти высочайшего рая. Согласно с этим славные эмиры, почтенные везиры, опоясав поясом служения талию, подобную сахарному тростнику, приготовили все необходимое для веселья, царскую палатку и шатер они подняли выше неба, до чертога Сатурна. Устроив веселый пир, они вызвали радость и ликование. Весельем они раскрыли двери удовольствия и безмятежности для властителей. Когда был рассте-

лен ковер увеселений, придворные [Абдулла-хана], способные вступить в единоборство с Бахрамом, и другие столпы [государства, окруженные] почетом и уважением, украсили [собой] расписанные золотом сиденья. Великие саййиды, благородные имамы, знать, торговцы и люди прочих сословий согласно их рангу, соответственно их положению заняли [свои] места. В золототканых парчовых халатах луноликие [слуги], подобные Венере, внешним видом напоминающие Юпитера, похожие на солнце, обслуживали [гостей]. Расставлены подносы, инкрустированные сверкающими драгоценными камнями, полные золотых сосудов, серебряных чаш, на каждом из них поставлены золотые чаши, украшенные всякого рода рубинами и жемчугами. Были приготовлены различные напитки и кушанья согласно со смыслом [слов]: «Это собрание [людей] такое, что им есть известное пропитание, различного сорта фрукты, их множество» [284]. В собрании [событий] эпохи, на страницах дней и ночей запечатлелись сотни картин и сцен радости и восторга.

Месневи

Был устроен пир, подобный райскому,
Земля наполнилась благоуханием амбры,
Оттого что пролили много розовой воды радости,
Были смыты все узоры на коврах.
Дымился лучший сорт алоэ,
И дым его благоухал,
Алоэ горело, словно курильница с амброй,
Распространяя аромат мускуса.
Сладостями полны золотые чаши,
Разными свежими и сухими фруктами.

После того как полностью закончились приготовления к этому царскому пиру, царскому празднику, последовал приказ августейшего [Абдулла-хана], чтобы астрологи со светлым умом, прозорливые звездочеты представили бы пред проницательные очи [хана] астролябию, которая правильно, как зеркало, определила бы [состояние звезд], а сетка ее была бы как истинный друг тонкостей мысли, [как] евнух сокровенных тайн прозорливости.

Стихи

Они внимательно наблюдают за состоянием небес,
106а || Следят за вращением солнца и луны,
Они выбирают время для августейшего [хана],
Подходящее для этого благородного дела.

Месневи

Астрологи, ясно понимающие
Тонкости этой прославленной науки.

[Хан приказал] выяснить истинное положение движения вращающегося неба, расположение неподвижных звезд и планет и выбрать момент, когда можно было бы возвести солнце счастья до высшей точки веселья. [Он велел также] по гороскопу определить счастливое время, чтобы звуками радости, торжественными звуками, выражающими восторг, наполнить всю обитаемую четверть земного шара, весь вращающийся небосвод.

Ученые, проницательные, как Юпитер, мудрецы, [ум которых] возносится до Плеяд, внимательно и усердно изучили силы отцов на небесах, матерей внизу [285] и почтительно представили государю гороскоп.

На этом высоком собрании, высокодостойном месте на ковре почета, на величественных подушках расселись казии, благородные имамы, улемы различных стран и областей. Они выяснили вопросы, [касающиеся] вступления в брак [хана], и условия его. Спросив [вступающих в брак] о согласии [на брак] и убедившись в [их] согласии, они заключили брачный союз по правилам ханифитского толка. Судьба от исключительной радости, восторга высунула язык для поздравления, руку — для рассыпания [золота]. Возгласы «да здравствует» время вознесло до купола бирюзового [неба] и [наполнило ими] все семь небес.

Месневи

Всюду в воздух бросали дирхемы,
[От них] образовалось облако, проливающее перлы,
Оно пролило, словно капли весеннего дождя,
Золото, драгоценные камни, жемчуга чистой воды.
Было так много рассыпано золота и жемчугов,
Что устали руки собирать их.

О боже, да будет всегда его величество на пиру счастья, на троне величия и славы, да созреют в ветвях его упований плоды достижения желанной цели, да раскроется бутон вечной радости в розовом кусте [его] надежд, да раскроет лик невеста его желаний перед зеркалом благополучия.

О походе правителя Бадахшана Шах-Сулаймана со своим сыном Ибрахим-мирзой для завоевания Балха и Турана и выступление его величества могущественного [Абдулла-хана] против них

Когда его величество могущественный [Абдулла-хан] воссел на трон власти, на престол царствования и счастья, на лике положения дел, на челе надежд подданных засверкали лучи справедливости и свет милости его величества.

Месневи

Защита веры, справедливости и мира — его обычай,
[Он] кроток, умен, добронравен,
От него вред тирании, польза справедливости,
Господь доволен им, народ удовлетворен.

Помыслы августейшего хана устремились на искоренение зла, на подавление всяких гнусных мятежей, || которые были вызваны коловращением судьбы в дни правления того несчастного [Бурхан-султана и коснулись] благородных и простых людей во всем этом благоденствующем (Бухарском) вилайете. Он стер с лица земли всякого рода чуждые обычаи и бессмысленные ереси, так же как мятежи и проявление тирании. 106б

В это время из Балха от Пир-Мухаммада, дяди по отцу его величества [Абдулла-хана], неожиданно явился человек и сообщил [следующее]: «Правитель Бадахшана Шах-Сулайман и его сын Ибрахим-мирза с войском, многочисленным, как лучи солнца, бесчисленным, как капли в туче, тронули коней мятежа. Они посыпали головы счастья прахом вероломства, забили головы сильным желанием захватить Балхскую крепость и направили знамена смелости к той стране. Просьба к преемнику престола его величеству [Абдулла-хану] заключается в том, чтобы он не откла-

дывал выступление и сразу же направил победоносные знамена в ту сторону».

Когда могущественный хан [Абдулла-хан] услышал об этом, он твердо решил направиться в ту сторону и дал приказ о сборе войска, [могущественного], как небо. Сам он с небольшим отрядом военачальников, горделивых придворных, таких, как распорядительный, чистосердечный эмир Турум-бий дурман, Джангельди-бий утарчи, Тиниш-бий джалаир, Кулбаба кукельташ, Аким-бий джалаир и его брат мирза Валиджан джалаир, Науруз-бий кушбеги, Куджар йасаул и другие, тотчас же направился к Балху.

Когда окрестности Касби стали местом расположения войска, [могущественного], как небо, в этой местности благословенные эмиры заявили августейшему [хану] следующее: «Представляется правильным стоять в этой местности до тех пор, пока с разных сторон [не прибудут] войска и не присоединятся к победоносному войску [хана]».

До того, как собралось победоносное войско, еще раз неожиданно прибыл человек из Балха от дяди по отцу его величества [Абдулла-хана] и доложил: «Если [Абдулла-хан] не направится как можно скорее в эту сторону, то может случиться, что встреча наша с сородичами будет отложена». В связи с этим его величество могущественный [Абдулла-хан] тотчас же поднял победоносные знамена в этой местности, подобрал поводья для похода и направился в сторону неприятеля.

Победоносное войско по мере продвижения [стало] столь многочисленным, что по сравнению с ним число звезд на небе казалось ничтожным, а счетчик сметливого воображения был бессилен определить его количество. [Пройдя путь], оно поспешило к ставке августейшего [Абдулла-хана]. Оно остановилось под сенью [ханского] зонта, доходящего до неба. Хакан [Абдулла-хан], достоинством Джамшид, поднял победоносное знамя до апогея неба, выше луны. [Двинув войска], он [вызвал] такой грохот, словно настал Судный день, и содрогнулась земля, и море, и все страны семи климатов. В полном порядке, в наилучшем виде выступили [войска]. Они передвигались, [совершая] переход за переходом.

Стихи

107а || Гнедой конь счастья под августейшим [ханом] и зонт над [ним],
Справа и слева [ему] сопутствуют божья помощь и победа.

[Хан] вознес царские шатры до чертогов Сатурна и начертал на победоносных знаменах коранические стихи о победе [286] и торжестве. Полумесяц его зонта, доходящий до неба, подобен блестящему солнцу, драгоценные камни на его благословенной короне озаряют блеском венец Джамшида. [Пучок] волос на его победоносном знамени напоминает благоухающие локоны райских красавиц, громкие звуки трубы [вызывают в памяти стих]: «. . . в тот день, когда подуют в трубу» [287].

Стихи

Когда взошла звезда счастья, предвещая победу,
Взошло солнце, освещающее мир,
Загрохотала медная чаша [барабана],
Присоединились к ее звукам звуки золотой флейты.
Труба возвещала о победе,
В ответ ей звучал барабан, [обтянутый] кожей.
Увидев знамена в розовом свете [зари],
Ты сказал бы, что зацвел гранат,

Копья пронзали сердце небес,
Знамена принимали меры, чтобы залатать их.
Наконечники копий пробивали небеса,
Звезды все время [искали] спасения от копий.
Наконечники копий поднимались вверх так дерзко,
Что просверливали очи звезд.
Знамена так высоко вздымались в облака,
Что намочили свои локоны[-бунчуки] водой из облаков.
Хан, величественный, как небо, могущественный, как Джам,
У которого полумесяц знамени проложил путь к небу,
Выступил под зонтом, подобным небу,
Словно [занял] место солнца на небе.
Оттого что всадники ехали стремя в стремя, [так тесно],
Зефир не находил пути между ними и подбирал поводья,
Всадники растоптали землю подковами коней,
Словно расстелили на ней железный [ковер].
От знамен небеса стали похожими на рыболовную сеть,
От следов подков, [подобных] полумесяцу, земля стала
похожей на спину [чешуйчатых] рыб.
От [воинов, одетых] в кольчугу, задрожало сердце мира,
От подков коней равнина [стала казаться] опутанной цепями.
В таком великолепном виде этот шах
Поднял знамя битвы и сражения до луны,
На каждой стоянке он поднимал стяг до луны,
Переходил он от стоянки к стоянке, словно луна.

Передвижение победоносного войска вызвало в памяти [стих]: «Сотрясется земля своим сотрясением» [288]. От звуков барабана и трубы в голубой чаше небес прозвучали [стихи]: «Возгласили в трубу: это день воскресения» [289].

Войско августейшего [хана], совершив переход за переходом, на берегу Джейхуна разбило царскую палатку величия и счастья, [подняв ее] до высшей точки неба. Щедрый хакан выбрал место у реки, словно месяц, [вступивший] в созвездие Водолея. Победоносное войско [хана] под покровительством и с помощью того, кого просят о помощи (т. е. бога), при счастливом предзнаменовании, под счастливой звездой переправилось через Джейхун.

В этой прелестнейшей местности узнали следующее. Бадахшанское войско протянуло руку к грабежу и разбою, некоторые селения Балха были сметены ураганом грабежа. Навваб Пир-Мухаммад-хан с многочисленным войском, несметной ратью немедленно || с поспешностью выступил из Балха и направил поводья в сторону врагов государства. В связи 107б
с этим событием хан, величественный, как Искандар, [Абдулла-хан] тотчас же пришпорил [быстрого], как молния, коня и довел до слуха врагов торжественные звуки успешного наступления. В [селении] Кара-Халкум [290], входящем в упомянутый [Балхский вилайет, Абдулла-хан] присоединился к дяде по отцу благодетельному государю [Пир-Мухаммад-хану]. После того как [Абдулла-хан] удостоился чести встретиться [с дядей] и беседовать [с ним], следуя смыслу [стиха]: «И советуйся с ними о деле» [291], он устроил совет со столпами государства и знатью страны. Некоторые балхские эмиры, такие, как Мухаммад-Кули-бий аталык, Ходжам-Йар аталык, Ходжа Маг аталык, Мухаммад-Мурад аталык, Али-Мурад-бий, мирза Али-бий, став на колени, заявили: «Не представляется правильным сражаться с ним (врагом) в степи, лучше вернуться и найти убежище в крепости. Если [враг], преследуя нас, придет туда, мы погоним на него ратных коней. Мы твердо надеемся, что они уйдут оттуда». Из бухарских эмиров счастливый Турум-бий дурман выступил на сере-

дину и заявил: «Для состояния дел страны будет наиболее удобным, если мы пойдем на врага, где бы он ни был, вступим с ним в бой и любым способом будем бить [его]. Выгода, на которую указали [балхские] эмиры, является большим заблуждением. Ведь ясно, как только мы покинем эту местность, враг, осмелев, очутится в этой степи, и мы, испытывая страх перед ним, отступим. И еще. С нами большое войско, отступать будет трудно. Как бы не произошло [в нем] волнение, подавление которого может оказаться за пределами возможности». Могущественный хакан [Абдулла-хан] одобрил совет эмира Турума, от сильной ярости и гнева в ту же ночь он покинул эту местность (Кара-Халкум). На следующий день он остановился в Чашма-йи Казиран [292], [где] стояли враги. Дядя его величества Пир-Мухаммад-хан с другими султанами и воинственной ратью, [где были] такие, как его сын Дин-Мухаммад-султан, храбрый султан Хусрав-султан, волей-неволей также выступили вслед за [Абдулла-ханом]. На следующий день прибыл из Бухары с остальным войском счастливый эмир Джан-Али-бий ибн Чагалтай-бий найман. Он достиг благословенного лагеря [Абдулла-хана] и удостоился счастья поцеловать руку его величества.

Встреча лицом к лицу двух рвущихся к битве войск, построение их наподобие Искандаровой стены, бегство мятежного бадахшанского войска от страха и ударов, [нанесенных] войсками могущественного [Абдулла-хана]

На следующий день, когда владыка светил небесных полчищ — солнце — вынул золотой меч из ножен мщения, он рассеял и разогнал
108а бесчисленное, несметное войско || звезд с поля битвы голубого небосвода.

Месневи

На другой день, когда этот небесный мятежник — солнце —
Поднял отливающий золотом меч,
[От удара меча] посыпались искры звезд с неба так,
Что забил родник пылающего огня.
Горизонт уподобился раскаленному углю,
Взмыли вверх огненные знамена.
Алые знамена шаха эпохи
Зажгли пожар мятежа в небе.
От полумесяца знамени [хана] заволновалось небо,
Подковы коней вступили в огонь битвы.
На той арене притеснения
Полумесяц знамени [хана] предсказывает бедствие.
Барабанщики эпохи вызвали сотрясение
В чертогах [всех] семи небес.
Барабанщик кричит от волнения, словно горлица,
Ремень барабана уподобив ошейнику горлицы.
Звуки трубы, раздавшиеся как в день воскресения мертвых,
Напомнили молодым и старым о дне Страшного суда.

К полудню два войска, [стоящие] друг против друга, заволновались, словно река Нил или синее море; поглощенные мыслями о битве и сражении, они перестали думать о благополучии.

Месневи

[Как только] из-за стен и ворот показался мятеж,
На этом поле битвы сострадание исчезло, как Анка.

В эту страну вселилось несчастье,
Из этой страны убежало благополучие.

После того как оба войска встретились друг с другом, таваджии каждого из войск пошли подготовить место битвы. В соответствии с тем, как это было принято у Чингиз[-хана], выделили правое крыло, левое крыло, центр, арьергард и [часть, которая должна быть] в засаде. Благословенный [Абдулла-хан] организовал на одной стороне мощный фланг, водрузил победоносное знамя.

Двустишие

Победа взялась за [его] поводья, счастье — у стремени [его].
С небес пришла радостная весть об успехе.

В авангард [Абдулла-хан] определил могущественного султана Хусрав-султана и Дин-Мухаммад-султана вместе с некоторыми эмирами. Сам он собственной благословенной особой образовал другой фланг и, подняв знамена счастья, встал в центре вместе с другими сородичами.

Победоносное войско было огромным: с тех пор как древний небосвод превратил землю в место скачек, подобное войско еще не вступало на поле битвы и сражения; с тех пор как меченосец-солнце, копьеносец-Марс подняли вышитые золотом знамена на ристалище вращающегося неба, никогда еще ни на каком поле брани не стояло такое великолепное войско.

Месневи

Когда хан, величественный, как Рустам, двинулся
с решимостью воевать,
Пришла в движение земля,
Он надел шлем и латы,
[Украсил себя так, как] украшает себя ветвями
и зеленью кипарис.
[У него] под латами кольчуга из чистого железа,
Она кажется пеной при волнении на море.
В руках [у него] блестящее, как золото, копье,
Похожее на сверкающий луч солнца,
Лук его походит на радугу,
[Казалось], небо привязало к нему тетиву
из блестящих звезд.
‖ Сбоку у него колчан, полный стрел, 108б
[Будто это] метеоры, собравшиеся вокруг луны.
Висит меч на поясе [хана] для битвы,
Смерть готова служить ему.
Щит в руке победоносного хана
Блестит, как зеркало.
Над его головой высокий зонт
Подобен солнцу в небе.
На этом поле битвы
Он выстроил ряды войска, более надежные,
чем Искандарова стена.
Из великих потомков Джучи
Он выстроил два ряда на правом и левом крыле
Всадников, одетых в железо, непоколебимых в бою,
Стойких, как гора, быстрых, как леопард.
Все они одеты в кольчугу,
Одеты в блестящее железо.

На той (противоположной) стороне Шах-Сулайман назначил в авангард своего сына Ибрахим-мирзу с большим числом людей из бадахшанского войска и горцев. Сам он, находясь в центре армии, выстроил огромное войско. М и с р а: Быстро считающие счетчики семи климатов.

Если бы они взялись сосчитать [хотя бы] десятую часть того войска, они убедились бы в [своем] бессилии. Если бы писцы сфер воображения решились бы определить число храбрых мужей [всей] этой толпы, они, несомненно, признали бы себя бессильными и беспомощными. Фланги он укрепил огромным числом людей, великим множеством [мужей], которые были леопардами в горах храбрости и крокодилами в океане смелости и отваги. Вступив шагами смелости в долину храбрости, он поднял руку дерзновения.

М е с н е в и

На другой стороне враг, усердствующий в притеснении,
Привел в волнение море войск,
Он хорошо выстроил боевые отряды,
Он построил железную стену из [воинов], одетых в кольчуги.
Когда с обеих сторон выстроили ряды,
Подняли весь мир на битву,
Все двинулись с копьями в руках.
Всюду возникло смятение.
Всадники разом подняли знамена,
Под звуки барабана повели наступление.
Раздался такой шум и грохот,
Что невольно закружилось старое колесо[-небо].

Победоносное войско [Абдулла-хана] проявило образцы доблести в битве, показало мужество и отвагу, по бесстрашию, смелости и храбрости [воины его] походили на Исфандийара, и тем не менее в сердца их проник страх и ужас. [Произошло это] оттого, что у врагов было выстроено огромное войско. С тех пор как Джамшид-солнце является всадником на голубом ристалище небесной твердыни, а небесное ристалище [стало] местом скачек луны и полчищ планет и звезд, в поле зрения времени не попадало столь [огромное] скопление [воинов], ни на одно поле брани не вступало такое большое войско.

М е с н е в и

И раньше снаряжались большие войска,
Но до настоящего времени никто не видел такого войска.

Когда его величество [Абдулла-хан] заметил такое [смятение] среди [своих] воинов, обратившись к воинственному войску, он соизволил сказать: «Всему миру, людям [разного] рода известно и очевидно, что победа
109а зависит не от многочисленности войска, армии, ‖ а зависит от помощи величайшего владыки (бога), от поддержки живописца судьбы и предопределения».

М е с н е в и

Кому бог помогает в день битвы,
Тот в силу этого не нуждается в войске.

[Хан] подбадривал этих людей, чтобы вызвать у них сильное желание [воевать] на поле смелости и храбрости. Языком, рассыпающим драгоцен-

ные камни [слов], красивыми выражениями довел он до слуха усердных и смелых мужей следующую мысль: «Сегодня день битвы и сражения и время веселого пира мужей».

Стихи

Пир для мужей — поле битвы, веселье — сражение,
Вино — кровь врагов, чаши, [сменяющиеся] непрерывно, —
мечи и луки.

Затем с целью побороть смятение воинов и чрезмерный страх [их] перед врагами последовал [ханский] приказ, действующий как рок, чтобы проворные фарраши [293] умело разбили очень высокий шатер на краю поля битвы, поставили царскую палатку, возвышающуюся до высшей точки неба, до вершины Сатурна. От этого задрожали сердца врагов в груди, как отражение солнца на воде. Несмотря на это, мирза Ибрахим с сердцем, полным страха и надежд, со стороны передового отряда пришпорил коня и, подняв руку для выступления, направился к полю битвы. Оказалось, что воюющие стороны разделяла глубокая канава, которая и помешала его передвижению. В тот момент, когда враг остановился на берегу канавы в растерянности, со стороны победоносного войска [Абдулла-хана] Хусрав-султан, Дин-Мухаммад-султан с позволения его величества могущественного [хана], крепко опоясавшись поясом вражды, тронули боевых коней и соединились. С отрядом воинственных мужей, с храбрецами, пробивающими гранит, они переправились через канаву и схватились с врагами. При первом же нападении они пролили на землю гибели кровь многих из них.

Месневи

В центре обоих войск поднялся крик,
Он донесся до неба, [напоминая] день Страшного суда,
Из засады выступили два войска друг против друга [так],
Как будто они столкнули землю с небом.
Оттого что сыпались стрелы, как град,
Во всех уголках [земли] поднялся ураган смерти.

Павлин безопасности остановился и наподобие вороны стал искать уголок, где бы мог укрыться, а сокол смерти распростер крылья над степью и стал охотиться за птицами-душами.

Месневи

Звук, [издаваемый при стрельбе] из лука, так напоминал
крик ворона,
Что быстро со всех сторон на него слетались с неба
коршуны,
Пронзительный звук от тетивы лука вселял в души горе,
До всех отрядов доносился свист стрел.

Огонь битвы || разгорелся так, что языки пламени вздымались до 109б
высшей точки неба, искры огня битвы засверкали так, что огонь от них поднимался до Сатурна.

Храбрецы двух сторон, воители обеих сторон, жертвуя собой, не думая о сладкой жизни, как гроза в месяце нисан или раскаты грома в зарослях тростника, с криком напали друг на друга. Подняв мечи храбрости, обнажив копья смелости, они осыпали [ударами] головы и шеи друг друга.

Месневи

Войска с двух сторон, взяв для битвы луки,
Выпустили во все уголки стрелы из белого тополя,
В обоих войсках было убито столько людей,
Что от [трупов] море уподобилось суше, равнина — горе.

Меч от вина-крови храбрецов, как пьяный, начал сбрасывать головы [с плеч], копье протянуло руку насилия для похищения душ, стрела заставила посла смерти раскрыть рот [от удивления], сабля насмехалась над ловкостью [сражающихся]. Хотя копье творило насилие, щит принимал меры и выказывал терпение.

Стихи

Для пролития крови выступила стрела — похитительница сердец.
Она поражала сердца, уносила души,
Суфар [294], прикоснувшись к ушам мужей,
Произнес: «Вот теперь время для битвы!»
Меч стал воителем-убийцей,
Насытился кровью,
Все время меч смеялся над человеческими телами,
Смеясь и плача, он проливал кровь.
От жара [битвы] кони стали горячими, как молния,
Они потонули в огне и в воде.

Бадахшанское войско закалило блестящие копья ядом мести. Войска победоносного [Абдулла-хана] натянули луки на трех ножках для стрел с четырьмя перьями. Перед боевым копьем одного дрожит от страха всем телом, как ртуть, Симак-и Рамих [295], перед летящей стрелой другого Алтаир [296] трясется от страха за свою жизнь, словно голубь.

Месневи

Храбрецы-львы, нападающие на людей,
Зажгли огонь битвы,
Весь в крови подол неба,
Судьба объята сильным страхом.

Словом, в то страшное время, в тот опасный момент бадахшанская армия, войско Кухистана проявили все [свое] старание, [сделали все], что было возможно. Ввиду исключительной смелости они твердо стояли на ногах стойкости. Наконец благодаря счастью могущественного [Абдулла-хана] повеял зефир [божьей] помощи с места дуновения ветра, [согласно стиху]: «Аллах подкрепляет Своей помощью, кого пожелает» [297]. Забрезжило утро победы на горизонте, [где написано]: «Помощь — только от Аллаха» [298]; взошло солнце величия и счастья на востоке, [украшенном стихом]: «Помощь от Аллаха и близкая победа» [299]. Засияла звезда победы в созвездии счастья, [где начертано]: «Он тот, кто подкрепил тебя Своей помощью» [300]. От величия и могущества победоносного войска [Абдулла-хана] та спесивая толпа [врагов] потерпела поражение, испытала бедствия и, избрав путь отступления, обратилась в бегство. Это они зажгли огонь притеснения, посыпали глаза верности прахом вероломства и предали ветру небытия честь султанской власти.

Месневи

Один выронил поводья упований,
Упал с коня стремлений,

|| Другой бросил колчан и очутился в бедственном положении, 110а
Он [уподобился] птице, лишенной крыльев для полета.

От чрезмерной боязни и спешки, от сильного страха и волнения Шах-Сулайман с большим числом людей направил поводья бегства в одну сторону, а Ибрахим-мирза с малочисленным отрядом поспешил в другую сторону.

Месневи

Господь предоставил шаханшаху удобный случай:
Бегство стало уделом врага.

Вражеское войско направило поводья отступления в сторону бегства, на поле битвы оно подняло крик, [выражающий] величайший страх и ужас, [как] на равнине в день Страшного суда. Поистине предстала картина, [которая напоминает слова]: «В тот день, как убежит муж от брата»[301]. Для обитателей мира настал день, похожий на тот, [о котором сказано]: «Когда взоры закатятся»[302]. Многие из этой несчастной толпы [врагов] упали на землю гибели, [сраженные] сиянием блестящих мечей, блеском сабель, сжигающих душу. Они оставили победоносному войску [Абдулла-хана] много военной добычи, несметное количество оружия.

Стихи

Войску досталось столько богатства,
Что сосчитать его оказалось невозможным,
Серебром, золотом, рубинами, жемчугами
От края до края наполнились палатки воинов.

Отряд воинов, подобных льву, единоборствующих с тигром, отряд воинственных храбрецов, свирепых, как леопард, поспешил преследовать отступающих.

Его величество [Абдулла-хан], обладатель перстня Сулаймана[303], с остальными хаканами и другими султанами с победой и торжеством повернул поводья назад. [Его] царская милость была направлена на то, чтобы проявить заботу, снискать симпатии у тех, кто жертвовал собой в то страшное время. Причину этой славной победы, которая может быть украшением драгоценных побед августейшего [Абдулла-хана], он видел в божьей помощи и счастье, [дарованном] господом, и, приложившись лбом покорности к земле унижения, он как следует возблагодарил бога за божественную милость. Он отправил послания о победе по разным дорогам в разные страны. После того как с божьей помощью осуществилась такая победа и город Балх от прибытия счастливой свиты [Абдулла-хана] стал предметом зависти высочайшего рая, благословенный хан Пир-Мухаммад-хан заключил в объятия милосердия его величество могущественного [Абдулла-хана] и похвалил его. На церемонии по случаю победы он осыпал августейшего [Абдулла-хана] множеством драгоценных камней. Он устроил торжество, царский праздник, царский пир, раскрыл врата веселья и радости.

В это время неожиданно пришло известие о том, что Ибрахим-мирза по воле судьбы попал в когти предопределения. Объяснение этих слов следующее. Когда || Шах-Сулайману изменило счастье, Ибрахим-мирза с не- 110б
большим числом людей сошел с коня, остановился в предгорьях Кухистана, взволнованный и расстроенный, он вошел в ущелье Гез[304]. Случайно один из нукеров [Пир-Мухаммад-хана], эмир Мухаммад-Мурад ибн эмир Йарук, который пользуется почетом у кунгратов, достиг подножия той горы.

Он узнал [Ибрахим]-мирзу, несмотря на то что положение [последнего] изменилось. Он немедленно сел на коня и отправился ко двору [Пир-Мухаммад-хана], являющемуся прибежищем мира. На следующий день он доставил [хану Ибрахим]-мирзу. Его величество Пир-Мухаммад-хан передал мирзу своему аталыку Мухаммад-Кули.

Словом, после того как была одержана такая победа, а в плен попал такой враг, хакан, могущественный, как небо, [Абдулла-хан], охраняемый божьей помощью, направил поводья возвращения в земли Бухары, являющейся резиденцией славы, стольным городом величия и счастья. Удачливые сородичи [Абдулла-хана], славные правители со всем победоносным войском благополучно, спокойно, радостно и весело, сопровождая свиту счастья хана у [его] стремени благоденствия, пустились в путь. Несколько дней спустя этот государь, не имеющий себе равных, под защитой Всевышнего благополучно и счастливо бросил тень прибытия в Бухарскую землю. Пылью [своей] августейшей свиты, как сурьмой, он придал блеск очам жителей страны. Вельможи и другие знатные люди, торговцы и прочие [вышли ему навстречу].

Месневи

Все одновременно вышли с дарами,
Радостные, восхваляющие государя,
Его осыпали драгоценными камнями.
Прославляя его, кричали: «Браво!»

Убийство Ибрахим-мирзы по воле небес, управляющих вселенной

Сорок дней спустя по прибытии его величества [Абдулла-хана] в стольный город славы пришла весть об убийстве Ибрахим-мирзы. Это событие [можно изложить] вкратце следующим образом. Поскольку Ибрахим-мирза был юноша, обладающий поэтическим даром, он постоянно стремился общаться с людьми учеными и обладающими совершенным умом собеседниками. Ученые также во множестве посещали его, чтобы пообщаться, побеседовать [с ним]. Чтобы избавиться от страха, как бы люди не напали [на темницу] и не вызволили его (т. е. Ибрахим-мирзу) из оков притеснения, на сороковой день [после отъезда Абдулла-хана] великий и могущественный хан Пир-Мухаммад-хан выступил из Балха и направился к Чахартаку [305], расположенному к северу от города. Он вознес шатер, царскую ставку до высшей точки величия и великолепия. Сам он спешился, вынул из ножен меч, блестящий, как капли воды. Он передал меч Курак бахадуру и велел убить его (т. е. Ибрахим-мирзу). Поскольку убийцей последнего был Курак, то один поэт дату этого события выразил
111a [в словах]: «Убил Курак» [306]. ‖ Маулана Хазири, который в то время был лучшим стилистом [307] и в течение нескольких дней посещал мирзу [Ибрахима], дату этого события выразил следующими словами: «Воля и предопределение у бога» [308].

Намерение [Абдулла-]хана, повелевающего, как Джам, совершить поход на Хорасан по желанию Пир-Мухаммад-хана

В этом (967/1559-60) году некоторые великие, благословенные эмиры имели честь заявить великому и славному хакану [Абдулла-хану] следующее: «С давних пор, на протяжении долгих лет Тахмасп и его сыновья, да оставит их Аллах без помощи, держат под своей властью большую часть четвертого климата и не пропускают паломников, идущих на поклонение

в священный храм в Мекку и в Медину — места обитания пророка Мухаммада, да приветствует его [Аллах]! Поэтому представляется правильным идти походом в ту сторону. Быть может, благодаря высоким стараниям его величества та толпа мятежников и смутьянов удалится из всех этих городов и люди удостоятся чести совершать паломничество в Мекку и Медину, да приумножит Аллах их почет!» Заявление этого собрания людей совпало с желанием его величества. Поэтому весной, когда воевода [месяца] фарвардин, повесив зеленый колчан, покорил просторы земли и, опоясавшись зеленой саблей из листьев лилий, сел на великолепный трон, [Абдулла-хан] приказал немедленно созвать победоносное войско. Он направился шагами старания в сторону Аму еще до того, как собралась воинственная рать. Когда он разбил царскую ставку на берегу Джейхуна, из Балха от дяди по отцу его величества [Абдулла-хана] Пир-Мухаммад-хана пришел человек и заявил следующее: «Упомянутый хан (Пир-Мухаммад-хан) прибыл в Шибирган и ищет встречи с [Абдулла-ханом]. Он изволил сказать, что если он (Абдулла-хан) пойдет походом в ту сторону, то, быть может, искренне, без обмана решимся выступить вместе, во всем величии пойдем походом против той злобной, мятежной толпы [кызылбашей]». В связи с этим его величество могущественный [Абдулла-хан] совершил переход [через реку] у Керки и направил поводья в сторону Шибиргана, чтобы встретиться с дядей — благодетельным правителем. Когда произошла [их] встреча друг с другом, поскольку обладающий ярким счастьем Пир-Мухаммад-хан всегда стремился [править] Бухарским вилайетом, то он, выдвинув [разные] причины, просил у его величества [Абдулла-хана] управление Бухарой. Поэтому [он поставил условие], чтобы его величество [Абдулла-хан] столицей государства сделал Балх, а Пир-Мухаммад-хан поднимал бы знамена величия в Бухарском вилайете. Его величество [Абдулла-хан] из уважения к его величеству [Пир-Мухаммад-]хану и из-за близости купола ислама — Балха — к Хорасану не замедлил с осуществлением этого дела, украсил ‖ просьбу его величества [Пир-Мухаммад- 111б
хана] милостью согласия. Итак, Пир-Мухаммад-хан для занятия Бухары назначил шейх ул-ислама, лучшего среди великих вельмож, угодника бога, велик он и славен, то есть Ходжу Абд ал-Вали Парса с мирзой Алибий найманом. Его величество [Абдулла-хан] отправил Кулбаба кукельташа в Бухару для переселения своих слуг и вельмож. Он отправил еще один отряд для охраны Балха.

Однако в это время произошло удивительное, необычайное событие, и не осуществилось то, о чем мечтал Пир-Мухаммад-хан. Произошло следующее. Группа мятежников и смутьянов, упрямцев и бунтовщиков настроила Дин-Мухаммад-султана против [отца, т. е. Пир-Мухаммад-хана], начертала указ об управлении Балхом на страницах деяний [султана], на скрижалях его мечтаний. [Дело дошло] до того, что Дин-Мухаммад-султан без промедления тронул коня и, направившись к Балху, напал на него. Показав знаки вражды, он поднял стяги бунта и мятежа. После того как это случилось, как ни старался дядя его величества [Абдулла-хана Пир-Мухаммад-хан], чтобы Дин-Мухаммад-султан раскрыл ворота, которые он закрыл от чрезмерной низости, дело не увенчалось успехом. [Пир-Мухаммад-хан] послал об этом [письмо] его величеству [Абдулла-хану] и объяснил это. Поэтому его величество [Абдулла-хан] послал своего счастливого брата Ибадулла-султана в Бухару, чтобы удержать посланцев Пир-Мухаммад-хана от занятия того вилайета. Он созвал столпов государства и языком, рассыпающим драгоценные камни [слов], соизволил сказать: «Теперь, когда Дин-Мухаммад-султан низверг своего отца с апогея величия в бездну унижения, я же, напротив того, если Аллах захочет, возведу своего отца, его величество [Искандар-хана], на трон счастья и ханской власти, на престол господства и украшения мира. Я подниму знамя власти его выше Плеяд, до вершины лотоса крайнего предела». Он послал

человека к своему дяде [Пир-Мухаммад-хану] и известил его об этом и, тронув боевого коня, немедленно направился к столице — [Бухаре].

Однако веской причиной того, почему не произошел [обмен городов], явилось следующее. Его величество [Абдулла-хан], услышав предложение [своего дяди об обмене городов], не посоветовался с его святейшеством, угодником великого бога Ходжой Джуйбари. Когда его святейшество священный [Ходжа] узнал об этом, от сильного гнева он уединился в своей семье и закрыл двери перед близкими и чужими людьми. После долгих часов [уединения] он вышел и, обратившись к [своим] сподвижникам, ска-
112а зал: «Абдулла-хан, не посоветовавшись с нами, || поменял Бухару на Балх. Может, он думает, что власть над Бухарой находится в руках его обладания без чьей-либо помощи и поддержки, и делает все, что хочет, и отдает [ее], кому хочет». В это время, разгорячившись, он соизволил сказать: «Посмотрим, в каком виде предстанет картина надежд, которую он начертал о своем деле, каким образом выступит из-за завес мысли картина, которую он нарисовал на доске своих упований». По истечении пяти дней после соглашения об обмене [городов] прибыл в [Бухару] его высочество [Ибадулла-султан] и начертал на доске объяснений [мнение], противоположное тому, что предполагалось ранее в отношении Бухары. Он не позволил великому эмиру Кулбаба кукельташу переселить слуг [Абдулла-хана] и [переместить] все, что принадлежит [ему]. В тот же день [Абдулла-хан] отправился в Джуйбар и рассказал его святейшеству, ведущему по пути истины, об упомянутом выше событии (обмене городов) и начертал на его сердце письмена о [своем] раскаянии. Да, не удивительно и не странно, если по [воле] бога совершит такое чудо тот, кто имеет доступ ко двору, близкому к великому богу, и всегда восседает на троне, [где написано]: «У меня к Аллаху» [309].

Рассказ о восшествии Абу-л-Гази Искандар бахадур-хана, Сулаймана по достоинству, с божьей помощью на престол власти, на трон господства

Для чудодейственных сердец проницательных людей, для умов посвященных в тайны мастерской создателя да будет ясной и очевидной, как блестящие лучи солнца и как свет зари, следующая мысль. Великий Творец, согласно чудодейственному слову: «Я установлю на земле наместника» [310], облачает в халат власти прямой и сильный стан какого-либо [государя], для того чтобы он стал тем [властелином], на кого устремлены взоры, в ком лучезарные сердца находят опору для укрепления ислама и законов избранника [бога Мухаммада], мир над ним! [Когда] всемогущий господь, согласно с содержанием изящных, полных тайн [стихов]: «Он тот, который сделал вас преемниками на земле» [311], возлагает на голову какого-нибудь [государя], возвышающуюся до Фаркада, великолепную корону, украшенную драгоценными камнями, рубинами, жемчугами власти, [то он оказывает такую милость], с тем чтобы тот [государь], зная цену власти и господства, согласно [словам]: «Всем вам я внушаю страхи, все вы ответственные перед народом» [312], проявлял бы исключительную справедливость по отношению к [различным] слоям населения, этим руководствовался бы во всех делах, касающихся человеческого общества, с помощью блестящего меча постоянно увеличивал бы румянец на челе справедливости, острием своего копья, пробивающего кольчугу, удалял бы
112б из груди раненых шипы тирании. Слава и благодарность Аллаху, что || помощь великого бога вложила в руки благословенной воли [хана] поводья [власти] над странами так, что солнце его милости светит для всех без исключения; туча милости проливает дождь и на море и на сушу. Божья воля, дарящая счастье, вложила в руки могущества и блаженства

[хана] поводья для шествия по всем путям и дорогам, чтобы трон господства засверкал от сияния на лицах султанов и над троном власти светило бы солнце такого [великого] счастья.

Стихи

Воссел на троне справедливости такой государь,
Подобного которому не видел никто в течение тысячи лет,
[Могущественный], как небо, достоинством ангел,
обладающий счастливой звездой,
[Рожденный] под счастливой звездой, счастливый судьбой,
с ярким счастьем.
Благодаря ему расцвели сады страны справедливости так,
Как от северного ветра зеленеет фруктовый сад.

Цель изложения этих мыслей, написания этих слов заключается в следующем. Благодаря хакану [Абдулла-хану], могущественному, как Искандар, Бухарский вилайет благоустроился и украсился. Свет его милости и благодеяний, лучи его справедливости засверкали на лике дел, на челе надежд обитателей мира. После этого [Абдулла-хан] все время лелеял мечту о том, как он привезет из Миankальского вилайета в стольный город Бухару своего великого, благословенного отца, то есть [того, к кому подходят следующие стихи].

Стихи

Он величественный, как Фаридун, счастливый, как Джамшид,
Могущественный, как Искандар, обладающий троном, подобным
солнцу.

Он — тот, чье стремление властвовать всегда подчинялось желанию снискать одобрение бога, кто подражал лишь обычаям пророков, привычкам святых.

Стихи

Праведный образ жизни, добрый нрав, привычки, достойные
похвалы,
Хороши для факиров, еще лучше для государей.

[Абдулла-хан] желал, чтобы украсили благословенное имя его (т. е. его отца) ханским достоинством, чтобы громким голосом провозгласили хутбу [с его именем], молясь за могущественную державу, а поверхность динаров и дирхемов обновилась бы благодаря чеканке [на них] почетных титулов того государя, величественного, как Джам. Однако поскольку в то время дела, [связанные] с ханской властью, исполнялись дядей его величества [Абдулла-хана] Пир-Мухаммад-ханом, то монеты и хутба украшались его именем. Поэтому [Абдулла-хан] из-за уважения к его величеству [Пир-Мухаммад-хану] осуществление этого дела оставил в сфере промедления, не стремился осуществить это дело, мирился с судьбой. При обмене Балха на [Бухару] Дин-Мухаммад-султан вступил на путь вражды [с отцом] и не повиновался приказам отца. Тогда картина упомянутых мыслей предстала перед его величеством великим, благословенным [Абдулла-ханом]. Все, что таилось в его лучезарном сердце, он вывел на ристалище ясности. После того как он вернулся из Балха и остановился в столице (Бухаре), он послал своего счастливого брата Ибадулла-султана к подножию ‖ трона, достойного халифа, [Искандар-хана], повелевающего, 113а

как Искандар, в вилайет Кермине, который был родиной и основным местожительством последнего. [Абдулла-хан] объяснил ему смысл своих желаний, направленных к благу. Вместе с [Ибадулла-султаном были] и некоторые столпы государства и вельможи его величества [Абдулла-хана], такие, как Джан-Али-бий найман и другие. Когда [Ибадулла]-султан, достойный султанского звания, поспешно прибыл к высокому двору отца, величественного, как Сулайман, он удостоился чести приятнейшим образом беседовать с ним. Коснувшись земли смирения и унижения лицом повиновения и покорности, он раскрыл уста почтительности и изложил просьбу, с которой его величество [Абдулла-хан], обладающий ореолом счастья, послал доблестного султана. Это заявление дошло до приближенных [Искандар-хана] и было встречено с одобрением. Его величество [Искандар-хан], подобный Искандару, по просьбе своих сыновей, с благословения вельмож и знатных людей весенней порой 968/1561 года, соответствующего году Курицы, выступил из Миankальского вилайета. Испытывая счастье и блаженство, в исключительном величии и великолепии он поднял знамя выступления и переселения в Бухару. Как только распространилась весть о выезде его величества [Искандар-хана], его величество [Абдулла-хан] вместе с эмирами поспешил навстречу [отцу]. В местности Санг-и Сабз [313], принадлежащей этому городу (Бухаре), [Абдулла-хан] имел счастье встретить отца, высокодостойного, как Искандар. Во время церемонии поздравления и одаривания он преподнес ему редкие подарки, достойные дары. Оттуда его величество августейший [Искандар-хан] в полном убранстве прибыл в стольный город [314] [Бухару], являющуюся предметом зависти рая. Вельможи, знатные люди, правители областей и окраин, прочие знатные и простые люди, весь народ, выражая единодушие и единомыслие, считая его величество [Искандар-хана] достойным престола власти, положили головы покорности на черту [его] приказов. В едином порыве, далекие от обмана и лицемерия, вдев головы в ярмо повиновения, опоясавшись поясом покорности, они раскрыли уста для восхваления.

Стихи

О тот, благодаря которому приятен трон царя царей,
Благодаря тебе украшен ореол верховной власти,
Сердца наши послушны твоему приказу,
Мы готовы исполнить твою волю и повеление.

Его величество [Искандар-хан] своей августейшей особой изволил вступить на трон власти, на престол величия. От солнца его милости тень щедрот упала на головы всех обитателей мира, в особенности на бухарцев. Для приветствия его величества [Искандар-хана] с восшествием на престол поспешили к [его] двору — прибежищу мира султаны эпохи, знатные люди из различных слоев населения. Обвив шеи покорности кольцом повиновения, они встали в ряды хадимов [хана]. Таким образом, [Искандар-хан] ввел в сферу своей власти [земли] от пределов Кашгарского вилайета до
113б границ Хорезма, от дальних [уголков] || Дашт-и Кипчака до окраин Кандахара. Монеты и хутба украсились именем и почетными титулами его величества.

Стихи

Благородный государь, величественный, как Фаридун,
Благодаря которому усилилось правосудие,
Когда он [достиг] власти, воссел на трон величия,
Он закрыл двери мятежа и [заткнул] горло тирании.
Благодаря своему [доброму] нраву он обрадовал сердца людей,
Благодаря щедрости и великодушию он благоустроил мир.

Поистине он такой государь, который утвердился на троне власти, [согласно стиху]: «Мы сделали тебя наместником на земле» [315]. Его победоносные знамена, соответственно [стиху]: «И вознесли Мы его на высокое место» [316], поднялись к высшей точке Плеяд, выше лотоса крайнего предела. Благодаря справедливости и добрым деяниям его величества [Искандар-хана] водворился порядок [в делах] веры и государства, в делах страны и народа, сильно оживился базар правосудия, [нашли спрос] деньги из сокровищницы заботы о народе. От облака его милостей, [изливающихся] на всех, зазеленели и расцвели лужайки счастья великих саййидов, ученых улемов, хафизов, [знающих наизусть] слова всеведущего [бога], да будут всеобщими милости его! От капель дождя щедрости того правосудного государя появились ростки желаний и надежд у ученых и талантливых мужей. Согласно [стиху]: «Корень его тверд, а ветви в небесах» [317], [эти ростки] поднялись до высшей точки голубого неба.

Стихи

От облака милости и щедрости правосудного государя
Зазеленело и расцвело дерево учености и ремесел,
В его время сердца всех были спокойны,
Лишь в локонах луноликих красавиц [можно было] видеть беспорядок.
В его время никто не мог натягивать лук тирании,
И только среброгрудые [красавицы] поднимали лук бровей.

Пока существует тень благодаря свету солнца, свежесть цветника от обильного [дождя из] тучи, пока ветер зажигает огонь и земля соседствует с водой, до тех пор пусть будет в зените солнце его прочной власти и счастья. Да будет его доброта в [ханском] дворце, на пиру милостей подобной солнцу. Да будет он внимательным и ласковым к слугам благодаря милости саййида людей [Мухаммада], милосердного заступника в Судный день.

Месневи

Да не будет счастье далеко от его изголовья,
Да не будет сверкающей корона, если она не на его голове.
Да будет его душа бессмертной,
[Да будет] его порог прибежищем жизни.

В те дни в восхваление государя [Искандар-хана], по отношению к которому небосвод является лишь гулямом, [я], этот смущенный, соединил [в одну касыду] отдельные стихи, украшенные образными выражениями, и представил чудодейственному взору его величества [хана]. Слава Аллаху, они удостоились чести быть принятыми [ханом]. Это следующая касыда:

Какое солнце в апогее власти, тень бога —
Абу-л-Гази Му'из ад-даула Искандар бахадур-хан,
Чей нрав, как [нрав] Мухаммада, чья рука, как рука Мусы, лик, как у Йусуфа, дыхание, как у Исы,
[Хан], подобный Халилу, праведный, как Салих [318], вдохновенный, как Хизр, повелевающий, как Джам.
|| Раис ал-мулк в веках, постигающий законы вселенной, 114a
Поборник веры и мира, помощник добра и справедливости.
Шаханшах, который по нраву, уму, величию и положению
Владыка, великий, как небо, достоинством [высок], как Сатурн, нравом [подобен] ангелу.

[Он] — прибежище власти и народа, государь на ристалище
державы,
Великий хан, осчастливленный [властью] над областями
великой державы.
Не удивительно, если хадис: «Бог ему постоянно помогает» —
Будет отличительным знаком его величества государя.
Ты — государь в стране, [где господствует] единобожие,
Твои милости коснулись всех — от султана до дервиша.
Из-за твоей милости, справедливости, кротости преславный
[бог] дал тебе власть,
[Чтобы] служить тому, кто знает скрытый смысл [слов]:
«Хвала тому, кто перенес ночью Своего раба» [319].
Твое чистое сердце является зеркалом, показывающим мир,
И потому ему видно [все] скрытое в делах народов.
Ты тот раскрыватель тайн, которому известны
Все тайны, скрытые в наших сердцах.
Тебе приятен [тот, кто] всегда приятен богу
так же, как Адам,
Тобой отвергнут [тот, кто] всегда отвергнут богом
так же, как дьявол.
Небо, с тех пор как погружалось в безбрежное море [бытия],
Не видело более подходящего шаханшаха, чем твоя особа.
Приличествует государю Индии быть рабом твоей воли,
Подобает повиноваться твоим приказам кайсару и хакану.
Своей справедливостью ты сделал мир таким цветущим,
Что в мире никто не вспоминает о справедливости Нуширвана.
Не удивительно, что ты похитил мяч власти на ристалище,
Мечом правосудия ты [отрубил] руку тирании и превратил ее в чоуган,
[которым ты и похитил мяч власти].
От страха перед твоим карающим, смертоносным мечом
Не остается решительности в мыслях, терпения в сердце,
так же как света в очах, души в теле.
В твой век сердца врагов охвачены огнем, подобным адскому,
Сердца друзей веселы, как райский сад.
Благодаря твоему прибытию Бухарское царство стало
гордостью мира,
Так же как Египетское царство стало великим от прибытия
Йусуфа Ханаанского [320].
Я уповаю на то, что будут приняты тобой восхваления
и похвалы мои,
Так же как были приняты пророком людей и джиннов
[Мухаммадом] восхваления Хассана [321].
В молитве за тебя я, Нахли, старателен,
А описание твоей особы выходит за пределы просторов ума,
оно глубже пучин возможности.
О боже, пока существует мир, да исполнится твоя воля,
Да пребудешь ты вечно на троне величия и счастья,
Да будут [покорны] твоей воле просторы стран,
Да вознесется до девятого неба хутба с твоим именем.

Рассказ о переселении из тленного мира, из теснин бренности прощенного богом угодника великого господа его святейшества шейх ул-ислама Ходжи Джуйбари

Стихи

|| На доске судьбы перо не начертало слово «вечность», 114б
Страницы вселенной не украшены картинами вечности,
Кипарис, который рос в саду вечности,
Упал, как только поднялся ураган смерти.
Дворец жизни приятен [своим] внешним видом,
Но к бессмертию искусство мастера вечности не пробило
в нем двери.
В чаше времени постоянно находится вино тленности,
Всякий, кто приходит в мир, вкушает глоток этого вина.
Кто из обитателей мира будет посторонним в этом
путешествии?
Всякий, кто обитает в мире, рождается для того,
чтобы умереть.

Да будет ведомо для лучезарных, как солнце, сердец, для чудодейственных мыслей ученых мужей, умных и мудрых людей, для [мыслей], которые являются океаном таинственных лучей, местом проявления несомненных [истин], следующее положение. Из содержания великих стихов Корана: «Всякая душа вкушает смерть» [322] — вытекает следующее. Портной мастерской вечности ни для кого не сшил халат бессмертия, фарраш дворца бессмертного [бога] в беседке пиршества ни для кого не зажег свечу бессмертия. Поистине сущность смерти — это освобождение чистой, благородной души от мира, [где] льет грязный, смешанный с пылью дождь, избавление птицы царства божьего из клетки человеческого тела. Следовательно, самое лучшее, когда умный человек из теснин страны мрака [человеческой] природы направляется на широкие просторы хакиката, миру духовному отдает предпочтение перед материальным миром, стремится достигнуть совершенства, а не власти и высокого положения, с помощью крыльев усердия взлетает на вершину царствия [небесного].

Стихи

Утренней порой с вершины лотоса зачирикала
моя священная птица:
«Не будь беспечным в этом мире злоключений,
Святые устроили для тебя уединенное место любви [к богу],
А ты остался пленником в этом доме печали, как люди,
которых постигло горе».

В особенности некоторым благородным мужам, которые расшили почетные халаты великолепными узорами [из слов]: «Святые [находятся] под моей кабой, и никто не знает их, кроме меня» [323], не подобает такая слава и такой почет, чтобы местом спокойствия и могущества их была бы ненадежная стоянка, неустойчивый дворец мира.

Стихи

В глазах мудрых людей мир довольно низок,
Он меньше, чем тень, [отбрасываемая] солнцем твоего достоинства.

Напротив, достойно их высокого положения, их величия направиться из этого бренного мира, из теснин тленного мира в райские просторы и

к месту обитания святых, согласно [стиху]: «Ведь к Нам их возврат» [324], обратиться к наслаждениям рая.

Стихи

Не привязывайся всем сердцем к [этому] бренному порогу,
Ибо в другом месте возвели чертоги для того,
чтобы ты там жил.

Цель изображения этих картин, написания этих слов заключается
115а в [описании] ‖ неизбежного события, [случившегося] с его святейшеством высокосановным, высокодостойным Ходжой Джуйбари, да освятит великий Аллах его священную душу! Он был звездой в созвездии святости, жемчужиной в шкатулке благородства, местом восхода божественных лучей, местом раскрытия бесконечных божественных тайн. Он был путеводителем шествующих по пути святых, да умножит великий Аллах милость к нему в обоих мирах! В умении угадывать чудесные тайны, воспрепятствовать проявлению сверхъестественных чудес, в воздержании [от недозволенного] он похитил мяч первенства у всех [остальных] благословенных шейхов.

Объяснение этого события следующее. В 969/1561-62 году благословенной природой [Ходжи] овладела сильная болезнь, его натура отклонилась от большой дороги крепкого здоровья. Силы [его], укрепившиеся в дни весеннего равноденствия, совершенно изменили [ему]. Врачи, обладающие дыханием Исы, благословенные табибы, такие, как Платон своего времени, Аристотель эпохи Маулана султан Махмуд табиб и подобные ему, опоясавшись поясом усердия, проявили старания на пути врачевания, на большой дороге лечения. Они надеялись на то, что, быть может, на востоке желания забрезжит утро выздоровления, природа августейшего [Ходжи] из бездны болезни поднимется, подобно солнцу, до апогея выздоровления. Однако все было совершенно бесполезно, ибо, согласно [стиху]: «Поистине предел Аллаха, когда придет, — не отсрочивается» [325], в судилище вечной жизни [стояла] палатка, украшенная [словами]: «Я был сгустком крови, скрытым [от взоров]» [326] с тугрой: «Стирает Аллах, что желает» [327] — и украшенная печатью [с легендой]: «Всякий, кто на ней, исчезнет» [328]. Поэтому перо рассудительности не смогло начертать в книге судьбы ничего об изменении [предначертанного].

Стихи

От старания и усердия не было никакой пользы;
Все, что вышло из-под пера судьбы, невозможно изменить.

Наконец крайняя слабость овладела благородной особой его святейшества [Ходжи], болезнь перешла в чахотку, и природа его святейшества благородного [Ходжи] отказалась от наряда выздоровления.

Великий, славный хакан [Абдулла-хан] все время посещал его святейшество [Ходжу]; его святейшество оказал большую помощь, исключительную милость [хану], завещав следующее. «Согласно [стиху]: „Господь мой воспитал меня“ [329], твоя особа не нуждается в поучениях учителей, на твое зеркало бодрствования падают лучи божественного вдохновения. Несмотря на это, проявляя к тебе исключительное милосердие, хочу поставить перед тобой свечу замыслов и дел, что является отблеском значения, [приведенного в стихах]: „Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает“ [330], чтобы ты благодаря ее свету легко достиг цели. В отношении
115б с подданными тебе необходимо поднять знамена ‖ справедливости до зенита величия, чтобы охранять государство и оберегать [его] богатства.

Проявляй свойственную тебе милость, не превращай себя в мишень стрел бедствий от горения сердец несчастных людей и от огня вздохов терпящих гнет».

Месневи

Пока ты будешь счастливым обладателем власти,
Не отвращай взор от покровительства народу,
Не ломай ветви дерева, бросающего тень,
Ибо оно является прибежищем для сидящего в тени.
Поскольку ты стал тенью пречистого бога,
Посылай больше тени этим горсточкам праха (т. е. униженным),
Удали тень тирании от терпящих гнет,
Огради притесняемого от притеснителя,
Чтобы в твое время, да продлится оно долго,
Никто не слыхал бы жалобы на притеснение.

Его величество [Абдулла-хан], выслушав эти полезные поучения и наставления, подобные сверкающему драгоценному камню, жемчугу чистой воды, полностью согласился с ними. Согласно с его волей [Абдулла-хан] направил [все свои] усилия на установление справедливости, проявление щедрости, укрепление веры, покровительство правосудию, покорение стран, охрану дорог, восстановление городов, заботу о подданных, покровительство народу, защиту людей.

Короче говоря, крайняя слабость овладела его святейшеством [Ходжой]. Слабость все возрастала, и не стало надежды на выздоровление. В понедельник, 21-го числа месяца сафара, да закончится он благом и победой, 971/1563 года махдум-заде мира и обитателей мира его святейшество Ходжа Калан, да приветствует его Аллах и да увековечит, по указанию его святейшества [отца] написал письмо его величеству [Абдулла-хану], который в то время был на охоте в Каракульском вилайете. Он послал письмо также Дустим-султану, восседавшему тогда на своем троне величия в прекрасном городе Кермине, а также другим правителям, вельможам и улемам [различных] стран. Содержание его [писем] следующее: «В четверг со всей поспешностью пусть прибудут в местность Сумитан [331], чтобы снискать [у бога] великое воздаяние, хорошую награду за [участие] в погребении» [332]. Сам он сел в паланкин, окруженный божественными лучами, и в среду, 23-го [числа] упомянутого месяца (сафара), изволил прибыть в селение Сумитан. Сначала он остановился у обильного светом мазара доблестного имама Абу Бакра Са'да, да будет доволен им Аллах, и предался [молитве] за его святейшество [имама]. После того как он обошел [мазар, по направлению] к кыбле от имама он выбрал место для своей могилы так, чтобы голова его святейшества была бы [расположена] против груди имама. Покинув то место, он направился в ханака. Погрузившись [в молитву], он провел всю ночь в этой благословенной местности, время от времени впадая в состояние «сахв», то есть «ясности». Несмотря на такое состояние, раскрыв чудотворные уста, он произнес: «Его святейшество великий ходжа Баха ал-хакк ва-д-дин [333] во время переселения из этого мира горестей, как чужеземец, жил в караван-сарае у ворот || Аб [334]. Здесь же, в этом караван-сарае, гордом [своим] счастьем, 116а
[Баха ад-дин], да будет к нему милость великого Аллаха, изволил переселиться во дворец радостей (т. е. рай); быть бы и нам [погребенным] в этой местности, так же как и его святейшество, умереть бы и нам, как чужестранец [в этом мире]». По таинственному вдохновению и несомненно существующему [божьему] повелению он приказал своему [сыну], махдум-заде, провести ночь у обильного светом мазара имама людей [Баха ад-дина]. Пищущий эти строки услышал от этого [махдум-заде], являющегося кыблой для идущих по пути истины, [как он] таинственно, намеком изво-

лил сказать: «Когда по приказу его святейшества [отца] я пошел к мазару [Баха ад-дина] и, охваченный волнением, провел [там] ночь, [не во сне, а] наяву я увидел, как появился красивый человек, [станом] подобный тростнику, слегка прихрамывающий, и сказал: „Поздравляю, все великие ходжи, да будет милость и довольство Аллаха над ними, возвели тебя на место величия и благородства [твоего] отца“. Когда я попросил у его святейшества [этого человека] благословения, он соизволил сказать: „Благословение то, что принесли благословенные ходжи“. Как я ни желал узнать его славное имя и высокое звание, мне помешала стыдливость, и я не смог спросить. Когда я пережил это событие, я пошел поцеловать ноги моего отца. Как только я вошел в ханака, [мой отец] раскрыл глаза, улыбнувшись, став красноречивым, сказал: „Приветствую“ — и изволил добавить: „Тот, кто был в этом деле посредником и был направлен в качестве посла величайшим [богом], был священный Ходжа Насир ад-дин Абу Наср Парса, да освятится тайна его!“ Услышав эту радостную весть, я вскочил и упал к ногам моего отца, я поспешил удостоиться чести целовать ноги [его] и испытал исключительное блаженство, счастье».

Словом, на рассвете в четверг, 24-го [сафара], его святейшество [Ходжа] потерял сознание, [затем] он пришел в себя. Когда его святейшество махдум-заде [Ходжа Са'д] увидел перемену на ясном лице своего отца, его состояние также изменилось. Однако он был спокоен и тверд, как гора, несмотря на такую боль, он не тронулся с места. Как только его святейшество [Ходжа] заметил перемену в состоянии [сына], языком, выражающим любовь, он спросил о [причине] перемены его состояния. Сын [Ходжи] сказал: «[Я думаю] об услугах, [которые я оказывал вам]. Не знаю, в пору жизни [вашей] служил ли я [вам] должным образом или нет? Я страдаю от этого и от стыда не смею поднять голову». Его святейшество [Ходжа] соизволил сказать: «Вы исполнили долг сына по отношению ко мне и служили [мне]; так же как я доволен вами, надеюсь, будет доволен и господь». Когда приблизилось утро, чтя обычаи последователей ордена ходжаган, да будет милость и довольство Аллаха над ними, согласно которым в момент переселения людей из тленного мира в вечную обитель громко произносят божье имя, [Ходжа] приказал, чтобы [его]
1166 сподвижники громко произносили имя божье. Сам он || также беспрерывно произносил божье имя. Во время произнесения божьего имени чистая душа его святейшества [Ходжи] утвердилась на изначальном месте, она вырвалась из плена бренного мира и обратилась к раю, из теснин мира и времени она вознеслась в высшие сферы рая, являющиеся местом обитания [душ] пророков и праведных людей.

Стихи

Блажен тот день, когда я покидаю эту разрушенную стоянку,
Я стремлюсь к радости [моей] души: я иду к возлюбленной,
В жажде [видеть] ее лицо я танцую, словно пылинка,
Ибо я иду к берегу ручья, сверкающего, как солнце.

Это событие вызвало сильное волнение в сердцах сподвижников, в душах друзей; погас свет мистических тайн для старцев и юношей.

Стихи

От этой горестной вести из глаз пролились потоки [слез],
Словно дождь, который льет в весеннюю пору,
От стенания [людей] оглохло небо,
От этого события мир изошел криком.

В тот день хакан, радующий мир, [Абдулла-хан] вместе со [своими] сородичами, с эмирами и столпами [государства] изволил прибыть в местность Сумитан. Опечаленный, огорченный этим страшным событием, [хан] переоделся и приказал, чтобы все султаны, правители, славные вельможи, великие эмиры, достойные везиры, знать и простой народ переоделись, облачились в траурные одежды.

В этой местности было такое скопление народа, что больше себе нельзя и представить. Сам [Абдулла-хан] с величайшим махдум-заде языком, рассыпающим жемчуга [слов], произносил истирджаʿ, то есть [слова]: «Поистине мы принадлежим Аллаху, и к нему мы возвращаемся!» [335]. Согласно законам истинного шариата было совершено омовение и одевание в саван. Когда тело прощенного богом [Ходжи] было готово [к погребению], его положили на носилки, охраняемые милостью [бога], кто «живой, не умирает» [336]. Носилки [с телом] его святейшества подняли на плечи хакан, подобный Искандару, [Абдулла-хан] вместе со столпами государства, вельможами, великими эмирами и знатными людьми эпохи. Прочитав молитву, они понесли его благоухающее тело к месту погребения и предали раковине земли тот жемчуг из моря знаний. После того как был исполнен обряд соболезнования, для упокоения исполненной божьей милости души его святейшества прочитали чудесно нанизанный Коран и раздали щедрую милостыню бедным, убогим и другим униженным, обездоленным людям.

На четвертый день принесли в жертву много лошадей, коров, бесчисленное множество овец, сварили [мясо] и расставили столы с угощениями, [расстелили] скатерти. Выставив всякого рода кушанья, бесчисленные блюда, угостили [присутствующих]. В этом великом меджлисе, где были собраны все вельможи и улемы, его величество [Абдулла-хан] в силу своей чрезвычайной [приверженности] вере и из добрых побуждений посадил сына его святейшества праведного, прощенного богом [Ходжи] на почетное место в собрании. ‖ Он поставил его выше всех знатных лю- 117а
дей, которые были знаменитыми в [своих] владениях, местностях. Сам [Абдулла-хан], пройдя к месту, [где сидели] великие приверженцы [Ходжи], сел [рядом] и опоясался поясом любви [к Ходже Саʿду]. В этом же меджлисе [хан], сняв со стройного тела сына Ходжи траурный халат, облачил [его] в почетный халат. С вельмож и знатных людей он также снял траурные одежды и облачил [их] в обычные одежды.

По случаю этого великого события много ученых и поэтов сочинили элегии, хронограммы и представили чудодейственным взорам ученых. К числу тех хронограмм, которые были украшены нежным, приятным дыханием поэтов, принадлежит следующая хронограмма Маулана Мушфики, [которая является плодом] его таланта.

Тарих

Когда ушел из мира Ходжа Джуйбари,[1]
Не стало воды в Джуйбаре [337] хакиката,
Для определения года смерти [его] разум
Начертал: «Султан, [идущий по пути] тариката» [338].

И [мое] перо, благоухающее амброй, в виде элегии на смерть этого вождя людей нанизало на нить следующие стихи.

Марсийа

О сердце, нет постоянства в этом мире,
У солнца на небе нет внимания к скоротечной [жизни],
Не входи с верой в бренный мир,

Ибо этот ветхий дом не является надежным зданием.
На перстне судьбы запечатлено много узоров,
Кроме [узора] вечности, ибо нет у судьбы перстня с узором вечности.
Развалины мира не являются зданием для обитания,
Эта опасная пустыня не место для жилья.
Судьба разбирает дела своих жалобщиков,
Никому в этой тяжбе ничего, кроме насилия, не достается.
Несмотря на то что смерть — истина и смертный час — удел всех живущих,
На сердце невыносимо [тяжело] от разлуки с прибежищем мира [Ходжой].

Как горестно, что не стало вождя земли и эпохи,
В мире не стало гордости благородства, имама народов.
Ушел тот превосходный [муж], кто был совершенством в мире,
Ушел полюс мира, не стало великого человека в мире.
Перестало повиноваться ему стремление к совершенству,
Не стало любимого [учениками] учителя, главы муршидов.
Шкатулка счастья опустела, [не стало в ней] жемчуга счастья,
В созвездии счастья угасла звезда того, [кто был] обладателем счастливого сочетания светил.
Уши мира лишились жемчужных серег,
То море щедрости лишилось берега, усыпанного жемчугами.
Когда удалился из Джуйбара жизни [тот, кто был] подобен кипарису,
Он переселился в райский сад на берег Каусара [339].

1176 || Где тот, кто [мог] достигнуть пределов своих желаний,
Увидеть оком сердца красавицу упований?
Где тот, кто отстранялся от дурных людей времени,
Кто обретал покой на ложе красоты предвечного [бога]?
Где тот, кто ради достижения цели нитями стремлений
Опутывал сердце, устранял препятствия?
Где тот, кто гнал коня судьбы по ристалищу высоких помыслов,
У стремени которого бежал гонец счастья?
Где тот, кто бежал от недозволенного [в мире] в ханака,
Кто слышал отовсюду молитвы влюбленных [в бога]?
Какое горе! Скончался глава одаренных людей,
Умер [тот, кто оказывал] помощь народу, [был] светочем мистиков.
Это событие знаменует собой день Страшного суда:
Смерть такого великого человека — признак Судного дня.
Когда тот [Ходжа], опора шариата, нашел приют в вечном мире,
Опустело здание земной жизни.
Сподвижникам следовало бы умереть от горя,
Достоин порицания тот, кто [остался] здоров, [перенеся] это горе.
Оборвалась линия жизни той опоры ислама,
Да, мир — то место, где нет постоянства.
Переселился из этого мира [тот, кто] обладал нравом ангела,
Тот, о чьих милостях рассказывали на востоке и западе.
Хотя смертный сон сомкнул очи многим [людям],
Но никто не видел события более горестного, чем это,
Так как не было подобного ему муршида на пути истины,
Он ушел — и опустел трон руководства на пути истины.
Разве кто-нибудь осмелился бы возражать ему,
[Тому], кто благодаря справедливости держал под своей властью землю.

Когда [Ходжа был] на пути познания [бога],
Все проницательные, прозорливые люди выражали изумление.
Когда султан веры Мухаммад Ислам направился в рай

Из купола ислама праведных (т. е. из Бухары),
Для [выражения] даты его смерти
Пришли мне, опечаленному, на ум [слова]: «Падишах страны ислама» [340].
Когда открылись двери, [чтобы принять] его под сень райского дерева божьей милости,
До него донеслись [слова]: «Благо тому, кто так умирает» [341].
О боже, да будет он в раю среди великих людей,
Да будет он на почетном месте райского сада.
Если он соизволит направиться в рай,
Да будет всегда почет и уважение к его потомку
|| Абу Бакру Са'ду, имаму времени, гордости эпохи, 118а
Да будет он всегда в апогее зодиака величия и почета!
По отношению ко мне, испытывающему волнение при описании и восхвалении его,
Да будет милость его [мне] поддержкой утром и вечером.
От бессилия я счел себя прахом на его пути,
Да будет это причиной [его] уважения ко мне в этом мире.
Я закончил слова молитвой за него,
Что я в состоянии сделать, кроме как молиться?!

Р у б а ' и д л я [о п р е д е л е н и я] д а т ы [с м е р т и]

Ходжа Джуйбари, этот [глава] мистиков,
Безмерно счастливый, пожелал направиться в рай,
Благодаря ему всегда было гордо совершенство,
Поэтому датой его [смерти] стали [слова]: «Гордость совершенства» [342].

Рассказ о прибытии из Ташкента Дервиш-хана для приветствия достойного похвалы хакана Абу-л-Гази Искандар бахадур-хана

После того как хакан, подобный Искандару, Абу-л-Фатх Искандар бахадур-хан с божьей помощью, увенчанный великой славой, воссел на ханский трон, на престол миродержавия, полумесяц его знамени, сверкающий, как солнце, засиял над головами [его] подданных и всех людей.

М е с н е в и

Когда воссел на трон тот правосудный [хан],
Возложил на голову царский венец,
Ко двору того славного государя,
Этого счастливого шаха по имени Искандар,
Поспешили государи [всего] мира,
Поцеловали землю перед тем [властелином], кто обладает перстнем Сулаймана [343].

Славные государи, властелины, могущественные, как Джамшид, пришли по дороге верноподданства, сильной любви и искренности. Удостоившись чести поцеловать ноги [хана], они встали в [один] ряд с [его] людьми, хадимами, слугами, вельможами. Могущественные [государи] мира, гордые мужи человеческого рода склонялись ниц у его порога в знак покорности и повиновения его величеству [Искандар-хану]. Головы великих, славных военачальников оказались в кольце покорности, шеи храбрых мужей [очутились] в ярме рабского послушания.

К ы т ʿ а

Где смелость гордых мужей,
Чтобы переступить [твой] порог,
Где отвага храбрых мужей,
Чтобы выступить против тебя?

Земля славнейшего царского двора стала местом поклонения вождей иранцев и туранцев, благословенный ковер августейшего [хана] стал местом, которое целуют государи эпохи.

Д в у с т и ш и е

Всюду, где ты побеждаешь, уста царей [целуют прах
у твоих ног],
Куда бы ты ни ступал, там склоняются головы
военачальников.

118б В это время из Ташкента от Дервиш-хана ибн Науруз-Ахмад-хана || с одобрения Али Саʿида прибыл посол к высокому порогу [Абдулла-хана], ко двору, подобному [чертогу] Сатурна. На протяжении долгого времени, многих лет он (Али Саʿид) был вершителем дел царства [344] того вилайета (Ташкента), все важные дела султанства были украшены драгоценными камнями его ума и перлами его деяний. Приятными словами, в изысканных выражениях [посол] изложил [цель] посольской миссии. Выразив уверения в искренней дружбе и преданности [своего государя, он обратился к хану] с великой мольбой: «Суть послания следующая: „Что было, то прошло, не вспоминай о том, что прошло“. Теперь бедняк, сев на место верноподданства, опоясавшись поясом покорности ему (Абдулла-хану), тверд [в намерении следовать] по пути согласия, считает себя ставшим на путь соблюдения дружбы, на стезю соглашения [с ним]. С того времени, как распространилось известие об украшении хутбы и монет счастливым именем, благословенными почетными титулами великого отца его величества могущественного [Абдулла-хана], я все время стремлюсь обратить лик надежды на подобный небу двор [Искандар-хана], чтобы приветствовать [его], удостоиться чести и счастья благословенной встречи [с ним] и приятной беседы с высоким [ханом]. Это является самым важным [для меня] делом, заветной мечтой».

Его величество [Абдулла-хан], услышав этот рассказ, оказал послу всевозможные почести, окружил вниманием, уверил его в дружбе, единодушии [с Дервиш-ханом]. Он проводил посла с полным почетом. Он отправил вместе с ним одного из знатных людей, вельможу, пользующегося уважением. Дебир со светлым умом написал прекрасное послание, употребив слова, говорящие о дружбе, выражения, исполненные любви.

Когда посол [Абдулла-хана] удостоился благословенной встречи с подобным дервишу Дервиш-ханом, его величество [Дервиш-хан], устроитель [дел] страны, оказал ему большие почести, проявил к нему исключительное внимание и расположение. Он утвердил условия мира, условия выражения дружбы и верности, подателя же послания одарил халатом, достойным царя, и быстроходным конем. Он устроил царский пир, великолепный прием, после чего отпустил [посла].

Несколько дней спустя посол его величества [Абдулла-хана] прибыл ко двору [его], озаряющего мир, прославляя бога, выражая ему благодарность [за благополучное возвращение]. Он рассказал о том, что подобный дервишу [Дервиш]-хан проявил искреннее и исключительное расположение по отношению к слугам его величества [Абдулла-хана].

Несколько дней спустя Дервиш-хан вместе с некоторыми сородичами, такими, как Тахир-султан и Касим-султан, отправился в Бухару,

чтобы удостоиться чести встретиться с хаканом [Искандар-ханом], повелевающим, как Искандар. Когда пришло известие о его прибытии, для встречи Дервиш-хана сначала [Абдулла-хан] послал своего счастливого брата Ибадулла-султана с прочими столпами [государства]. Сам он в сопровождении всех [своих] вельмож и знатных людей также направился навстречу достойному похвалы государю.

|| Хан, подобный дервишу, Дервиш-хан вместе с некоторыми сородичами в [месяце] зу-л-ка'да 971/1564 года изволил прибыть в Бухарский вилайет. Его величество [Абдулла-хан] с некоторыми сородичами, со всеми вельможами, придворными поспешил навстречу [к нему]. Они встретились в местности Хадтут [345], находящейся приблизительно в двух фарсахах от города [Бухары]. Оттуда верхом они направились к городу [Бухаре]. Подобный дервишу Дервиш-хан в полном величии остановился в куруке Чартак, а его величество [Абдулла-хан] изволил войти в город. На другой день его величество [Абдулла-хан], принимая во внимание [слова]: «Уважайте гостя» [346], отправился к ставке Дервиш-хана, затем вместе с ним вошел в город [Бухару]. [Дервиш-хан] имел встречу с [Искандар-ханом], подобным Искандару, в высоком арке [347] Бухары. Он удостоился чести, был осчастливлен тем, что приятнейшим образом разговаривал, беседовал с благословенным [ханом]. После того как стольники принесли несметное количество различных блюд, его величество [Искандар-хан], повелевающий, как Искандар, ввиду исключительного уважения и безмерного расположения [к Дервиш-хану] оказал ему всякого рода милости. Он удостоил его чести, подарив ему почетную одежду, быстрого коня, вышитый золотом халат, корону, украшенную всякого рода жемчугами чистой воды, и все то, что необходимо для славы и гордости государей. Всех его слуг и приближенных он также одарил халатами и освободил [его] от [заботы] о них. Подобный дервишу [Дервиш-хан] благодаря исключительному расположению, единодушию, милости и дружбе, которые он видел по отношению к себе [со стороны хана], постиг смысл [стиха]: «О, если бы мои люди знали, за что простил мне Господь мой и сделал меня из почтенных!» [348]. Языком, [выражающим свое] состояние, он произнес следующие слова. 119а

Стихи

Теперь дела раба вновь стали устойчивыми,
Теперь вновь утвердилось все необходимое для покоя
и наслаждения.
Был он бесславен, но благодаря милости хана
Он вновь стал известным, обрел славу.

На другой день его величество могущественный [Абдулла-хан] для угощения подобного дервишу [Дервиш]-хана приказал, чтобы преданные слуги царского двора приготовили все необходимое для торжества и пира, чтобы они устроили веселую трапезу, расстелили бы ковер веселья, увеселений, возвели бы шатер для наслаждений и веселья до чертога Сатурна. Согласно с этим устроители торжеств, опоясавшись поясом служения, для этой цели избрали чарбаг эмира Турум дурмана. Для августейшего [Абдулла-хана] придворные фарраши в этой местности разбили шатер, подобный облаку над солнцем.

Месневи

|| Шатер с шелковыми канатами 119б
[Казался] созвездием, в которое вступало солнце.
Шатер [был] столь высок, что возвышался
до голубого неба, до созвездия Плеяд.

[С т и х и]

Судьба проявила мастерство:
Она осенила весь мир.

Таким же образом для других великих царевичей возвели столько палаток и шатров, что поверхность земли [словно] наполнилась звездами.

Д в у с т и ш и е

Палатками и шатрами усыпаны степи и горы,
Словно небо — блестящими звездами.

[Искандар-хан] довел до сведения знатных и простых людей, что [наступила] пора веселого пиршества. Пир друзей был устроен самым лучшим образом, расстелен ковер веселья [так], что на лике всего мира ярко засияли лучи радости и ликования.

С т и х и

Радость и веселье настолько овладели всеми,
Что была предана забвению привычка печалиться.

На этом пиру, подобном райскому, на этом торжестве, устроенном как небесное [торжество], его величество [Искандар-хан], могущественный, как Искандар, сидел на троне величия, на престоле великолепия вместе с государем [Дервиш]-ханом. Красавцы, подобные Юпитеру, с ланитами Венеры светом своего присутствия, [словно] лучами, озаряли весь этот двор, подобный небу, [вселяли] радость.

М е с н е в и

Со всех сторон около шаха выстроились
Красивые юноши, словно звезды вокруг луны,
На голове [его] корона, усыпанная драгоценными камнями,
Он облачен в халат из золотой парчи.
Он опоясан поясом, украшенным драгоценными камнями,
[Казалось], он погружен по пояс в жемчуга.
[Красавцы], стоящие рядом, словно Плеяды,
Спешат услужить [хану].

Столпы государства, вельможи державы и народа, прочие слуги порога миродержавия, другие стражи величия и могущества уселись на соответствующие места согласно их положению.

М е с н е в и

Славные эмиры, предводители войск,
Все сидели, окруженные исключительным вниманием,
[Получая] сотни почестей и ласк,
Все веселились и развлекались.

Музыканты, играющие на кануне, как Венера, играя в такт каманче [349], уносили печаль из сердец влюбленных. Музыканты с лицами, подобными солнцу, веселыми песнями, звуками чанга и уда заслужили поклонение знатоков. В особенности [славился] устад Али Дуст, который был уникумом времени, чудом эпохи. От его приятного голоса, от его пения

начинало кружиться в танце голубое небо, его нежные мелодии наполняли душу шербетом вечной жизни, а сердцу доставляли пищу для жизни.

Месневи

Было устроено пиршество, подобное райскому,
[Где] от одного глотка [шербета] земля заблагоухала амброй,
Когда раздались звуки барбата [350] и тамбура [351],
От изумления выскочили пробки из сосудов [с вином].
Зазвучала прелестная мелодия,
Звучанием она помогала певцу.
|| Зазвучал бубен, 120а
Звуки его [словно] спускались с голубого неба.
[Бубен] окружен колокольчиками,
Словно небесный пояс — бубенчиками.

Стольники султанского двора приготовили всякого рода вкусные кушанья и принесли [их] в таком количестве, что присутствующие на этом исключительно веселом пиру от обилия напитков и разнообразных кушаний вспомнили вселяющие радость [стихи]: «Для тех — определенный надел — плоды, и они будут в почете» [352]. В памяти и сердцах молодых и старых запечатлелись [слова]: «. . .то, что пожелают души и чем услаждаются очи» [353].

Стихи

Готовый служить стольник
Ни на мгновение не забывал о своих обязанностях,
Время от времени он уходил и приносил
Бесчисленное множество разных кушаний.
На пиру везде были расставлены накрытые столы,
На них много яств, какие только угодно душе.
Все подносы были полны разных фруктов,
Лучших, чем выросшие в райском саду.

После того как полностью был украшен меджлис, его величество [Искандар-хан] сделал все, что было достойно его величества государя, подобного дервишу [Дервиш-хана]. Он представил пред чудодейственные очи его величества [Дервиш-хана] золототканые халаты, пояса, расшитые золотом, украшенные разного рода рубинами чистой воды. [Он подарил] быстроногих скакунов, которые в стремительном беге опережали небесного коня (т. е. солнце), [оставляя позади лишь] следы [своих] копыт. Быстро вращающийся небосвод, как и сильный ветер, никогда не мог и не мечтал обогнать их. По скорости бега они опережали на ста ристалищах холодное серебро новой луны — небесной подковы, в беге они опережали скакуна воображения на тысячу переходов.

Месневи

Быстроногие кони гарцуют легко, как утренний ветер,
Во время бега от них отстает молния,
Во время движения они похожи на горную куропатку,
Нравом они похожи на дива, видом — на пери.
Мчатся быстрее, чем северный ветер,
Проносятся стремительно, как порывы [страсти] влюбленных.

[Искандар-хан] обласкал и [всех] прочих царевичей, эмиров, столпов [государства Дервиш-хана], раздал им огромное количество подарков,

почетные халаты, одарил золотом, жемчугом, коронами, украшенными драгоценными камнями. Затем было устроено такое пиршество, при виде
120б которого был поражен разум, глаза || выразили изумление. Подобный дервишу [Дервиш]-хан заключил договор и союз с его величеством [Искандар-ханом] об упорядочении дел, [связанных] с благоденствием страны, об устройстве дел управления и власти. Подтвердив договор клятвой, [каждый] выразил проклятие тому, кто нарушит договор.

После этого его величество [Дервиш-хан], дервиш по природе, [испытывая чувства] глубокой преданности к [Искандар-хану], повернул поводья и поспешил на родину, в [свою] столицу.

О завершении [строительства] высокого медресе и о преподавании [в нем] великих улемов

Да будет до предела ясной, совершенно очевидной для сердец проницательных людей, для разума передатчиков рассказов следующая [мысль]. Почетный халат, [украшенный словами]: «Возвеличиваешь, кого желаешь» [354], и одежда, отмеченная [словами]: «И вознесли Мы его на высокое место» [355], подходят не для всякого человека с прямым станом. М и с р а: Кому теперь достанется это дело управления [страной]?

Быть может, [это] станет уделом того, на счастливом челе которого будет начертан [стих]: «Мы избрали его уже в ближайшем мире» [356], чей лик счастья украшен узором благословенных [стихов]: «Мы избрали их и вели их на прямой путь» [357].

Цель изложения этого рассказа заключается в следующем. Государь, завоеватель просторов мира, искусный наездник ристалища миродержавия [Абдулла-хан] милостью великого бога, благодаря помощи небес покорил много стран. Он упорядочил законы благотворительности и милосердия, установил обычаи уважительного отношения к подданным, законы справедливости. Во время [правления] августейшего хана, в дни его могущества, возраставшего с каждым днем, вновь расцвели искусства, бывшие в плохом состоянии, обрели устойчивый курс деньги учености и мудрости. Деревца науки и знаний, [посаженные] в засушливом году, от капель дождя его милости день ото дня все более расцветали, благо-
121а даря роднику его щедрости цветник надежд и благополучия [людей] || с каждой минутой становился все более пышным и свежим; от зефира счастья, от ветра милости его в цветнике ислама каждый день распускались бутоны радости. Благодаря туче его щедрости на лужайке времени каждый час появлялось дерево благодеяний. Благодаря блеску крепкого счастья его величества [Абдулла-хана], благодаря его щедрости бóльшая часть этой страны превратилась в средоточие наук, в родник знаний и искусств. В частности, купол ислама — Бухара, да сохранит [ее Аллах] от бедствий и несчастий, оттого что [она стала] резиденцией его величества [хана], сделалась средоточием улемов веры, местом появления ясновидцев, кыблой для благородных и праведных [мужей], Каабой благочестивых и святых, центром набожных, богобоязненных людей, родиной преподавателей и законоведов, прибежищем отшельников и богомольцев, местом обитания знаменитых суфиев и столпов веры.

М е с н е в и

Цветущей, как сад высочайшего рая,
Бухара стала в дни правления шаха,
Хана, могущественного, как Джам, Абдулла-[хана],
Да продлит Аллах его царство, аминь!

[Хан] стремился к тому, чтобы силой [его] могущества расширились [пределы] страны, расцвело государство, были бы яркими высокие знамена шариата Мухаммада, раскрылись и возвысились бы знамена общины пророка, множились бы ряды улемов, являющихся наследниками дорогих пророков, да приветствует их [Аллах]! По этой причине во внешней части города Бухары, что является местом стечения улемов и набожных людей, в западной части города, на улице Хиабан, против ханской бани, что также построена его величеством [Абдулла-ханом], в 974/1566-67 году он воздвиг величественное медресе с высокими сводами, великолепными куполами, верхними и нижними помещениями. Основание его сделали чрезвычайно прочным и крепким. Внешний вид этого благословенного медресе был таким, как сердца [преданных] богу улемов, внутреннее оформление этого [медресе], места, [куда] вселилось счастье, напоминало внутреннее оформление священного храма в Мекке. || Ему не страшно разрушение 121б
и порча, благодаря ему становится ясным смысл великого коранического стиха: «Образ сада, который обещан богобоязненным» [358], оно подтверждает значение выражения: «Собрание улемов — райский сад» [359].

Когда в 974/1566-67 году закончилось строительство [медресе], для преподавания, обучения знатных и простых людей были назначены такие великие улемы, как, например, во-первых, лучший в [эту] эпоху, вождь людей, потомок прежних славных мужей, верный всем преемникам [Мухаммада], отмеченный милостью вечно живого бога, высокодостойный, талантливый [муж], то есть Маулана Пайанда-Мухаммад; [во-вторых], выдающийся [муж] среди современников, совершеннейший тонкий исследователь, занимающий почетное место среди людей, великий кази Садр; [в-третьих], благородный [муж] саййидского происхождения, благословенный, высокодостойный [муж, являющий собой] собрание достоинств и милостей, [устанавливающий] законы знаний и совершенств, отмеченный помощью великого господа, совершенство народа, мира и веры маулана Мир, да продлит великий Аллах [его пребывание в лучах] благодати, осеняющей головы идущих [по пути истины]! Благодаря роднику помощи их и ответам, даваемым в их фетвах, зазеленели и расцвели сады религии. Ученики, обладающие исключительными способностями, [и прочие] учащиеся постоянно с великим усердием приобретают знания, [а они] — «люди, которых не отвлекает ни торговля, ни купля от поминания Аллаха» [360].

Двустишие

Все они с чистой душой, как раннее утро.
«[Была] малая часть ночи, что они спали» [361].

Они со страстью начертали на скрижалях преданности [науке] узоры [слов]: «Знание — это такая вещь, что, если ты не посвятишь ему всю жизнь, оно не отдаст тебе и своей частицы» [362] — и пером [написали]: «Разве сравняются те, которые знают, и те, которые не знают» [363]. Благодаря щедрости его величества могущественного [Абдулла-хана] они имели пропитание, и жилье, и все необходимое для регулярных занятий и повторения уроков: «Это — напоминание, а ведь у богобоязненных хорошее пристанище» [364].

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ

ВВЕДЕНИЕ

1. Коран III, 25.
2. Коран XXVIII, 88.
3. Коран X, 15.
4. Коран XVIII, 83.
5. «Лотос крайнего предела» — по представлениям мусульман, дерево, растущее на седьмом небе, приближаться к которому не могут даже ангелы и пророки.
6. Коран II, 28.
7. Коран XVII, 72.
8. Коран LVII, 25.
9. Здесь в значении писца.
10. Коран II, 272, или III, 25.
11. Коран XXII, 74.
12. Коран LIII, 3.
13. Коран LIII, 4.
14. Коран LIII, 17.
15. Коран LIII, 11.
16. Коран LIII, 9. Автор приводит лишь последние два слова этого стиха. Здесь и далее для ясности мы приводим весь стих Корана. В данном стихе речь идет о восхождении на небо пророка Мухаммада.
17. Коран LIII, 8.
18. Коран III, 29.
19. По учению мусульман, пророк Мухаммад является последним пророком, поэтому ему дали прозвание «печать пророков» или «конец пророков».
20. Букв. «в гнезде для драгоценных камней перстня которого оказались оба мира», т. е. здешний и потусторонний мир.
21. Халил — букв. «друг» — прозвание пророка Ибрахима (Авраама).
22. Слова «Если бы тебя не было» написаны по-арабски. Они, по-видимому, представляют собой хадис. Это выражение полностью приведено на полях списка Ла (л. 1а) и переведено на персидский язык. В переводе на русский язык все предложение звучит так: «О Мухаммад, если бы тебя не было, я, конечно, не сотворил бы небеса».
23. Слова «у меня к Аллаху» представляют собой начало арабской фразы, по-видимому хадиса. Полностью эта фраза приведена в приписке на полях списка Ла (л.1б) с переводом на персидский язык. Она переводится так: «У меня к Аллаху такое внимание и отношение, какого нет ни к близкому ангелу, ни к [другому] посланнику, пророку».
24. Любопытное пояснение к этой фразе мы находим в приписке на полях списка Ла (л.1б). В этой приписке указывается, что в данной фразе автор использовал слова, являющиеся одновременно названиями хорошо известных сочинений Абу Али ибн Сины: *все* — «Куллийат», *законов* — «Канун», *исцеление* — «Шифа», *избавление* — «Наджат».
25. Фраза написана по-арабски, по-видимому хадис.
26. Фраза написана по-арабски, по-видимому хадис.
27. Коран LVI, 10.
28. Коран LVI, 11.
29. Хайдар — букв. «лев» — прозвище четвертого халифа — Али (656—661).
30. Букв. «в этой пятидневной жизни».
31. Шашдар — такое положение в игре в нарды (трик-трак), когда шесть клеток подряд заняты шашками одного партнера, закрывая всякое движение шашкам противника; в переносном смысле: «безвыходное положение».

32. Сиддик — букв. «правдивый», «говорящий правду» — эпитет первого халифа — Абу Бакра (622—624).

33. Фарук — прозвание второго халифа, Омара (634—644), букв. «тот, кто хорошо различает [добро и зло]», «искренний», «проницательный».

34. «Печатью пророчества» — т. е. последним пророком. См. также примеч. 19.

35. Согласно представлениям мусульман, пери — добрый дух в образе красивой девушки, ангел.

36. Зу-л-Нурайн — букв. «обладатель двух сияний» — эпитет третьего халифа, Османа (644—656). Это прозвание он получил потому, что был женат последовательно на двух дочерях пророка Мухаммада.

37. Здесь имеется в виду Харун (библейский Аарон) — старший брат Мусы (Моисея). Согласно мусульманским преданиям, он совершил ряд чудес.

38. Речь идет о Фатиме, дочери пророка Мухаммада, жене Али.

39. Согласно мусульманской легенде, одним из чудес, якобы совершенных дочерью пророка Мухаммада Фатимой, было следующее: во время одной из священных войн Мухаммада благодаря ее дыханию безрукий мусульманин вновь обрел свою руку. Объяснение этого места мы находим в приписке на полях списка Ла (л. 2а).

40. Согласно другому мусульманскому преданию, взгляд Фатимы сделал слепого зрячим. Пояснение к этой фразе дано в приписке на полях списка Ла (л. 2а).

41. Коран XII, 111.

42. Джамшид (Джам) — персонаж иранского эпоса, царь из легендарной династии Пишдадидов. По преданию, он обучил людей земледелию, ремеслу, построил города.

43. Кавус, или Кайкавус — персонаж иранского эпоса, согласно легенде, царь из династии Кайанидов, сын Кайкубада.

44. Стихи Са'ди, см. Тарих-и Гузида, с. 54.

45. Анка — баснословная птица, часто отождествляемая с Хумай (см. примеч. 137). Здесь употреблено в значении редкостного предмета или явления.

46. Коран II, 286.

47. Коран XXVII, 63.

48. Коран XII, 87.

49. Коран II, 248.

50. Мискале, или мискаль — инструмент для полировки.

51. Дарий — здесь имеется в виду Дарий III (336—330 гг. до н. э.), последний царь из династии Ахеменидов.

52. Рум — в данном случае подразумеваются страны Запада.

53. Чин — Китай.

54. Хизр — по представлениям мусульман, пророк, нашедший источник «живой воды», выпив из которого он стал бессмертным.

55. Йусуф (библейский Иосиф Прекрасный) — персонаж многих поэтических и прозаических произведений мусульманской литературы. Рассказы мусульманских авторов имеют своим первоисточником 12-ю суру Корана, посвященную Йусуфу (Иосифу Прекрасному).

56. Хосров Парвиз — сасанидский царь Хосров II Парвиз (590—628).

57. Здесь имеется в виду сасанидский царь Хосров I Ануширван (531—579). В легендах он предстает как образец мудрого и справедливого государя.

58. Коран XVI, 92.

59. Фаркадайн — две ярких звезды в созвездии Малой Медведицы.

60. В списке А имеется лишь слово «тридцать», а число единиц не обозначено.

61. Коран XLII, 38.

62. Под Хафизом здесь имеется в виду сам автор — Хафиз-и Таныш.

63. Коран, XXXIX, 19.

64. Коран XL, 47.

65. Фраза приведена по-арабски. Персидский перевод ее дан на полях списка Ла (л. 4б).

66. Коран V, 120.

67. Коран XXXVIII, 72.

68. Арабская фраза, которая в приписке на полях списка Ла названа хадисом и переведена на персидский язык. По-русски звучит так: «О Адам, я сотворил мир ради тебя, а тебя сотворил для себя, чтобы ты был образцом красоты моих имен и достоинств».

69. Коран V, 59.

70. Коран XXXVIII, 77.

71. Коран LXIV, 3.

72. Коран XVII, 87.

73. Фраза написана по-арабски. Ср.: Коран XXV, 60: «Полагайся на живого, который не умирает».

74. Коран XVIII, 25.

75. Коран XXXVIII, 45.

76. Коран VI, 104.

77. Коран L, 36.

78. Уд — струнный музыкальный инструмент, напоминающий арфу. Согласно Дарвишу Али, имеет 12 попарно настроенных струн. Изобретение его приписывается мифическому царю Ирана Джамшиду. См.: Среднеазиатский трактат по музыке, с. 18.

79. Здесь намек на легенду о том, что пророк Хизр вошел в «страну мрака» в поисках «живой воды».

80. Кааба — храм в Мекке, главная святыня мусульман.

81. Коран XXIV, 35. Этот стих из Корана употребляется как пословица в значении «было хорошо, стало лучше».

82. Насра (ан-Насра) — три звезды, расположенные близко друг от друга в созвездии Льва. См. пояснение в узбекском переводе «Шараф-нама-йи шахи» со ссылкой на Бируни. Избранные произведения. Т. 1, с. 400; Абдулланома. Т. 1, с. 328, примеч. 56.

83. Хадис. W. — М. Т 1, с. 359.

84. Хадис. W. — М. Т. 3, с. 140.

85. Коран XXXI, 22.

86. Коран XLII, 9.

87. Букв. «которые мечтают играть».

88. Коран II, 143.

89. Кыбла — направление в сторону священного для мусульман города Мекки, куда обращаются лицом мусульмане во время молитвы.

90. Михраб — ниша во внутренней стене мечети, указывающая направление в сторону Мекки.

91. То есть пишут стихами или рифмованной прозой. Как специальный термин тарси' обозначает такую фразу в стихах или рифмованной прозе, которая состоит из двух равных по размеру частей, причем каждое слово одной части рифмуется и совпадает по грамматическому значению с соответствующим словом другой части фразы.

92. Таджнис — игра слов.

93. Науруз — первый день Нового года по персидскому солнечному календарю, соответствует 21 марта.

94. Фарвардин — первый месяц иранского солнечного года, соответствует периоду с 21 марта по 20 апреля.

95. Урганун — орга́н (от греческого слова органон) — широко распространенный духовой клавишный инструмент. Согласно преданию, урганун изобрел ученый X в. ал-Фараби в Средней Азии, но в XVI в. о нем стали там уже забывать. Дарвиш Али (XVII в.), автор трактата по музыке, считает, что этот инструмент был изобретен в древней Греции и. См.: Среднеазиатский трактат по музыке, с. 20; История персидско-таджикской литературы, с. 113.

96. Мусикар — музыкальный инструмент, примерно соответствующий флейте или свирели.

97. Чанг — музыкальный инструмент, напоминающий арфу. Изобретение его легенда приписывает Джамшиду. Среднеазиатский трактат по музыке, с. 16—17.

98. В тексте: уд-и Кумари — лучший сорт алоэ, из Кумара (Камбоджа).

99. В тексте: туби — согласно представлениям мусульман, дерево, растущее в раю.

100. Коран XIV, 29.

101. Чертог Овна, т. е. зодиакальное созвездие Овна, в которое солнце вступает 21 марта.

102. Саратан — зодиакальное созвездие Рака, в которое солнце вступает 24 июня. Автор хочет сказать, что в том году весна была столь жаркой, что напоминала лето в июне.

103. Написано по-арабски.

104. Кулбаба кукельташ — высокопоставленный сановник Абдулла-хана, с 996/1587-88 г. правитель Герата, был известен и как поэт (писал под псевдонимом Мухибби), и в особенности как меценат. Умерщвлен по приказу Абд ал-Му'мин-хана, сына и преемника Абдулла-хана, в 1598 г. См.: Абдулланома. Т. 1, с. 9.

Слово «кукельташ» первоначально обозначало «сердечный, искренний друг». И. Н. Березин считает возможным перевести «доверенная особа, советник» (Шейбаниада, с. 58). Позднее это слово стали употреблять в качестве термина для обозначения должностного лица, в обязанность которого входило выявлять врагов государства и отыскивать средства против них. Бухарский трактат, с. 148.

105. Саз — щипковый музыкальный инструмент.

106. Здесь автор сравнивает свое сочинение по его приятности с благоуханием мускуса — ароматического вещества, образующегося в мускусном мешочке некоторых диких животных, в частности дикой козы, газели.

107. В данном случае автор указывает на существовавшее поверье, согласно которому в самом центре сердца имеется черная точка, черный комочек высохшей крови.

108. Эти слова в числовом отношении составляют цифру 992.

109. Шейхи тариката — т. е. суфии, представители мистического направления в исламе. Тарикат — путь духовного совершенствования суфия.

110. Улемы шариата — мусульманские богословы и законоведы.

111. Ханака (ханаках) — обитель дервишей.

112. Здесь имеются в виду титулы хана.

113. В рукописи А по ошибке дважды написано «династия Саманидов» вместо «династия Сасанидов» во втором случае.

114. Рудаки — знаменитый поэт, живший в X в., при Саманидах.

115. Барбад — по данным некоторых арабских и персидских авторов, прославленный певец и музыкант сасанидского царя Хосрова II Парвиза (590—628). По преданию, им были составлены песни, известные под названием «Хосровани» («Хосровы, или Царские»). История персидско-таджикской литературы, с. 193, 221.

116. Стихи принадлежат поэту саманидского периода Абу Шариф Ахмад ибн Али Муджаллади Джурджани. Б р а у н. Т. 1, с. 27.

117. Фраза написана по-арабски.

118. Коран XX, 49.

119. Коран XLIII, 7.

120. Туранское царство — согласно иранской мифологии, государство Тура, старшего сына Фаридуна. Оно простиралось к северу и северо-востоку от Амударьи, которая считалась традиционной границей между Тураном и Ираном. Иногда в средневековой мусульманской литературе Туран отождествляется с территорией среднеазиатского междуречья, получившего у арабов наименование Мавераннахр.

121. Фраза по-арабски. Ср.: Коран (XII, 103): «И большая часть людей, если бы ты и желал, неверующие».

122. Коран XXX, 18.

123. Букв. «Не смешал сахар своих [губ] с ее молоком».

124. Коран XXVIII, 11.

125. Мискаб — сверло.

126. Мехди — мессия.

127. Коран XLI, 20.

128. Чоуган — клюшка для игры в конное поло.

129. Дауди — название музыкального лада (макам). По-видимому, это то же самое, что и «Нава», происхождение которого мусульманская традиция приписывает Дауду (библейскому Давиду). Среднеазиатский трактат по музыке, с. 8.

130. Рубаб — струнный музыкальный инструмент. Подробнее о нем см.: Среднеазиатский трактат по музыке, с. 17.

131. В тексте: «калимат-и таухид», что означает произнесение слов: «Исповедую, что нет божества, кроме Аллаха, и исповедую, что Мухаммад — посланник Аллаха», является символом веры мусульман.

132. Азра — героиня романтического предания о Вамике и Азре. См.: История персидско-таджикской литературы, с. 314—316.

133. В тексте: «калимат-и шахадат» — то же, что и «калимат-и таухид». См. примеч. 131.

134. Коран XXX, 59.

135. Борак — название верхового животного, на котором, по поверью мусульман, пророк Мухаммад однажды поднялся на небо.

136. Симург — мифическая птица.

137. Хумай — птица-феникс, согласно легенде, тот, на кого упадет ее тень, становится царем.

138. «Кольцо верности горлицы» — «ошейник» горлицы, шейное оперение горлицы в черных или белых пятнах, здесь взято как символ верности, как поэтический образ.

139. Каргадан — сказочная гигантская птица, будто бы обладавшая исключительной силой. Бурхан-и Кати‘. Т. 3, с. 1622.

140. По представлениям мусульман, отраженным якобы в хадисах (высказываниях Мухаммада): «Земля на роге быка, бык на рыбе, рыба на воде». К р а ч к о в с к и й. Т. 4, с. 50.

141. Хайзуран — название ароматического дерева, ветви которого в виде колец выпрямляются при малейшем движении. Объяснение слова дано в приписке на полях списка Ла (л. 11б).

142. Коран LVI, 21.

143. В списке А по ошибке Куз-хан вместо Уз-хан.

144. В данном предложении употреблены арабские буквы для сравнения со следующими словами: локоны сравниваются с изогнутой внизу буквой «лам»; узость мира — с кружочком буквы «мим»; брови — с буквой «нун», изображаемой на письме в виде полукруга, обращенного вверх; прямой стан — с вертикальной чертой буквы «алиф»; согнутая спина страдающего от любви — с буквой «джим», изображаемой в виде нового месяца, и с «даль», изображаемой в виде подковы.

145. Коран XXXV, 2.

146. Коран LXXVI, 21.

147. Коран, XIII, 28.

148. Коран XII, 21.

149. Коран II, 6.

150. Коран VI, 67.

151. Коран XXIII, 24.

152. Коран XLIII, 22.

153. Коран XXXIV, 42.
154. Коран VII, 201.
155. В списке Ла стоит слово «пайда» вместо «шайда» в списке А. Тогда данное полустишие переводится так: «Отчего кажется далеким осуществление надежд богатырей».
156. Фраза написана по-арабски.
157. Коран XVII, 7.
158. Коран II, 209.
159. Туркан-хатун — жена Мухаммада Хорезмшаха (1200—1220), мать его сына и преемника Джалал ад-дина (1220—1231).
160. Букв. «пусть он будет мне вместо сына».
161. Гур — название горной страны, расположенной к востоку и юго-востоку от Герата. Бартольд. Т. 1, с. 401.
162. Гарджистан — область по верхнему течению р. Мургаб. Бартольд. Т. 2. Ч. 1, с. 197.
163. Саве — название округа и города в Иране, к юго-западу от современного Тегерана.
164. В списке А ошибочно Киук-хан вместо Кук-хан.
165. В рукописи А по ошибке «мискал» вместо «маш'ал» («светоч», «факел»).
166. Кай-Хосров — царь из мифической династии Кайанидов.
167. См. примеч. 140.
168. В тексте: «палуд магз» — букв. «тот, у кого выжаты мозги».
169. Каба — верхняя мужская одежда.
170. В тексте приведено лишь первое слово стиха из Корана (LXXXIX, 28).
171. Дороги — вероятно, имеются в виду пути, по которым пролегали кочевья различных племен.
172. Здесь речь идет о местах, занимаемых представителями тюркских племен на их собраниях и на пирах в ханской ставке.
173. Тамга — знак, употреблявшийся для клеймения принадлежащего данному племени скота с целью предупреждения возможных споров о его принадлежности. Бартольд. Т. 2. Ч. 1, с. 575.
174. Инкун (уйгун, или онгон) — тотем рода, например птица, почитаемая определенным родом, которую члены рода не трогали и не ели. Бартольд. Т. 2. Ч. 1, с. 576.
175. Хорошо известный у тюркских племен обычай, согласно которому каждое племя во время общих пиров имело право на определенную часть мяса жертвенного животного.
176. Букв. «падая и вставая».
177. Коран III, 30.
178. «Тарих-и Рашиди» — так наш автор в ряде случаев называет «Джами' ат-таварих» Рашид ад-дина. Подробнее об этом см.: М. А. Салахетдинова. Об источниках, использованных Хафиз-и Танышем в предисловии к «Шараф-нама-йи Шахи». — ПП и ПИКНВ, 1970, с. 66—68.
179. По смыслу этот текст совпадает с соответствующим текстом из «Джами' ат-таварих». См.: Рашид ад-дин. Т. 1. Кн. 1, с. 154.
180. Этот текст довольно точно воспроизводит соответствующее место из «Джами' ат-таварих» Рашид ад-дина. Отличия касаются лишь нескольких слов или замены слов синонимами. См.: Рашид ад-дин. Т. 1. Кн. 1, с. 160—161.
181. Душаха — вид колодок. Подробнее см.: Рашид ад-дин. Т. 1. Кн. 1, с. 172, примеч. 5.
182. Коран II, 111.
183. Коран III, 35.
184. Коран III, 52.
185. Коран VI, 96.
186. Коран II, 28.
187. Алтан-хан — букв. «золотой хан», принятое у монголов название правителей цинской (золотой) династии, правившей в Северном Китае в 1145—1234 гг. В данном случае под Алтан-ханом имеется в виду пятый правитель этой династии Ши-цзун (1161—1189).
188. Рустам — один из главных героев иранского эпоса, прославленный в «Шах-наме» Фирдоуси.
189. Коран XLIX, 10.
190. Наджм ад-дин Кубра Ахмад ибн Омар ал-Хиваки (1145—1226) — знаменитый шейх, основатель ордена кубравиййа. См. о нем: Суфизм и суфийская литература, с. 90; Бартольд. Т. 1, с. 440.
191. Муджтахид — лицо, достигшее высшей степени в познании мусульманской религии и права.
192. Ясак — здесь имеются в виду так называемые «постановления Чингиз-хана», т. е. узаконенные им народные воззрения и обычаи, соблюдение которых было обязательно для всех без исключения жителей империи. Бартольд. Т.1, с. 89.

193. Муфтий — должностное лицо, выносящее решения по религиозно-юридическим вопросам.

194. Маулана Хусайн Хорезми — потомок известного шейха Наджм ад-дина Кубра; принадлежал к суфийскому ордену кубравиййа, умер в 839/1435-36 г. См. о нем: Самария, с. 229—230.

195. «Касида-йи Бурда» — касыда о плаще Мухаммада, написанная Абу Абдаллахом Мухаммадом ал-Бусири (608—694/1211—1295).

196. Местонахождение территории с таким названием нам не удалось пока установить.

197. Булгар — имеются в виду земли, входившие в состав государства волжских булгар. Хотя во времена Абу-л-Хайр-хана это государство уже не существовало, но территория, занимаемая Казанским ханством, по-прежнему, согласно книжной традиции, продолжала носить название Булгар.

198. Канопа (Канопус) — звезда первой величины южного неба, по представлениям мусульман, восходит в Йемене.

199. Алькор — маленькая звезда (пятой величины) северного неба, близкая к Мицару, средней звезде в «ручке ковша» Большой Медведицы. Смысл данной метафоры: Абу-л-Хайр-хан был столь могущественным государем, что даже звезды по его воле могли перемещаться в необычном для них направлении.

200. См. примеч. 170.

201. Эти слова выражены одним арабским словом «лаббайка».

202. Атака — то же, что аталык, самое высокое должностное лицо, которое назначалось ханом при наследнике престола «вместо отца». Если наследник был малолетним, аталык играл роль опекуна. Бухарский трактат, с. 144—147.

203. Абдаллах Ансари — Абу Исма'ил ибн Мансур Мухаммад (1006—1088) — известный гератский суфий и поэт.

204. Бабур — Захир ад-дин Мухаммад — Тимурид, основатель династии Великих Моголов. Годы правления в Средней Азии — 903—906/1497—1500, в Индии — 932—937/1525—1530.

205. В тексте мисра: «Йаки аз садр-и зилл-и Аллах гум шуд», представляющая собой сложную хронограмму. Для определения даты, скрытой в ней, нужно отнять от 900, что является числовым выражением буквы «за», стоящей в начале (садр) слова «зилл» («тень»), единицу (йаки), и получается 899/1493-94 г.

206. Хисар-и Шадман (или Хисар) — главный город Хисарской (Гисарской) области по верхнему течению Кафирнигана, притока Амударьи. Подробнее о нем см.: Бартольд. Т. 3, с. 401—402.

207. Кундуз — большой район с главным городом того же названия на правом берегу р. Сурхаб (Кундуз).

208. Баглан — округ с городом того же названия на правом берегу Сурхаба, в Каттагане.

209. Хутталян (совр. Куляб) — область, расположенная между реками Вахш и Пяндж. Бартольд. Т. 3, с. 555—557.

210. Бадахшан — горная область по верхнему течению Амударьи, главный город ее находился на месте г. Фейзабада (на северо-востоке Афганистана).

211. Отрывок о назначении правителей Шейбани-ханом в завоеванные им земли взят Хафиз-и Танышем из «Шайбани-наме» Бинаи, где об этом говорится почти в тех же выражениях, как и у нашего автора. См.: Самойлович, с. 0171; Шейбани-наме. Рук. ИВАН УзССР, № 844, л. 36аб.

212. Султан Хусайн Байкара — Тимурид, правитель Хорасана, правил в Герате с небольшими перерывами с 873/1469 по 911/1506.

213. Бади' аз-Заман — брат Хусайна Байкара, после смерти которого был назначен правителем Хорасана.

214. В тексте слова: «вайран-и Балх», которые в числовом значении дают дату 899/1493-94 г.

215. В тексте: «хазар хайф за Султан Хусайн Байкара»; числовое значение этих слов дает дату 911/1506 г.

216. Коран XXXVIII, 31.

217. Шах Исма'ил — Исма'ил I — первый шах из династии Сефевидов, правил с 907/1502 по 930/1524 г.

218. Коран VI, 57.

219. Коран V, 1.

220. В тексте слова: «кулах-и сурх», которые в числовом отношении дают 916/1510 г.

221. Кайкубад — первый царь из мифической династии иранских царей Кайанидов.

222. Тази — т. е. арабский.

223. Оманское море — т. е. Оманский залив, который славился изобилием жемчужных раковин. Автор хочет сказать, что язык Убайдулла-хана изобилует красивыми выражениями, подобно тому как Оманское море — жемчугом.

224. Насир ад-дин Убайдулла-ходжа — влиятельный среднеазиатский суфийский шейх ордена накшбандиййа, более известный под прозванием Ходжа Ахрар (1403—1490).

225. Убайдулла-хан — хан из династии Шейбанидов, правил с 940/1533 по 946/1539 г.

226. Могол-ханум — сестра Бабура, жена Шейбани-хана.

227. Курчи — здесь, по-видимому, это слово употреблено в прямом значении — «оруженосец».

228. Пул-и Сангин (Каменный мост) — мост через р. Вахш. Первые Шейбаниды, с. 119.

229. Еди Кудук — по предположению А. А. Семенова, эта местность находится в юго-восточной части пустыни Кызылкум. Первые Шейбаниды, с. 127.

230. Кул-и Малик (Царское озеро) — по тогдашнему административному делению озеро находилось в Хайрабадском округе (тумане) Бухарской области, между городами Хайрабад и Каракуль. Бартольд. Т. 8, с. 140; Первые Шейбаниды, с. 128.

231. Коран II, 250.

232. Фаркад — одна из двух ярких звезд в созвездии Малой Медведицы. См. Фаркадайн, примеч. 59.

233. Эмир Наджм — эмир Наджм ад-дин Сани («вторая звезда веры»), или просто Наджм-и Сани («вторая звезда»), — почетное прозвание Йар Ахмад Исфахани, влиятельнейшего сановника шаха Исма'ила.

234. Зарангари — один из оросительных каналов, отведенных от правого берега Зеравшана.

235. «У [эмира] Наджма сгорела звезда счастья» — здесь игра слов: сгорело счастье того, чье имя Наджм, что буквально означает «звезда».

236. Имеется в виду стих из Корана (XXXIII, 16): «Скажи: „Не поможет вам бегство, если вы бежите от смерти или от убиения; и тогда вы попользуетесь только немного“».

237. В тексте слова: «хилас-и му'минан», которые в числовом значении дают дату 912/1506-07 г.

238. Хасан — старший сын четвертого халифа Али от Фатимы, дочери пророка Мухаммада. Он отличался исключительной набожностью.

239. Хусайн — младший сын Али от Фатимы, был убит в Кербеле 10 мухаррема 61/10 октября 680 г.

240. Харадж — поземельная подать, взимаемая с сельского населения главным образом продуктами. Петрушевский. Земледелие, с. 369—372; Абдураимов. Очерки. Т. 2, с. 148.

241. Коран II, 187.

242. Коран XXII, 77.

243. Гив — богатырь иранского эпоса, герой «Шах-наме» Фирдоуси.

244. Пашанг — герой «Шах-наме» Фирдоуси, туранский царь, отец Афрасиаба.

245. Фраза написана по-арабски. Перевод ее на персидский язык дан в приписке на полях списка Ла (л. 30а).

246. Последнее двустишие приведено на арабском языке. В приписке на полях списка Ла (л. 30б) дан его персидский перевод.

247. «. . .саййид Хаванд Бухари, известный как Мираху» — о данном лице не удалось найти сведений в известной нам литературе. Можно сказать только то, что он происходит из знаменитой фамилии ученых Бухары — Хаванд. См.: История Бохары. Т. 1, с. 179—180.

248. Та-Ха и Йа-Син — названия сур Корана: Та-Ха — 20-я сура, Йа-Син — 36-я сура. Значение этих букв, а также других букв, которыми озаглавлены некоторые суры Корана, вызвало много споров среди толкователей Корана. А. А. Семенов пишет: «Наиболее распространенным является следующее объяснение этих названий: буквы Та-Ха есть сокращение слов тахир — чистый и хади — водитель по истинному пути (оба как эпитеты Аллаха); буквы Я-Син — йа, инсан — О человек» (Муким-ханская история, с. 255, примеч. 149). Та-Ха и Йа-Син употребляются вместе, как одно слово. По нашим наблюдениям, это слово применяется, когда речь идет не вообще о суфиях, а о суфиях саййидского происхождения.

249. Ходжа Маулана Исфахани — имеется в виду Фазлаллах ибн Рузбехан, автор сочинений «Михман-нама-йи Бухара» и «Сулук ал-мулук» (ум. в 924/1518 г.).

250. Джалал ад-дин Падишах-ходжа — поэт, находившийся на службе у Джанибек-султана, Убайдалла-хана и Кистин-Кара-султана, отец Хасана Нисари, автора «Музаккир ал-ахбаб». Абдулланома. Т. 1, с. 341, примеч. 304.

251. Маулана Ходжаги Касани — Ахмад ибн Джалал ад-дин, почетное прозвание — Махдум-и А'зам («величайший господин»), знаменитый среднеазиатский суфийский шейх, основоположник особой ветви ордена накшбандиййа, известной под названием ходжаган (ум. в 949/1542 г.).

252. Фраза написана по-арабски.

253. Тахмасп — персидский шах из династии Сефевидов (1524—1576).

254. Харгирд (или Харджирд) — селение в округе Джам, родина великого поэта Абд ар-Рахмана Джами.

255. Слово «залла» («остановка») дает дату 935/1528-29 г.

256. См. примеч. 170.

257. Арабское выражение.

258. Коран LIV, 55.

259. «Мукаддима-йи „Зафар-наме“» («Предисловие к „Книге побед“») — часть сочинения «Зафар-наме» Шараф ад-дина Али Йазди (ум. в 858/1454 г.), содержащая генеалогию тюркских ханов, историю Чингиз-хана и его потомков. Имеет также название «Тарих-и Джахангири» («История покорителя мира»). Здесь дан перечень 32 ханов Чингизидов, правивших в улусе Чагатая. Рук. ИВАН, С 393, лл. 79а—86а (ПТР, № 2904).

260. Рук. ИВАН, С 393, л. 120а (ПТР, № 2904).

261. В «Тарих-и Рашиди» имя приведено в форме Буладжи.

262. Возраст Туглук Тимура во время принятия им ислама и восшествия на престол указан здесь согласно могольской традиции. См.: Tarikh-i-Rashidi, с. 23. Мирза Хайдар сообщает, что Туглук Тимур принял ислам, уже будучи ханом, в возрасте 21 года. Tarikh-i-Rashidi, с. 12—14.

263. Лай — букв. «грязь». Речь идет о битве Тимура с моголами, описанной Шараф ад-дином Али Йазди. Битва произошла 1 рамазана 766/22 мая 1365 г. на берегах р. Бадама, притока Арыси. По словам историка, моголы с помощью волшебного камня джада вызвали сильный ливень, который превратил поле битвы в топь, отчего войска Тимура потерпели сильное поражение. От этого сама битва получила название «битва в грязи». Зафар-наме, рук. ИВАН, С 393, лл. 123б—127а.

264. Данный рассказ по содержанию совпадает с рассказом, приведенным в «Тарих-и Рашиди». См.: Tarikh-i-Rashidi. с. 38.

265. Алф — фонетический вариант слова «алп», которое означает в тюркских языках «великан, богатырь, герой».

266. Данный рассказ (о Хизр-Ходжа-хане) почти дословно совпадает с рассказом, приведенным в «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара. См.: Tarikh-i-Rashidi, с. 39.

267. По форме изложения и по содержанию данный отрывок очень близок к тексту, приводимому Мирзой Хайдаром. Расхождение между ними только в том, что Мирза Хайдар пишет, что у Мухаммад-хана было несколько сыновей, в том числе Шир-Мухаммад-хан и Шир-Али оглан, а из слов Хафиз-и Таныша можно понять, что у Мухаммад-хана было только два упомянутых сына. Tarikh-i-Rashidi, с. 60.

268. Этот рассказ (о взаимоотношениях шейха Нур ад-дина с Вайс-ханом) по содержанию аналогичен рассказу Мирзы Хайдара. См.: Tarikh-i-Rashidi, с. 64.

269. Минг Булак — возможно, местность к востоку от Аулие-Ата (совр. Джамбул). См.: Бартольд. Т. 4, с. 26—27.

270. В тексте А ошибочно Йунус-хан вместо Вайс-хан.

271. Битва подробно описана в «Тарих-и Рашиди». Tarikh-i-Rashidi, с. 65—67.

272. Куба — современное селение Кува в Фергане, расположенное к северо-востоку от Маргелана.

273. Данное предложение неправильно понято переводчиком «Тарих-и Рашиди». См.: Tarikh-i-Rashidi, с. 91.

274. Согласно утверждению Мирзы Хайдера, Сатук-хану было присвоено звание хана Тимуром. Tarikh-i-Rashidi, с. 71.

275. Йылдырым Байазид — османский султан Байазид I (1389—1402). Тимур предпринял поход против него весной 1402 г., разбил его при Анкаре и взял в плен.

276. Хайат-и хан (Ханский двор) — был одной из больших махалла Самарканда и был отделен от других махалла высокой стеной. Он назывался также Дар-и Занджир (Дверь, [закрытая] на цепь). Абдулланома. Т. 1, с. 344, примеч. 339; Самария, с. 255.

277. Суюргатмиш-хан был номинальным правителем с 1369 по 1388 г. Tarikh-i-Rashidi, с. 72, примеч. 2.

278. «Правление» султана Махмуд-хана длилось 10 лет (с 1388 по 1398 г.). Tarikh-i-Rashidi, с. 72, примеч. 2.

279. Весь рассказ о номинальных ханах близок к рассказу, приведенному Мирзой Хайдаром, отличия лишь в деталях.

280. Эти события (начиная с обстоятельств смерти Вайс-хана) изложены в общих чертах так, как у Мирзы Хайдара. См.: Tarikh-i-Rashidi, с. 72—73.

281. Здесь имеется в виду сочинение Шараф ад-дина Али Йазди о стихотворных загадках (му'амма). Полное название сочинения — «Хулал-и мутарраз дар фанн-и му'амма ва лагз», описание его дано в каталоге Блоше (Blochet. Т. 2, № 1067). Е. Э. Бертельс называет данное сочинение основным пособием по му'амма. См.: Навои и Джами, с. 42.

282. Цифровое значение, заключенное в данной хронограмме, определено в приписке на полях рукописи А. Ключом к разгадке данной му'амма являются слова «мулк-и Хата» («царство Хата»), которые в числовом отношении составляют 700. Во втором полустишии о словосочетании «хан у манат» («достояние») сказано: «Да будет оно разрушено», т. е. цифровое значение его не должно быть принято во внимание при определении даты; слово «хан» должно быть заменено словом «джан», числовое значение которого 54, надо учитывать также числовое значение слов «бад вай» («да будет ему») — 23. Следовательно, дата (777 г. х.) заключена в сумме числовых значений слов «мулк-и

Хата бад вай, джан» («царство Хата да будет ему — душе»). Кроме того, само имя Йунус-хан в цифровом отношении составляет 777 (1375-76 г.).

283. Согласно Мирзе Хайдару, первый поход Эсан Буга был до 855/1451 г., когда Абу Са'ид-мирза не был еще правителем Мавераннахра. Tarikh-i-Rashidi, с. 79.

284. В тексте: «маут-и султан-и му'йад Бабур». Сумма числовых значений этих слов дает дату 861/1456-57 г.

285. «Власть бесплодна» — арабское выражение, смысл его следующий: в стремлении к власти человек может пренебречь даже самыми близкими родственными отношениями: сын может поднять руку на отца, отец на сына, брат на брата. Lane. B. 1. P. 5, с. 2117.

286. Элиас рассматривает это слово как название племени и рода. См.: Tarikh-i-Rashidi, с. 86, 308.

287. Фетва — решение, выносимое высшим мусульманским духовным лицом в сомнительных или затруднительных вопросах права.

288. Из этих слов можно заключить, что Мирза Хайдар, у которого Хафиз-и Таныш заимствовал эти сведения, относит принятие ислама моголами примерно к 60-м годам XIV в.

289. В тексте слова: «Хук мурд», которые дают дату 870/1465-66 г.

290. Согласно Мирзе Хайдару, ханского сына по-калмыцки называют унг. См.: Tarikh-i-Rashidi, с. 91; Рук. ИВАН, В 648, л. 48аб.

291. Атил — хорошо известное у мусульманских авторов название р. Волги. Рассказ о сражении Амасанджи Тайши с Йунус-ханом взят Хафиз-и Танышем у Мирзы Хайдара. Последний обозначил название реки в виде Ила (ايلة). Переписчик списка Ла к названию Атил дает объяснение самого общего характера, как «река в пределах Дашт-и Кипчак» (л. 35б). Однако правомерность отождествления Атила, упоминаемого в этом рассказе, с Волгой вызывает серьезные сомнения. События, о которых говорится и в приведенном рассказе, происходили на очень большом расстоянии от Волги. Издатели узбекского перевода «Шараф-нама-йи шахи» считают, что под Атилом нужно иметь в виду здесь р. Или. Абдулланома. Т. 1, с. 345, примеч. 363. Согласно предположению Элиаса, битва происходила где-то в верховьях р. Или. Tarikh-i-Rashidi, с. 66, примеч. 3.

292. Элиас считает возможным отождествить Кара-Тукай с Кара Сингир-Тукай, расположенным на правом берегу Сырдарьи, к юго-востоку от Чимкента. Tarikh-i-Rashidi, с. 92, примеч. 1.

293. Фраза написана по-арабски, перевод ее на персидский язык дан в приписке на полях списка Ла (л. 36а).

294. Данная му'амма дает дату 877/1472-73 г.; она получается следующим образом. Имя Абд ал-Куддус в числовом отношении составляет 277. Об этом лице говорится, что он взял голову Хара, иными словами, числовое значение имени Абд ал-Куддус присоединяется к числовому значению первой буквы в слове «Хар», т. е. к 600, что в сумме дает 877. Разгадка му'амма дана также в «Тарих-и Рашиди». См.: Tarikh-i-Rashidi, с. 95.

295. Тутия — мазь от болезни глаз. По мнению жителей Востока, она увеличивает также остроту зрения.

296. Речь идет о Маулана Мухаммад Кази ибн Бурхан ад-дин Самарканди, видном ученике Убайдулла-ходжи. Около 897/1491-92 г. он написал биографию своего учителя под названием «Силсилат ал-арифин ва тазкират ас-садикин». Ум. в 922/1516 г. См.: Тагирджанов, с. 291; Самария, с. 199—201, 256—257. Приводимое ниже высказывание о Йунус-хане, по-видимому, взято из названного сочинения Мухаммада Кази.

297. Шахрухия (бывший Бенакет) — была расположена на правом берегу Сырдарьи, недалеко от впадения в нее Ангрена (Ахангарана). Город был построен Тимуром на развалинах старого города Бенакета и назван в честь его сына Шахруха. Время окончательного разрушения города точно не установлено. Бартольд. Т. 1, с. 226; т. 3, с. 371.

298. Фахр ад-дин Али ибн Хусайн Ва'из ал-Кашифи излагает это событие со ссылкой на «Силсилат ал-арифин» Мухаммада Кази (см. примеч. 296), который был очевидцем и участником этого события. См.: Рашахат, с. 314—318.

299. Фраза написана по-арабски.

300. Шейх Хаванд Тахур (в просторечии Шейхантаур) — известный ташкентский шейх. Ум. около 761/1359 г. Его мазар в Ташкенте считался местной святыней.

301. Здесь имеется в виду «Шейбани-наме», сочинение известного литератора и поэта Камал ад-дина Мир Али Бинаи (1453—1518). Об обстоятельствах, побудивших Шейбани-хана заключить мир с Махмуд-ханом, см. перевод «Шейбани-наме» Бинаи (МИКХ, с. 108—110).

302. Согласно переводу «Шараф-нама-йи шахи» на узбекский язык, оба руба'и входят в «Шейбани-наме» Бинаи. Абдулланома. Т. 1, с. 348, примеч. 400.

303. Уланг-и Радкан (Радканский луг) — точное местоположение этого пункта не удалось установить. В примечаниях к узбекскому переводу «Шараф-нама-йи шахи» делается попытка отождествить это название с одноименной железнодорожной станцией около Ходжента. Абдулланома. Т. 1, с. 348, примеч. 405.

304. В тексте: «Лаб-и дарйа-и Ходженд», что в числовом отношении дает дату 914/1508-09 г.

305. Коран XX, 52.
306. Ср.: Коран III, 32.
307. Коран XIX, 2.
308. Коран XI, 121.
309. Начало хадиса, см. примеч. 23.
310. Ариф — в данном случае имеется в виду суфий, достигший высшей ступени совершенствования.
311. Ходжа Абу Бакр Са'д Сумитани — известный имам времени Саманидов (ум. в 360/970-71 г.). Джуйбарские шейхи считали его своим предком. Он был похоронен в селении Сумитан, в 5—6 км к западу от Бухары. Его могила почиталась мусульманами как могила одного из четырех Бакров (см. примеч. 318). Шейхи Джуйбари, с. 4.
312. Абу Бакр Ахмад — согласно генеалогии джуйбарских шейхов предок Ходжи Ислама в девятом колене. См.: Шейхи Джуйбари, с. 3—4.
313. Али — здесь имеется в виду Али Риза, восьмой шиитский имам.
314. Имам Джа'фар Садик — шестой шиитский имам.
315. Коран XXXIX, 31.
316. «Бахр ал-ансаб» («Море генеалогий»). В примечании к переводу на узбекский язык «Шараф-нама-йи шахи» автором сочинения назван Мухаммад Джа'фар Хусайни. Абдулланома. Т. 1, с. 349, примеч. 415. Полное имя автора — Саййид Мухаммад ибн Саййид Насир ад-дин Джа'фар Хусайни Макки (ум. в 891/1486 г.). О нем см.: Сторп. Ч. 1, с. 555.
317. Гитрифи — монета, чеканенная в Бухаре в конце VIII в. См.: Бартольд. Т. 1, с. 262. На полях списка Ла (л. 40б) к слову «гитрифи» дано следующее пояснение со ссылкой на «Китаб ал-ансаб»: «Дирхем гитрифи обязан своим происхождением Гитрифу ибн Ата ал-Кинди, дяде со стороны матери Харун ар-Рашида. В 175 году его святейшеством халифом он был удостоен чести управлять Хорасаном и Мавераннахром. Когда он соизволил прибыть в Бухару, жители ее доложили Гитрифу: „По причине изменения [курса] дирхемов стали сильно расстраиваться наши дела, рушиться наши надежды. Если бы по высокому повелению были отчеканены новые дирхемы, которые имели бы обращение только в Бухаре и не вывозились бы в другие места и страны, поправились бы важные дела нашей жизни". Для исключительно щедрого, великого эмира [это] не показалось странным и удивительным; упомянутый эмир внял просьбе этой группы [людей], приказал, чтобы чеканщики монет из сплава золота, серебра, меди, желтой меди, олова, свинца и мускуса чеканили монету. Эту монету называют гитрифи или гидрифи». Приведенный текст по содержанию аналогичен тексту Сам'ани, однако отличается более пространным характером изложения. Рук. ИВАН С 391, л. 309б. Ср.: Сам'ани, с. 410.
318. Четыре Бакра Бухары — т. е. четыре великих святых, носивших кунью Абу Бакр. Относительно лиц, входивших в эту четверку, в источниках имеются разногласия. В приписке на полях списка Ла (л. 40б) по этому поводу сказано: «Четыре Бакра: первый — имам Абу Бакр Са'д, второй — имам Абу Бакр Мухаммад ибн ал-Фазл ал-Бухари, третий — имам Абу Бакр Тархан ал-Балхи, четвертый — имам Абу Бакр Хамид. Некоторые вместо имама Абу Бакра Тархана называют Абу Бакра Исхака Калабади, да будет милостив к ним Аллах! На всякий случай паломник должен посетить могилы всех пяти [имамов]». В «Китаб-и Муллазада» к четырем Бакрам отнесены: Абу Бакр Ахмад ибн Са'д, Абу Бакр Мухаммад ибн ал-Фазл, Абу Бакр Хамид. Абу Бакр Фазл. Причем в отношении четвертого имама автор не уверен, следует ли считать четвертым Бакром его или же Абу Бакра Исхака. Рук. ИВАН, В 672, л. 78б (ПТР, № 3385).
319. Зуннар — грубый волосяной пояс, который должны были носить христиане — подданные мусульманских правителей.
320. Шейх Али Лала — в приписке на полях списка Ла (л. 41а) приведено его полное имя: Али ибн Са'ид ибн Абд ал-Джалил ал-Лала, здесь же говорится, что он был одним из заместителей (халифа) Наджм ад-дина Кубра и умер 3 раби' I 642/9 августа 1244 г.
321. Кутбиййат — у суфиев наименование одной из высших степеней совершенствования.
322. Маулана Йа'куб ибн Осман ибн Махмуд ал-Газнави ал-Чархи — суфийский шейх ордена накшбандиййа, ученик Баха ад-дина Накшбанда и Ходжи Ахрара. Ум. в 851/1447 г. Рашахат, с. 64—69.
323. Ходжа Мухаммад ибн Мухаммад ал-Бухари, известный как Баха ал-хакк ва-д-дин — основатель суфийского ордена накшбандиййа (718—791/1318—1389 гг.).
324. Абд ал-Халик Гиждувани — известный среднеазиатский шейх (ум. в 575/1179-80 г.).
325. Эмир Саййид Кулал (Горшечник) — духовный наставник ходжи Баха ад-дина Накшбанда. Ум. 8 джумада I 772/28 ноября 1370 г. Самария, с. 253.
326. Шейх Бабай Симаси — Мухаммад Бабай Симаси, ученик Баха ад-дина Накшбанда, происходит из селения Симас, подвластного Рамитану. Рашахат, с. 42.
327. Ходжа Али Рамитани — известный шейх ордена накшбандиййа (ум. в 721/1321 г.).

328. Ходжа Махмуд Анджир Фа'нави — согласно «Рашахат», современник Мухаммада Парса, происходит из селения Фа'нави Бухарского вилайета. Рашахат, с. 33.

329. Ходжа Ариф Ривгари — четвертый халифа ходжи Абд ал-Халика Гиждувани, происходит из селения Ривгар Бухарской области. Абдулланома. Т. 1, с. 349, примеч. 425; Рашахат, с. 33.

330. Шейх Абу Йа'куб Йусуф ибн Айюб ал-Хамадани — об этом шейхе, умершем в 1140 г., см.: Кандия, с 266 и сл.; Бартольд. Т. 8, с. 258.

331. Абу Али Фармади — его имя — Фузайл ибн Мухаммад, происходил из селения Фармад округа Туса, известный хорасанский суфий XI в., ум. в 1055 г. Абдулланома. Т. 1, с. 349, примеч. 428.

332. Шейх Абу-л-Касим Гургани Туси — согласно примечанию к переводу на узбекский язык «Шараф-нама-йи шахи», его имя Али и он является сыном Абу-л-Хасана Харакани. Абдулланома. Т. 1, с. 348, примеч. 429.

333. Шейх Джунайд Багдади — его полное имя — Абу-л-Касим ибн Мухаммад ибн ал-Джунайд ал-Хаззаз (ум. в 911 г.). См. о нем: Суфизм и суфийская литература, с. 31—32.

334. Шейх Абу-л-Хасан Харакани (ум. в 425/1033-34 г.) — учитель Абдаллаха Ансари. См. о нем: Суфизм и суфийская литература, с. 65—67.

335. Шейх Абу Йазид Бистами — его полное имя — Тайфур ибн Иса ибн Адам ибн Сурушан ал-Бистами. Согласно приписке на полях списка Ла (л. 42а), он родился в 161/777-78 г. и умер в 234/848-49 г. См. о нем: Суфизм и суфийская литература, с. 32.

336. «Фасл ал-хитаб» — «Фасл ал-хитаб ли васл ал-ахбаб» («Ясная речь о воссоединении любящих [с истиной]») — сочинение Мухаммада ибн Мухаммад ибн Махмуда ал-Бухари (Мухаммада Парса), полная энциклопедия по суфизму. См.: СВР. Т. 3, № 2421.

337. Таби'уны — лица, видевшие сподвижников Мухаммада или разговаривавшие с ними.

338. Семь факихов — пояснение к этим словам приведено в приписке на полях списка Ла (л. 42а), где дан перечень этих семи факихов. Перечень этот, как указано в конце приписки, взят из «Мир'ат ал-джанан» («Зеркало души») Ариф ад-дина Абдаллаха ибн Ас'ад ал-Йафи'и ал-Йамини (ум. в 768/1367 г.). См.: СВР. Т. 1, № 32, 33.

339. Салман Фариси — сподвижник Мухаммада (ум. в 35/655-56 или 36/656-57 г.).

340. «Кут ал-кулуб» («Пища для сердец») — сочинение Абу Талиба Мухаммада ибн Али ал-Макки (ум. в 386/996 г.). См.: СВР. Т. 4, № 3399.

341. Речь идет о «Рисала-йи Унсийа» («Трактат о [духовной] близости») Йа'куба ал-Газнави ал-Чархи (см. о нем примеч. 322) — сочинении о правилах поведения для суфиев ордена накшбандиййа. См.: СВР. Т. 3, № 2434, и ПТР, № 1773—1775.

342. Эти слова приведены в «Рисала-йи Унсийа» в конце главы (фасл), в которой перечисляются шейхи ордена накшбандиййа. Рук. ИВАН, В 2384, л. 144б (ПТР, № 1773).

343. Маджд ад-дин Багдади — ученик Наджм ад-дина Кубра. Ум. в 606/1209-10 г., или 608/1211-12 г., или 618/1221-22 г. См. о нем: Суфизм и суфийская литература, с. 335—337.

344. Коран XXIV, 35.

345. Андхуд — область с главным городом того же названия (ныне не существует) на севере современного Афганистана. Современный город Андхой расположен к северу от развалин г. Андхуда.

346. Шибирган (Шубурган) — название области и главного города ее, расположенных к югу от Андхуда.

347. Стихи приведены в «Рисала-йи Унсийа» Йа'куба Чархи. Рук. ИВАН, В 2384, л. 149а (ПТР, № 1773).

348. Коран XXVII, 90.

349. Коран LXXXIX, 28.

350. Коран X, 63.

351. Коран XXIX, 69.

352. Коран XXVII, 61.

353. Коран XXX, 49.

354. Ср.: Коран III, 32.

355. Абд ар-Рахман Джами — знаменитый поэт (817—898/1414—1492).

356. Коран XX, 52.

357. Коран XIV, 37.

358. «Табсират ал-мубтадин» («Объяснение для начинающих») — сведений об этом сочинении в доступной нам литературе не удалось обнаружить.

359. Коран II, 2.

360. Фраза дана по-арабски.

361. Имам Ахмад Газали — Абу Хамид Мухаммад ибн Мухаммад Газали (451—505/1059—1111), знаменитый суфий и ученый. См. о нем: Суфизм и суфийская литература, с. 42—43; Самария, с. 251—252.

362. Фраза дана по-арабски.

363. Коран XVIII, 110.

364. Адаб — букв. «хорошие манеры, благовоспитанность, вежливость», этот хорошо известный в мусульманском средневековье термин здесь употреблен в чисто суфийском понимании.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Коран III, 25.
2. Фраза дана по-арабски.
3. Фраза дана по-арабски.
4. Убулла — портовый город на берегу р. Тигр, рядом с Басрой.
5. Гута — название окрестностей Дамаска, утопающих в зелени садов.
6. Ши'б-и Баван — букв. «горная долина Бавана». Баван, или Бабан, — город, расположенный между р. Мургаб и Гератом, славился обилием проточных вод, садами и виноградниками. См.: МИТТ. Т. 1, с. 174.
7. Коран XXVI, 90.
8. Коран III, 33.
9. Коран XXV, 74.
10. Коран XXXVIII, 29.
11. Коран XVII, 72.
12. Коран LXVIII, 51. В списке А приведены лишь два первых слова этого стиха.
13. Коран XLII, 3.
14. Под отцами на небесах имеются в виду семь небесных светил, а под матерями, находящимися внизу, подразумеваются четыре элемента: огонь, воздух, вода и земля.
15. Коран XXXII, 4.
16. Коран III, 4.
17. Коран II, 185.
18. Букв. «во все небеса».
19. Коран XLVII, 16.
20. Согласно легенде, царь Джамшид из династии Пишдадидов был обладателем чудесной чаши; заглянув в нее, можно было увидеть все происходящее в мире. Согласно мусульманскому преданию, Сулайман (библейский Соломон) имел перстень, на котором были начертаны эпитеты Аллаха (исм-и а'зам).
21. Из этого рассказа можно заключить, что при обучении Абдулла-хана азбуке в качестве примеров приводились такие слова или словосочетания, которые обозначали предметы, являющиеся атрибутами ханской власти, или понятия, связанные с царствованием. Например, на букву «та» в качестве примера приводились слова «тахт» («трон»), «тадж» («корона»), на букву «ба» — «баст-и басит-и баргах» («расстилание ковра в царском дворце») и др.
22. Слова «величие» («уббахат»), «независимость» («истиклал»), «корона» («аклил») начинаются с буквы «алиф».
23. В тексте: «дар дил икбал». Здесь игра слов: то же самое выражение можно читать как «ба дар дил-и икбал», буква «ба» в середине [слова] «икбал» («счастье»), т. е. «настоящее счастье».
24. Слова «корона», «трон» (тадж, тахт) начинаются с буквы «та».
25. С буквы «са» начинаются слова «прочность, неподвижность» («сабат») и Плеяды («сурайя»).
26. Перевод предположительный: смысл выражения не совсем ясен.
27. Тауки и та'лик — виды арабского почерка.
28. Макат — костяная пластинка, на которой чинят калам (тростниковое перо).
29. Коран XXXI, 26.
30. Йакут — речь идет об известном каллиграфе. Ум. в 1296 или 1299 г. См. о нем: Трактат о каллиграфах и художниках, с. 64 и др.
31. Коран XCVI, 3—4.
32. Коран LXVIII, 1.
33. Букв. «бросил в пучину смущения».
34. Хара — род шелковой ткани, муар.
35. Букв. «поднял рукоятку».
36. Гора Каф — согласно мусульманской легенде, горная цепь, окружающая землю.
37. Арабская буква «каф» обычно изображается на письме в виде ломаной линии (ک).
38. Коран III, 25.
39. В тексте: «хайф аз Абд ал-Азиз-хан». Эти слова в числовом отношении дают дату 957/1550 г.
40. Коран III, 153.
41. «У меня к Аллаху» — см. примеч. 23 к Введению.
42. Орден джахрийя — здесь особая ветвь ордена ходжаган, практиковавшая громкий зикр. См. об этом: «Ламахат мин нафахат ал-кудс», сочинение Мухаммада ал-Алим ас-Сиддики ал-Алави (Мюллухо-Маклай. Вып. 2, № 187).

43. Таваджи — должностное лицо, в обязанность которого входили сбор, учет и организация войска.

44. Ак-типпа — большое селение к северо-востоку от Самарканда. См.: Тарих-и Салатин-и Мангитиййа, с. 148, примеч. 166; Абдулланома. Т. 1, с. 354, примеч. 511.

45. По-видимому, здесь речь идет о Зеравшане.

46. Коран IV, 127.

47. В тексте: «калид-и мулк-и Бухара». Числовое значение этих слов дает дату 958/1551 г.

48. В тексте: «хурудж-и султан». Числовое значение этих слов дает дату 958/1551 г.

49. Азар — название девятого месяца персидского солнечного года, соответствует периоду с 22 ноября по 21 декабря.

50. Букв. «со всех шести сторон мира», т. е. с севера, юга, запада, востока, сверху, снизу.

51. Фраза написана по-арабски, возможно хадис.

52. Фраза написана по-арабски.

53. Коран, ср. IV, 99, XXIX, 56, XXXIX, 13.

54. Фраза написана по-арабски.

55. Коран II, 159.

56. Согласно мусульманскому поверью, дыхание Исы (Иисуса) оживляло мертвых.

57. Местоположение этого пункта не удалось выяснить.

58. Местоположение этого пункта не удалось установить.

59. Арабское выражение.

60. Нушырван — Хосров Ануширван, см. примеч. 57 к Введению.

61. Букв. «поднять знамя выступления».

62. Борак — см. примеч. 135 к Введению.

63. «. . .вымыл кровью лик» — образное выражение для обозначения восходящего багряного солнца.

64. Курук-и Маймург — этот курук (запретная местность) был, по-видимому, где-то в районе селения Маймург, находящегося на расстоянии одного перехода от Несефа в Бухару. Бартольд. Т. 1, с. 144, 191.

65. Здесь термин «кушбеги» употреблен, по-видимому, в значении великого ловчего, егермейстера. См.: Бухарский трактат, с. 148. Это же слово может употребляться в значении начальника ставки ханских войск. Абдураимов. Очерки. Т. 1, с. 75—81.

66. Кутвал — должностное лицо, в обязанность которого входило наблюдать за ханскими постройками. Бухарский трактат, с. 143.

67. Керки — место переправы на левом берегу Амударьи, ныне районный центр Чарджоуской области Туркменской ССР.

68. Касби (или Касба) — город в четырех фарсахах от Несефа, на одной из дорог в Бухару. Бартольд. Т. 3, с. 207.

69. Коран III, 153.

70. Местонахождение этого пункта не удалось установить.

71. Гора Хараман. В приписке на полях списка Ла (л. 58а) дано следующее объяснение: «Хараман — сооружение в Египте, относящееся к „чудесам света“». По мнению многих авторов словарей, это двойственное число от арабского слова «харам» («пирамида») и обозначает две наиболее высокие пирамиды египетских царей (Хеопса и Хефрена). Некоторые авторы считают, что слово стоит в форме множественного числа (от того же слова), образованной с помощью персидского суффикса множественного числа -ан. Бурхан-и Кати‘. Т. 4, с. 2324—2325.

72. Коран XXXIII, 16.

73. Танха — временное условное пожалование земли. Здесь — в значении пожалования ренты-налога с селений в пользу воинов. О танха см.: Хозяйство Джуйбарских шейхов, с. 27; Абдураимов. Очерки. Т. 2, с. 112 и сл.

74. Союргал — как термин употребляется в значении пожалования вообще и пожалования в лен земли, здесь — в значении удела шейбанидского султана. О союргале см.: Петрушевский, с. 272 и сл.; Абдураимов. Очерки. Т. 2, с. 100 и сл.

75. Диван-беги — высокое должностное лицо, ведавшее хараджем (поземельным налогом) страны и ответственное за данные дефтерных записей, отражающих приходо-расходные статьи ханства. Бухарский трактат, с. 147.

76. Тура — здесь большой щит в рост человека, который во время сражения воин держал перед собой.

77. Чапар — плетеный щит, употребляемый воином во время сражения для прикрытия себя от камней и стрел неприятеля.

78. Каман-хане — желобок у лука, куда вставляется стрела.

79. Хузар — современный Гузар, расположен к юго-востоку от Карши, ныне районный центр Кашкадарьинской области Узбекской ССР.

80. Чухра — паж.

81. Здесь намек на обычай мусульман класть под голову покойника кирпич вместо подушки.
82. Коран XLVIII, 1.
83. Коран XXI, 12.
84. Слова «Шахр-и Самарканд» в числовом значении дают дату 959/1552 г.
85. Коран IX, 40.
86. Коран III, 11.
87. Рахш — кличка коня богатыря Рустама.
88. Та'виз — написанная на бумаге молитва, которую обычно носят на шее якобы для защиты от всякого рода бедствий.
89. Бахман — прозвище Ардашира, сына Исфандийара, героя «Шах-намэ» Фирдоуси.
90. Хафт джуш (هفت جوش) — сплав из семи металлов: железа, свинца, меди, олова, золота, серебра, сурьмы.
91. Букв. «фиолетового цвета».
92. Бакам (бакан) — сандаловое дерево, а также добываемая из его древесины краска, обычно красная.
93. Коран VIII, 43.
94. Чач, или Шаш — название местности, примерно соответствующей Ташкентской области. Издревле она славилась тем, что там изготовляли превосходные луки. Выражение «чачские луки» стало нарицательным для обозначения самых лучших луков.
95. Коран XXX, 4.
96. Здесь имеется в виду стих Корана XXXIII, 16.
97. Коран XLVII , 1.
98. Коран XLVIII, 3.
99. Фраза написана по-арабски.
100. Венера-музыкант — по представлениям мусульманских авторов, Венера является небесным музыкантом.
101. «Заиграла на сазе удивления» — т. е. выразила удивление.
102. Букв. «пожелала рука».
103. Хизр — см. примеч. 54 к Введению. Смысл данной фразы следующий: Хизр, выпивший лучший напиток на свете — «живую воду», охотно выпил бы вино на этом пиру.
104. Фраза написана по-арабски.
105. Келиф — место переправы через Амударью, ныне Келиф входит в состав Чарджоуской области Туркменской ССР.
106. Согласно «Тарих-и Ракими», это событие произошло в 960/1552-53 г. Рук. ИВАН, D 710, л. 200б.
107. В тексте: «Хакан-и дахр раджаб ба шахр дар амад». Сумма числовых значений этих слов составляет 1922 г. При делении этого числа на два получается 961/1553-54 г.
108. Шейх Мухаммад-Садик в правление Абдулла-хана занимал должность судьи в Самарканде. Ум. в 1006/1597-98 г. См.: Самария, с. 204.
109. Та же дата (961 г. х.) указана в «Тарих-и Ракими». Рук. ИВАН, D 710, л. 200б.
110. Фаридун — иранский царь из мифической династии Пишдадидов. Согласно легенде, он отличался исключительной справедливостью.
111. Коран III, 25.
112. Дабусия — древний город (ныне не существует), находился на пути из Самарканда в Бухару, восточнее современного селения Зия ад-дин. Бартольд. Т. 1, с. 148.
113. Ясаул — должностное лицо, в обязанность которому вменялось представлять хану дары и приношения султанов и царевичей и доводить до его сведения их донесения. Бартольд. Т. 2. Ч. 2, с. 396. В обязанность ясаула входило также построение войска перед битвой.
114. Тигр-байан (бабр-и байан) — одно из объяснений, даваемых этому слову следующее: «Животное, враг льва, которое не тонет в воде, не горит в огне. Рустам убил его в горах Сирии и сделал себе панцирь из его шкуры». Бурхан-и Кати'. Т. 1, с. 231—232.
115. Коран LXXI, 4.
116. Фраза написана по-арабски.
117. Ср.: W. — M. Т. 1, с. 379.
118. Рак — зодиакальное созвездие, в которое солнце вступает в июне. Смысл предложения: месяц июнь был столь жарким, что Рак как бы горел в огне, подобно саламандре.
119. Бурдалик — место переправы через Амударью, расположено на середине пути между Чарджуем и Керки. МИТТ. Т. 2, с. 190.
120. Крепость Фараб была расположена на правом берегу Амударьи, на расстоянии примерно 7 км от нее. Ныне Фараб входит в Чарджоускую область Туркменской ССР.

121. Коран II, 250.
122. Коран XII, 87.
123. Коран LXV, 3.
124. Такое количество людей, находившихся при Абдулла-хане, указано и в «Тарих-и Ракими», однако там сообщается о том, что по просьбе хана жители Фараба снарядили ему в помощь 300 пехотинцев. Рук. ИВАН, D 710, л. 205а. Подробнее об этом см.: М. А. Салахетдинова. Некоторые данные источников о борьбе Абдулла-хана II за власть в Бухаре. — ПП и ПИКНВ. 1974, с. 92—94.
125. Коран III, 122.
126. Коран III, 153.
127. В тексте: «чашт-и султани» — букв. «во время султанского завтрака». Судя по данным, правда позднейшего времени, этот завтрак имел место после утреннего намаза и церемониала приветствия (салам). См.: Арк Бухары, с. 93.
128. Подразумевается стих из Корана (LXI, 13): «Помощь от Аллаха и близкая победа».
129. Букв. «он [может наступать] четырьмя копытами [на место, где умещается только] один дирхем».
130. Карангутаг — горы и местность к югу от Хотана. МИКХ, с. 567.
131. Шахр-и Ислам — местность, расположенная к юго-западу от Бухары, на пути из Бухары в Каракуль. См.: Атлас промеров, произведенных в 1873 г. в низовьях реки Аму-Дарьи А. В. Кульбарсом. СПб., 1888.
132. В тексте: «мугули» — по-видимому, речь идет о единице измерения расстояния, известной под названием санг-и могули или могольский фарсах; точные размеры этого фарсаха не установлены.
133. Каракуль — местность, расположенная к юго-западу от Бухары.
134. Рамитан (Ромитан) — селение, расположенное к северу от Бухары, на берегу реки того же названия. Бартольд. Т. 1, с. 167—168.
135. Коран XXXIII, 72.
136. Фраза написана по-арабски.
137. Коран XIV, 23.
138. Здесь намек на легенду о том, как Йусуф (Иосиф Прекрасный) был брошен в колодец братьями, которые заявили отцу, что Йусуфа съел волк.
139. Хадис. Ср.: W. — M. Т. 1, с. 350.
140. Коран XXXVIII, 25.
141. Коран XX, 52.
142. Коран II, 248.
143. Фраза написана по-арабски.
144. Хакикат — высшая ступень совершенствования суфия.
145. Дамма — знак в виде запятой, ставящийся над согласным в арабской графике для обозначения краткого «у» после данного согласного.
146. Здесь игра слов: фатха — черточка над согласным звуком в арабской графике для обозначения краткого гласного «а» после согласного. Слово «фатха» одного корня со словом «фатх» («победа»).
147. Ср.: Коран LXXII, 19.
148. Коран XVII, 1.
149. Коран XXV, 1.
150. Хадис. W. — M. Т. 1, с. 376.
151. Фраза написана по-арабски.
152. Меймене — область с главным городом того же названия, лежащая к югу от Шибиргана.
153. Чечекту — город в юго-западной части области Меймене.
154. Точное расположение этой местности не удалось определить.
155. Арабское выражение, ср.: Коран XII, 40.
156. Коран XXVIII, 88.
157. Рабат-и Ходжа — бывший Варагсер, находится на берегу Зеравшана, к юго-востоку от Самарканда, на расстоянии 4 фарсахов от него. Бартольд. Т. 1, с. 133.
158. Канал Даргам был отведен от правого берега Зеравшана, протекал около Самарканда. Бартольд. Т. 2. Ч. 1, с. 189.
159. Коран II, 151.
160. В тексте: «мурда дар масти» — числовое значение этих слов дает дату 963/1555-56 г.
161. В числовом значении это слово также дает дату 963/1555-56 г.
162. Михр — название седьмого месяца иранского солнечного года, соответствует периоду с 23 сентября по 22 октября.
163. Минбар — кафедра в мечети.
164. Коран II, 252.
165. Коран VI, 165.
166. Фраза написана по-арабски.
167. Фраза написана по-арабски.
168. Куфин — селение в окрестностях Кермине. Бартольд. Т. 1, с. 178.

169. Коран LXV, 3.
170. Коран LXXVIII, 10.
171. Коран XXXIII, 11.
172. Коран LVII, 21.
173. Фраза написана по-арабски.
174. Коран III, 35.
175. Коран XXXVIII, 25.
176. Коран XVIII, 83.
177. Коран IX, 73.
178. Острушана — название древней области, занимавшей почти все земли от Самарканда до Ходжента. Бартольд. Т. 1, с. 221. Идентификацию Острушаны с Ура-Тюбе мы находим уже в «Записках Бабура».
179. Коран CXIV, 5.
180. Замин — древний город, был расположен на обоих берегах Зеравшана. Бартольд. Т. 1, с. 224.
181. Сам, сын Наримана — хорошо известный персонаж иранского эпоса, о котором подробно повествуется в «Шах-наме» Фирдоуси.
182. Букв. «сквозь завесу шутки».
183. Курук-и Алиабад — селение под Самаркандом. См.: Самария, с. 214—216.
184. Матурид — название одного из кварталов Самарканда (в XII в.), позже — селение с тем же названием, расположенное к северо-западу от Самарканда. Бартольд. Т. 1, с. 141. Как показывает текст нашего памятника, в XVI в. Матурид уже не входил в черту города.
185. Кан-и гиль — название равнины и канала к северо-востоку от Самарканда. Бабур-наме, с. 62.
186. Аханин — западные ворота Самарканда.
187. Лев в небе — т. е. созвездие Льва.
188. Гез — мера длины, в начале позднего средневековья равнялась 62 см. Хинц, с. 63.
189. Коран LXI, 13.
190. Чигиль — название тюркского племени, обитавшего к востоку от Амударьи. Под Чигилем здесь имеется в виду территория, простиравшаяся от Амударьи до Китая. Подробнее об этом см.: Бартольд. Т. 2. Ч. 1, с. 578; МИТТ. Т. 1, с. 311.
191. Коран III, 153.
192. Бидана куруги — местность, расположенная к северо-востоку от Самарканда. Бабур-наме, с. 63; Абдулланома. Т. 1, с. 362, примеч. 669.
193. Время султанского завтрака — см. примеч. 127.
194. Елан-ути — название узкого прохода через горы Нурата, соединяющего долины Ферганы и Зеравшана. Абдулланома. Т. 1, с. 362, примеч. 671.
195. Коран XVII, 49.
196. Имеется в виду мифическая рыба, на которой будто бы стоит бык, на роге которого покоится земля. См. примеч. 140 к Введению.
197. Наудар — сын Манучихра, герой иранского эпоса, воспетый в «Шах-наме» Фирдоуси.
198. В тексте: Имруз ан ду саф ки ту нау бар даридаи,
Тарих сад хазар саф-и Наудар амада аст.
Чтобы получить дату, заключенную в этом бейте, нужно числовое значение слов «ан ду саф», что составляет 231, прибавить к числовому значению слов «сад хазар саф-и Наудар», т. е. 737, получаем 968/1560-61 г.
199. В тексте игра слов: чубак (палочка) — уменьшительная форма от слова «чуб» («палка»). Чуб, или Чубин, является прозвищем знаменитого сасанидского полководца Бахрама.
200. Санджар (Синджир) — верховный правитель династии Сельджуков. Годы правления — 1118—1157.
201. Здесь игра слов: Гадай означает «нищий» и является также именем хана.
202. Коран II, 252.
203. Коран II, 250.
204. Чартак — название местности в округе Бухары, купленной Ходжа Исламом в 968/1561 г. См.: Хозяйство Джуйбарских шейхов, с. 212, где указаны точные границы этой местности.
205. Речь идет о северо-восточных воротах Бухары, иначе называемых Мазарскими. Бартольд. Т. 2. Ч. 1, с. 216; Сухарева, с. 36, 38.
206. Под румийцами здесь следует понимать османских турок и вообще людей запада, находившихся на службе у узбекских ханов.
207. Манучихр — сын Ираджа, внук Фаридуна, один из героев «Шах-наме» Фирдоуси.
208. Ворота Абу Хафса (или ворота Хазрат-и Имам) — северные ворота Бухары, названные по имени бухарского ученого, законоведа Абу Хафса (ум. в 217/832 г.). Бартольд. Т. 1, с. 152—153; Сухарева, с. 38.
209. В тексте «васил» — суфийский термин, обозначает лицо, достигшее состояния «васл» — единения с богом.

210. Коран IV, 127.
211. Коран XLIX, 9.
212. Коран IV, 118.
213. Коран II, 238.
214. Коран XXIX, 4.
215. Коран IV, 80.
216. Во всех привлеченных нами списках, кроме списка А, имеем хронограмму «мактул-и писар-и Саййидим-бий», которая содержит дату 964/1556-57 г. В списке А по ошибке написано «Саййид» вместо «Саййидим».
217. В тексте: «шамшир-и аджал сар-и вай аз зулм фиканд». Чтобы определить дату, заключенную в этой хронограмме, следует отнять от числового значения слова «зулм», т. е. цифры 970, числовое значение первой буквы слова «вай», т. е. цифру 6, и получается 964/1556-57 г.
218. В тексте: «Йа аз замин бар амада йак пайза-йи афтаб». Числовое значение этих слов дает дату 964/1556-57 г.
219. В рукописи А ошибочно написано «девятого неба» вместо правильного и имеющегося во всех привлеченных списках «шестого неба».
220. Коран LXVIII, 51. В тексте приведены лишь первые два слова стиха.
221. Т. е. Мазарские ворота. См. примеч. 205.
222. Коран XXX, 49.
223. Образное выражение, связанное с легендой о «живой воде», которая будто бы находится в стране «мрака». См. примеч. 54 к Введению.
224. Чауш — сторож.
225. Нисан (нейсан) — месяц сирийского года, соответствующий апрелю.
226. Ман (манн) — единица меры веса, разная в различных районах Средней Азии. Здесь термин употреблен в метафорическом значении.
227. Джазаир ал-Халидат (Острова блаженных) — так назывались шесть островов в Атлантическом океане — Канарские острова. От этих островов в средневековье шел отсчет долготы. Их долгота равнялась нулю. Крачковский. Т. 4, с. 102, 104 и др.; Худуд ал-алам, с. 6.
228. Амуйа — старое название Чарджуя. Бартольд. Т. 1, с. 126.
229. Алмалык — город на р. Или, в районе современной Кульджи.
230. Под Пянджабом следует здесь понимать земли, по которым проходит р. Пяндж и другие четыре реки, протекающие по территории между реками Вахш и Пяндж. См.: Бартольд. Т. 1, с. 118, 122.
231. Джурджанский вилайет — так называлась область к юго-востоку от Каспийского моря по р. Горган.
232. Баласагун — древний город в Средней Азии (ныне не существует), точное местонахождение его не установлено; предполагается, что он был расположен к северо-востоку от Аулийе-Ата (совр. Джамбул). См.: Бартольд. Т. 3, с. 355—357.
233. Харвар (букв. «груз осла») — мера веса, по-видимому равная в то время около 100 кг. См.: Хинц, с. 42—43.
234. Ушнан — мыльнянка, или мыльный корень, — лекарственное растение из семейства гвоздичных. Отвар из его корня употребляется как лучшее средство для стирки.
235. Гуштасп — легендарный правитель Балха, отец Исфандийара, герой иранского эпоса, воспетый в «Шах-наме» Фирдоуси.
236. Джамасп — согласно иранскому эпосу, мудрый советник царя Гуштаспа.
237. Ма'мун — аббасидский халиф (813—833).
238. «Шамсиййа» — полное название сочинения — «Рисала аш-шамсиййа фи кава'ид ал-мантикиййа» («Солнечный трактат об основах логики»). Автор Наджм ад-дин Али ибн Омар ал-Казвини ал-Катиби (ум. в 675/1276 или в 693/1294 г.) написал данное сочинение по просьбе везира Хулагу-хана (1256—1265) Шамс ад-дина Мухаммада ибн Баха ад-дина ал-Джувайни (ум. в 681/1282 г.) и в честь его назвал «Шамсиййа». О сочинении см.: СВР. Т. 3, № 1967.
239. Факих — знаток мусульманского права, законовед.
240. Текст Джувайни почти дословно приведен нашим автором. Джувайни, с. 75—76.
241. Хузайф ал-Йаман — Хузайф ибн Йаман, один из сподвижников Мухаммада. Умер сорок дней спустя после смерти халифа Османа. Абдулланома. Т. 1, с. 365, примеч. 734. См. также: Мец, с. 232.
242. Иснад — цепь передатчиков преданий о Мухаммаде (хадисов).
243. Мугира Шу'ба — Мугира ибн Шу'ба, крупный государственный и военный деятель, служивший Мухаммаду, а также при «правоверных» халифах и при Му'авии. Умер в возрасте около 70 лет между 48 и 51/668—671 гг. См. о нем: EI. Т. 3, с. 639.
244. Ахнаф ибн Кайс — настоящее имя его — Шахр, Ахнаф (ал-Ахнаф) — псевдоним, видный политический и военный деятель из племени тамим, живший при Мухаммаде, но прославился как полководец при завоевании Ирана арабами. Ум. около 67/686-87 г. в глубокой старости. EI. Т. 1, с. 206—207.

245. Ходжа имам Захид Ва'из Мухаммад ибн Али ал-Науджабади — известный мусульманский законовед XII в. (ум. 18 джумада I 533/21 января 1139 г.). Он происходил из селения Науджабад, около Бухары. См.: Абдулланома. Т. 1, с. 366, примеч. 742; Бартольд. Т. 1, с. 179.

246. Вашгирд (в списке А — Дишгар, в списке Ла — Вашгирд) — название города и области, расположенной между двумя притоками Амударьи — Вахшем и Кафирниганом. Бартольд. Т. 1, с. 121, 124.

247. В списке Ла — Самрат.

248. Фраза написана по-арабски.

249. «Хазаин ал-улум» служил одним из источников переводчика и продолжателя «Истории Бухары» Наршахи. Сведений об этом сочинении и его авторе пока не удалось обнаружить.

250. Сийавуш ибн Кайкавус — один из главных героев иранского эпоса, воспетый в «Шах-наме» Фирдоуси. Культ Сийавуша был широко распространен в Бухаре.

251. Ворота Ках-фурушан (Продавцов соломы), или Гурийан, согласно Наршахи, — название восточных ворот Бухары. См. также: Бартольд. Т. 1, с. 151.

252. В списке А — Бандун бухархудат.

253. Арслан-хан — имеется в виду Арслан-хан III, Мухаммад ибн Сулайман Караханид.

254. Здесь речь идет о хорезмшахе Атсызе ибн Мухаммаде (1127 или 1128—1156). См.: Бартольд. Т. 1, с. 152, 386—395.

255. Алптегин (в списке А — Илтегин, в списке Ла — Атмтегин) — правитель Бухары при кара-китаях. Бартольд. Т. 1, с. 152.

256. «Тарих-и ал-и Саман» («История Саманидов») — что это за сочинение, пока не удалось установить.

257. Фраза написана по-арабски.

258. Сардаба — «высокое куполообразное сооружение из жженого кирпича, строившееся над колодцем или бассейном, к которому спускались по ступеням. Сардаба хорошо проветривалась, и поэтому в самые жаркие дни в ней было прохладно, как холодна была и сама вода. Эти сооружения строились обычно на караванных путях». Муким-ханская история, с. 250.

259. Вакф — имущество (движимое или недвижимое), завещанное каким-либо лицом в пользу религиозных или благотворительных учреждений. Подробнее об этом см.: Петрушевский, с. 247—248.

260. Тир — четвертый месяц иранского солнечного года, соответствует периоду с 21—22 июня по 21—22 июля.

261. Дей — название десятого месяца иранского солнечного года, соответствует периоду с 22—23 декабря по 20—21 января.

262. Ср. «свинцовые тучи».

263. Тараз, или Талас — древний город, который был расположен на берегу р. Талас, на месте современного Джамбула.

264. Мускус из Хотана на Востоке считался лучшим.

265. Отрубленные головы врагов всадники обычно привязывали к седельным ремням.

266. Йайчи — точное расположение этого пункта не удалось установить.

267. Фраза написана по-арабски.

268. Коран LXXVI, 22.

269. Коран XXVI, 84.

270. Коран VI, 89.

271. Коран XXVI, 83.

272. Т. е. когда восходило солнце.

273. Коран LXXVI, 8.

274. Здесь слово «чарбаг» употреблено в значении «сад», как, впрочем, видно из контекста. В более широком смысле термин может обозначать поместье феодала. См.: Хозяйство Джуйбарских шейхов, с. 34—35.

275. См. примеч. 54 к Введению.

276. Мухрдар — должность хранителя ханской печати.

277. Фраза написана по-арабски.

278. Коран IV, 3.

279. Хадис. Ср.: W. — M. Т. 1, с. 405.

280. Фраза написана по-арабски.

281. Муршид — духовный наставник суфиев.

282. Хадис. Ср.: W. — M. Т. 4, с. 554.

283. Михаффа — крытые сиденья для путешественников, устраиваемые по бокам вьючного животного.

284. Фраза написана по-арабски, намек на стих Корана (XXXVI, 73).

285. Отцы на небесах, матери внизу — см. примеч. 14.

286. Имеется в виду стих из Корана (LXI, 13).

287. Коран VI, 73.

288. Коран XCIX, 1.

289. Ср.: Коран L, 19.

290. Точное местонахождение этого пункта не удалось установить.
291. Коран III, 153.
292. Точное местонахождение этого пункта не удалось установить.
293. Фарраш — букв. «стелющийся ковер», здесь в значении слуги.
294. Суфар — зарубка на нижнем конце стрелы, при помощи которой стрела натягивается на тетиву.
295. Симак-и Рамих (араб. ал-Симак ал-Рамих — «Симак-копьеносец», или просто ал-Рамих — «копьеносец») — название звезды Арктур, самой яркой звезды в созвездии Волопаса. EI. T. 4, с. 425.
296. Алтаир (араб. ал-таир — букв. «птица») — наиболее яркая звезда в созвездии Орла, которая изображалась в виде парящей птицы. Здесь игра слов, основанная на значении названий звезд: «Симак-копьеносец» и ал-таир — «птица». Смысл всего предложения: перед его копьем дрожит небесный копьеносец (Рамих), его стрелы боится, словно голубь, птица на небе (Алтаир).
297. Коран III, 11.
298. Коран III, 122.
299. Коран LXI, 13.
300. Коран VIII, 64.
301. Коран LXXX, 34.
302. Коран XIV, 43.
303. В тексте: «Джам нигин» — букв. «обладающий перстнем Джама». В данном выражении Джам отождествляется с Сулайманом (Соломоном). См. примеч. 20.
304. Дара-йи Гез — горное ущелье на юге Гиссарских гор, расположенное на караванной дороге между Балхом и Индией.
305. Чахартак — по-видимому, слово здесь употреблено в значении здания, имеющего с четырех сторон по входной арке.
306. В тексте слова: «Курак кушт», которые в числовом значении дают дату 967/1559-60 г.
307. В тексте: «малик ал-калам» — букв. «царь слова».
308. В тексте арабское выражение: «инна ал-хукм ва-т-такдир ли-л-лахи» (намек на коранический стих XII, 40), которое в числовом отношении дает дату 967/1559-60 г.
309. «У меня к Аллаху». См. примеч. 23 к Введению.
310. Коран II, 28.
311. Коран VI, 165.
312. Фраза написана по-арабски.
313. Более точное местонахождение этого пункта не удалось установить.
314. В рукописи А по ошибке «Дар ал-ислам» вместо правильного «Дар ас-салам» в других списках. Перевод фразы сделан по списку Ла.
315. Коран XXXVIII, 25.
316. Коран XIX, 58.
317. Коран XIV, 29.
318. Салих — имя пророка, посланного к племени Самуд.
319. Коран XVII, 1.
320. Йусуф Ханаанский — имеется в виду Иосиф Прекрасный.
321. Хассан — имеется в виду Хассан ибн Сабит (563 (?) — 674), поэт, оказавший большие услуги пророку Мухаммаду тем, что составлял ответы на ядовитые сатиры противников ислама. История персидско-таджикской литературы, с. 97.
322. Коран XXI, 36.
323. Фраза написана по-арабски.
324. Коран LXXXVIII, 25.
325. Коран LXXI, 4.
326. Согласно приписке на полях списка Ла (л. 105а), это начало хадиса, который здесь приведен полностью с переводом на персидский язык. Этот хадис переводится так: «Я был сгустком крови, скрытым под покрывалом величия [бога], затем я загорелся желанием к познанию, а потом [захотел] познать Творца людей».
327. Коран XIII, 39.
328. Коран LV, 26.
329. Фраза написана по-арабски.
330. Коран XXIV, 35.
331. Местность Сумитан находится к западу от Бухары, на расстоянии примерно 6 км от города.
332. Присутствие на похоронах и участие в них у мусульман считается богоугодным делом.
333. Имеется в виду Баха ад-дин Накшбанд.
334. Ворота Аб — название ворот Каракуля. См.: Хозяйство Джуйбарских шейхов, с. 285—286.
335. Коран II, 151.
336. По-видимому, намек на коранический стих (XXV, 60): «Полагайся на живого, который не умирает».
337. Здесь игра слов: Джуйбар — название владений джуйбарских шейхов и вместе с тем обозначает всякую местность, изобилующую ручьями.

338. В тексте слова: «султан сахиб-и тарикат», которые в числовом значении дают дату 970/1562-63 г.
339. Каусар — согласно представлениям мусульман, название райского источника.
340. В тексте слова: «падишах-и кишвар-и ислам», которые в числовом отношении дают дату 971/1563-64 г.
341. Фраза написана по-арабски.
342. В тексте слова: «фахр-и камал», которые в числовом отношении дают 971/1563-64 г.
343. Перстень Сулаймана — см. примеч. 20.
344. Т. е. «всей совокупности земного царства».
345. Более точное расположение этой местности не удалось установить.
346. В списке А: «акриму з-за'иф» («уважайте слабого»), во всех остальных списках: «акриму з-зайф» («уважайте гостя»). В приписке на полях списка Ла (л. 108б) фраза переведена на персидский язык.
347. Арк — цитадель.
348. Коран XXXVI, 25—26.
349. Каманча — струнный инструмент, разновидность скрипки.
350. Барбат — семиструнный музыкальный инструмент. См.: Среднеазиатский трактат по музыке, с. 18.
351. Тамбур — здесь в значении струнного музыкального инструмента. Среднеазиатский трактат по музыке, с. 16.
352. Коран XXXVII, 40—41.
353. Коран XLIII, 71.
354. Коран III, 25.
355. Коран XIX, 58.
356. Коран II, 124.
357. Коран VI, 87.
358. Коран XLVII, 16.
359. Фраза написана по-арабски.
360. Коран XXIV, 37.
361. Коран LI, 17.
362. Арабская фраза, перевод ее на персидский язык дан на полях списка Ла.
363. Коран XXXIX, 12.
364. Коран XXXVIII, 49.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества.
ЗКВ	— Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Л.
ИАН	— Известия Академии наук.
ИВАН СССР	— Институт востоковедения Академии наук СССР.
КВР	— Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР. Под редакцией и при участии А. М. Мирзоева и А. Н. Болдырева. Т. 1. Сталинабад, 1960.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет.
МИКХ	— Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1—2. М.—Л., 1938—1939.
ПП и ПИКНВ	— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л.
ПТР	— О. Ф. Акимушкин, В. В. Кушев, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Мугинов, М. А. Салахетдинова. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии (Краткий алфавитный каталог). Под редакцией Н. Д. Миклухо-Маклая. Т. 1. М., 1964.
ПТР ГПБ	— Персидские и таджикские рукописи «Новой серии» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Алфавитный каталог. Составитель Г. И. Костыгова. Л., 1973.
СВ	— Советское востоковедение.
СВР	— Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Под редакцией и при участии А. А. Семенова. Т. 1—10. Таш., 1952—1975.
ТВОРАО	— Труды Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб.
ТОВГЭ	— Труды Отдела культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа.
EI	— The Encyclopaedia of Islam. Vol. 1. Leiden — London, 1913.
GMS	— Gibb Memorial Series. L.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абдулланома. — Ҳофиз Таниш ибн Мир Муҳаммад Бухорий. Абдулланома (Шарафномайи Шоҳий). Т.1—2. Тошкент, 1966—1969 (на узб. яз.).

Абдураимов. Очерки. — М. А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX века. Т. 1—2. Таш., 1966—1970.

Арк Бухары. — М. С. Андреев, О. Д. Чехович. Арк (кремль) Бухары в конце XIX — начале XX вв. Душ., 1972.

Бабур-наме. — Бабур-наме (Записки Бабура). Пер. М. Салье. Таш., 1958.

Бартольд. — В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 1—4, 8. М., 1963—1966, 1973.

Браун. — تاریخ ادبی ایران تآ پرفسور ادوارد برون، جلد اول، تهران، ۱۳۳۳

Бурхан-и Кати'. — برهان قاطع تآ محمد حسین بن خلف تبریزی باهتمام دکتر محمد معین در پنج مجلد چاپ دوم، تهران، ۱۳۴۲

Бухарский трактат. — А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. — СВ. Т. 5. М. —Л., 1948.

Дастур ал-мулук. — Ходжа Самандар Термези. Дастур ал-мулук (Назидание государям). Пер. с перс., предисл., примеч. и указатели М. А. Салахетдиновой. М., 1971.

Джувайни. — The Tarikh-i-Jahan-gusha of 'Ala'u'd-din 'Ata Malik-i-Juwayni. Ed. with an introduction, notes and indices from several old MSS by Mirza Muhammad ibn 'Abdul-Wahhab-i-Qazwini. P. 1. Leiden, 1912 (GMS XVI).

Зафар-наме. — ظفرنامه تآ شرف الدین علی یزدی Рук. ИВАН СССР, С 393, ПТР, № 2904.

История Бохары. — Г. Вамбери. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. Т. 1. СПб., 1873.

История персидско-таджикской литературы. — Е. Э. Бертельс. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.

Кандия. — Кандия Малая. Перевел и примечаниями снабдил В. Л. Вяткин. — Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 8. Самарканд, 1905, с. 236—301.

Каталог. Баку. — Əlјazmalары каталогу. 1 чилд. Бакы, 1963.

Китаб-и Муллазада. — کتاب ملازاده تآ احمد بن محمد البخاری Рук. ИВАН СССР, В 672, ПТР, № 3385.

Коран. — Коран. Пер. и коммент. акад. И. Ю. Крачковского. М., 1963.

Крачковский — И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература. — Избранные сочинения. Т. 4. М. —Л., 1957.

Литература на персидском языке. — Е. Э. Бертельс. Литература на персидском языке в Средней Азии. — СВ. Т. 5. М. —Л., 1948, с. 199—228.

Мец. — Адам Мец. Мусульманский ренессанс. М., 1966.

Миклухо-Маклай. — Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии. Вып. 2. М., 1961, № 187.

Мукаддима-йи «Зафар-наме». — مقدمه ظفرنامه تآ شرف الدین علی یزدی Рук. ИВАН СССР, С 393, ПТР, № 2904.

Муким-ханская история. — Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Пер. с тадж., предисл., примеч. и указатели А. А. Семенова. Таш., 1956.

Навои и Джами. — Е. Э. Бертельс. Избранные труды. Навои и Джами. М., 1965.
Первые Шейбаниды. — А. Л. Семенов. Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр. — Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад, 1954 (Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. 12).
Петрушевский. — И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960.
Рашахат. — رشحات عين الحيات تآ علی بن حسين الواعظ الكاشفی مشتهر به صفی ' تاشكند ' ۱۳۲۹ (литография).
Рашид ад-дин. — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. Пер. с перс. Л. А. Хетагурова, ред. и примеч. А. А. Семенова. М.—Л., 1952.
Рисала-йи унсийа. — رساله انسيه تآ يعقوب بن عثمان الغزنوی الچرخی Рук. ИВАН СССР, В 2384, ПТР, № 1773.
Сам'ани. — The Kitab al-Ansab of 'Abd al-Karim ibn Muhammad al-Sam'ani reproduced in facsimile from the manuscript in the British Museum. Add. 23, 355 with the introduction by D. S. Margoliouth. Leyden—London, 1912 (GMS, XX).
Сам'ани. — كتاب الانساب Рук. ИВАН СССР, С 361.
Самария. — Абу Тахир Ходжа. «Самария». Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Пер. В. Л. Вяткина. — Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 6. Самарканд, 1899.
Самойлович — А. Самойлович. Шейбани-наме. Персидский unicum библиотеки Хивинского хана. — ЗВОРАО. Т. 19, 1910, с. 0165—0176.
Среднеазиатский трактат по музыке. — А. А. Семенов. Среднеазиатский трактат по музыке Дарвиша Али (XVII век). Таш., 1946.
Стори. — Ч. А. Стори. Персидская литература. Био-библиографический обзор. Ч. 1—3. Пер. с англ. М., 1972.
Суфизм и суфийская литература. — Е. Э. Бертельс. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965.
Сухарева. — О. А. Сухарева. Бухара XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966.
Тагирджанов. — А. Т. Тагирджанов. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела Библиотеки ЛГУ. Т. 1. История, биографии, география. Л., 1962.
Тарих-и гузида. — The Tarikh-i Guzida . . .of Hamdullah Mustawfi-i-Qazwini. Ed. by E. G. Browne. Vol. 1. Leiden—London, 1910 (GMS, XIV, 1).
Тарих-и Ракими. — تاريخ راقمی تآشرف الدين اعلم بن نور الدين ملا فرهاد Рук. ИВАН СССР, D 710.
Тарих-и Рашиди. — تاريخ رشيدی تآ محمد حيدر بن محمد حسين Рук. ИВАН СССР, В 648, ПТР, № 514.
Тарих-и Салатин-и Мангитийа. — Мирза 'Абдал'азим Сами. Та'рих-и Салатин-и Мангитийа (История мангытских государей). Изд. текста, предисл., пер. и примеч. А. М. Ешфановой. М., 1962.
Трактат о каллиграфах и художниках. — Кази-Ахмед. Трактат о каллиграфах и художниках 1596-97/1005. Введ., пер. и коммент. Б. Н. Заходера. М.—Л., 1947.
Хинц. — В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.
Хозяйство Джуйбарских шейхов. — П. П. Иванов. Хозяйство Джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954.
Худуд ал-алам. — Худуд ал-'алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
Шейбани-наме. — شيبانی نامه تآ كمال الدين بنائی Рук. ИВ АН УзССР, № 844, СВР, Т. 1, № 139.
Шейбаниада. — И. Березин. Шейбанпада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И. Березиным. (Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным). Т. 1. Казань, 1849.
Шейхи Джуйбари. — В. Л. Вяткин. Шейхи Джуйбари. 1. Ходжа Ислам. — В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш., 1927, с. 3—19.
Blochet. — Catalogue des manuscrits persans de la Bibliothèque Nationale par E. Blochet. Vol. 2. P., 1912.
Ethé. — Catalogue of the Persian manuscripts in the Library of the India Office by H. Ethé. Vol. 1. Ox., 1903.
Lane. — E. W. Lane. An Arabic-English Lexicon by Edward William Lane. B. 1. P. 1—8. L., 1863—1893.
Mél. As. — Mélanges Asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Vol. 2—3. St. -Pbg., 1856, 1857—1859.

Rieu. Suppl. — Supplement to the Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum by Ch. Rieu. L., 1895.

Tarikh-i-Rashidi. — The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia. An English version, ed. with commentary, notes and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross. L., 1895.

W.—M. — Concordance et indices de la tradition musulmane les six livres, le musnad d'al-Dārimī, le muwatta' de Mālik, le musnad de Aḥmad ibn Hanbal. Organisés et commencés par J. Wensinck et Mensing, continués par J. Brugman. Tome I—VIII. Leiden, 1933—1969.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдал-султан ибн Абд ал-Латиф-султан 164, 199, 203
Абдулла-хан 4, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 33, 35, 36, 46, 47, 70, 73, 76, 88, 93, 104, 105, 106, 107, 112, 113, 115, 120, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 155, 156, 157, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 222, 223, 224, 225, 226, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 248, 249, 251, 254, 255, 258, 259, 262, 271, 273, 274
Абд ал-Азиз-хан, сын Убайдулла-хана 20, 79, 131, 132, 135
Абдаллах Ансари, Абу Исма'ил ибн Мансур Мухаммад 80, 265, 270
эмир Абдулла садр катаган 135, 142
Абд ал-Али тархан 88
Абд ал-Васи' катаган 142
Абд ал-Куддус-султан 88, 141, 193, 203
эмир Абд ал-Куддус 100, 268
Абд ал-Латиф-султан, сын Искандар-хана 88
Абд ал-Латиф-султан (хан), сын Кучкунджи-хана 132, 136, 156
Абд ал-Малик ибн Абд ар-Рахман ас-Санбари 220
Абд ал-Му'мин-султан (хан) 14, 89, 262
Абдураимов М. А. 6
Абд ар-Рахман диван-беги 16
Абу Абдаллах Мухаммад ал-Бусири 265
Абу Али ибн Сина (Авиценна) 260
шейх Абу Али Фармади 110, 270
Абу Амр Башир ибн Асаф ибн Мансур 220
Абу Бакр, халиф 30, 88, 111, 261
Абу Бакр ибн Мухаммад ибн Али ибн ал-Фазл Заранджи 220
Абу Бакр Ахмад, сын Абу Бакра Са'да 107, 108, 269
Абу Бакр Заранджари, кази 221
Абу Бакр Исхак Калабади 269
Абу Бакр Мухаммад ибн Джа'фар ан-Наршахи 220
Абу Бакр Мухаммад ибн ал-Фазл ал-Бухари 269
Абу Бакр Са'д 225, 226, 249, 269
Абу Бакр Са'д 253. См. также Ходжа Са'д ад-дин Абу Бакр Са'д
Абу Бакр Са'д, сын Захир ад-дина 107
Абу Бакр Тархан ал-Балхи 269
Абу Бакр Фазл ибн Джа'фар ал-Бухари 108, 269
Абу Бакр Хамид 269
Абу Йазид Бистами, Тайфур ибн Иса ибн Адам ибн Сурушан ал-Бистами 110, 270
Абу Йа'куб Йусуф ибн Аййуб ал-Хамадани 110, 270
шейх Абу-л-Касим Гургани Туси 110, 270
Абу Наср Ахмад ибн Мухаммад ибн Мухаммад ал-Кубави 220
Абу Са'ид-мирза 76, 78, 81, 97, 98, 100, 268
Абу Са'ид-хан, сын Кучкунджи-хана 87
Абу Талиб Макки, Абу Талиб Мухаммад ибн Али ал-Макки 111, 270
Абу-л-Хайр-хан 13, 20, 21, 76, 77, 78, 79, 80, 99, 100, 190, 265
Абу Харун ал-Абди 220
Абу-л-Хасан Ишки 163
Абу-л-Хасан Нишапури 221
Абу-л-Хасан Харакани 110, 270
Абу Хафс, имам, Абу Хафс Ахмад ибн Хамдан ал-Факих 220, 275
Абу Шариф Ахмад ибн Али Муджаллади Джурджани 263
Абуййа (Яфет) 48
Адил-султан, сын Бахтийар-султана 76
Адилов И. 15
Азра 51, 263
Ай-хан 61
Айман-Ходжа-хан, сын Дува-хана 93
Айша-Султан-ханум, дочь Махмуд-хана, известная как Могол-ханум 104
Ак-Бурук, сын Абу-л-Хайр-хана 79
Ак-Мухаммад курчи 141
Аким-бий джалаир 149, 151, 153, 171, 232
Аким мирахур 138, 147, 151, 153, 166, 171, 203
Аким хаджи 224
Аккуз-бегим 79
Алайка-султан 76
Алан-Гоа 12, 15, 19, 68, 69, 70, 71
Алача-хан, прозвище Ахмад-хана, сына Йунус-хана 104
Али, имам 108, 269
Али, халиф 31, 88, 108, 111, 220, 261, 266
Али ибн Хусайн ал-Ва'из ал-Кашифи 19, 268
мирза Али-бий найман 233, 241
устад Али Дуст 256

Али Лала 109, 269
Али Мардан бахадур 138, 147
Али-Мурад-бий 233
Али-Мухаммад бахадур 143, 147
Али-Мухаммад-бий аталык 150
Али Мухаммад-султан, сын Хамзы-султана 76
Али Риза, имам 269
Али Са'ид 254
Али ат-Таликани 16
Алинча-хан 48
Алптегин 222, 277
Алтан-хан 72, 79, 264
Алтанун, дочь Чингиз-хана 66
Алф, прозвище Камар ад-дина 93
Амасанджи Тайши, сын Эсан Тайши 19, 99
Амин-султан, сын Бурундук-султана 76
Арабшах 76
Арах-ходжа Саййид Атаи 23, 225
Аристотель 248
Ариф ад-дин Абдаллах ибн Ас'ад ал-Йафи'и ал-Йамини 270
Арслан-хан, Мухаммад ибн Сулайман Караханид 222, 277
Атсыз ибн Мухаммад 277
Арулат 67
Афрасиаб 221
Ахемениды 261
Ахмад ибн Наср 221
Ахмад-мирза 100, 101, 102, 103
Ахмад-хан, сын Йунус-хана 104, 105
Ахмад-султан, сын Абу-л-Хайр-хана 79, 82
имам Ахмад Газали, Абу Хамид Мухаммад ибн Мухаммад Газали 117, 270
Ахмад Касани 7
Ахмедов Б. А. 5, 6, 7, 8
Ахнаф ибн Кайс 220, 276
Аштарханиды 5, 9, 16

Баба-султан ибн Науруз-Ахмад-хан 21, 163, 164, 167, 192, 197, 205
шейх Бабай Симаси, Мухаммад Бабай Симаси 110, 269
Бабур, Абу-л-Касим ибн мирза Байсанкур ибн мирза Шахрух 97, 98
Бабур, Захир ад-дин Мухаммад 81, 85, 86, 87, 100, 104, 265, 266
Бадай, эмир 67
Бадакул 76
Бади' аз-Заман 82, 265
Бай-шейх уйгур 80
Байазид Бистами 110, 111
Байбахти кунграт 151, 152
Байрак бахадур 76
Байсанкур 71
Байсанкур-мирза, сын Махмуд-мирзы 81
Барбад 47, 263
Бартан бахадур 71
Бартольд В. В. 6
Баткулки 69
Баха ад-дин (Баха ал-хакк ва-д-дин) Накшбанд 249, 250, 269, 278. См. также Ходжа Мухаммад ибн Мухаммад ал-Бухари Накшбанд
Бахадур, сын Шейбан-хана 76
Бахман 159, 193, 273
Бахрам 190, 207, 230, 275
Бахтийар 76
Березин И. Н. 262
Бертельс Е. Э. 12, 267
Бидун бухархудат 221, 277
Бика-Султан-ханим 76
Бики-бий бахрин 142, 171
Бинаи, Камал ад-дин Мир Али 19, 87, 104, 268
Бируни 262
Бихруз-мирза катаган 142
Блоше Э. 267
Болдырев А. Н. 6
Борак-бий найман 203
Борак-хан, сын Суюнч-Ходжа-хана 20, 21, 180, 185, 186, 187, 189, 192. См. также Науруз-Ахмад-хан
Бубай-султан, сын Ходжа Мухаммад-султана 76, 87
Бузанджир-каан (Бодончар у Рашид ад-дина) 71
Бузук (прозвище трех старших сыновей Огуз-хана) 61, 63
Бука 71
Букун-катаки 68
Буладджи см. Пуладчи
Булджар 69
Бургучин нойон (у Рашид ад-дина Богорчи нойон) 67
Буркут 79
Буртэ-фуджин 73
Бурудж оглан 99, 100
Бурундук-султан, сын Хамзы-султана 76
Бурунчи аталык 150
Бурхан-султан 10, 20, 21, 22, 23, 135, 136, 137, 156, 157, 162, 163, 170, 180, 181, 185, 186, 187, 188, 189, 208, 209, 212, 213, 214, 215, 224, 225, 231
Бу-Сайджи (у Рашид ад-дина Букату Салджи) 68

Вайс-хан 19, 94, 95, 96, 267
Валиджан-мирза джалаир 10, 135, 142, 149, 153, 170, 224, 228, 232
Вамик 263
Великие Моголы 265
Вельяминов-Зернов 4, 14
Вяткин В. Л. 6

Гадай-султан (хан) 21, 164, 198, 199, 202, 203, 207
Гандж-Али бахадур 149, 171, 177
Гафурова Р. 5
Гив 90, 188, 193, 266
Гирей-хан 99
Гитриф ибн Ата ал-Кинди 269
Гур-хан 48
Гурхан 222
Гуштасп 220, 276
Гэнду-чинэ 68

Дабун-Байан 68, 70
Дай нойон 73
Даки бахадур 69
Дараб 130
Дарвиш Али 6, 7, 9, 10, 262
Дарвиш Мухаммад ахун 124
Дарвиш-шейх Алиабади 137
Дарий 34, 105, 211, 217, 261
Дастан 130, 188
Да'уд (Давид) 121, 263
Даулат-Султан-ханум 104
Даулат-шейх оглан 76

Дервиш-хан 202, 203, 204, 205, 253—258
Джабра'ил 221
Джаванмард-Али-султан 21, 164, 197, 198, 199, 203, 207
Джавум бахадур алчин 142, 147
Джаксу 68
Джалал ад-дин, сын Мухаммада Хорезмшаха 59, 264
Джалал ад-дин Падишах-ходжа 91, 266
Джам 34, 88, 115, 132, 154, 165, 176, 193, 202, 208, 216, 240, 245, 261. См. также Джамшид
шейх Джамал Хар 100, 101
Джамасп 220, 276
Джами, Абд ар-Рахман 49, 116, 268, 270
Джамукэ сачан (саджан) 69
Джамшид 32, 34, 81, 84, 105, 126, 127, 128, 129, 163, 178, 200, 211, 217, 232, 236, 243, 253, 261, 262, 271
Джан-Али-бий ибн Джултай-бий 137, 214, 222, 224, 244
Джан-Али-бий ибн Чагалтай-бий 234
Джан-Бахти таваджи 143
Джангельди аталык кунграт 186
Джангельди-бий утарчи 142, 152, 171, 172, 228, 232
Джан-Кара-султан, сын Кистин-Кара-султана 88
Джан-Мухаммад-бий 142
Джан-Мухаммад-бий аталык 164, 202
Джан-Мухаммад-султан, сын Джанибек-султана 88
Джан-Пулад акай кулан айани 142
Джан-Пулад бахадур ушунь 179
Джан-Пулад-бий ушунь 224
Джан-Хасан бахадур 204
Джан-Хасан чухра-агаси 177
Джан-ходжа 225
Джан-ходжа, Абд ал-Вали ибн ходжа Абу Наср ибн ходжа Абд ал-Малик ибн ходжа Абу Наср ибн ходжа Мухаммад Парса 183
Джанибек-султан (хан), сын Ходжа Мухаммад-султана 13, 20, 80, 82, 86, 87, 88, 89, 92, 104, 121, 131, 266
Джанибек-хан 99
Джанибек, сын Нурума 76
Джаучин 68
Джа'фар Садик 108, 111, 269
Джа'фар-хан кипчак 135, 152
Джувайни Ата ал-хакк ва-д-дин 12, 220, 276
Джувайни, Шамс ад-дин 220, 276
Джуванмардиев 5
Джуджук парваначи 150
Джулма оглан 222
Джултай-бий хитай 142, 171, 228
Джунайд Багдади, Абу-л-Касим ибн Мухаммад ал-Джунайд ал-Хаззаз 110, 111, 270
Джурлук-марган 66
Джучи-хан 19, 73, 74, 75, 99, 235
Джучи-Бука, сын Бахадура 76
Диббаукуй-хан 48
Дингиз-хан 61
Дин-Мухаммад-султан, сын Пир-Мухаммад-султана 22, 88, 234, 235, 237, 241, 243
Дува-хан 93
Дулдай гуракан 66
Дурмахан 69
Дуст-Мухаммад-султан, сын Борак-хана 21, 164, 171, 175, 176, 192
Дуст-Мухаммад-султан, сын Бурундук-султана 76
Дуст-Мухаммад-султан, сын Джанибек-султана 76, 88
Дуст-Мухаммад-хан, сын Эсан Буга-хана 98
Дуст-Мухаммад шакаку 141
Дустим-бий чашм ва абру из племени тан-йарук 142, 171, 177
Дустим курчи 142
Дустим-султан ибн Искандар-хан 170, 176, 223, 249. См. также Абд ал-Куддус-султан
Дустим-Ходжа Саййид Атаи 171, 173
Дустим чухра агаси 177

Есугей (Иисука) 69, 71, 72

Зайн ал-Абидин 111
Залеман К. Г. 14
эмир Занги Али 222
Зариф-ходжа саййид 142
Зийа ад-дин таваджи 14, 142, 144
Зимин Л. А. 4, 15
Зу-л-Нурайн, прозвище халифа Османа 31, 261

Ибадулла-султан 20, 88, 156, 162, 223, 236, 237, 243
Ибрахим (Авраам) 260
Ибрахим Джучид 76
Ибрахим-мирза сын Шах-Сулаймана 22, 231, 236, 237, 239, 240
Ибрахим-султан, сын Абу-л-Хайр-хана 79
Ибрахим-унг, сын Эсан Тайши 19, 95, 99
Ивапов П. П. 6
Икчига 67
Илджа-хан (Яфет) 48
Илпак 76
Илчэкин 66
Иль-хан ибн Дингиз-хан 64
Ильяс-унг, сын Эсан Тайши 95, 99
Ильяс-Ходжа-хан 93
Имам-Кули-хан 5, 7, 9
Имам-Кули чапук 224
Инкирас 66
Иразан нарин 96
Иса (Иисус) 34, 42, 68, 70, 84, 139, 184, 245, 248
Искандар (Александр Македонский) 34, 46, 47, 70, 73, 83, 88, 92, 94, 105, 112, 116, 121, 123, 125, 127, 130, 133, 138, 140, 143, 145, 149, 156, 162, 164, 165, 171, 175, 176, 177, 178, 183, 185, 192, 193, 199, 200, 203, 205, 207, 208, 215, 222, 224, 226, 233, 244, 251, 253, 255, 256
Искандар-хан 6, 8, 10, 20, 22, 46, 47, 70, 88, 92, 104, 105, 112, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 132, 163, 222, 241, 243, 244, 245, 253, 254, 256, 257, 258
Исма'ил-шах Сефеви 13, 83, 85, 86, 87, 92, 265, 266
Исфандийар 130, 170, 178, 236
Исфандийар-султан, сын Джанибек-султана 88

Исфандийар-султан, сын Хусрав-султана 88
Йа'куб, эмир 82
Йакут 128, 271
султан Йар-бий 211, 214, 224
Йар-бий дурман 187, 223
Йар-Ахмад Исфахани 266
Йар-Мухаммад аталык 125, 152
Йар-Мухаммад-султан, сын Джанибек-султана 88, 157
Йулдуз-хан 61
Йунус-хан, сын Вайс-хана 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 267, 268
Йусуф (Иосиф Прекрасный) 34, 43, 183, 245, 246, 261
Йылдырым Байазид 95, 267

Каанбай 76
Кабул-хан 68, 69, 71
Кавус 32, 261. См. также Кайкавус
Кадирберди-бий найман 135
Кадирберди кушчи 206
Кадирберди ибн эмир Каримберди дуглат 95
Кази-хан имам, муджтахид 74
Кайаниды 190, 261, 264
Кайду-хан 68, 71
Кайкавус 261
Кайкубад 83, 261
Кай-Хосров 62, 264
Камар ад-дин 93, 94
эмир Канбар 82
Канбар Али-бий 88
Кара кутвал 142
Караджар нойон 95
Каракуз-бегим 102
Кара-Кул Ахмад-мирза 96
Кара-хан 19, 48, 49, 50, 51, 56, 57, 58
Каранут 66
Каримберди дуглат 100
Каримберди кунграт 98
Касим Кухбур 86
Касим-султан 254
Касим-шейх 134
Касим ибн Мухаммад ибн Абу Бакр Сиддик 111
Кебек-султан 87, 88
Кийан 64, 65
мулла Килдиш маджар 171, 179
Килинкиут (у Рашид ад-дина Уряут Килингут) 67
Кипчак 59
Кирмани 121
Кистилик 67
Кистин-Кара-султан 20, 88, 155, 266
Киюк-хан, сын Диббаукуй-хана 48
Клыч-Кара-султан ибн Кистин-Кара-султан 20, 88, 150, 152, 153, 154, 155
Кокэчу 67
ал-Кубави см. Абу Наср Ахмад ибн Мухаммад. . .
Кубай-шире 66
Кубилай нойон из племени барулас 69
Куджар йасаул 232
Куз-хан 48, 50
Кук-хан, сын Огуз-хана 61
Кукбури-султан, сын Пулад-султана 79
Кулбаба кукельташ 43, 171, 177, 232, 241, 242, 262
Кун-хан, сын Диббаукуй-хана 48
Кун-хан, сын Монгол-хана 48
Кун-хан, сын Огуз-хана 61, 63, 264
Кунклиут 66
Кункутан 67
Курак бахадур 179, 240
Куралас 66
Курбан-шейх 210
Кутлук-ханум, дочь Махмуд-султана 104
Кутлуг-Нигар-ханум, дочь Йунус-хана 100
Кучик оглан 135, 136
Кучкунджи-хан 79, 80, 82, 86, 87
Кучум-хан 87, 92. См. также Кучкунджи-хан

Латифа-Султан-бегим 76
Лерх П. И. 4

Маджд ад-дин Багдади 112, 270
Мамаджук-бий дурман 203
Мамак-султан 85
Ма'мун, халиф 220, 276
Мансур-мирза, сын Кадирберди-бий наймана 135
Марьям (Мария) 68
Мас'уд-мирза, сын Махмуд-мирзы 81
Матлаб, сын Хамзы-султана 76
Маулана Мир Мухаммад 8
Маулана султан Махмуд табиб 248
Махд-и Улйа-султаним 229
Махди, сын Бурундук-султана 76
Махди-султан 76, 80, 82, 85
Махмуд-мирза, сын мирзы султана Абу Са'ида 76, 82, 100
Махмуд-султан, сын Сулайман-султана 88, 203
Махмуд-султан, сын Шах-Будаг-султана 79, 80, 81
Махмуд-хан 19, 101, 102, 103, 104, 105, 268
Махмуд-хан Кашгари 88
Махмуд-хан, сын Суюргатмиш-хана 95, 267
Махмуд-ходжа-хан 76
Махтум-ханум 95
Мехди 49, 263
Минучихр 211, 275
Минучихр-мирза 78
маулана Мир 259
Мир Абу-л-Бака 213
Мир Мухаммад-шах, сын эмира Худайдада 96
Мир Савинчи 7, 10, 16. См. также Мир Саййид Мухаммад
Мир Саййид Мухаммад, известный как Мир Савинчи 6
Мирак туркмен 96
Мираху см. саййид Хаванд Бухари
Мирза Ака, сын Саййидим-бия 21, 212, 213, 224
Мирза Хайдар 19, 267, 268. См. также Хайдар-мирза Кашгари
Мирзаев Садык 5
Мирхонд 19. См. также Эмир-хан, сын Саййида Хаванда
Мисар-улук 66
Михр-Нигар-ханум 100
Могол-ханум, прозвище Айши-Султан-ханум 85, 104, 266
Монгол (Монгол-хан) 48
Му'авийа 276

Мугира Шуʿба 220, 276
Мулла Арши 8, 9
Муниров К. 5, 6, 7
Мунка-Тимур-хан 76
Мурадов А. 14
Муса (Моисей) 34, 245, 261
Мутриби-и Самарканди 7, 8, 9, 11
Мухаммад (пророк) 18, 29, 30, 31, 34, 47, 84, 91, 106, 107, 108, 109, 111, 114, 117, 118, 120, 184, 224, 241, 242, 245, 246, 259, 260, 261, 263, 265, 276, 278
Мухаммад ибн Кайд 220
Мухаммад ибн Сахм 220
Мухаммад ибн Сулайман Караханид 277
мулла Мухаммад Аттар 98
Мухаммад-бай катаган 16
Мухаммад Бакир 111
Мухаммад Берке 78
Мухаммад Гани 15
Мухаммад Джаʿфар Хусайни 269
Мухаммад Джуки, сын мирзы Шахруха 94
Мухаммад Ислам 140, 252. См. также Ходжа Ислам
Мухаммад-Йар аталык 14
Мухаммад-Йар катаган 22
Мухаммад-Йар-мирза 177
Мухаммад-Йар-султан ибн Суюнч-Мухаммад-султан 20, 21, 79, 132, 135, 137, 163
Мухаммад Йусуф мунши 16
маулана Мухаммад Кази 101, 109, 110, 112, 268
Мухаммад-Кули-бий аталык 233, 240
Мухаммад-Мурад аталык 233
Мухаммад-Мурад ибн эмир Йарук 239
Мухаммад-Рахим-султан, сын Убайдулла-хана 20, 79, 135
Мухаммад-Риза 224
шейх Мухаммад-Садик 162, 163, 273
Мухаммад-султан, сын Абу-л-Хайр-хана 70, 170
Мухаммад-Тимур-хан 86, 92
Мухаммад-хан, сын Хизр-Ходжа-хана 94, 267
Мухаммад Хорезмшах 264
Мухибби, псевдоним Кулбаба кукельташа 262
маулана Мушфики 217, 218, 251

эмир Наджм (Наджм ад-дин Сани, почетное прозвание Йар-Ахмада Исфахани) 87, 266
Наджм ад-дин Али ибн Омар ал-Казвини ал-Катиби 276
Наджм ад-дин Кубра, Ахмад ибн Омар ал-Хиваки 19, 74, 264, 265
мирза Надир-бий ибн Шахим-бий 16, 17
Надир-Мухаммад-хан 16
Назар-бий 214
Назар-бий ибн Баки-бий найман 187, 223
Назар-мирза, сын Тугбаш-бия кераита 142
Накш-и Джахан-хан, сын Хизр-Ходжа-хана 94
Нарин 69
Наршахи см. Абу Бакр Мухаммад ибн Джаʿфар ан-Наршахи
Наудар 207, 275
Науруз-бий кушбеги катаган 135, 142, 224, 232
Науруз-Ахмад-хан ибн Суюнч-Ходжа-хан 132, 135, 136, 156, 157, 162, 163, 164, 170, 171, 180, 187, 189, 190, 192, 196, 197, 208. См. также Борак-хан
Нахли (Хафиз-и Таныш) 5, 7, 246
Нахли (придворный поэт Имам-Кули-хана) 5, 6, 9
маулана Низам Муʿаммаи 213
Низам ад-дин Йаʿкуб ибн Осман ибн Махмуд ал-Газнави ал-Чархи 110, 111, 269, 270
эмир Низам ад-дин Ниʿматулла, известный как эмир Халифа 229
Низам ад-дин Ходжа Исфахани, Фазлаллах ибн Рузбехан 13, 91, 266
Нукуз 64, 65
шейх Нур ад-дин ибн эмир Сар-Бугай кипчак 94, 267
кази Нур ад-дин Мухаммад 10
Нур-Мухаммад-султан, сын Джанибек-султана 88
Нур-Мухаммад, сын Хамзы-султана 76
Нурум 76
Нух (Ной) 18, 46, 47
Нуширван (Анушируан) 141, 246, 272

Огуз-хан 13, 19, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64
Олкулут 66
Омар, халиф 30, 31, 88, 220, 221, 261
Омар-шейх, сын Абу Саʿид-мирзы 81, 100, 101, 102
Он-хан 67, 73
Осман, халиф 30, 31, 88, 220, 261, 276
Оэлун-фуджин 72
Оэлун-энкэ см. Оэлун-фуджин

Падишах-Мухаммад-султан, сын Пир-Мухаммад-хана 88
Пайанда-мирза, сын Таниш джалаира 166
маулана Пайанда-Мухаммад 259
Пайанда-Мухаммад-султан, сын Джанибек-султана 88
Пайанда-Мухаммад-султан, сын Дин-Мухаммад-султана 229
Пашанг (Пашан) 90, 188, 193, 266
Пир-Мухаммад-султан, сын Сулайман-султана 88
Пир-Мухаммад-хан, сын Джанибек-султана 20, 21, 22, 88, 112, 132, 137, 142, 153, 156, 157, 160, 161, 162, 183, 190, 191, 192, 231, 233, 234, 239, 240, 241, 242, 243
Пир-Ходжа Кунджи 98
Пиш-Абдал-бий 205
Пишдадиды 261, 271
Платон 248
Пулад 76
Пулад-султан, сын Тимур-султана 79, 87
Пуладчи 93

Рабиʿа-Султан-ханим 76
Рабиʿат ас-Сугди 220
Раджаб-бий 224
Расулов А. 16
Рашид-султан (хан) 180, 223
Рашид ад-дин 13, 19, 48, 75
Рудаки 47

Рустам 73, 88, 130, 132, 135, 142, 165, 167, 170, 174, 188, 197, 235, 264, 273
Рустам-хан, сын Джанибек-султана 13, 88, 132, 135, 164, 165, 167, 168
Рьё 11, 24

Савиндук пахлаван минг 142
Саʿди 261
Саʿид-султан (хан) ибн Абу Саʿид-хан 20, 21, 136, 156, 162, 163, 169, 170, 171, 175, 177, 178, 179, 180, 197, 223
Саʿид-Баба, сын Абу-л-Хайр-хана 79
ходжа Саʿид Абу-л-Хайр Мухаммад Рашиди 48. См. также Рашид ад-дин
Саййид Атаи 85
Саййид Ашик 82
Саййид-бий 213
Саййид-заде 225
Саййид и Зинда Али ал-муфти ибн Ходжа Мир Хусайни ал-Касими 7
эмир Саййид Кулал 110, 269
Саййид Мухаммад-султан 82
Саййид Мухаммад-султан, сын Кебек-султана 88
Сайфиев Н. 5, 6, 8, 24
Салих 245, 278
Салман Фариси 111, 221, 270
Сам, сын Наримана 197, 275
Сам, сын Нуха 47
ходжа Самандар Термези 16
Самʿани 269
Саманиды 47, 220, 222, 263
Санджар 207, 222, 275
Санджар-султан, сын Абу-л-Хайр-хана 79
Санкур 68
Сара (Саба) 73
Сари-Ходжа-бий 202
Сартак нойон 73
Сархун аталык 135
Сасаниды 47, 263
Сатук-хан 95, 96, 267
Сатылган-бий 164
Сельджуки 275
Семенов А. А. 7, 266
Сефевиды 265, 266
Сиддик (халиф Абу Бакр) 30, 88, 111, 261
Сийавуш 221, 277
Субхан-Кули-хан 16, 17
Сузандж-султан 76
Сулайман (Соломон) 29, 34, 39, 55, 88, 121, 127, 131, 133, 142, 154, 162, 164, 170, 176, 181, 196, 217, 239, 244, 253, 271
Сулайман-султан, сын Джанибек-султана 88, 164
Султан-Мухаммад Танбал 88
Султан-Нигар-ханум 100
Султан Хусайн, Абу-л-Гази 78, 82, 265
Суюнч-Мухаммад-султан, сын Кебек-султана 88
Суюнч-Мухаммад-султан, сын Шейбани-хана 79
Суюнч-Ходжа-хан, сын Абу-л-Хайр-хана 79, 82
Суюнчик-хан (Суюнч-хан) 80, 86, 87, 92
Суюргатмиш-хан 95, 267

Таваккул-бий дурман 178, 179
Тайджу гуракан 66
Таййиба-султаним 76
Так-хан 61
Тангри-Берди оглан 173, 179
Тангри-Кули хитай 186
Тандуруст-бий дурман 206
Таниш-бий джалаир 171, 172, 232
Таниш-бий кушчи 135
Тардика-хан кушчи 171
Татар 48
Тахир-султан 254
Тахмасп 13, 92, 240, 266
Тимур 77, 78, 79, 93, 94, 95, 195, 267, 268
Тимур-хан, сын Хамзы-султана 76
Тимур-хан, сын Шейбани-хана 79, 87, 104
Тимур-Ходжа Саййид Атаи 145
Тимуриды 265
Тин-кеши 142
Тин-Саййид-бий джалаир 133, 141
Тин-Саййид-бий карлук 133, 135
Тинай бахадур 177
Тугай-бика Мангышлаки 76
Туглук Тимур-хан 19, 93, 94, 267
Тукзак-бий из племени бишйуз 142
Тулак уйгур 143
эмир Тулак, брат Камар ад-дина 93
Тулуй-хан 67, 73
Тумбинэ-хан (каан) 68, 69, 71
Тумэнэн-хан 71
Тур ибн Фаридун 64, 263
Турди кушбеги 142, 177
Туркан-хатун 59, 264
Турсун-Бабай Сухи 177
Турсун Мухаммад-султан 76
Турум дурман 171, 172, 232, 233, 234
Тусбудай (у Рашид ад-дина Тусубу-Дауд) 66
Тутас диван-беги 150
Тэб-Тангри см. Кокэчу
Тэмуджин (Тимучин) 72

Убайдулла-хан 8, 20, 79, 84, 85, 86, 87, 92, 121, 131, 135, 183, 216, 266
Убайдулла-ходжа, Насир ад-дин 85, 100, 101, 102, 103, 116, 118, 265, 268
Угедей-хан 19, 73, 74
Узбек-султан, сын Рустам-хана 88, 132, 142, 162, 165, 186, 193
Уз-хан 48, 50, 52, 53, 56, 263
Улуг нойон см. Тулуй-хан
Улугбек 79, 95, 96
Улукчин-чинэ 68
Умняков И. И. 4, 5, 11
Ур-хан 48
Урйанкикит Иркил-ходжа 63, 64
Учук (прозвище трех младших сыновей Огуз-хана) 61

Фазлаллах ибн Рузбехан см. Низам ад-дин Ходжа Маулана Исфахани
Факир-султан, сын Бурундук-султана 76
ал-Фараби 262
Фаридун 75, 127, 132, 134, 155, 163, 178, 195, 243, 244, 263, 273
Фарук (халиф Омар) 31, 261
Фархад 15, 17
Фатима 261, 266
маулана Фахр ад-дин Али 102, 268
Фуджин-беги 66

саййид Хаванд Бухари, известный как Мираху 91, 266
шейх Хаванд Тахур, известный как Шейхантаур 102, 268
Хаджадж ибн ал-Ансари 220
маулана Хазири 240
Хайдар (халиф Али) 30, 260
Хайдар-мирза Кашгари 100
Хайдар-ходжа 23, 224, 225
Халик-Мухаммад-султан 203
Халил 29, 245, 260
эмир Халифа из племени ширин 133, 142
Халкман аталык 186
Халкман-бий дурман 186
Хам 47
эмир Хамза, сын эмира Кулала 108, 112
Хамза-султан 76, 80, 82, 85
Хан Джакир нарин 96
Ханзада-бегим 85
Ханзада-ханим 76
Хан-мирза, сын Махмуд-мирзы 85, 100
Харун (Аарон) 31, 261
Харун ар-Рашид 269
Хасан, сын халифа Али 88, 266
Хасан-бек Чагатаи 76
Хасан-Бури бахадур 187, 188
Хасан-ходжа накиб 113
Хасан Ходжа Нисари 6, 8, 266
Хассан, Хассан ибн Сабит 246, 278
Хафиз 8, 9
Хафиз-и Абру 12
Хафиз Нийаз Мухаммад 15
Хафиз-и Таныш 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 32, 37, 261, 265
Хашим-султан ибн Бурундук-султан 76, 156, 164, 193, 195
Хиз-и Хафиз 9
Хизр 34, 44, 110, 111, 228, 245, 262, 273
Хизр-Ходжа-хан, сын Туглук Тимура 19, 94, 267
Хисари-султан 76
Хитай 69
Ходжа Абд ал-Вали Парса 241
Ходжа Абд ал-Халик Гиждувани 110, 269, 270
Ходжа Алау ад-дин, сын Ходжи Маджд ад-дина 107
Ходжа Али Рамитани 110, 269
Ходжа Ариф Ривгари 110, 270
Ходжа Ахмад ибн Ходжа Йахйа 107
Ходжа Ахрар 103, 265, 269. См. также Убайдулла-ходжа
Ходжа Бахрам 15
Ходжа Джуйбари 105, 106, 107, 108, 109, 110, 113, 116, 140, 212, 213, 214, 225, 226, 229, 242, 247, 248, 251. См. также Ходжа Ислам
Ходжа имам Захид Ва'из Мухаммад ибн Али ал-Науджабади 221, 277
Ходжа Захир ад-дин, сын Абу Бакра Ахмада 107
Ходжа Ислам 21, 115, 116, 118, 140, 229, 275. См. также Ходжа Джуйбари
Ходжа Йахйа 107, 108, 109
Ходжа Калан-ходжа 113, 114, 116, 118, 249
Ходжа Маг аталык 233
Ходжа Маджд ад-дин, сын Ходжи Захир ад-дина 107
Ходжа Махмуд Анджир Фа'нави 110, 270
Ходжа Музаффар 107
Ходжа Мухаммад ибн Мухаммад ал-Бухари, известный как Накшбанд 110, 209, 269
Ходжа Мухаммад Ислам, сын Ходжи Тахира 107
Ходжа Мухаммад Йахйа, дед Ходжи Ислама Джуйбари 111
Ходжа Мухаммад-султан, сын Абу-л-Хайр-хана 79, 87
Ходжа-Мухаммад-хан 76
Ходжа Мухаммад Парса 111, 270
Ходжа Мухаммад Шариф Кашгари 99
Ходжа Накшбанд 215. См. также Ходжа Мухаммад ибн Мухаммад. . .
Ходжа Насир ад-дин Абу Наср Парса 250
Ходжа Са'д, сын Ходжи Ислама 250, 251. См. также Ходжа Калан-ходжа
Ходжа Са'д ад-дин Абу Бакр Са'д, известный как Ходжа Калан-ходжа 114
Ходжа Са'д ад-дин Абу Бакр Са'д Сумитани 107, 269
Ходжа Тахир 107
маулана Ходжаги Касани, Ахмад ибн Джалал ад-дин 91, 109, 110, 112, 123, 266
Ходжам-Йар аталык 233
Ходжам-Кули бахадур 177
Ходжам-Кули дивана 149
Хосров (Ануширван) 34, 162, 172, 175, 190, 191, 203, 217, 222, 261, 272
Хосров II Парвиз 34, 261, 263
Худайберди-султан ибн Абу Са'ид-хан 20, 141, 142, 143, 144, 145, 148, 149, 150, 223, 224
эмир Худайдад, сын эмира Пуладчи 93, 94, 96
шейх Худай-Кули 163
Хузайф ал-Йаман 220, 276
Хулагу-хан 276
Хуррам-Шах-султан, сын Шейбани-хана 79, 82
Хусайн, сын халифа Али 88, 111, 266
маулана Хусайн Хорезми 77, 265
Хусрав-султан, сын Йар-Мухаммад-султана 88, 112, 162, 170, 172, 173, 175, 176, 177, 186, 190, 193, 196, 199, 200, 201, 203, 211, 223, 224, 234, 237
Хуши-бий Дираз из племени нукуз 224

Цинская династия 264

Чагатай-хан 19, 73, 74, 75, 76, 93, 267
Чаракэ-лингум 68
Чингиз-хан 15, 19, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 79, 95, 235, 264, 267
Чингизид 267

Шам'-и Джахан-хан 94
эмир Шамс ад-дин 93
Шамс ад-дин см. Абу Бакр ибн Мухаммад ибн Али ибн ал-Фазл Заранджи
Шамс ад-дин см. Джувайни Шамс ад-дин
Шараф ад-дин Али Йазди 12, 19, 93, 97, 267
Шах-Будаг-султан 79, 80, 87

Шах-Дарвиш бахадур 176
Шах-Даулат-бегим 100
Шах-Мухаммад катаган 136
Шах-Мухаммад-султан, сын Бурундук-султана 76
Шах-Мухаммад-султан, сын Джанибек-султана 88
Шах-Мухаммад-султан, сын Пир-Мухаммад-хана 88, 142
Шах-Мухаммад-султан Хисари 138
Шахрух-мирза, сын Тимура 77, 94, 97, 268
Шах-Саййид-бий карлук 135
Шах-Сулайман 22, 231, 236, 239
Шейбан-хан 76
Шейбани-хан 13, 76, 79, 80, 81, 82, 83, 85, 92, 103, 104, 105, 132, 265, 266
Шейбаниды 4, 6, 8, 23, 105, 266
Шейхим курчи 205
Шейх Хайдар-хан, сын Абу-л-Хайр-хана 79
Шир-Али оглан 94, 267
Шир-Мухаммад-хан 94, 267
Ширим-Тугай 86
Ши-цзун 264
Шукр Али, сын Бурундук-султана 76
Шукр-ходжа Саййид Атаи 202

Элиас 268
Эмир-ага (мать эмира Худайдада) 94
Эмир-хан, сын Саййида Хаванда 48. См. также Мирхонд
Эсан Буга-хан 96, 97, 98, 268
Эсан Даулат-бегим 98
Эсан Тайши 19, 95, 99

Яфес оглан (Яфет) 47, 48
Яфет 18

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Азербайджан 81, 95
Ак-тишша 135, 136, 145, 272
Алиабад, курук 198, 275
Алмалык 219, 276
Аму, р. 169, 241
Амударья 20, 22, 98, 263, 265, 272, 273, 275, 277
Амуйа, р. 82, 218, 224, 276
Ангрен, р. 268
Андижан 21, 81, 82, 98, 100, 101, 105, 186, 197, 202
Андижанский вилайет 101
Андхуд (Андхой) 10, 112, 132, 170, 270
Анкара 267
Арканакун 65, 69
Арысь, р. 267
Атил 99, 268
Атлантический океан 276
Аулие-Ата 267, 276
Афаринкент 20, 121
Афаринкентский вилайет 92, 131
Афганистан 265, 270
Ахси 81, 82, 104, 197
Ахсикет 21, 91, 186. См. также Ахси

Баван (Бабан) 271
Багдад 220
Баглан 81, 82, 265
Бадам 267
Бадахшан 12, 22, 81, 219, 231, 265
Бадахшанские горы 204
Бадахшанский вилайет 81
Баласагун 219, 276
Балх 10, 16, 17, 20, 21, 22, 81, 82, 112, 132, 137, 142, 157, 160, 162, 163, 164, 182, 183, 191, 220, 231, 232, 239, 240, 241, 242, 243, 276
Балхская крепость 231
Балхская область 21
Басра 121, 271
Бахр-и Хазар см. Каспийское море
Бенакет 268
Бидана куруги 202, 275
Билад ат-тюрк 219
Булгар 78, 265
Бурдалик 171, 273
Бухара 5, 7, 10, 12, 15, 20, 21, 22, 23, 35, 58, 81, 82, 85, 86, 87, 108, 112, 113, 132, 133, 137, 140, 157, 161, 163, 170, 171, 180, 181, 182, 183, 186, 189, 190, 207, 208, 209, 211, 214, 215, 217, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 229, 234, 240, 241, 242, 243, 244, 253, 254, 255, 266, 269, 272, 273, 274, 277, 278
Бухарская земля 240
Бухарская область 21, 270
Бухарский вилайет 10, 12, 81, 85, 112, 121, 131, 132, 181, 241, 243, 255, 270
Бухарское ханство 12, 23
Бухарское царство 246

Варагсер 274
Вахш, р. 265, 266, 276, 277
Вашгирд, город 221, 277
Волга 268
Ворота Аб в Каракуле 249, 278
Ворота Абу Хафса в Бухаре 211, 275
Ворота Аханин (Железные) в Самарканде 199, 275
Ворота Гурийан (Ках-фурушан) в Бухаре 221, 277
Ворота Ках-фурушан (Продавцов соломы) или Гурийан 221, 277
Ворота Мазарские в Бухаре 275, 276
Ворота Хазрат-и Имам см. Ворота Абу Хафса

Гарджистан 60, 191, 264
Гез 239. См. также Дара-йи Гез
Герат 11, 20, 83, 85, 98, 140, 262, 265, 271
Гиждуван 7, 87
Гиждуванский туман 87
Гисарские земли 195
Гисарские горы 278
Горган, р. 276
Греция 262
Гур 60, 264
Гута Дамаска 121, 271

Дабусия 164, 273
Дамаск 121, 271
Дара-йи Гез (Дарра-йи Гез) 22, 278
Даргам, канал 189, 274
Дашт 132, 157, 162, 186
Дашт-и Кипчак 61, 73, 78, 99, 101, 219, 244, 268
Джадай, р. 68
Джазаир-и Халидат 218, 276
Джам, округ 92, 266
Джамбул 276
Джейхун 73, 82, 85, 132, 133, 141, 142, 143, 144, 163, 164, 171, 172, 183, 189, 191, 192, 219, 220, 221, 233, 241
Джуйбар 242, 251, 252, 278
Джурджанский вилайет 219, 276
Дурбай 187
Душанбе-Курган, 15

Египет 272
Египетское царство 246
Еди Кудук 86, 266
Елан-ути 203, 275

Замин (Заамин) 197, 275
Зарангари, канал 87, 266

Зеравшан 266, 275
Зия ад-дин, сел. 273

Или, р. 268, 276
Индия 5, 12, 246, 265
Ирак 95, 97, 98, 101, 220
Ирак Арабский 83, 98
Ирак Персидский 83, 98
Иран 47, 60, 124, 262, 263, 264, 276
Иранская земля 59, 61
Исфахан 60, 92
Иссык-Куль 96

Йайчи 224
Йезд 97
Йемен 79, 265

Кааба 40, 43, 78, 110, 112, 114, 115, 138, 183, 224, 258, 262
Кабул 85
Казанское ханство 265
Канарские о-ва см. Джазаир-и Халидат
Кандахар (Кандагар) 244
Кан-и гиль 199, 202, 275
Каракуль 21, 87, 100, 185, 186, 224, 266, 274, 278
Каракульский вилайет 249
Кара-Тукай, о-в 99, 268
Кара Сингир-Тукай 268
Кара-Халкум 233
Карангутаг 180, 197, 274
Карнаб 140
Картак 48, 61
Карши 14, 20, 21, 87, 141, 142, 143, 144, 145, 148, 150, 153, 155, 157, 164, 195, 223, 272
Каршинский вилайет 20, 98, 141, 150, 152, 195, 224
Касан 91, 150, 156, 157
Касби (Касба) 14, 20, 143, 144, 145, 149, 150, 151, 223, 232, 272
Касимиййа 221
Каспийское море 219, 276
Каф 130, 165, 271
Кафирниган, р. 265, 277
Кашгар 8, 73, 81, 96, 101, 218, 219, 223
Кашгарский вилайет 98, 180, 244
Кашкадарьинская область Узбекской ССР 272
Келиф 162, 273
Кербела 266
Керки 142, 241, 272, 273
Кермине 20, 21, 22, 91, 92, 131, 139, 164, 192, 244, 274
Кеш 156, 157, 193
Киз-Кудуги 144
Китай 131, 261, 264, 275
Куба (Кува) в Фергане 95, 267
Кул-и Малик (Царское озеро) 86, 266
Кульджа 276
Кумар (Камбоджа) 262
Кунджи, туман 98
Кундуз 81, 82, 265
Кундуз, р. 265
Курук-и Алиабад см. Алиабад
Курук-и Маймург см. Маймург
Куфин, сел. 193, 274
Кухистан на юге Ферганы 104
Кухистан в Бадахшане 239
Кызылкум 266
Лахор 15
Ленинград 7, 15, 16
Лумджикат 220

Мавераннахр 8, 10, 12, 15, 17, 21, 35, 36, 61, 64, 72, 81, 85, 86, 87, 92, 98, 104, 109, 140, 141, 143, 156, 190, 212, 217, 218, 219, 220, 263, 268, 269
Мавераннахрский вилайет 79
Маймург, курук 141, 272
Маймург, сел. 272
Маргелан 267. См. также Маргинан
Маргинан 100, 101
Маргинанский вилайет 100
Матурид, сел. 199, 275
Медина 108, 138, 241
Мединат ас-салам 220
Меймене, город и область 185, 189, 191, 274
Мекка 108, 241, 259, 262
Мерв 83, 85, 225, 229
Мервский вилайет 83
Минг Булак 95, 267
Миankаль 20, 21, 121, 132, 137, 141, 142, 162, 163, 164, 193, 196
Миankальский вилайет 87, 243, 244
Моголистан 19, 93, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 104, 105, 219
Моголистанские земли 96, 97, 98
Моголистанский улус 96
Монголия 68, 72
Мургаб, р. 271

Науджабад, сел. 277
Несеф 141, 142, 144, 146, 149, 150, 153, 155, 162, 163, 164, 222, 223, 224, 272
Несефский вилайет 141, 144, 150, 156, 157, 163, 223, 224
Нил 234
Нишапурский вилайет 108
Нурата, горы 275

Оманское море (Оманский залив) 84, 119, 265
Оренбург 4, 16
Ортак 48, 61
Острушана (Осрушана) 197, 275
Ош 100, 101

Пул-и Сангин (Каменный мост) 85, 266
Пяндж (Куляб), р. 265, 276
Пянджаб 219, 276

Рабат-и Ходжа 189, 274
Рамитан 181, 182, 269, 274
Рамитанский туман 7
Ривгар, сел. 270
Россия 5, 12
Рум 34, 35, 89, 95, 141, 211, 219, 220, 261
Рустам Турлас 78

Саве 60, 264
Савинч, сел. 7
Сагардж 150, 223
Сагарджский туман 14, 224
Сагарджский вилайет 20
Сайрам 21, 101, 186
Самарканд 10, 12, 20, 21, 74, 81, 82, 86, 87, 97, 101, 103, 132, 136, 137, 154, 157, 162, 163, 180, 186, 187, 189,

190, 192, 197, 198, 202, 204, 207, 208, 219, 221, 223, 224, 272, 273, 274, 275
Самранат (Самрат) 221
Санг-и Сабз 244
Сарвистан 199
Сейхун 73, 99, 101, 219. См. также Сырдарья
Симас, сел. 269
Сирия 131, 220
Согд 121
Согд Самарканда 87, 121, 133
Средняя Азия 4, 6, 7, 15, 16, 20, 22, 262, 265, 276
Сумитан, сел. 249, 251, 278
Сурхаб (Куляб), р. 265
Сыгнак 76, 99
Сырдарья 268

Талас 58
Талас, р. 277
Тараз (Талас) 97, 223, 277
Ташкент 5, 7, 11, 20, 21, 82, 86, 100, 101, 102, 103, 104, 132, 136, 137, 186, 202, 253, 254, 268
Ташкентская обл. 273
Ташкентский вилайет 82, 97, 156
Тегеран 264
Термез 82, 219
Термезский вилайет 75
Тигр, р. 271
Тираклик, курук 139
Туран 47, 124, 231, 263
Туранское царство 48, 263
Туркестан, город 20, 81, 85, 86, 94, 99, 132, 202, 219
Туркестан, обл. 72, 78, 99, 132, 140, 156, 186, 219
Туркестанский вилайет 81, 82, 97
Туркменская ССР 272, 273
Турция 6
Тус, округ 270

Убулла, город 121, 271
Уганг, местность 152
Узбекская ССР 272
Уйгурия 220
Уланг-и Радкан (Радканский луг) 105, 268
Ура-Тюбе 21, 186, 197, 275

Фа'нави, сел. 270
Фараб, крепость 21, 169, 171, 172, 173, 273
Фармад, сел. 270
Фарс 97
Фахира (Бухара) 221
Фейзабад в Афганистане 265
Фергана 100, 104, 267, 275
Ферганский вилайет 100

Хадтут 255
Хайат-и хан 95
Хайрабад 266
Хайрабадский округ 266
Хан мазари (Ханский мазар) 102
Харгирд (Харджирд) 92, 266
Хата 97, 267
Хауз-и Бустан-и хан 95
Хиабан, улица 259
Хинд 47
Хисар (Хисар-и Шадман, Гисар) 81, 82, 85, 86, 265
Хисарская область 265
Хисарский вилайет 85
Хитай (Северный Китай) 72, 99, 105, 220
Ходжент, город 21, 97, 101, 105, 186, 202, 219, 268, 275
Ходжент, обл. 156
Хорасан 11, 12, 22, 72, 81, 82, 85, 101, 139, 142, 219, 220, 221, 240, 241, 265, 269
Хорасанский вилайет 83, 92, 97, 98, 138
Хорезм 19, 74, 75, 76, 216, 219, 244
Хорезмийский вилайет 74, 77
Хотан 218, 219, 223, 277
Хузар (Гузар) 153, 272
Хутталян 81, 265

Чарбаг-и Хани 216
Чарджуй (Чарджой) 23, 137, 224, 225, 273, 276
Чарджоуская область 272, 273
Чартак, курук, местность 208, 255, 275
Чач (Шаш) 273
Чашма-йи Казиран 234
Чечекту 185, 189, 274
Чигиль 202, 275
Чимкент 268
Чин 34, 35, 174, 202, 219, 261
Чир, р. 103
Чирчик 103

Шахр-и Ислам 180, 274
Шахрисябз 12, 21, 156, 162, 186, 193, 195, 223, 224
Шахрисябзский вилайет 193, 195
Шахрухия 101, 268
Ши'б-и Баван 121, 271
Шибирган (Шубурган) 132, 170, 241, 270, 274
Шираз 98

Эльбурс 208
Эфиопия 211

Янги Гисар 97. См. также Тараз

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

агач-эри 59, 60
аджам 61
арабы 30, 47, 61, 71, 276
артакан 68
арулат 66, 67

барулас 69
баяут 68
бишйуз 142
будан 69
булгары 265
бурджигин 69, 71
бухарцы 244

джадай-баяут 68
джалаир 73, 142
джурйат 69
дуклат (дуглат) 69, 93, 100
дурлакан, дарликин (у Рашид ад-дина дарлекин) 65, 66, 67, 70
дурман (у Рашид ад-дина дурбан) 68, 69

зенги 61

илдуркин 68
илчэкин 66
инкирас 66
иранцы 254
ит-борак 59

йисут 69

казахи 5, 79, 99
калмыки 93
канглы 59
кара-китаи 277
каранут 66
карлук 60
катаган 142
катакин 68
кераит 142
килинкиут 66, 67
кингит 68
кингият 69
кипчак 59, 60
кият-бурджигин 71
кунгират 65, 66, 73
кунграт 69, 79, 185, 239
кунккутан 66, 67
куралас 66, 70
курчин 67
кушчи 202, 213
кэхэрун 68
кэхэрун-баяут 68

мангут 68
мангыт 75, 79
меркит 73
моголы 79, 94, 97, 99, 101, 102, 103, 104, 267, 268
монголы 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 264

найман 72
нарин (у Рашид ад-дина баарин) 69
нирун 68, 69
нирун-кийат 69
нукуз 224
нуркис (буркис) 69
нуякин 68

олкулут 66

персы 47

румийцы 164, 166, 209, 275

сайджиут 68
самаркандцы 103
сукан 69
суканут 69
сукйут 69
сулдус 67, 68

таджики 61, 101, 192
тайджиут 67, 68, 72
тамим 276
тангут 72
тан-йарук 142, 171
татар 72
татар-кийат 69
тибетцы 72
туранцы 254
турки 275
туркмены 60, 61
тюрки 48, 60, 61, 64, 71, 86, 100, 101, 135, 192, 219, 224

узбеки 219
уйгуры 59, 60, 80, 219
урйанккат 65
урйаут 66
урут 68
утарчи 142

франки 61

хадаркин 69
халаджи 60
хушин 67

чигиль 275
чинас 68
чингишут 69

ширин 142

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

адаб 118, 119, 129, 271
айван 34, 196
анда 69
ариф 107, 108, 109, 112, 113, 140, 269
арк 255, 279
атака 80, 265
аталык 16, 125, 133, 135, 164, 223, 224, 265
ахун 16, 124

бакам 159, 273
барбат 257, 279
бахадур 195
бухархудат 221

вакф 118, 222, 227, 277
везир 48, 63, 64, 125, 229
вилайет 10, 20, 74, 75, 77, 79, 81, 82, 83, 86, 92, 93, 95, 96, 98, 102, 103, 104, 105, 108, 131, 133, 137, 139, 150, 152, 163, 180, 192, 194, 195, 207, 216, 218, 219, 222, 223, 224, 225, 231, 241, 243, 244, 254
гез 201, 275
гитрифи 108, 269
гулям 145, 156, 208, 215, 245

даруга 195
дауди 51, 263
дебир 155, 254
дервиш 91, 92, 102, 106, 110, 115, 116, 118, 140, 223, 246, 254, 255, 257, 258, 262
дервишество 119
джада 267
джахриййа 137, 271
диван (сборник стихов) 9
диван (административный термин) 10, 196, 223
диван-беги 161, 272
динар 28, 243
дирхем 28, 108, 231, 243, 269
душаха 67, 264

зикр 108, 109, 110, 271
зуннар 109, 269

имам 30, 31, 89, 107, 108, 110, 111, 114, 220, 229, 230, 231, 249, 252, 253, 269
инкун 64, 264
ислам 49, 55, 110, 114, 180, 212, 217, 220, 222, 225, 241, 242, 252, 253, 258, 267, 268
иснад 220, 221, 276
истирджа' 251
ишан 101, 102, 106, 107, 112

каалга 87
каан 73, 85
каба 63, 139, 198, 264
кабык 59
кази 10, 191, 215, 220, 221, 231, 259
кайсар 89, 246
калам 129, 271
калимат-и таухид 263
калимат-и шахадат 263
каман-хане 152, 272
каманче 256, 279
канглы 59
канун 256
кесарь 116
кишлак 60
кубравиййа 265
кукельташ 43, 262
курук 139, 255, 272
курултай 61
курчи 85, 266
кутбиййат 109, 269
кутвал 142, 272
кушбеги 142
кыбла 41, 78, 85, 102, 109, 110, 115, 120, 183, 224, 249, 258, 262

лакаб 46, 262
лингум (линкум) 68
лотос крайнего предела 28, 47, 72, 131, 163, 241, 245, 260

мавлави 97, 98
маг 220
мазар 7, 102, 209, 223, 228, 249, 250, 268
макам 263
макат 128, 271
ман 218, 276
ма'рифат 109
махалла 95, 103, 267
меджлис 50, 194, 251, 257
медресе 46, 118, 225, 226, 258, 259
минбар 191, 274
мирза 76, 96, 97, 98
мискаб 49, 263
мискаль (мискале) 34, 261
михаффа 229, 277
михраб 41, 262
му'амма 97, 100, 213, 267, 268
муджтахид 74, 107, 108, 264
му'из ад-даула 245
мунши 155
мурид 109, 229
муршид 229, 252, 277
мусикар 42, 262
мутакариб 9
муфти 77, 191, 207, 265
мухрдар 228, 277

нава 263
навваб 233
накиб 113
накибство 113
накшбандиййа 114, 265, 266, 269, 270
насх 128
науруз 42, 139, 262
нойон 81
нукер 73, 239

оглан 100
орга́н (урганун) 42, 262
орда 75

падишах 34

рабат 222
раис ал-мулк 245
рубаб 51, 263
руд 217

саз 44, 162, 217, 262, 273
саййид 31, 85, 91, 110, 111, 113, 118, 140, 142, 145, 191, 215, 230, 245
сардаба 222, 277
сахиб диван 220
союргаль 150, 223, 272
султан 20, 22, 32, 34, 35, 43, 46, 80, 81, 82, 85, 86, 87, 92, 104, 106, 111, 115, 126, 127, 129, 130, 131, 136, 137, 140, 146, 148, 153, 154, 155, 162, 164, 172, 177, 178, 179, 180, 181, 186, 187, 190, 193, 197, 198, 200, 201, 203, 205, 206, 207, 208, 211, 216, 224, 225, 234, 235, 239, 241, 244, 246, 252, 267, 272, 273
султанство 120
сунна 98
суннит 83, 86, 107
суфар 238, 278
суфий 107, 111, 113, 116, 119, 134, 219, 258, 262, 265, 266, 269, 270, 274, 277
суфизм 119, 270

табиб 248
таби‘ун 111, 270
таваджи 134, 158, 235, 272
та‘виз 157, 273
таджнис 41, 262
та‘лик 128, 271
тамга 64, 264
тамбур 257, 279
танха 150, 272
тарикат 46, 109, 110, 111, 114, 212, 229, 251, 262
тарси‘ 41, 262
тархан 67
тауки 128, 271
туба 125, 262
тугра 64, 128, 185, 248
туман (административный термин) 87, 98, 150, 181, 224, 266
тура 181, 272
тутия 101, 181, 268

уд 40, 217, 256, 262
улем 13, 46, 77, 91, 98, 118, 140, 181, 191, 215, 220, 222, 227, 231, 245, 249, 251, 258, 259, 262
улус 73, 80, 93, 102, 267
улус-беги 93
устад 220
ушнан 219, 276

факих 111, 220, 270, 276
фарраш 216, 237, 247, 255, 278
фарсах 161, 180, 219, 222, 228, 256, 272, 274
фатиха 89, 113, 134, 140
фетва 98, 259, 268
фуджин 72

хадим 96, 98, 104, 244, 253
хадис 39, 40, 78, 91, 106, 107, 108, 111, 121, 124, 169, 183, 185, 210, 220, 221, 246, 261, 276, 278
хайзуран 53, 263
хакан 34, 35, 64, 76, 81, 86, 87, 88, 92, 93, 94, 100, 102, 104, 105, 107, 112, 115, 116, 121, 124, 126, 129, 132, 133, 136, 137, 143, 144, 146, 149, 155, 161, 162, 164, 169, 170, 178, 179, 185, 191, 193, 195, 196, 198, 202, 203, 205, 207, 208, 213, 214, 216, 222, 224, 226, 228, 232, 233, 234, 237, 239, 240, 243, 246, 248, 249, 250, 251, 253, 255
хакикат 30, 110, 114, 124, 126, 183, 212, 229, 251, 274
халиф 30, 64, 85, 91, 94, 103, 104, 105, 145, 207, 211, 220, 261, 266, 269, 276
халифа 108, 109, 110, 269, 270
хан 8, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 21, 22, 46, 67, 71, 73, 75, 79, 80, 82, 83, 86, 87, 93, 95, 96, 97, 99, 100, 103, 104, 105, 106, 112, 131, 132, 133, 134, 137, 138, 139, 140, 141, 144, 145, 146, 148, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 157, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 170, 171, 173, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 189, 192, 198, 202, 203, 205, 206, 207, 210, 213, 215, 216, 217, 218, 223, 224, 225, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 248, 251, 253, 254, 255, 256, 258, 259, 262, 266, 267, 273, 274, 275
ханака 46, 118, 206, 226, 227, 250, 252, 253, 262
ханство 20, 87, 95, 156, 272
хара 130, 271
харадж 89, 124, 131, 266, 272
харвар 219, 276
хафиз 8, 30, 245
ходжа 13, 80, 91, 102, 106, 107, 108, 110, 113, 124, 140, 141, 183, 184, 212, 213, 215, 225, 242, 248, 250, 251, 252
ходжа-заде 115
ходжаган 250, 266, 271
худжра 102
хутба 46, 48, 121, 156, 190, 191, 192, 243, 244, 246, 254

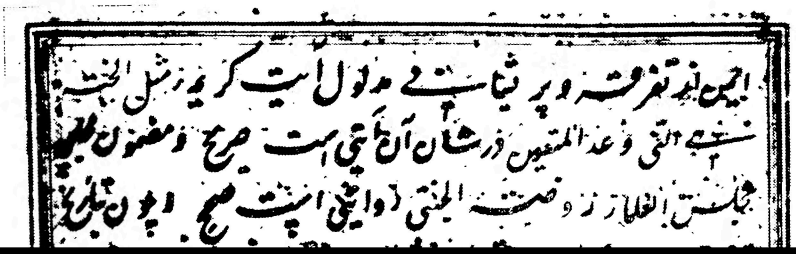
чанг 42, 51, 61, 62, 90, 159, 217, 256, 262
чанин 68
чапар 151, 272
чарбаг 227, 255, 277
чахартак 240, 278
чауш 218, 276
чоуган 50, 115, 130, 131, 178, 246, 263
чинэ 68
чухра 154, 272

шариат 30, 31, 46, 52, 77, 84, 89, 90, 109, 114, 124, 183, 190, 191, 216, 218, 252, 259

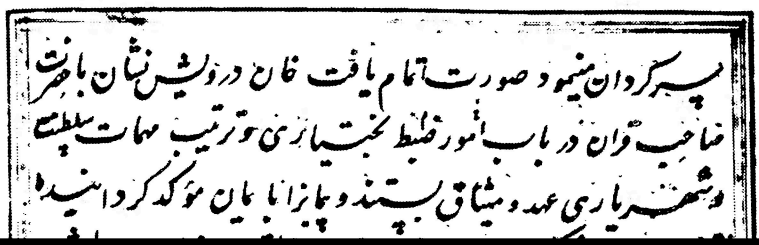
шах 13, 28, 34, 83, 85, 91, 105, 106, 132, 134, 135, 137, 140, 141, 142, 144, 146, 150, 151, 157, 158, 161, 163, 164, 167, 175, 178, 181, 190, 192, 193, 195, 199, 201, 202, 208, 209, 216, 217, 218, 227, 233, 234, 251, 256, 258, 262, 265, 266
шаханшах 10, 47, 89, 141, 148, 197, 198, 239, 245, 246
шашдар 30, 260
шейх 7, 11, 13, 46, 74, 91, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 133, 134, 137, 179, 207, 212, 225, 248, 262, 265, 266, 268, 270, 278
шейх ул-имам 220
шейх ул-ислам 46, 80, 106, 241, 247
шииты 86
эмир 16, 20, 21, 22, 46, 59, 68, 69, 75, 77, 81, 82, 88, 93, 94, 96, 98, 100, 103, 104, 108, 134, 136, 137, 141, 142, 144, 145, 147, 150, 152, 155, 171, 172, 179, 183, 185, 186, 195, 202, 203, 205, 206, 212, 214, 224, 229, 232, 233, 234, 235, 240, 244, 251, 257, 266
эмир ул-умара 95
эмир-заде 212, 213
эмирство 229

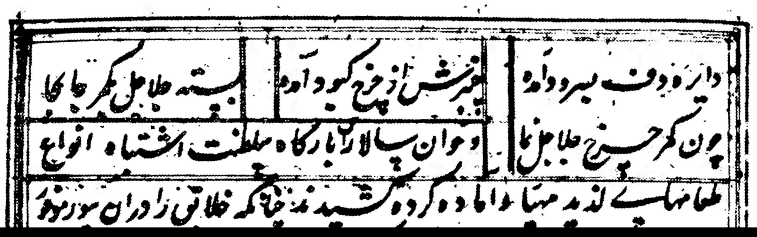
яйлак 60
ярлык 95
ясак 75, 264
ясаул 165, 273

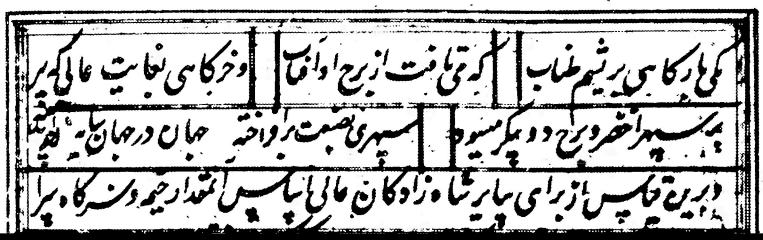
ТЕКСТ

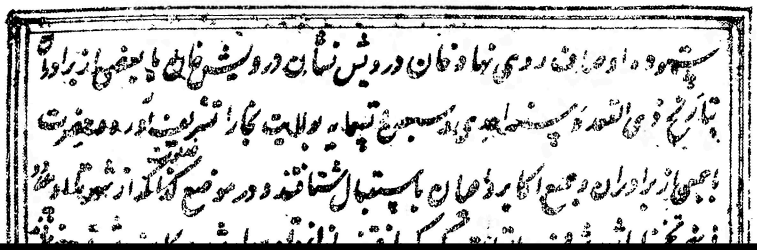


لحظه فلحظه سرسبز و شاداب شد و از صبا اقبال و شمال
عاطفت او در گلشن اسلام هر غنچه روز بهجتی شکفته میگردید
و در چمن زمن بنا بر سحاب مکرمتش هر ساعت نهال افضال

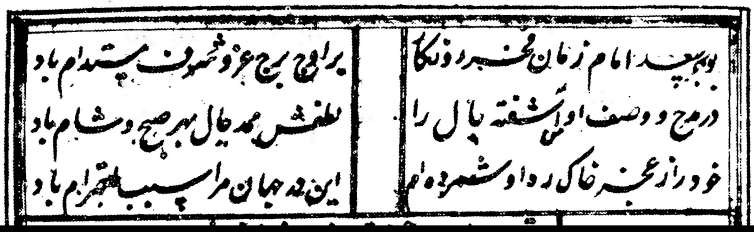




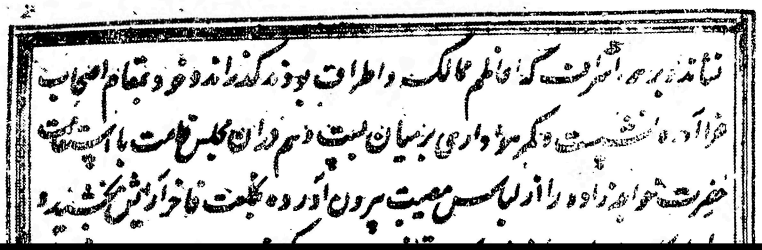


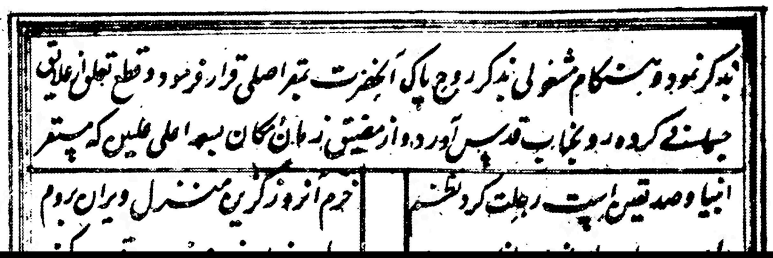


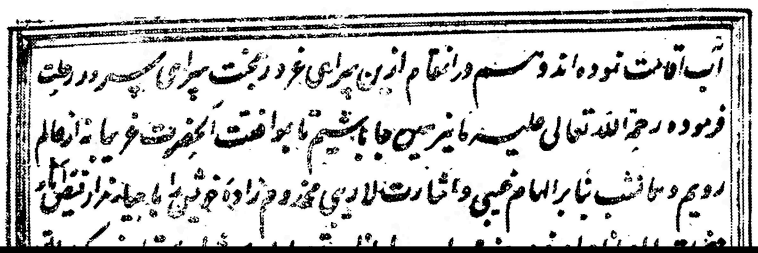
امیر با تائید امیر علی سعید که مدت مدید و عهد بعید جمله الملک آن ولایت بود و تمام
مهام سلطنت بزیور رای و کمر تدبیر او آراسته مینمود بسده رفیع الشان و عتبه کیوان نشان
آمده بکلمات خوب و عبارات مرغوب ادای رسالت و سفارت کرد و بنیاز تمام اظهار

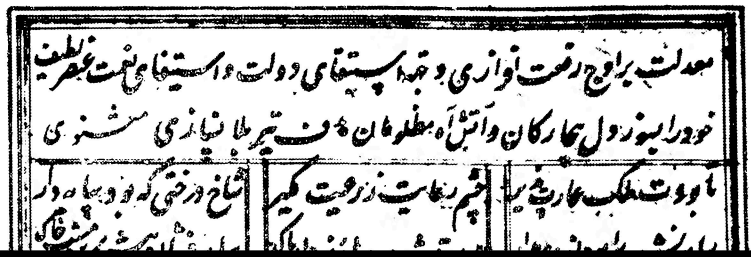


کو آن بانتهای مقاصد رسیدنش | با چشم دل بشاهد مقصود دیدنش
کو آن رمیدن دلش از موجشان وقت | با جلوهٔ جمال ازل آرمیدنش
کو آن پی وصول بسر رشتهٔ طلب | پیوستن دل و ز موانع بریدنش
کو راندنش بعرصهٔ همت سمند قدر | و اندر رکاب پیک سعادت دویدنش
کو رفتنش بطرف حرم سوی خانقه | و ز هر طرف دعای محبان شنیدنش

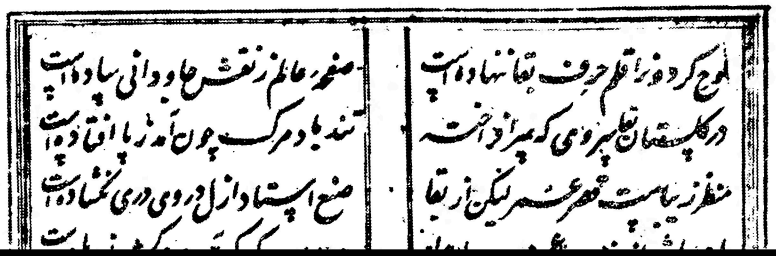


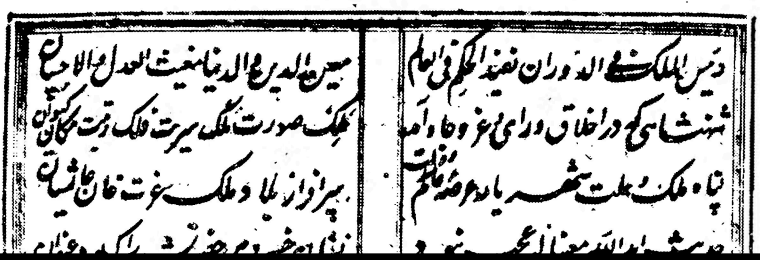


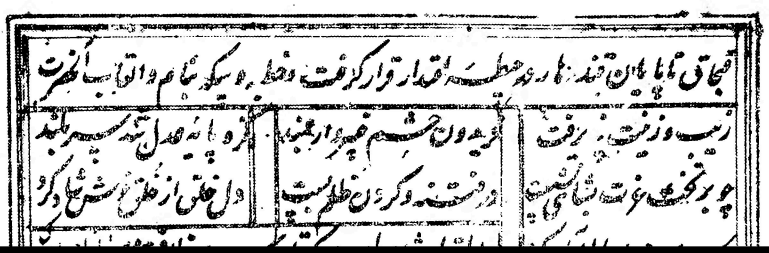


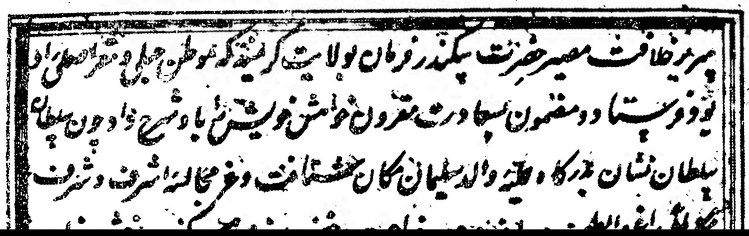


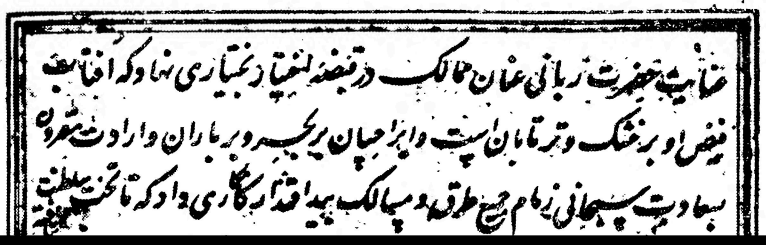
واقعهٔ ناگزیر حضرت عالی مرتبت متعالی مرتبت اختر برج ولایت گوهر درج کرامت
مظهر انوار الهی و مظهر اسرار نامتناهی آنکه مقتدای سالکان قدسی انتباه بود و در
سیر و اخفاء کرامات و امتناع ظهور خوارق عادات از جمیع مشایخ صاحب سعادات

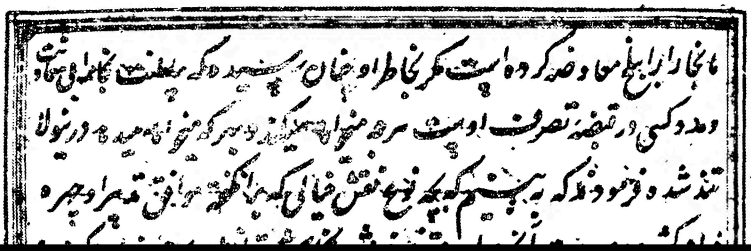


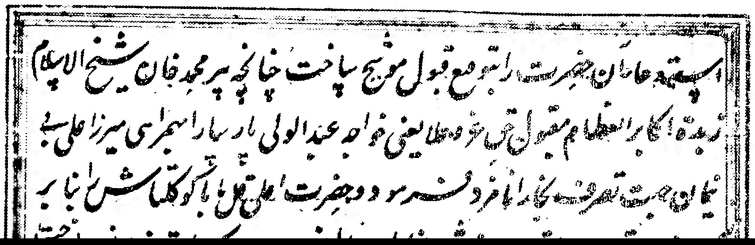


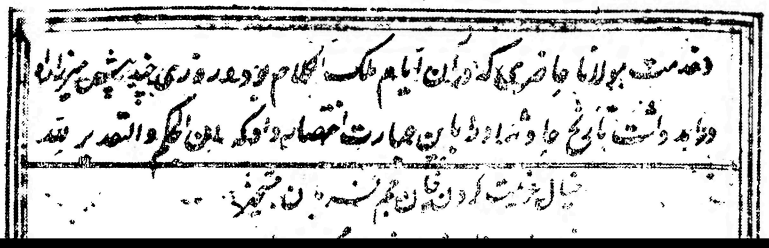


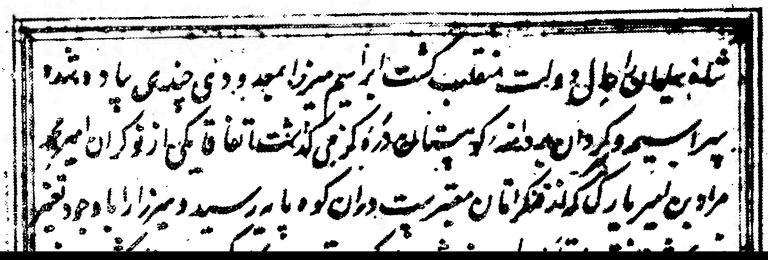


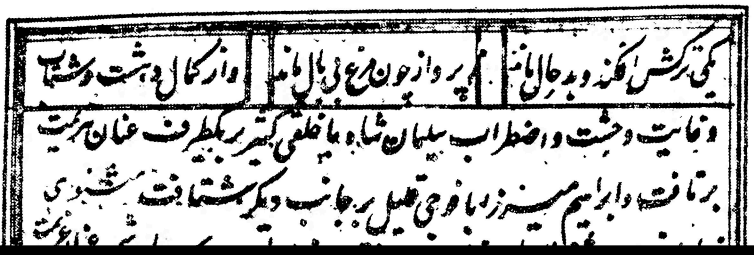








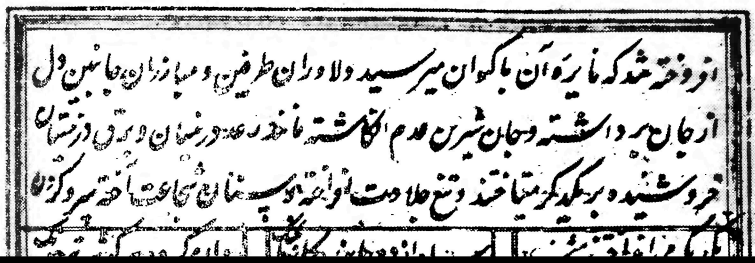


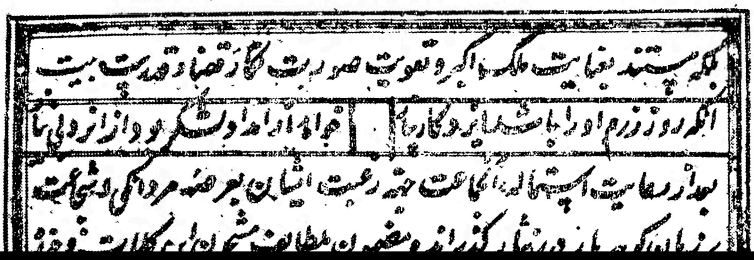


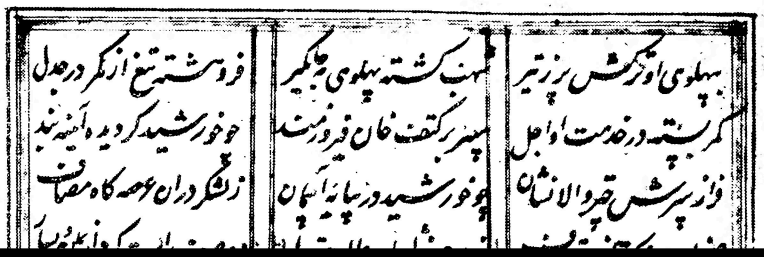
یکی ترکش افکند و بدحال ماند | نه پرواز چون مرغ بی بال ماند | و از کمال دهشت و شتاب

و غایت وحشت و اضطراب سلیمان شاه با خلقی کثیر بر یکطرف عنان هزیمت

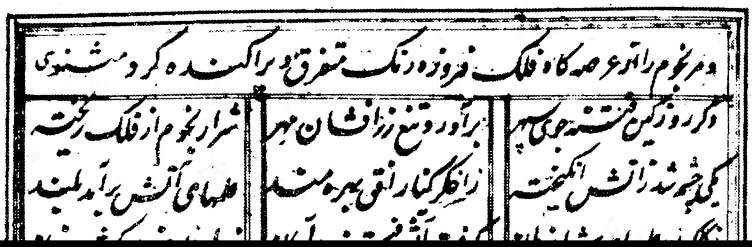
برتافت و ابراهیم میرزا با فوجی قلیل بر جانب دیگر شتافت مثنوی

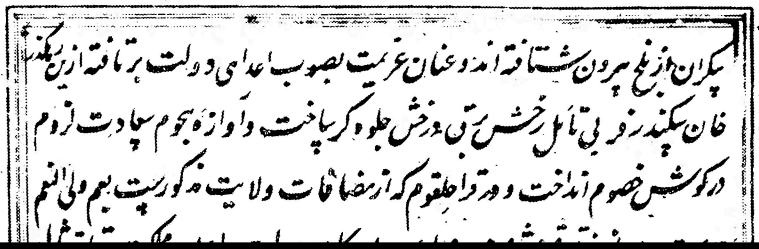


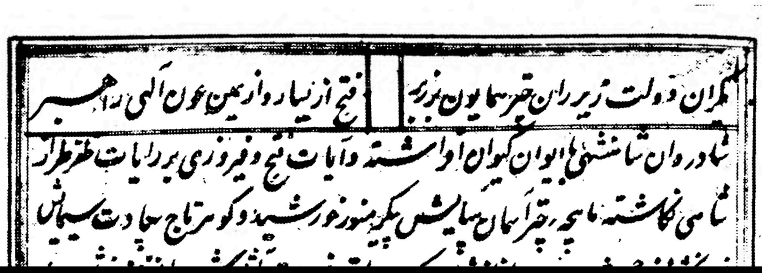




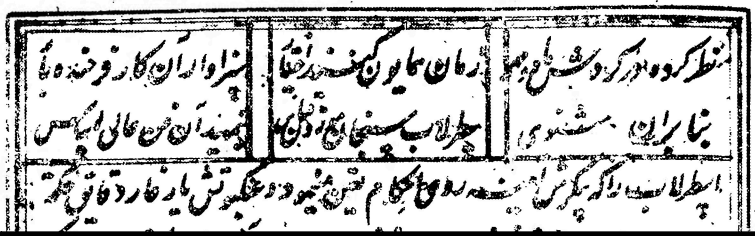
بپهلوی او ترکش پر ز تیر | نهب گشته پهلوی جاگیر | فرو هشته تیغ از کمر در جدل
کمر بسته در خدمت او اجل | سپر بر کتف خان فیروزمند | چو خورشید گردیده آیینه بند
فراز سرش چتر والا نشان | چو خورشید در پایهٔ آسمان | ز لشکر دران عرصه گاه مصاف

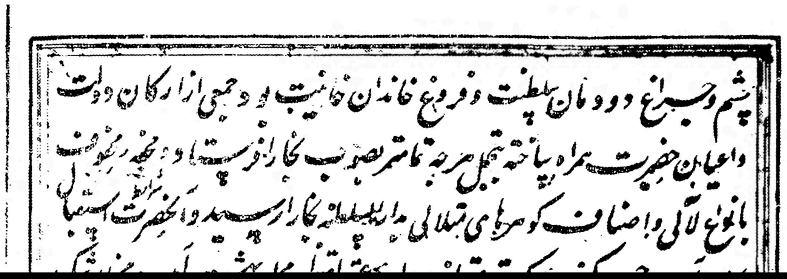


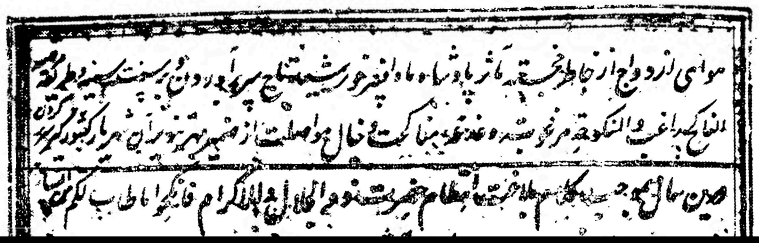


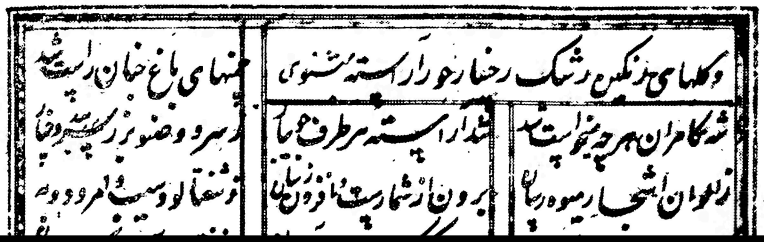


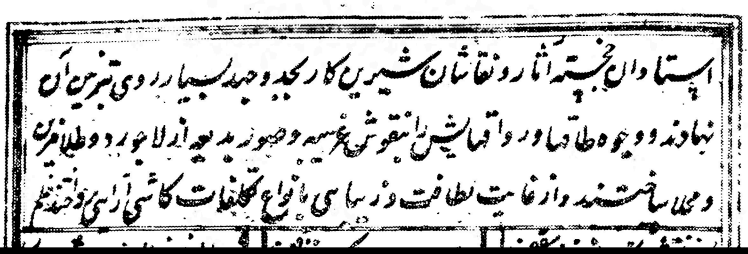
از آسیب حوادث ایام در زمان آن بخت نافرجام نسبت بخواص و عوام در تمام آن ولایت
خیر انجام راه یافته بود متوجه ساخت و رسوم محدث و بدعتهای ناخوش چون آثار ظلم و
تعدی از عرصهٔ گیتی برانداخت درینولا ناگاه از بلخ از پیش عم آنحضرت پیر محمد خان کس

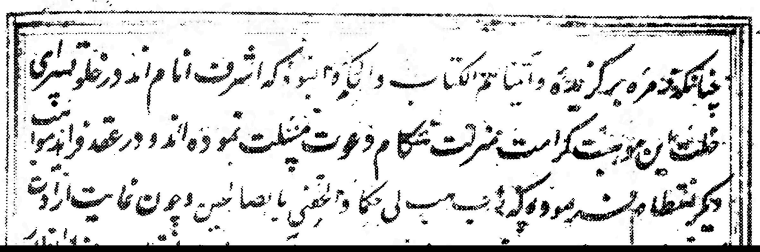


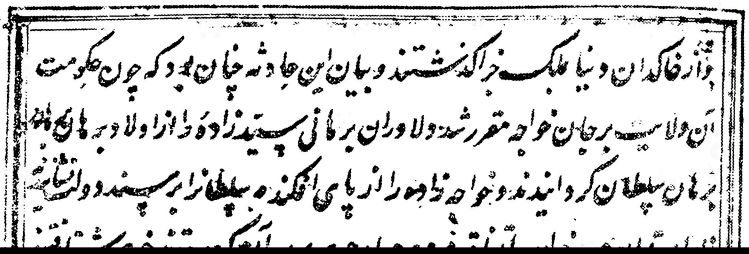


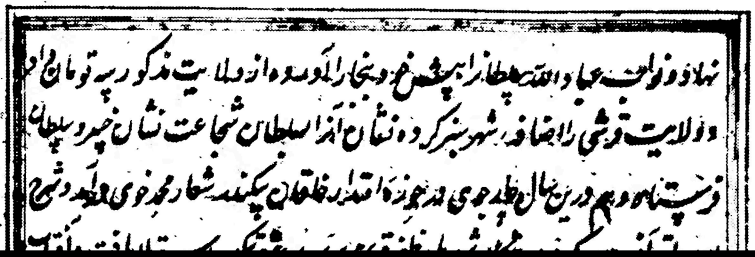


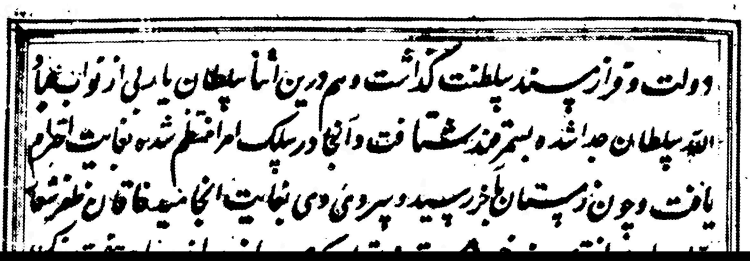




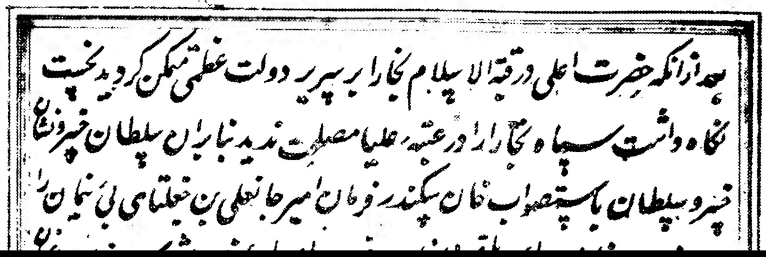




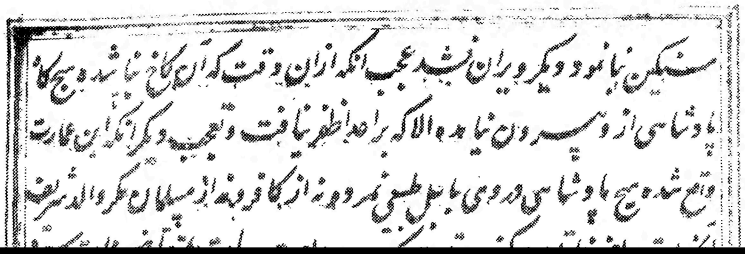


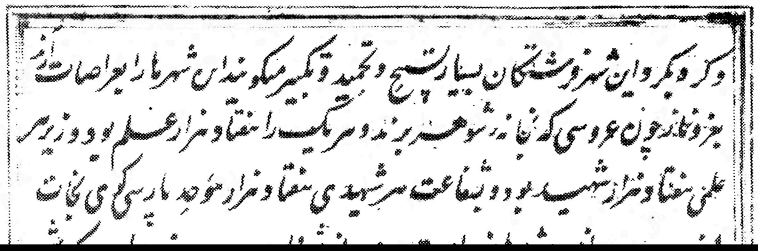


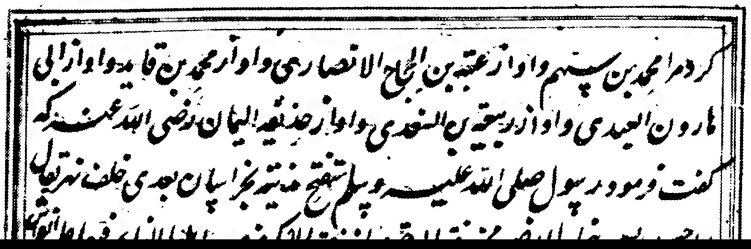
دولت و وزارت پسند سلطنت گذاشت و هم درین اثنا سلطان یادگار از نواب غفران
الله سلطان جدا شده بسمرقند شتافت و آنجا در سلک امرا منتظم شده بغایت احترام
یافت و چون زمستان باخر رسید و سپروی دی بغایت انجامید فاقان ظفر شعار

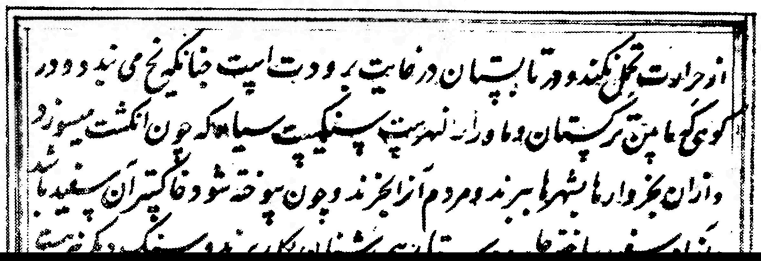


بعد ازانکه حضرت اعلی در قبة الاسلام بخارا بر سریر دولت عظمی تمکن کردید نخست
نگاه داشت سپاه بخارا را در عتبه علیا مصلحت ندید بنابران سلطان خیرو شاه
خیرو سلطان با ستصواب خان سکندر فرمان امیر جانعلی بن خیلتای بی نیمان را

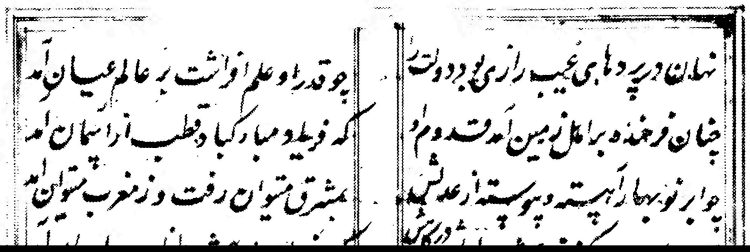


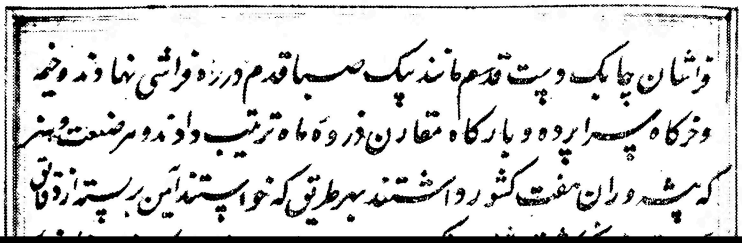






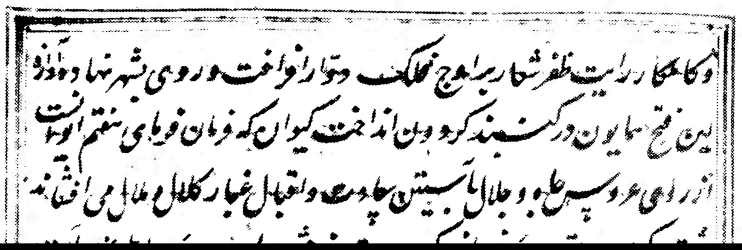
ماوراءالنهر صد و پنجاه و دو درجه و چهل و پنج دقیقه باشد تقریبا و بعضی مملکت
ماوراءالنهر را میان هر آب که یکی آب جیحون و دیگری آب سیحون است تعیین نموده اند
و در بیان حدود و آن چنین تعیین فرموده اند که نخست حد شرقی آن از آن طرف که
مایل بجنوب است موضع پنج آب است و کوهستان بدخشان و آن طرف بشمال متصل است
ولایت کاشغر و ختن تا حدود مغولستان است و زمین انجا نیز داخل آنست و رود

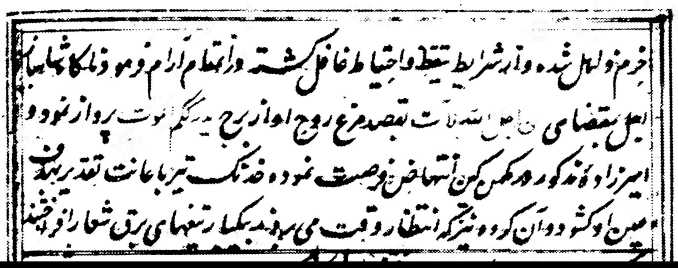




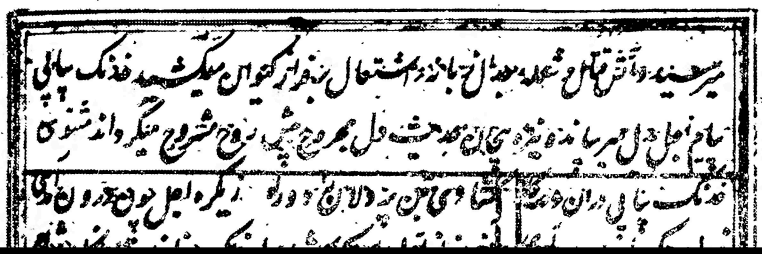
گشته مضمون آیت فانظر الی آثار رحمة الله کیف یحیی الارض بعد موتها بر زبان آوردند و بی شائبه
تکلف و سخنوری و حایله تصلف و مدح گستری مردم بخارا را آن روز مانند عید سعید
بود و بسان ایام نوروز خرم و فیروز مینمود مثنوی جهان کهنه از نو زندگی یافت
ز فر طلعتش فرخندگی یافت و چون عنایت خداوندگار عرصه آن دیار را چندگاه
جولانگاه خاقان جمشید جاه گردانیده بود لاجرم بار دیگر خورشید عز و اقبال سایه

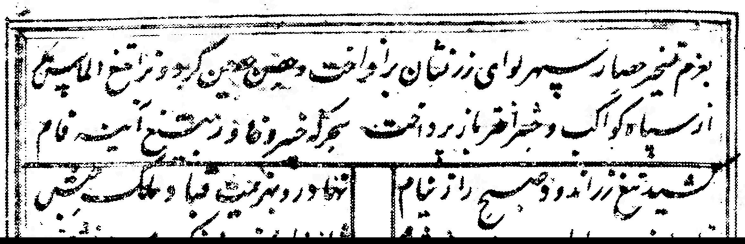
5



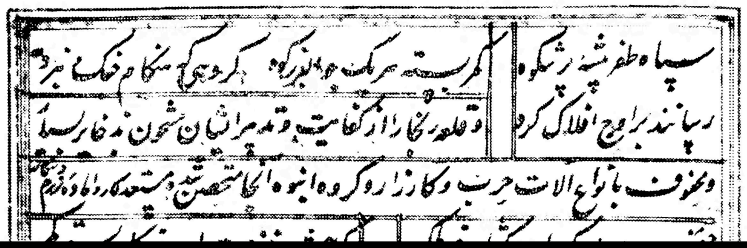


مهر سپهر حقیقت سپهر مهر طریقت شیخ الاسلام والمسلمین وارث الانبیاء والمرسلین
مقتدای راه هدی یعنی حضرت میر ابو البقا برسم شفاعت متوجه درگاه کیوان منزلت
گشت و خاقان جم مرتبت بعد از اطلاع بر مقدم شریف آنحضرت قدم ارادت در وادی





تفنگ زنده فیلان جنگی بدست | بخرطوم در جلوه پیلان مست | واز خان با فر و هنگ جمعی از
سپاه نهنگ آهنگ رخصت جنگ یافته از غایت نام و ننگ عنان جهانگشایی بدست حزم
دادند و بر سمند کوه وقار باد رفتار آب سیر آتش کردار سوار شده بسلاح تمام رو بجانب

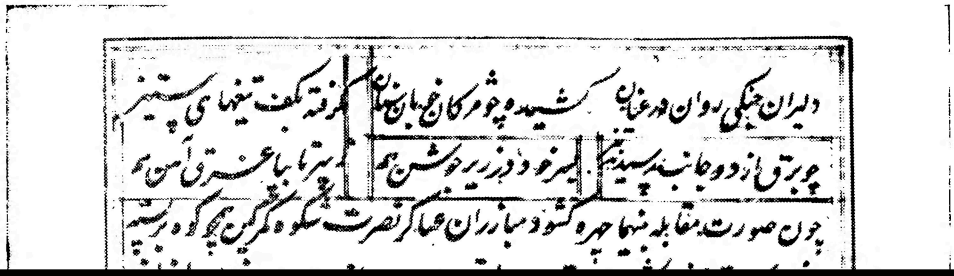


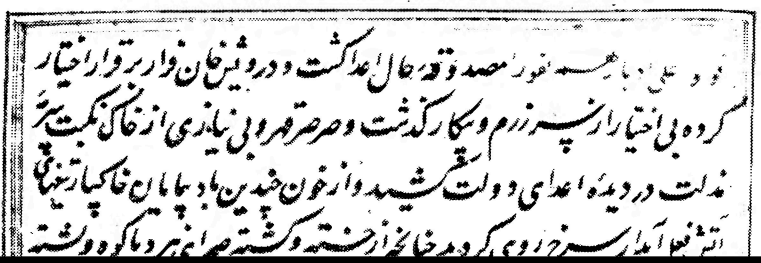
عالم اراده فرماید که چمن ولایتی و گلشن ناحیتی را بآب عدالت و چشمهٔ رعایت جمشید
درایتی تازه و خرم سرسبز و شاداب سازد و اول خار تعرض و تغلب اهل عناد و خاشاک
تمرد و طغیان ارباب فساد از صحن گلزار آن بتیغ ظفر نشان براندازد و مثنوی

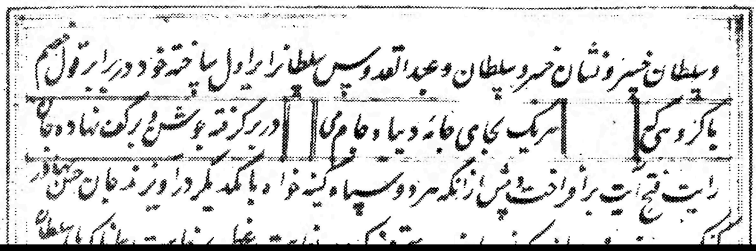
ای آفتاب منزلتی کز ره کمال
ماه سریع سیر ترا رهبر آمدست

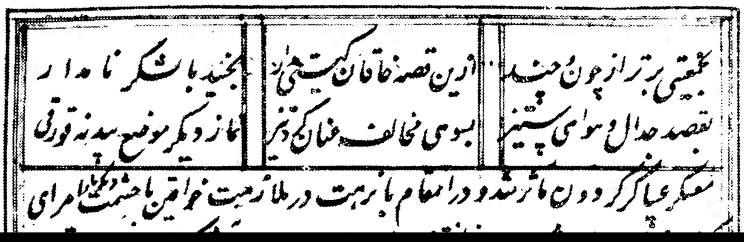
امروز آن دو صف که تو نو بر دریده
تاریخ صد هزار صف نو در آمدست

یکی چو بکی بزم تو بهرام چوب شد
یک ترک نوبتی درت سنجر آمدست

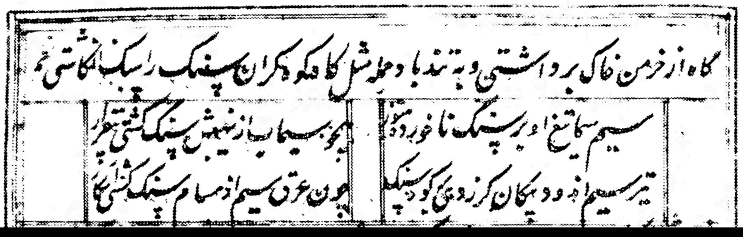




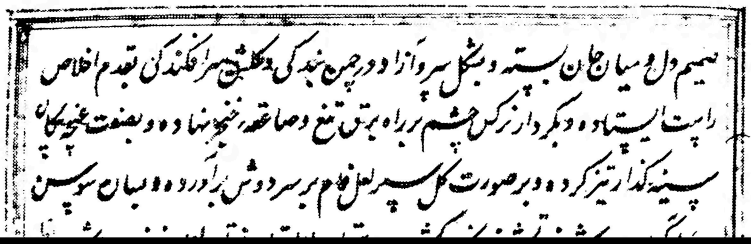


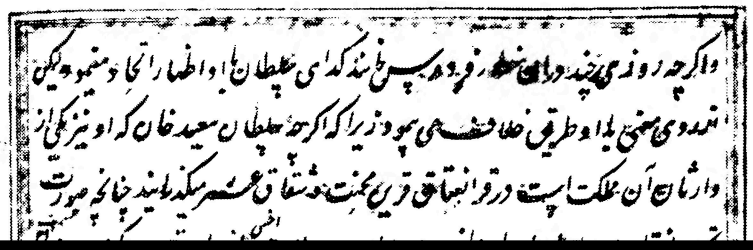


در و بوادی فرار آورده بحصار شتافتند و سلطان ظفر نشان خوش دل و کامران عنان
مراجعت منعطف ساخت و لوای فیروزی انتما بر ذروهٔ سما و اوج فلک خضرا برافراخت
و روز سیوم سه سلاطین کوچ کرده کنار خندق مخیم نزول جلال ساختند و آوازهٔ تهلیل



از درون شهر دو پسر سلطان از دروازهٔ آهنین با خلقی بسیار از پیاده و سوار چون قطار
امطار و اوراق اشجار و افواج امواج بحار بعزم زرم و پیکار بیرون تاختند و در مجاری بسیار
منصور جلادت نموده و اظهار شجاعت فرموده بازوی مجادله برافراختند





ظاهر و باطن خویش را بزیور و آرایش عدالت و زیب و آسایش رعیت بیارای و قوی و ضعیف را در
قبضهٔ معدلت مساوی دان و همواره رایت ظلم و آیت جور مطموس و منکوس گردان مثنوی

عدل که سرمایهٔ شاهان بود	مرتبهٔ مرتبه خواهان بود	چون تو در آن مرتبه داری نشست

اضطرار روی ازان دیار برتافت و سراسیمه وار بحسرت بسیار بوطن مألوف یعنی
جلگای حصار شتافت و بحضرت صاحب قران ظفر سمعان فتح از پی دوان تسخیر
ولایتی آنچنان نمود و بشکرانه این عطیه جبین ضراعت بر زمین استکانت سود بر ضمیر خورشید
تنویر ارباب عقل و خاطر دانش پذیر اصحاب علم و فضل [illegible] مستور نخواهد بود که واقعه تسخیر

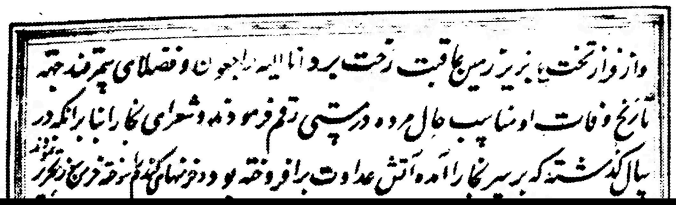
مانده سر خویش بخواب فراغ | آتش غفلت همه بر سینه داغ | تا که ازین سو سپه نامدار
کینه ور فتنه گر جان شکار | کرده زره در بر خود بهر جنگ | عزم وغا کرده کمر بسته تنگ
برده سوی باره او نردبان | مانده قدم بر سر حصن چنان | بعد از آنکه اهل حصار از عروج

بود بوالعجب جمله کردارشان | ترسند از دشمن کینه خواه | ندارند باک از جهان سپاه
چو پاز ند اعلام همت بلند | بیندند خلقی بخم کمند | اگر عزم تسخیر کشور کنند
بیک حمله ملکی مسخر کنند | رقم سنج این قصه دلپذیر | چنین زد رقم بر بیاض حریر

شتافت وحدوث این واقعه باطراف ممالک واکناف مسالک انتشار یافت
واسم خانی برعم حضرت صاحب قرانی قرار کرفت وخطبه وسکه بنام واقاب او زین
پذیرفت حضرت سکندر نشان بعد از واقعه چنان بی توقف بجمعی از برادران ارجمند

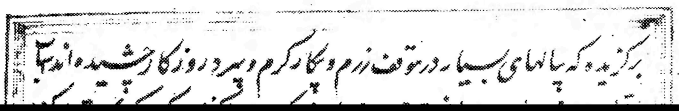
مهر از مهرش دهان سکه پر زر میکند | منبری کز خطبهٔ القاب او زینت گرفت
مشتری گوهر نثار فرق منبر میکند | و خان فرخنده نشان پیر محمد خان

بتجدید قدم بر مسند کامرانی نهاده تخت از یمن مقدم او غیرت افزای اورنگ فیروزه رنگ



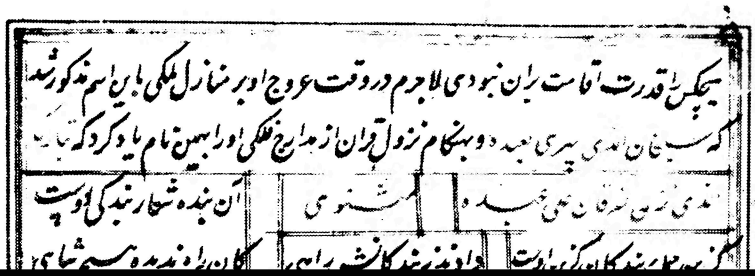
л. 846

اشتعال بود و نایرهٔ حرب و قتال بی نهایت سرکشی مینمود تا که اعدا دریافتند که از بستگی که
در پیش است هیچ گشادی روی نخواهد نمود بنابران مایل بمصالحه شده سخن صلح در میان انداختند
و آنحضرت نیز این معنی را دانست که در ظهور دولت هنوز اندک تعویقی هست ازین رهگذر
راضی بصلح شده قراکول را باز گذاشت و عزیمت جیجکتو و میمنه کرده رایت معاودت برافراشت



بکام استعجال استقبال نموده در موضع دوریای بنیها صورت ملاقات چهره کشاد و
بیاوری بسیار و پیشکش بیشمار برآورده در نظر خان سمرقند عرض داد و براق خان رقم
عفو بر جریمه ماضیه او کشید و از طرفین عهد و پیمان بر بسته عقد پدر فرزندی موکد گردانید

از سپاه شجاعت آنپناه نخارا خلقمان بی دورمان سپر مخالفت انداخت و از برمان روی
گردانیده روی توجه بقراکول گذاشت و بجمی از امرای آنجایی مانند جانکیلدی آتالیق قنغرات و
برادر او خلقمان اتالیق و تنکری قتلی ختای و غیرهم که هریک در شیوه مردی و مردانگی یگانه



آن پادشاه سعادتمند نگاه نداشتی و رعایت اعزاز او ناکرده آنچه لایق اجلال اوست
فروگذاشتی زنهار با او درین وادی مباش که جمع خواجگان علیهم الرحمة والرضوان مرتبهٔ
عبیدالله خان بلکه افزون تر از آن بآنحضرت دادند و زمام مملکت در کف کفایت و قبضهٔ درایت

خواهد که تو ایم تخت بخت دولتمندی را بفرق فرقدر رساند و سریر سلطنت او را بهمار پایه دوام
ثبات و رفعت بلند گرداند بخیت دولت او را از انقلابات غریبه و تغییرات عجیبه چاره نباشد

اوّل بگسسته باش که اوج سپهر ملک
یوسف پس از مجاهده قعر چاه یافت

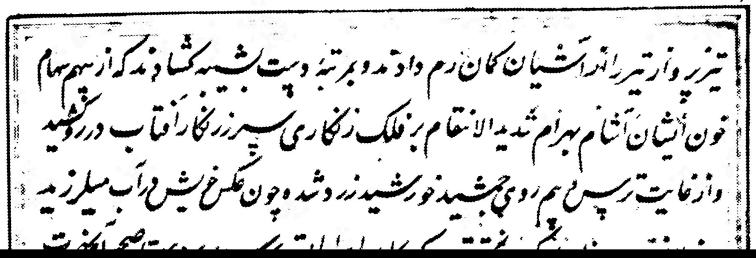
درآویخت بر عزم کین تیغ قهر | بقصد مخالف برآمد ز شهر | چون برهان سلطان از توجه خان

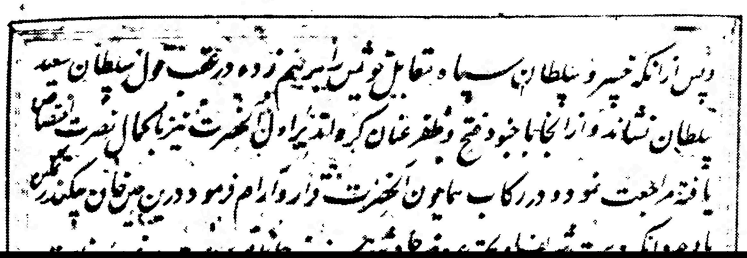
سلیمان مکان خبر یافت بنا بر عجز از مقابله عنان توسن بجانب قلعه رامتین که از تومنات ولایت

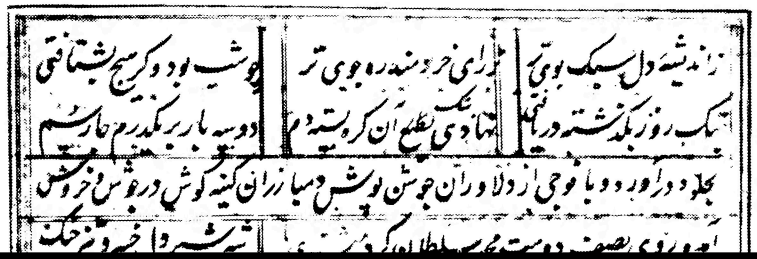
بخاراست برتافت و ترسان و هراسان بآن قلعه ویران تحصن نمود و از غایت دهشت برج و باره

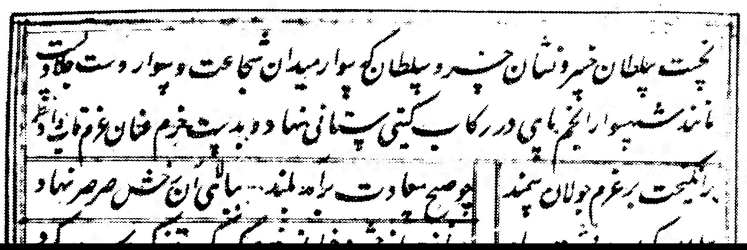
چاکری و فرمان برداری بادا رسانید قبة الاسلام بخارا را برسم پیشکش بحضرت اعلی گذرانید و
خود بصوب قراکول که از مضافات بلدهٔ مذکوره است عنان گردانید چون خورشید فتح و
فیروزی از مشرق تأیید بهروزی طلوع پذیرفت و ولایتی آنچنان در تحت ضبط و حیطهٔ
اقتدار حضرت صاحبقران قرار گرفت آنحضرت با بخت و دولت پایدار کامران

بصد حیله خصم شه دین پناه | بدر برد جانی ازان رزمگاه | ز میدان دل عرق خون بازگشت
قوی آمد اما زبون بازگشت | چون خاقان فرخ فر صورت فتح و ظفر در آیینه مراد جلوه
گردید لشکر را از قتل مقهوران باز داشت و رقم عفو بر صحایف جرایم ایشان کشیده بخاموشی کسی
نگذاشت [illegible]







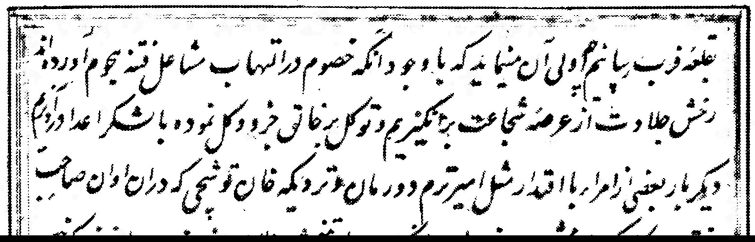


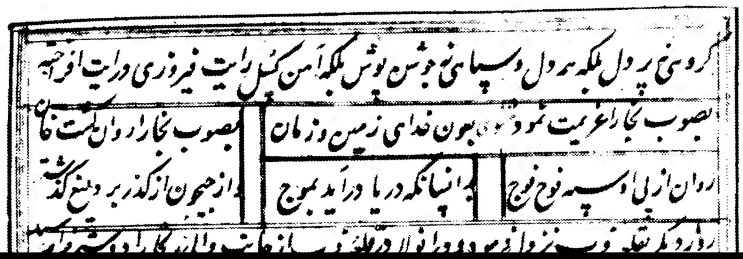
دخلی ندارد و بسیار بوده که لشکری جرار که با کثرت شمار از امواج بحار و صحایف اشجار نشان
میداده اند از اندک مردمی چون اوراق خزان و اقطار باران نیسان باطراف جهان متفرق و
پریشان شده اند تا دوست کرا خواهد و میلش بکه باشد | توکل بر کرم بی غایت و عنایت بی نهایت

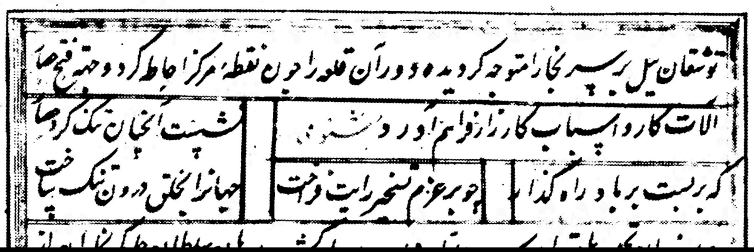
یکه تاز مهر برابلق تیزگام سپهر جلوه نمود و بر قلب سپاه زنگ استیلا یافته جیش جیش را

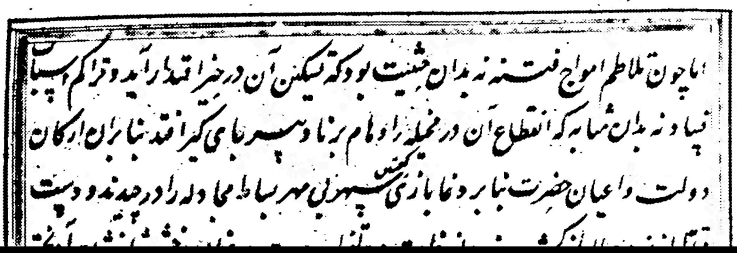
هزیمت فرمود مثنوی

دگر روز کین قهرمان سپهر | برافراخت تیغ زرافشان مهر
بصد کینه این خونی خانه سوز | بخون شست رخسار عالم فروز
لشکر اعدا از قلعهٔ فرب گذشته

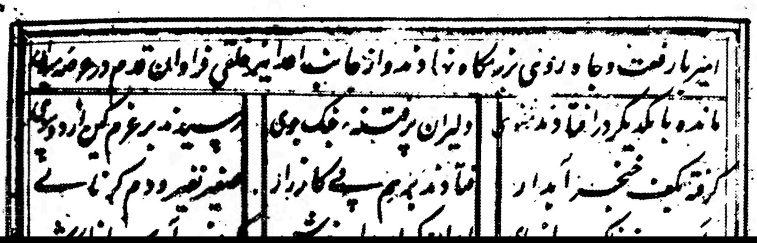


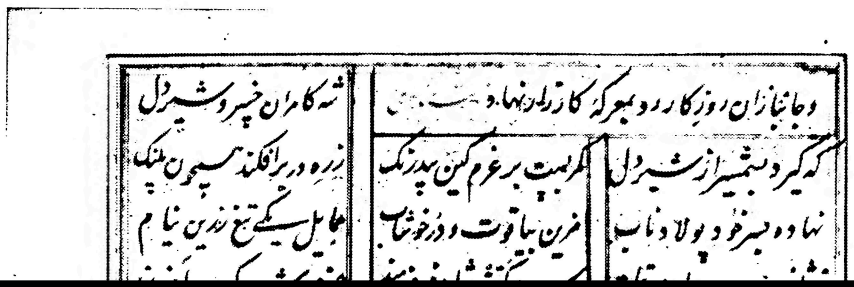


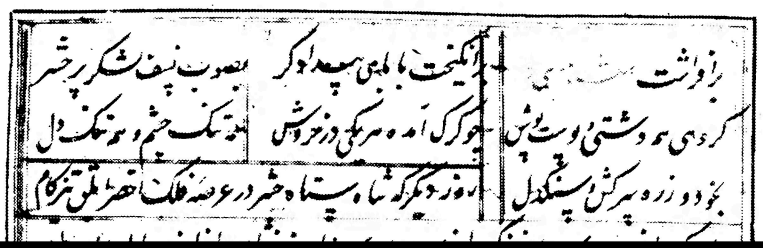


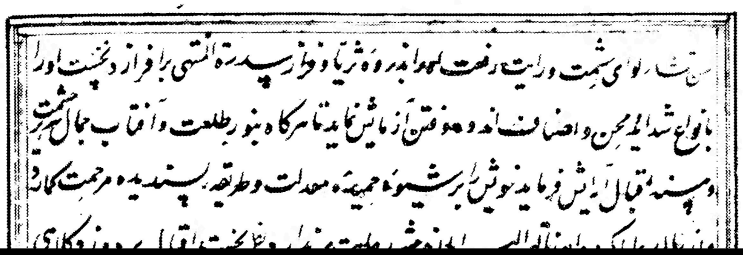


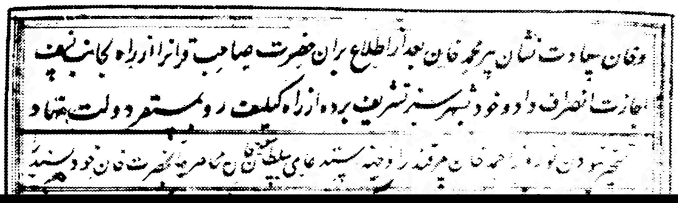
ز هر سو تیغها در هم نهادند | ز هر سو تیرها بر هم گشادند | ز بس کافتاده هر سو مرد کشته
برآمد هر طرف از کشته پشته | چنان شد دست و پا افتاده درهم | که دست و پای خود گم کرد گردون
ننگ تیغ در خون سپاهی | نهان جان در میان آب ماهی | از نظر فرو اشعه شعله مشاعل جنگ

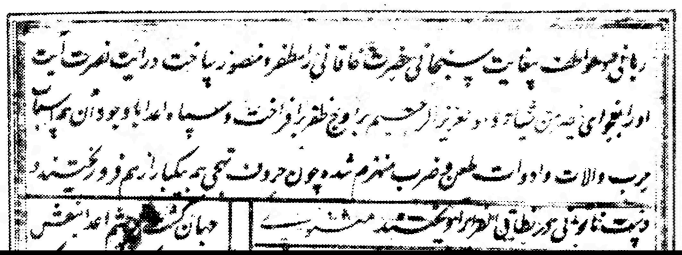


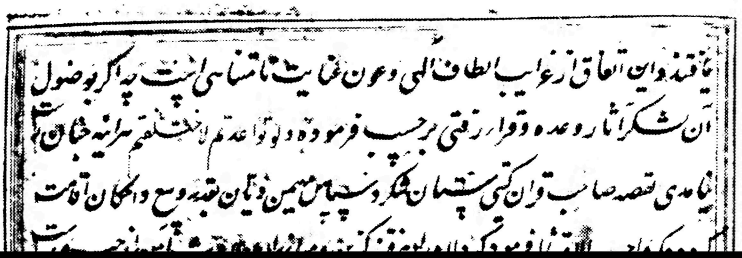


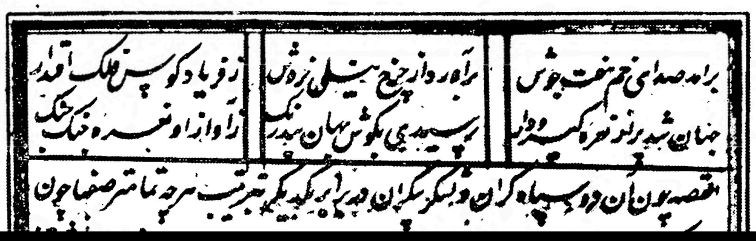


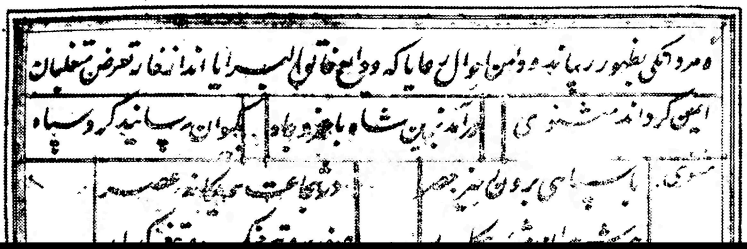


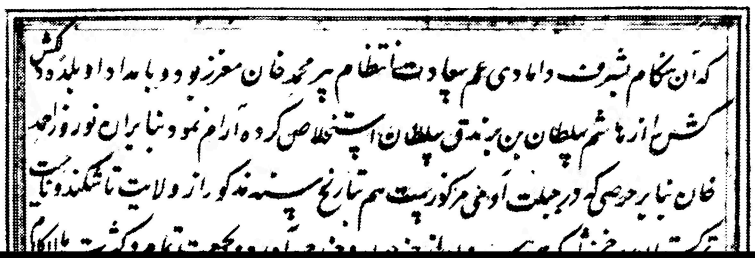


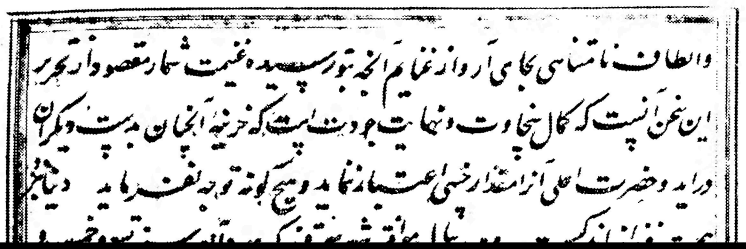


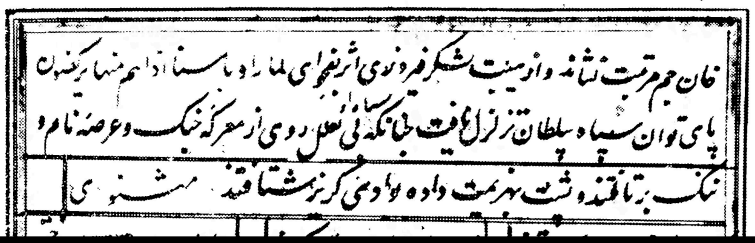




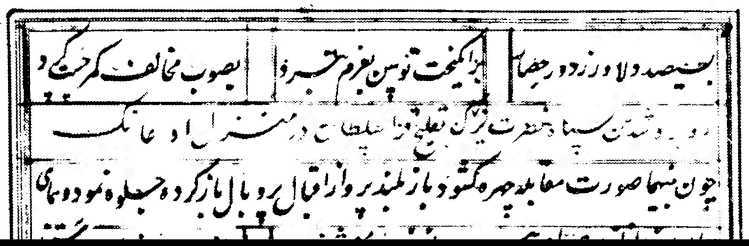




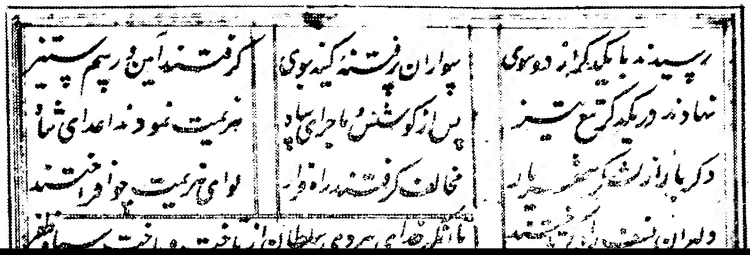


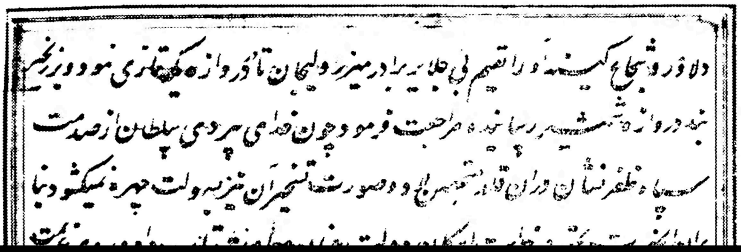


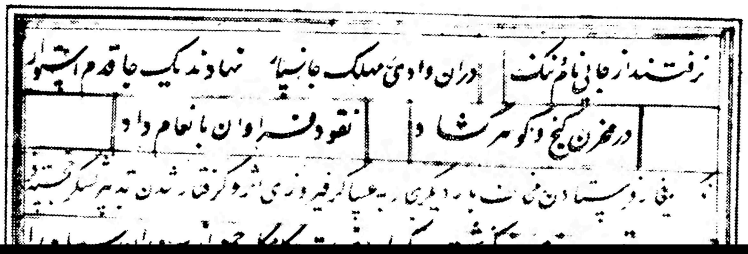
آن نه پیچیم قلیچ و سلطان نیز باین معنی رضا نداد و بی توقف مردم خویش را بر جنگ
تحریص داد و دیگر بار دلاوران روزگار و جانبازان زورکار توسنان برگستوان دار
برفتار آورده روبروی یکدیگر تاختند و جان در ورطهٔ هلاکت انداختند سپر با سروران
سخت روی پیش آورد و [illegible]

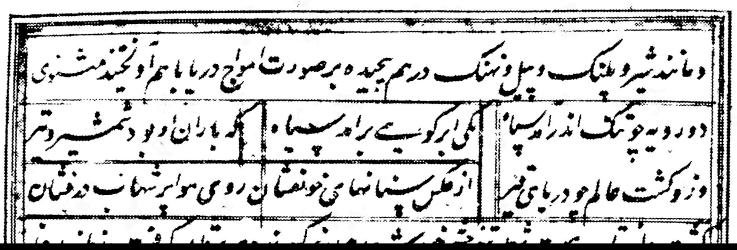


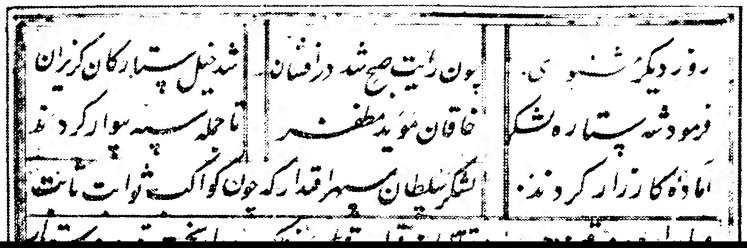
و مدافعه و جدال کشادند و کمانداران از اطراف همچو باران بلا تیرباران کرده داد دلاوری
دادند و از یکطرف جمعی از دلاوران مانند اقم میرآخور و اقم بی جلایر و بای بختی قنکرات
و غیرهم پیش رفته و جنگ پیش برده باره بیرون را گرفتند و تا روز بمردمی که بر بالای قلعه
[illegible] طریقه جلادت و شیوه شجاعت [illegible] دو فوج دلاور [illegible]

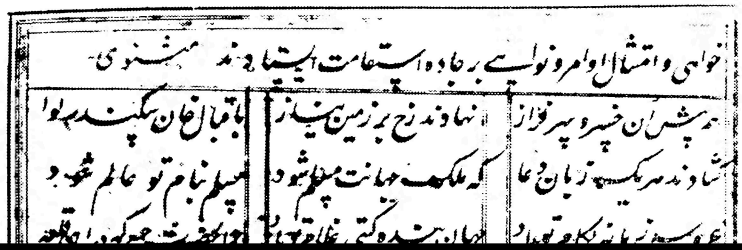






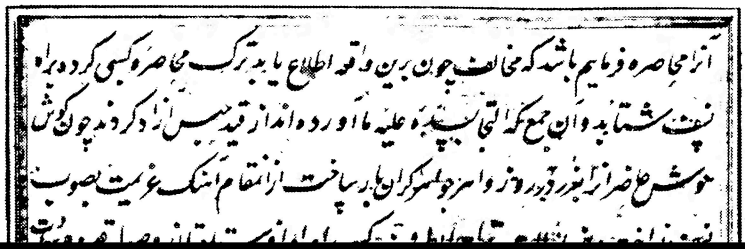


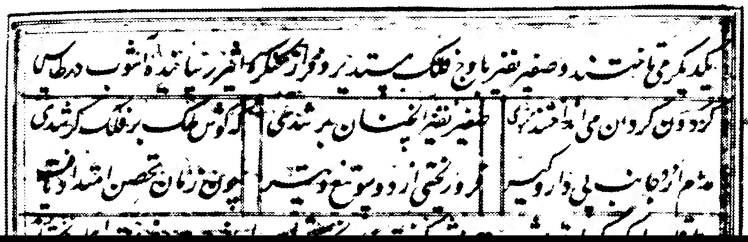


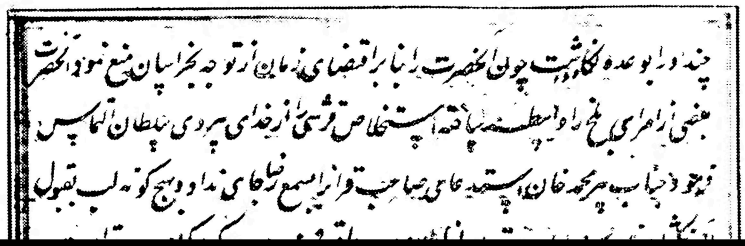


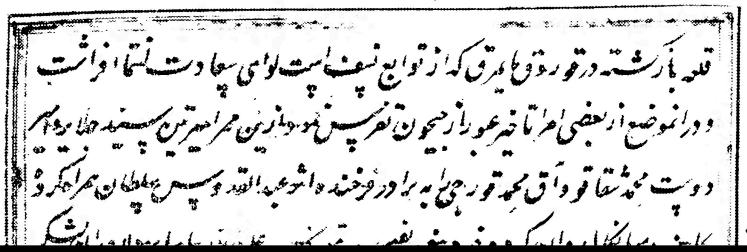
خواهی و امتثال اوامر و نواهی بر جادهٔ استقامت ایستادند مثنوی

همه پیش آن خسرو سرفراز	نهادند رخ بر زمین نیاز	باقبال خان سکندر لوا
گشادند هر یک زبان دعا	که ملک جهانت مسلم شود	مسلم بنام تو عالم شود
[illegible]	[illegible]	[illegible]

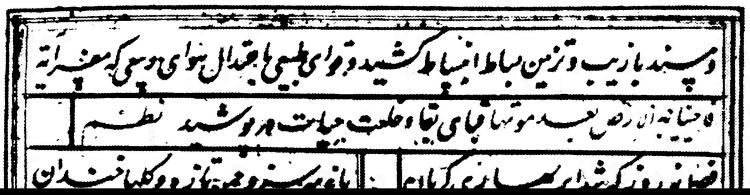


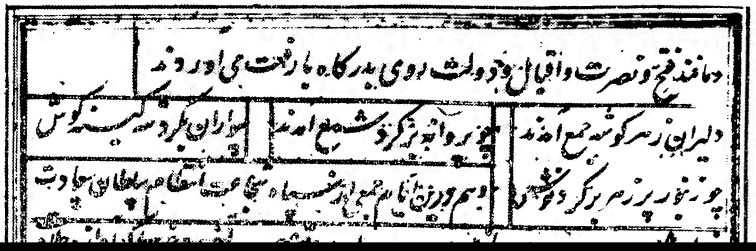


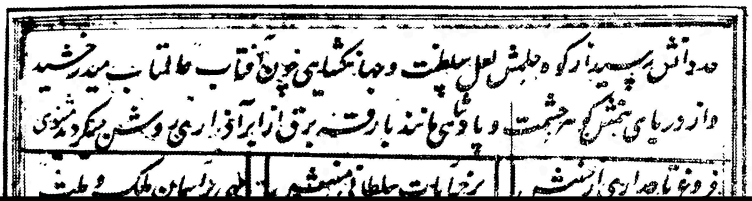


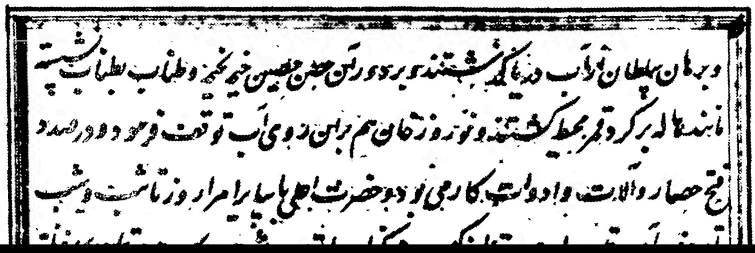


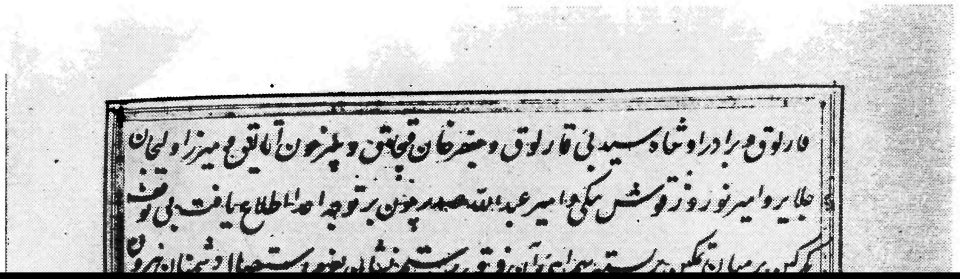
لب بدعا برگشوده فرمود بیت در دعای توام که بر نیاید غیر ازین خدمتی ز دست مرا
و بجهة ازدیاد دولت و افزونی جاه و حشمت که مسئول آن سکندر مرتبت بود از روح طیبهٔ
آبای کرام و اجداد عظام خود رضوان الله علیهم اجمعین استمداد نموده با دعیهٔ صالحه اشتغال
فرمود و گوش هوش او را بلآلی نصایح و درر مواعظ محلی گردانیده گفت که زود باشد که ممالک

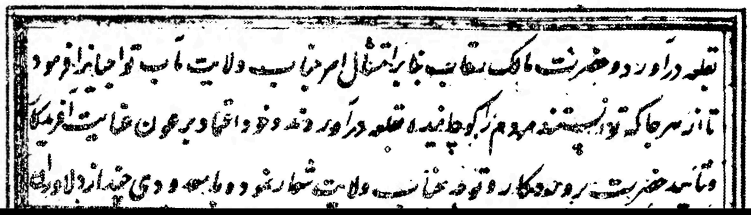


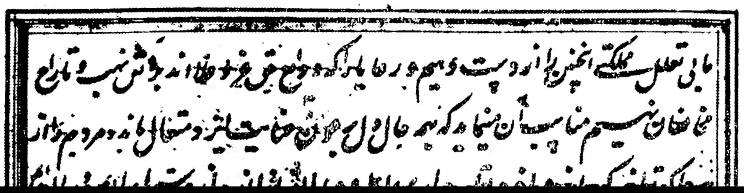


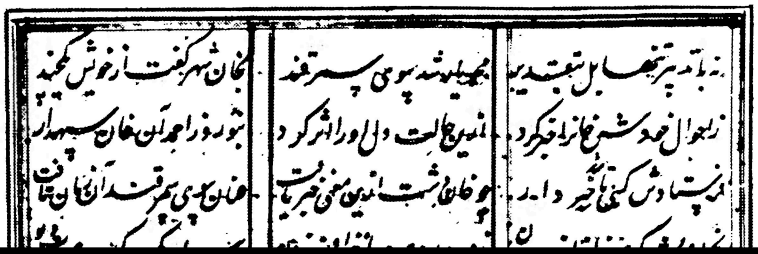


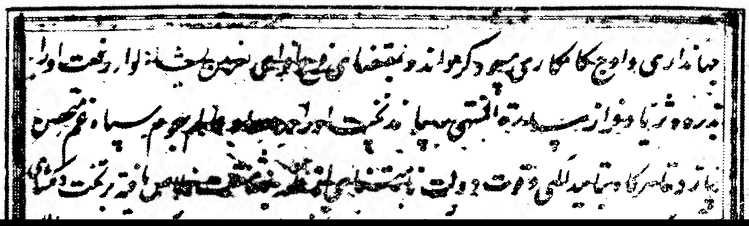


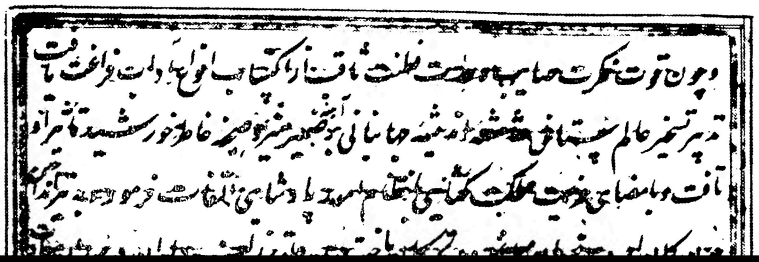






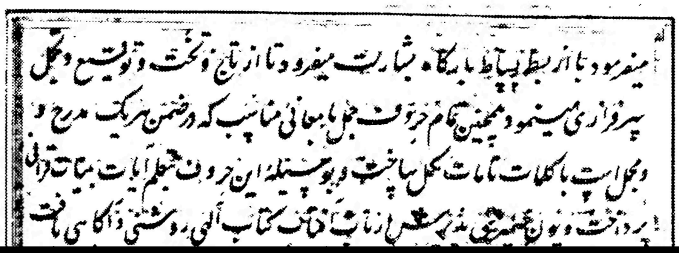


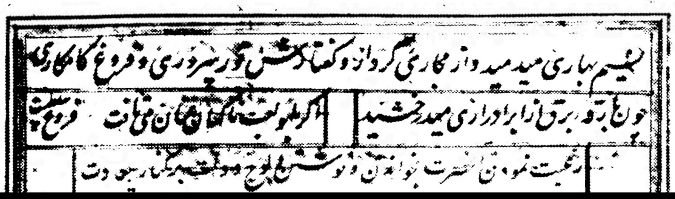


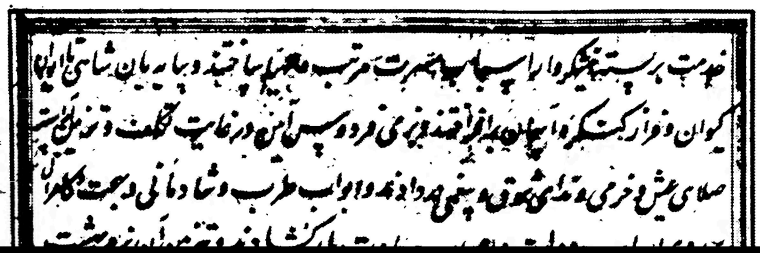


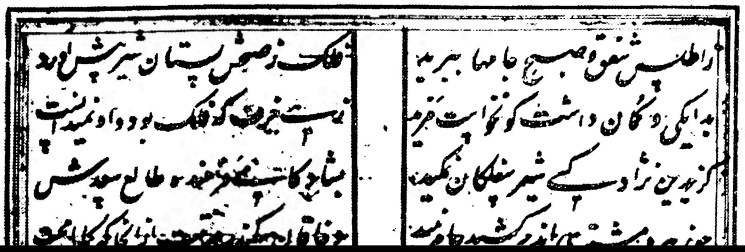
ای ندیم رقمست رقعه عطارد از خویش	کلک ما قوت ز شرم قلمت سر در پیش

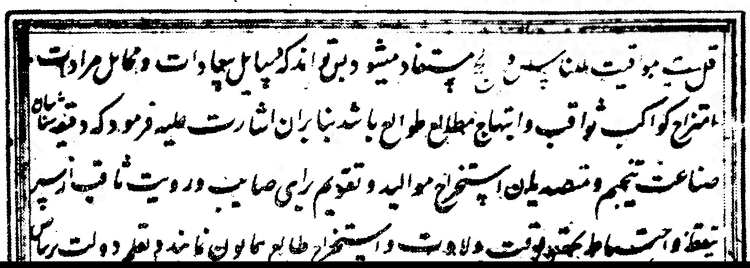
و بنان گوهر افشانش که مفتاح خزاین فضل و احسان است کلید تحریر ثنا و امتنان علم بالقلم اظهار
نموده و بخامه بدایع نگار که شرفات قصر شریفش بکتابه نون والقلم و ما یسطرون مزین است

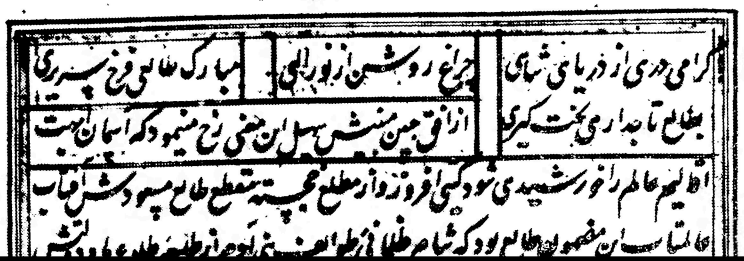






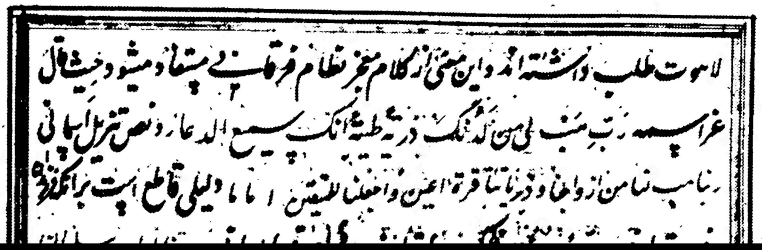


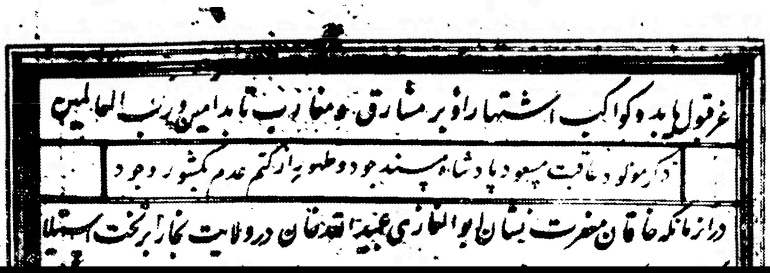




گرامی دری از دریای شاهی | چراغ روشن از نور الهی | مبارک طالعی فرخ سریری
بطالع تاجداری بخت گیری | از افق جبین منبتش سهیل این معنی رخ مینمود که آسمان ابهت

اقالیم عالم را خورشیدی شود گیتی افروز و از مطلع خجسته مقطع طالع مسعودش آفتاب
عالمتاب این مضمون طالع بود که شاه ظلمانی [illegible]

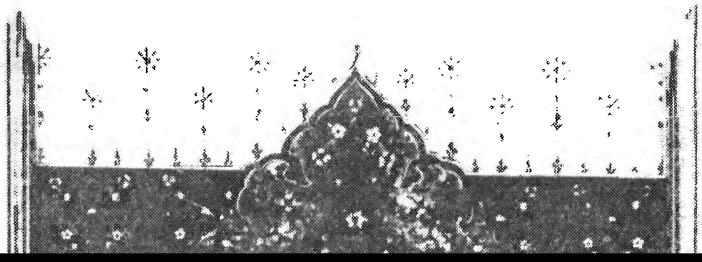


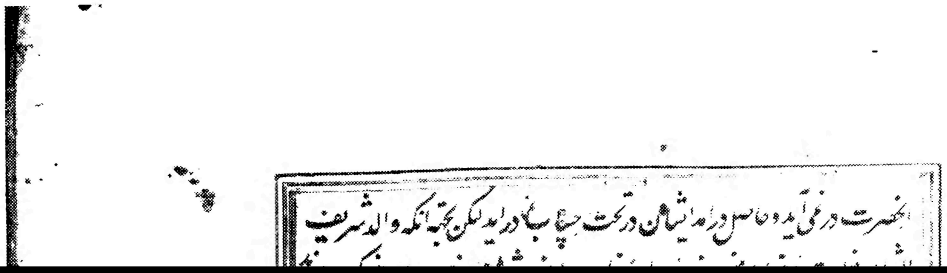


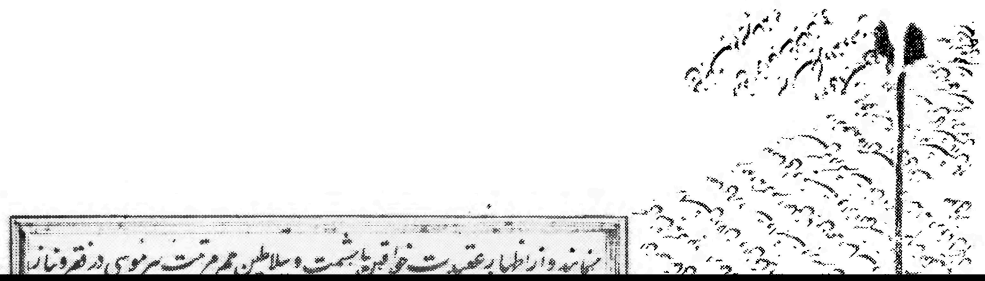
عز قبول یابد و کواکب اشتهار او بر مشارق و مغارب تابد آمین و رب العالمین

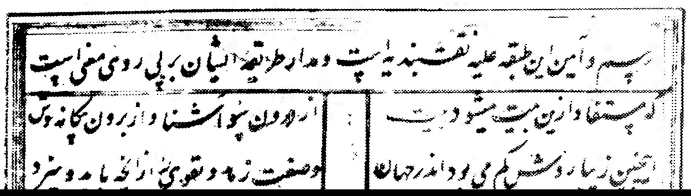
ذکر مولود عاقبت مسعود پادشاه مسند جود و طهور از کتم عدم بکشور وجود

در آن زمانکه خاقان مغفرت نشان ابو الغازی عبید الله خان در ولایت بخارا بر تخت استیلا



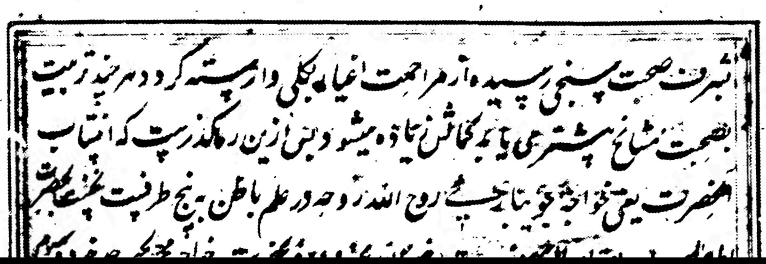






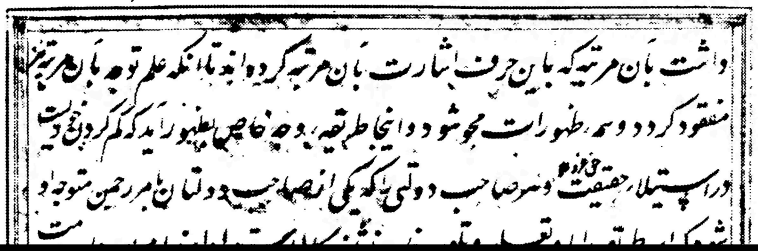
چون عظم شان آن سرور اهالی نقابت و عرفان عالی تر از آنست که قلم دو زبان شمه
از آن در اوراق بیان شرح تواند کرد و علو مکان آن مرجع اصحاب کرامت و ایقان
نه در آن مرتبه است که بنان بیان قبالهای فراوان از هزار یکی و از بسیار اندکی

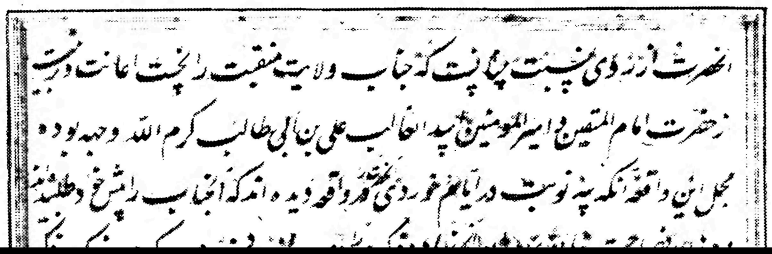
آسایش نهاده و اندوخیل خواب بر عرصه دماغ مستولی شده چنان می بینند که دیگر
در یک منزلی تشریف دارند و بحضرت اعلی خلد ملکه نیز حضرت سلطان شهید مرحوم خسرو
سلطان همراه یکی ازان دو عزیز همشیر بر سنه بدست خسرو سلطان داده اند و این همشیر

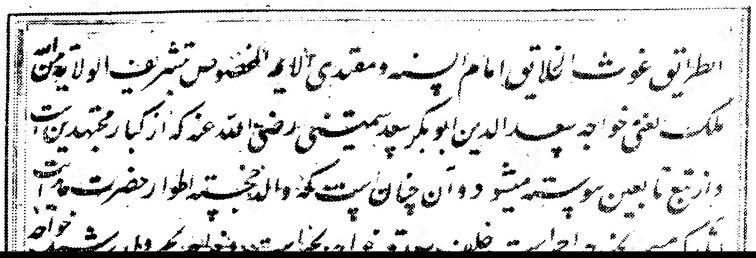


ابو یزید پت بدتی مدید و عهدی بعید و سلطان بایزید را انتساب در تصوف بحضرت
امام جعفر صادق است رضی الله عنه و تربیت سلطان نیز بنگام سلوک از روحانیت
امام انام است زیرا که بنقل صحیح ثابت شده که ولادت شیخ ابو یزید بعد از فوت

پاکان قدسی انتباه یعنی حضرت خواجه ناصر الدین عبید الله روح الله روحه و نسبت و
تلقین ذکر و صحبت خواجه با سعادت بخدمت عالی مرتبت متعالی منقبت اختر برج عرفان
گوهر درج ایقان سالک مسالک حقیقت مالک ممالک طریقت قبله آمال ارباب دین
[illegible]





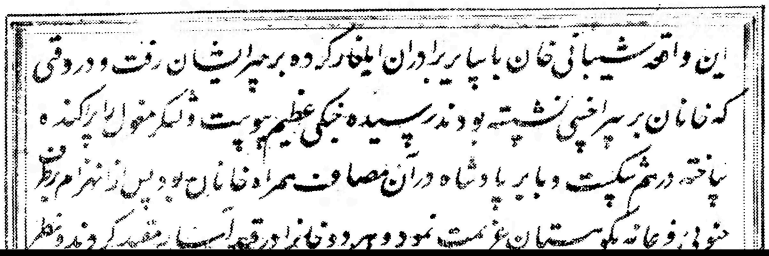


طرق

ترا بآن ثابت میکردانم یعنی در ذکر قصص انبیا و رسل و بیان واقعات پیشوایان سبل
و تقریر مقاسات ایشان در اصابت مصایب و شرح مصابرت در افاضه نوایب ترا
تسلی خاطر در اوان هجوم فتن و ثبات قدم در تحمل شداید و محن حاصل میکردد پس همچنین

تقوی و پرهیزکاری از چمن صدق رفعت و کامکاری آنحضرت سر میکشید و همواره
دانه وداد و تخم اخلاص و اتحاد به پرورش انبته الله نباتا حسنا در فضای راحت
فزای صحرای آمال و کشت زار سعادت بار دولت و اقبال خاقان بی همال میروید

محمود خان ولایت او را از آنجا که سرحد خطای است تا حدود اندجان با ولاد او تفویض
نمود و خود مدت پنج سال در دیار مغولستان بی دخل می بود تا که در تاریخ سنه اربع عشر
و تسعمایه بنابر اغوای جمعی متوجه ملاقات خلیفه الرحمانی محمد خان شیبانی شد و خان از زمان
[illegible]



امریست مذموم و متصدی شغل بآن از سعادت ابدی محروم بموجب آنکه مثنوی

	چو تیره شود مرد را روزگار		همه آن کند کش نیاید بکار	

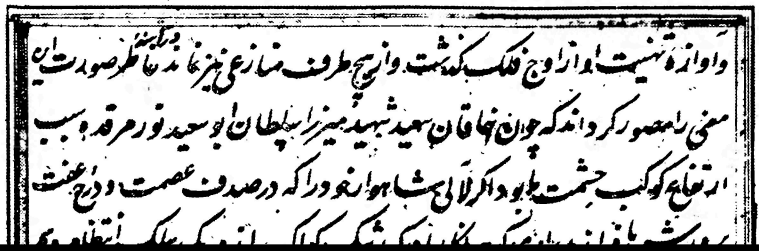
بنصایح آنحضرت ممنوع ناشده با صد و پنجاه هزار کس متوجه تاشکند گشت و از شیوه موافقت

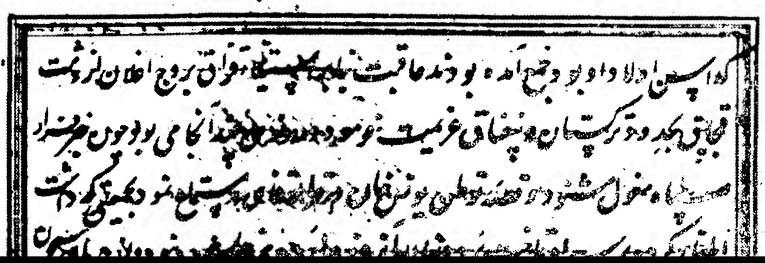
[illegible]

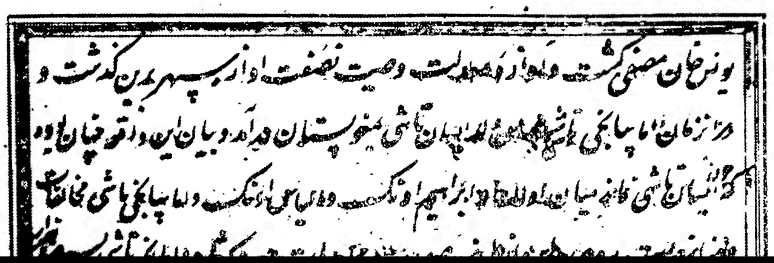
درآمدند چه تکبر و عناد سلطان محمود خان بغایت مشهور بود و بر السنه و افواه منقول
مذکور و ظهور این مصالحه و جلوس خان در تاشکند در تاریخ سنه ثمانمایه روی نمود اما
اختتام احوال یونس خان آن بود که چون خان درویش نشان در تاشکند بر سریر خانی و

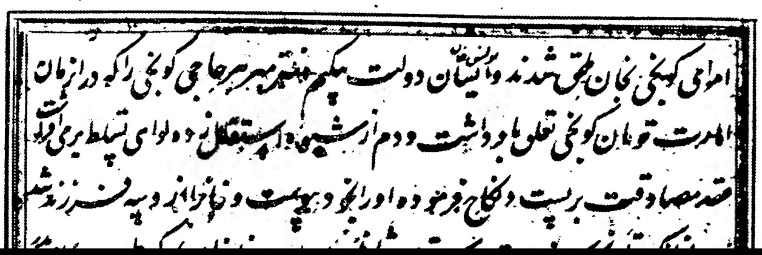
سمرقند لوای خورشید مانند برافراخت و یونس خان سلطان محمود خان را نیز با سپاهی بی
پایان و لشکری بیکران بجهت امداد عمر شیخ میرزا روان ساخت و آن سپه دریای لشکر
چون آتش کینه شعله ور بر لب آب مقابل یکدیگر افتادند و دست از آب حیات شسته

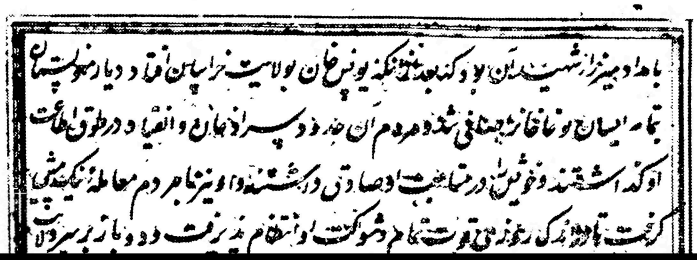
شده بر سر راه شتافت و از غایت نیاز و بندگی و نهایت عجز و سرافکندگی از پشت
زین بروی زمین افتاد و روی فقر بر پای توسن آن مقتدای اهل فخر نهاد و بعد
از آنکه حضرت ایشان بنیازمندی خان اطلاع یافتند بسرعت از اسپ فرود آمده او را

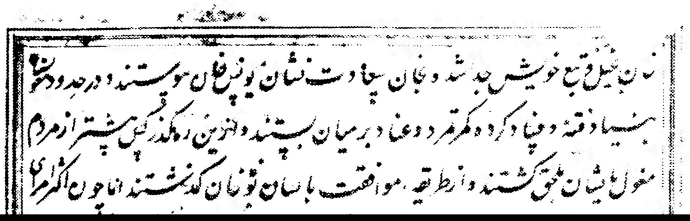




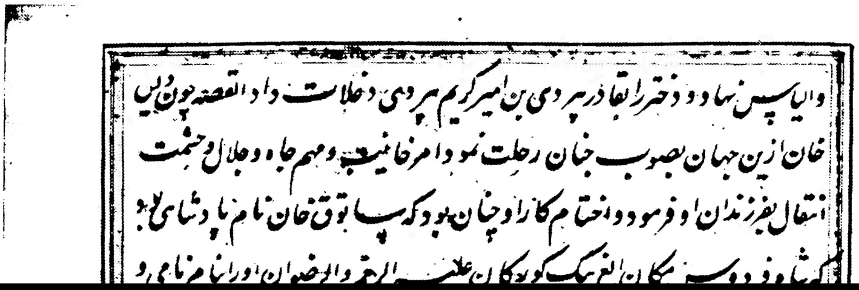




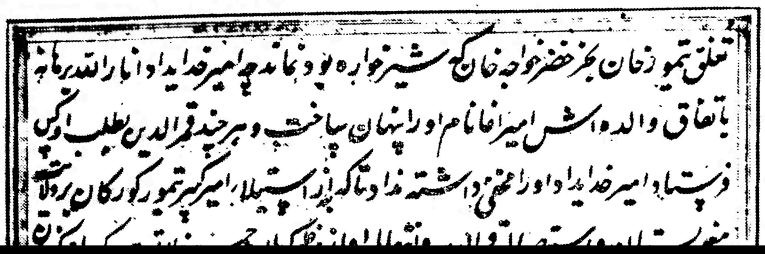


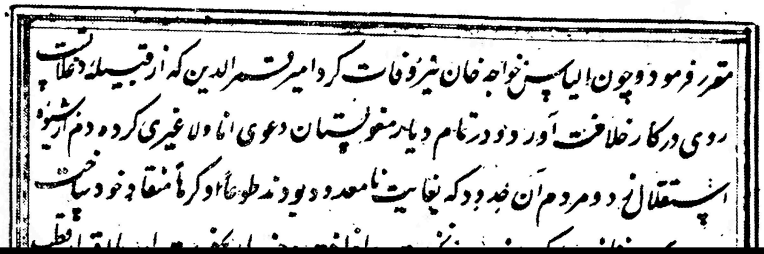


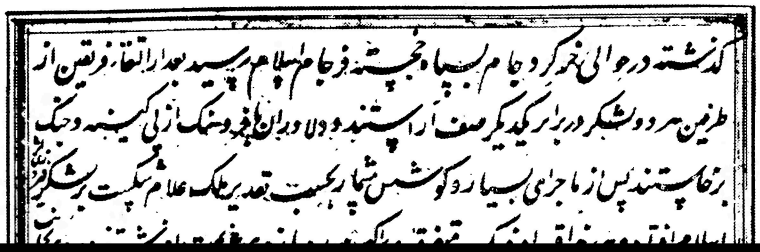
ایشان فرمودند که بتاج مکلل در خورست خان در جواب گفت که نی شهادت را مناسبت
درین سخن بودند که ناگاه یکی تاخته آمده فرمود که اینک پاتوق خان با سپاه بیکران رسید
ویس خان بی توقف بآنچه در رکاب او بودند عزیمت اعدا فرمود چون هر دو لشکر در برابر یکدیگر



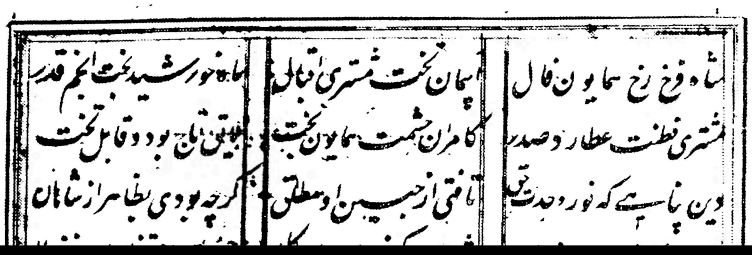
بویس خان عرض نمود بعد از عقد مصادقت معاونت او را بر خود لازم دانست و عدول
از طریقهٔ هواداری او بهیچ گونه نتوانست تا که بمددکاری او ویس خان بشیر محمد خان
مقابل افتاد و در مخالفت بروی روزگار او گشاد چون شیر محمد خان دل ازین خاکدان
برگرفت [illegible] روضهٔ رضوان منزل پذیرفت نوبت خانی بویس خان رسید و او بر







امتیاز فراوان میدیدند و بالطاف بیکران و منافع وافیان عنایت نوازش میرسیدند
چنانچه عنایت بی نهایت و مکرمت بی حد و غایت شامل احوال هر یک از ایشان بود
و از اضافات و مخالفات حراست نموده بمناسب حلیه و مراتب پیشه اختصاص فرمود



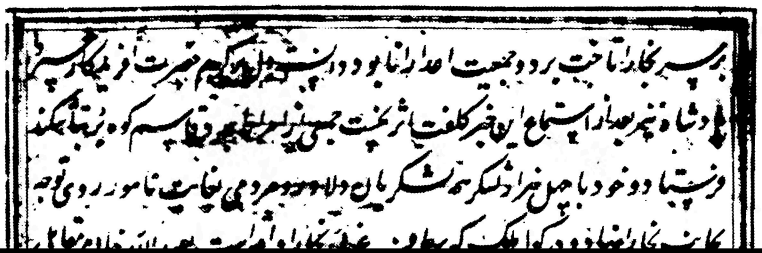
ستاند بضرب سیاست خراج | بفرمان او ملک عالم شود | سریر جهانش مسلم شود

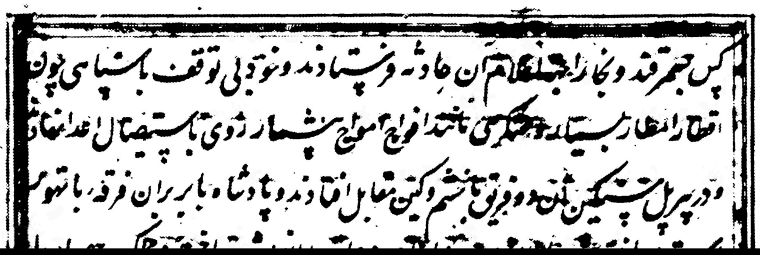
اما سلطان شجاعت نشان جانی بیک سلطان که رایات نصرت و جلالش تا انقضاء سبع شداد
ماثور است و آیات قدرت و کمالش مانند سبع المثانی مشهور آفتاب آیاتی بود که انوار
سعادت و بختیاری از مطلع مبین مبین او می تافت و آثار جلالت و نامداری از مشرق چهره

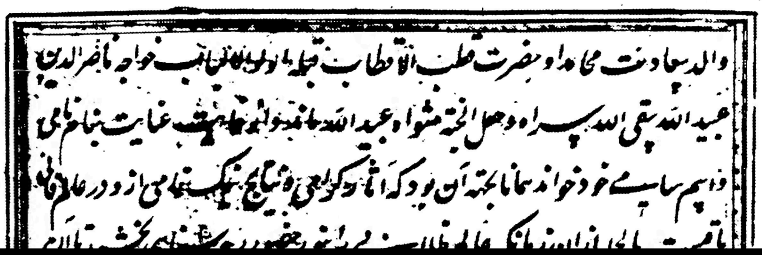
حضرت صاحب قرانی راه و مرتبه عالی یکی سلطان خجسته نشان شیخ محمد سلطان و دیگر سید
محمد سلطان و حضرت جانی بیگ سلطان را دوازده ولد نامی و پسر گرامی بیت در درج شهریاری هر یک

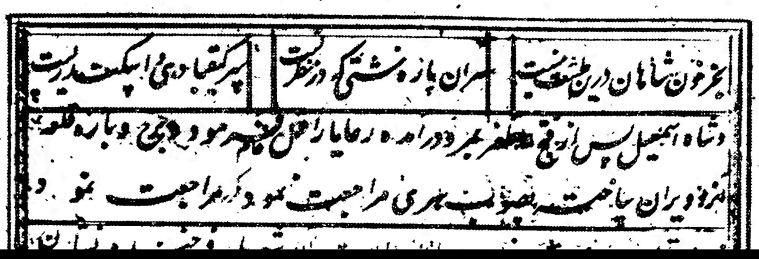
در خوشابی	از برج بختیاری تابنده آفتابی	از حیز عدم بسر منزل وجود قدم نهاده

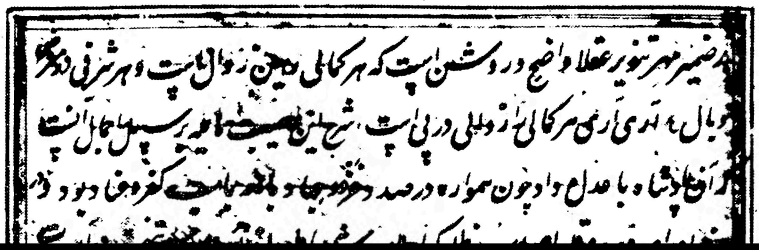
تمام یافت از خواقین شیبانی نسب سلطان شجاعت نشان ابوالفتح جانی بیک سلطان جهت
اتفاق بعبید الله خان به بخارا شتافت و تیمور خان و پولاد سلطان و ابوسعید خان نیز
از سمرقند متوجه بخارا شدند تا بحضرت جانی بیک سلطان و خان سعادت نشان عبید الله
خان جمع شده [illegible]

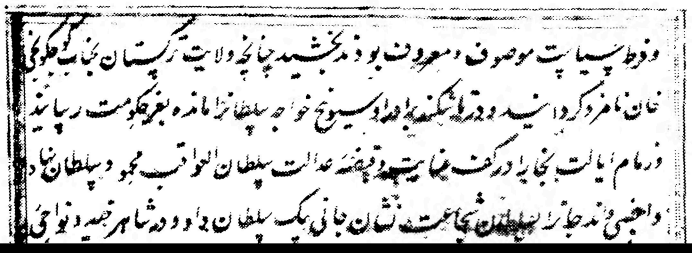


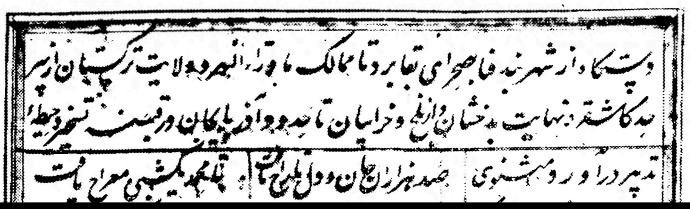


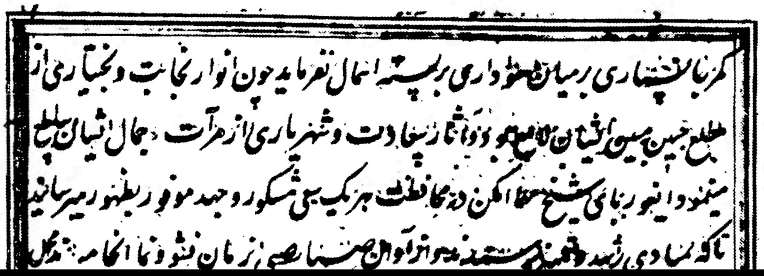












شیبانی و آنحضرت را پسر معدلت سیر بوده تیمور رخان فرخ شاه سلطان و سیونج محمد
سلطان و تیمور رخ فرا یک پسر بود بولاد سلطان را یک پسر بوده کبوری سلطان از و خلف
ماند و از خرم شاه سلطان نیز عقب نماند و سیونج محمد سلطان یک پسر داشت محمد یار
سلطان از و نیز نسل منقطع شد و خلف دوم شاه بدغ سلطان سلطان اصلاح عرفان

جا رسیده بود و عنایت شامل و حمایت کامل او نقل مجلس شده افسانه محافل مینمود بنابران
از اطراف و جوانب بآن عتبه کعبه مراتب اصحاب حاجت و مآرب روی آوردندی و اهل
مقاصد از مشارق و مغارب عزیمت آن قبله مطالب مصمم کردندی و هر کدام بقدر التماس خویش
موصول بحصول امانی و آمال باز گشتندی و از عنایت بیغایت و رعایت بی نهایت او

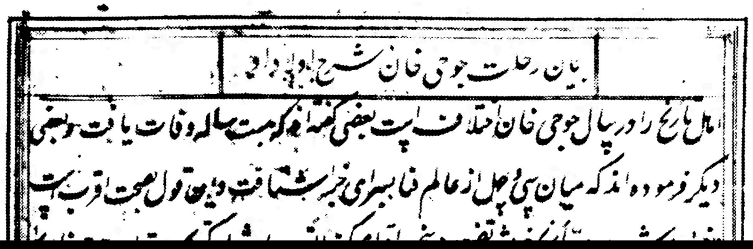
اصحاب

علامة العلماء فی العالم حجة الله فی الامم جامع انوار العلوم والحکم زبدة الحقایق علما وعرفانا
قدوة ارباب الخلایق فضلا واحسانا المشرف بتشریف الولایة من الله الولی مولانا حسین
خوارزمی قدس الله سره توجه میفرمود و از باطن کیمیا خاصیت او استمداد همت

سلطان

تصرف درآورده و از غایت محبت و نهایت مودت نکاح نیز کرده دیگر بر وثوق حصاری
سلطان و تیمور خان والده ایشان لطیفه سلطان بیگم بنت حسن بیک چغتای که از امرای با اعتبار
سلطان کامکار سلطان محمود میرزا ابن سلطان شهید میرزا سلطان بوسعید نور مرقده بود

بیان رحلت جوجی خان شرح اولاد او



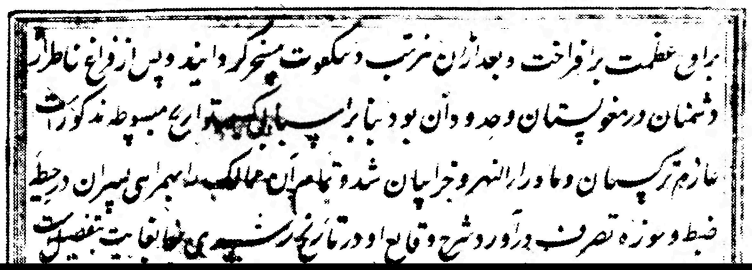
اهل تاریخ را در سال جوجی خان اختلاف است بعضی گفته اند که بیست ساله وفات یافت و بعضی
دیگر فرموده اند که میان سی و چهل از عالم فنا بسرای خیر شتافت و این قول بصحت اقرب است

قضای آسمان است این و دیگرگون نخواهد شد | هرچه خواست خواهد شد شاهزادهٔ جهانستان

اکتای قاآن بعد از یاسین از حضرت ایشان در فتح حصار و کار آن قلعهٔ نامدار بجد تر شد تا که
که بحسن تدبیر او در مدت ده روز فتح خوارزم میسر گشته و مردم آن ولایت را بموجب

خان با جوجی خان فتح روی ننمود خان گیتی ستان چنگیز خان بعد از اطلاع بر ستیزه
و عناد برادران فرمود که اکتای خان که بکمال عقل و فراست و فرط کفایت و کیاست معروف
و مشهور بود در مصلحت تسخیر قلعه بهر چه حکم فرماید برادران بصواب دید او عمل نمایند و
او را مقدم دانسته از سخن او تجاوز نفرمایند چون ایلچی [illegible]

و بغایت بیهمناک بود و مجال توقف و ترتیب گهواره مشکل مینمود سارا قدری آرد خمیر کرده
و او را در آن پیچیده و در دامن خود گرفته پیش چنگیز خان برد تا اعضای او در راه در دنیا
و پیروی هوا بر و نتابد او را بدان سبب جوجی نام کردند که بناگاه در وجود آمد پسر دوم
یغتای خان که از سرحد کاشقره و سیحون تا لب آب جیحون نفاذ حکم همایون می نمود



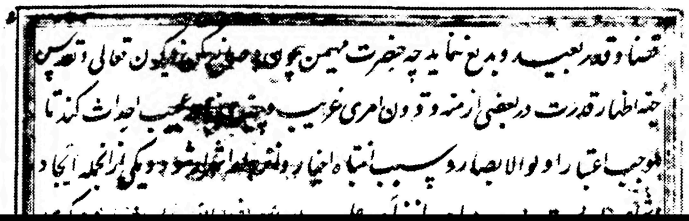
براوج عظمت برافراخت و بعد از آن مرتب و سکوت مسخر گردانید و پس از فراغ خاطر از
دشمنان در مغولستان و حدود آن بود بنا بر اسبابی که در تواریخ مبسوطه مذکور است
عازم ترکستان و ماوراء النهر و خراسان شد و تمام آن ممالک را بهمراهی پسران در حیطه
ضبط و حوزه تصرف درآورد و شرح وقایع او در تاریخ رشیدی بغایت بتفصیل است

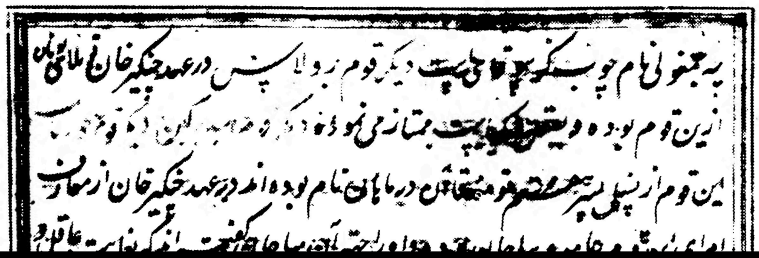
ذکر داستان چنگیز خان

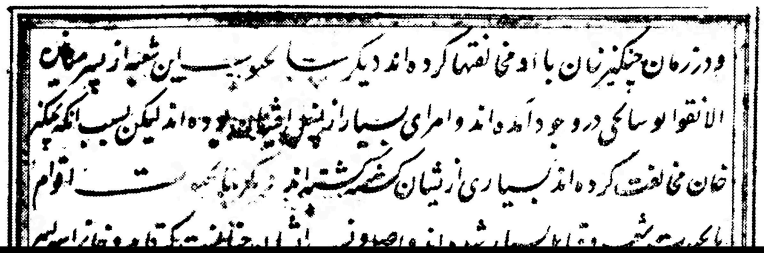
ارباب اخبار برین وجه اخبار نموده اند که در ابتدای قاقایل که سال خوک است موافق
شهور سنه تسع و اربعین و خمسمایه هجری میسوکا بهادر با لشکر جرار بجنگ تاتار برنشست و
خاتونش هولون که چنگیز خان آبستن بود چون میسوکا بهادر با احد مصاف داده

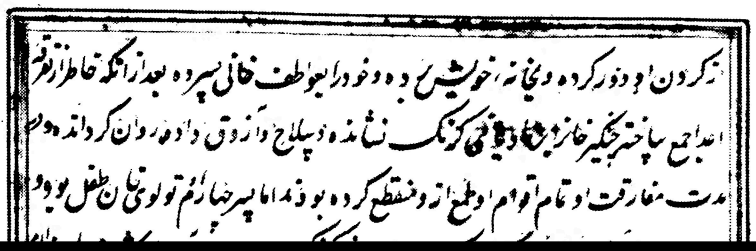
فرزندان بسیارند و اولاد بیشمار که هنگام کارزار یگانهٔ روزگار و برگزیدهٔ روزگار
پسر سیوم او میسوکا بهادر است و قیات نور حقین از [illegible] و معنی نور حقین اشهل
چشم را گویند اتفاقا فرزندانی که از میسوکا بهادر وارد [illegible] وجود آمدند اکثر اشهل چشم

خسرو ملک ملاحت و شهریار کشور صباحت الانقوا که شجرهٔ ثمرهٔ بختیاری و ثمرهٔ شجرهٔ
کامکاریست چشم و چراغ قبلهٔ قورلاس بود و بهار و باغ جماعهٔ درلکین مینمود بر آسمان حسن
و خوبی ماهی بود که آفتاب جهانتاب از فروغ شمع رخسار او اقتباس نور مینمود و در
چمن لطافت و محبوبی سرو آزاد بندهٔ قامت صنوبر خرام او بود دهانش از غایت تنگی









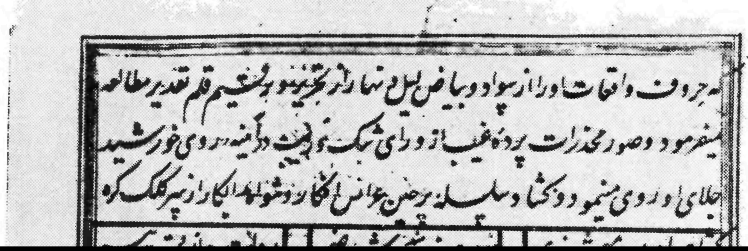
مردم و همواره چنگیز خان را گفتی که تو پادشاه عالم نمایی و لقب چنگیز خان او داده
و بمعنی مغولی چنگ محکم بود و چنگیز جمع آنست اما ارلات معنی آن لفظ این است
که شخصی پیش پدر و مادر نازنین بوده و همه قوم ارلات از نسل این پسرند و در عهد چنگیز
خان نورعوجین نویان نام ازین طبقه است و در بارگاه او رتبه عالی داشته است چنانچه
در دست راست بالای همه امرا نشستی اما پسر سیوم کلنکوت جهت آنکه کلنگی بوده باین اسم

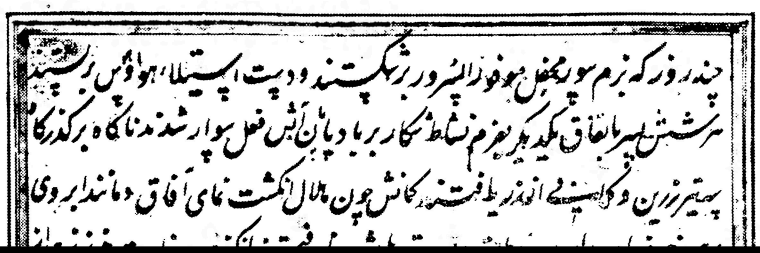
5

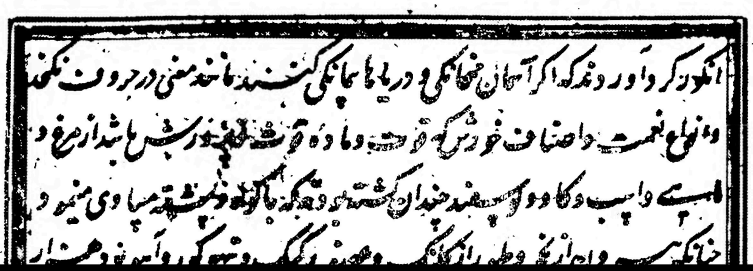
بدان سبب بمرکان اشتهار یافته و در عهد چنگیز خان امرا و خوانین بسیار از نسل این قنقرات بوده‌اند
و همواره این طایفه دختر از اردق و فرزندان او می‌ستده‌اند و بایشان میداده و منصب ایشان
آن بوده که بالای خان زادگان می‌نشسته‌اند اما قبای شیره دو پسر داشت یکی انکیراس
که تمامت قوم انکیراس از نسل و ذریت اویند و ولدای کورکان که دختر بزرگترین چنگیز خان قورچی

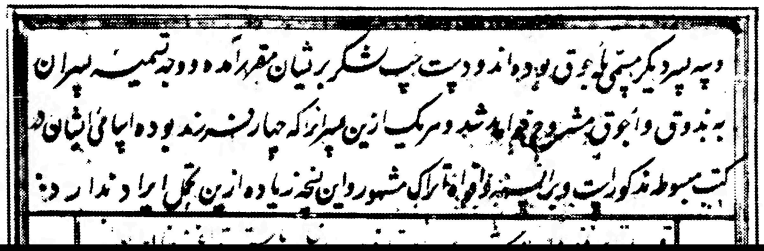
واختلاف حالات هر شعبه باسمی سامی و لقبی نامی موسوم آمدند و بآن لقب بر صحایف ایام
مسطور و مرقوم گشتند و تفصیل مجمل آن اینست اسباب
شعب مغول که در ارکنه قون از نکوز و قیان پیدا شدند و ایشان دو فرقه اند فرقه اول
مغول در لکین و ایشان هفده قبیله اند اوریا گفت این قوم از نسل نکوز و قیان

بزیور عدل و انصاف و حلیهٔ معدلت و انصاف آراستند و چون بر صحایف روزگار
و اوراق لیل و نهار از ذکر آن فرقه باعتبار رقمی نمانده انامل محاسبان افتان و خیزان
طریق عقد و شمار آن نتوانند پیمود و کره آن که چون سلسلهٔ پرپیچ و خم درهم و مبهم است

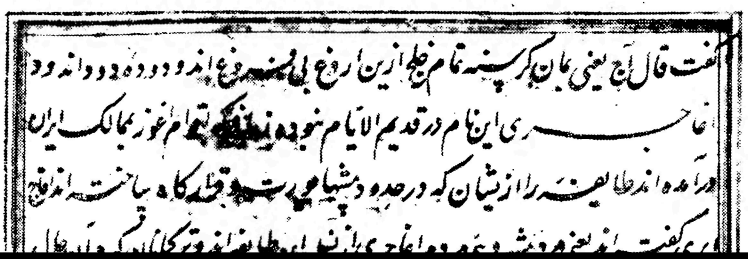


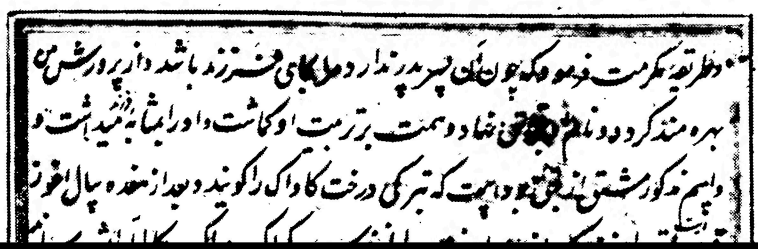


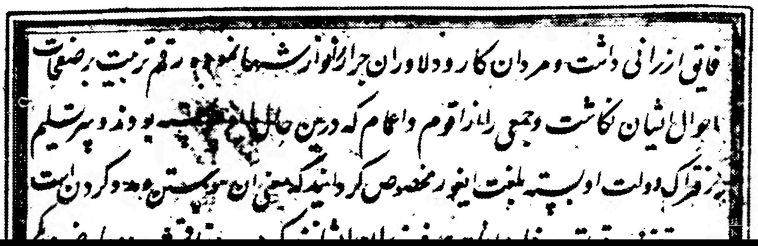


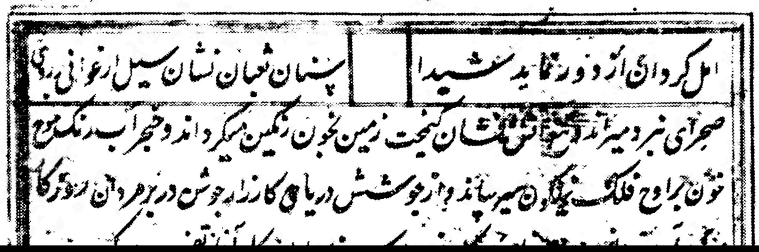


و سه پسر دیگر مسمی باجوق بوده اند و دست چپ لشکر بر ایشان مقرر آمده و وجه تسمیه پسران
به بذوق و اجوق مشروح خواهد شد و هر یک ازین پسرانرا که چهار فرزند بوده اسامی ایشان در
کتب مبسوطه مذکور است و بر السنه و افواه اتراک مشهور و این نسخه زیاده ازین تحمل ایراد ندارد





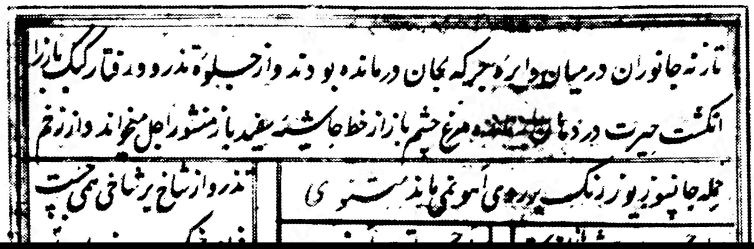


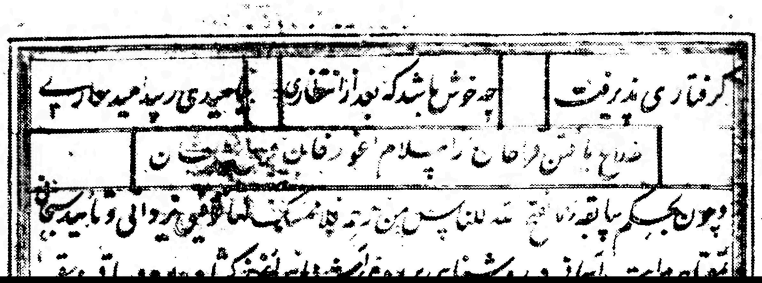


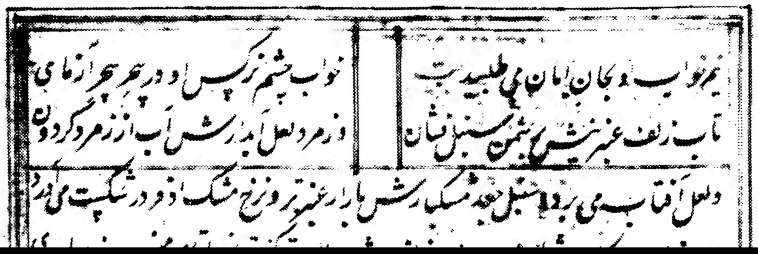
همی رفت از زمین بر آسمان گرد | تو گفتی خاک با مه راز می‌کرد | بگرد اندر چنان بودند لشکر

که در میغ تنگ تابنده اختر دختر اورخان بعد از استماع واقعه چنان قاصدی انس نشان

بابا پاپ روان کرد و اغوز را از کیفیت صورت احوال و سورت اهوال آگاهی داد او نیز بجمعیت

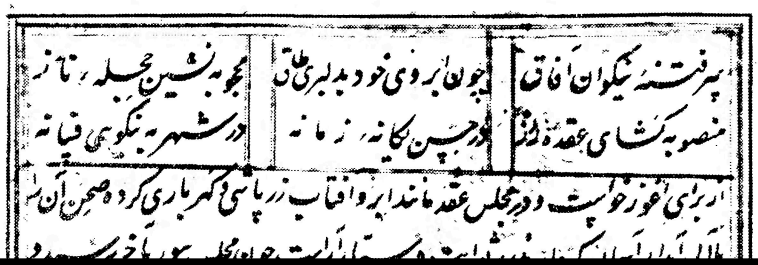


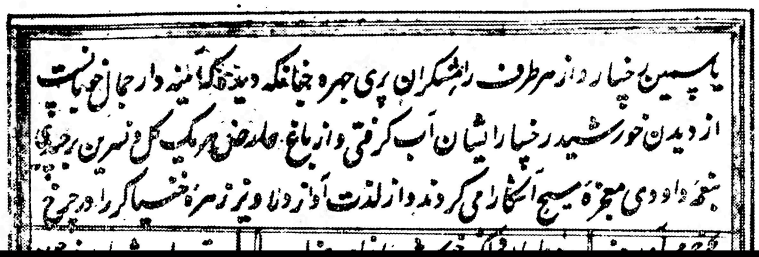


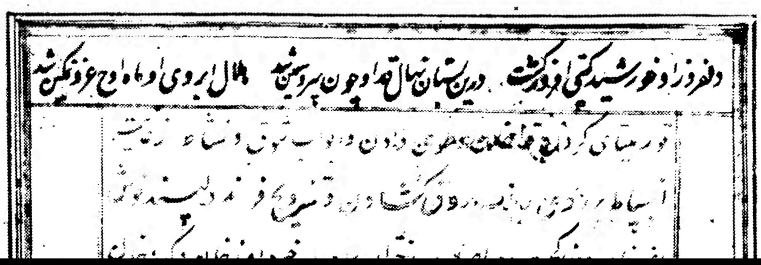


همت ز بازو فرز همای تک از غزال | طوق وفا ز فاخته قوت ز کرکدن

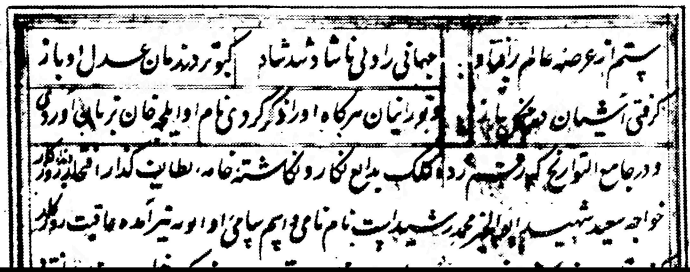
و بوقت پویه و رفتار بجدت سم آهنین کردار پشت کاو و ماهی می شکست و هنگام جهندگی
و شتاب و سرعت سیر و اضطراب از برانگیختن گرد و تراب نقاب کحلی بر چهره ماه و آفتاب می بست

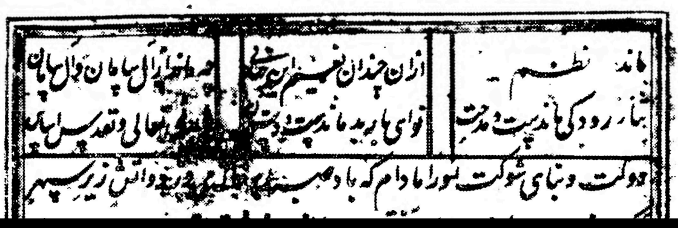


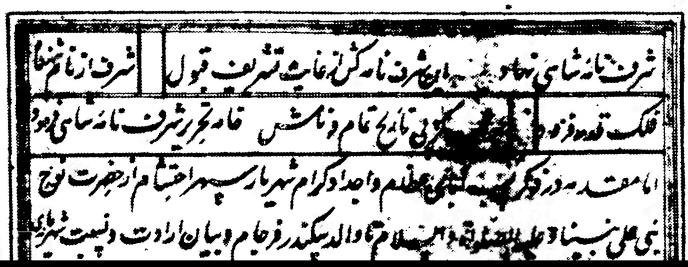


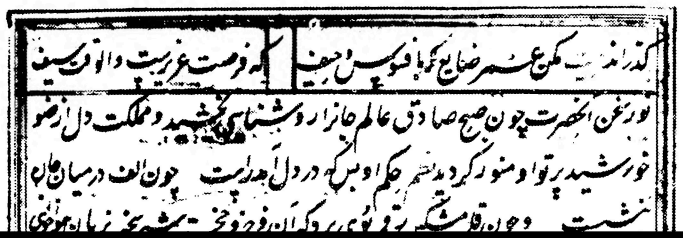


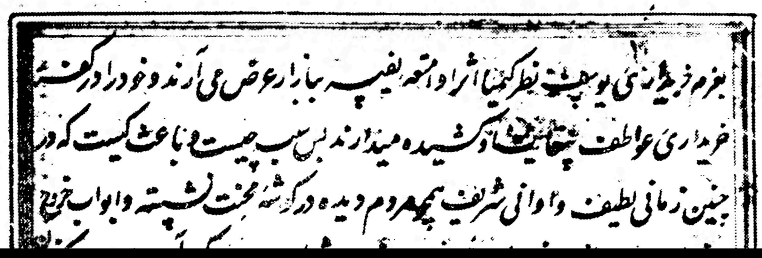
حلاوت پذیر نشود چون خون پدر بر من حرامست چون در ازل رقم ایمان بر ناصیه دولت
او زده بودند بی تأمل ازین واقعه دل او مانند موم تر شد و چون شمع سرش بنور
عرفان گرم گشت لیکن چون قراخان در شیوه کفر بغایت محکم بود و هیچ گونه مفتاح عنایت

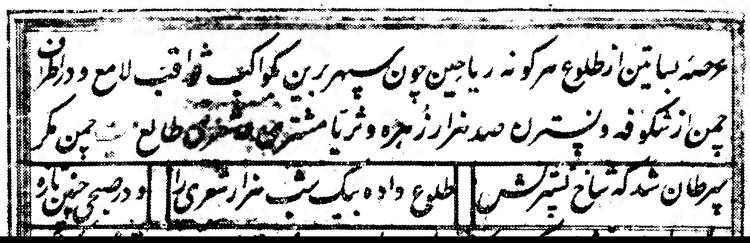


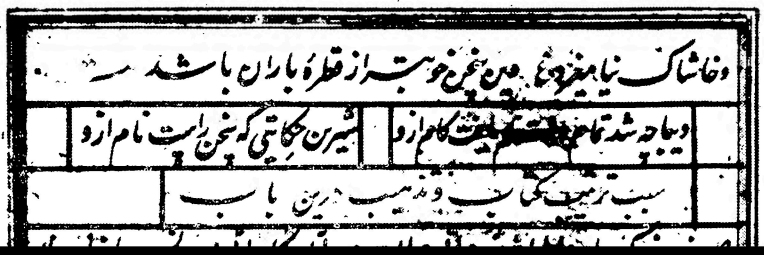


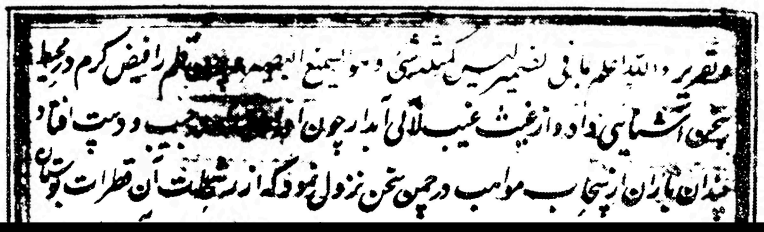


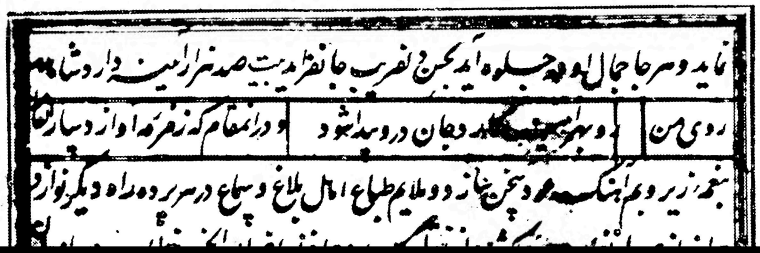


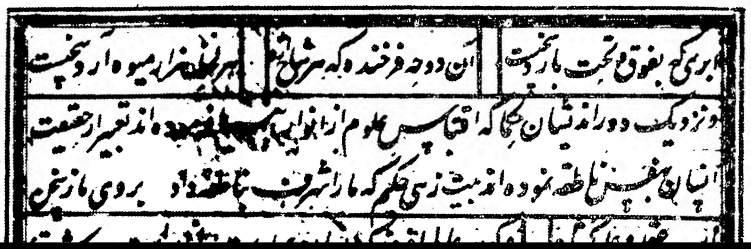


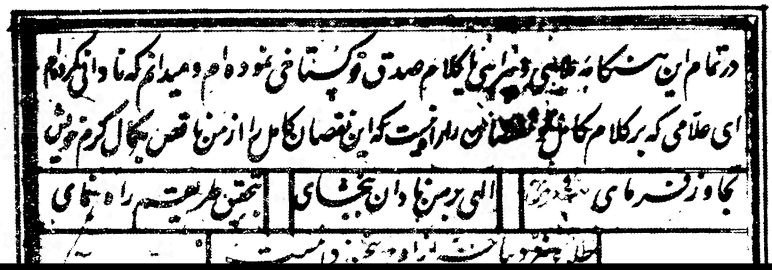










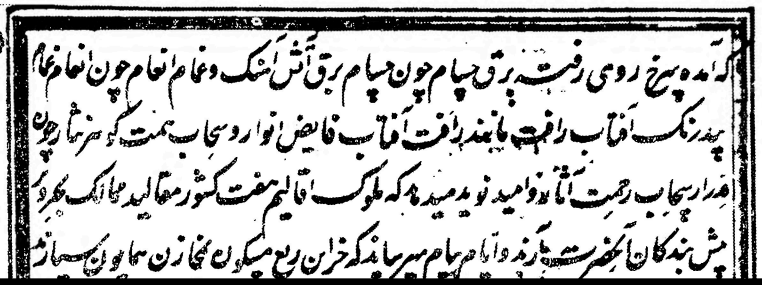


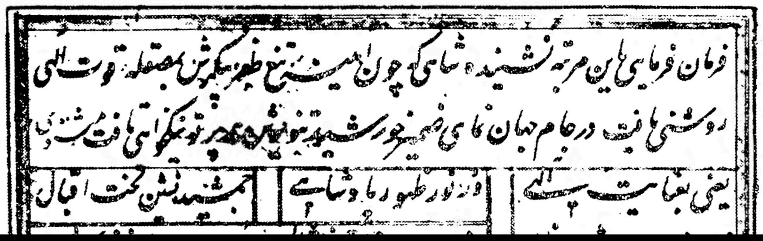
در تمام این هنگامه علامی و بیراهی یا کلام صدق تو گستاخی نموده ام و میدانم که نادانی کرده ام
ای علامی که بر کلام کامل تو نقصان را راه نیست که این نقصان کامل را از من ناقص بکمال کرم خویش

تجاوز فرمای	الهی بر من نادان ببخشای	بتحقیق طریقم راه نمای

[illegible]

در آمینهٔ جمال نمود و ماه روی دلکشای کلام نقاب حجاب از رخسار ماه تمام
کشود برین وجه که مؤلفی مشتمل بر ولادت باسعادت و تاریخ بعضی از واقعات
آنحضرت مرتب سیازد و فتوحات متواتر که از مبدا عهد باز روی داده خالی از شوائب

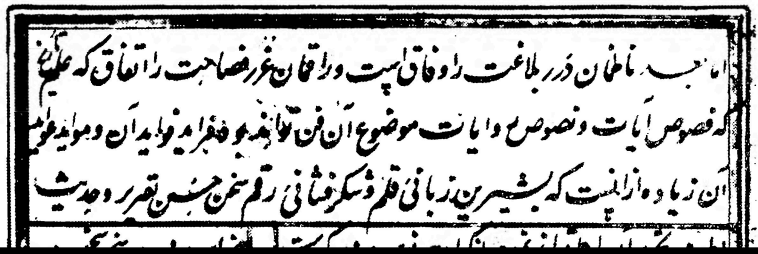


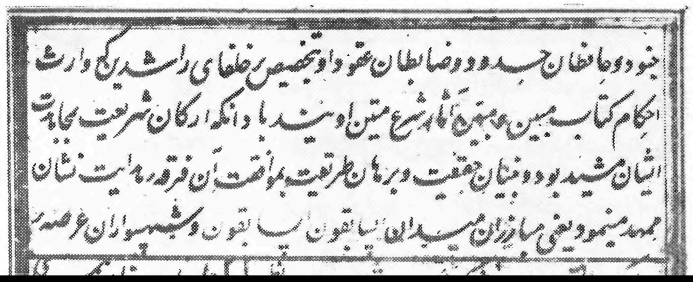


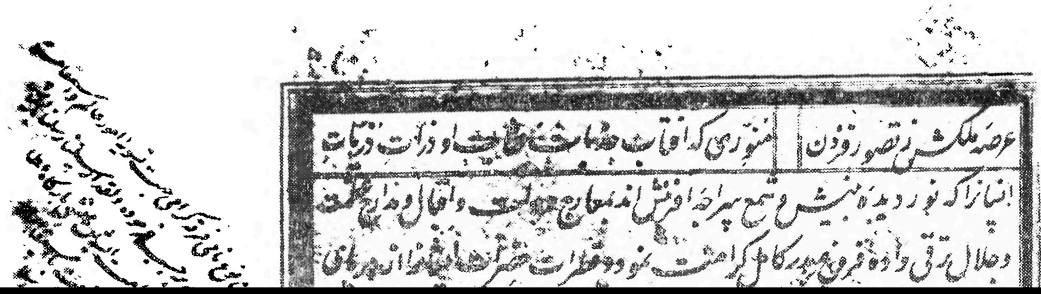
فرمان فرمای این مرتبه نشینده شاهی که چون آیینه تیغ ظفر پیکرش بمصقله قوت الهی
روشنی یافت در جام جهان نمای ضمیر خورشید تنویرش همه پرتو نیکخواهی تافت مثنوی

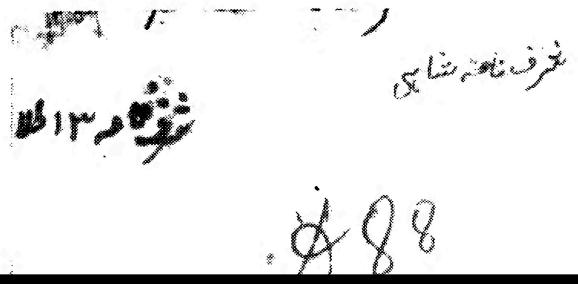
یعنی بعنایت الهی | وز نور ظهور پادشاهی | جمشید نشین تخت اقبال

میکشود و پیوسته بر صفحهٔ بال و صحیفهٔ خیال مضمون این مقال نقش میفرمود که در فن تاریخ کتابی
انشا سازد و در آن صنعت بدیع آیین در غایت تکلف و تزیین هرگونه سخن پردازد اما بواسطهٔ آنکه
گردون دون و چرخ سپهر بوقلمون بعلت طبیعت واژون اقتضای سرگشتگی مینمود آن
معنی در حجاب استتار مانده بود و آن صورت در نقاب انتظار مانده هیچ وجه پرده از رخ









حافظ تنیش ابن امیر محمد بخاری

شرف نامه شاهی

